

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2021. № 471. Октябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 471. October

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robeyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philo-
logy, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekhaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: К вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья вторая	5
Григоренко Р.А. «Вояж» из России в Сибирь: образы ссыльных на страницах прозы Н.М. Ядринцева и опыт формирования областнического литературного канона	14
Киселев В.С. П.А. Вяземский и В.А. Жуковский в 1807–1829 гг.: история личных и творческих отношений (по материалам переписки)	21
Куликова В.А. Градуальность словообразовательных средств выражения оценки (на материале новообразований в интернет-СМИ XXI в.)	39
Степовая В.И. Англоязычная рецепция комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в театральной переводческой интерпретации Питера Рэби и Майкла Лэнгхэма	51
Чекушин В.В. Апелляции к классической литературе как способ трансляции общественно-политических идей в публицистике Вл.М. Крутовского	59

ФИЛОСОФИЯ

Гиренок Ф.И. Проблема воздействия души на тело	67
Зазулина М.Р. Базовые метафоры в социологии как отражение пространственно-временных характеристик социального	73
Персидская О.А. Когерентность социальных процессов в топиках социального порядка и беспорядка: к концепту интерстициального возникновения	81
Яковлева И.В., Косенко Т.С. Феноменологический анализ российского образовательного пространства	87
Яркова Е.Н. Истоки и смысл спекулятивного реализма: к проблеме генезиса новых онтологий	93

ИСТОРИЯ

Бейсебаев Р.С. Развитие угольной промышленности Кыргызстана: исторический опыт, современное состояние и пути выхода из кризиса	101
Григорьев С.А. Проблема южносибирских контактов в формировании китайской металлургии бронзового века	109
Зиновьев В.П. Экономические общества в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX в.	120
Карин А.Д. Деятельность Дж. Бима на посту посла США в Польской Народной Республике и проблема развития американо-польских отношений в годы президентства Д. Эйзенхауэра	127
Коновалов И.А. Особенности системы местного государственного управления и самоуправления в Сибири в XVIII – начале XX в.	133
Корсукова О.О. «Советская благотворительность» 1920-х гг. (на примере провинциальной Тюмени): научные мифы и реальность	139
Маклюков А.В. Крупное энергетическое строительство на Дальнем Востоке СССР в середине 1960–1980-х гг.	151
Морозов С.В. К вопросу о несостоявшейся превентивной войне маршала Пилсудского против Германии в 1933 г.	160

CONTENTS

PHILOLOGY

Ayzikova I.A. Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article Two	5
Grigorenko R.A. A "Voyage" from Russia to Siberia: Images of the Exiled in Nikolai Yadrintsev's Prose and the Experience of Forming the Regional Literary Canon	14
Kiselev V.S. Pyotr Vyazemsky and Vasily Zhukovsky in 1807–1829: The History of Personal and Creative Relationships (Based on Correspondence)	21
Kulikova V.A. Graduality of Word-Formation Evaluative Means (On the Material of Neologisms in the Internet Media of the 21st Century)	39
Stepovaya V.I. English Reception of Nikolai Gogol's Comedy <i>The Government Inspector</i> in Theatrical Translation Interpretation by Peter Raby and Michael Langham	57
Chekushin V.V. Appeals to Classic Literature in the Journalism of Vladimir Krutovsky as a Way of Broadcasting Sociopolitical Ideas	59

PHILOSOPHY

Girenok F.I. The Problem of the Influence of the Soul on the Body	67
Zazulina M.R. Master Metaphors in Sociology as a Representation of the Spatio-Temporal Characteristics of the Social	73
Persidskaya O.A. Coherence of Social Processes in Topics of Social Order and Disorder: To the Concept of Interstitial Emergence	81
Yakovleva I.V., Kosenko T.S. Phenomenological Analysis of the Russian Educational Space	87
Yarkova E.N. The Origins and Meaning of Speculative Realism: On the Problem of the New Ontologies Genesis	93

HISTORY

Beisebaev R.S. Development of the Coal Industry in Kyrgyzstan: Historical Experience, Current State, and Ways Out of the Crisis	101
Grigoriev S.A. The Problem of South Siberian Contacts in the Formation of Chinese Metallurgy of the Bronze Age	109
Zinovyev V.P. Economic Societies in the Cities of Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries	120
Karin A.D. The Activities of Jacob Beam as the US Ambassador to Poland and the Problem of the Development of US-Polish Relations During the Eisenhower Presidency	127
Konovalev I.A. Features of the Local Government and Self-Government System in Siberia in the 18th – Early 20th Centuries	133
Korsukova O.O. "Soviet Charity" in the 1920s (On the Example of Provincial Tyumen): Scientific Myths and Reality	139
Maklyukov A.V. Large-Scale Energy Sector Construction in the Far East of the USSR in the Mid-1960s–1980s	151
Morozov S.V. On the Failed Preventive War of Marshal Piłsudski Against Germany in 1933	160

Пушкаренко Е.А. Антисоветская пропаганда немецких властей на оккупированной территории СССР (на материалах генерального округа Беларусь)	170	Pushkarenko E.A. German Authorities' Anti-Soviet Propaganda in the Occupied Territory of the USSR (Based on the Materials of the General District of Belarus)	170
---	-----	--	-----

ПЕДАГОГИКА

Загrevский В.И., Загrevский О.И., Галайчук Т.В. Биомеханика динамической осанки в спортивных упражнениях и методика ее формирования	178	Zagrevskiy V.I., Zagrevskiy O.I., Galaichuk T.V. Biomechanics of Dynamic Posture in Sports Exercises and Methods of Its Formation	178
Пашенко Л.Г., Ниясова Н.С., Кульмамметева Э.С. Потенциальная готовность студенческой молодежи к участию во внеучебной состязательной физкультурно-спортивной деятельности	189	Pashchenko L.G., Niyasova N.S., Kulmammeteva E.S. Students' Potential Readiness to Participate in Physical Culture and Sports Competitions at Extracurricular Time	189
Червонный М.А., Швалева Т.В., Власова А.А. Исследование запросов учителей на подготовку студентов педагогического вуза по образовательным технологиям (на примере физики)	197	Chervonnyy M.A., Shvaleva T.V., Vlasova A.A. Research of Teachers' Requests for Training Students of a Pedagogical University in Educational Technologies (On the Example of Physics)	197
Чикнаверова К.Г., Воевода Е.В. Диaparонимы в текстах по специальности как потенциальные причины ошибок на лексико-семантическом уровне при обучении иностранному языку для специальных целей	205	Chiknaverova K.G., Voevoda E.V. Diaparonyms in ESP Texts as Potential Causes of Lexical and Semantic Errors in FLSP Teaching	205

PEDAGOGICS

ПРАВО

Волчецкая Т.С., Осипова Е.В., Авакьян М.В., Викторов А.А. Синергия цифровых технологий и графического моделирования в криминалистическом противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде	215	Volchetskaya T.S., Osipova E.V., Avakyan M.V., Viktorov A.A. Synergy of Digital Technologies and Graphic Modeling in Forensic Counteraction to the Spread of Extremism and Terrorism Ideology Among the Youth	215
Габов А.В. Темпоральные элементы института лишения ученой степени	223	Gabov A.V. Temporal Elements of the Institution of the Withdrawal of an Academic Degree	223
Енгальчев В.Ф., Зайцева О.В. Выявление объектов детской порнографии в виртуальном пространстве посредством дешифровки наименований и тегов	235	Engalychiev V.F., Zaytseva O.V. Identification of Objects Containing Child Pornography in the Virtual Space by Decrypting Their Names and Tags	235
Кожевников О.А., Нечкин А.В. Некоммерческие организации – иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ	242	Kozhevnikov O.A., Nechkin A.V. Nonprofit Organizations – Foreign Agents: Experience of Russia and Other CIS Countries	242
Коробеев А.И., Жмуров Д.В. Кибервиктимология фейка: первичное досье	250	Korobeev A.I., Zhmurov D.V. Cyber Victimology of Fake: A Primary Dossier	250
Самсонов Н.В. К вопросу о праве процессуального истца на возмещение судебных расходов	258	Samsonov N.V. On the Procedural Plaintiff's Right to Court Costs Reimbursement	258
Тыдыкова Н.В. Об уголовной ответственности за вред, причиненный в ходе эксплуатации высокоавтоматизированных и беспилотных транспортных средств	264	Tydykova N.V. On Criminal Responsibility for Damage Caused During the Operation of Highly Automated and Unmanned Vehicles	264
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	271	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	271

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882

И.А. Айзикова

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА М.Н. МУРАВЬЁВА И В.А. ЖУКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ). СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-012-00529.

Исследованы типологические сближения и преемственные связи учебных материалов по всемирной и русской истории придворных педагогов М.Н. Муравьёва и В.А. Жуковского. Выявлена преемственность концепций и читательского адреса, а также риторики и поэтики этих учебных текстов. Продемонстрировано своеобразие программы В.А. Жуковского и его материалов для преподавания всемирной и русской истории великому князю Александру Николаевичу, определяющее акцентом на тесной взаимосвязи истории с религией.

Ключевые слова: М.Н. Муравьёв; В.А. Жуковский; придворная педагогика; педагогическая проза; типологические сближения и расхождения; преемственность

В предыдущей статье [1] были рассмотрены типологические сближения и преемственные связи учебных материалов М.Н. Муравьёва и В.А. Жуковского по общим вопросам истории и воплотившихся в них исторических и педагогических концепций. В предлагаемой статье обратимся к учебным материалам Муравьёва и Жуковского по мировой и русской истории и характеру их преемственности.

Как уже указывалось нами, В.Н. Топоровым установлены системные связи литературного творчества и педагогической деятельности М.Н. Муравьёва и выделены три взаимосвязанные тематические группы в педагогической прозе писателя, посвященной истории: по общим вопросам истории, типологии исторических событий и процессов; по мировой истории и истории России (см.: [1. С. 1, 6–7]). На этом основании исследователь сближает Муравьёва, «пытавшегося в разных, многих и частных “историях” усматривать единое и общее», с основателями «морфологии истории» (О. Шпенглер), осмысливающими ее общие законы в соотнесении с ее живым течением [2. С. 769]. Собственно, все статьи Муравьёва по мировой и русской истории, написанные для великих князей Александра и Константина, сыновей Павла I, призваны конкретизировать, иллюстрировать «общие основания» истории. Жуковский, по сути, идет тем же путем, расставляя, однако, свои акценты в силу заметного расхождения общего понимания истории – имеется в виду акцентирование им тесной взаимосвязи истории с религией и верой в Бога (см.: [1]).

Сочинения Муравьёва по мировой истории посвящены истории античного мира и Европы в Средние века и в Новое время. Утверждая в своих записках, позднее опубликованных под заглавием «Мысли и замечания», что «Бог... покрывает собственную сущность свою неким облаком перед нашим взором» [3. Т. 2. С. 348], что «не испытаем, царствовал ли Он всю вечность прежде, нежели воссияли солнца», что «всё исчезает в человеческом понятии, когда оно возвышается к Творцу существ», что «сие понятие есть возвышеннейшая точка человеческих возможностей» [3. Т. 2. С. 370–371], Муравьёв, между тем, пишет в сво-

ем «Учении истории», что историку «ничего не оставлено дополнить догадкам. Таким образом, можем судить справедливо о Риме и Карфагене; и хотя знаем происшествия сии по одним римским историкам, до нас дошедшим, мы умеем исправлять пристрастные повествования победоносного народа уважением множества побочных обстоятельств» [3. Т. 1. С. 302–303].

Исходя из этого общего посыла, Муравьёв начинает курс по всемирной истории с истории Древней Греции и основания Рима. Этому посвящены статьи об участниках Троянской войны, об осаде Трои («Несогласие вождей пагуба народов», «Благоразумие, соединенное с мужеством, преодолевает, рано или поздно, величайшие препятствия»), об установлении гражданского общества в Греции (одноименная статья), о Римской империи и ее правителях. И далее освещается история европейского Средневековья и Нового времени: статьи об империи Каролингов, объединившей, после падения Римской империи, большую часть Западной и Центральной Европы («Вольность», «Пленники»), о крестовых походах («Общее благоволение к человеческому роду»), о колонизации Вост-Индии («Дружество великого человека»), о Европе времен Людовика Великого, Фридриха II («Пример государя», «Нравственное чувство») и т.д.¹. Отметим, что среди статей Муравьёва по общим вопросам истории и по всемирной истории нет ни одной, где излагалась бы христианская концепция истории и ее начала.

Большое внимание Муравьёв придает источникам знания об истории. Среди них древнегреческая и древнеримская мифология, предания, летописи, но на первом месте стоят труды историков, которые «открывают в порядке действий порядок начал» и «сливают дела однородные в одну последовательную нить» и «означают каждому из оных свою причину» («О истории и историках», [3. Т. 1. С. 308]). В статьях приводятся имена и труды Н. Макиавелли, Г.С.-Д. Боллингброка, Д. Юма, У. Робертсона, Э. Гиббона, Н. Фергюсона, Дж. Гиллиса и др. Особое место в изучении истории, прежде всего древней, от-

водится памятникам литературы. В этом отношении первыми и равновеликими называются имена Гомера, «первого писателя», «согласием стихов запечатлевшего в памяти предания славных дел, украшенных прелестями воображения», и Геродота, «древнейшего творца, которого история дошла до потомства» («Историки древности», [3. Т. 1. С. 313]).

В соответствии с общей концепцией истории все статьи Муравьева по всемирной истории объединяются ее пониманием как постоянного процесса, движимого нравственностью и просвещением. Вот только несколько фрагментов, подтверждающих это:

Беспрестанные заговоры честолюбивых, уверенных, что дерзость их будет подкреплена скудной чернью; ...новые чиновничества под предлогом восстановления республики... – таковы были ужасные ступени, по коим республика Римская, потерявшая нравы свои, низвержена была с верха сияния и величия своего («Учение истории», [3. Т. 1. С. 303]);

Повести всех народов начинаются временем... невежества («Героические времена», [3. Т. 1. С. 319]);

...ближайшие к нам переходы из дикости в гражданскую жизнь сохранены преданием и историей. Мы видим греков, еще рассеянных в лесах и питающихся желудями... Какая разность между сими греками и греками Периклова времени! («Противоположение дикости и просвещения», [3. Т. 1. С. 316]).

Примеры можно продолжать. Одним из двигателей всемирной истории, по Муравьеву, являются внутригосударственные междоусобицы и войны между государствами и коалициями, всегда означающие регресс или стагнацию. Статья, специально посвященная этой проблеме, «Раздробление и сединение государств», открывается «аксиомой»: «Почти все государства европейские чувствовали вредное действие разделения» [3. Т. 1. С. 341], и далее приводится множество примеров, подтверждающих этот тезис: «Таким образом разделилось владычество Александра Великого и сделалось наследством честолюбивых полководцев его. <...> Таким образом... огромное государство Карла Великого... раздроблено было на части...» [3. Т. 1. С. 341] и т.д. В статье «Слабость удельного правления», проследившая историю Древней Греции времен разделения на полисы, Муравьев указывает как на тяжелое последствие желания афинян быть «оплотом» в борьбе греков с персами на стремление первых владычествовать над всей Грецией, что привело в конечном итоге к Пелопонесской войне, «нарушившей равновесие греческой общей республики» [3. Т. 1. С. 347]. Опасным и губительным называется разделение Германии, России, Испании на отдельные земли и княжества, произошедшее в разное время и сдерживавшее развитие государств более или менее длительный период.

Стержнем практически всех статей Муравьева о всемирной истории является вопрос о роли человека в истории – он решается однозначно: личность движет историю, в зависимости от ее нравственности продвигая историю вперед или откатывая ее назад. Статья «Предприятие Аннибала против Рима» открывается следующим утверждением:

Едва вероятно, чтобы один человек мог столько приключить опасности народу сильному и торжествующему, сколько умел нанести Риму поражений и бедствий славный полководец карфагенский Аннибал. Введя отечество своею личною дерзостью в войну трудную и опасную, он извлекал из собственных дарований, хитрости, деятельности и постоянства беспрестанно возрождающиеся способы.

«Долгое время счастливый ужасом времени своего», Аннибал всё же «был остановлен в успехах» Фабием, Марцеллом и Сципионом Африканским. Последний победил Аннибала его же хитростями, «приблизив войну к стенам карфагенским, так, как Аннибал ласкался победить римлян в Италии» [3. Т. 1. С. 326].

Собственно, всемирная история выстраивается Муравьевым как галерея личностей, поворачивающих историю (общую и частные) в соответствии со своей нравственностью и уровнем образования. Среди них особое место занимают те, кто движет историю государств и народов. Хвала возводится тем, кто продвигает ее в сторону нравственности, культуры и просвещения. Такими изображены деятели искусств и науки, а также просвещенные монархи.

Предварительное знакомство великого князя Александра Николаевича с всемирной историей Жуковский, судя по его «Плану учения», включил в программу второго класса первого «приготовительного» периода обучения. Этот предмет он намеревался вести сам².

До нас дошли два написанные им с учебной целью конспекта, которые датируются концом 1820-х гг., скорее всего, 1828-м г. В первом конспекте, о котором речь шла в нашей первой статье, дается общее представление о времени, об истории, важности изучения всемирной истории, источниках знания о ней, к каковым относятся, как и в учебных изданиях Муравьева, древнегреческая мифология, язык, предания.

Показательно, что в этом небольшом по объему конспекте Жуковский находит место достаточно большому фрагменту, посвященному Геродоту:

Геродот, уроженец Галикарнасский, есть отец Истории и прозы. <...> Держа в руках нить преданий, он от времени настоящего дошел до времен баснословных, где исчезает свет истины и начинается сумрак басни, за коим следует мрак неизвестности. История его заключается в IX книгах, каждая из них названа именем одной из Муз. Геродот собрал предания народов, в его время известных и особенно описал славную войну греков с персами, коей был современником. Он читал свою историю на торжественном собрании греков. В толпе, внимавшей Геродоту, находился юноша. Он плакал, слушая чтение Геродотово. Слезы его были прекрасные слезы восторга и соревнования. Сей юноша был Фукидид. Он сам сделался великим историком, а его История в свою очередь воспламенила Демосфена, который оружием слова, окованным на Фукидидовой наковальне, долго сражался с могуществом Филиппа за слабую Грецию. (Демосфен восемь раз переписал Историю Фукидида, которую наконец узнал наизусть)» [4. Т. 11. С. 587].

Д.В. Долгушин указывает на близость этого фрагмента к «Эмилиевым письмам» Муравьева [4. Т. 11. С. 970–971]. Мы же отметим на сближения конспекта со статьями Муравьева «Историки древности», написанной им также в учебных целях:

Геродот есть древнейший творец, которого история дошла до потомства. <...> Славное отражение персов греками заключает достойным образом сочинение его, разделенное на 9 книг, названных именами Муз, из уважения к оным. Свидетелем восторга, произведенного чтением Геродотовых творений на Олимпийских играх, был юный афинянин Фукидид, и слезы соревнования ознаменовали в нем преемника и соперника Геродотова. В летах зрелой мудрости <...> Фукидид приступил к писанию истории [3. Т. 1. С. 313–314].

Второй конспект Жуковского строится на мысли о том, что «для объяснения хронологического порядка» необходимо знать «одно важное происшествие, от коего ведется летоисчисление. Прежде считали от сотворения мира, теперь... – от рождения Христа». Предлагается универсальная периодизация исторического процесса, которая носит одновременно аксиологический характер: «...все происшествия, описываемые историею, разделяются на два порядка. В одном заключаются происшествия до рождения Христова. В другом заключаются происшествия, случившиеся после Рождения Христова». Кроме того, Жуковский выделяет четыре периода всемирной истории: «история темная от Сотворения мира до 2000 до рождения», «история древняя от 2000 до Р.Х. и 500 после Р.Х. 25 веков. История средняя от 500 после рождения до 1500 – 10 веков. История новая от 1500 после Р.Х. до нашего времени – 3 с половиною века» [4. Т. 11. С. 591].

И далее, в опоре на Священное Писание, конспективно описываются основные события «времен темных»: сотворение мира и человека Господом, грехопадение первого человека, утратившего «чистый образ Божий»; изгнание Адама и Евы из рая, возникновение «первого народа», происходившего из «первого семейства» Адама и Евы; разделение «первого народа» на «многие народы», всемирный потоп, Вавилонское столпотворение, «основание первой всемирной империи – Вавилонской монархии и пришествие Авраама в Ханаанскую землю» [4. Т. 11. С. 593]. Главным источником знаний о «временах темных» и «основанием времен последующих» называются Книги Бытия.

В педагогических журналах Жуковского, «Собиратель» (1829) и «Муравейник» (1831), которые, судя по «Плану учения», должны были формировать у учеников «охоту к чтению», умение «правильно выражаться по-русски», знакомить их с «хорошими книгами – вернейшими друзьями частного человека и настоящими советниками государей», «заставляющими мыслить и возбуждать уважение ко всему человеческому» (из письма к императрице Марии Федоровне от начала июля (около 6 июля) 1828 г.; [5. С. 42]), также находим фрагменты, относящиеся к всемирной истории, концепция которой, как и в конспекте, органично соединяется со Священной историей и, как у Муравьева, с «историей естественной».

В «Плане» «Собирателя»³ статьи по данной теме были предусмотрены для обоих разделов журнала: «Отрывки, относящиеся к главным лекциям». Истории. Географии. Естественной истории. Религии» и «Выписки из классиков древних и новых, в стихах и прозе, относящиеся к главным лекциям» [4. Т. 11. С. 711]. Напрямую связанные «с материалом, изучаемым на уроках», они были «непосредственно интегрированы в учебный процесс» (см.: [6. С. 92]). Так, в первый номер журнала вошел перевод фрагментов из «Zur Philosophie und Geschichte» И.Г. Гердера «Смерть Адама», расширявший конспект «Всемирная история» в той его части, где речь идет о «первых семействах, образовавших первый народ». Во второй номер «Собирателя» вошел перевод «Общество человеческое, преобразованное в христианское» из «Истории Европы в Средних веках до новейшего времени после Венского конгресса» немецкого историка Ф.Х. Гассе, курс лекций которого Жуковский начинал слушать в ноябре 1826 г., в процессе подготовки к занятиям с великим князем⁴. Статья посвящена падению Римской империи, означавшему переход «из древней в новую историю». Важнейшей его предпосылкой называются «испорченные нравы римлян», против чего философия оказалась бессильной:

...она подкрепляла, успокаивала, спасала немногих; но толпу – знатных родом и чернь – угнетало постыдное рабство порока, разврата и нищеты. <...> Душная туча деспотизма, нравственного и политического, гражданского и военного, лежала над лучшими областями Европы, Азии, Африки, в царствование Тиверия и ненавистных его преемников, коих свирепое безумство обратило в клеймо поругания имена *Калигулы, Клавдиев, Неронов и Домицианов* [4. Т. 11. С. 231].

Главной предпосылкой упадка называется то, что в эти времена «мир остался без веры», следствием чего было уже всё остальное, в том числе и «поглощение бездною» «общественного и политического здания древнего света» и монархии, самой «твердой формы правления» [4. Т. 11. С. 231]. Спасение могло прийти и пришло только «с Неба», к человеческому роду «сошло *Евангелие креста*», которое принесло людям «истину самую возвышенную и простую»: «Евангелие любви христианской и веры христианской всё изменило: нравы и законы, искусства и науки, человека и народы, слабых и сильных, подданных и царей! <...> Убедительнее всех философий древности Евангелие изъяснило нам природу человека» <...>. Им восторжествовала нравственность» [4. Т. 11. С. 232].

По наблюдению Д.В. Долгушина, первый номер «Собирателя», особенно раздел «Выписки», «воспроизводит структуру и логику <...> конспекта по всемирной истории. В раздел «Выписки» Жуковский помещает несколько тематических блоков (каждый из них состоит из цитат, афоризмов и отрывков): «Ничтожность человека на Земле», «Памятники», «Поэзия», «Предание», «Письмо», «История». <...> эти блоки прямо соответствуют изложению материала в конспекте, а в некоторых случаях и совпадают с ним текстуально» [6. С. 98–99]⁵.

Выпуск «Собирателя» прекратился на № 2, но в архивах Жуковского сохранились материалы, относящиеся к этому учебному изданию писателя-педагога. В частности, для «Собирателя» был создан перевод «Тимолеон», с перевода «Параллельных жизнеописаний» Плутарха на французский язык, выполненного Д. Рикаром. Стержнем статьи являются два нравственных выбора, сделанные Тимолеоном в минуту опасности. Однажды он, рискуя собственной жизнью, спасает в сражении своего брата Тимофана. Второй раз, во имя спасения отечества, он отдает приказ убить брата, превратившегося со временем в тирана. Вопрос о нравственной оценке поступков Тимолеона в финале решается его новыми подвигами во имя отечества. Гимном мужеству и патриотизму звучит статья «Эпаминонд и Пелопид», названная именами древнегреческих героев (еще один перевод из «Параллельных жизнеописаний» Плутарха). «Речь философа Аполлония» (перевод первой части «Похвального слова Марку Аврелию» А.Л. Тома) представляет собой надгробную речь учителя над могилою ученика, римского императора Марка Аврелия, фигура которого привлекала к себе внимание Жуковского с 1800-х гг. своей добродетельностью и, главное, как образец просвещенного монарха.

Некая общая концепция развития Европы представлена в статье «Дух времени», которая также готовилась для «Собирателя». Центральным понятием здесь оказывается «дух времени», «нечто невидимое и тайно действующее во времена первобытные... в виде теократии у египтян, завоеваний – у римлян, торговли у карфагенян». Таким же «тайно действующим» «дух времени» остается в Средние века, он выражается в том, что «чудовищному» противодействует христианство. «С книгопечатанием дух времени получает голос, <...> он выражается громко во времена Реформации, <...> еще громче в наше время: требует реформы в отношении государей и подданных. Наше время есть переход из юношества в мужество: время утверждения общественного договора». Вместе с тем, современность Жуковский толкует как соответствующую «первым временам земли после потопа», называет ее «временем всеобщего преобразования» [4. Т. 11. С. 583]. Однако не все народы Европы, считает автор, готовы к мирным преобразованиям и договорам. Одни «должны быть допущены государями на совет», «за других должны действовать сами государи». К первому готовы Франция, Англия, Германия. В России государь должен «готовить народ» к такому договору, «без спеха, без своекорыстия, с постоянством благоразумным» [4. Т. 11. С. 583].

В течение 1831 г. под руководством и при участии Жуковского выходил еще один учебный журнал – «Муравейник». В нем публиковались, наряду с произведениями Жуковского, специально написанными или переведенными для журнала, ученические переводы великого князя Александра Николаевича, великих княжон Марии и Ольги, а также И. Виельгорского и А. Паткуля, в том числе и по всемирной истории. Уже в первом номере журнала был размещен перевод небольшого фрагмента из «Церковной истории английского народа» Беды

Достопочтенного, которого называют отцом английской истории. Перевод под заглавием «Обращение Нортумберландии в христианство» выполнил, думается, по предложению Жуковского, великий князь Александр. Пафос перевода совпадает с главными положениями рассмотренного выше перевода Жуковского, сделанного для «Собирателя», – «Общество человеческое, преобразованное в христианское». В этом же номере «Муравейника» опубликован еще один небольшой перевод великого князя под названием «Фридрих II», содержащий известный анекдот о короле Пруссии, приказавшем опустить пониже повешенный на стене пасквиль на него, «чтобы народу легче читать было» [4. Т. 11. С. 266].

В № 2 «Муравейника» размещен перевод фрагмента из «Zur Philosophie und Geschichte» Гердера – «Смерть Адама», выполненный великой княжной Марией Николаевной. Выбор исходного текста тоже принадлежит Жуковскому. Перевод чуть большего по объему отрывка под таким же названием был сделан им ранее для «Собирателя», о чем шла речь выше. В № 3 журнала помещен перевод великой княжны Ольги Николаевны, сделанный из «Моралий» Плутарха. Для перевода Ольге Николаевне был предложен фрагмент истории об афинских государственных деятелях, полководцах Аристиде и Фемистокле. Показательно названный – «Любовь к отечеству», фрагмент представляет образцовый поступок Аристида и Фемистокла, враждовавших между собой, но во благо родины забывших о личных разногласиях. Несколько переводов из «Муравейника» (в № 3, 5), сделанные Виельгорским и Паткулем, посвящены легендарным героям: Рагнару Лодброку и Аристоклему.

Уроки всемирной истории Жуковский продолжал давать своему ученику и позднее, в письмах к великому князю Александру Николаевичу 1830–1840-х гг.: напр., от 1 января 1833 г., фрагмент письма в 1835 г. был опубликован в «Библиотеке для чтения» под заглавием «Две Всемирные Истории. Отрывок письма из Швейцарии»; от конца января – начала февраля 1848 г., из которого выросли две статьи «Что будет?» и «Письма русского из Франкфурта» (переработка письма в статьи и их публикация были сделаны по желанию великого князя); от 3 (15) декабря 1848 г. – 19 (31) января 1849 г., письмо считается финальной точкой «царской педагогики» Жуковского (см.: [4. Т. 11. С. 817]). Ряд писем к великому князю 1848–1850 гг. идейно и тематически связаны со статьёй «О происшествии 1848 года». Подчеркивая синтезизм указанных поздних статей Жуковского, выросших из его писем к великому князю⁶, и не останавливаясь на них, поскольку они достаточно подробно исследованы, отметим лишь, что акцентными в них оказываются пафос Божественной предопределения мировой истории, усиленный, по сравнению с учебными материалами писателя; постановка на материале европейской истории актуальнейших проблем революционного вмешательства в историю, причин и последствий европейских революций, современником которых стал Жуковский; и роли личности, прежде всего просвещенного монарха, в истории.

Переходя к рассмотрению учебных материалов Муравьева и Жуковского по русской истории, необходимо прежде всего отметить, что они, как и материалы по всемирной истории, построены на основании их концепций по общим вопросам истории, имеющих как точки сближения, так и значительного расхождения, о чем было сказано в нашей первой статье и в данной статье выше.

Комплекс материалов по русской истории Муравьева, входящий, по классификации его творческого наследия В.Н. Топоровым, в текст «История», представлен, по оценке исследователя, «полнее всего», «с древнейших времен по XVIII век включительно» [2. С. 747]⁷. Корпус учебных текстов Муравьева по истории России включает в себя изданный в 1790 г. сборник «Разговоры мертвых», составленный по образцу «Параллельных жизнеописаний» Плутарха, цикл «Письма к молодому человеку о предметах, касающихся Истории и описания России», а также отдельные статьи (в целом их более 40, объемом в 2–3 стр.).

Общая концепция древнерусской истории Муравьева изложена в статье «Краткое начертание российской истории». Древняя история России ведется в ней от времен великого переселения народов, которое заложило основу для возникновения в Европе многих новых государств, в том числе и Древней Руси. Важнейшими вехами её становления называются возвращение славян с берегов Дуная, «на которых искали себе убежища от Уннов» на север, в разрушенный Словенск, их разделение в этом походе на племена, «сооружение града Киева» в 430 г. и «возобновление» «древнего града» в Приильменье «под именем Новгород» [3. Т. 1. С. 5], покорение последнего «нормандцами» и, наконец, призвание в 862 г. на княжение в трех городских областях варягов: Синеуса, Трувора и Рюрика. Во втором периоде русской истории из трех потомков Рюрика выделен «счастливейший Владимир», который, получив «дар святой веры» в 988 г., «разливает с кротостью нравов новую мудрость письмен и учения» [3. Т. 1. С. 8]. 1224 г. – год окончания второго периода русской истории – обозначен Муравьевым «несчастливым сражением на реке Калке», которое было проиграно из-за междоусобиц русских князей и закончилось вторжением на территорию Руси войск Чингисхана, «безумная воля» которого низринула «целый народ на столетия в невежество и уничижение» [3. Т. 1. С. 21].

Закономерными последствиями этого события, между тем, стало единение народа российского, готовившегося в битвах с печенегами и половцами «быть оплотом Европы от разливания варварских народов», и становление монархии в недрах междоусобных войн [3. Т. 1. С. 22]. Нравственный смысл истории как закон ее развития, утверждает Муравьев, приводит к тому, что «то же зло, коим» Древняя Русь «была низвержена», стало «поводом» к ее возвышению, но уже в новом государственном и социальном статусе. Такой итог подводит Муравьев почти 15–17-вековой российской истории. Концепция, изложенная в «Кратком начертании российской ис-

тории», конкретизирована, расширена в статьях «Соединение удельных княжеств в единое государство», «Древние области Новгорода», «Историческое изображение России в VII веке», «Черты государственного установления» и др.

«Разговоры мертвых» передают эту концепцию «в лицах», что, конечно, не было описанием истории «домашним образом», но уже проецировало *общую* и *частные* истории друг на друга, связывала их, прежде всего, понятием нравственности. В.Н. Топоров по этому поводу заметил следующее: «Если “предисловные” фразы к каждому из “Разговоров” выписать и соединить вместе, то получится цельноединый текст смысла истории, извлеченного из ее уроков», и далее ученый создает такой метатекст, квинтэссенцию рассматриваемого цикла Муравьева (см.: [2. С. 751–753]). Кроме того и в связи с этим отметим и еще одну особенность учебных текстов данного цикла – органичное сочетание в них документального и художественного, объективного и субъективного начал, из переплетения которых и состоит история и наука о ней. Важно в этом отношении обратить внимание и на композиционный принцип всех отдельных «Разговоров» и цикла в целом: они строятся в форме диалога личностей, живших в разные эпохи и в разных странах, сделавших разные вклады в историю: Гостомысл и Ярослав I, Владимир и Карл Великий, Ярослав и летописатель Нестор, Владимир Великий и Иоанн Васильевич и т.д. – из этих диалогов складывалась целая, живая, подвижная картина истории российской.

В другом цикле учебных материалов Муравьева история предстает в письмах («Письма к молодому человеку о предметах, касающихся истории и описания России»): те же идеи, факты, личности описываются в эпистолярной форме, подчеркивающей личный характер и нарратива, и отношений учителя и ученика, занятых одним предметом – постижением отечественной истории.

Особенностью названных и других учебных материалов Муравьева по русской истории, отмеченной В.Н. Топоровым, является их обращенность к геополитике, к идее тесной связи «времени и места», истории и пространства, в котором происходят события. Важна для Муравьева и вписанность русской истории в европейскую и всемирную, в систему общих законов исторического развития человечества. Но самый главный контекст истории, по Муравьеву, это контекст законов нравственности, культуры, науки и искусства, литературы в том числе. Всё это, вместе взятое, и должно было создавать у ученика системное, универсальное, целостное представление об истории.

Нетрудно заметить те же подходы к пониманию русской истории и особенностей ее преподавания царским детям у преемника Муравьева – Жуковского. Причины этого видятся в фигуре, тесно связывающих их и как историков, и как преподавателей истории, и как воспитателей наследников царского престола. Речь идет о Н.М. Карамзине. Если Муравьев «своей деятельной, энергичной, в высшей степени ответственной и благожелательной помощью» способствовал созданию и публикации «Истории государства Российского»⁸, то Жуковский явился верным преем-

ником исторических взглядов Муравьева и Карамзина (см.: [8–14]).

Как известно, важнейшие исторические сочинения Жуковского, написанные с учебной целью для великого князя Александра Николаевича в конце 1820-х – начале 1830-х гг., были созданы в опоре на «Историю государства Российского», что отражалось даже в их заглавиях. «Введение в Историю государства Российского», концептуально охватывающее историю и географию России с древнейших времен до царствования Николая I, как отмечается многими учеными, создавалось на основе таблиц и конспектов, составленных при изучении «Истории...» Карамзина во второй половине 1820-х гг., хотя сегодня реконструирован широкий круг источников «Введения» Жуковского (см. комментарии Т. Гузаирова к «Введению...» в: [4. Т. 11. С. 685]).

Еще одно учебное пособие, использовавшееся Жуковским при преподавании курса русской истории в первом периоде учения великого князя, «Черты Истории Государства Российского», тоже строится на конспектах сочинения Карамзина. По первоначальному замыслу, оно должно было охватить период с 862 по 1462 г. (см. такую же периодизацию Муравьева в его статье «Эпохи российской империи»), но описание было доведено до 1237 г., как во «Введении...». Пособие не было завершено и получило впоследствии подзаголовок «Отрывок», предложенный Д.Н. Блудовым при публикации (см.: [4. Т. 11. С. 692–704]). Третье учебное пособие Жуковского по русской истории, впервые опубликованное в 1834 г. под заглавием «История Государства Российского. Древняя история. II. Времена уделов. III. Свержение ига татарского. 1363–1462» продолжает «Черты Истории...». Вторая и третья части пособия, по наблюдению В.С. Киселева, являются «сжатым изложением «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина» (см. подробнее: [4. Т. 11. С. 704–708]).

Передавая преподавание русской истории великому князю другим учителям, Жуковский продолжал давать «уроки русской истории» своим ученикам в других формах. Так, ряд статей на данную тему вошел в педагогический журнал Жуковского «Муравейник». В его втором номере размещен перевод великой княжны Ольги Николаевны с французского языка, озаглавленный «Суворов на Сен-Готаре» (источником перевода предположительно являются сочинения генерала Жомини о походах Суворова в Италии и Швейцарии). Перевод представляет собой небольшой рассказ о переходе русских солдат под предводительством знаменитого полководца А.В. Суворова через альпийский горный перевал для разгрома французских войск в Швейцарии. В № 4 опубликовано извлечение «О Петре Великом» из альманаха «Русская старина» на 1825 г. А.О. Корниловича, также сделанное великой княжной Ольгой Николаевной. Извлечение представляет собой «портрет» выдающейся личности: описание внешнего вида монарха, его одежды, манер поведения, распорядка дня, отдельных историй из его жизни. Все эти зарисовки объединены представлением Петра Великого как уникальной личности, характеризующейся трудолюбием, свободой мысли и дела,

демократизмом, бескорыстной заботой о России, интересом ко многим наукам и ремеслам: всё это подчеркивает в Петре Великом личность нового европейского типа, поворачивающего силой своего характера и убеждений страну на новый путь развития.

В № 5 опубликован фрагмент, принадлежащий великому князю Александру Николаевичу, под заглавием «Александр Невский». Фрагмент является «классным сочинением» великого князя (1831 г.). К его написанию Александра Николаевича подтолкнуло письмо Жуковского от 1 января 1828 г., в котором объясняется картина немецкого художника К.Г. Каруса (установлено Л.И. Вуич), подаренная поэтом воспитаннику в день официального начала обучения наследника престола. В этом письме Жуковский рассказывает предание об отроке Александре Невском. Приведем фрагмент письма Жуковского:

...я велел написать эту картину, которую теперь отдаю Вам, с тем, чтобы она, в добрые минуты Вашей жизни говорила Вам о верной любви Жуковского. Вот изъяснение этой картины.

Предание рассказывает нам, что великий князь Александр, после прозванный Невским, зашел однажды на высоту, окруженную утесами. Где это было, неизвестно. Александр тогда еще был отрок, то есть Ваших лет, или может быть двумя или тремя годами старше вас. Тогда он еще ничего великого не сделал и не мог сделать; но он уже начинал понимать, кто он, к чему должен был готовиться и чего от него ожидают. Занималось утро, когда он увидел себя на этой высоте, окруженной утесами. Выходить на нее было очень трудно; но когда он до нее дошел, то глазам его представилось зрелище восхитительное. Небо освещено было зарею; утренняя звезда, означаящая приближение солнца, ярко сияла над востоком. За утесами открывалась необъятная равнина, сияющая в лучах утра, усыпанная жилищами человеческими, украшенная разнообразными творениями Бога: для всех них уже миновалась темная ночь, для всех уже было готово взойти прекрасное Божие солнце. Молодой Александр (назначенный Богом благотворить целому народу, подобно этому солнцу, благотворящему целой земле) долго смотрел на величественное зрелище, его окружавшее, долго смотрел на звезду утреннюю и на восток, который час от часу становился блистательнее. И прекрасная душа его поняла то, что он видел: он подумал о самом себе, подумал о земной своей участи, подумал и о Том, кто послал его на землю... и он сжал с молитвою руки, произнес великое имя Бога и сказал с покорною твердостью: да будет Твоя воля!

Эта прекрасная минута жизни Александра Невского изображена здесь на картине. Что же значит слово, произнесенное им в такую минуту, о том буду с Вами говорить тогда, когда придете в состояние понимать меня. Теперь же прибавлю одно: Александр Невский жил для блага своих современников, Александр Невский жил и для блага потомков, ибо мы, его потомки, и по прошествии нескольких веков, с благодарностью подходим к его гробу. Пример добрых дел есть лучшее, что мы можем даровать тем, кто живет вместе с нами; память добрых дел есть лучшее, что можем оставить тем, кто будет жить после нас.

Но память этого Александра, любезная для всех потомков его вообще, должна быть любезна особенно для Вас: Вы названы его именем; ему вверены Вы при рождении, он Ваш невидимый на земле товарищ; он особенный, тайный свидетель и судия Ваших поступков. Не забывайте же своего товарища! Старайтесь быть достойными носить на себе его имя! [15. Т. 6. С. 375–376].

Сравним с классным сочинением великого князя:

Александр и в юности был чувствителен к красотах природы: они всегда возносили душу его ко Всевышнему. Однажды в пустынном месте застигла его ночь; от усталости он погрузился в сон; утро занималось, когда он пробудился; на краю востока сверкала звезда, предшественница солнца. Александр увидел, что он находился на возвышенном месте, окруженном утесами; всё было дико; но между терновником цвели прекрасные лилии. С высоты представлялось необъятное пространство, еще покрытое мраком. Но скоро сей мрак начал редеть: открылась глазам обширная равнина, усеянная холмами, рощами, посреди коей извивалась пышная река и повсюду являлись спокойные жилища человеческие. Небо, между тем, более и более воспламенялось; наконец утренняя звезда начинает бледнеть и исчезает в блеске восходящего солнца. Александр долго смотрел на сие величественное зрелище; наконец он понял его таинственное знаменование, сложил руки, пал на колена и, решившись, во глубине души, быть для народа своего тем, что солнце сие для всего мира, смиренно произнес: «Да будет Твоя воля». Александр исполнил то, что в эту минуту обещал себе и Богу: он сделался образцом государей и героев. Свое княжение в Новгороде ознаменовал он блистательными победами. Но история еще более удивляется его истинно христианскому смирению. Его подданные, не привыкнув переносить иго татар, возмущались и убивали посланных для собирания податей: Александр, чувствуя, что подобное сопротивление только увеличит бедствие России, а не спасет ее, забывал свое достоинство и смиренно испрашивал помилования подданным у надменных татарских ханов. Россия, в знак благодарности за его самопожертвование для блага общего, причислила его к лику святых [4. Т. 11. С. 311–312].

Текст сочинения Александра Николаевича, как видим, довольно точно передает предание об отроке Александре, «после прозванном Невским», которое Жуковский изложил своему ученику в письме. В полном объеме переданы пафос избранности Александра Невского, божественного предопределения его судьбы, идея воскресшего в нем Христа, который являл свои действия в Александре Невском как в апостолах, мысли об отождествлении жизни святого с историей России, с ее историческим предназначением. Воспринят был великим князем и воспитательно-дидактический смысл письма Жуковского, проводимые им параллели между Александром Невским и названным его именем великим князем, которому суждено было определять историю России⁹.

Наконец, следует отметить, что и по русской истории Жуковский продолжал давать уроки своим ученикам из царской семьи уже в 1830–1840-е гг. Так, «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 г.», описывающее торжественное открытие Александровской колонны, состоявшееся в день тезоименитства покойного государя Александра I и наследника престола Александра Николаевича, по замечанию Т. Гузаирова, своим «идейно-тематическим содержанием» «тесно связано с изучением Жуковским русской истории, созданием исторических пособий для наследника престола». Обращенная к «идеологическому комплексу наступления “прекрасной эпохи”» [4. Т. 11. С. 763], по сути, статья была обращена к наследнику престола, которому, по глубокому убеждению Жуковского, суждено открыть эту эпоху для России. Очерк «Бородинская годовщина» (1839) представляет собой фрагмент письма поэта-педагога к великой княгине Марии Николаевне. В нем описывается празднование на Бородинском поле по случаю 27-летней годовщины Бородинского сражения, которое соотносится с впечатлениями Жуковского, участника Бородинского боя 26 августа 1812 г., и его историософскими мыслями о благом Провидении как генерирующем двигателе истории и размышлениями о связи прошлого России с ее будущим и будущим Европы. Статью «О бракосочетании наследника» Жуковский, судя по замечанию в дневнике от 20 апреля/2 мая 1841 г., читал на завтраке у императрицы («У императрицы на завтраке. Чтение моей статьи» [4. Т. 14. С. 256]). Бракосочетание великого князя Александра Николаевича и великой княгини Марии Александровны осмыслено не только как важное личное событие в «семействе царском», но и «счастливейшее событие для всей России». Названные нами выше статьи «Что будет?», «Письма русского из Франкфурта», «О происшествиях 1848 года», выросшие из писем наследнику престола, «Русская и английская политика», содержание которой им было одобрено, по праву могут встать и в ряд сочинений Жуковского по русской истории, которая постоянно вводилась им в европейский контекст.

Таким образом, изучение педагогической прозы Муравьева и Жуковского по всемирной и русской истории выявляет множество перекличек типологического характера, определяемых восприятием исторического процесса как постоянно изменяющейся целостности, порождаемой пересечением вертикального (сверхчеловеческого, у Жуковского – собственно, божественного) и горизонтального (человеческого) уровней. Их сближает и понимание авторами особенностей целевого назначения и читательского адреса своих учебных изданий: все они создавались не только для обучения, но и для воспитания будущих русских монархов. Отсюда авторская позиция учебных текстов по истории Муравьева и Жуковского – позиция историка-воспитателя. Отсюда же риторика и поэтика этих учебных текстов: настойчивое акцентирование нравственного смысла истории, роли личности в истории, значения культуры, науки и искусства как реальных двигателей исторического процесса, активное использование принципа художественного документализма в учебных текстах, что во многом

связано с их общим образцом – карамзинской «Историей государства Российского».

Продолжая мысль В.Н. Топорова о большой роли Муравьева в создании «Истории...» Карамзина, можно говорить о не меньшем значении учебных сочинений по истории Муравьева для Жуковского-педагога, преподавателя истории великому князю. Жуковский использует многие исторические идеи Муравьева и принципы их воплощения в учебно-воспитательных

сочинениях. Вместе с тем очевидно их закономерное обновление и на концептуальном уровне, и в формах изображения истории в документально-художественном учебном тексте. Введение концептуально важных для Жуковского идей, связанных с трактовкой всемирной и русской истории в соответствии с идеями христианской веры, отозвалось не только в содержании его педагогической исторической прозы, но и в ее жанрово-стилевых особенностях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все эти статьи – из цикла с характерным названием «Опыты истории».

² С 1829 г. для преподавания истории были приглашены «специальные учителя, для русской — К.И. Арсеньев, для всеобщей — Ф.И. Липман» (см.: [4. Т. 11. С. 969]).

³ Как считает Д.В. Долгушин, «по большому счету, “Собиратель” – это журнал одного автора (все помещаемые в нем материалы писались и подбирались Жуковским) и одного читателя – великого князя Александра Николаевича. Конечно, его могли читать и другие – например, товарищи великого князя по учебе И. Виельгорский и А. Паткуль. <...> Однако и подбор, и содержание текстов были рассчитаны именно на Александра Николаевича: главную задачу журнала Жуковский видел в том, чтобы помещенные в нем материалы способствовали воспитанию и образованию будущего Государя» [6].

⁴ По сообщению А.И. Тургенева, который слушал курс вместе с Жуковским, Гассе была прочитана отдельная лекция «о следствиях христианской религии и о вступлении из древней в новую историю». См.: [7].

⁵ То же самое можно утверждать и в отношении раздела во втором номере «Собирателя».

⁶ См. об этом подробно: [8. Гл. 4].

⁷ В.Н. Топоров прежде всего отдает должное муравьевскому принципу периодизации учебного материала по эпохам, что было характерно и для статей Муравьева о всемирной истории. Эпоха выделяется Муравьевым по ключевому историческому содержанию (событиям, идеям) и властвованию той или иной личности. В древней истории России Муравьев выделяет три эпохи: до 862 г. – «учреждение единоначалия»; 862–1224 гг.: «разделение России» и 1224–1462: «покорение России» (об этом Муравьевым написаны три одноименные статьи, собранные в цикл «Эпохи Российской Империи»).

⁸ См. об этом [2. С. 759–760 и далее опубликованные В.Н. Топоровым письма Карамзина к Муравьеву, «из которых многое о добрых делах» последнего в отношении первого можно узнать: С. 760–768].

⁹ По мнению Т. Гузаирова, великий князь расставил свои акценты в сочинении об Александре Невском, подчеркивая в нем «традиционные героические черты и христианские добродетели». По мнению исследователя, «на стилистику и идейный план сочинения наследника о Невском могли повлиять мемуары Николая Павловича. <...> В 1831 г. государь написал первую и вторую тетради своих мемуаров, которые, по свидетельству самого Александра Николаевича, читались в семейном кругу. Главные качества, которые подчеркивал в себе Николай I в записках – самопожертвование и героизм». Т. Гузаиров усматривает в сочинении Александра Николаевича «арену столкновения точек зрения: его наставника и отца. Отец – император Николай I – влияет на сына гораздо глубже, следствием чего является однозначное восприятие (здесь исследователь ссылается на письма к А.И. Тургеневу и гр. Разумовской. – И.А.) цесаревичем Александра Невского в традиционном военно-героическо-христианском ключе. Напротив, влияние Жуковского на его ученика оказывается внешним, ограниченным, проявившимся лишь на уровне заимствования сюжета; наследник, переписывая на своем языке письмо Жуковского 1828 г., не воспринимает его концепции просвещенного государя, в основе которой лежит представление о „памяти добрых дел“» (см.: [16]). Пожалуй, это утверждение звучит излишне прямолинейно, сочинение великого князя, на наш взгляд, дает возможность интерпретировать его так, как предлагается в нашей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 5–12.
2. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II, кн. I: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации; М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
3. Муравьев М.Н. Сочинения : в 2 т. СПб., 1847.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 22 т. М., 1999 – по наст. время.
5. Годы учения Его императорского Высочества Наследника цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего государя императора // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1880. Т. 30. С. 39–43.
6. Долгушин Д.В. Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья вторая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 26. С. 88–102.
7. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский и А.И. Тургенев в литературных кружках Дрездена // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Т. 5. С. 164–165.
8. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск, 2004. 403 с.
9. Канунова Ф.З. Русская история в чтении и исследованиях Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 400–465.
10. Канунова Ф.З. О философско-исторических воззрениях Жуковского (по материалам библиотеки поэта) // Жуковский и русская культура. Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 32–45.
11. Канунова Ф.З. Карамзин и Жуковский (некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки В.А. Жуковского) // XVIII век. СПб., 1988. Сб. 16. С. 130–138.
12. Канунова Ф.З. Н.М. Карамзин в историко-литературной концепции В.А. Жуковского (1826–1827) // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 337–346.
13. Гузаиров Т. «Черты истории государства Российского» В. А. Жуковского: источниковедческая проблема как идеологическая // Русская филология. 13. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2002. С. 47–53.
14. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог Николаевского царствования : дис. ... д-ра философии по рус. лит. Тарту, 2007. 153 с.
15. Жуковский В.А. Сочинения. 7-е изд. В 6 т. СПб., 1878.
16. Гузаиров Т. Жуковский – историк «великой минуты» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). Тарту, 2005. С. 80–104. URL: <https://www.ruthenia.ru/document/539714.html>.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 сентября 2021 г.

Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article Two

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/471/1

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Mikhail Muravyov; Vasily Zhukovsky; court pedagogy; pedagogical prose; typological convergence and divergence; continuity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

Two of the author's articles examine the problem of the typological convergence and continuity of Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's educational materials on history. The first article, published earlier, presents the results of comprehending this problem based on essays on general issues of history, while this article concentrates on works on world and Russian history. The author considers Muravyov's textbooks on the history of the ancient world, Europe in the Middle Ages and in modern times in comparison with Zhukovsky's educational notes on world history, articles on this topic included in his pedagogical journals *Sobiratel'* [Collector] and *Muraveynik* [Anthill], as well as articles of the 1830s and 1840s created on the basis of letters to Grand Duke Alexander Nikolaevich. The objects of the study also were a set of Muravyov's educational materials on Russian history, covering it from ancient times to the 18th century, inclusive, and the most important historical works Zhukovsky wrote for educational purposes for the Grand Duke in the late 1820s – early 1830s: "Introduction to the History of the Russian State", "Features of the History of the Russian State" and "History of the Russian State. Ancient History", articles from the above-mentioned journals and the poet's late journalism directly related to his letters addressed to the heir to the throne. The study of Muravyov's and Zhukovsky's pedagogical prose on world and Russian history reveals a lot of typological similarities, which are determined by the perception of the historical process as a constantly changing integrity generated by the intersection of the vertical (superhuman, or actually divine, according to Zhukovsky) and horizontal (human) levels. The prose is also brought together by the peculiarities of the intended purpose and reader: it was all created not only for training, but also for the upbringing of future Russian monarchs; hence the author's position of Muravyov's and Zhukovsky's educational texts on history – the position of the historian-educator, and hence their rhetoric and poetics. The texts contain a persistent emphasis on the moral meaning of history; the role of the individual in history, the importance of culture, science and art as real engines of the historical process. Muravyov and Zhukovsky actively apply the principle of artistic documentalism in educational texts, which is largely due to their common model – Karamzin's *History of the Russian State*. Both actively use many of Karamzin's historical ideas: Muravyov first formulated and enforced the principles of their implementation in his educational works, Zhukovsky was his faithful successor. At the same time, it is obvious that Zhukovsky's educational materials are naturally updated both at the conceptual level and in the forms of depicting history in the educational text. The introduction of interpretation of world and Russian history in accordance with the ideas of the Christian faith, conceptually important for Zhukovsky, was reflected not only in the content of his pedagogical historical prose, but also in its genre and style features.

REFERENCES

1. Ayzikova, I.A. (2020) Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/461/1
2. Toporov, V.N. (2001) *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Vol. II. Book 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Murav'ev, M.N. (1847) *Sochineniya: v 2 t.* [Writings: in 2 volumes]. St. Petersburg: A. Smirnin.
4. Zhukovskiy, V.A. (1999–present) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 22 t.* [Complete works and letters: in 22 vols]. Moscow: YaSK.
5. Imperial Russian Historical Society. (1880) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 30. pp. 39–43.
6. Dolgushin, D.V. (2021) Educational Periodicals in the "Court Pedagogy" of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 26. pp. 88–102. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/23/1
7. Veselovskiy, A.N. (1905) V.A. Zhukovskiy i A.I. Turgenev v literaturnykh kruzhkakh Drezdena [V.A. Zhukovsky and A.I. Turgenev in the literary circles of Dresden]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5. pp. 164–165.
8. Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V. A. Zhukovskogo* [Genre and style system of V. A. Zhukovsky's prose]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kanunova, F.Z. (1978) Russkaya istoriya v chtenii i issledovaniyakh Zhukovskogo [Russian history in the reading and research of Zhukovsky]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's book collection in Tomsk]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 400–465.
10. Kanunova, F.Z. (1987) O filosofsko-istoricheskikh vozzreniyakh Zhukovskogo (po materialam biblioteki poeta) [On the philosophical and historical views of Zhukovsky (based on the materials of the poet's library)]. In: *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. *Sbornik nauchnykh trudov*. Leningrad: Nauka. pp. 32–45.
11. Kanunova, F.Z. (1988) Karamzin i Zhukovskiy (nekotorye voprosy izucheniya russkoy istorii po materialam biblioteki V.A. Zhukovskogo) [Karamzin and Zhukovsky (Some Issues of Studying Russian History Based on the Materials of the Library of V.A. Zhukovsky)]. *XVIII vek*. 16. pp. 130–138.
12. Kanunova, F.Z. (1999) N.M. Karamzin v istoriko-literaturnoy kontseptsii V.A. Zhukovskogo (1826–1827) [N.M. Karamzin in the historical and literary concept of V.A. Zhukovsky (1826–1827)]. *XVIII vek*. 21. pp. 337–346.
13. Guzaïrov, T. (2002) "Cherty istorii gosudarstva Rossiyskogo" V. A. Zhukovskogo: istochnikovedcheskaya problema kak ideologicheskaya [Features of the History of the Russian State by V.A. Zhukovsky: the source study problem as an ideological one]. *Russkaya filologiya*. 13. pp. 47–53.
14. Guzaïrov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog Nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky as a historian and ideologist of Nicholas's reign]. Russian Literature Dr. Diss. Tartu.
15. Zhukovskiy, V.A. (1878) *Sochineniya* [Writings]. In 6 vols. 7th ed. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa I.I. Glazunova.
16. Guzaïrov, T. (2005) Zhukovskiy – istorik "velikoy minuty" [Zhukovsky as a historian of the "great minute"]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie*. V. pp. 80–104. [Online] Available from: <https://www.ruthenia.ru/document/539714.html>

Received: 13 September 2021

Р.А. Григоренко

«ВОЯЖ» ИЗ РОССИИ В СИБИРЬ: ОБРАЗЫ ССЫЛЬНЫХ НА СТРАНИЦАХ ПРОЗЫ Н.М. ЯДРИНЦЕВА И ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЛАСТНИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края
и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001.*

В центре внимания находится корпус текстов Н.М. Ядринцева, посвященный теме ссылки в Сибирь: «Русская община в тюрьме и ссылке», ряд разделов труда «Сибирь как колония...», очерки и статьи разных лет. Ставится проблема рецепции сибирской словесностью литературы Европейской России, а именно формирования «сибирского» литературного канона: исследуются особенности рецепции, а также использования писателем современной ему литературной традиции (произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина).

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев; ссылка; литература Сибири; областничество; литературный канон; рецепция классической литературы

Во второй половине XIX в. Сибирь, несмотря на длительное пребывание в составе Российской империи, еще не перестала быть пространством «чужим», «другим» (современные исследователи отмечают, что она «имела как бы две ипостаси: отдельность и интегрированность» [1. С. 24]). Статус региона был неоднозначным (провинция/колония), территория – недостаточно исследованной, а образ русского востока, сложившийся в культурном воображении населения европейской части России, совмещал почти взаимоисключающие характеристики: свобода от крепостного права «уживалась» на одних землях с острогами, добровольное переселение за Урал – со ссылкой, пространство, ассоциировавшееся со смертью, тьмой и холодом, оказывалось золотым дном, куда движутся «вольные переселенцы» [1. С. 25].

О Сибири, «другой» стране, требовавшей не только изучения, но и встраивания себя в национальную картину мира, сложился корпус текстов, представляющий собой восточный (с точки зрения центральной России) травелог. Произведения, объединенные темой переселения, используют образ пространства на востоке, сложившийся в коллективном воображении, отражают диалог центра и окраины империи, а также демонстрируют тематическую связь с основными областническими вопросами, которые формулировались Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым, стоявшими у истоков «местного патриотизма».

К теме переселения в Сибирь, в том числе и вынужденного, обращался целый ряд писателей, таких как Г.И. Успенский, Н.С. Лесков, А.П. Чехов [2]. Однако именно для Н.М. Ядринцева, идеолога сибирского областничества, проходившего по делу о сибирском сепаратизме в 1865 г. и сосланного не в Сибирь, а из Сибири (в Шенкурск Архангельской губернии), проблема штрафной колонизации региона является одной из самых важных (вместе с темой тюрьмы и народной колонизации Сибири). Ей посвящен целый ряд публикаций областника: «Русская община в тюрьме и ссылке» (1873 г.) [4], несколько разделов фундаментального труда «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом от-

ношении» (1892 г.) [4], а также написанные в разные годы очерки и статьи.

Творчество Н.М. Ядринцева исследовалось в различных аспектах: рассматривался процесс формирования областнической литературы [5; 6. С. 172–223], изучались культурные и политические подтексты местного патриотизма сибиряков [1, 7]. В поле зрения исследователей попадала и журналистская деятельность Н.М. Ядринцева на посту редактора газеты «Восточное обозрение» [8], был проведен подробный анализ публицистических произведений областника, связанных с темой ссылки [2. С. 134–167].

Нас будут интересовать *приемы создания образов героев, особенности типизации, а также изображения ссылки* в произведениях соответствующей тематической группы. Мы постараемся реконструировать тенденции, заставлявшие автора-областника прибегать к тем или иным формам сюжетного построения текста. Чтобы корректно проанализировать творческое наследие Н.М. Ядринцева в избранном аспекте, следует рассмотреть стратегии самоопределения писателя-сибиряка в координатах литературного канона, активным строителем «сибирской» версии которого Ядринцев был.

При разборе существующих в литературоведении воззрений на канон [9–17] мы сформировали следующий подход: под каноном мы подразумеваем группу текстов (или их создателей), выбранных на основе некоего критерия из числа прочих участников литературной борьбы не самими канонизируемыми авторами, а позднейшими литераторами; они выстраивают или перестраивают канон с целью легитимации не только собственного места в поле литературы, но самой создаваемой традиции, отвечающей их художественным воззрениям и как бы подводящей эволюцию словесности непосредственно к ним.

Для рассмотрения творческого пути Н.М. Ядринцева представляется продуктивным использовать теорию социальных полей П. Бурдьё [18]. В поле уже сложившейся русской национальной литературы, которая полвека спустя после описываемых событий будет названа классической, автор книги «Сибирь как

колония...» находится далеко от центра: нестоличное происхождение, а также верность писателя областнической системе воззрений обуславливают его место на периферии. Как Ядринцев будет взаимодействовать с уже существующими в поле силами, как станет получать «освященность» (любую, кроме игнорирования, реакцию на себя), с помощью каких приемов создания текста обеспечит себе место в пространстве сословности?

В книге «Русская община в тюрьме и ссылке» (1873 г.) Н.М. Ядринцев анализирует положение людей, оказавшихся в Сибири не по своей воле. Отметим, что художественная часть представлена здесь крайне слабо, перед нами вполне научное исследование: атрибуты беллетристики возникают лишь в тех фрагментах текста, где автор приводит примеры речи ссылных:

– И пойдешь к приятелю, – говорит *коринец*, – и скажешь: что, брат, нам себя мучить, – пойдём. Соберется нас так пять-шесть человек, запасем хлеба, выйдем на работу и ударимся на уру. [3. С. 400].

В фокус внимания автора попадают причины побегов, пути, выбираемые беглецами, особенности ссылно-бродяжнического сообщества (самосуд, браки), а также способы борьбы с бродяжничеством. Осмыслиется областником и значение русской ссылки в Сибирь как меры наказания, ее исправительное и колонизационное значения.

В работе «Сибирь как колония...» названной теме посвящена восьмая глава «Ссылка в Сибирь и положение ссылных» [4. С. 243–317]. Н.М. Ядринцев освещает историю ссылки в Сибирь, использует массу статистических данных: знакомит читателя с количеством сосланных людей [4. С. 246–247], с местами их расселения, указывает процентное соотношение ссылного и коренного населения [4. С. 251–253]. Особое внимание уделяет областник проблемам побега каторжан и бродяжничества [4. С. 265–273]. Ядринцев представляет материал в форме таблиц [4. С. 246, 247, 252, 269, 271, 279], указывает процентные соотношения [4. С. 252, 269, 277, 278], ссылается на официальные документы («Из отчетов Приказа, мною лично проверенных в подлинниках, оказывается, что ссылка еще в 1866 году равнялась 10.776 чел.» [4. С. 246]) и труды других исследователей. Вся глава представляет собой научный труд, практически лишенный беллетристических черт. Художественный фрагмент вторгается в ткань повествования лишь один раз [4. С. 270–271], причем Ядринцев, допуская пересказ чужой публикации, максимально отдалается от повествования с помощью следующей ссылки: «Корреспондент одной газеты передает (1875 г.) о следующей сцене, происходившей 23 января в ярославском окружном суде...» [4. С. 270].

Наиболее интересными для анализа сюжетных особенностей и поэтики представляются ядринцевские очерки ссылно-острожной жизни «На чужой стороне» (1872–1885 гг.) и «Бойкий мужчина и сто тысяч несчастий» (1885 г.).

Для ведения повествования автор использует маску рассказчика, проводника, экскурсовода в музей: «В настоящую минуту мы просим читателей обратить

внимание на группу путешественников, которая раскинулась около него [*памятника*] отдыхом» [19. С. 65]. И этот прием, и прямые обращения к читателю, имитирующие диалог, и фигура проводника часто будут использоваться областником в прочих текстах: «Но постой, невежественный собрат мой, я покажу тебе этот прославленный город. Хочешь, я поведу тебя с собой? Смотри!» в очерке «Петербург в его прелестях» [19. С. 47], «Да, ужасное время, читатель» в «Кознях злонамеренных» [19. С. 56], «Когда я блуждал по “общим камерам” нашего “дома скорби” с моим Вергилием...» [3. С. 100].

Наряду с квазидialogом рассказчика с читателем в художественных произведениях Ядринцев использует типизацию. В очерках перед читателем предстает целая галерея различных типичных персонажей и типичных сцен. Только вводя читателей в мир каторги, Ядринцев создает широкую картину ссылных, которая потом, по мере развития сюжета, будет уточняться. Но для начала ему нужны широкие взмахи кистью, массовые сцены, *обобщение*:

Здесь можно было видеть самые пестрые и разнообразнейшие личности, собранные со всей России, связанные одною цепью несчастья. Около дороги сидели запыленные каторжные, осматривая и поправляя кандалы, натершие ноги, они были в поту, глухо звенели цепями, раскинувшись на придорожной пыльной траве, и тяжело дышали усталою грудью. Другие ссылные, собравшись группами, поглядывали с любопытством на знаменательный памятник, отделявший их навсегда от родины. В среде этой партии виднелись хилые старики и молодые парни, женщины и дети, мазурики и воры больших городов, крестьяне и фабричные, дворовые люди, выбритые и в усах, разные бродяги, дезертиры и нищие, покрытые рубищами и арестантскими халатами с цветным вензелем своей губернии на спине, в толпе попадались инородцы: татары с грязными татарками, черкесы с огненными глазами, смуглые грузины в высоких шапках, лифляндцы в теплых фланелевых куртках, чухна с белыми отвисшими волосами, контрабандист-еврей с громадной семьей и много всякого другого народа [19. С. 65].

Приведенная выше сцена крайне важна, так как здесь собраны представители различных слоев общества, наделенные некоторыми атрибутами своего класса (рубища социального дна, огненные глаза черкесов, высокие шапки грузин и т.д.).

Партия ссылных, описываемая Ядринцевым, проходит через ряд *типичных* ситуаций: гостеприимство Тюмени [19. С. 72–74], поиск земляков в тюремном замке и знакомства [19. С. 74–78], проклятия в адрес Сибири [19. С. 71, 76, 77, 83], выбор своей судьбы на поселении [19. С. 80–83] и т.д.

Весьма типичными оказываются и занятия пришедших в Сибирь ссылных, о чем Ядринцев пишет с нескрываемой иронией:

Пробовали из них некоторые заняться педагогической деятельностью, т.е. образованием деревенской молодежи, приучая их к цигаркам, наливке, а затем краже отцовских денег. Но дела шли плохо. Отцы пронюхали и вздули и педагогов, и учеников [19. С. 87].

Мотив обучения «дикаря» ссылным звучит и у Достоевского в «Записках из Мертвого дома» (это

очень значимый для Ядринцева текст), однако данный пассаж написан все же в духе Щедрина, напоминая одновременно и пушкинских учителей-иностранцев.

Отметим, что и каторжники чувствуют себя в Сибири чужеземцами, расставшимися с родиной Россией: «Ссылные вполоборота еще смотрели по дороге на Россию-матушку, которую им не видать больше» [19. С. 71].

Описанный в дальнейшем повествовании конфликт сибиряков и ссыльных тоже носит характер типичного, логически вытекающего из мировоззренческих установок персонажей. По мысли Ядринцева, итог их жизни всегда одинаков, предсказуем, потому что типичен:

Мы не будем следить за дальнейшей их участью. Конец ее не трудно отгадать, хотя трудно сказать, где эти люди будут даже через день, не только через месяц. По всей вероятности, однако, что каторжный будет где-нибудь судиться за побег, взятый около Шадринска. Камердинер и маркер будут сидеть, может быть, в Омском, а может быть, в Тюменском замке, где они будут беседовать с своим петербургским земляком. Некоторые из них пойдут назад в Сибирь на заводы и в рудники, и, проходя по сибирским замкам в Томске или в Красноярске, некоторые из них, вероятно, найдут бойкого мужчину, судившегося за фальшивую ревизию. Иные, проболтавшись до осени, когда их застанут холода, сами придут проситься в тюрьму, а иные совсем пропадут бесследно, как бедный Михейко. Из года в год у многих потянется эта жизнь то в бегах, то на каторге [19. С. 110].

В очерках «На чужой стороне» мы также встретим ряд этнографических зарисовок. Самой яркой, пожалуй, можно назвать описание Тюмени:

Тюмень – это красивый город с деловым, торговым и промышленным населением, с каменными рядами лавок, заваленными товарами, с попадающимися местами каменными массивными домами, запертыми, как крепости или как богатые кладовые, и с целой панорамой чистеньких и необыкновенно опрятных домиков ремесленного населения, занимающегося кожевенным и шорным производством. В этих домиках живут, обыкновенно, бойкие и красивые мещанки – черошницы [разрядка Ядринцева]. Многие из них держатся старообрядчества, и потому богомольны, и вот они-то и составляли прежде источник особой благотворительности для арестантов [19. С. 73].

Ядринцевское мышление типическими образами проявляется и в другом его фельетоне – «Бойкий мужчина и сто тысяч несчастий» (1885 г.). Подзаголовок, данный в скобках (*Из знакомых типов*), самое начало первой главы, содержащее весьма узнаваемый портрет главного героя, – все служит для создания типичности, нагнетания рутинности и обыденности изображаемых персонажей и ситуаций. Внимание к деталям позволяет областнику намеками очертить характер своего персонажа, которого, видимо, он считал весьма удачным, если ссылался на свой собственный текст в сборнике очерков «На чужой стороне» [19. С. 101].

Ядринцев пишет: «Имел он вид отставного военного, иногда в петличке мелькала *будто орденская*

ленточка, которая оказывалась, при пристальном взгляде, *случайной бутоньеркой*...» [19. С. 139]. Здесь акцентируется склонность *бойкого мужчины* к приписыванию себе незаслуженных званий и регалий, ведь совершенно неслучайно два названных в цитате элемента приобретают сходство в костюме персонажа. Полностью эта склонность проявится в Сибири, когда

Выигравши несколько деньжонок в гостинице «Венецианская ночь», в Томске, он вздумал предпринять более обширный план, а именно обречивозовать в качестве фальшивого ревизора, с поддельными документами, несколько глухих волостей, куда редко заезжает начальство [19. С. 101].

Фальшивый ревизор, аферист в глухой губернии весьма прозрачно отсылают нас к творчеству Гоголя. Ядринцев нагнетает аллюзии, апеллируя к читательской памяти и читательскому кругозору. В очерках появляется и образ губернаторской дочки, которую на самом деле не увез ни Чичиков, ни *бойкий мужчина* [19. С. 145]; преобразуется вещный мир: «Шляпа колоколом подняла глаза, изумилась, но затем как-то оживилась, лицо в этой шляпе тоже было помято несчастьем» [19. С. 144]. Здесь наблюдается характерно гоголевское пристрастие к метонимии, когда в «Мертвых душах» описывается куртка, которая «своротит голову набок и положив ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протокол...» [20. С. 141]. В тексте очерка совершенно неслучайно зазвучат в адрес *бойкого мужчины* уж слишком чичиковское «пострадать по службе» [19. С. 143], а сам центральный персонаж будет так говорить о своей многоопытности: «Представьте, был в Киевском замке, в Харьковском, в Смоленском, в Московском и, наконец, сюда! Положительно, сто тысяч несчастий!» [19. С. 143].

Отметим, что эпитет *бойкий*, использованный в названии очеркового цикла и заменивший главному герою имя, часто применяется областником по отношению к ссыльным аферистам, действующим в Сибири. Так в фельетоне «Осчастливленная Сибирь» (1886 г.) перед читателем предстают преступники Рвач, Балалайкин, Расплюев, которые тоже оказываются «бойкими» [21. С. 12–13], а некий самозванец, бродяга, объявивший «себя литератором Крестовским» (герой очерка «Гениальные преступники – актеры», опубликованного в ноябре 1885 г.), пишет «бойкие» стихи [22. С. 11].

Ориентированность на гоголевскую традицию находим и в письмах Ядринцева Г.Н. Потанину:

Тип Чичикова у меня разобран с другой точки для одной критической статьи. Я поставил его в параллель с Мисс Шарп (Ярмарка Тщеславия Теккерера). Эти два художественных произведения и великие таланты, затронувшие одну и ту же тему, не были никогда еще сопоставляемы. Разница только в обществах: в Англии – тщеславные глупцы, эксплуатируемые умной мошенницей, у нас – добрые олухи в руках смышленного Павла Ивановича [23. С. 141].

В фельетоне «Сибиряки-эгоисты и цивилизаторы-альтруисты», посвященном мифологизированному образу Сибири и ссылке, сибирский патриот актуализирует гоголевское наследие, выводя в качестве своего оппонента образ Ноздрева из поэмы «Мертвые ду-

ши»: «Узнав с первого раза в этом просветителе и распространителе сведений о Сибири известного Ноздрева, я не думал опровергать его и жалел только о тех, кто был настолько беден умственно, что самого Ноздрева мог принимать за провозвестника истины и света» [24. С. 9].

В гоголевско-щедринском духе Ядринцев дает говорящие фамилии своим героям. В его очерках попадают и намеренно жуткий перифраз *бывший торговец человеческим мясом*, и Запиванский, и Александра Ивановна Великанша [19. С. 152], и «неопрятная фигура местного ходатая Мышеловкина», и Расплюев [19. С. 153], и Грошкин [19. С. 154]. Все перечисленные именованья отличаются намеренной неблагозвучностью, что ставит их в один ряд с гоголевскими Держимордой и Ляпкиным-Тяпкиным, а также с целой галереей щедринских градоначальников и «ташкентцев».

Но почему именно Н.В. Гоголь оказывается таким важным и притягательным для творчества областника? Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к публицистической статье «Н.В. Гоголь и его областное значение» (1886 г.), написанной «по поводу юбилея “Ревизора”» [25. С. 94].

Н.М. Ядринцев, используя имя прославленного писателя, стремится сделать его «своим», крайне осторожно обосновать его принадлежность формируемому литературному канону прежде всего фактом областного происхождения: «Гоголь принадлежит, конечно, всей России, но в том числе он служил и каждой из областей, и его услуги неоценимы здесь. Начнем с его кровного родства с областью». [25. С. 96]. Кровное родство подпитывается, по мысли сибиряка, тем, что областные впечатления питают раннее творчество Гоголя [25. С. 96].

Примечательна одна фраза Ядринцева, сказанная о предшественнике и имеющая большое значение в контексте разговора о каноне: «Посмотрите на эти очерки и типы из народной жизни, трудно не прозреть в них прародителя “писателя народного быта”, *создавшего целую школу*» [25. С. 96]. То есть *Гоголь становится у истоков традиции, становится учителем*, а его знаменитая пьеса, юбилей которой позволил Ядринцеву актуализировать имя уже почившего творца в литературной жизни последней трети XIX в., *формирует* сатирически-обличительное *направление*, весьма близкое Ядринцеву.

Примечателен финал статьи, позволяющий яснее понять отношение Ядринцева к Гоголю:

Как часто стоны и вопли бедного писателя раздаются из глубокой провинции! Сколько еще здесь невидимой борьбы, работы и «невидимых слез», когда учитель увенчивается лаврами. Если бы великие покойники могли слышать, как хрустят кости современного писателя там, в глуши, на прокрустовом ложе жизни, они бы услышали слова Остапа: «Батько, слышишь ли?».

Помяните же вы, многострадальные областные писатели, великого учителя в час его славы! [25. С. 100].

Областник дважды называет своего великого предшественника учителем, использует гоголевскую аллюзию для создания символической связи, ощущения преемственности. Отметим неочевидный момент.

Связывая образ измученного провинциального писателя с образом гоголевского Остапа, а образ великого предшественника – с Тарасом Бульбой, к которому обращен приведенный в цитате вопрос, Н.М. Ядринцев осмысляет литературную традицию в категориях родства («Батько»), акцентирует обращение *достойного сына* к подразумеваемому *великому* отцу.

Установка на подражательность М.Е. Салтыкову-Щедрину прослеживается и в эпистолярном наследии областника: «О лакействе провинциального общества, о подражании всему столичному (исключая только хорошее) я напишу вскоре особый фельетон в щедринском духе» [23. С. 205].

Вообще в письмах к Г.Н. Потанину, Н.М. Ядринцев, осмысляя какие-либо события общественной и литературной жизни, использует отсылки к Щедрину: «В рецензии для читателя я указал, что этот тип истинного ташкентца, едущего в благословенную страну, “где раки зимуют”. И серое ополченское пальто, и разухабистый тон, и бутылки наливки, и заезжанье по сторонам, неизвестно как, неизвестно зачем, все, как у Щедринского ташкентца. Это – “он”! (Не слишком ли?)» [23. С. 56]. Или в другом письме: «Разве это не “ташкентцы”-журналисты, какими рисовал их Щедрин» [23. С. 60].

Частые отсылки к имени М.Е. Салтыкова-Щедрина и героям его очерков и романов (наблюдается это в письмах от 12/7 1872, 24/7 1872, 30/8 1872, 29/11-2/12 1872, 8/12 1872, 28/2 1873, 14/3 1873, 4/4 1873) позволяют заключить, что Ядринцев и Потанин весьма прилежно читали все, что выходило из-под пера сатирика, и, следовательно, воспринимали его творчество как образец.

В 1887 г. Н.М. Ядринцев вернется к изображению типов ссыльных: на страницах газеты «Восточное обозрение» он поместит два очерка «Без стыда – без совести», снабдив их подзаголовком «Портреты и типы уголовной ссылки». «Литературный» след здесь еще сохраняется: «неинтеллигентный», по классификации Ядринцева, преступник своей ложью во время следствия создает «целый роман» [26. С. 12], «его увлекает только поэзия сочинительства» [26. С. 13], а «культурный» растет в *литературной* среде, ворует *романы* из отцовского шкафа и мечтает о литературной славе [27. С. 11–12]. Однако поэтика анализируемых очерков принципиально меняется: областник больше не использует предшествующую традицию, не опирается на прецедентные тексты. Говоря о ссыльных, он отказывается от иронических характеристик, не называет своих персонажей *бойкими*, *пострадавшими по службе*, отказывается от изысканных эвфемизмов («...рассказан был в одной корреспонденции следующий случай о “благородных джентельменах”, наполняющих “по несчастью” сибирские города и занесенных сюда недобровольно» [28. С. 10]); их заменяют прямые оценки, характеристики: «Как в жизни, так и в тюрьме эти люди представляют один из гаденьких, мелких, но, тем не менее, опаснейших типов. Таких арестантов товарищи в тюрьме величают “шпанкой” (мелкая, мелкотравчатая порода кур)» [26. С. 13].

Таким образом, Н.М. Ядринцев, изображая ссылку в Сибирь и ссыльных, опирается на следующие прин-

ципы построения произведения: это и пристальное внимание к речи героев, к их портретам, и попытка осмыслить разнообразные судьбы ссыльных как *типичные*, а их обладателей – как представителей какого-либо определенного *типа*. Областнику свойственно также использование прецедентных текстов: опора на уже известные сюжеты и образы русской литературы, именование собственных героев именами персонажей, придуманных Н.В. Гоголем и М.Е. Салтыковым-Щедриным.

Зачем Н.М. Ядринцев акцентирует в некотором смысле собственную «вторичность», подчеркивая влияние Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина?

Ядринцев, как мы говорили ранее, располагается на периферии поля литературы, поэтому в существующем литературном пантеоне он никакого места не занимает. Следовательно, обращение к творчеству Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, переработка их образов позволяет легитимировать собственное место в поле литературы, включиться в литературную жизнь и транслировать областническую программу. В роли союзника фигура Гоголя, уже утвердившегося в

поле литературы и успевшего приобрести значительный символический капитал, оказывается очень выгодной для Ядринцева. Если объявить автора «Мертвых душ» «своим», то создаваемая областническая литература уже не кажется маргинальной, она приобретает традицию и может продолжить развитие.

В некотором смысле творимая Ядринцевым областническая сибирская литература представляет собой бриколаж (по К. Леви-Строссу [29. С. 168]): черты поэтики, приемы, образы и герои собираются из «доступного материала», того, что оказалось под рукой, однако областник тщательно подходит к «источникам» заимствований, создавая отношения преемственности между текстами, претендующими на звание классических, и своими собственными. Н.В. Гоголь, ушедший из жизни в самом начале второй половины XIX в. (1852 г.), и М.Е. Салтыков-Щедрин, скончавшийся в 1889 г., оказались близкими областнику по творческому методу, а включение этих фигур в нарождающийся областнический канон делало его легитимным, придавало ему особый символический вес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
2. Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 266 с.
3. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова ; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2015. 752 с.
4. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении : иллюстрированное 16 сибирскими видами и типами / [рис. А.В. Евреинова, Добровольского, фот. Чарушина, А.М. Сибиряковой]. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1892. [XVI], 720 с. : ил.
5. Серебrenников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. 308 с.
6. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
7. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109–128.
8. Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 216 с.
9. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 672.
10. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp-pr.html>
11. Дубин Б. Идея «классики» и ее социальные функции // Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–42.
12. Дубин Б. К проблеме литературного канона в нынешней России // Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре : сб. статей. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 66–76.
13. Günther Hans. Прощание с советским канонам // Revue des études slaves. 2001. Vol. 73, Is. 4. La littérature soviétique aujourd'hui. P. 713–718.
14. Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 452–489.
15. Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х – 90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 6–18.
16. Гронас М. Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–86.
17. Лану А. Формирование литературного канона русского романтизма // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 35–67.
18. Бурдье П. Поле литературы // Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 365–472.
19. Литературное наследство Сибири. Т. 4 [авт. вступ. статьи: В.К. Коржавин, Н.Н. Яновский]. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1979. 348 с.
20. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 6. Мертвые души. Ч. 1 / ред. изд.: Н.Ф. Бельчиков, Н.И. Мордовченко, Б.В. Томашевский; текст и коммент. подгот. В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур. Л., 1951. 923 с.
21. Восточное обозрение. 1886. № 13.
22. Восточное обозрение. 1885. № 46.
23. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.). Красноярск, 1918.
24. Восточное обозрение. 1886. № 2.
25. Литературное наследство Сибири. Т. 5 [сост. Н.Н. Яновский]. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. 408 с.
26. Восточное обозрение. 1887. № 28.
27. Восточное обозрение. 1887. № 38.
28. Восточное обозрение. 1886. № 51.
29. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / пер. с фр. А.Б. Островского. М. : Академический Проект, 2008. 520 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 27 июня 2021 г.

A “Voyage” from Russia to Siberia: Images of the Exiled in Nikolai Yadrintsev’s Prose and the Experience of Forming the Regional Literary Canon

The research was funded by the RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-412-243001.

The article analyzes a group of Nikolai Yadrintsev's texts on exile to Siberia: *The Russian Community in Prison and Exile* (1873), several sections of the fundamental work *Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic, and Historical Terms* (1892), essays about the life of exiled prisoners "On the Stranger's Side" (1872–1885), "A Brisk Man and a Hundred Thousand Misfortunes" (1885), as well as literary and critical articles of different years. N.V. Serebrennikov, K.V. Anisimov, A.V. Remnev, S.I. Goldfarb, I.A. Aizikova, and E.A. Makarova comprehended Yadrintsev's creative heritage. However, the methods of creating images of heroes, features of typing, as well as images of exile remained outside the scope of scholarly discussion, and the tendencies that forced the regional author Yadrintsev to resort to one or another form of the text's plot construction were not identified. Therefore, the aim of this article was to explain the mechanisms of interaction between Yadrintsev and his contemporary literary tradition, and the specifics of the literary canon he forms. To conduct the research in the given direction, the author turns to the theoretical heritage of a number of scholars. The creative path of a regional writer is considered within the framework of P. Bourdieu's theory of social fields. To analyze correctly the specifics of the Siberian writer's perception and use of literature, which was named classic half a century later, the author analyzed his experience of a rupture with his youthful dreams about the autonomy of Siberia and the subsequent way to building a dialogue between the "metropolis" and the "colony" (the appropriating of the "capital"), referred to the concept of the "canon" and used scholarly works by G. Bloom, M. Yampolsky, B. Dubin, I. Kaspe, M. Gronas, and A. Lanoux. The analysis revealed that, in his works, Yadrintsev uses a quasi-dialogue of the narrator-guide with the reader, typification when creating scenes and characters, as well as a number of cultural allusions. The writer uses them to appeal to the reader's memory and the reader's literary background. Yadrintsev deliberately emphasizes the similarity of his own characters to those of Gogol and Saltykov-Shchedrin. The regional Siberian literature created by Yadrintsev is a bricolage: features of poetics, techniques, images, and characters are collected from the available materials. The Siberian writer carefully approaches the sources of borrowings, creating a relationship of continuity between texts claiming the title of classic and his own. In some cases, Yadrintsev declares a writer with a significant symbolic capital, but far (in every sense) from Siberia, a teacher in philosophical and moral aspects (as it was with Ivan Turgenev, for example) with the aim of including this writer in the canon and giving legitimacy to the emerging regional tradition.

REFERENCES

1. Dameshek L.M., Remnev A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe lit. obozrenie
2. Ayzikova, I.A. & Makarova, E.A. (2009) *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh gg.: problema dialoga* [The theme of resettlement in Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860s–1890s: the problem of dialogue]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [The Russian community in prison and exile]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
4. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii: illyustrirovannoe 16 sibirskimi vidami i tipami* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic, and Historical Terms: Illustrated with 16 Siberian views and types]. 2nd ed. St. Petersburg: Izd. I.M. Sibiryakova.
5. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of the literature of Siberia of the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Remnev, A.V. (2011) *Natsional'nost' "sibiryak": regional'naya identichnost' i istoricheskiy konstruktivizm XIX v.* ["Siberian" nationality: Regional identity and historical constructivism of the 19th century]. *Politiya*. 3 (62). pp. 109–128.
8. Gol'dfarb, S.I. (1997) *Gazeta "Vostochnoe obozrenie" (1882–1906)* [Vostochnoe Obozrenie newspaper (1882–1906)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Blum, H. (2017) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekhn vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Translated from English by D. Kharitonov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Yampol'skiy, M. (1998) *Literaturnyy kanon i teoriya "sil'nogo" avtora* [Literary canon and the theory of a "strong" author]. *Inostrannaya literatura*. 12. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp-pr.html>
11. Dubin, B. (2010) *Ideya "klassiki" i ee sotsial'nye funktsii* [The idea of the "classic" and its social functions]. In: *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [The classic, later and today: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9–42.
12. Dubin, B. (2010) *K probleme literaturnogo kanona v nyneshney Rossii* [On the problem of the literary canon in today's Russia]. In: *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [The classic, later and today: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 66–76.
13. Günther, H. (2001) *Proshchaniye s sovetskim kanonom* [Farewell to the Soviet Canon]. *Revue des études slaves*. 73 (4). pp. 713–718.
14. Kaspe, I. (2009) *Klassika kak kollektivnyy opyt: literatura i teleserialy* [The classic as a collective experience: literature and television series]. In: Savel'eva, I.M. & Poletaev, A.V. (eds) *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classic literature and classic writers in social and humanitarian knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 452–489.
15. Gronas, M. (2001) *Dissensus. Voyna za kanon v amerikanskoy akademii 80-kh – 90-kh godov* [Dissensus. The War for the Canon in the American Academy in the '80s and '90s]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 6–18.
16. Gronas, M. (2001) *Bezymyannoe uznavaemoe, ili kanon pod mikroskopom* [The nameless recognizable, or the canon under the microscope]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 68–86.
17. Lanoux, A. (2001) *Formirovaniye literaturnogo kanona russkogo romantizma* [Formation of the literary canon of Russian Romanticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 35–67.
18. Bourdieu, P. (2014) *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteya. pp. 365–472.

19. Yanovskiy, N.N. et al. (eds) (1979) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 4. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
20. Gogol', N.V. (1951) *Mertvye dushi* [Dead Souls]. In: Bel'chikov, N.F. et al. (eds) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete works: In 14 vols]. Vol. 6. Part 1. Leningrad: USSR AS.
21. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) 13.
22. *Vostochnoe obozrenie*. (1885) 46.
23. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G.N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Izd. red. zhurn. "Sibirskie zapiski".
24. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) 2.
25. Yanovskiy, N.N. et al. (eds) (1980) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
26. *Vostochnoe obozrenie*. (1887) 28.
27. *Vostochnoe obozrenie*. (1887) 38.
28. *Vostochnoe obozrenie*. (1886) 51.
29. Lévi-Strauss, C. (2008) *Totemizm segodnya. Nepriruchennaya mysl'* [Totemism. The savage mind]. Translated from French by A.B. Ostrovskiy. Moscow: Akademicheskii Proekt.

Received: 27 June 2021

П.А. ВЯЗЕМСКИЙ И В.А. ЖУКОВСКИЙ В 1807–1829 гг.: ИСТОРИЯ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ)

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX в.: текстология, комментарий, публикация»).

На материале подготовленной к изданию взаимной переписки П.А. Вяземского и В.А. Жуковского реконструируется история личных и творческих контактов двух выдающихся представителей русской литературы. Определяется место переписки в эпистолярном наследии П.А. Вяземского и В.А. Жуковского и характеризуется тип их дружеских отношений. Выделяются основные этапы общения, обусловленные биографическими обстоятельствами корреспондентов, обобщается диалог литературно-эстетических и общественных взглядов на протяжении 1807–1829 гг.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; П.А. Вяземский; переписка; личные отношения; биография; творческие отношения

Для Жуковского и Вяземского новая русская литература началась в первую очередь с «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, наставника, старшего друга, непререкаемого образца в литературе и в жизни¹. Это определило особую роль эпистолярная в наследии обоих писателей: он мыслился продолжением и неразрывной частью словесности, но принадлежал и сфере обыденной жизни, как публичной, гражданской, так и приватной, интимной. Именно в этом контексте уже в середине 1860-х гг. представлял Вяземский широкому читателю переписку Жуковского, предваряя, в частности, публикацию его писем к великому князю Константину Николаевичу: «Вместе с письмами Карамзина к императору Александру I-му и царскому его семейству и настоящие письма вносят новые сокровища в литературу нашу и новый свет в область нашего гражданского быта» [2. Стб. 1387]. В небольшой преамбуле Вяземский нарисовал выразительный портрет, в котором соединились Жуковский-поэт и Жуковский-публицист, мыслитель, педагог, христианин, придворный.

Старшему товарищу не пришлось издавать эпистолярное наследие Вяземского, но он в не меньшей степени осознавал его высокую ценность и интерес для читателя. Так, 13/25 сентября 1851 г. Жуковский писал Вяземскому из Баден-Бадена в Париж: «Вероятно, ты не подумал взять своих манускриптов с собою <...>. Впрочем, у меня есть материал для твоей работы: большая кипа твоих писем к Тургеневу; было бы прекрасное занятие для тебя и для Павла разобрать их, привести в порядок и выписать из них все то, что может быть издано в свет: бесчисленное множество жемчужин чувства, ума и остроумия. Такой же выбор можно бы сделать и из писем твоих к сыну» [3. С. 69]².

Подобный характер имеет и переписка Вяземского и Жуковского. Продолжавшаяся 45 лет, она теснейшим образом вписана как в историю их личных отношений, так и в эпохальные события современности – от наполеоновских походов и Отечественной войны 1812 г. до европейских революций 1848 г. и переворота Наполеона III, в движение русской и европейской литературы, в контекст общественной мысли и идейных поисков. Для историка литературы эта переписка, включающая в себя 437 сохранив-

шихся документов [4], представляет ценнейший источник сведений, восполняющих многие лакуны в биографии двух важнейших фигур отечественной словесности и в панораме русской культуры первой половины XIX в.

Безусловно, место этого диалога в эпистолярном наследии писателей разнится. Эпистолярный Жуковский относительно компактен (около 3 300 его писем к порядка 450 адресатам и около 5 000 ответных писем от почти 600 корреспондентов) [5. Т. 15–16; 6]. И здесь для Жуковского Вяземский – один из трех важнейших собеседников, наряду с А.И. Тургеневым (около 500 его писем и около 300 ответных) и А.П. Елагиной (267 ее писем и 200 ответных), сохранившаяся взаимная переписка с другими постоянными корреспондентами (А.Я. Булгаковым, А.М. Тургеневым, Р.Р. Родионовым, Е.А. Протасовой) существенно меньше по объему.

Эпистолярный Вяземского несравненно больше по масштабам, один только его фонд в РГАЛИ включает переписку с более 2 тыс. лиц и, вероятно, более десяти тысяч писем. В этом огромном пространстве общения Жуковский – один из многих персонажей, но, конечно, не рядовой, близкий по значимости к А.И. Тургеневу, изданная [7, 8] и неизданная переписка с которым Вяземского (более 800 писем) шла параллельно и составляет необходимый контекст для понимания переписки с Жуковским, и к А.Я. Булгакову, по преимуществу неизданная переписка с которым, включающая около 1 500 писем, является подлинной хроникой русской жизни 1810–1850-х гг. (семейная переписка Вяземского с женой и детьми здесь не учитывается).

К сожалению, переписка Вяземского и Жуковского сохранилась не в полном объеме: об этом свидетельствуют существенные лакуны, когда за определенные годы отсутствуют письма то одного, то другого автора, в дневнике Жуковского также упоминается ряд писем к Вяземскому и от него, которые до нас не дошли. Основной корпус переписки отложился в Остафьевском архиве РГАЛИ: здесь оказались собрания (Ф. 195. Оп. 1. № 1909, 5083, 5084) почти все известные письма Жуковского, часть их была передана также в его отдельный фонд (Ф. 198. Оп. 1. № 5, 60,

62), лишь единичные письма попали в другие архивы (Всероссийский музей А.С. Пушкина, НИОР РГБ, РНБ, РО ИРЛИ, ИР НБУ); письма Вяземского, за отдельными исключениями (Ф. 195. Оп. 1. № 1250а, 5083), вероятно, не были возвращены ему после смерти друга, и попали в РГАЛИ более сложными путями (Ф. 198. Оп. 2. № 20 и 21). Значительная их подборка осталась у П.В. Жуковского и оказалась в РО ИРЛИ в составе Онегинского собрания (№ 27985), а некоторые письма, адресованные Жуковскому и А.И. Тургеневу совместно, отложились в фонде Тургеневых (Ф. 309. № 2564, 2655, 4795). В РНБ в разных фондах сохранилось еще несколько писем Вяземского.

Несмотря на равную сохранность, эдичионная судьба писем Вяземского и Жуковского оказалась существенно разной. Два письма последнего, преобразованные в статьи, были напечатаны, соответственно, в 1848 г. (о стихотворении «Святая Русь») и в 1856 г. (о меланхолии), но далее до рубежа XIX–XX вв. они почти не публиковались [9–16], да и потом широкому читателю оказались известны только несколько писем, напечатанные (кроме 6 писем в [17. С. 562–567, 570–571, 578–580, 584–585, 588–592, 633–634]) в отрывках [18. С. 403–404; 19; 20. С. 33, 40, 47, 59–61, 110, 111, 151, 152]. В значительной степени на это повлияла сложившаяся в советское время репутация поэта как «реакционного романтика», интересного только в его связях с «прогрессивными» писателями. Ситуация начала изменяться лишь в конце 1960-х – 1980-е гг., когда В.В. Пухов и М.И. Гиллельсон в рамках монографии и отдельных статей опубликовали, частью во фрагментах, частью полностью, более десятка писем Жуковского [3, 21–23]. Новым вкладом в эту копилку стали фрагментарные публикации О.А. Проскурина в сборнике материалов «Арзамаса» [24. Кн. 1. С. 157, 173–174, 228, 270, 284, 304, 316, 364; Кн. 2. С. 343–344, 345–346, 349–350]. Наконец, в 2009 г. А.С. Янушкевич опубликовал еще одно письмо Жуковского [25]. Таким образом, до последнего времени в научный оборот было введено менее 30 полных текстов писем, т.е. седьмая часть всех сохранившихся. Последовательное издание писем Жуковского к Вяземскому началось только в рамках «Полного собрания сочинений и писем», где в 15–16 томах были опубликованы 114 из них в сопровождении многочисленных выдержек из ответных писем Вяземского (в комментариях).

Письмам Вяземского повезло больше, их начали активно печатать еще с 1880-х гг., когда П.П. Вяземский подготовил подборку материалов о А.С. Пушкине из Остафьевского архива [26. С. 27–28, 58–62, 63–64; 27. С. 16–18; 28. Л. 17–20], а Л.Н. Майков опубликовал письмо о больном К.Н. Батюшкове [29. С. 320 (1-й паг.)]. В 1900 г. П.И. Бартенев представил публике самый большой корпус писем Вяземского (42), отбрав те, которых хранились у П.В. Жуковского и ныне находятся в РО ИРЛИ [30]³. Заметим, однако, что публикация была подготовлена довольно небрежно, со значительными купюрами, неверными прочтениями и датировками и перекombинацией текста некоторых писем (одни оказались «склеенными», другие были разделены и напечатаны как особые пись-

ма). Вскоре И.А. Бычков опубликовал еще 3 письма, автографы которых, к сожалению, не сохранились [32]. Еще одно письмо вошло в состав «Остафьевского архива» [7. Т. 5, Вып. 2. С. 157–161], а 4, адресованные совместно А.И. Тургеневу и Жуковскому, – в «Архив братьев Тургеневых» [8. С. 40–44, 46–57]. Однако на этом поток прекратился, и за советский и постсоветский период можно выделить только две значимые работы М.И. Гиллельсона, его монографию о Вяземском, где в извлечениях цитировалось около десятка его неопубликованных писем [21], и публикацию поздней переписки двух авторов, куда вошло 25 писем Вяземского и 8 писем Жуковского 1842–1852 гг. [3]. Все остальные немногочисленные публикации представляли либо единичное письмо, либо небольшие выдержки из писем [20. С. 61–64; 33. Р. 265, 292–293; 34. С. 33; 35. С. 53; 36. С. 52; 37. С. 73, 75, 76; 38. С. 107, 109–114, 120, 121; 39. С. 194–195]. В совокупности, тем не менее, до настоящего момента оказались напечатаны в полном тексте более 80 писем Вяземского, т.е. более трети всех сохранившихся.

Фрагментарная известность переписки, как часто бывает, определила и недостаточную изученность истории взаимных отношений Вяземского и Жуковского. Она ни разу не становилась предметом самостоятельного рассмотрения, хотя ни одна крупная работа, посвященная биографии одного, не обходилась без обращения к другому. Так, Жуковский – частотный персонаж монографий М.И. Гиллельсона [21] и П.В. Акульшина [40], книги В.В. Бондаренко [36], а Вяземский занимает такое же место в исследовании А.Н. Веселовского [41] и биографии В.В. Афанасьева [42]. Если мы обратимся к документальным материалам, то в дневниках Жуковского Вяземский упоминается наибольшее количество раз из всех друзей (кроме А.И. Тургенева) [5. Т. 14. 559–763], соответственно, в записных книжках Вяземского по количеству упоминаний Жуковский уступает только А.С. Пушкину и стоит рядом с А.И. Тургеневым [43. С. 460–505]. Тем не менее известна только одна давняя публикация О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича, где в заглавие вынесена история отношений двух писателей, но и она имеет характер частных наблюдений над новыми документальными материалами их творческого общения [44]. За последние десятилетия опыты критической рефлексии Вяземского, в том числе эпистолярной, о тех или иных проектах Жуковского привлекли внимание И.Е. Прохоровой [37, 38, 45]. В отсутствии фундаментальных исследований проблемы настоящая статья не претендует на сколько-нибудь исчерпывающий анализ и учет всего документального материала, а предлагает лишь очерк начального этапа 45-летней дружбы и биографических и творческих аспектов, ставших предметом взаимной переписки 1807–1829 гг.

Дружба Вяземского и Жуковского была своеобразной и, конечно, глубоко обусловленной особенностями их личности. Жуковский, не стремясь быть центром повышенного внимания, обладал уникальным даром привлекать к себе людей: его любили за ровность характера, открытость, дружелюбие, готов-

ность поддержать и помочь, за умение душевно про-светлять и облагораживать все, что попадало в его жизненную сферу. Не было исключением и Вяземский: если мы вспомним его первые и последние письма к Жуковскому, то они, несмотря на то, что прошло более сорока лет, поражают созвучием мотивов. 2 августа 1808 г. он писал: «Я Вас искренно люблю и именно скажу почему: мне нравится душа Ваша, она благородна, кротка; мне нравится ум Ваш, и нравится чрезвычайно, он философский, плюет на почести, не жалеет, что не блистает у двора или под шляпою с плюмажем — довольствуется углом, беседою с музами, с приятелями и к черту посылает почести, педантизм; мне нравится лоб Ваш, он не всегда нахмурен, на нем нет печати вечной суровости; мне нравится авторский талант Ваш <...>; наконец, мне нравится странность некоторых Ваших мнений и мыслей» [46. Л. 48 об.—49]. 20 февраля / 3 марта 1852 г., подводя итоги жизненного пути, Вяземский восхищался неизменностью этих качеств друга: «Завидую твоей духовной бодрости и ясности душевной, которая есть Божья благодать и, вместе с тем, благоприобретенная собственность, усвоенная всею прошедшею жизнью, правильными и постоянными трудами, мудрыми хозяйственными распоряжениями и мерами в управлении собою и жизнью» [3. С. 70].

Темперамент Вяземского был другим — несравненно более эмоциональным, порывистым, иногда даже экзальтированным, а склад мысли — ироническим, не чуждым сарказма, нуждающимся в оппонентах и полемике. Иногда подобная увлеченность перерастала в эгоцентрическую глухоту к мнению друга и порождала конфликты, очень не свойственные терпеливому и добродетельному Жуковскому. Так, 12 ноября 1818 г. он отчитывал товарища: «Мне бы не хотелось, чтобы ты в твоём обхождении со мною сбивался несколько на обхождение с Васильем Львовичем; я не желал бы, чтобы я и *кариатура* были всегда неразлучны в твоём уме. Привычка к такого рода шуткам нечувствительно может оборотиться в образ мыслей; я желал бы, чтобы ты с твоим чувством ко мне обходился как с *недотрогой* и берег бы его для самого себя в некоторой чистоте» [5. Т. 16. С. 29]. Спустя десять лет, в разгар событий, развернувшихся после доноса на Вяземского о его «развратном поведении», он написал Жуковскому очень язвительное и укоряющее письмо, настолько оскорбившее друга, что он его «изорвал и бросил», о чем сообщал 10 ноября 1828 г.:

Если у тебя рука поднялась написать ко мне такое письмо, то у меня рука не поднимется на отвратительное для меня оправдание или, лучше сказать, на опровержение твоих полубуффонских ругательств. Не знаю, как ты называешь то чувство, которое ко мне имеешь и при котором можешь позволить себе так писать ко мне и так обо мне мыслить. Если ты его называешь дружбою, то избавь меня от такой дружбы. За такую цену она мне не надобна. <...> я решительно не хочу читать таких писем, каким ты меня попотчивал. Я раздумал его возвращать тебе, а поступил с ним просто: изорвал и бросил. Но не изорвал его в памяти [47. Л. 19, 23].

Подобные эпизоды, конечно, не означали разрыва дружбы, но показывали особый ее характер. Здесь сказалась разница воспитания: Жуковский вполне унаследовал сентименталистский культ камерной дружбы как глубокого эмоционального контакта, достигающего до подлинной интимности — и до подобных отношений допускал очень немногих, тех, кого любил (М.А. и А.А. Протасовы), был связан с юности (Ан. и Ал. Тургеневы), некоторых родственников (А.П. Киреевская-Елагина). Вяземский, с ранней юности вступивший в свет, имел мало опыта подобного камерного общения, его стихией была дружба не как взаимопроникновение душ, а как интенсивный взаимообмен — эмоциями, мыслями, высказываниями, жестами. Именно такой характер имела, в частности, его дружба с А.И. Тургеневым, где было очень немного сокровенной интимности, но много универсальной открытости. Настрой младшего товарища определил и характер общения с Жуковским, который можно, пожалуй, определить как дружеское сотрудничество в публичном поле — светском, литературном, придворном, деловом — с заинтересованным и теплым участием в семейных или личных проблемах. Подобная модель — даже при отдельных эпизодах недовольства и попытках перестроить отношения, — очевидно, устраивала обоих, что обусловило прочность контактов на протяжении почти полувека.

Становление дружбы пришлось на 1807–1809 гг. и не обошлось без чрезмерных экзальтированных надежд 15–17-тилетнего Вяземского и осторожной ровности 24–26-тилетнего Жуковского. Их личное знакомство пришлось на первую половину 1807 г., когда Вяземский вернулся в Москву из петербургского пансиона и жил в доме профессора медицинской химии Ф.Ф. Рейсса, беря уроки у других профессоров Московского университета, а затем, после смерти отца А.И. Вяземского, то в Остафьево, то в доме Карамзина. С университетской средой и кругом Карамзина активно контактировал и Жуковский. В 1870-е гг. Вяземский вспоминал: «Со вступлением Карамзина в семейство наше — русский литературный оттенок смешался в доме нашем с французским колоритом, который до него преодолевал. По возвращении из пансиона нашел я у нас Дмитриева, Василия Львовича Пушкина, юношу Жуковского и других писателей» [48. Т. 1. С. XXVIII–XXIX]. Посещение Жуковским дома Карамзина, вероятно, сопровождалось и беседами с юным Вяземским, о которых тот с удовольствием вспоминал в первом сохранившемся письме от ноября 1807 г. [46. Л. 95], написанном вскоре после возвращения будущего издателя «Вестника Европы» из Белева в Москву.

Приятельские отношения с начинающим журналистом, вольно или невольно являвшимся в этом плане преемником Карамзина, определили литературоцентричность общения, отразившуюся и в письмах Вяземского, полных разнообразными планами произведений (перевод из речей Цицерона, поэма о весне, «Послание к Жуковскому в деревню», перевод из Ж. Неккера, «Безделки» в соавторстве с Д.П. Севериным) и стихотворными опытами, шутливыми и неуклюжими. В Жуковском молодой поэт нашел и добро-

желательного ценителя, и строгого редактора, и литературного наставника, фактически переписавшего его первый опубликованный в «Вестнике Европы» опыт – «Послание к Жуковскому в деревню». Пытаясь быть полезным, Вяземский сообщает отзывы, поправки и советы Карамзина и Дмитриева по поводу произведений Жуковского, переводит для него реляции о военных действиях из французских газет, а в ответ получает доступ к творческой лаборатории поэта, его рукописям стихов [4. Т. 1].

Столь же напористо он попытался наскоком превратить приятельство в настоящую дружбу, потребовав спустя едва ли год после знакомства и нескольких приездов Жуковского в Остафьево решительного ответа: «Два ответа: благословляете ли Вы меня для стихов, описывающих весну, и признаете ли Вы меня другом своим» [46. Л. 129 об.] (26 июля 1808 г.). Издатель «Вестника Европы», уже имевший опыт настоящей дружбы и даже потерявший задушевного товарища Андрея Тургенева, относился к подобным вопросам более трезво и рефлексивно и даже сформулировал собственную концепцию «осознанной» дружбы в письмах к А.И. Тургеневу 1805 г. [5. Т. 15. С. 26–34]. Именно так, возлагая надежды на естественное развитие отношений, он ответил и на призыв младшего товарища в письме от 30 июля 1808 г.:

Хорошее начало нашей дружбы, любезный князь! С первого шагу не понимаем друг друга! <...> Я, право, уверяю Вас, что я *теперь* искренно Вас люблю, что я Ваш *приятель*, что *желаю* и с этой минуты буду *стараться* быть Вашим другом: мне кажется, большего нельзя ни Вам ожидать от меня, ни мне ожидать от Вас *на эту минуту*. Но я же писал к Вам в том же письме, что мы можем сделать из своей *будущей* дружбы что-нибудь важное для всей своей жизни – разумеется, это случится только тогда, когда с обеих сторон будет одинакое желание, одинакое усилие <...> Еще Вам повторяю, что дружба может быть произведением не двух слов, крупно написанных и подчеркнутых, а связи, основанной на взаимной уверенности, что мы нужны друг для друга: итак, любезный князь, сделаемся нужными друг для друга, и мы будем друзьями [5. Т. 15. С. 66].

Вяземский урок принял, хотя и не согласился с товарищем, попытавшись на ходу сочинить собственную философию дружбы: «Признаюсь, что мысли мои о дружбе различествуют с Вашими: оставляя материю сии до первого нашего свидания, скажу Вам теперь только то, что дружба, по-моему, может не рождаться от уважения, напротив, уважение от дружбы. <...> Я очень рад быть Вашим приятелем. Оставляю судьбе нас сделать друзьями, если она того захочет» [46. Л. 48] (2 августа 1808 г.). К счастью, судьба распорядилась именно так, как того желали оба литератора.

Уже к 1809 г. регистр их отношений существенно изменился. Трудно судить, как на это реагировал Жуковский, поскольку его письма за 1809 г. не сохранились, но Вяземский решительно начал завоевывать новые пространства доверительности. В частности, только из его писем к Жуковскому мы узнаем о двойной «утаенной» любви: князя к М.А. Волковой, дружба с которой продолжилась и в

дальнейшем, и замужней А.И. Плещеевой, старшей его 16 годами и уже известной внебрачными связями, к князю. О своем чувстве Вяземский также писал 22 марта 1809 г. графу П.Д. Киселеву [49], не назвав, однако, имени возлюбленной. 23 мая 1809 г. в большом, написанном по-французски письме, он вполне посвятил старшего друга в перипетии своей страсти. Нетрудно заметить, что сюжет, рисуемый 17-летним князем, выполнен по литературным образцам и полон мелодраматизма: здесь и свидания в доме брата М.А. Волковой, и расставание, породившее «бездну страданий» («Все кажется мне мертвым вокруг меня: ничто не пробуждает во мне чувство счастья. Умерло ли оно навсегда? Должен ли я в цвете лет отдаться горю?»), и письма А.И. Плещеевой, украдкой доставляемые слугой мужа и предрекающие ее горькую участь («Она говорит мне о своей скорой смерти, и получается, что именно я толкаю ее в могилу»), и, наконец, мотивы оссианизма – ночь, осенние ветры, одиночество. Появляется здесь и имя Вертера, на историю несчастной любви которого спроецирован весь сюжет. Вероятнее всего, Вяземский домыслил и преувеличил и свое кратковременное любовное увлечение и страсть А.И. Плещеевой («Меня преследуют эти два образа даже во сне, так что и ночь едва ли приносит мне отдохновение. Любовь одной роет ей самой могилу, моя любовь к другой готовит могилу мне» [46. Л. 30–31 об.]), к счастью, не приведшие ни к каким драматическим последствиям. Однако Жуковский, вскоре сблизившийся с Плещеевыми, был обеспокоен, чтобы никакие следы этого романа не всплыли неожиданно, и в письмах от первой половины октября и 6 ноября 1811 г. просил уничтожить любовную переписку А.И. Плещеевой, что Вяземский и сделал после своей женитьбы:

Я никогда не думал, чтоб можно было мне познакомиться с Плещеев<ыми> коротко и дружески – теперь этому верю, и радуюсь, что моя дикость не помешала мне познакомиться с ними, так, как со многими другими. Жена – премилая женщина, я люблю ее искренно – здесь не худо тебе напомнить о прошедшем! Ради бога, будь скромн! Если ты еще кому-нибудь, кроме меня сделал доверенность, то поступил мерзко; если ж нет, то молчи, а все письма в огонь! Минутная ошибка, произведенная обстоятельствами и горячею кровью, не должна разрушать семейственного счастья. (Об этом ты должен особенной статьей уведомить меня в первом твоём письме: сожжены ли письма и знает ли кто-нибудь другой кроме меня эту тайну!) [5. Т. 15. С. 134].

Другим подтверждением завоеванного права на дружбу стала для Вяземского повышенная требовательность и ироничность по отношению к Жуковскому, сохранившиеся как неотъемлемая черта их отношений вплоть до начала 1830-х гг. Так, после регулярных встреч в Москве в феврале и апреле 1809 г. и сердечных излияний в майском письме, князь разразился ироничной рецензией на 11-й номер «Вестника Европы», где досталось и статье Н.Р. Мамышева, и приписанному В.Л. Пушкину переводу оды Горация, и стихам М.М. Вышеславцева, и переводам Ф. Бунакова, и даже очерку И.И. Дмитриева: «Позволь ска-

зять тебе, что 11 твой № дурен – et que c'est scandaleux, de voir dans un journal rédigé par un homme à talents de misérables traductions d'un misérable Бунакова!»⁴ [50. Л. 3 об.] (середина июня 1809 г.). Подобные сетования мы встретим и в других его письмах – от 19 июля, 4 ноября 1809 г., где они соединились с новой амурной историей Вяземского, случившейся в Перми во время ревизионной поездки с П.А. Обрезковым – влюбленностью в замужнюю С.К. Певцову, которой он предлагал развестись и выйти за него замуж [48. Т. 8. С. 410–411]. От товарища же князь ультимативно потребовал написать мадригал «прекрасной пермянке» [51. Л. 10] (16 сентября 1809 г.).

Для двух друзей последующие 8 лет (1810–1817 гг.) имели разное значение: для Жуковского они стали временем широкого литературного и общественного признания, увенчавшегося активной организаторской деятельностью как фактического главы «Арзамаса» и вхождением в придворный круг, для Вяземского это период нащупывания своей поэтической манеры и определения собственного места в современной словесности. Знаменательно, что самые болезненные моменты в жизни Жуковского, связанные с разрушением надежд на брак с М.А. Протасовой (1814–1815 гг.), оказались вне сферы отношений с младшим другом. Да и их личных встреч за эти годы было не так много, в Москве Жуковский после отхода от редактирования «Вестника Европы» провел лишь первую половину 1810 г., зиму-весну 1811 г. и начало августа 1812 г., а затем возвращался лишь эпизодически (январь – начало марта 1815 г., октябрь – декабрь 1817 г.), к этому можно добавить пребывание Вяземского в Карамзинском в Петербурге в феврале – марте 1816 г. В моменты же приезда Жуковский, интенсивно занимавшийся самообразованием и творческими планами, был вынужден регламентировать контакты с другом, гораздо более свободным в обращении со своим временем, как в письме от начала декабря 1810 г.:

Уговор лучше денег: видаться часто, но вовремя; я еду в Москву не для праздности <...>. Прошу тебя как друга; если ты хочешь, чтобы наши частые свидания были истинным для меня наслаждением, сообразуйся с моим временем и щади те часы, которые посвящены будут мною делу. Почитаю за нужное писать об этом к тебе заранее (и, может быть, заставить тебя посмеяться на мой счет) для того, что ты всегда бывал несколько самоволен. Между нами будь сказано, ты эгоист в своих дружеских связях и никогда не воображаешь, чтобы нужно было сообразоваться в чем-нибудь с своими приятелями; а напротив, думаешь, что им непременно должно с тобою сообразоваться [5. Т. 15. С. 111–112]⁵.

Таким образом, основное общение друзей переносилось в прозаическую и поэтическую переписку, главным содержанием которой становилась литература – и, периодически, отклики на события в личной жизни и деловые хлопоты. Впрочем, и последние нередко приобретали поэтическую форму: так Жуковский в конце октября 1811 г. отозвался на свадьбу друга в шутовом стихотворном письме («Мой

милый друг! // Знать недосуг // Писать к друзьям, // Пристал к мужьям...») и так же в конце 1811 г. попросил его заказать и прислать новый сюртук («Князь Петр, жилец московский! // Рука твоя легка! // Пожалуй сертука!..»). В январе-феврале 1815 г. он также облек в стихотворную форму два своих письма с историей посещения И.И. Дмитриева («Друг мой любезный, князь тупоносый, // В мире сем тленном все пустяки...») и домашними хлопотами («Ах! // Весь я в хлопотах! // Впопыхах!..»).

К сожалению, именно за этот период взаимная переписка очень неполна: почти не сохранились письма Вяземского за 1810–1811 и 1814–1816 гг., а если учесть еще и перерыв общения в ходе Отечественной войны 1812 г., то остается только 1813 и 1817 гг., когда в повседневной жизни князя происходило не так много событий: возвращение из Вологды в разоренную Москву и, к счастью, оставшееся в неприкосновенности Остафьево и новое обустройство – и канун деятельного самоопределения в гражданской службе перед отправлением в Варшаву. О перипетиях взаимных отношений мы узнаем в основном через письма Жуковского, который после отказа от редактирования «Вестника Европы» отходит от активной публичной деятельности и ведет уединенную жизнь в кругу деревенских друзей: «Я здесь живу весьма уединенно; круг мой самый тесный, но самый для меня милый; занятия мои идут довольно порядочно» [5. Т. 15. С. 132] (середина сентября 1811 г.). Этот уход в сферу частную и домашнюю для ближайших товарищей был во многом непонятен, и они, в том числе Вяземский, свои письма наполняли упреками и призывами возвратиться на службу и в столичную литературную среду: «Утешь своих друзей, оживи для них и для отчества. Никто из друзей твоих не может видеть без сожаления упрямство, с которым ты остаешься погруженным в мертвом сне и губишь бездействием прекрасные и редкие твои дарования. Возвратись к сообществу друзей своих и решишь служить. Вот желание всех твоих друзей и всех людей, которых мнения и тобой уважаются» [51. Л. 12] (конец января 1812 г.).

Большим событием, отразившимся в переписке первой половины 1810-х гг., стала Отечественная война, в которой как ополченцы приняли участие оба литератора, но и она не изменила жизненной и творческой установки Жуковского – и призывы Вяземского в письмах 1813 г. вернуться в Москву или поехать в Петербург, «сделаться историком или панегиристом Кутузова» [46. Л. 123 об.], вновь заняться журналистикой остались без ответа. В сохранившихся письмах 1812 и 1813 гг. молодой князь, обзаведшийся семьей и постоянно перемещающийся из Остафьева в Москву, из домашней жизни в публичную, выступал как посредник Жуковского в общении с большим светом: он хлопотал об отставке друга из московского ополчения, сообщал московские литературные и околотитурные новости и, главное, рассказывал о том эффекте, который вызвал «Певец во стане русских воинов»: «Твой “Певец” гремит везде, и даже и те, которые не читают другого, кроме придворного, подчас, месящеслова, а этих у нас богатое число, и те восхи-

щаются «Певцом». Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея» [46. Л. 35] (10 июля 1813 г.).

Успех «Певца», обратившего внимание придворной среды и вторично изданного за счет императрицы Марии Федоровны, показал, что Жуковский нашел не только новую поэтику в соединении личного чувства и исторического материала, но и новую модель творческого поведения, возможности которой стали актуальными для Вяземского и для многих молодых авторов карамзинского круга. Сам князь, как показывают его письма 1813 г., оставался на распутье между традиционными представлениями о литературе как высокой и публичной миссии, до уровня которой не достигали, по его мнению, современные поэты и журналы («Я думаю, нигде нет скучнее и пустее общества нашего. Это ужас, что за люди! Право, Шаликов между ними Вольтером» [46. Л. 113], середина октября 1813 г.), и личными склонностями к домашней, неофициальной поэзии. Последнюю он оставлял для дружеского круга и регулярно отправлял Жуковскому («К подруге», «Послание к Жуковскому. Из Москвы в конце 1812 года», «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину», «К Батюшкову», «Весеннее утро», «К Александру Яковлевичу Княжнину» и др.). Между тем для Вяземского творческие контакты, отражавшиеся в адресации посланий, оставались атомарными и принадлежали скорее к личной сфере, недаром эти стихотворения в большинстве так и оставались неопубликованными до 1820-х гг.

Жуковский, даже живя в деревне, умел институционализировать домашнее литературное общение. Так в чернско-муратовском круге Протасовых, Киреевских, Плещеевых родилась в 1811–1814 гг. «Академия любопытных нахалов» («Académie des curieux impertinents»), чья юмористическая и пародийная деятельность не просто оформлялась в виде заседаний с протоколами или «периодических изданий» («Муратовская вошь», «Муратовский сморчок»), но и выходила за пределы кружковой лаборатории, чему удивлялся Вяземский в письме от 18 мая 1812 г., прочтя ответ Жуковского («Послания к Плещееву. В день Светлого Воскресения») на стихотворное французское послание А.А. Плещеева «Épître à Joukoffsky»: «Есть стихи прелестнейшие, носящие печать Жуковского, есть иные и не носящие ее. Дивлюсь, как дурные французские стихи могли родить в тебе такие превосходные. Это отвечать на доношение бургмистра вольтеровским письмом. <...> Не постигаю!» [46. Л. 28]. Так дружеская среда и непубличная сфера становились пространством, где рождалась высокая поэзия, неожиданным для многих взлетом которой выступил «Певец во стане русских воинов».

Переписку Вяземского и Жуковского 1810–1817 гг., также как и историю их взаимных отношений нужно воспринимать в контексте более широкой системы дружеских контактов с К.Н. Батюшковым, А.И. Тургеневым, В.Л. Пушкиным, Д.В. Давыдовым, А.Ф. Воейковым, Д.Н. Блудовым, Д.В. Дашковым, С.С. Уваровым и др. Обмен посланиями и сообщения друг другу стихотворных опытов, замыслы журналов, альманахов и антологий, взаимное редактирование произведений, рефлексия над текущими литературными и историче-

скими событиями, совместное участие в журнальных полемиках, создание «дуумвиратов» и «триумвиратов» – характерная черта этой дружеской среды, которой требовалась лишь институализация, произошедшая в 1815 г. в виде «Арзамаса»⁶.

В этом поле затворник Жуковский, живущий то в Муратово, то в Дерпте, но принятый при дворе и заявивший о себе опытами высокой гражданской лирической рефлексии (послания «Государыне императрице Марии Федоровне» и «Императору Александру», «Молитва русского народа», «Песнь русскому царю от его воинов», «Певец в Кремле»), выступал как неформальный, но признанный глава. Для Вяземского его мнение и дружеская поддержка подтверждали право занять в литературном пантеоне молодого поколения свое достойное место. Сомнения в себе и в возможности овладеть теми или иными жанрами постоянно сопровождают его письма этого периода. Так, 28 марта 1814 г. Жуковскому пришлось убеждать друга:

Теперь слово о твоих стихах. Напрасно ты мучил и себя и меня глупою мыслью, что у тебя нет большого таланта <...>. Вздор и пустяки! <...> Ты не можешь еще себе решить, к чему особенно влечет тебя твой талант; все, до сих пор написанное, было мелочи – но все эти мелочи были написаны с тем дарованием, которое им прилично. <...> А *главная мысль, служащая основанием, и план* всегда стихотворны. Вот общее мнение о твоём таланте [5. Т. 15. С. 214].

14 ноября 1814 г. он вновь подтверждал: «Стихи твои все вообще прекрасны, полны дарования – тебе должно быть поэтом и записным поэтом, то есть записанным в кандидаты бессмертия» [5. Т. 15. С. 293]. А 19 сентября 1815 г. Жуковский призывал: «Ты требуешь моего благословения! Благословляю обеими руками! Если ты не поэт, то кому же сметь называться поэтом!» [5. Т. 15. С. 403] Подобные заверения наполняют и послания Жуковского, в частности, послание «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям»:

Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!
Проблему, что в тебе ни крошки дара нет,
Ты вздумал доказать посланьем,
В котором, на беду, стих каждый заклею
Высоким дарованьем!
Притворство в сторону! знай, друг, что осужден
Ты своенравными богами
На свете жить и умереть с стихами... [5. Т. 1. С. 359]

В переписке Вяземского и Жуковского этого периода типологические черты дружеской литературной коммуникации нашли, пожалуй, наиболее полное и широкое воплощение: тут и интенсивный обмен посланиями к разным адресатам (послания Жуковского «Тургеневу, в ответ на его письмо», «К Воейкову», «Вот прямо одолжили», «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину», «К князю Вяземскому», «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям», послания Вяземского «Милонову. По прочтении перевода его из Горация», «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину», «К Батюшкову», «К Кокошкину и Мерзлякову», «К Межакову», «К

партизану-поэту», «К друзьям», «Д.В. Давыдову»), и взаимное рецензирование и стилистическая правка десятков стихотворений разных жанров, в которых особенно был заинтересован Вяземский, интенсивно овладевавший новыми формами («Весеннее утро», «Вечер на Волге», «Утро на Волге», «Звезда на Волге», «Волнение», «К двоюродной сестре», «К Нисе», «К овечкам», «Надпись над бюстом императора Александра», «Песня» («На высоте надменных скал...»), «Пускай монахи...», «Русский пленник в стенах Парижа», «Собирайтесь, девки красны...», «Спасителя рождением...», «Увещание», «Услад», «Цветы» и др., а также многочисленные эпиграммы), и замыслы журналов (у Вяземского в 1810–1811, 1816–1817 гг., у Жуковского в 1813–1815 гг.), альманахов и антологий (у Вяземского в 1812 г., у Жуковского в 1816–1818 гг.), требовавшие совместного участия и по разным причинам не реализованные. Безусловно, не все произведения или проекты вызвали взаимное одобрение двух друзей. В особенности строго Жуковский относился к сатирическим и полемическим опытам младшего товарища, начиная с ранних эпиграмм и критических разборов («Нечто о 22 № «Вестника Европы» 1808 года», «Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков», «Два слова постороннего») и до его «Спасителя рождением...», на который он отозвался резким нравоучением в письме от 28 марта 1814 г.:

Не унижай таланта своего злословием. Я слышал, что ты написал Noël, где множество злого остроумия. Поверь мне, что такого рода сочинения не сделают никогда чести и могут быть причиною несчастья. <...> Твой Noël есть пасквиль, и пасквиль, достойный не только презрения, но еще и наказания. Ты нападаешь на честь и репутацию людей, поставленных самим государем на высокую степень. Заслуживают ли они это или нет – о том ни слова! Но твое ли дело – в двадцать лет – быть обвинителем и, может быть, клеветником [5. Т. 15. С. 214–215].

Между тем именно критика, полемика, сатира, гражданская рефлексия как раз и привлекали Вяземского, который к моменту рождения «Арзамаса» уже определился в своих мировоззренческих и художественных пристрастиях. К сожалению, его письма к Жуковскому 1814–1816 гг. почти не сохранились, и мы не знаем, как воспринял князь нравоучение старшего друга по поводу его Noël, но, например, в эпиграмме на А.С. Шишкова, главу «Беседы», «Кто вождь у нас невеждам и педантам?» Жуковский советовал смягчить выражения в четырех стихах из восьми, но возражения были проигнорированы [53]. Отличались, видимо, и представления друзей о целях «Арзамаса»: для Жуковского это было прежде всего неформализованное дружеское сообщество, интересное внутренним общением и игровыми практиками, Вяземского интересовал выход к большой аудитории, возможность заявить как о коллективной, так и об индивидуальной позиции⁷. Это совпало с желанием князя самоопределиваться и в общественной, гражданской сфере: с 1815 г. он начинает искать места для будущей службы, будь то дипломатическое поприще или министерство просвещения⁸. Жуковский, горячо приветствовавший начинания Вяземского-поэта, осто-

рожно отнесся к его арзамасским эпиграммам и полемическим статьям («Поэтический венок Шутовского», «Письмо с Липецких вод»), советуя не продолжать публичные литературные баталии (письмо от 25 ноября 1815 г.), а впоследствии советовал не включать их в собрание сочинений, которое Вяземский, стремившийся подвести первые итоги своей литературной деятельности, хотел подготовить в 1816–1817 гг. («Некоторые пиесы надобно уничтожить. В том числе “Письмо с Липецких вод”»: на что существовать этой шутке; она могла быть интересна в свое время, теперь этот интерес исчез» [5. Т. 15. С. 546], 11 августа 1817 г.). Достаточно скептически отнесся Жуковский в письме от первой половины сентября 1816 г. и к замыслу журнала, о котором князь думал с 1810–1811 гг. и программу которого представил в недошедшем до нас письме-«диссертации», очевидно, представлявшем собой вариант статьи, сохранившейся в бумагах А.И. Тургенева [24. Кн. 1. С. 459–461]⁹. Для Жуковского предпочтительнее виделась форма альманаха-ежегодника или антологии, представлявших оригинальные произведения и переводы, но без политики и литературной критики. На периферии внимания старшего друга остались и две большие, принципиальные для Вяземского статьи «О Державине» и «О жизни и сочинениях Озерова», где князь встраивал свою историко-литературную рефлексию в поле современных полемик. Таким образом, 1815–1817 гг. стали периодом, когда литературное наставничество, очевидно, превратилось в равноценное сотрудничество, где разветвленные арзамасские коммуникации помогали и сохранять единство, и проявлять индивидуальную позицию.

В 1818–1821 гг. различие жизненных стратегий и художественно-мировоззренческих установок определило уже новый характер общения, в том числе эпистолярного. В апреле 1817 г. Жуковский получил предложение стать учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, к занятиям с которой приступил с октября во время московского визита двора. Для поэта, чуждого карьерных устремлений, придворная должность воспринималась как вхождение в семейный круг царствующей династии, как соединение личной дружбы и возможности приносить пользу престолу, что сопровождалось постоянно расширяющейся культуртрегерской деятельностью [55, 56]. В творческом плане эти годы стали периодом «эстетических манифестов», построенных на эстетизации окружающего мира, когда «незамысловатые истории <...> оживотворяются через их погружение в мир чувств и раздумий поэта» [57. С. 158] и приобретают универсально-философский смысл. Для Вяземского поиск места службы, который он начал в 1815 г., в августе 1817 г. завершился назначением в Варшаву в качестве переводчика при императорском комиссаре Н.Н. Новосильцеве. Этот шаг мыслился вступлением в большую жизнь и государственную деятельность, где можно было, в том числе через подразумеваемую близость к императору, воплотить свои либерально-конституционные идеи, а свою поэзию насытить высоким гражданским содержанием [40. С. 54–78; 58, 59].

Поле для диалога стала переписка, которая велась между Варшавой и Петербургом, приобретающая со стороны Вяземского манифестарный характер, чему много

способствовало посредничество А.И. Тургенева, распространявшего послания друга в арзамасском кругу. Эта повышенная публичность стесняла и даже раздражала Жуковского, 12 ноября 1818 г. он усовещал обоих товарищей: «И не забудь, что ты пишешь к Тургеневу! Он на этот счет слишком беспечен. Ему нужно умное письмо, которое бы носить за пазуху и читать встречному и поперешнему» [5. Т. 16. С. 29]. Между тем именно в варшавские годы Вяземский, удаленный от друзей, в полной мере осознал значение и возможности эпистолярной позиции, что впоследствии позволило ему сказать: «Письма в жизни других – эпизод; у меня они – история моей жизни» [48. Т. 2. С. 92]. Вдобавок, именно неофициальная коммуникация позволяла в варшавский период реализовать сокровенную интенцию Вяземского быть от лица арзамасцев интерпретатором конституционно-реформистских начинаний императора перед публикой и, особенно, «дипломатическими Оссианами».

В этом ключе князь оценивал и творчество старшего друга, уже вошедшего в придворную среду и имевшего, как ему представлялось, широкие возможности, чтобы привлечь внимание и императорской фамилии, и общественного мнения. Так, в кругу польских друзей Вяземский читает отрывки из «Певца во стане русских воинов» и послания «Императору Александру», одобрительно вспоминает «Певца в Кремле» и приветствует послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» («Рождение великого князя в Кремле может быть поэтическим рудником для тебя: перед тобою дым столетий и сияние грядущего. <...> Пробуди певца на Кремле и тени кремлевские» [51. Л. 33], 25 апреля – 5 мая 1818 г.), дает шутивно-либеральную интерпретацию перевода «Орлеанской девы» (29 июня – 5 июля 1818 г.), но с глубокой иронией воспринимает альбомные павловские стихотворения Жуковского и его переводные идиллии, отмеченные поэтизацией повседневности («Я в брань не пушусь, а советую тебе воздержаться. <...> Не забудь, ты уже на виду. С тебя толпе надобно брать пример. Нельзя же иногда и не принять осанки, а ты возишься, как будто бы и в самом деле никто на тебя не глядит» [46. Л. 38], там же). Желание воззвать к товарищу, стать его «будильником», возвысить до гражданской рефлексии пронизывают все варшавские письма Вяземского, что нашло программное воплощение в письме от 15/27 марта 1821 г., когда князь в связи с изменением политики императора, склонившейся к реализации мистических идей Священного союза, уже разочаровался в возможностях равного союза с царем:

Добрый мечтатель! Полно тебе нежиться на облаках: спустись на землю, и пусть, по крайней мере, ужасы, на ней свирепствующие, разбудят энергию души твоей. Посвяти пламень свой правде и брось служение идолов! Благородное негодование – вот современное вдохновение! При виде народов, которых тащут на убиение в жертву каких-то отвлеченных понятий о чистом самодержавии, какая лира не отпрянет сама: месть! месть! Ради бога, не убаюкивай независимости своей ни на розах потсдамских, ни на розах гатчинских. Если бы я предостерегал тебя от суетности, то, верно, замолчал бы скоро, ибо страх мой за тебя не мог бы

сочетаться с уважением моим к тебе; но страшусь за твою царедворную мечтательность. В наши дни союз с царями разорван: они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать против них, но не знаться с ними. Провидение зажгло в тебе огонь дарования в честь народу, а не на потеху двора. Как ни будь поверхностно и малозначительно обхождение супруга с девушками, но брачный союз все от того терпит, и рано или поздно распутство дома отзовется. Брачный союз наш с народом: домашнее бытие наше в отечестве. Царская ласка – курва соблазнительная, которая вводит в грех и от обязанности законной отвлекает [60. Л. 3].

Подобные призывы, чуждые и жизненной позиции, и эстетике Жуковского, разумеется, не разрушали дружбы, о чем свидетельствует его приписка к письму А.И. Тургенева от 18 декабря 1818 г. [7. Т. 1. С. 176], но, видимо, создавали дискомфорт, отразившийся в снижении интенсивности переписки (за 1820 г. не сохранилось ни одного письма, а за 1821 г. только два). Одной из главных причин стало разное понимание целей поэзии. Так, 7 августа 1819 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу: «Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем, так, я понимаю, но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфирородную, я постигнуть этого не могу! Знаешь ли, что в Жуковском вернейшая примета его чародейства? – Способность, с которою он себя, то есть, поэзию, переносит во все недоступные места. Для него дворец преобразовывается в какую-то святыню, все скверное очищается пред ним» [7. Т. 1. С. 284–285]. В письме от 13 сентября 1819 г. к самому Жуковскому он говорил о том же: «В отношении *святыни* твоей опять другое дело. Я тебя не порочу, а не постигаю. Тут опять не слово – *дело*, а *дело* – *слово*. Когда влезу в душу твою и расположусь в ней как дома, то я срачиваюсь с тобою и смотрю на тебя при свете, тебе сродном, но из своего ума смотрю на тебя при свете, падающем в мои окна, и не понимаю, как можешь ты быть жрецом божества, когда в душе палац нелицемерный» [46. Л. 125].

Насмешливый, но чуткий друг точно понял установки не только творчества Жуковского, связанного с придворными темами или героями, но и сущность его положения в кругу царственных особ. 2 сентября 1819 г. Жуковский отвечал Вяземскому, раскрывая свое кредо: «Что же тут непостижимого? Стоит только не испугаться самодержавного словечка порфирородная, стоит только вообразить, что душа порфирородная <...> есть прекрасная, чистая, полная простого, неиспорченного чувства душа, следственно, душа поэтическая и пробуждающая поэзию! Тогда поймешь, что легко быть поэтом по заказу! По крайней мере, мне не было трудно быть здесь поэтом. Главное: искренно предаваться влекущему чувству! Нет дела до того, что толпа не верит этой искренности» [5. Т. 16. С. 48]. Обращаться к душе человека и видеть в собеседнике прежде всего частную личность, а уже потом государственного деятеля или царственную особу – вот творческая и поведенческая стратегия Жуковского в придворной среде с 1810-х гг., подтверждавшая его принцип: «Жить всегда, как пишешь иногда» [5. Т. 16. С. 48].

Наиболее отчетливо различие мировоззренческих и творческих позиций высказалось в обмене письмами, посвященными посланию Вяземского «Сибириякову». Знаменательно, что обсуждение собственно проблем крепостничества, также как и других политических вопросов князь оставлял для переписки с другими адресатами – А.И. Тургеневым, Н.И. Тургеневым, М.Ф. Орловым. Это подметил и Жуковский применительно к стихотворению «Петербург»: «Ты ко мне посылаешь стихи, а содержание их Николаю Тургеневу» [5. Т. 16. С. 34] (12 ноября 1818 г.). Также было и в случае послания к поэту-кондитеру, о котором в конце августа 1819 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу: «Непременно по второй эстафете возврати мне мой список с замечаниями своими, братниными. Ты все с больной головы на здоровую складываешь. Мне ничуть не Жуковского в особенности замечания нужны: твои могут быть мне очень полезны» [7. Т. 1. С. 298]. Тем не менее А.И. Тургенев ограничился в ответном письме только стилистическими замечаниями, а Жуковский, кроме того, высказал принципиальное мнение в письме от 2 сентября 1819 г.:

<...> эта пьеса должна действовать на общее мнение; я желал бы, чтобы она говорила более чувству; чтобы она более пробуждала душу величием предмета, нежели ожесточала ее оскорблением. <...> Эта пьеса должна произвести общее действие: до того нет дела, что Вяземский умеет прекрасно говорить о свободе; главное в том, чтобы дать об ней истинное, высокое понятие тем, которым наиболее нужно ее полюбить, не рабам-служащим, а рабам-повелевающим; и способ самый действенный не оскорбление, а сильный язык чувства. Он будет понятен и благодетелен. Он украсит высокую должность и сблизит враждующие партии. <...> Светильник поэзии не должен быть зажигателем: он должен согреть, светить и оживлять [5. Т. 16. С. 48–49].

Ответом стало столь же принципиальное возражение Вяземского в письме от 13 сентября 1819 г.: «Ты кадишь им ладаном не лести, но поэзии, я хотел бы задеть их кадильницей истины: побуждение наше одно, но способы и суждения наши разны. Ты хочешь их очистить – я измарать, надеюсь, что, авось, очнутя и сами с омерзением увидят грязь свою. Ты хвалишь добродетель – я ругаю пороки» [46. Л. 125–125 об.]¹⁰.

Не увенчавшись успехом гражданских замыслов, более того, завершившись попаданием в разряд опальных лиц, варшавский период в жизни и творчестве Вяземского принес полное осознание сущности своего поэтического дара, вступавшего в деятельный диалог с творчеством старшего товарища:

Ты написал о смерти Вирт<ембюргской> королевы жуковщину, а я пойду говорить тебе, зачем не написал ты громкой оды, которая так же была бы хороша. Ради бога! Отвяжись от этой привычки указывать дарованию дорогу. <...> Ты хотел, чтобы я фенелонствовал, но моя природа звала меня ювенальствовать. <...> Ты очищай воздух как солнце, в благодеяниях постоянное, я – как гроза, порывами и потрясениями [46. Л. 125 об.].

Сотрудничество, помощь и совместное участие в литературных проектах определили модус по пре-

имуществу заочного общения Вяземского и Жуковского в 1822–1827 гг., ознаменованные рядом сближающих кризисов – заботой о больном К.Н. Батюшкове, декабристским восстанием и его последствиями для братьев Тургеневых, смертью Н.М. Карамзина, переменами в положении А.С. Пушкина. Для князя, находившегося под опалой и разочарованного в возможностях государственной службы, но ощущавшего себя рупором либерального общественного мнения, в этот период целью стало нахождение публичной площадки, где можно было бы выразить свою позицию, общественную и литературную. Это определило и сдвиг творческих интересов в сторону критики, полемики, публицистики¹¹. Жуковский, вернувшийся из первого заграничного путешествия и сблизившийся со двором и с императорской фамилией, все более глубоко ощущал, что его поприще – педагогика, и хотел подвести итоги своей поэтической деятельности. В этом плане определенным рубежом стал 1824 г., когда Вяземский завязал контакты с Н.А. Полевым и затем выступил активным сотрудником «Московского телеграфа», а Жуковский выпустил третье собрание сочинений и получил приглашение стать наставником великого князя Александра Николаевича.

Так определилась новая конфигурация взаимных отношений: для князя поэт-придворный с многочисленными друзьями-арзамасцами, растущими по карьерной лестнице, воспринимался как предстатель перед петербургским литературным светом и заступник перед цензурой, для Жуковского молодой литератор-журналист был и московским поверенным в делах, и доставщиком новостей, и своеобразным голосом ушедшего в прошлое «Арзамаса». Между тем Вяземский не оставлял мысли переложить на старшего товарища свои не реализовавшиеся надежды на пробуждение общественного мнения, как в письме от 9 января 1823 г.: «Вы все или слишком придворны, или слишком беспечны. <...> Что за выгода для республики словесности, что вы, избранные ею, в милости у двора, когда вы ничего для родины вашей не делаете, а, напротив, отрицательным согласием скрепляете узы рабства ваших соплеменников? Вы мало думаете об истории, а грифель ее и на вас поднят» [30. № 2. С. 187]¹².

Основными сюжетами в переписке 1822–1824 гг. стали новые творческие проекты как собственные, так и коллективные, цензурные неурядицы и участие в судьбе К.Н. Батюшкова. У Жуковского, ощутившего тягу к большим поэтическим формам, новыми жанрами стали поэма «Шильонский узник» и драма «Орлеанская дева», вкупе с опытом перевода из «Энеиды». Эти переводные тексты воспринимались Вяземским с большой заинтересованностью, но не удовлетворяли вполне, особенно на фоне камерных стихотворений, которые Жуковский отдавал в журналы и альманахи «Полярная звезда»: «Можно ли было напечатать в «Звезде» столько пустяков, как ты напечатал? Как миллионщику носить в кармане медные деньги? <...> Как ни говори, тебе необходимо пустить свою жизнь в выжигу <...> Так остаться тебе невозможно: или оживи, или умри, а расслабленным скитаться тебе не годится» [60. Л. 14 об.–15] (9 февраля 1823 г.). На подобные упреки Жуковский мог ответить только

удивлением, как в письме от конца февраля 1823 г.: «Ты сделался удивительно бранчив в Москве: создал для себя из нас (а особенно из меня) каких-то жалких идолопоклонников и казнишь нас как правоверный. Желал бы я знать, объяснил ли ты для самого себя, чего требуешь, например, от меня?» [5. Т. 16. С. 182]. Тем не менее Вяземский с большим энтузиазмом помогал в распространении в Москве всех новых изданий Жуковского, в частности его третьего собрания сочинений, известия о продаже которого заполняют письма 1824 г., а также благотворительного альбома «Шесть видов Павловска».

Самым крупным проектом Вяземского в эти годы стала биография И.И. Дмитриева, которая должна была стать предисловием к новому собранию его сочинений, но превратилась из жизнеописания в развернутый историко-литературный обзор [21. С. 84–94], что, в свою очередь, вызвало полемику с издателями (Вольное общество любителей российской словесности в лице Н.И. Гнедича), посредником в которой выступил Жуковский в 1822 г., также не одобрявший обилие отступлений и усложненный стиль (письма от 26 декабря 1822 г. и конца февраля 1823 г. [5. Т. 16. С. 169–170, 182–184]). Чаще же всего Вяземский выступал как издатель и как корреспондент журналов и альманахов («Меня и так теребят во все стороны. Ривароль называл кого-то *Провидением альманахов*. Право, я скоро попаду в Провидение» [46. Л. 11], 12 марта 1824 г.), пытаясь привлечь к сотрудничеству и старшего товарища, в частности, в случае с В.К. Кюхельбекером и его альманахом «Мнемозина». Последнее не вызвало у Жуковского энтузиазма, в отличие от издания «Бахчисарайского фонтана» с программным «Разговором между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» («За твое предисловие к «Б<ахчисарайскому> фонтану» обнимаю тебя; оно мне очень, очень понравилось» [5. Т. 16. С. 230], вторая половина февраля 1824 г.).

Не оставляли друзей и замыслы совместного периодического издания. Вяземский мечтал о большом журнале просветительского характера: «Вот еще прекрасное дело: периодическое издание критическое об иностранных книгах, выходящих в свете; критики брать из журналов Эдимбургского, «*Revue Encyclopédique*», немецких. Тут также труда немного, а польза большая. Разливать будем по России свет европейский; нам из-за своего домашнего жить нельзя» [30. № 2. С. 188] (9 января 1823 г.). Энтузиазм друга пробуждал и ответные замыслы Жуковского: «У нас ворочалась мысль выдавать нечто похожее на «*Annual register*»; но этот план слишком обширный и неисполним с нашею благодатною цензурою. Надобно, чтобы была *всякая всячина* и чтобы при этой всякой всячине была постоянная статья, *palpitante de l'intérêt du moment*¹³. Для этой статьи *ты!*» [5. Т. 16. С. 230] (вторая половина февраля 1824 г.). Однако эти начинания остались невоплощенными.

Заметное место во взаимной переписке 1822–1824 гг. заняли цензурные осложнения. У Жуковского это был запрет к публикации и постановке «Орлеанской девы», о чем он, не посвящая в детали, сообщил князю, и

история с «Замком Смальгольм», вызвавшим возражения духовной цензуры [61]. Обращения к министру просвещения князю А.Н. Голицыну к успеху не привели, однако благодаря Вяземскому московская цензура в лице И.М. Снегирева балладу пропустила, о чем князь писал 30 июля 1823 г. [30. № 2. С. 184]. Жуковский, впрочем, от такой полуподпольной публикации отказался. Наибольшим придиркам из произведений Вяземского подверглись стихотворения, предназначенные для «Полярной звезды», в какой-то момент вообще отвергнутые (см. письмо Жуковского от рубежа октября–ноября 1823 г. [5. Т. 16. С. 215]). Здесь потребовалось вмешательство А.И. Тургенева и князя А.Н. Голицына, но стихотворения, в частности «Петербург», подверглись изъятиям, что вызвало негодование Вяземского:

Вообще, мне досадно на Бестужева и на тебя, что вы дали вывести меня таким скопцом. Гораздо лучше и зтейливее было, если сказать бы в коротких словах: «по некоторым обстоятельствам стихи к<нязя> Вяземского не могут быть напечатаны в нынешней книжке». И мне, и публике, и издателям было бы лучше. Я тут и завел бы войну Пуническую с цензурою, Министерством, Сенатом и так далее и так выше до Самого Нельзя! Может быть, неким и сделалось бы совестно, и я добился бы до перемены [51. Л. 39] (5 января 1824 г.).

Но, пожалуй, наиболее сблизил друзей неожиданная болезнь К.Н. Батюшкова, третьего участника «триумвиата», о которой Вяземский спрашивал 16 февраля 1822 г.: «Говори мне о Батюшкове. Здесь его поминутно с ума сводят» [60. Л. 5 об.]. В.А. Кошелев подробно осветил, как в переписке арзамасцев и родственников Батюшкова отразились перипетии течения болезни: неожиданный приезд в Петербург в марте 1822 г., летняя поездка на Кавказ и в Крым, пребывание в Симферополе осенью-зимой 1822–1823 гг., попытки самоубийства, доставление в Петербург в мае 1823 г., надзор друзей и родственников на даче и в петербургской квартире, наконец, организованное Жуковским отправление в Зонненштейн в психиатрическую клинику [62. С. 290–301]. В письмах Жуковского, близко и постоянно наблюдавшего течение болезни, мы найдем немало выразительных картин развивающейся мании преследования и безнадежных попыток ее исцеления (письма от конца апреля и 26 декабря 1822 г., от конца февраля и в особенности 5–6 августа, от рубежа октября–ноября и конца декабря 1823 г., от конца января и 5 мая 1824 г.). Вяземский, находясь в Москве, до поры еще питал иллюзии о возможности излечения друга и даже выдвигал собственные прожекты, как в письме от 5 января 1824 г.:

Признаюсь, не одобряю перемещения его ни в Зонненштейн, ни в другое подобное место. Он не довольно решительно помешан, чтобы не понимать своего положения, и уверение, что его почитают безумцем, должно усилить его безумие. У него точно какой-то сердечный, нервический недуг, требующий особенного попечения. Поездка в чужие края, развлечение могут быть ему полезны, но более всего, кажется, поможет ему дружеское лечение. Надобно бы друзьям его, так сказать, обнять

всю жизнь его и перерезать все, что связывает ее с прошедшим и с внешним, одним словом, дойти бы до того, чтобы он мог забыть и тогда мало-помалу настраивать его ум и душу; надобно бы вернуть его в умственный и душевный сомнамбулизм постоянный. А этого, кроме друзей и близких, никакие врачи сделать не могут [51. Л. 39–39 об.].

Череду утрат продолжили 1825 и 1826 гг., когда после декабристского восстания многие прежние товарищи были казнены, оказались на каторге или в изгнании, как братья Тургеневы, а затем тяжело заболел и умер Н.М. Карамзин. «Декабрист без декабря», по выражению С.Н. Дурылина, Вяземский, не входя в тайные общества и даже не разделяя радикализм их взглядов, имел разветвленные контакты с многими декабристами [40. С. 136–152; 63; 64], тем болезненнее он воспринял события на Сенатской площади. Для Жуковского 14 декабря 1825 г. стало неожиданным и немотивированным анархическим бунтом, и, зная умонастроение Вяземского, он отказался обсуждать с ним истоки и смысл происшедшего: «Но разве последние происшествия не переменили направления твоих мыслей. Об этом лучше говорить, нежели писать. Признаюсь, то, с чем я прежде был *просто несогласен*, то теперь *раздражает*. Итак, basta¹⁴» [5. Т. 16. С. 295] (21 февраля 1826 г.)¹⁵. Князь в письме от первой половины февраля 1826 г. высказал свою позицию вполне отчетливо: «Доказательство тому, что я не одобрял ни начала, ни средств, кои покушались привести в действие, есть то, что пишу тебе из Москвы; но постигаю причины и, не оправдывая лиц, оправдываю действие, потому что вижу в нем неминуемое следствие бедственной истины» [7. Т. 5. Вып. 2. С. 160]. Нелегитимным он счел и суд над участниками восстания: «Посадите Карамзина, Дмитриева, славных и непреложных приверженцев царского величия, но людей прямодушных и пряморассудных, или других подобных им, и тогда *обвинения* получат внутренний вес, которого они теперь не имеют» [7. Т. 5. Вып. 2. С. 159]. Разное понимание происшедшего не отменило, однако, для двух друзей тревогу за товарищей, подвергшихся преследованию, и забота о судьбе Н.И. и А.И. Тургеневых стала общей до конца 1820-х гг., о чем Жуковский напоминал даже в разгар дела «о развратном поведении» Вяземского: «Ты все еще не образумился. А у тебя на совести должен быть Тургенев: не могу понять тебя» [47. Л. 13] (27 октября 1828 г.).

Следствие над декабристами совпало со смертельной болезнью Н.М. Карамзина. О ее течении Жуковский сообщал Вяземскому в письмах от февраля-марта 1826 г. [5. Т. 16. С. 293–295, 298], надеясь, что она завершится так же, как в 1823 г. (см. июньские письма [5. Т. 16. С. 204–207]), выздоровлением. С этой надеждой Жуковский отправился за границу для собственного лечения, разминувшись с Вяземским, который, собираясь сопровождать Карамзиных в путешествие на юг Франции¹⁶, приехал в Петербург 23 мая, на следующий день после смерти наставника. «Как весь наш мир расстроился. Точно приходится жить на одной памяти: настояще нестерпимо дурно, а в будущем никаких нет надежд, а, напротив, одни

утраты. Карамзин, Батюшков, Тургеневы, Жуковский, Вяземский – все это деревья, более или менее опаленные молниею» [51. Л. 45], – так писал Вяземский другу 3 мая 1826 г. Уход друга, мужа и отца стал главным предметом большого коллективного письма Карамзиных и Вяземского из Ревеля от 5/17 августа 1826 г., в концовке которого князь говорил:

Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в мире поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставили после себя бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется. <...> Смерть друга, каков был Карамзин, каждому из нас есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь, но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов, все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей! [65. Л. 2 об.]

Время заграничного путешествия 1826–1827 гг. для Жуковского и братьев С.И. и А.И. Тургеневых стало периодом уединения, когда, живя в Дрездене, первый, заботясь о друзьях, посвятил себя подготовке учебных материалов для будущих занятий с великим князем Александром Николаевичем и общению с местным ученым и художественным обществом [66]. За этот период сохранилось лишь одно совместное письмо Жуковского и А.И. Тургенева к Вяземскому от 26–27 декабря 1826 г. / 7–8 января 1827 г., в котором приветствовались журнальные начинания друга, а также сообщалось о своих учебных занятиях и о пересылке европейских журналов и книг. Активным действующим лицом выступил в этот период князь, находившийся в разгаре журнальной деятельности в «Московском телеграфе» [21. С. 128–169].

Вернувшись из Ревеля поздно, дабы не присутствовать на московских коронационных торжествах, он 29 сентября / 10 ноября 1826 г. подробно рассказывал друзьям о новостях общественной и литературной жизни: о новом цензурном уставе («решишь написать на него замечания и поднеси их царю. Это обязанность твоя! По смерти Карамзина ты призван быть представителем и предстателем русской грамоты у трона безграмотного»), о новых назначениях («ничего в атмосфере политической не возмещает благотельного перерождения, хотя и говорят о многих переменах в лицах и управлениях»), о перемене в положении А.С. Пушкина и его новых планах и произведениях («Пушкин здесь и на свободе»), об отправке в Сибирь осужденных декабристов и их жен [8. С. 40–44]. Под пером Вяземского подобные развернутые письма превращались в неофициальные газетные обзоры, где было все – литература, политика, частная жизнь. Здесь чувствовался темперамент истинного журналиста, и этого же князь ожидал от своих друзей:

Стихов от тебя не прошу, потому что, вероятно, их у тебя нет, а, между прочим, прошу никому не отдавать, кроме меня, если чем разродишься; но давай мне прозы, в виде писем о новых выходящих книгах в Германии, в виде отчетов чтений твоих и проч<его>. Тебе это легко: тут авторствовать не нужно, пожалуй, и твоего имени выставлять не буду, а просто назову их сообщениями

дрезденского корреспондента. Две, три странички в месяц тебя не отяготят, а меня обогатят. Можно говорить о театре, о городе, о погоде, о девках etc. В этом надеюсь и на Тургенева, то есть не о девках речь идет, а о сообщении мне европейских новостей [8. С. 46] (20 ноября / 2 декабря 1826 г.).

От Жуковского, впрочем, несмотря на заверения в сотрудничестве, Вяземский материалов не дождался, хотя замыслы были: «Апрель проведу в Берлине. Там, может быть, удастся что-нибудь написать. Буду посещать немецкий театр и скажу, может быть, что-нибудь о состоянии драматической поэзии в Германии. Май проведу в Париже. Может быть, удастся что-нибудь написать о тамошнем театре в сравнении с немецким, о тамошних дневных новостях. Также хочу заняться криминальным публичным судом. Если в состоянии буду, напишу что-нибудь и об этом предмете. Но, во всяком случае, не обещаю ничего» [5. Т. 16. С. 429–430] (26–27 декабря 1826 г. / 7–8 января 1827 г.). И даже публикация в «Московском телеграфе» цикла его стихотворений вызвала решительное осуждение: «Ты же, друг-товарищ, говорят (ибо я не видел), напечатал мою «Лалла Рук», которая была не для печати. На что это похоже?» [5. Т. 16. С. 518] (конец октября 1827 г.).

Основной «добычей» стала присылка европейских журналов и книг, материалы которых были очень нужны, дабы сделать журнал вестником современного просвещения. Здесь фигурировали «*Revue britannique*», «*Revue encyclopédique*», «*Edinburg Review*», «*Quarterly Review*», «*Annales des Voyages*», «*Litteratur Zeitungen*», «*Catholique*», «*Globe*», «*Bibliothèque universelle*», «*Hermès*», произведения В. Скотта, Ф. Гизо, Ф.О. Минье, Ф.Р. Шатобриана, К. Делавиня, Г.Ж. Увара, М.К. Огинского, Ж.А.П.Ф. Ансело и многих других (см. комментарии к письмам [4. Т. 2]). Особым предметом внимания выступили контакты с русскими и зарубежными корреспондентами: Вяземский просил привлечь к сотрудничеству И.А. Бека, Я.Н. Толстого и Э.И. Геро, переслать М.А. Жульену, редактору «*Revue Encyclopédique*», «Письмо из Парижа», опубликованное в «Московском телеграфе» [67]. Не все поручения друзья смогли выполнить, но Жуковский, в частности, подписал Вяземского на ряд журналов и привез из путешествия большое количество книг, о чем сообщал в конце октября 1827 г.: «Я привез тебе книг и брошюр. Боюсь, что будешь недоволен. Брошюры устарели с тех пор, как куплены» [5. Т. 16. С. 518].

Участие в «Московском телеграфе» сопутствовали и многочисленные цензурные затруднения, ставшие предметом активного обсуждения после возвращения Жуковского в Россию. Так, статья «Поживки французских журналов в 1827 году», где разбирались книги В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов», вызвала возражения цензора С.Т. Аксакова, и только благодаря протекции Д.Н. Блудова была напечатана в 1828 г.¹⁷ Цензурные препоны стали для князя своеобразным сигналом о невозможности активной журнальной деятельности, о чем он писал Жуковскому 18 ноября 1827 г.: «Если Блудов не вступится, то

лучше бросить журнал, то есть отказаться мне от средства иметь честным образом ежегодно несколько тысяч рублей» [51. Л. 48]. Возникшее охлаждение к журналу Полевого вынудило Вяземского искать новые возможности. В конце 1827 г. у него возник план собственного ежеквартального издания под названием «Современник», о котором 12 ноября он писал А.И. Тургеневу. Как замечает М.И. Гиллельсон, «Название пушкинского “Современника” связано с этим неосуществленным замыслом Вяземского» [21. С. 171]. Через несохранившееся письмо князя к Карамзиным с этим замыслом познакомился и Жуковский, одобливший его в письме от 2 ноября 1827 г. [5. Т. 16. С. 520–521].

Взлет московской журналистики в лице «Московского телеграфа» и «Московского вестника», где сотрудничал Пушкин, вызвал пристальное внимание журналистов-конкурентов [68. С. 386–391; 69; 70. С. 255–259], а через них и правительства, о чем Д.Н. Блудов предупреждал товарища в полуофициальном письме от 30 августа 1827 г. [71]¹⁸. В надежде переломить наметившуюся тенденцию Вяземский с весны 1828 г., приехав в Петербург, начал попытки вернуться на государственную службу, но первый опыт обращения к А.Х. Бенкендорфу, чтобы получить разрешение на определение при главной квартире армии, завершился неудачно. Вяземскому было вежливо отказано по причине отсутствия вакантных мест, свою роль в отказе сыграл отзыв великого князя Константина Павловича, таившего недовольство на Вяземского еще с пребывания того в Варшаве и подчеркнувшего в письме к А.Х. Бенкендорфу его неблагонадежность: «<...> писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за главной императорской квартирой. Поверьте мне, любезный генерал, что, в виду прежнего поведения, как бы они ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-либо положиться» [72. С. 319].

Вскоре в апреле-мае 1828 г. М.Я. фон Фоком была составлена секретная записка, где сообщалось о намерении московских литераторов (Пушкин, Титов, Шевырев, Одоевский, братья Киреевские, Погодин и Вяземский) создать орган для пропаганды либеральных мыслей в виде газеты «Утренний листок». Записка апеллировала к материалам перлюстрированных писем и тенденциозно представляла публикации журнала «Московский вестник» [73. С. 45–49]. Ее основой явился донос Ф.В. Булгарина еще 1826 г., где говорилось: «Два человека в Москве, князь Петр Андреевич Вяземский и Александр Пушкин, покровительством своим <М.П. Погодину. – В.К.> могут причинить вред. Первый, которого не любили заговорщики за бесхарактерность, без всякого сомнения более во сто крат влиял противу правительства, образа правления и покойного государя, нежели самые отчаянные заговорщики. Он *frondeur par esprit et caractère*¹⁹ – из ложного либерализма отказался даже от камер-юнкерства и всякой службы, проводит время в пьянстве и забавах в кругу юношества и утешается сатирами и эпиграммами» [74. С. 131].

Записка была послана М.Я. фон Фоком к А.Х. Бенкендорфу в императорскую квартиру 30 мая 1828 г. С ней ознакомился также Д.В. Дашков, критически оценивший аргументы доноса и особо высказавшийся о Вяземском: «Кн. Вяземский известен правительству с самой дурной стороны и справедливо терпит за невоздержность языка и пера своего. Переписка его была вредна и ему, и другим. Но сердце Вяземского совсем не злое и не способно к измене: тому может служить доказательством и невинность его по делу о злоумышленных тайных обществах» [73. С. 49].

В начале июня Ф.В. Булгарин составил новый донос, где главным учредителем политической газеты назывался уже только Вяземский: «Князь *Вяземский* (Петр Андреевич), пребывая в Петербурге, был атаманом буйного и ослепленного юношества, которое толпилось за ним повсюду. Вино, публичные девки и сарказмы против правительства и всего священного составляют удовольствие сей достойной кампании. <...> Вяземский направляется в Москву, чтобы тайно организовать издание новой «*Утренней газеты*». <...> Либеральная или, лучше сказать, злонамеренная партия с нетерпением ожидает успеха» [75. Л. 1–1 об.]. В итоге Николай I принял точку зрения Бенкендорфа и Фока, поручив графу П.А. Толстому, ведавшему государственными делами во время отсутствия императора, дать официальное запрещение на издание «Утреннего газеты» и вынести порицание Вяземскому, что граф и сделал, написав московскому генерал-губернатору Д.В. Голицыну 3 июля 1828 г.: «<...> императорскому величеству известно бывшее его поведение в Санкт-Петербурге и развратная жизнь его, недостойная образованного человека. По сему уважению государю императору благоугодно, дабы ваше сиятельство изволили внушить князю Вяземскому, что правительство оставляет собственно поведение его дотоле, доколе предосудительность оно не послужит к соблазну других молодых людей и не вовлечет их в пороки. В сем же последнем случае приняты будут необходимые меры строгости к укрощению его безнравственной жизни»²⁰. Это письмо в сопровождении собственного Д.В. Голицын отправил Вяземскому 26 сентября 1828 г. после возвращения последнего из саратовских поместий.

Эмоциональную реакцию князя на совершенно неожиданное обвинение передает его письмо к Жуковскому от 30 сентября 1828 г., переданное не через почту, а с А.А. Дельвигом:

Не будет мне удовлетворения, и мне никак нельзя оставаться в России, где я живу hors la loi²¹, где хожу под невидимыми ножами, о коих узнаю только по крови, брызнувшей из себя. У меня дочь 14-летняя, у меня сын 8-летний; прежде говорили только, что я либерал; худо или посредством, но я мог еще жить; не мог обещать детям своим блестящей участи в будущем, но, по крайней мере, не готовил им в наследство поношение быть детьми отца, официально именным повелением приреченного развратным и развратителем, отца, которого угрожали судьбою какого-нибудь де Сада. Теперь я на этой точке [51. Л. 51].

Чтобы обелить свое имя, Вяземский вскоре передал Д.В. Голицыну два больших оправдательных письма [43. С. 312–316], последнее из которых тот переправил П.А. Толстому и А.Х. Бенкендорфу. Нам уже приходилось описывать дальнейшее развитие этого дела [76], поэтому отметим лишь усилия Жуковского и Вяземского по оправданию.

Каковы бы ни были конкретные поводы высочайшей немилости, публичные европейские методы их опровержения в деле, преподнесенном как исключительно приватное и разворачивавшееся между императором и его подданным, подействовать не могли. Здесь работала не формальная логика судебного процесса с его разбором доказательств и улик, а ритуал покаяния и испрошения прощения. Это вполне почувствовал Жуковский, столкнувшийся с такой практикой в ходе ходатайств за Н.И. Тургенева. В письме от 27 октября 1828 г. он присоединялся к советам А.Х. Бенкендорфа:

Теперь пишу к тебе по препоручению Бенкендорфа. Он говорил на счет тебя со мною с довольными подробностями, и я был доволен и тоном его и благонамеренностью. Он искренно и с доброжелательством готов поправить твоё дело. Ты сам и никто другой причиною того, что с тобою случилось. То есть не *ты сам на себя донес, что хочешь выдавать Утреннюю газету*, а ты написал какое-то и к кому-то письмо, которое представлено и которое, если оно похоже на многие старинные письма твои, должно было возбудить против тебя мнение. Не знаю ничего об этом письме, но скажу искренно, что для меня такой образ действия непонятен и в тебе отвратителен. <...> Тебе надобно написать к Бенкендорфу насчет того, что случилось с тобою по последнему ложному обвинению <...>. Он желает, чтобы ты написал, что просишь у госуд<аря> забвения прошедшего, что желаешь быть определен в службу, куда *государь заблагорассудит*, что желаешь этого, дабы опытом доказать, что предубеждение, произведенное насчет тебя (в некоторых отношениях твоею же виною), было несправедливо [47. Л. 13–14].

Опубликованная и неопубликованная переписка Вяземского с Жуковским, основным ходатаем в его защиту перед А.Х. Бенкендорфом, М.Я. фон Фоком, П.А. Толстым и самим императором, полная эмоциональных срывов, взаимных обвинений то в бездействии (письмо Вяземского от 25 октября, несохранившееся письмо от конца октября – начала ноября 1828 г., цикл его ноябрьских и декабрьских писем), то в неблагоприятной язвительности (письма Жуковского от конца октября, 10 и 20 ноября 1828 г., 1 января 1829 г.), демонстрирует, насколько болезненным было для князя принятие необходимости подобного покаяния. Его ключевым документом явилась известная «Записка о князе Вяземском, им самим составленная» в декабре 1828 – январе 1829 г. Как справедливо заметил М.И. Гиллельсон, в ней князь «выставлял себя представителем независимого общественного мнения» [21. С. 178] и играл роль без повода оклеветанного лица, однако в итоге принимал необходимость полного подчинения высочайшей воле, надеясь на «рыцарский» суд и милость императора. Как

выяснилось в дальнейшем, Николай I такую покорность принял. В дневниковой записи от 1 апреля 1830 г. Жуковский привел мнение императора о Вяземском: «Слушай! Ты имел связь с Вяземским, который делал множество непозволительных поступков, врал сам, подбивал врать и действовать других, был настоящий *bont-feu*²². До вчерашнего дня был он таков. Теперь я сам позволю тебе его обнять. Можно. Я все, все это скажу ему сам, когда увижу его; теперь он все загладил своим раскаянием! Он поступил так, как очень редко поступают; смирился» [5. Т. 13. С. 312].

Как известно, долгое время эти покаянные исповеди оставались без ответа. Документы передали на рассмотрение великому князю Константину Павловичу, который сохранил неприязнь к Вяземскому со времен его варшавской службы из-за перлюстрированных писем последнего с ироническими

оценками цесаревича. В письме к Жуковскому от 19 декабря 1829 г. Вяземский просил: «Я узнал, что *бумага* моя была в Варшаве, похоже и вероятно, переданная на суд цесаревичу. С какой целью и какой был результат, не знаю. Он теперь в Петерб^бурге». Не можешь ли через кого-нибудь узнать мнение его обо мне и о бумаге. Меня уверяют, что без него, то есть *мимо его* ничего для меня не сделают» [51. С. 61]. Вступив на этот путь, 1 марта 1830 г. Вяземский вынужден был приехать в Петербург и писать новые «покаянные» письма к цесаревичу 19 марта 1830 г. [76. С. 321] и императору 24 марта 1830 г. [77. Л. 18–19]. Эти обращения наконец возымели успех, о чем можно судить по приведенной выше реплике Николая I. Император дал прощение и приказал 14 апреля назначить Вяземского чиновником по особым поручениям при министре финансов Е.Ф. Канкрине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, оценку Вяземским «Писем русского путешественника» в поздние годы жизни [1].

² Здесь и далее курсив в цитатах из писем Вяземского и Жуковского соответствует подчеркиванию в автографах.

³ Еще одно стихотворное письмо см.: [31].

⁴ И что это скандально видеть в журнале, издаваемом человеком с талантами, жалкие переводы несчастного Бунакова! (*франц.*).

⁵ См. иронический ответ Вяземского в письме к К.Н. Батюшкову от 11 декабря 1810 г. [52. С. 124].

⁶ К сожалению, этот материал, в особенности эпистолярный, собран и опубликован еще далеко не полностью, см. наиболее масштабный опыт: [24].

⁷ См. подробнее об арзамасских проектах Вяземского [21. С. 24–33; 54].

⁸ См. письмо к А.И. Тургеневу от 22 марта 1815 г. [7. Т. 1. С. 26–28].

⁹ О переключке письма и статьи свидетельствует упоминание Жуковским журнала «Французский Меркурий», на который ссылается как на образец Вяземский в своей статье.

¹⁰ См. подробнее о диалоге общественных и эстетических взглядов Жуковского и Вяземского [37].

¹¹ См. обзор этих произведений [21. С. 70–96].

¹² Ср. также письмо Вяземского от 16 февраля 1822 г. [60. Л. 5–5 об.].

¹³ Злободневная (*франц.*).

¹⁴ Довольно, хватит (*итал.*).

¹⁵ К сожалению, упоминаемое Вяземским в первой половине февраля 1826 г. письмо Жуковского с описанием восстания не сохранилось. Вероятно, его содержание было схожим с письмом к А.И. Тургеневу от 16/28 декабря 1825 г. [5. Т. 16. С. 283–290].

¹⁶ См. письмо А.И. Тургенева к Вяземскому от 3 мая 1826 г.: «Я писал уже к тебе чрез Жихарева, что Николай Михайлович едет на фрегате “Елена”, который готов будет к 15-му мая или немного позже. <...> Дети обрадовались твоему намерению провожать их <...>. Жуковский, так же, как и я, одобряет мысль твою, тем более, что им нужен бы был кто-нибудь в пути на всякий случай <...>. Но этого без тебя решить нельзя» [7. Т. 3. С. 139–140].

¹⁷ См. о судьбе статьи в письме Вяземского А.И. Тургеневу от 1 января 1828 г. [7. Т. 3. С. 172–176].

¹⁸ Атрибутировано Д.Н. Блудову в кн.: [21. С. 159].

¹⁹ Фрондер по духу и характеру (*франц.*).

²⁰ Полный текст письма см.: [43. С. 310–311].

²¹ Вне закона (*франц.*).

²² Поджигатель (*франц.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивинский Д.П. Пометы кн. П.А. Вяземского на полях «Писем русского путешественника» // Stephanos. 2017. № 3 (23). С. 85–95.
2. Письма В.А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу // Русский архив. 1867. № 12. Стб. 1385–1439.
3. Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34–75.
4. «Мы столько прожили с тобой на свете...» Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг.: в 2 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021 (в печати).
5. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999–2019. Т. 1–16.
6. Киселев В.С., Лебедева О.Б. Письма к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры и эдичионная проблема // Жуковский: Исследования и материалы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. Вып. 4. С. 5–37.
7. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1899–1913. Т. 1–5.
8. Архив братьев Тургеневых. Петроград: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1921. Вып. 6. 550 с.
9. Сочинения В.А. Жуковского: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. Изд. 7-е, исправ. и доп. СПб.: Изд. И.И. Глазунова, 1878. Т. 6. 690 с.
10. Сборник ОРЯС Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. Т. 20, № 5. С. 164.
11. Русский архив. 1896. № 10. С. 205–208.
12. Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 60–61.
13. Русская старина. 1901. № 7. С. 102.
14. Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. Вып. 1. Отд. 2. С. 42–45.
15. Русский библиофил. 1912. № 7/8. С. 39.
16. Старина и новизна. 1916. Кн. 20. С. 234–246.
17. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. М.-Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. 783 с.
18. Жуковский В.А. Стихотворения: в 2 т. Л.: Советский писатель, 1939. Т. 1. 420 с.

19. Огонек. 1949. № 23. С. 9.
20. Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58. 1059 с.
21. Гиллельсон М.И. Вяземский. Жизнь и творчество. Л. : Наука, 1969. 391 с.
22. Пухов В.В. Неизданные письма В.А. Жуковского // Русская литература. 1975. № 1. С. 121–126.
23. Пухов В.В. Первое послание В.А. Жуковского к П.А. Вяземскому // Русская литература. 1983. № 1. С. 187–189.
24. «Арзамас». Сборник : в 2 кн. М. : Художественная литература, 1994.
25. Русская литература. 2009. № 3. С. 95–97.
26. Вяземский П.П. А.С. Пушкин 1816–1825 по документам Остафьевского архива кн. П.П. Вяземского. СПб. : Тип. П. Цитовича, 1880. 77 с.
27. Вяземский П.П. А.С. Пушкин 1826–1837 по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб. : Тип. П. Цитовича, 1880. 96 с.
28. Семь автографов А.С. Пушкина. 1816–1837. Из собрания кн. П.П. Вяземского. СПб. : Фотолитограф. Н. Индутаго, 1880. 24 л.
29. Батюшков К.Н. Сочинения : в 3 т. СПб. : Изд. П.Н. Батюшкова, 1887. Т. 1. 461 с.
30. Русский архив. 1900. № 2. С. 181–208; № 3. С. 355–390.
31. Русский архив. 1906. № 9. С. 132–133.
32. Русская старина. 1902. № 10. С. 202–208.
33. Kauchtschischwili N. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjâzemskij. Milano: Vita e Pensiero, 1964. 390 p.
34. Встречи с прошлым : сб. материалов ЦГАЛИ. М. : Советская Россия, 1982. Вып. 4. 543 с.
35. Квятковская Н.К. Остафьево. М. : Советская Россия, 1990. 260 с.
36. Бондаренко В.В. Вяземский. М. : Молодая гвардия, 2004. 736 с.
37. Прохорова И.Е. Социально-философская установка и творческая позиция писателя-публициста (полемика вокруг послания П.А. Вяземского «Сибирякову») // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 73–78.
38. Прохорова И.Е. Критические, публицистические и издательские опыты В.А. Жуковского первой четверти XIX века в оценках П.А. Вяземского // Из истории русской литературы и журналистики: Ежегодник. М. : Ф-т журналистики МГУ, 2009. С. 105–134.
39. Панов С.И. Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 179–198.
40. Акулышин П.В. П.А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. М. : Памятники исторической мысли, 2001. 238 с.
41. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб. : Тип. Импер. акад. наук, 1904. 550 с.
42. Афанасьев В.В. Жуковский. М. : Молодая гвардия, 1986. 399 с.
43. Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М. : Изд-во АН СССР, 1963. 513 с.
44. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и П.А. Вяземский: К истории личных и творческих отношений (по материалам архива и библиотеки В.А. Жуковского) // Проблемы метода и жанра. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. Вып. 13. С. 56–70.
45. Прохорова И.Е. П.А. Вяземский о В.А. Жуковском-прозаике: «свое по поводу чужого» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 4. С. 128–139.
46. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 198. Оп. 2. № 21.
47. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 19096.
48. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб. : Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1878–1896.
49. Русская старина. 1896. Т. 88. С. 678–679.
50. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1250a.
51. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20.
52. Литературный архив. СПб. : Наука, 1994. 400 с.
53. Гинзбург Л.Я. Примечания // Вяземский П.А. Стихотворения. М.; Л. : Советский писатель, 1958. С. 418.
54. Прохорова И.Е. «Арзамас», либеральная идея и «памфлетер» П.А. Вяземский // Медиаскоп. 2015. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/1725#29>
55. Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский : Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. С. 45–76.
56. Киселев В.С. Письма царственных особ к В.А. Жуковскому как феномен русской культуры // Письма царственным особам к В.А. Жуковскому. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 3–43.
57. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 523 с.
58. Прохорова И.Е. Литературно-публицистическая деятельность П.А. Вяземского «варшавского периода»: развитие либерально-конституционных идей // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 3. С. 74–79.
59. Степанищева Т. «Арзамасский уполномоченный слушатель»: П.А. Вяземский в Варшаве // Статьи на случай: сб. в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. Тарту, 2013. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Stepanishcheva.pdf
60. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). № 27985.
61. Дубровин Н.Ф. В.А. Жуковский перед судом Санкт-Петербургского цензурного комитета // Русская старина. 1900. Т. 102. С. 68–86.
62. Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М. : Современник, 1987. 351 с.
63. Кутанов Н. (Дурылин С.Н.) Декабрист без декабря // Декабристы и их время. М. : Изд-во Всесийского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Т. 2. С. 201–290.
64. Лотман Ю.М. П.А. Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1960. Вып. 98. С. 24–142.
65. РО ИРЛИ. Ф. 309. № 4795.
66. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский и А.И. Тургенев в литературных кружках Дрездена (1826–1827 гг.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. CCCLIX. Т. 5. С. 159–183.
67. Дурылин С.Н. П.А. Вяземский и «Revue Encyclopédique» // Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. 31/32. С. 89–108.
68. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1889. Т. 2. 505 с.
69. Дубровин Н.Ф. Н.А. Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу» // Русская старина. 1903. № 2. С. 259–270.
70. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб. : Изд. С.В. Бунина, 1909. 614 с.
71. Гиллельсон М.И. Письмо А.Х. Бенкендорфа к П.А. Вяземскому о «Московском телеграфе» // Пушкин. Исследования и материалы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. С. 418–422.
72. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. № 6. С. 245–328.
73. Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Петроград : Парфенон, 1922. 56 с.
74. Эйдельман Н. Пушкин и его друзья под тайным надзором // Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 128–139.
75. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. 1 экспедиция. 1828. № 506. Ч. II.
76. Киселев В.С. «Вино, публичные девки и сарказмы против правительства...» : дело П.А. Вяземского 1828–1830 гг. по неопубликованным документам и переписке // Жуковский и другие : материалы Международных научных чтений памяти Александра Сергеевича Янушкевича: К 75-летию со дня рождения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 285–325.
77. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. 1 экспедиция

Статья представлена научной редакцией «Философия» 19 сентября 2021 г.

Pyotr Vyazemsky and Vasily Zhukovsky in 1807–1829: The History of Personal and Creative Relationships (Based on Correspondence)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 21–38.

DOI: 10.17223/15617793/471/3

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: Pyotr Vyazemsky; Vasily Zhukovsky; correspondence; personal relationships; biography; creative relationships.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

The article evaluates the role of correspondence in the epistolary heritage of two poets, Vyazemsky and Zhukovsky, and offers a complete overview of the archival and editing fate of their surviving letters. The overview allows concluding that less than half of Zhukovsky's letters and about a third of Vyazemsky's letters have been introduced into scholarly discourse so far. The fragmentary publication of the correspondence also determined the insufficient study of the history of mutual relations between the two poets, which has never become the object of an independent analysis. Friendship between Vyazemsky and Zhukovsky was deeply conditioned by the peculiarities of their personalities: Zhukovsky completely inherited the sentimentalist cult of close friendship as a deep emotional contact, reaching the level of genuine intimacy, and he allowed very few such relationships. Vyazemsky, who entered high society at an early age, had little experience of such close communication, his type of friendship was not an interpenetration of souls, but an intensive exchange of emotions, thoughts, statements, gestures. The article highlights and characterizes the main stages of the poets' communication. Their friendship was formed in 1807–1809. In Zhukovsky, young Vyazemsky found a benevolent connoisseur, a strict editor, and a literary mentor. The following eight years (1810–1817) for Zhukovsky became the time of a wide literary and public recognition, culminating with active organizational activities as the actual head of Arzamas and entry into the court circle. For Vyazemsky, it was a period of shaping his poetic manner and determining his own place in modern literature. Literary mentoring obviously turned into an equal cooperation, in which the diverse Arzamas communications helped to maintain unity and show individual positions. In 1818–1821, the difference in the poets' life strategies and artistic and ideological attitudes determined a new nature of communication – an intensive dialogue on social and literary topics, fueled by Zhukovsky's cultural activities in the court environment and Vyazemsky's experiences of independent civic activities in Warsaw. Cooperation, assistance, and joint participation in literary projects determined the mode of the predominantly epistolary communication between Vyazemsky and Zhukovsky in 1822–1827. This period was marked by a number of converging crises: caring for the sick K.N. Batyushkov, the Decembrist Uprising and its consequences for the Turgenev brothers, the death of N.M. Karamzin, changes in the position of A.S. Pushkin. Vyazemsky perceived the courtier poet Zhukovsky, with his numerous Arzamas friends going up the career ladder, as an intercessor to the Petersburg literary high life and a defender from censorship; Zhukovsky perceived the young literary journalist as both the Moscow chargé d'affaires, a news deliverer, and a kind of a voice of the Arzamas of the past. The breakthrough was in 1828–1829, when, on false denunciations, a case on Vyazemsky's “depraved behavior” was initiated, which demanded Zhukovsky's active help in removing the disgrace.

REFERENCES

1. Ivinskiy, D.P. (2017) Count Pyotr Vyazemsky's Marginalia on “The Letters of the Russian Traveller” by N.M. Karamzin. *Stephanos*. 3 (23). pp. 85–95. (In Russian).
2. Zhukovskiy, V.A. (1867) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Ego Imperatorskomu Vysochestvu Velikomu Knyazyu Konstantinu Nikolaevichu [Letters from V.A. Zhukovsky to His Imperial Highness Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. *Russkiy arkhiv*. 12. Columns 1385–1439.
3. Gillel'son, M.I. (1980) Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842–1852)]. In: *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya. Ezhegodnik 1979* [Monuments of Culture: New Discoveries. Yearbook 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.
4. Kiselev, V.S. (ed.) (2021) “My stol'ko pozhili s toboy na svete...” *Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg.: v 2 t.* [“We have lived so long with you in the world ...” Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky, 1807–1852: in 2 volumes]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Zhukovskiy, V.A. (1999–2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vols 1–16. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
6. Kiselev, V.S. & Lebedeva, O.B. (2020) Pis'ma k V.A. Zhukovskomu kak fenomen russkoy kul'tury i editsionnaya problema [Letters to V.A. Zhukovsky as a Phenomenon of Russian Culture and an Editing Problem]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–37.
7. Saitov, V.I. (ed.) (1899–1913) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafievo Archive of Princes Vyazemsky]. Vols 1–5. St. Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremeteva.
8. Kul'man, N.K. (ed.) (1921) *Arkhiv brat'ev Turgenyevykh* [Archive of the Turgenev brothers]. Vol. 6. Petrograd: Department of Russian language and Literature, RAS.
9. Efremov, P.A. (ed.) (1878) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo: v 6 t.* [Works by V.A. Zhukovsky: in 6 volumes]. 7th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izd. I.I. Glazunova.
10. Lamanskiy, V.I., Sobolevskiy, A.I. & Anichkov, E.V. (1880) *Sbornik ORYaS Imperatorskoy akademii nauk* [Collection of the Department of Russian language and Literature, the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 20 (5). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. p. 164
11. *Russkiy arkhiv*. (1896) 10. pp. 205–208.
12. *Starina i novizna*. (1897) 1. pp. 60–61.
13. *Russkaya starina*. (1901) 7. p. 102.
14. Veselovskiy, A.N. (ed.) (1907) *Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya* [In memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol]. Vol. 1 (2). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 42–45.
15. *Russkiy bibliofil*. (1912) 7/8. pp. 39.
16. *Starina i novizna*. (1916) 20. pp. 234–246.
17. Zhukovskiy, V.A. (1960) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: GIKhL.
18. Zhukovskiy, V.A. (1939) *Stikhotvoreniya: v 2 t.* [Poems: in 2 vols]. Vol. 1. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
19. *Ogonek*. (1949) 23. p. 9.
20. Egozin, A.M. et al. (eds) (1952) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 58. Moscow: USSR AS.
21. Gillel'son, M.I. (1969) *Vyazemskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Vyazemsky. Life and oeuvre]. Leningrad: Nauka.

22. Pukhov, V.V. (1975) Neizdannnye pis'ma V.A. Zhukovskogo [Unpublished letters of V.A. Zhukovsky]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 121–126.
23. Pukhov, V.V. (1983) Pervoe poslanie V.A. Zhukovskogo k P.A. Vyazemskomu [The first letter of V.A. Zhukovsky to P.A. Vyazemsky]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 187–189.
24. Vatsuro, V.E. & Ospovat, A.L. (eds) (1994) "Arzamas". *Sbornik: v 2 kn.* ["Arzamas". Collection: in 2 books]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1994.
25. *Russkaya literatura*. (2009) 3. pp. 95–97.
26. Vyazemskiy, P.P. (1880) *A.S. Pushkin 1816–1825 po dokumentam Ostaf'evskogo arkhiva kn. P.P. Vyazemskogo* [A.S. Pushkin in 1816–1825 according to the documents of the Ostafievo archive of Prince P.P. Vyazemsky]. St. Petersburg: Tip. P. Tsitovicha.
27. Vyazemskiy, P.P. (1880) *A.S. Pushkin 1826–1837 po dokumentam Ostaf'evskogo arkhiva i lichnym vospominaniyam* [A.S. Pushkin in 1826–1837 according to the documents of the Ostafievo archive of Prince P.P. Vyazemsky and personal memoirs]. St. Petersburg: Tip. P. Tsitovicha.
28. Pushkin, A.S. (1880) *Sem' avtografov A.S. Pushkina. 1816–1837. Iz sobraniya k. P.P. Vyazemskogo* [Seven autographs of A.S. Pushkin. 1816–1837 From the collection of Prince P.P. Vyazemsky]. St. Petersburg: Fotolitogr. N. Indutnogo.
29. Batyushkov, K.N. (1887) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd. P.N. Batyushkova.
30. *Russkiy arkhiv*. (1900) 2. pp. 181–208; 3. pp. 355–390.
31. *Russkiy arkhiv*. (1906) 9. pp. 132–133.
32. *Russkaya starina*. (1902) 10. pp. 202–208.
33. Kauchtschischwili, N. (1964) *L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjâzemskij*. Milano: Vita e Pensiero.
34. Volkova, N.B. (ed.) (1982) *Vstrechi s proshlym: sb. materialov TsGALI* [Meetings with the past: Collection of materials of the Central State Archive of Literature]. Vol. 4. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
35. Kvyatkovskaya, N.K. (1990) *Ostaf'ev* [Ostafievo]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
36. Bondarenko, V.V. (2004) *Vyazemskiy* [Vyazemsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
37. Prokhorova, I.E. (2007) *Sotsial'no-filosofskaya ustanovka i tvorcheskaya pozitsiya pisatelya-publitsista (polemika vokrug poslaniya P.A. Vyazemskogo "Sibiryakovu")* [Sociophilosophical attitude and creative position of the writer-journalist (controversy around P.A. Vyazemsky's message "To Sibiryakov")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 73–78.
38. Prokhorova, I.E. (2009) Kriticheskie, publitsisticheskie i izdatel'skie opyty V.A. Zhukovskogo pervoy chetverti XIX veka v otsenkakh P.A. Vyazemskogo [Critical, journalistic and publishing experiments of V.A. Zhukovsky in the first quarter of the 19th century in the evaluations of P.A. Vyazemsky]. In: *Iz istorii russkoy literatury i zhurnalistiki: Ezhegodnik* [From the history of Russian literature and journalism: Yearbook]. Moscow: Faculty of Journalism of Moscow State University. pp. 105–134.
39. Panov, S.I. (2016) Iz literaturnoy pochty "Arzamasa" [From the literary mail of "Arzamas"]. *Literaturnyy fakt*. 1–2. pp. 179–198.
40. Akul'shin, P.V. (2001) *P.A. Vyazemskiy: Vlast' i obshchestvo v doreformennoy Rossii* [P.A. Vyazemsky: Power and Society in Pre-Reform Russia]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
41. Veselovskiy, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya"* [V.A. Zhukovsky. Poetry of feeling and "cordial imagination"]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
42. Afanas'ev, V.V. (1986) *Zhukovskiy* [Zhukovsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
43. Vyazemskiy, P.A. (1963) *Zapisnye knizhki (1813–1848)* [Notebooks (1813–1848)]. Moscow: USSR AS.
44. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (1986) V.A. Zhukovskiy i P.A. Vyazemskiy: K istorii lichnykh i tvorcheskikh otnosheniy (po materialam arkhiva i biblioteki V.A. Zhukovskogo) [V.A. Zhukovsky and P.A. Vyazemsky: On the history of personal and creative relationships (based on materials from the archive and library of V.A. Zhukovsky)]. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Vol. 13. Tomsk: Tomsk State University. pp. 56–70.
45. Prokhorova, I.E. (2012) P.A. Vyazemskiy o V.A. Zhukovskom-prozaika: "svoe po povodu chuzhogo" [P.A. Vyazemsky about V.A. Zhukovsky as a prose writer: "one's own about someone else's"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 4. pp. 128–139.
46. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. File 21.
47. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. File 1909b.
48. Vyazemskiy, P.A. (1878–1896) *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete works: in 12 vols]. St. Petersburg: Izd. gr. S.D. Sheremeteva.
49. *Russkaya starina*. (1896) 88. pp. 678–679.
50. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 195. List 1. File 1250a.
51. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 2. File 20.
52. Grigor'yan, K.N. (ed.) *Literaturnyy arkhiv* [Literary archive]. St. Petersburg: Nauka.
53. Ginzburg, L.Ya. (1958) Primechaniya [Notes]. In: Vyazemskiy, P.A. *Sikhotvoreniya* [Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel'. p. 418.
54. Prokhorova, I.E. (2015) "Arzamas", liberal'naya ideya i "pamfleter" P.A. Vyazemskiy ["Arzamas", the liberal idea, and the "pamphleteer" P.A. Vyazemsky]. *Mediascope – Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/1725#29>
55. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters from V.A. Zhukovsky to royal persons as a phenomenon of Russian literary culture and social thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.
56. Kiselev, V.S. (2020) Pis'ma tsarstvennykh osob k V.A. Zhukovskomu kak fenomen russkoy kul'tury [Letters from royal persons to V.A. Zhukovsky as a phenomenon of Russian culture]. In: *Pis'ma tsarstvennykh osob k V.A. Zhukovskomu* [Letters from royal persons to V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–43.
57. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
58. Prokhorova, I.E. (2005) Literaturno-publitsisticheskaya deyatel'nost' P.A. Vyazemskogo "varshavskogo perioda": razvitie liberal'no-konstitutsionnykh idey [Literary and journalistic activity of P.A. Vyazemsky in the "Warsaw period": the development of liberal-constitutional ideas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 3. pp. 74–79.
59. Stepanishcheva, T. (2013) "Arzamasskiy upolnomochennyy slushatel'": P.A. Vyazemskiy v Varshave ["The authorized listener of Arzamas": P.A. Vyazemsky in Warsaw]. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Stepanishcheva.pdf
60. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). File 27985.
61. Dubrovin, N.F. (1900) V.A. Zhukovskiy pered sudom Sankt-Peterburgskogo tsenzurnogo komiteta [V.A. Zhukovsky before the trial of the St. Petersburg censorship committee]. *Russkaya starina*. 102. pp. 68–86.
62. Koshelev, V.A. (1987) *Konstantin Batyushkov. Stranstviya i strasti* [Konstantin Batyushkov. Wanderings and passions]. Moscow: Sovremennik.
63. Kutanov, N. (Durylin, S.N.) (1932) Dekabrist bez dekabrya [A Decembrist without a December]. In: *Dekabristy i ikh vremya* [Decembrists and their time]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Vsesiyskogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. pp. 201–290.
64. Lotman, Yu.M. (1960) P.A. Vyazemskiy i dvizhenie dekabristov [P.A. Vyazemsky and the Decembrist Movement]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 98. pp. 24–142.
65. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). Fund 309. File 4795.
66. Veselovskiy, A.N. (1905) V.A. Zhukovskiy i A.I. Turgenev v literaturnykh kruzhkakh Drezdena (1826–1827 gg.) [V.A. Zhukovsky and A.I. Turgenev in the literary circles of Dresden (1826–1827)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCCLIX (5). pp. 159–183.
67. Durylin, S.N. (1937) P.A. Vyazemskiy i "Revue Encyclopédique" [P.A. Vyazemsky and Revue Encyclopédique]. In: Lebedev-Polyanskiy, P.I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 31/32. Moscow: USSR AS. pp. 89–108.

68. Sukhomlinov, M.I. (1889) *Issledovaniya i stat'i po russkoy literature i prosveshcheniyu* [Research and articles on Russian literature and education]. Vol. 2. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina.
69. Dubrovin, N.F. (1903) N.A. Polevoy, ego storonniki i protivniki po "Moskovskomu telegrafu" [N.A. Polevoy, his supporters and opponents in Moskovskiy Telegraf]. *Russkaya starina*. 2. pp. 259–270.
70. Lemke, M.K. (1909) *Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg.* [Nicholas's Gendarmes and Literature of 1826–1855]. St. Petersburg: Izd. S.V. Bunina.
71. Gillel'son, M.I. (1960) Pis'mo A.Kh. Benckendorfa k P.A. Vyazemskomu o "Moskovskom telegrafe" [Letter from A.Kh. Benckendorff to P.A. Vyazemsky about Moskovskiy Telegraf]. In: Izmaylov, N.V. (ed.) *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 418–422.
72. *Russkiy arkhiv*. (1884) Perepiska velikogo knyazya Konstantina Pavlovicha s grafom A.Kh. Benckendorfom [Correspondence of Grand Duke Konstantin Pavlovich with Count A.Kh. Benckendorff]. 6. pp. 245–328.
73. Modzalevskiy, B.L. (1922) *Pushkin pod taynym nadzorom* [Pushkin under secret supervision]. Petrograd: Parfenon.
74. Eydel'man, N. (1985) Pushkin i ego druz'ya pod taynym nadzorom [Pushkin and his friends under secret supervision]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 128–139.
75. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 3. *1 ekspeditsiya* [Expedition 1]. 1828. 506. Part II.
76. Kiselev, V.S. (2020) "Vino, publichnye devki i sarkazmy protiv pravitel'stva...": delo P.A. Vyazemskogo 1828–1830 gg. po neopublikovannym dokumentam i perepiske ["Wine, girls of easy virtue, and sarcasms against the government ...": the 1828–1830 case of P.A. Vyazemsky according to unpublished documents and correspondence]. In: Lebedeva, O.B. (ed.) *Zhukovskiy i drugie: materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy pamyati Aleksandra Sergeevicha Yanushkevicha: K 75-letiyu so dnya rozhdeniya* [Zhukovsky and others: materials of the International Readings in memory of Alexander Yanushkevich: On the occasion of the 75th anniversary of his birth]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 285–325.
77. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 4. *1 ekspeditsiya* [Expedition 1].

Received: 19 September 2021

В.А. Куликова

ГРАДУАЛЬНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ИНТЕРНЕТ-СМИ XXI в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90005.

Исследуется проблема градуальности словообразовательных средств выражения оценки в медийных новообразованиях. Цель исследования – построение модели шкалы оценочных средств новообразований на основании параметра эксплицитности/имплицитности, выявление факторов, влияющих на степень интенсивности оценки, переходных зон эксплицитности/имплицитности. В результате исследования выявлены четыре группы новообразований (разделенные на подгруппы), расположенные на шкале оценочных средств в порядке деинтенсификации негативно-оценочного значения.

Ключевые слова: градуальность; негативная оценка; словообразование; медиатекст

Введение

Современный медиадискурс характеризуется соотношением открытых средств воздействия, имеющих эксплицитный характер, и скрытых средств, имеющих имплицитный характер и воздействующих на подсознательное восприятие [1. С. 64]. При этом установка на тот или иной тип воздействия обуславливает выбор и организацию речевых единиц различных уровней, в том числе мотивирует отбор единиц с эксплицитной или имплицитной оценочной семантикой.

В лингвистике «наиболее распространенное понимание эксплицитности и имплицитности связано с явным или неявным выражением семантики языковых единиц компонентов различных уровней языка. Имплицитные (скрытые) компоненты значения, как правило, не имеют самостоятельного явного выражения в формальной структуре языка. Они выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах, через контекст» [2. С. 249]. Эксплицитные компоненты значения традиционно понимаются как «компоненты, которые имеют явное словообразовательное (морфемное), формообразовательное (морфологическое) или синтаксическое (лексико-семантическое) выражение» [3. С. 90], при этом эксплицитная информация непосредственно вытекает из словарного значения единицы без дополнительных смысловых преобразований [4. С. 41].

Оценочные значения представляют собой одну из разновидностей имплицитной/эксплицитной информации. Эксплицитная оценка трактуется исследователями как аксиологическое значение в семантической структуре ЛСВ, зафиксированное в ее словарной статье; а имплицитная оценка – оценочный компонент, формально не выраженный в семантике языкового знака и приобретаемый в контексте [5. С. 6].

Оценка в медийном дискурсе может иметь как положительный, так и отрицательный модус, однако негативно-оценочная окраска превалирует в современном российском медиадискурсе, что объясняется комплексом факторов. С одной стороны, сущность медиадискурса, его ориентация на критику и полемику, предполагает концентрацию именно негативной оценки. Это подтверждается в том числе фактом, что в зарубежных исследованиях, например, англоязыч-

ного медиадискурса также отмечается преобладание негативной оценочности [6, 7]. С другой стороны, современные экстралингвистические социокультурные факторы оказывают свое влияние на повышение концентрации негативной оценки и во многом определяют специфику конкретных средств, используемых для ее выражения. Так, провозглашение свободы слова, изменение системы ценностей, обострение социальных и политических противоречий мотивируют преобладание негативно-оценочных коннотаций.

Постановка проблемы

Подобные тенденции вызывают повышенную конфликтогенность современного медиадискурса, возрастание опасности коммуникативных рисков [8], которые в пространстве публичной коммуникации в том числе могут повлечь юридические последствия. В связи с этим повышается актуальность исследования эксплицитных и имплицитных средств выражения негативной оценки единицами различных уровней языка, а также определения степени негативно-оценочного потенциала инструментов языковой игры.

Одним из актуальных средств выражения негативной оценки являются новообразования – лексико-словообразовательные инновации, созданные узуальными и незузуальными способами. Медийным новообразованиям свойственна оценочность, обусловленная их лингвокреативной природой и прагматической функцией в рамках персуазивного публицистического дискурса. В то же время определение оценочного потенциала новообразований осложняется нестандартным характером подобных единиц, отсутствием их лексикографической фиксации, высокой степенью контекстуальной обусловленности семантики. Эксплицитная оценочность свойственна новообразованиям, содержащим в своей структуре элементы с явной оценочной окраской. В ходе исследования новообразование классифицировалось как содержащее эксплицитную оценку, если: 1) создано на базе лексемы со сниженной стилистической окраской или лексемы, у которой негативно-оценочные семы принадлежат к ядру семантической структуры слова; 2) создано с использованием формантов, имеющих негативную семантику или сниженную функциональную и эмоци-

ональную окраску. ИмPLICITная оценка свойственна прочим негативно-оценочным новообразованиям, опосредованно указывающим на негативный характер описываемого явления. К имPLICITно-оценочным новообразованиям относятся новообразования, оценочность которых выявляется из контекста при отсутствии явных оценочно-маркированных элементов структуры новообразования. При этом, как уже было отмечено выше, эксплицитно-оценочным единицам свойственна явная оценочность, очевидная для адресата, в то время как имPLICITно-оценочные единицы выражают оценку скрыто, факультативно. Однако в ходе исследования было выявлено, что в медийном тексте оценочность новообразований может быть более или менее яркой, а форма ее выражения – более или менее явной в зависимости от структурно-семантических свойств новообразования и условий употребления.

Говоря о лексических средствах выражения оценки, исследователи отмечают, что имPLICITность/эксплицитность является не бинальной, а градуальной степенью выраженности информации [9. С. 318]. На существование различных степеней имPLICITности обращает внимание Е.В. Ермакова, исследуя имPLICITную информацию в когнитивном аспекте: «Знания, участвующие в образовании имPLICITных смыслов в речи, относятся к разным типам и обладают разной степенью имPLICITности. Высокую степень имPLICITности имеет прагмакоммуникативное знание схемного типа (знание поведенческих фреймов и сценариев) <...> Наименее имPLICITно знание декларативного типа (фактов научного, философского, литературного и т.д. характера)» [10. С. 7]. И.В. Заложная указывает на существование зоны синкретизма имPLICITных и эксплицитных оценочных значений – группы лексик, которую затруднительно однозначно отнести к имPLICITно- или эксплицитно-оценочной, поскольку негативный компонент семантики осознается большинством носителей языка, но в то же время не является первичным и актуализируется в определенных контекстах [11. С. 6]. А.Р. Минемуллина в своем диссертационном исследовании предлагает модель построения шкалы оценочных прилагательных в зависимости от интенсивности выражения оценочного значения [12]. Таким образом, концепция градуальности эксплицитности/имPLICITности лексем разработана в современной науке, в то время как проявление различных степеней эксплицитности/имPLICITности словообразовательных единиц представляется недостаточно изученным. Таким образом, новизна данного исследования заключается в построении шкалы эксплицитности/имPLICITности словообразовательных средств выражения негативной оценки.

Материалы и методы исследования

Гипотеза исследования заключается в том, что новообразования могут выражать негативную оценку в эксплицитной и имPLICITной форме, причем параметр эксплицитности/имPLICITности может выражаться в большей или меньшей степени, таким образом оценочность новообразований представляет собой шкалу.

Материалом исследования послужила выборка контекстов с негативно-оценочными новообразованиями в электронных СМИ 2010–2021 гг. Под электронными СМИ (вслед за современными исследователями медиа [13, 14]) понимаются как издания, существующие исключительно в онлайн-формате, так и издания, имеющие онлайн-версию, полностью или частично совпадающую с печатной. Источником материала послужили следующие издания: «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Взгляд», «Газета.ру», «Завтра», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Лента.Ру», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Наша версия», «Независимая газета», «Новая газета», «Новые известия», «РБК», «Российская газета», «Эхо Москвы». Таким образом, в качестве источника материала были выбраны СМИ с широкой аудиторией, популярные среди населения и активно участвующие в формировании общественно-политической повестки. Были исследованы СМИ разной социально-политической направленности, представляющие интересы различных групп населения, таким образом аксиологические установки современного общества, транслируемые в медиа, изучены с учетом их неоднородности. В ходе регулярного интернет-мониторинга данных СМИ с помощью метода контент-анализа была собрана и классифицирована выборка контекстов с использованием новообразований в качестве средства выражения эксплицитной или имPLICITной негативной оценки (общий объем выборки составил 770 контекстов).

Под новообразованиями в данном исследовании понимаются новые производные слова, лексико-словообразовательные инновации узуальных и неузуальных способов создания. К новообразованиям узуальных способов создания относятся новые производные слова типовой структуры, созданные по продуктивным словообразовательным моделям без нарушения словообразовательной нормы; к новообразованиям неузуальных способов создания относятся новые производные слова нестандартной структуры, при создании которых участвуют собственно окказиональные словообразовательные способы и приемы, нарушаются словообразовательные нормы [15–17]. В словообразовательной науке разработаны различные психолингвистические, хронологические, лексико-графические, функциональные критерии отнесения лексических и лексико-словообразовательных единиц к разряду новых слов. Так, ученые отмечают, что для подобных слов характерно «ощущение новизны» [18], однако данный критерий основан на субъективном восприятии единицы носителем языка и потому с трудом поддается верификации [19], по этой причине может использоваться только в совокупности с другими критериями. В работах Е.В. Сенько критерий новизны связывается с хронологическим критерием: для новых слов характерна «маркированность временем», которая порождает ощущение «необычности», «свежести» лексемы, обуславливает экспрессивность [20. С. 22]. Хронологический критерий используется большинством ученых для отнесения лексем к разряду новых слов, однако хронологические рамки устанавливаются по-разному: в трудах

Б.Н. Головина [21], М.Н. Золотаревой [22] неологизмы характеризуются как слова, возникшие на памяти одного поколения, использующего их, однако современные ученые сужают данный временной промежуток до 5–10 лет, учитывая ускорение динамики развития общества и языка в эпоху информационных технологий [23. С. 77]. При этом исследователи отмечают, что для определения хронологических рамок функционирования нового слова важным является период его использования в конкретном «языковом пространстве» [24. С. 20–26]: в нашем исследовании целесообразно ориентироваться на время появления лексемы именно в медийном дискурсе. С хронологическим критерием связан и критерий лексикографической фиксации: новые слова, как правило, не зафиксированы в словарях (помимо собственно словарей новых слов [25]). В некоторых случаях может быть использован графический критерий: новые слова нередко выделяются в текстах с помощью кавычек, курсива [23. С. 78]. Современные ученые разрабатывают также количественные критерии определения статуса новых производных слов с использованием веб-технологий, в частности поиска по ключевым словам для выявления «квантитативного коэффициента» употребительности лексемы в интернет-текстах, однако на данном этапе еще не выработаны четкие количественные критерии, а сама методика интернет-поиска нуждается в дальнейшем уточнении [26. С. 158]. Таким образом, критериями, на основании которых производные слова характеризовались как новообразования, выступили: 1) экспрессивно-стилистический критерий – наличие у производного слова экспрессивности, мотивированной его новизной и нестандартной структурой; 2) хронологический критерий – употребление данного производного слова в медийных текстах 2010–2021 гг., отсутствие более ранних зафиксированных употреблений (в исследованных изданиях, а также в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка); 3) лексикографический критерий – отсутствие фиксации данного производного слова в словарях; 4) графический критерий использовался в некоторых случаях в качестве вспомогательного.

Для исследования специфики выражения оценочной семантики новообразований, определения степени ее эксплицитности/имплицитности применялись методы структурно-семантического, словообразовательного анализа, стилистического анализа в комбинации с методом дискурсивного анализа, а также статистического анализа сформированного корпуса текстов.

Результаты исследования. Модель шкалы оценочных средств на материале медийных новообразований

Факторами, определяющими наличие оценочной семантики новообразования и степень ее эксплицитности/имплицитности, являются: семантико-стилистические свойства производящего слова (основы), семантико-стилистические свойства словообразовательного форманта, специфика синтагматического

сочетания основы и форманта; в качестве дополнительного фактора выступают особенности способа словопроизводства (в частности, неузуальный характер способа словопроизводства). Данные факторы формирования оценки могут послужить основанием для построения шкалы оценочных средств новообразований. Можно выделить группы новообразований, расположенные в порядке деинтенсификации оценочной семантики, от наиболее явной формы выражения оценочной семантики к наименее явной.

1. Новообразования, в которых производящая основа с негативно-оценочной семантикой и/или коннотацией сочетается с экспрессивно маркированным формантом.

Новообразования на базе лексем с негативной семантикой и коннотацией, как правило, выражают отрицательную оценку (если оценка не нейтрализуется за счет контекста и/или особенностей семантики форманта, что будет рассмотрено далее), при этом оценочность может интенсифицироваться за счет оценочно-маркированных аффиксов. Производящие слова (основы) с негативно-оценочной семантикой обозначают социально-порочные явления и качества, соотносятся с денотатами, отрицательно маркированными в системе ценностей носителей языка. В качестве интенсификатора негативной оценки выступают экспрессивно окрашенные префиксы *супер-*, *гипер-*, *мега-*, вносящие оттенок усиления негативного качества или явления, названного основой: *суперпровал*, *суперфейк*, *мегаскандал*, *гиперпредательство*, *гиперпассивность*. Следует отметить, что данные префиксы вне контекста не имеют негативной окраски, однако имеют экспрессивный характер и выражают семантику усиления, а в составе новообразования сочетаются с основой с негативно-оценочной семантикой. В результате этого новообразование в целом приобретает оттенок интенсифицированной негативной оценки.

Таким образом, подобные неодериваты выражают оценку в наиболее эксплицитной форме, обладают большой степенью экспрессивности за счет дополнительной интенсификации оценочной семантики. Следует отметить, что данная группа новообразований на исследованном материале немногочисленна и составляет 6% от общего числа исследованных негативно-оценочных новообразований.

2. Новообразования, в которых оценочно-нейтральная основа сочетается с оценочно-маркированным аффиксом.

Негативно-оценочный компонент новообразования, обеспечивающий эксплицитный характер оценки, может формироваться за счет семантики и/или эмоциональной, функциональной окраски аффикса. Так, суффиксы субъективной оценки выступают в медийном дискурсе как стилистически маркированные [27] и способны передавать эмоциональные оттенки уничижения, пренебрежения (несмотря на то, что данные суффиксы могут выражать мелиоративную оценочную семантику, ласкательные оттенки, в СМИ они преимущественно используются для создания отрицательно окрашенных номинаций, что выявляется из контекста). Таким образом, в медийной речи

новообразования с таким суффиксами выражают эксплицитную негативную оценку: *депутатишка, сенаторишка, вирусика*; *Тусовочка* требует рассекретить секретную информацию (Завтра, 09.07.2020); Центром сбора медийных персон и рядовой демизы стало место гибели Бориса Ефимовича на Большом Москворецком мосту, «переименованном» его соратниками в «Немцов мост» (Завтра, 28.02.2021).

К стилистически маркированным относится и суффикс *-цин(а)* с ярко выраженным коннотативным компонентом [28. С. 700]. Данный суффикс остается востребованным в медийном словообразовании, в сочетании с оценочно-нейтральными основами он используется для создания абстрактных существительных, обозначающих общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской [29]. Основой для новообразований с суффиксом *-цин* выступают оценочно-нейтральные названия политических течений (*либеральщина, оппозиционщина*), имена собственные известных политиков (*милоновщина, собянинщина, лавровщина*), медийных деятелей (*киселевщина, малаховщина, соловьевщина*).

Фактором создания оценочности может быть не только стилистическая окраска, но и семантика словообразовательного форманта. В современном медийном словотворчестве среди аффиксов и аффиксоидов с негативно-оценочной семантикой продуктивность проявляет префикс *недо-* с семантикой неполноценности, формирующей негативную оценку (*недомать, недодепутат*; Воскресный «недомайдан»: откровенный провал борцунов и их кураторов // Завтра, 01.02.2021). Кроме того, продуктивность проявляют элементы с семантикой неистинности, ложности: префиксоид *лже-* (*лжеюрист*; В Подмоскowie задержаны лжеколлекторы-вандалы // Газета.ру, 05.12.2019), префикс *псевдо-* (*псевдополицейский, псевдогосударственник, псевдосенсации*). Данные префиксы и префиксоиды соединяются, как правило, с оценочно-нейтральными основами одушевленных или неодушевленных существительных, в результате чего создаются негативно-оценочные новообразования, обозначающие не соответствующие социальным требованиям явления либо лиц, не соответствующих стандартам социального, профессионального статуса.

Спектр оценочно-маркированных формантов современного русского языка широк, при этом его состав активно пополняется [30], например, в современном медийном словотворчестве востребован суффиксоид *-гейт* со значением 'политический скандал, вызванный какой-либо неблагоприятной ситуацией' [31]. Суффиксоид *-гейт* как правило соединяется с нейтральными основами, обозначающими связанные со скандалом объекты (*Гульфигейт*. Навальный опубликовал разговор с тем, кто признался в попытке его отравления // Новая газета, 21.12.2020), а также именами собственными – названиями стран, организаций, публичных лиц, участвующих в конфликте: *Siri-гейт*: как голосовые помощники стали врагами пользователей (Известия, 12.08.2019); *Гуглгейт*: Как утечка данных обнаружила админресурс на выборах в Москве (Эхо Москвы, 05.07.2018); *Бабиш-гейт*. В Чехии зреет новый острый правительственный кри-

зис (Российская газета, 18.11.2018) – ср.: Андрей Бабиш, глава правительства Чехии; «*Вagnerгейт*». Кому и зачем в Украине и России нужен скандал вокруг российских наемников, задержанных в Беларуси (Новая газета, 11.09.2020). В подобных случаях оценка, как и у новообразований первой группы, имеет эксплицитный характер выражения за счет оценочной маркированности форманта.

Однако новообразования второй группы выражают оценку в несколько менее интенсивной форме, поскольку содержат в своей структуре один элемент с оценочной окраской (формант), в то время как новообразования первой группы сочетают в себе несколько экспрессивно-маркированных элементов (негативно-оценочная основа + формант с семантикой интенсификации). Например, рассмотренный суффиксоид в отдельных случаях (имеющих единичный характер в исследованном материале) соединяется с негативно-оценочными основами, обозначающими социально порицаемые действия и качества, послужившие поводом для описываемого скандала, за счет чего усиливается интенсивность негативной оценки, достигающей максимальной степени эксплицитности: *Харасмент-гейт*: Скандал с обвинениями в домогательствах прокатился по всему миру (RBK, название рубрики, включающей в себя тематическую подборку статей с 2017 по 2020 г.) – подобные контексты относятся к первой группе новообразований с максимальной степенью эксплицитности оценочной семантики.

3. Новообразования, в которых оценочно-маркированная производящая основа сочетается с оценочно-нейтральным формантом.

Негативно-оценочная семантика и коннотация основы нередко выступают как самостоятельные факторы формирования оценочности неодеривата. При этом чем более яркую негативно-оценочную окраску имеет производящее слово, тем больший заряд негативной экспрессивности приобретает новообразование. Таким образом, можно выделить несколько подгрупп в рамках данной группы новообразований.

3.1. Бранная, инвективная лексика обладает чрезвычайно большим потенциалом негативной экспрессивности, а новообразования на базе такой лексики являются средством эксплицитной негативной оценки: ...санкций не достаточно для тех «зажравшихся моральных *виш-уродов*», которые забыли о собственной стране и ее национально-государственных интересах (Московский комсомолец, 14.02.2021); *Фуфло-софт* для вашего смартфона. Зачем власти хотят предустанавливать отечественные программы на всю технику в стране? (Новая газета, 23.12.2020) – создано способом сложения *фуфло+софт* (англ. *soft*, сленговое наименование программного обеспечения), первое производящее слово относится к разряду бранных [31], некоторые словари отмечают его принадлежность к аргю [32].

Стилистически сниженная лексика в целом выступает в медийных текстах как экспрессивно маркированная, новообразования на ее базе выражают негативную оценку в яркой форме: *Контролировать нельзя, но можно закошмарить*. В чем смысл новых инициатив правительства по регулированию криптова-

лют? Объясняет сооснователь «Роскомсвободы» Саркис Дарбинян (Новая газета, 27.11.2020) – производящая лексема *кошмарить* относится к жаргону и обозначает деструктивное агрессивное поведение ‘запугивать’ [33].

Также оценку в явной форме выражают новообразования на базе литературной лексики, тематически относящейся к табуированным сферам: *Самопиар через самофекалинг: идиоты* (Завтра, 29.09.2019).

Новообразования данной подгруппы выражают оценку в явной форме за счет яркой негативной семантики и стилистической окраски производящего слова. Употребление подобных лексем в медийном дискурсе является сознательным нарушением этических и коммуникативных норм, а также проявлением речевой агрессии по отношению к определенным группам населения или конкретным лицам. Однако следует отметить, что данная группа не является многочисленной и составляет 2% от общего количества проанализированных текстов. Таким образом, большинство современных изданий старается избегать чрезмерно агрессивных средств выражения оценки, что обусловлено и юридическими рисками. В то же время некоторые издания сознательно используют подобные формы резкой критики как средство привлечения внимания через эпатаж, скандальный имидж.

3.2. Оценку в менее агрессивной, но явной форме выражают новообразования на базе лексем с негативной семантикой и сниженной эмоциональной окраской, в экспрессивной форме передающие эмоции осуждения, пренебрежения, уничижения: *Коронобесы и предатели в рясах* (Завтра, 16.05.2020); *Организаторов гей-шабаша им. Ройзмана ждут статьи КоАП и УК РФ* (Завтра, 04.09.2020). Подобные новообразования, как правило, употребляются в отрицательно-окрашенных контекстах (*предатели, ждут статьи КоАП и УК РФ*), репрезентирующих враждебную позицию автора по отношению к определенным социальным группам. При этом осуществляется суггестивное воздействие на аудиторию путем эмоционального давления, перенасыщения текста субъективными эмоционально-оценочными характеристиками вместо конструктивной критики и опоры на факты.

Оценку в эксплицитной форме также выражают разноструктурные новообразования на базе эмоционально-нейтральных лексем, семантика которых имеет явный оценочный компонент, обусловленный современной системой ценностей. Так, в медийном словотворчестве активно создаются новообразования на базе негативно-оценочных лексем, обозначающих:

– социально порицаемые, неэтичные действия и качества: *Американская гей-провокация в Москве* (Завтра, 25.06.2020) – ср. производящее слово *провокация*. В частности, в последние годы продуктивность проявляет заимствованная лексема *фейк*, выступающая производящей основой новообразований, указывающих на совершение антиобщественного действия – распространения ложной информации: *...весь мир ткнул пальцем в главного фейконосца планеты – наше с вами дорогое отечество* (Новая газета, 12.08.2020); *Фейкометы особенно атакуют неболь-*

шие населенные пункты в удаленных субъектах РФ (Российская газета, 29.06.2020);

– социально порицаемую идеологическую позицию и ее атрибуты: *Укронацистские боевики выдвинулись на помощь* (Завтра, 05.07.2020) – ср. производящее слово *нацистский*; *Это судьба: гульфикфюрер займётся пошивом трусов* (Завтра, 03.03.2021) – ср. производящее слово *фюрер* ‘вождь, руководитель фашистской организации’ [31];

– противозаконную деятельность: *Схемы: коррупционерка против коррупции* (Настоящее время, 30.01.2018) – ср. производящее слово *коррупционер* ← *коррупция*; *Взяточпередатель. Сотрудник ФСБТС России Сергей Гармаш превратил федеральную службу в коммуникационную площадку для взяточников?* (Наша версия, 12.06.2020) – ср. производящее слово *взятка*.

3.3. Негативную оценку в явной форме выражают и новообразования, созданные неузвальными способами на базе лексем с негативной семантикой и сниженной стилистической окраской. Негативно-оценочные производящие лексемы вовлекаются в процесс языковой игры, в результате чего создаются нестандартные экспрессивные новообразования. Среди неузвальных способов создания негативно-оценочных новообразований продуктивность проявляют:

– междусловное наложение – произвольное совмещение формально схожих частей двух узвальных лексем: *Политические будапешки. Вместо минского формата урегулирования Киев предлагает будапештский* (Коммерсантъ, 03.06.2020) – *Будапешт* + *пешки* – *перен.* ‘О незначительном, невлиятельном человеке, несамостоятельном в действиях (*прост.*)’ [34]; *Представление с абсурдопереводом. Как политика в Молдавии превращается в один сплошной нонсенс* (Коммерсантъ, 13.02.2021) – *абсурд* ‘нелепость, бессмыслица’ [34] + (*сурдо*)*перевод*;

– заменительная деривация – замена в исходном слове аффикса при том же корне (трансфлексация) или замена одного из корней в сложном слове (трансрадикация): *Всенародное волеизбиение. Белоруссия поделилась на тех, кто арестовывает, и тех, кого арестовывают* (Коммерсантъ, 13.08.2020) – ср. (*всенародное*) *волеизъявление* с заменой второго корня на комплекс префикс+корень лексемы *избиение*, семантика которой указывает на совершение агрессивных антиобщественных действий; *Каляка-малява. Студенты и профессора Академии художеств в Петербурге выступили против выставки осужденной за мошенничество экс-чиновницы Минобороны Евгении Васильевой* (Новая газета, 17.03.2021) – ср. *каляка-маляка* ‘разг. О детском небрежном, грязном письме, рисунке’ [35] с заменой второй части на *малява*, аргоизм с семантикой ‘записка, письмо’ [32], таким образом негативная оценка обусловлена семантикой и стилистической окраской производящих лексем;

– графическая деривация – словообразование с использованием графических средств, например, выделение с помощью заглавных букв (капитализация [36]) части узвального слова, в результате создаются новые смысловые акценты: *ЛУКАвство. Журналист-*

ку и врача из Беларуси, которые рассказали правду об избитом до смерти Романе Бондаренко, могут продержаться в СИЗО полгода (Новая газета, 11.12.2020) – в исходном слове *лукавство* ‘хитрость, коварство’ [37], обозначающем неодобряемое в русской аксиологической картине мира качество, выделяется часть, скрыто отсылающая к фамилии президента Беларуси А. Лукашенко. В данном случае негативно-оценочный элемент эксплицитно выражен (за счет семантики производящей лексемы *лукавство*), однако отсылка к конкретному публичному лицу как объекту оценки имеет имплицитный характер и выявляется с помощью контекста. К графической деривации относятся случаи полиграфиксации [36], когда новообразование оформлено с помощью средств разных алфавитов, как правило, латиницы и кириллицы : *Фейк-Tok*. У сети появился фальшивый сайт на русском языке (Коммерсантъ, 26.03.2021) – ср. название популярного приложения *Tik-Tok* с заменой первой части на *фейк* с негативной семантикой. В подобных случаях сочетаются вербальные и визуальные средства воздействия, что повышает нестандартность и экспрессивность новообразований.

Таким образом, оценочная семантика производящей основы сохраняется в новообразованиях, созданных неузвальными способами. При этом нестандартная структура новообразования обеспечивает экспрессивизацию текста, привлечение читательского внимания (чем объясняется частотность использования подобных новообразований в заголовках). Однако новообразования, созданные неузвальными способами, выражают оценку менее эксплицитно, чем новообразования узвальных способов. Некоторые ученые относят новообразования неузвальных способов к имплицитным формам выражения оценки [38], отмечая при этом их яркий экспрессивный потенциал. Это обусловлено тем, что оценочные элементы содержатся в структуре контаминированных новообразований в трансформированном виде (или восстанавливаются из контекста), и для выявления оценочной окраски новообразования читателю необходимо произвести мыслительные операции, расшифровав структуру новообразования и интерпретировав условия его использования. Кроме того, семантика новообразований неузвальной структуры имеет большую контекстуальную обусловленность, что приближает данный тип новообразований к имплицитно-оценочным. Следовательно, на шкале интенсивности оценочных средств новообразования неузвальных способов будут расположены ближе к скрытым формам, чем новообразования узвальных способов создания.

3.4. Также следует отметить, что новообразования на базе негативно-оценочной лексики выражают оценку в более или менее явной форме в зависимости от того, насколько близка оценочная сема к ядру семантической структуры производящего слова.

Например, новообразование в заголовке «Донбасс выводят из *подковерности*. Кремль предлагает публиковать все договоренности по мирному урегулированию» (Коммерсантъ, 09.04.2020) создано суффиксальным способом от *подковерный* ‘О борьбе в каких-н. влиятельных сферах, активной и неафишируемой,

скрытой’ [34]; в медийном дискурсе лексема приобретает неодобрительную коннотацию, поскольку нередко употребляется для описания незаконных или неэтичных политических махинаций. Негативно-оценочный компонент относится к периферии семантической структуры лексемы и раскрывается за счет контекста: при описании политической жизни общества семы ‘скрытность’, ‘тайность’ могут вызвать у читателя негативные ассоциации. Новообразование не передает прямого указания на совершение социально порицаемой деятельности (ср. рассмотренные выше *коррупционерка*, *взяткопередатель*), производящая лексема лишь опосредованно указывает на неблагоприятный характер действий, поэтому такие новообразования относятся уже к имплицитному типу оценки.

Таким образом, имплицитная оценка свойственна новообразованиям на базе слов, опосредованно выражающих негативную оценку за счет определенных компонентов семантики. Так, негативная оценка в скрытой форме выражается в тексте с заголовком «*Отечественное кулуаростроительство*» (*Строить стадионы к чемпионату мира по футболу-2018 будут компании, отобранные правительством в ручном режиме и за закрытыми дверями* // Новая газета, 26.02.2014) – новообразование создано путем сложения, негативный компонент семантики создается за счет производящего слова *кулуары*, которое имеет оценочно-нейтральное прямое значение ‘помещения вне зала заседания (в парламенте, на конференции)’ и переносное значение с негативной коннотацией ‘о неофициальных разговорах в осведомлённых политических, общественных кругах’ [34]. В контексте публикации реализуется переносное значение производящего слова, за счет чего новообразование в скрытой форме указывает на ангажированный характер отбора строительных компаний, наличие корыстных целей у определенных политических групп.

Следует отметить, что в целом у новообразований 3-й группы на базе лексем с негативной семантикой оценочность может нейтрализоваться при сочетании с некоторыми формантами с семантикой отрицания/противоположности, в частности префиксами *не-* (*некоррупционер*), *анти-* (*антиразрушение*, *антивымогатель*).

4. Новообразования, содержащие оценочно-нейтральную производящую основу и оценочно-нейтральный формант, но приобретающие оценочность в контексте.

Новообразования, не содержащие оценочных компонентов структуры, способны приобретать скрытую оценочность за счет условий употребления, особенностей языкового и экстралингвистического контекста. Так, нейтральные лексемы могут приобретать контекстуальное негативно-оценочное значение в составе метафор: *Техпрачка*. Под руководством Минпромторга и «Ростеха» Объединённая двигателестроительная корпорация «допиливает» советские разработки. Похоже, что ответ на вопрос, для чего в 2007 году Денис Мантуров и Сергей Чемезов создали Государственную корпорацию «Ростех», вовсе не совпадает с тем, который обычно прилюдно ими декларируется (Наша версия,

03.08.2020) – производящая лексема *прачка* является оценочно-нейтральной в системе языка, однако в данном контексте метафорически отсылает к теме «отмывания» денег – незаконной деятельности по подмене реальных нелегальных источников денежных средств фиктивными легальными.

Оценка реализуется за счет контекстуальных средств в скрытой форме на базе ассоциаций, подтекста: *Кафедра госкормления. Как кумовство и nepотизм стали основой российской государственности: из истории СССР. Принципы раздачи государственных постов на основе родства, дружбы и личных связей играл огромную роль и в Российской империи, и в советском государстве* (Новая газета, 15.10.2020) – новообразование создано путем универбации на базе *государственное кормление*. Оценочно-нейтральная лексема *кормление* приобретает в контексте негативную коннотацию: обыгрывается устаревшее значение лексемы '2. Ист. На Руси в XIII–XVI вв. система вознаграждения бояр, осуществлявших судебно-административные функции, путем предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности' [37]. Отсылает к определенным неоднозначно оцениваемым историческим событиям. При этом в контексте публикации раскрывается негативный аспект этих событий, таким образом для верной интерпретации оценочного посыла заголовка читатель должен задействовать определенные исторические, культурные фоновые знания.

В современной медийной речи активно создаются экспрессивные новообразования на базе терминологической лексики, оценочно-нейтральной лексики книжного характера, которая в рамках медиатекста приобретает негативно-оценочную окраску за счет метафоризации семантики.

В частности, под влиянием экстралингвистических факторов – современной ситуации мировой пандемии вируса COVID-19 – актуальность приобретают новообразования на базе медицинской терминологии, а также книжных лексем, семантически коррелирующих с темой распространения вируса и его последствий. При этом подобная лексика используется и в метафорических контекстах, когда метафора болезни используется для скрытой критики общественных процессов. Например, в современных медиа терминологическая лексема *пандемия*, оценочно-нейтральная в системе языка, используется в переносном значении с негативной коннотацией: *Коронавирусная инфопандемия. Человечество стало жертвой паники от тиража смерти от коронавируса, вызванного СМИ и интернетом* (Эхо Москвы, 10.04.2020); *Инфодемия: как это работает. Семен Новопрудский о том, как из маленьких правд рождается большая ложь* (Газета.ру, 18.12.2020) – производящая лексема *пандемия* служит средством метафорической негативной характеристики деятельности СМИ, нагнетающих панику в обществе.

Критика принимает личностный характер в заголовке *«Долой аваковир!»* (По Украине прокатилась волна демонстраций с требованием отставки главы МВД Арсена Авакова... часть протестующих пришла на митинг в костюмах химзащиты и выкрикивала

лозунги вроде «Долой аваковир!»), сравнивая таким образом чиновника (кстати, ответственного, в том числе, и за предупреждение эпидемий) с новым опасным коронавирусом // Коммерсантъ, 24.02.2020), когда новообразование создается путем заменительной деривации на базе *коронавирус* с заменой первого корня на часть имени собственного *Аваков*. Таким образом, лексемы *пандемия*, *вирус*, в рамках медицинской терминологии не имеющие оценочной окраски, в процессах медийного словотворчества приобретают негативно-оценочную семантику, метафорически обозначая вредоносные, опасные, быстро распространяющиеся социальные проблемы.

Новообразования на базе оценочно-нейтральных элементов приобретают имплицитную оценочность в иронических контекстах: *Лондонградский «список миллиардеров»: ну, украли \$100 миллиардов, что такого? «Нормальные ребята»!* (Комсомольская правда, 05.02.2018) – для создания иронии используется прием «мимикрии» [39. С. 68], когда лексемы с эксплицитной позитивной оценкой (*нормальные ребята*) в контексте выражают негативную оценку, осознаваемую читателем за счет сопоставления описываемых в публикации действий с системой ценностей. При этом востребованы приемы языковой игры, создающие ироническую тональность: *Пирожок с ковидом. Юлия Меламед о том, какие трагедии, комедии и скандалы рождает новое время* (Газета.ру, 19.05.2020) – новообразование, созданное путем междусловного наложения *ковид* + (*пирожок с*) *пирожком*, встречается в заголовке публикации, посвященной трагическому происшествию – умышленному распространению вируса, приведшему к летальному исходу. Языковая игра поддерживается за счет интертекстуальной отсылки, автор проводит параллель между обсуждаемым в статье инцидентом и сценой в романе Ирвина Шоу: *В романе «Богач, бедняк» булочник Джордах перед тем, как покончить с собой, напихал стрихнина в булочки, чтобы отравить завтрашних утренних покупателей... И эта апрельская история в Лондоне – история жуткая и клоунская одновременно* (Газета.ру, 19.05.2020). Ироническая тональность, языковая игра выступают средством скрытой социальной оценки серьезных политических, экономических происшествий: *Остробюджетные истории. Сейчас все ищут деньги — с собаками и без <...> коррупционеров у нас все равно больше, чем собак, но для пополнения бюджета годится даже часть того, что эти взяточники, как говорится, берут на лапу* (Новая газета, 14.12.2020) – заменительная деривация с заменой второго корня на *бюджет* лексемы *остросюжетная (история)*, в контексте публикации о коррупции приобретающей ироническую окраску.

Таким образом, неодериваты на базе оценочно-нейтральных элементов в определенном контексте являются средством выражения скрытой оценки. Причем некоторые оценочно-нейтральные словообразовательные элементы достаточно регулярно в рамках медийного дискурса приобретают негативно-оценочную окраску. Так, как отмечают исследователи, лексемы с элементом *-фоб-* изначально имеют

нейтральный характер и в медицинской терминологии используются для обозначения клинических фобий, однако в современном словотворчестве преимущественно участвуют в создании негативно-оценочных обозначений иррационального резко негативного отношения к чему-либо [40]. В медийном словотворчестве новообразования с суффиксоидом *-фоб(ия)* с семантикой, как правило, имеют имплицитную негативную оценку и подчеркивают враждебность какого-либо субъекта: *Трудофобия и трудофобы* (Завтра, 30.05.2019); *Коронафобия. Эпидемия взволновала россиян больше голосования по конституционным поправкам* (Коммерсантъ, 07.07.2020). Таким образом, данный элемент имеет тенденцию выражать имплицитную негативную оценку в медийных текстах.

В некоторых случаях экстралингвистические условия, в частности социальная позиция СМИ, влияют на отбор средств выражения имплицитной негативной оценки. Так, элемент *vip-* с семантикой 'часть сложных слов агглютинативного типа, передающая значение важности, влиятельности, исключительности' [31] встречается в медийных текстах как в нейтральных и положительно-оценочных контекстах для описания услуг высокого качества и их потребителей (*Записывайтесь в студии в Lotte Hotel и ТД «Весна», где для подобных случаев оборудованы уютные ВИП-кабинеты* // Коммерсантъ, 07.02.2020), так и в негативно-окрашенных контекстах, приобретая несвойственную ему в системе языка отрицательную коннотацию. Элемент *vip-* используется как средство имплицитной негативной оценки групп населения, обладающих, по мнению автора, незаслуженными социальными, экономическими, политическими привилегиями: *АВТО: VIP-ДТП* (Комсомольская правда, 2021) – название рубрики о дорожных происшествиях с участием публичных лиц, людей с высоким социальным и материальным положением, как правило, содержащей публикации о неблагоприятном поведении данных лиц; *Неподсудные? Чем заканчиваются процессы против vip-чиновников в Башкирии* (Аргументы и факты, 17.02.2020); *ВИП-ШИШКИ. Экспрезидент США Барак Обама даже напоследок постарался напасть на Россию* (Завтра, 02.02.2017). В таких контекстах формируется образ социальной несправедливости, а неодериваты с элементом *vip-* используются для обозначения социальных групп, противопоставленных основной части общества. Подобные стратегии, как правило, встречаются в изданиях, позиционирующих себя как ориентированные на широкие народные массы.

Вследствие сложности феномена языковой игры, семантической многоплановости создаваемых новообразований, некоторые дериваты данной группы находятся в переходной зоне эксплицитности/имплицитности, поскольку не содержат эксплицитных оценочных элементов в структуре, характеризуются контекстуально обусловленной оценочностью, но в то же время имеют большой потенциал негативной экспрессивности. В частности, в переходной зоне эксплицитности/имплицитности находятся новообразования, созданные в ходе языковой игры на базе ассоциаций с нелитературной лексикой. Например, в ме-

дийных текстах распространены новообразования с финалью *-нут(ый)*: *тюрбанутый, политнутый* и др. Суффикс *-т-* причастий и отглагольных прилагательных с финалью *-нут(ый)* имеет в целом оценочно-нейтральный характер, однако подобные новообразования вследствие созвучия и структурной схожести вызывают ассоциации с обцененной лексикой [41. С. 124–125]. Также среди словообразовательных моделей, способных в определенном контексте вызывать ассоциации с нелитературной лексикой, в медийном словотворчестве востребована модель создания глаголов с префиксом *про-*: *Продзюбили. Сборная России по футболу, проиграв сербам 0:5, не пробилась в элитный эшелон Лиги наций* (Новая газета, 19.11.2020) – новообразование создано на базе имени собственного футболиста *А. Дзюбы* путем чересступенного словообразования с пропуском ступени глагольного деривата *Дзюба* → **дзюбить* → *продзюбить*. Модель создания глаголов с префиксом *про-* имеет различные значения, в том числе оценочно-нейтральные (ср. *прожевать, проработать* – 'интенсивно совершать действия' [28]), однако в контексте актуализируется негативно-оценочное значение словообразовательной модели 'упустить, пропустить что-л., совершая действие, названное мотивирующим глг' (ср. *прослушать, просмотреть*) [28]. Кроме того, словообразовательная модель глаголов с префиксом *про-* нередко используется для создания нелитературных лексем с негативной деструктивной семантикой. У читателя на основе коммуникативного опыта могут возникать ассоциации с подобными нелитературными лексемами, что мотивирует высокий уровень негативной экспрессивности, несмотря на отсутствие эксплицитных оценочно-маркированных элементов в структуре новообразования и контекстуальную обусловленность негативной оценки. Негативные ассоциации могут вызывать и другие глагольные дериваты, созданные с помощью нейтральных словообразовательных средств, но структурно схожие с нелитературными лексемами с негативной деструктивной семантикой: *Год, от которого все обнулили* (Коммерсантъ, 30.12.2020). Таким образом, подобные неодериваты формально относятся к имплицитному типу оценки, но в то же время они способствуют созданию сильной негативной экспрессивности.

Выводы

Итак, оценочность словообразовательных средств имеет градуальный характер, интенсивность выражения оценочного значения зависит от структурно-семантических свойств и условий употребления новообразования.

Максимальная степень выражения оценочной семантики достигается за счет сочетания нескольких факторов формирования оценочности, например, когда негативно-оценочная семантика основы интенсифицируется за счет семантики и/или стилистической окраски форманта. В менее интенсивной, но явной форме выражают оценку новообразования, в которых встречается один из факторов формирования оценки: оценочно-маркированный формант или

словообразовательная основа с негативно-оценочной семантикой. Однако в группе новообразований с оценочно-маркированными основами также можно выделить несколько уровней: они выражают оценку более или менее интенсивно в зависимости от того, насколько оценочная сема близка к ядру семантики. Так, уже к скрытым формам выражения оценки относятся новообразования на базе лексем, опосредованно указывающих на негативный характер описываемого явления. Минимальная степень выражения оценки свойственна новообразованиям, не содержащим оценочно-маркированных компонентов в структуре, но приобретающих негативно-оценочные оттенки в контексте при реализации метафор, различных форм языковой игры. Подобные новообразования нередко выражают оценку в форме иронии. Переходную зону эксплицитности/имплицитности составляют новообразования, не имеющие явных оценочно-маркированных элементов структуры, однако фактически обладающие большим потенциалом негативной экспрессивности на базе ассоциаций.

Для выявления процентного соотношения выделенных групп негативно-оценочных новообразований нами был проведен количественный анализ самостоятельно собранного корпуса контекстов из электронных СМИ. В зависимости от структурно-семантических и функциональных особенностей, новообразования из собранной выборки были распределены по описанным выше группам, подсчитано количество новообразований каждой группы (с учетом подгрупп) в исследованном материале. В результате количественного анализа собранных контекстов в целом зафиксировано преобладание имплицитной оценочности (62% исследованных контекстов содержат имплицитную негативную оценку, 38% – эксплицитную негативную оценку). Количественное соотношение выделенных групп новообразований на исследованном материале представлено следующим образом:

- Группа 1 – 6%.
- Группа 2 – 13%.

– Группа 3 – 39% (подгруппа 3.1 – 2%, 3.2 – 11%, 3.3 – 12%, 3.4 – 14%).

– Группа 4 – 42%.

Таким образом, на исследованном материале можно наблюдать, что крайняя степень эксплицитности оценочных средств (интенсифицированная негативная оценка) представлена небольшой группой новообразований, в то время как более многочисленными являются группы средней части оценочного спектра, а также группы новообразований с имплицитной оценочностью.

Предложенная модель шкалы оценочных средств построена на материале анализа новообразований, однако может быть использована и для словообразовательного анализа узуальных производных слов с учетом их словообразовательной структуры. Например, дериваты, функционирующие в современных СМИ, но не относящиеся к новообразованиям по хронологическому критерию (встречаются в текстах СМИ начала XXI в., до 2010 г.): *суперужасный*, *супернеудачник* – по степени эксплицитности/имплицитности оценочных средств дериват может быть отнесен к группе 1, *недополитик*, *псевдоспециалист*, *казеницина*, *сталиницина* – к группе 2, *политпредатель* – к группе 3, *мигрантофобия* – к группе 4 и т.п.

Выявление градуального характера имплицитности/эксплицитности средств выражения негативной оценки, построение шкалы оценочности, может использоваться в журналистской практике, а также в практике производства лингвистической экспертизы конфликтных текстов.

Перспективами дальнейшего исследования могут стать дальнейшая разработка модели шкалы оценочных средств новообразований в позитивно-оценочном спектре, выявление и изучение градуальности семантики не только параметров имплицитности/эксплицитности, но и других семантических параметров (на что указывают исследователи [42]) лексических и словообразовательных единиц в рамках медиадискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клушина Н.И. Этические аспекты массовой коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 59–66.
2. Шептухина Е.М. Эксплицитность/имплицитность смысловой структуры русских глаголов со связанными основами // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов : материалы междунар. науч. конф. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 248–255.
3. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М. : Высшая школа, 1990. 176 с.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М. : Флинта-Наука, 2007. 592 с.
5. Новиков В.П. Оценочная лексика в языке английской газеты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 22 с.
6. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse. Analysis of a Newspaper Corpus. London : Continuum, 2006. 253 p.
7. Bednarek M. Investigating evaluation and news values in news items that are shared through social media // Corpora. 2016. Т. 11, вып. 2. С. 227–257. DOI: 10.3366/cor.2016.0093
8. Рацибурская Л.В., Соловьева Д.В. Медийные новообразования как фактор коммуникативных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. № 4. 2018. С. 81–89.
9. Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 314–326.
10. Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте: на материале современной русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 48 с.
11. Заложная И.В. Имплицитная инвектива в современном русском языке: структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 216 с.
12. Минемуллина А.Р. Оценочные прилагательные в языке современных средств массовой информации : дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2015. 264 с.
13. Морослин П.В. Язык интернета как объект лингвистических исследований // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2009. № 3. С. 10–17.
14. Радионцева Е.С. Типологическая система электронных СМИ // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 4. С. 119–123.
15. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986. 154 с.

16. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М. : ИРЯ РАН ; Русские словари, 1996. 222 с.
17. Шумилова А.В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011. 298 с.
18. Калинин А.В. Лексика русского языка. 5-е изд. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. 320 с.
19. Гришкина Е.Н. Проблема соотношения понятий «неологизм» и «новое слово» (психолингвистический аспект) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. статей V Междунар. науч. конф. Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2016. С. 7–12.
20. Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ : ИР, 1994. 185 с.
21. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М. : Просвещение, 1979. 416 с.
22. Золотарева М.Н. Неологизмы современного русского языка в деривационном аспекте: на материале неологизмов 70–90 годов XX века с глагольными корнями : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 199 с.
23. Samadov N. Tendances de la néologie dans la radio: analyse à travers la Radio France Internationale. Strasbourg : Université Marc Bloch, 2007. 262 p.
24. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л. : Наука, 1978. С. 5–26.
25. Жданова Е.А. Лексикографическая фиксация неологизмов в словарях разных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3 (1). С. 388–392.
26. Петрухина Е.В., Дедова О.В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137–159. DOI: 10.17223/19986645/57/8
27. Ефремов В.А. Аффектонимы в современном русском языке // Обучение иностранным языкам. 2020. Т. 47, № 4. С. 400–408.
28. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с.
29. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2014. 304 с.
30. Рацибурская Л.В., Николина Н.А., Фатхутдинова В.Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19, № 2. С. 5–19. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.1
31. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 10.04.2021).
32. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.) // ГРАМОТА.РУ. 2002. URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (дата обращения: 10.04.2021).
33. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арго. 27 000 слов и выражений. М. : Рипол-классик, 2003. 1120 с.
34. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 10.04.2021).
35. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 10.04.2021).
36. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М. : Флинта ; Наука, 2017. 168 с.
37. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.04.2021).
38. Клущина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 352 с.
39. Руженцева Н.Б. «Чужие» и «свои» в биполярной и многополярной политической картине мира (оценка в политических комментариях Ивана Яковины) // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 63–71.
40. Петрухина Е.В. Особенности словообразования в церковно-религиозном дискурсе русского языка: стилистические функции церковнославянизмов // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*. Siedlce : Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2013. С. 110–135.
41. Куликова В.А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.) : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2020. 278 с.
42. Скворцова Н.С. Градуальность контрастной образности в формировании противоположных значений фразеологических единиц // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 46–55. DOI: 10.17223/15617793/451/7

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 июля 2021 г.

Graduality of Word-Formation Evaluative Means (On the Material of Neologisms in the Internet Media of the 21st Century)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 39–50.

DOI: 10.17223/15617793/471/4

Valentina A. Kulikova, Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: tva94@rambler.ru

Keywords: graduality; negative evaluation; word formation; media text.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90005.

The article examines the problem of graduality of word-formation means of expressing evaluation (on the material of media neologisms), in particular, the negative evaluative semantics that prevails in modern media discourse. The hypothesis of the research is that neologisms express an evaluation in an explicit and implicit form; moreover, the parameter of explicitness/implicitness is gradual and can be expressed to a greater or lesser extent depending on the structural and semantic features of a neologism and the contextual conditions of its use. The research aims to identify the factors that form the explicit or implicit evaluative semantics of neologisms, whilst intensifying the manifestation of this parameter; to construct the model of the neologism evaluative scale based on the explicit/implicit parameter; and to identify the transition zones of the scale. The research is carried out on the basis of a corpus of contexts with negative evaluative neologisms (770 contexts), formed on the basis of a content analysis of Russian Internet media of various sociopolitical orientation (17 editions in total). In the course of the research, the methods of structural-semantic, word-formation analysis, stylistic analysis of neologisms were used in combination with methods of discourse analysis and content analysis of the text corpus. As a result of the study, four groups of neologisms (divided into subgroups) were identified, located on the evaluative scale in the order of de-intensification of the negative evaluative semantics. The factors of neutralization of the evaluative semantics were considered, as well as the conditions for the formation of the evaluative semantics for neutral elements in the language system. The following factors influencing the degree of explicitness/implicitness of the estimated value are considered:

semantics and stylistic coloring of the word formation stem, semantics and stylistic coloring of the affix or affixoid, the usual/non-usual character of the word formation method as an additional factor, as well as contextual features of the neologisms' use. It was revealed that the maximum degree of explicitness is characteristic of neologisms which combine a stem with negative evaluative semantics and an affix or affixoid that intensifies the evaluation. In the middle of the evaluative spectrum, there are neologisms containing a formant or a stem marked as evaluative (the closer the evaluative component is to the core of the semantics of the base, the more intensely the evaluation of the neologisms is expressed). The maximum degree of implicitness is characteristic of neologisms created on the basis of neutral elements, but acquiring evaluation in context because of metaphorization, under the influence of a language game, as well as in the course of implementing ironic speech strategies.

REFERENCES

1. Klushina, N.I. (2014) Eticheskie aspekty massovoy kommunikatsii [Ethical aspects of mass communication]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika – RUDN Journal of Linguistics*. 1. pp. 59–66.
2. Sheptukhina, E.M. (2006) [Explicitness/implicitness of the semantic structure of Russian verbs with related stems]. *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov* [Semantic-Discursive Studies of Language: Explicitness/Implicitness of the Expression of Meanings]. Proceedings of the International Conference. Kaliningrad: I. Kant Russian State University. pp. 248–255. (In Russian).
3. Vasil'ev, L.M. (1990) *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Baranov, A.N. (2007) *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* [Text's linguistic examination]. Moscow: Flinta-Nauka.
5. Novikov, V.P. (1992) *Otsenochnaya leksika v yazyke angliyskoy gazety* [Evaluative lexis in the language of an English newspaper]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
6. Bednarek, M. (2006) *Evaluation in Media Discourse. Analysis of a Newspaper Corpus*. London: Continuum.
7. Bednarek, M. (2016) Investigating evaluation and news values in news items that are shared through social media. *Corpora*. 11 (2). pp. 227–257. DOI: 10.3366/cor.2016.0093
8. Ratsiburskaya, L.V. & Solov'eva, D.V. (2018) Media Neologisms as a Factor of Communicative Risks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykovedenie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 4. pp. 81–89. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.7>
9. Baranov, A.N. (2011) Skrytoe (implitsitnoe) utverzhenie v lingvisticheskoy ekspertize teksta [Hidden (implicit) statement in the linguistic examination of the text]. *Yurilingvistika*. 1 (11). pp. 314–326.
10. Ermakova, E.V. (2010) *Implitsitnost' v khudozhestvennom tekste: na materiale sovremennoy russkoyazychnoy i angloyazychnoy prozy psikhologicheskogo i fantasticheskogo realizma* [Implicitness in a literary text: on the material of modern Russian-language and English-language prose of psychological and fantastic realism]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
11. Zalozhnaya, I.V. (2011) *Implitsitnaya invektiva v sovremennoy russkom yazyke: strukturno-semanticheskie i kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki* [An implicit invective in modern Russian: structural-semantic and communicative-pragmatic characteristics]. Philology Cand. Diss. Stavropol.
12. Minemullina, A.R. (2015) *Otsenochnye prilagatel'nye v yazyke sovremennykh sredstv massovoy informatsii* [Evaluative adjectives in the language of modern media]. Philology Cand. Diss. Kirov.
13. Moroslin, P.V. (2009) Yazyk interneta kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [The language of the Internet as an object of linguistic research]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika – RUDN Journal of Linguistics*. 3. pp. 10–17.
14. Radiontseva, E.S. (2012) Tipologicheskaya sistema elektronnykh SMI [Typological system of electronic media]. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*. 4. pp. 119–123.
15. Namitokova, R.Yu. (1986) *Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatel'nyy aspekt* [Author's neologisms: a word-formation aspect]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
16. Ulukhanov, I.S. (1996) *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the Russian word-formation system and their lexical implementation]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS; Russkie slovari.
17. Shumilova, A.V. (2011) *Novoobrazovaniya v gazetnom zagolovke: strukturno-funktsional'nyy aspekt* [Neologisms in a Newspaper Headline: A Structural and Functional Aspect]. Philology Cand. Diss. N. Novgorod.
18. Kalinin, A.V. (2012) *Leksika russkogo yazyka* [Lexis of the Russian language]. 5th ed. Moscow: FLINTA; Nauka.
19. Grishkina, E.N. (2016) [The problem of the relationship between the concepts of “neologism” and “new word” (a psycholinguistic aspect)]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Topical issues of philological science of the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 7–12. (In Russian).
20. Sen'ko, E.V. (1994) *Innovatsii v sovremennoy russkom yazyke* [Innovations in modern Russian]. Vladikavkaz: IR.
21. Berezin, F.M. & Golovin, B.N. (1979) *Obshchee yazykovedenie* [General linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.
22. Zolotareva, M.N. (2001) *Neologizmy sovremennoy russkogo yazyka v derivatsionnom aspekte: na materiale neologizmov 70–90 godov XX veka s glagol'nyimi kornymi* [Neologisms of modern Russian in the derivational aspect: on the material of verb-root neologisms of the 1970s–1990s]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
23. Samadov, N. (2007) *Tendances de la néologie dans la radio: analyse à travers la Radio France Internationale*. Strasbourg: Université Marc Bloch.
24. Kotelova, N.Z. (1978) Pervyy opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov [The first experience of a lexicographic description of Russian neologisms]. In: Kotelova, N.Z. (ed.) *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad: Nauka. pp. 5–26.
25. Zhdanova, E.A. (2012) Leksikograficheskaya fiksatsiya neologizmov v slovaryakh raznykh tipov [Lexicographic fixation of neologisms in dictionaries of different types]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 3 (1). pp. 388–392.
26. Petrukhnina, E.V. & Dedova, O.V. (2019) The Internet as a Source of Linguistic Information (For Studying the Dynamics of Russian Word Formation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 137–159. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/8
27. Efremov, V.A. (2020) Affektonimy v sovremennoy russkom yazyke [Affectonyms in modern Russian]. *Obuchenie inostrannym yazykam*. 47 (4). pp. 400–408.
28. Lopatin, V.V. & Ulukhanov, I.S. (2016) *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennoy russkogo yazyka* [Dictionary of word-building affixes of the modern Russian language]. Moscow: Azbukovnik.
29. Radbil, T.B. et al. (2014) *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New trends in the Russian language at the beginning of the 21st century]. Moscow: FLINTA; Nauka.
30. Ratsiburskaya, L.V., Nikolina, N.A. & Fatkhutdinova, V.G. (2020) New Phenomena in the Sphere of Derivation Formants as Reflection of the Dynamics of the Russian Language Word-Formation System. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykovedenie*. 19 (2). pp. 5–19. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.1

31. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New explanatory derivational dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, [Online] Available from: <https://www.efremova.info/> (Accessed: 10.04.2021).
32. Elistratov, V.S. (2002) *Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990 gg.)* [Dictionary of Russian argot (materials of 1980–1990)]. [Online] Available from: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (Accessed: 10.04.2021).
33. Grachev, M.A. (2003) *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo. 27 000 slov i vyrazheniy* [Dictionary of millennial Russian argot. 27,000 words and phrases]. Moscow: Ripol-klassik.
34. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2000) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik, [Online] Available from: <https://dic.academic.ru> (Accessed: 10.04.2021).
35. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2014) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint, [Online] Available from: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (Accessed: 10.04.2021).
36. Popova, T.V., Ratsiburskaya, L.V. & Gugunava, D.V. (2017) *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* [Neology and Neography of Modern Russian]. Moscow: Flinta; Nauka.
37. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk, [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Accessed: 10.04.2021).
38. Klushina, N.I. (2008) *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.)* [Intentional categories of a journalistic text (on the material of periodicals of 2000–2008)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
39. Ruzhentseva, N.B. (2013) “Friend” and “Alien” in Bipolar and Multipolar Political Picture of the World (Evaluation in Political Comments by Ivan Yakovina). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3 (45). pp. 63–71. (In Russian).
40. Petrukina, E.V. (2013) *Osobennosti slovoobrazovaniya v tserkovno-religioznom diskurse russkogo yazyka: stilisticheskie funktsii tserkovno-slavyanizmov* [Peculiarities of Word Formation in the Church-Religious Discourse of the Russian Language: Stylistic Functions of Church Slavonicisms]. In: *Slowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego. pp. 110–135.
41. Kulikova, V.A. (2020) *Slovoobrazovatel'nye sredstva vyrazheniya negativnoy otsenki (na materiale novoobrazovaniy v zagolovkakh elektronnykh SMI XXI v.)* [Word-building means of expressing negative evaluation (on the basis of neologisms in the headlines of the electronic media of the 21st century)]. Philology Cand. Diss. N. Novgorod.
42. Skvortsova, N.S. (2020) Contrastive Imagery Gradation in Forming Opposite Phraseological Semantics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 451. pp. 46–55. DOI: 10.17223/15617793/451/7

Received: 07 July 2021

В.И. Степовая

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» В ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПИТЕРА РЭБИ И МАЙКЛА ЛЭНГХЭМА

На материале адаптированного англоязычного перевода комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», выполненного в 1967 г. в Канаде, выявляются смысловые трансформации пьесы, обусловленные инокультурным контекстом. Устанавливается, что восприятие произведения как сатиры, направленной против господствующей в обществе пошлости, отличается от авторской интерпретации аксиологической основой, базирующейся не на христианстве, но на ценностной парадигме, свойственной канадскому и американскому обществу 1960-х гг.

Ключевые слова: Николай Гоголь; «Ревизор»; адаптированный перевод; интерпретация; Питер Рэби; Майкл Лэнгхэм

Творчество Н.В. Гоголя всегда вызывало определенный резонанс как в академических кругах, так и среди читателей и зрителей в России и за рубежом. Интерес к феномену Гоголя в мировом литературоведении не ослабевает и сейчас, благодаря универсальности смыслов, вложенных автором в произведения, что обуславливает актуальность изучения наследия писателя и, в частности, пьесы «Ревизор» с точки зрения театральной переводческой интерпретации, которая часто выступает основой понимания произведения в инокультурной среде. Под «театральной переводческой интерпретацией» мы понимаем интерпретацию, которую пьеса получает в результате перевода, подготовленного специально для сцены, его рецепции в контексте принимающей культуры, а также в процессе работы не только автора адаптации, но и режиссера над сценическим воплощением текста.

В связи с этим нашей задачей является изучение театральной переводческой интерпретации пьесы «Ревизор» на материале ее ранее неисследованного англоязычного перевода, выполненного в 1967 г. Леонидом Игнатьевым и адаптированного Питером Рэби. Режиссером постановок, основанных на данном тексте, выступил Майкл Лэнгхэм.

Рассматриваемый перевод был создан по последней авторской редакции комедии 1842 г. для постановки в Стратфордском Национальном театре Канады. Впервые адаптация была опубликована в 1972 г. в штате Миннеаполис (США), в издании «University of Minnesota Press», затем неоднократно выходила в издании «Dramatists Play Service, Inc.».

Для того чтобы проанализировать театральную переводческую интерпретацию рассматриваемого перевода, в первую очередь следует обратиться к биографии его создателей. Питер Рэби (27 июня 1939 г.) является доктором наук, почетным профессором Хомертон-колледжа, одного из колледжей Кембриджского университета Великобритании, где читает лекции по английскому языку и драматургии. П. Рэби провел три года в качестве драматурга на Шекспировском фестивале в Стратфорде, Онтарио. Его работы были представлены на международном уровне, включая постановки на Стратфордском фестивале, в Театре Гатри, Театре Ширмана в Кардиффе и Ноттингемском театре в Англии [1].

Майкл Сеймур Лэнгхэм (22 августа 1919 – 15 января 2011 г.) был английским режиссером и актером, который провел большую часть карьеры, живя и работая в Канаде и Соединенных Штатах. Получил образование в колледже Рэдди, а также изучал юриспруденцию в Лондонском университете, прежде чем его зачислили в британскую армию в 1939 г. Во время Второй мировой войны будущий режиссер попал в плен к немцам, где, ставя пьесы для заключенных, и осознал, что театр станет его призванием [2].

После освобождения М. Лэнгхэм возглавил несколько репертуарных театров в Великобритании, включая Ковентри, Бирмингем и Глазго. Он был вторым художественным руководителем Стратфордского шекспировского театрального фестиваля в Канаде с 1956 по 1967 г. и руководил 38 постановками в течение 53 лет сотрудничества со Стратфордом. М. Лэнгхэм был третьим художественным руководителем театра Гатри в Миннеаполисе, а также долгое время – директором Джульярдской школы (одного из крупнейших американских учебных заведений в области искусства и музыки) [3].

Леонид Игнатьев же на момент создания постановки являлся профессором Университета Западного Онтарио (Канада). Это вся информация, которой мы располагаем о нем.

Данный адаптированный перевод представлял некоторую трудность, поскольку не было ясно, в контексте какой культуры его следует рассматривать (из биографий тех, кто имел отношение к появлению сценической адаптации «Ревизора», очевидна их принадлежность к разным культурам). Для того чтобы прояснить это, а также получить более точные сведения о том, какую лепту в адаптированный перевод внес каждый его из создателей, было принято решение обратиться непосредственно к П. Рэби, чей электронный адрес был найден на сайте Хомертон-колледжа. Он согласился ответить на наши вопросы, но просил отметить при публикации его письма, что хотя он и является автором изучаемой нами адаптации гоголевской пьесы, с тех пор, как он подготовил ее, прошло 54 года, в связи с чем некоторые подробности могли стереться из его памяти. Итак, в личном письме он сообщил следующую информацию:

«Я был драматургом в театре Шекспировского фестиваля в 1966–1968 гг. Когда было принято решение

о постановке “Государственного инспектора”, Майкл Лэнгхэм, в последний год своего пребывания на посту художественного руководителя, решил поставить пьесу Гоголя в сезон 1967 г. <...> Ни один из существующих переводов ему не понравился, и поэтому меня пригласили подготовить новый английский текст для постановки. Поскольку я не знал русского языка, руководство театра связалось с кафедрой современных языков Лондонского университета, и профессор Игнатев согласился предоставить дословный перевод. Я приходил к нему в кабинет (это, должно быть, было в конце лета – начале осени 1966 г.) с магнитофоном, и он диктовал мне перевод, раздел за разделом, мы набирали текст, – и я работал, используя его. Возможно, после этого процесса у профессора Игнатева осталось несколько вопросов, но я не могу вспомнить, чтобы мы общались еще, но помню, что, хотя он был очень вежлив, он был немного озадачен тем, почему мы были обеспокоены созданием другой версии. Так что я работал по-настоящему самостоятельно, пока не начались репетиции <...>.

Что касается причин, по которым Майкл Лэнгхэм выбрал “Государственного инспектора” – помимо того, что это великая и вневременная классика, – в них я не могу быть уверен спустя столь долгое время. Майклу нравился русский репертуар – в 1965 г. Стратфорд с успехом поставил “Вишневый сад” (а в 1968 г. – “Чайку”). Майкл также недавно поставил новую пьесу английского писателя Майкла Ботри “Последний из царей” – так что русские темы были актуальны. Мы хотели получить комедию, привлекательную для тура и не принадлежащую Шекспиру; и вполне могли быть соображения, связанные с распределением ролей. <...> Я думаю, что, возможно, также существовало ощущение, что между Канадой и Россией было родство в физических просторах и некотором упрямом и ограниченном провинциализме, который, по мнению некоторых, был присущ канадскому обществу. <...>

С точки зрения национальной близости – Майкл Лэнгхэм работал в Великобритании, Канаде и США, но я предполагаю, что считал себя англичанином, или, возможно, причислял себя сразу к уроженцам всех этих стран. Я англичанин – приехал в Канаду в 1966 г. в качестве землевладельца и работал там в течение нескольких лет, но никогда не терял своего английского статуса <...>».

Из письма становится ясным, что авторами интерпретации являются П. Рэби и М. Лэнгхэм (поэтому имеет смысл рассматривать только их взгляд на пьесу), роль же профессора Игнатева была второстепенной. Кроме того, можно заключить, что текст стоит анализировать в контексте культурно-исторической ситуации в Канаде. Хотя, безусловно, определенное влияние на эту страну оказывала и оказывает Америка, поэтому американский контекст тоже нельзя оставить без внимания; к тому же впоследствии пьеса была поставлена и там. Несмотря на то, что создатели интерпретации имеют отношение к английской культуре, очевидно, что они ориентировались на культурную среду своей зрительской аудитории.

Итак, обратимся к анализу перевода. Будучи адаптацией для сцены, он несколько отличается от оригинальной пьесы. Название комедии переводится как «The Government Inspector». Выбор данного варианта П. Рэби объясняет в предисловии: «Поскольку возможность найти убедительный эквивалент для тщательно выстроенной иерархии российского чиновничества XIX в. казалось трудной и обладающей сомнительной ценностью задачей, было решено подчеркнуть элемент, который был общим для того общества с нашим: страх перед анонимной властью и перед длинной рукой правительства» [4. С. X]. Оригинальное название комедии может рассматриваться как сочетающее двойную семантику: обозначение государственного чиновника и воплощение совести, «внутреннего ревизора». В названии адаптации акцент делается на социальной чиновнической иерархии, однако у авторов нет стремления свести смысл пьесы к сатире, направленной исключительно против государственного аппарата. С их точки зрения, комедия действительно имеет сатирическое начало, но направлено оно против господствующей в обществе пошлости. М. Лэнгхэм писал: «Адаптация Мейерхольда, поставленная в двадцатые годы в Москве и направившая обвиняющий перст на высших чиновников страны, кажется мне неоправданной. Ибо Гоголя интересовало исключительно подлое, жадное, узколобое лицемерие мелкой, очень мелкой буржуазии. Только по этой причине Гоголь может многое сказать нам сегодня, когда пошлость еще более свирепа, чем в его время» [4. С. VII].

В подобном взгляде режиссера на комедию можно, с одной стороны, усмотреть влияние работы Владимира Набокова «Николай Гоголь», на которую он ссылается. С другой стороны, такое прочтение может быть обусловлено социальными и культурными условиями, в которых ставилась пьеса. П. Рэби упоминает о возможной связи с ограниченным провинциализмом Канады. М. Лэнгхэм же, в свою очередь, имел отношение и к американской культуре, в которой на тот момент существовала сходная проблема, о чем говорят современные исследователи: «Теория “равных возможностей”, эстетизация “среднего американца” сформировала одномерный тип личности, конвенционального человека, ориентированного на массовое мнение. Качества этой личности определены в работах американских социологов. Их формулы: “приобретательский индивидуализм и обезличенное чувство стадности” (Ч. Райх), “средний американец – индивид, направленный “вовне”, ориентированный на одобрение среды” (Д. Рисмен) – служат объяснением социальной пассивности, присущей американцам 50-х гг.» [5. С. 9]. Ученые также говорят о «принципах жизни, стандартизирующих личность», о «духовной стерильности», «плоских карьеристских побуждениях “молчаливого большинства”, мещанстве и культе вещей» [5. С. 10], что теоретически можно соотносить с пошлостью, которую усматривают авторы интерпретации в комедии «Ревизор».

Это описание ситуации в американском обществе несколько напоминает то, которое дает М. Ботри героям «Ревизора» в статье, посвященной данной поста-

новке: «Герои Гоголя – <...> это вывернутые наизнанку люди, стремящиеся к совершенству пошлости, посредственности. <...> Их реальность – внешняя, их мотивация – внешняя, их награды измеряются только в терминах внешнего, фальшивого. <...> Внутри этих странных картонных людей бурлит поток неосознанного ужаса, обнажающегося только во сне или при необдуманных поступках <...> Персонажи Гоголя и русские, которых они отражали, не были цельными, не были самими собой» [6. С. 130].

Американский конформизм и мещанство провоцируют протест молодого поколения. Появляется такая контркультура, как битники, группа американских писателей, оформившаяся в 1950-х гг. Базовой установкой их философии является побег от пуританских устоев и этики благополучного среднего класса в мир художественной импровизации. В этом им помогает увлечение дзен-буддизмом и иными религиями. Кроме того, битники активно использовали в этих же целях наркотики, алкогольные напитки, секс и устные рассуждения [7. С. 83]. В 1960-е гг. появляются родственные им в воззрениях хиппи. Их движение также отвергало пуританскую мораль, но, помимо этого, они бунтовали и против послевоенной техногенной действительности, стремившейся подавить личность человека, делавшей его мышление стереотипным. Как и битники, хиппи критиковали общество потребления, культ успеха и мещанского «счастья», под которым скрывалась нравственная ущербность и неуверенность в себе [8. С. 227]. Хиппи тоже были известны частым применением психоактивных веществ. Оба эти движения имеют общие черты с модернизмом с его концепцией мира-хаоса и стремлением к уходу в иные реальности. Это поколение испытывало ощущение полного краха всех ценностей и своей жизни. Их мировосприятие характеризовалось безысходностью и пессимизмом, что, в свою очередь, влияло на их поведение и делало его вызывающим. Именно поиски выхода провоцировали стремление к измененным состояниям сознания, мистической восточной философии, автомобильным гонкам и бродяжничеству [9. С. 509].

В канадской литературе же, на которую могли оказывать влияние настроения в США, в 1960–1970 гг. начинают усиливаться сюрреалистические мотивы. Так, в энциклопедии «Британника» указывается, что «многие писатели, публиковавшиеся в 1960-х и 70-х гг., ниспровергали традиционные условности художественной литературы, переходя от реалистического к сюрреалистическому, саморефлексивному <...> или пародийному стилю» [10]. Сюрреализм – это одно из направлений модернизма, и изначально он зарождается на Западе тоже как бунт против буржуазных ценностей, приведших к столь плачевным последствиям [11. С. 141]. Сюрреалисты видят свою задачу в изображении реального мира через подсознательные, «сверхреальные», лишённые логики связи между объектами реального мира, которые обычно проявляются во сне, в состояниях гипноза, транса или болезни [11. С. 142].

На 1967 г. в Америке приходится «Лето любви», когда в Сан-Франциско собирается примерно 100 тыс.

хиппи, ратующих за либеральные ценности и призывающих всех праздновать свободу и любовь. Это был неповторимый феномен бунта, влияние которого на западную культуру сказывается до сих пор.

Именно в такой обстановке, в том же 1967 г. появилась данная адаптация «Ревизора», и с господством модернистских тенденций и настроений предположительно можно связать взгляд М. Лэнгхэма как на Гоголя, так и на персонажей его комедии: «С точки зрения Гоголя, мне кажется, жизнь страшна, безобразна и жестока. Чтобы выжить, надо смеяться, какой бы безысходной ни была ситуация. <...> Только смехом можно сделать существование терпимым. На протяжении всей жизни мягкая натура Гоголя, кажется, всегда была не очень далека от того, чтобы дать трещину под давлением реальности (особенно реальности неудачи, домашней и профессиональной), поэтому он убегает, как и многие из его ведущих персонажей, в мир фантазии, галлюцинации, притворного успеха.

В этой пьесе городничий и его жена, Осип и Хлестаков, каждый по-своему измученные неудачей, прибегают к мечтам об идеализированной жизни и успехе. Каждый видит себя безжалостно карабкающимся по расprostертым телам тех, кто вокруг и над ними, пока им не удастся достичь окончательного исполнения своей мечты» [4. С. VI–VII].

О Хлестакове же, центральном образе комедии, М. Лэнгхэм высказывается следующим образом: «По правде говоря, он самая жалкая, наименее уверенная фигура в пьесе: самый младший чиновник на государственной службе, и полный провал даже на этом скромном посту; проклятие отцовского глаза; без друзей (писатель-сплетник, знакомством с которым он хвастается, не является другом <...>); и он [Хлестаков] слишком застенчив, чтобы наслаждаться обществом женщин. Только в фантазии, только убегая в манию величия, он может почувствовать себя успешным, имеющим друзей и какую-то возможность романтики. Следовательно, он <...> стремится при малейшей возможности уплыть в мир грез, где может злобно топтать всех, кто терроризирует его жизнь» [4. С. VIII–IX].

Таким образом, можно говорить о трансформации образа Хлестакова. А.С. Янушкевич называет его «глубоко общественным явлением, феноменом русской действительности, [в котором] <...> воплотились характерные черты исторического сознания – жажда самоутверждения через самозванство, имитация бурной деятельности на словах и ее отсутствие на деле, головокружение от успехов» [12. С. 657]. В переводе же Хлестаков превращается в страдающего эскаписта. Разумеется, в связи с этим нельзя приписывать ему какие-либо бунтарские стремления (ибо он такая же жертва пошлости, как и все остальные), можно лишь указать на некоторое изменение в характере образа. Возможно, видя вокруг множество несчастных молодых людей, стремящихся уйти в иную реальность, авторы проецируют это поведение на героев пьесы (хотя нужно упомянуть, что в ней не говорится о возрасте Хлестакова).

На наш взгляд, гоголевского Хлестакова нельзя назвать человеком, живущим в мире грез с целью спа-

сения в нем от жестокости этого мира. По мысли Гоголя, герой был «приглуповат» и «без царя в голове» [13. С. 8]. Подобные характеристики едва ли располагают к болезненной рефлексии, которая представлена в данном случае. Хлестаков лишается, помимо прочего, той самой жажды самоутверждения, на что указывает трансформированный текст пьесы. Так, персонаж не упоминает о том, что он «везде, везде...» [13. С. 45]. Кроме того, на просьбу Марьи Антоновны написать ей в альбом стихи Хлестаков откликается совершенно другим произведением. Стих М.В. Ломоносова, благодаря которому, по мнению А.С. Янушкевича, «по пространству комедии буквально растекается дух личных амбиций и человеческого самоутверждения» [12. С. 659], заменяется несколькими трансформированными строками из написанного в 1616 г. любовного стихотворения английского поэта и драматурга Бена Джонсона «К Селии»: “Drink to me only with thine eyes and I will drink with mine” [4. С. 48]. В оригинале “Drink to me only with thine eyes // And I will pledge with mine”. В переводе В.В. Лунина на русский язык эти строки звучат так: «До дна очами пей меня, // Как я тебя – до дна» [14].

Помимо этого, хотя сохраняется упоминание Хлестаковым произведений «Норма» и «Женитьба Фигаро», «Роберт Дьявол» заменяется «Лючия ди Ламмермур». «Роберт Дьявол» изначально – французский анонимный рыцарский роман XIII в., повествующий о жестоком герцоге, совершившем большое количество низких преступлений. В конце концов герой ужасается содеянному, предается глубокому покаянию, встает на путь добрых дел и, тем самым, спасается. В 1831 г. была представлена опера Джакомо Мейербера по этому роману. В ней, помимо указанного, присутствует и любовный сюжет, который заканчивается воссоединением возлюбленных. Таким образом, произведение имеет счастливый конец. «Лючия ди Ламмермур» же – это опера итальянского композитора Гаэтано Доницетти по мотивам романа Вальтера Скотта «Ламмермурская невеста». В ней рассказывается трагическая любовная история в духе «Ромео и Джульетты», где возлюбленные в конце погибают.

Название романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» заменяется П. Рэби произведением “The Prince and the Peasant Girl” («Принц и крестьянка») при том, что фамилия автора сохраняется. Подобные замены придают натуре Хлестакова одновременно романтический и трагический ореол, которого не было в оригинале, что может быть следствием настроений, господствовавших в Канаде и США. Такой характер образа героя подтверждается словами П. Рэби о том, что «ключ к Хлестакову <...> заключается в горечи, скрывающейся под эйфорическим видением» [6. С. 126].

В отношении же других особенностей адаптированного перевода: несмотря на то, что в целом структура комедии соответствует оригиналу в порядке расположения сцен, в ней не пять действий, а два. В первое действие входят первые три оригинальных действия, при этом они называются явлениями. Во второе действие соответственно входят также названные явлениями четвертое и пятое действия. В этом можно

усмотреть частичную утрату упорядоченности вследствие отказа от выделения более мелких явлений, как в оригинале, и заметить упрощение и слияние. Предположительно это соотносится с состоянием культуры XX в., переживающей сходные процессы. В.И. Максимов пишет, что «XVIII и XIX вв. – время завершения эволюции всех известных общественных и познавательных форм культуры: от государственных структур (абсолютизм, парламентаризм) до свода тотальных знаний (французская “Энциклопедия”) и наиболее стройных философских систем (немецкий классический идеализм). Эти формы, достигнув предела, входили в процесс разложения, расслоения. Возникли тенденции к слиянию форм культуры и явлений обыденной жизни и к соединению различных самостоятельных культурных образований» [15. С. 7].

В тексте сценической адаптации опускается раздел «Характеры и костюмы», что можно назвать свидетельством трансформации характеров героев. Кроме того, практически полностью изменяется порядок представления персонажей в списке действующих лиц: их расположение согласно логике социальной пирамиды не соблюдается, что может быть следствием хаотичности как черты XX столетия. Но можно отметить, что фигура Хлестакова при этом все равно остается примерно в центре: значит, персонажа по-прежнему можно рассматривать как «порождение окружающей среды» [12. С. 656], на что указывает А.С. Янушкевич (хотя в данном случае эта среда не будет являться отражением российской действительности).

Эпиграф в комедии сохраняется и переводится как “If your face is lopsided, don’t blame the mirror” [4. С. XII]: «Если у тебя кривое лицо, не вини зеркало». Лексема “lopsided” не передает значения порочности, которое подразумевал Гоголь. Но ее можно перевести как «кривобокий», «искривленный». С нашей точки зрения, это вполне вписывается в замысел создателей постановки, которые говорили о «своеобразном видении Гоголя, искаженном и в то же время мгновенно узнаваемом, гротескном и в то же время дотошном в деталях» [6. С. 128] и о том, что «Гоголь всегда стоял “под небольшим углом к мирозданию”» [6. С. 127].

Семантика зеркальности в переводе сохраняется в несколько измененном виде. В пьесе Гоголя она присутствует, по замечанию О.Б. Лебедевой, «абсолютно на всех уровнях, и во многом благодаря тому, что двоение и повтор, отражение и переверт по оси симметрии – это вообще одна из универсальных основ типологии гоголевского мирообраза» [16. С. 421]. В переводе же «зеркальность» выражена меньше, поскольку фамилии героев транслитерируются, но не поясняется их значение. Это позволяет уловить «тотальный акустический повтор» [16. С. 422], но не дает увидеть смысловые параллели, существующие между характерами героев. Кроме того, «зеркальная» модель построения существует и на композиционном уровне перевода: зачины и концы некоторых явлений (включая первое и последнее) повторяются, «обнаруживая устойчивую тенденцию к повтору, симметрии и зеркальности зафиксированных в них ситуаций» [16. С. 425], однако эта логика

не получает своего завершения из-за отсутствия Немой сцены в ее авторском варианте. В переводе ее название и описание были полностью опущены, а в ремарке в самом конце перевода лишь указывается на то, что персонажи должны замереть, словно от удара молнии. В силу этих нарушений нет также и возможности существования «глубинного родства» [16. С. 428] между образами Хлестакова и Городничего, что меняет смысл комедии. Одновременно приходится говорить и об утрате «универсальной миростроительной модели “Ревизора”»: <...> двух зеркал, обращенных друг к другу» [16. С. 428] («бесконечности») в ее полноценном, завершенном варианте.

«Зеркальная рама», образуемая в оригинальной комедии эпиграфом и Немой сценой и нереализованная в достаточной мере в переводе, не позволяет персонажам и обратить взор на себя, однако можно говорить о том, что «зеркало» сохраняется для читателя (зрителя): и эпиграф и заключительную реплику Городничего «Над чем вы смеетесь, болваны? Вы смеетесь над собой» (“What you are laughing at, you morons? You’re laughing at yourselves” [4. С. 60]) можно считать обращенной именно к нему. На это указывают слова П. Рэби: «Леденящее душу обвинение “Вы смеетесь над собой”, традиционно высказываемое прямо в адрес публики (один из первых способов разрушения иллюзии, еще в девятнадцатом веке), просто констатировало на открытой сцене то, что тогда уже было неприятно очевидным: наши умы признают абсурдный мир Гоголя как наш собственный» [6. С. 128].

Фамилии персонажей не поясняются, в связи с чем можно указать на утрату их «говорящего» значения, а также обобщающей семантики порочности героев. М. Лэнгхэм обращает внимание, что, по его мнению, пороки героев – «это мелкие, очень буржуазные грехи – немного взяточничества, немного прелюбодеяния, немного присвоения средств: типичные грехи мелких тиранов в маленьком провинциальном городке» [4. С. VII]. Это может объяснить снижение важности семантики греховности (так как «мелкие» грехи можно считать менее серьезными).

В данном случае действительно не приходится говорить о сохранении смыслов пьесы, связанных с традиционными христианскими ценностями и греховностью в их трактовке, поскольку, как упоминалось выше, американское молодое поколение выступало против пуританских нравов, что, несомненно, влияло и на установки в обществе в целом. Однако все еще можно было обнаружить и социалистические веяния. Так, например, М. Ботри в статье о постановке «Ревизора» писал, что герои испытывают отчуждение в классическом понимании Карла Маркса [6. С. 130]. М. Лэнгхэм также признавался в интервью, что после выхода из плена ему некоторое время был присущ некий «романтический социализм» [2].

Вследствие того, что текст произведения был трансформирован для адаптации, некоторые сцены были частично переписаны, что, несомненно, нарушило изначальную структуру и стилистику пьесы.

Кроме того, многие подробности, которые показались авторам постановки излишними, были сокращены или же изменены. П. Рэби объясняет часть трансформаций так: «Должно быть достигнуто равновесие, которое поддерживает вкус, но не препятствует движению пьесы. Структура, как и диалог, была ужесточена» [6. С. 128]. Он также уточняет, что «представление Стратфордской постановки повлияло на одно или два других незначительных изменения в соответствии с особенностями открытой сцены; действие происходит в течение одного дня, так что Хлестаков ложится спать для послеобеденной дремоты; и большая часть сцены отъезда происходит на виду у зрителей. Более того, взгляды Майкла Лэнгхэма, режиссера, и предложения, вытекающие из исследования актерами своих ролей, повлияли на формулировку в деталях» [4. С. X–XI]. Отсутствие упоминания слова «голос» в сцене отъезда, на важность которого обращает внимание А.С. Янушкевич, объясняется именно особенностями открытой сцены, на которой ставилась пьеса.

Необходимо пояснить некоторые из внесенных трансформаций. В адаптированном варианте новыми действующими лицами стали купцы: появляются Борис Абдулин, Николай Черняев и Сергей Пантелеева (последнее, вероятно, является грамматической ошибкой). Они говорят Хлестакову о жестокости и жадности Городничего, которые намного превосходят его отрицательные качества в оригинальном варианте комедии. М. Лэнгхэм называет неумеренность этого персонажа «фашистской» и, кроме прочего, видит в нем главного героя комедии: «Главным героем пьесы – ее основным вдохновителем, по сути, должен быть городничий, а не Хлестаков. <...> Городничий <...> должен доминировать во всем произведении. Он – конечная жертва пошлости. <...> в финальной сцене, когда пьеса внезапно переходит в трагедию, он должен пробудить в нас жалость к больному пошлостью сновидению» [4. С. VIII]. Этим, на наш взгляд, объясняется некоторое «перетягивание» внимания на этого персонажа. Можно предположить, что Городничий в прочтении П. Рэби и М. Лэнгхэма, будучи в действительности более успешным, нежели Хлестаков, воплощает образ классического мещанина, страдающего духовными изъятиями, собственными его новым стране и эпохе, именно поэтому он становится главным героем пьесы.

В списке действующих лиц указывается Жандарм (в отличие от оригинальной версии, где он не упоминается), и нужно отметить, что его фигура в данном случае не мистифицируется. П. Рэби называет его «вестником реального Ревизора» [6. С. 126], но мы полагаем, что его можно было бы назвать и «вестником реальности». М. Лэнгхэм писал в тексте, предпосланном переводу: «Как будто известие о прибытии ревизора разрезает – как сказал бы Арто – гигантский нарыв этого мира и выпускает не только бред, но и весь гной правды. Наконец, мстительный бич последнего момента пьесы превращает этот мир в картину страшной вины» [4. С. VIII].

Целью сценической адаптации «Ревизора», на наш взгляд, можно считать борьбу с посредственностью, одномерностью и пошлостью буржуазного общества потребления, что вполне отвечало социокультурному

контексту, в котором создавалась театральная интерпретация. Однако П. Рэби упоминает, что считает комедию Гоголя скорее моральной, нежели социальной [6. С. 126], вероятно, потому, что пошлость имеет отношение к духовному состоянию отдельной личности. Можно предположить, что создатели постановки считали противоядием встречу со «страшной реальностью». Так, П. Рэби писал, что «суть пьесы – в том единственном моменте, когда реальности удастся прорваться» [6. С. 126]. По его мнению, это происходит, когда Хлестаков встречается с «ужасами человечества» в лице «бедных, больных, искалеченных, голодных просителей, которые, извиваясь, идут к нему как к своему спасителю» [6. С. 126]. Следовательно, «ужасы человечества», грозящие превратить происходящее в кошмар, это и есть реальность в понимании авторов интерпретации.

М. Лэнгхэм также упоминает, что со временем, после нескольких представлений, эта постановка становилась все более сюрреалистичной [4. С. IX]. В сюрреализме, как уже упоминалось, «задачей художника провозглашается материализация подсознания в формах <...> “эстетики сна”» [17. С. 151]; он во многом основывался на психоанализе Зигмунда Фрейда. Это вполне соотносится с тем, что П. Рэби называл гоголевских персонажей «порождением воображения» и «слепыми монстрами подсознания» [9. С. 126]. Все происходящее в пьесе отождествляется с «больным пошлым сновидением». Однако смысл постановки едва ли можно свести только к идеям сюрреализма. Сюрреалисты видели освобождение в иных реальностях, которые могли считать подлинными. Стоит отметить, что и реальность сна может привести к столкновению с собой (собственными потаенными желаниями и пороками). Но в данном случае в большей степени выражается стремление к обнажению обыденной несновидческой реальности (как внешней, так и «внутренней») с целью преодоления страха перед жизнью и, следовательно, сковывающей души людей пошлости. Страх персонажей перед ней подчеркивает П. Рэби, утверждая, что слезы, проглядывающие в пьесе сквозь смех Гоголя, вызваны «страхом перед иррациональным авторитетом, страхом быть осмеянным, страхом, наконец, полного отсутствия уважения и принуждения видеть вещи такими, какие они есть на самом деле» [9. С. 126].

В связи с этим идейно близкой к рассматриваемой театральной интерпретации нам видится концепция «Театра жестокости» Антонена Арто; он, как известно, внес определенный вклад в сюрреализм, но его деятельность не ограничивалась исключительно им. В адаптации происходит отождествление происходящего на сцене не только со сном, но и с реальностью, некий их синтез (режиссер писал, что «карикатуры, появившиеся в начале транс-канадского тура, вскоре превратились во что-то более реальное» [7. С. IX], а мир пьесы Гоголя называется им «реальным, но безумным» [7. С. IX]). Это, а также признание реальностью «ужасов человечества» и указание на страх

персонажей видеть вещи такими, какие они есть, может демонстрировать определенное сходство постановки именно с концепцией театра А. Арто. По мнению современных исследователей, он определял сущность кризиса культуры Европы как «страх перед реальностью» [11. С. 149]. Исследователь творчества А. Арто В.И. Максимов так резюмирует суть концепции крютического театра: «Под действием обнажения вещи <...> течение жизни изменяется, приходит в соответствие с естественной структурой развития. Это позволяет человеку реализоваться, преодолевая “страх перед жизнью”» [17. С. 267]. Он замечает, и что «болезнь [мира], “проходя через театр” [обнажая реальность], разряжается, хаос уступает место гармонии» [17. С. 285]. В данном случае такой «болезнью» можно назвать пошлость.

Несмотря на то, что постановка во многом далека от театра, каким его хотел видеть А. Арто, логика, которой он придерживался, может пролить свет на способ борьбы с пошлостью, идея которого в то время «вита в воздухе» и вполне могла быть близка П. Рэби и М. Лэнгхэму как современникам создателя «Театра жестокости». Разумеется, зрители в данном случае не получают возможности встретиться с «ужасной реальностью» в полной мере, как в крютическом театре. Однако обращение Городничего непосредственно к ним в некотором смысле делает их участниками происходящего, а следовательно, осуществление замысла адаптации – понимание неприемлемости пошлости посредством хотя бы недолгой встречи с «ужасной» реальностью и следующее за этим катартическое очищение – все же возможны.

Рассмотренная интерпретация пьесы Гоголя отличается от ее авторского прочтения, определяющая роль в котором отводилась духовным изъянам человека в соотношении с христианскими ценностями. В данном же случае авторы адаптации руководствовались ценностной парадигмой культурной среды, для которой создавалась постановка. При этом нельзя сказать, что П. Рэби и М. Лэнгхэм не были знакомы с творчеством Гоголя и это привело к столь значительным изменениям. Так, П. Рэби рассказывал, что недостаточные знания о Гоголе он постарался компенсировать прочтением в переводе таких его произведений, как «Шинель», «Мертвые души» и «Записки сумасшедшего»; кроме того, драматург ознакомился с некоторыми критическими замечаниями об их авторе. Можно предположить, что он и М. Лэнгхэм не знали об интерпретации, данной Гоголем своему творению, но не стоит говорить, что пьеса не была понята или же была проинтерпретирована неверно. Будучи произведением великого художника, «Ревизор» заключает в себе богатство смыслов, достаточное для того, чтобы отразить и то, чему Гоголь сознательно не придавал определяющего значения. Данная адаптация комедии во многом является порождением своей эпохи и ее культурно-исторических особенностей, но одновременно она проливает свет на смыслы, которые потенциально существуют в комедии Гоголя, и может служить иллюстрацией того, почему произведения этого автора не теряют своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nikolai Gogol adapted by Peter Raby // Dramatists Play Service, Inc. URL: <https://www.dramatists.com/dps/bios.aspx?authorbio=Nikolai+Gogol%2C+adapted+by+Peter+Raby> (дата обращения: 20.02.2021).
2. Theatre Museum Canada. The Legend Library with R.H. Thomson. Michael Langham (on "Yes, Farewell" and five years in a POW camp) // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rU4wt_wdR3Y&list=PL2A0C9C809238904A&index=3 (дата обращения: 20.02.2021).
3. Michael Langham // Allfamous. URL: <https://allfamous.org/people/michael-langham-19190822.html> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Gogol N. The Government Inspector. An adaptation based on a translation by Leonid Ignatieff. New York: Dramatists Play Service Inc., 1972. XII, 63 p.
5. Шарыпина Т.А., Новикова В.Г., Кобленкова Д.В. История зарубежной литературы XX века в 2 ч. Ч. 2 : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2020. 269 с.
6. The Stratford Scene, 1958–1968. Toronto, Vancouver: Clarke, Irwin & Company Limited, 1968. 256 p.
7. Путеводитель по английской литературе. М. : Радуга, 2003. 928 с.
8. Чибисова О.В. От хиппи до хипстеров: эволюция контркультуры // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 225–228.
9. Литература США XX века. Опыт типологического исследования (авторская позиция, конфликт, герой). М. : Наука, 1978. 565 с.
10. Canadian literature // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/art/Canadian-literature/Modern-period-1900-60> (дата обращения: 20.02.2021).
11. Шарыпина Т.А., Новикова В.Г., Кобленкова Д.В. История зарубежной литературы XX века в 2 ч. Ч. 1 : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2020. 278 с.
12. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА, 2013. 748 с.
13. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. М. : Наука, 2003. Т. 4. 910 с.
14. Английская лирика первой половины XVII века. М. : Изд-во МГУ, 1989. URL: http://lib.ru/INOOLD/DZHONSON/johnson_poetry.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 20.02.2021).
15. Максимов В.И. Антонен Арто, его театр и его двойник // Манифесты. Драматургия. Лекции. Философия театра. СПб. ; М. : Симпозиум, 2000. С. 5–22.
16. Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. М. : Языки славянской культуры, 2014. 472 с.
17. Максимов В.И. Театральные концепции модернизма и система Антонена Арто : дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2001. 489 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 июня 2021 г.

English Reception of Nikolai Gogol's Comedy *The Government Inspector* in Theatrical Translation Interpretation by Peter Raby and Michael Langham

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 51–58.

DOI: 10.17223/15617793/471/5

Valeriya I. Stepovaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ste8120@mail.ru

Keywords: Nikolai Gogol; *The Government Inspector*; adapted translation; interpretation; Peter Raby; Michael Langham.

The article deals with the adapted translation of the comedy *The Government Inspector* by Nikolai Gogol made in 1967 for production in Canada (and then in America). The aim of the study is to examine the “theatrical translation interpretation” of the play, i.e., the interpretation that the play receives as a result of a translation prepared specifically for the stage, its reception in the context of the host culture, of work on it by the author of the adaptation, and by the director when embodying the text on stage. The research methodology is based on the biographical method, content analysis, contextual analysis, as well as the comparative method. The relevance of Gogol's play to the inhabitants of Canada could partly be explained by the narrow-minded provincialism of Canadian society. Canada could also be influenced by a similar situation in America, where rebellious sentiments were growing due to the dominance of bourgeois values that depersonalize a person, due to the cult of things and philistine “happiness”. This led to the predominance of modernist sentiments in American society: to pessimism and the desire of young people to leave for other realities. In Canadian literature, surrealist tendencies were beginning to intensify at this time. Presumably, it was the cultural environment that influenced the authors' interpretation of all the characters as suffering escapists who seek to hide from the ugly reality in dreams of an idealized life. The heroes' values, according to Raby and Langham, make them victims of “poshlost”, behind which there is a fear of reality. “Poshlost”, on the other hand, is the product of bourgeois values that depersonalize people. The reality of the comedy is interpreted as dreamlike, which indicates a surreal aesthetic, but the essence of the play is seen by the creators of the production in those moments when reality manages to break through. Here, there is a similarity with the “Theater of Cruelty” conception by A. Artaud. The exposure of everyday reality in order to overcome the “fear of life” and the “poshlost” that binds people's souls can be considered as the sense of adaptation. Undoubtedly, the audience does not get the opportunity to meet the “terrible reality” in full, but the appeal of the Mayor partly makes them participants of the events, and, therefore, understanding the horror of “poshlost” is still possible. It can also be noted that the structure of the play is somewhat transformed in the adaptation: it becomes more chaotic and simplified, which presumably correlates with the state of the 20th-century culture. This interpretation reveals the meanings that potentially exist in comedy, and can serve as an illustration of why Gogol's works do not lose their relevance.

REFERENCES

1. Dramatists Play Service, Inc. (2021) *Nikolai Gogol adapted by Peter Raby*. [Online] Available from: <https://www.dramatists.com/dps/bios.aspx?authorbio=Nikolai+Gogol%2C+adapted+by+Peter+Raby> (Accessed: 20.02.2021).
2. Theatre Museum Canada. (2021) *The Legend Library with R.H. Thomson. Michael Langham (on "Yes, Farewell" and five years in a POW camp)*. YouTube. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=rU4wt_wdR3Y&list=PL2A0C9C809238904A&index=3 (Accessed: 20.02.2021).
3. Allfamous. (2021) *Michael Langham*. [Online] Available from: <https://allfamous.org/people/michael-langham-19190822.html> (Accessed: 20.02.2021).
4. Gogol, N. (1972) *The Government Inspector. An adaptation based on a translation by Leonid Ignatieff*. New York: Dramatists Play Service Inc.
5. Sharypina, T.A., Novikova, V.G. & Koblenkova, D.V. (2020) *Istoriya zarubezhnoy literatury XX veka v 2 ch.* [History of foreign literature of the 20th century in 2 parts]. Part 2. Moscow: Yurayt.
6. Raby, P. (ed.) (1968) *The Stratford Scene, 1958–1968*. Toronto, Vancouver: Clarke, Irwin & Company Limited.

7. Drabble, M. (2003) *Putevoditel' po angliyskoy literature* [The Concise Oxford Companion to English Literature]. Translated from English. Moscow: Raduga.
8. Chibisova, O.V. (2010) Ot khippi do khipsterov: evolyutsiya kontrkul'tury [From hippies to hipsters: the evolution of the counterculture]. *Vestnik VGU. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 225–228.
9. Zasurskiy, Ya.N. (ed.) (1978) *Literatura SShA XX veka. Opyt tipologicheskogo issledovaniya (avtorskaya pozitsiya, konflikt, geroy)* [US literature of the twentieth century. Experience of typological research (author's position, conflict, hero)]. Moscow: Nauka.
10. Britannica. (2021) *Canadian literature*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/art/Canadian-literature/Modern-period-1900-60> (Accessed: 20.02.2021).
11. Sharypina, T.A., Novikova, V.G. & Koblenkova, D.V. (2020) *Istoriya zarubezhnoy literatury XX veka v 2 ch.* [History of foreign literature of the XX century in 2 parts]. Part 1. Moscow: Yurayt.
12. Yanushkevich, A.S. (2013) *Istoriya russkoy literatury pervoy treti XIX veka: ucheb. posobie* [History of Russian literature of the first third of the 19th century: textbook]. Moscow: FLINTA.
13. Gogol', N.V. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 t.* [Complete collection of works and letters: in 23 volumes]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
14. Gorbunova, A.N. (ed.) (1989) *Angliyskaya lirika pervoy poloviny XVII veka* [English lyrics of the first half of the 17th century]. Moscow: Moscow State University. [Online] Available from: http://lib.ru/INOOLD/DZHONSON/johnson_poetry.txt_with-big-pictures.html (Accessed: 20.02.2021).
15. Maksimov, V.I. (2000) Antonen Arto, ego teatr i ego dvoynik [Antonin Artaud, his theater, and his double]. In: Artaud, A. *Manifesty. Dramaturgiya. Lektsii. Filosofiya teatra* [Manifesto. Dramaturgy. Lectures. Philosophy of the theatre]. Translated from French. St. Petersburg; Moscow: Simpozium. pp. 5–22.
16. Lebedeva, O.B. (2014) *Poetika russkoy vysokoy komedii XVIII – pervoy treti XIX vekov* [Poetics of Russian high comedy of the 18th – the first third of the 19th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
17. Maksimov, V.I. (2001) *Teatral'nye kontseptsii modernizma i sistema Antonena Arto* [Theatrical concepts of modernism and the system of Antonin Artaud]. Art Criticism Dr. Diss. St. Petersburg.

Received: 27 June 2021

В.В. Чекушин

АПЕЛЛЯЦИИ К КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК СПОСОБ ТРАНСЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВЛ.М. КРУТОВСКОГО

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края
и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001.*

Анализируется публицистика Вл.М. Крутовского в красноярском журнале «Сибирские записки» (1916–1919 гг.). Выявляются особенности рецепции Крутовским текстов русской классической литературы, в первую очередь очерков и романов М.Е. Салтыкова-Щедрина. Выявляется роль аллюзий в публицистике «младшего» областника – они служили инструментом трансляции общественно-политических идей, а также являлись способом рефлексии, осмысления и описания современной автору реальности.

Ключевые слова: Вл.М. Крутовский; М.Е. Салтыков-Щедрин; литературоцентризм; «Сибирские записки»; журнал как средство консолидации

Идеологи сибирского областничества на протяжении всей своей творческой карьеры разделяли «одно из важнейших положений “шестидесятников” об активном воздействии литературы на действительность» [1. С. 58]. Для Г.Н. Потанина беллетристика «всегда была <...> лишь средством достижения вне-литературных целей» [1. С. 66]. Н.М. Ядринцев, в свою очередь, «считал литературу важнейшим средством пробуждения социальной активности, развития самосознания сибиряков, воспитания гражданственности» [2. С. 7]¹. Именно подобными установками, по мнению Б.А. Чмыхало, объясняется их желание создать собственный сибирский журнал [1. С. 59]. Однако замысел Ядринцева и Потанина только в 1916 г. смог реализовать их младший последователь, врач, общественный деятель и публицист Вл.М. Крутовский, организовавший в Красноярске журнал «Сибирские записки». Этот проект был призван решить задачу консолидации интеллектуальных сил Сибири и стать платформой для реализации областнической программы – в журнале регулярно выходили обзоры деятельности областнических организаций в городах Зауралья. В такой перспективе для Крутовского словесность становилась средством создания своеобразного «культурного поля», поэтому значительную часть материалов журнала во все годы составляли художественные произведения сибирских литераторов. Неслучайно даже в пореволюционном 1919 г. он писал о необходимости продолжать издание «ради того, чтобы не молчать в это трудное время, а, наоборот, высказываться по жгучим текущим вопросам – исполнение гражданского долга» [4. С. 2]. Судя по всему, Крутовский разделял взгляды своих современников, революционеров-подпольщиков конца XIX – начала XX в., в сознании которых «сфера литературы и политики, активизма реального и беллетристического переплетались до неразличимости» [5. С. 28–29]. В итоге для Крутовского издание журнала фактически приравнивалось к политическому действию, а сами «Сибирские записки» виделись важным печатным органом, позволявшим транслировать взгляды части сибирской интеллигенции. «Сибирские записки», как оказалось впоследствии, стали последним изданием, «близк[им]

областнической программе» [6. С. 294]. Журнал, редакция которого находилась прямо в доме Крутовского, просуществовал до конца 1919 г., после чего был закрыт большевиками.

Однако публицистическая карьера Крутовского началась задолго до появления собственного издания. В 1880-х гг. он сотрудничал с петербургской газетой «Восточное обозрение», редактором которой в те годы был Н.М. Ядринцев. Как отмечает П.Н. Мешалкин, «[о]дну из существенных особенностей <...> статей и докладов Крутовского составляет критическое начало: его критика охватывает все сферы жизни общества и адресуется либо центральной, либо местной власти, городской думе, городскому голове, отдельным купцам-предпринимателям» [7. С. 12–13]. При этом публицист, критикуя явления социальной жизни, часто апеллировал к литературным образцам. Это может говорить о схожем со «старшими» областникам понимании словесности как средства достижения внелитературных целей².

Приведем характерный пример. В статье, написанной для газеты «Сибирские вопросы» (1909 г.), Крутовский критиковал работу сибирских полицейских: «Иркутская газета “Сибирская заря” дает своим читателям фельетон “Дела и подвиги сибирского сыщика Блинова”. <...> Мы не читали этих фельетонов и не знаем, в чем заключаются подвиги <...> Блинова, но, вероятно, он проявлял массу остроумия, изобретательности, находчивости и всего того, что полагается для подобных литературных типов. Действительность дает другую картину и, на самом деле, в жизни сибирские Пинкертоны очень далеки от своих английских и американских собратьев» [8. С. 16]. Далее, в подтверждение вывода о несостоятельности сибирских сыщиков, автор пересказывал вычитанный из газет реальный репортаж о расследовании пропажи железнодорожных шпал, в котором пойманный на краже крестьянин обещает назвать тех, кто еще занимался воровством на путях. Среди них оказались высшие полицейские чины. Главным приемом критики в данной статье стал максимально эксплицированный иронический контраст – местные сыщики в жизни сильно уступали в честности и профессионализме своим литературным «коллегам»³.

В публицистике Крутовского встречаются и диаметрально противоположные примеры, когда реальность «поднимается» до уровня литературы. Подводя итоги съезда представителей городов Восточной Сибири, Крутовский ссылался на слова одного из участников, который «на заключительном ужине провел параллель между мировоззрением и миропониманием Дон-Кихота и Санчо-Панчо. По мнению оратора, съезд был олицетворением практичности Санчо-Панчо и чужд парения и вдохновения Дон-Кихота. Что касается последнего, то это совершенно верно, но относительно первого вполне несправедливо. Съезд не парил под облаками, не искал “Синей птицы”, но он и не ограничивался только хлебом насущным» [12. С. 169]. В этом отрывке автор контаминировал образы сразу из двух произведений европейской литературы – романа Сервантеса и вышедшей в начале XX в. пьесы Метерлинка. С одной стороны, это позволяло метафорически описать основную особенность работы съезда, а с другой – приравнять делегатов, в том числе и себя, к литературным героям общеевропейского значения. Такое отождествление позволяло «обогащать» реальность и повысить символическое значение хотя и важного, но периферийного события.

Схожий прием Крутовский использовал и при описании конкретных обстоятельств собственной жизни. В одном из писем к Г.Н. Потанину он сообщал о своем конфликте с губернатором: «Наш герой положительно старается подражать щедринским градоначальникам из “Истории города Глупова” и даже во многом их превосходит. Всего Вам не опишешь, так как каждый день являешься свидетелем его идиотски-хвалебных выходов, и это целая эпопея – Телехиада, которая ждет своего Пимена»⁴ [13]. Автор письма сразу задает литературоцентричный фокус своего рассказа – бытовую историю предложено прочитывать сквозь призму щедринского романа и «Тилемахиду» В.К. Тредиаковского. Связующим звеном между «реальным» и «литературным» становится образ летописца Пимена, героя пушкинского «Бориса Годунова» (он также упоминается в предисловии «От издателя» в «Истории одного города») – он снова должен «стать свидетелем» противостояния красноярской интеллигенции и чиновничества. Такое описание позволяло далее заявить о том, что Крутовский и «все общество» находятся «в страшной опале». Здесь мы снова видим пример символического «обогащения» провинциальной реальности за счет эксплуатации образов классической русской литературы. «Вписывание» в бытовые и общественные конфликты героев художественных произведений позволяло придать происходящему символическое измерение.

Однако заимствованные у Щедрина образы могли наполняться и «местной спецификой». Так, по словам Крутовского, «весь народ» зовет губернатора «“Богдан-шканом” – это здесь старинный народный прототип, и теперь “Богданчик” – нарицательное имя. <...>. “Богданчик” игнорирует все наши общественные дела и начинания, и в противовес нам одно за другим открывает новые общества, конечно, мертворожденные – плод канцелярщины» [13]. На материале местного фольклора Крутовский трансформировал щед-

ринского градоначальника Органчика в сибирского – Богданчика, выстраивая тем самым образ реально существовавшего чиновника на основе черт литературного персонажа (подробный разбор такого способа рецепции классических литературных текстов будет произведен ниже).

По замечанию Г.Н. Потанина, похожий способ «работы» с наследием сатирика был характерен для публицистики Н.М. Ядринцева, который «брал готовые типы у Щедрина, переселял их в Сибирь и к щедринским ударам присоединял несколько своих. Иногда это походило на плагиат <...>» [15. С. 44]. Не приходится сомневаться, что последователь областников Крутовский, лично познакомившийся с Ядринцевым еще в середине 1880-х гг. [7. С. 17], был хорошо знаком с его работами. Более того, в 1919 г. Крутовский выпустил специальный номер «Сибирских записок» к 25-летию со дня смерти старшего областника.

Потанин тоже ценил Салтыкова-Щедрина «и как писателя, и как демократа» и «часто сочувственно его цитировал» [16. С. 98]⁵. Этим может объясняться тот факт, что наследие автора «Губернских очерков» стало основным резервуаром образов и для Крутовского. Именно поэтому в дальнейшем мы сосредоточимся на исследовании «щедринского слоя» его публицистики на материале статей, опубликованных в «Сибирских записках». Важно также отметить, что образы и полемические приемы из произведений классика часто воспринимались Крутовским сквозь призму ядринцевской публицистики. В целом же образы литературы метрополии Крутовский использовал для легитимации и продвижения собственных идей и взглядов на социальную действительность.

В письме к Потанину от 27 февраля 1916 г. Крутовский описывал свой вклад в работу «Сибирских записок» так: «Я и секретарь, я и сторож, и разносчик, и экспедитор, и писатель, и редактор» (цит. по: [14. С. 121]). Как мы видим, издатель полностью контролировал редакционную политику журнала и в то же время являлся активным автором, публикуясь практически во всех номерах, часто помещая в один номер несколько своих работ. Логично, что именно в статьях для «Сибирских записок» наиболее полно проявились способы рецепции наследия литературы метрополии, ядро которой в работах Крутовского и составили щедринские тексты.

Уже в первом выпуске журнала Крутовский, большинство статей которого выходило в рубрике «Областное обозрение», использовал полемический прием, характерный для очерков Салтыкова-Щедрина. Сетую на то, что реформы в Сибири реализуются с задержкой на несколько десятилетий или не исполняются совсем, автор метонимически уподоблял местных жителей пассажирам неторопливого старика-лодочника Пахомыча. Последнего приходится долго ждать, чтобы переправиться на другой берег реки. «Пахомыч <...> видит, что приехали и нужно гнать на другую сторону паром, но куда торопиться. Подождут. Ведь животные нужно пересмотреть, чайку попить, трубочку выкурить, солнце еще высоко, успеем. Подождут! Куда торопиться. И волей-неволей

приходится ждать» [17. С. 154–155]. Образ Пахомыча возник в статье сначала при разговоре о необходимости организации в Сибири земских учреждений, а затем в рассуждениях о расширении Томского университета. Возможно, имя героя Крутовский мог позаимствовать из «Истории одного города»: так звали одного из «ходовков», которые должны были от имени жителей потребовать хлеба у градоначальника Фердыщенко. Вместо этого он придумал «верное средство – это начать во все места просьбы писать» [18. Т. 8. С. 315]⁶. Источниками имени могли также быть герой народного театра, в котором в XIX в. «бытовало представление “Пахомушка”» [19. С. 419]), и персонаж Некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо» старик Пахом.

Метонимическое использование одного и того же литературного образа в целях полемики было характерно и для Щедрина. Так, к примеру, во введении к «Господам ташкентцам» сатирик активно эксплуатировал образ фонвизинского Митрофана, в том числе для метонимического изображения части дворянской элиты, не желающей учиться и становиться профессионалами в какой-либо области. Вот как это описано в произведении: «Всюду, куда мы ни обратимся, встречаем один ответ: погодите! еще время не ушло!

У нас есть сословие адвокатов... погодите! еще время не ушло!

У нас есть гласный и устный суд... погодите! еще время не ушло!

У нас есть земские деятели... погодите! еще время не ушло!

У нас есть опыты крестьянского самоуправления... погодите! еще время не ушло!

– Погодите! не торопитесь! куда спешить! – в один голос вопиют все Митрофаны, и вопиют так громко, что посторонний человек останавливается в каком-то странном недоумении. <...> [О]н видит, ясно видит, что вся поспешность здесь заключается в том, чтобы не спешить» (10, 21–22). Иными словами, в щедринском творчестве персонажи классиков-предшественников «становятся привычным средством художественной символизации современных писателю явлений политики и общественного сознания» [20].

Старика Пахомыча и Митрофана роднит медлительность и нежелание быстрых общественных перемен, необходимых для модернизации. Тем не менее, судя по всему, щедринский полемический прием был воспринят Крутовским не напрямую, а сквозь призму публицистики Ядринцева. В «Очерках общественной жизни» «старший» областник описал специфически сибирского персонажа, Кондрата, опираясь при этом на эстетику автора «Господ Головлевых» [21. С. 75]. Таким образом, прямым «предшественником» старика Пахомыча можно также считать ядринцевского героя.

При этом параллелизм между собственным текстом и введением к «Господам ташкентцам», возможно, осознавался Крутовским не до конца, поскольку обычно аллюзии и цитаты (иногда воспроизводимые неточно) в его публицистике выставлены напоказ и взяты в кавычки. Например, в другой статье, содержащей рассуждения о том, где необходимо построить

второй сибирский университет, встречается взятая в кавычки, но искаженная цитата из Щедрина: «Можно, конечно, усмотреть и в защите Иркутска красноречием, а Владивостока никольцами также элементы “местных вождений”», но это только доказывает, к сожалению, то обстоятельство, что *пока* сибирская пресса еще не сумела поставить вопрос на должную высоту, не сумела еще рассматривать его в свете *областных* (здесь и далее курсивы автора. – В.Ч.) нужд и интересов» [22. С. 122]. Автор статьи здесь отстаивал мысль о том, что университет необходимо организовать исходя из интересов всей Сибири, а не конкретного города – интеллектуальный центр необходим там, где уже сформировалась развитая социокультурная среда. Взятая в кавычки фраза, на наш взгляд, отсылает к рассуждениям героя зарисовки «Скука», входящей в «Губернские очерки»: «О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самостоятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаниями те мелкие вождения, исключительно направленные к материальной стороне жизни» (2, 225). Судя по всему, здесь Крутовский намеренно искажил щедринскую фразу, пользуясь фонетическим сходством форм слов «мелких» и «местных». Такая замена позволяла показать недалекость «материальных» притязаний конкретного города, не учитывающего интересы всего сибирского региона.

Иными словами, публицист имплицитно подчеркивал провинциализм тех, кто не считается с потребностями всей Сибири. Для читателя, знакомого с очерком Щедрина, данная мысль кодировалась еще и следующим рассуждением о вреде провинциальной жизни из «Скуки»: «Какая возможность развиваться, когда горизонт мышления так обидно суживается, какая возможность мыслить, когда кругом нет ничего вызывающего на мысль?» (там же). Против такого сужения «горизонта мышления» в вопросе создания второго университета и выступал Крутовский. Он считал, что необходимо основать учебное заведение в Иркутске, так как там уже сформировалась достаточная интеллектуальная и культурная среда и это даст толчок к дальнейшему росту числа образованных сибиряков. Для аргументации он использовал апелляции к авторитету Потанина, который «указывал на Иркутск как исторически сложившийся в Сибири умственно-культурный центр» [22]. «В Иркутске уже в то время, когда вся Сибирь, можно сказать, была полное запустение, уже работало Восточно-Сибирское географическое общество, общество врачей, <...> и первая газета в Сибири появилась в Иркутске. Здесь же – давно существуют прекрасный музей и метеорологическая обсерватория. Иркутск уже в то “доброе старое время”⁷ жил довольно интенсивною умственной жизнью» [22. С. 126–127].

«Щедринское» название получил и травелог «История одной инициативы», в котором Крутовский описывал свое путешествие в село Старое Бардинское Бийского уезда. Автор с удивлением узнал, что в глухом селе есть телефон и электричество: «Село как село. <...>. Но прежде всего бросалось в глаза неви-

данное явление для деревни в Сибири, да, пожалуй, и в России, это столбы по улицам, на которых были натянуты проволоки. <...> Было несомненно, что по селу идут электрические провода. Да, вот и отдельные столбы с лампочками накаливания – уличное освещение» [23. С. 87]. Основным художественным приемом при создании очерка стал контраст – последние технические достижения не улучшили положения жизни местного населения, поэтому на их фоне описывался неустроенный быт жителей поселения. Автор иронично описал типичную избу в Барде: «Как это ни странно и необычайно – пришлось в этой маленькой, грязной и необходимой избе пить чай при электрическом освещении. <...> Пришлось ночевать; и при полном электрическом освещении улегся на грязном полу, подостлать под себя свое пальто и ожидая нашествия, смотря по общей обстановке квартиры, массы ночных гостей: клопов, блох и тараканов» [23. С. 87]. Автор выяснил, что причиной упадка села стали экономические проблемы артели. Ее глава, некий Антонов, вынудил жителей набрать кредитов на постройку мельницы, молочного завода и других хозяйственных построек. При описании проблем Барды автор использовал не только художественные средства, но и цитаты из местных газет, конкретные цифры и экономические показатели. Возможно, на такой способ письма повлияло радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», которое «не принадлежит к “чистой” публицистике, не к “чистой” беллетристике» [24. С. 602]. На стыке между публицистикой и художественным письмом создал свой травелог и Крутовский.

Наиболее же эксплицитно приемы использования литературных образов в целях общественно-политической полемики представлены в тех статьях, где Крутовский оценивал итоги Октябрьской революции и последующие за ней события. Так, неготовность общества к демократизации, которая началась после Февральской революции, он осмыслял, эксплуатируя образы, созданные Г.И. Успенским. По словам Крутовского, другой публицист «очень кстати вспоминает в одном из своих обозрений слова одного из персонажей Гл. Успенского, который самообличительно говорит: “Вот с эдаким то рылом мы и въехали из крепостного права прямо в леформу”. Это фразу можно повторить и сейчас, и она будет также кстати и также уместна. Вот с таким же “рылом” мы въехали в март 1917 г. в социальную “леформу” и потом последовали соответствующие результаты» [25. С. 55]. Здесь автор цитирует слова героя очерка Успенского «Затруднения купца Тараканова», чтобы доказать тезис о неготовности страны к событиям Февраля, следствием чего стала последующая победа большевиков⁸. Далее автор переходил к критике победителей: «Наш доморощенный “большевизм” – это именно то несуровое “рыло”, которое никогда социализма не нюхало, слышало об нем только одно – “все мое – мое и все твоё мое” – этот упрощенный острожный социализм и за этой то ясной и простой формулой на страх и ужас обывателя пошла огромная рать темных людей, а к ней примазались всякие проходимцы уголовного типа» [25. С. 55]. Литературная аллюзия позво-

лила Крутовскому наглядно иллюстрировать тезис о том, что победившие большевики извратили идею социализма. Далее это утверждение снова иллюстрировалось с опорой на литературные авторитеты. В статье приводится обширная цитата из «Несвоевременных мыслей» Горького: «Большевизм не желает поднять “демократизм” выше, а он всеми силами стремится опустить культурные приобретения до зоологического демократизма. И справедливо Максим Горький в одном из своих фельетонов с горечью восклицает: “Нет – в этом взрыве зоологических инстинктов не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии”» [25. С. 57].

В середине статьи использование литературных образов предельно интенсифицируется: Крутовский пишет, что большевики, приходя к власти, сфальсифицировали «народную волю» «искусственно созданными съездами представителей народа» [25. С. 58]. В итоге, по мнению публициста, Россия надолго потеряла шансы стать «прекрасной демократической федерацией населяющих ее народов, возможность которой была так близка» [25. С. 59]. Для усиления эмоциональности фрагмента Крутовский завершает его цитатой из Пушкина, написанной с красной строки: «А счастье было так возможно, так близко!» [25. С. 59].

Следующие за этим абзацы полностью смонтированы из эксплицированных литературных аллюзий: «И мы вновь – у разбитого корыта. Опять повторилась сказка о рыбаке и рыбке, о глупой жадной старухе, которая, как некогда поэтесса Гиппиус: “Сама не знала чего хотела”» [25. С. 59]. В одном предложении Россия метонимически изображается в образе старухи из пушкинской сказки и одновременно сравнивается с героиней З.Н. Гиппиус. Возможно, здесь автор неточно цитирует произведение «Песня», где лирическая героиня поэтессы описывала себя так: «Стремлюсь к тому, чего я не знаю, / Не знаю...» [27. С. 28].

В конце статьи эмоциональность текста продолжает нарастать, в частности, с помощью эксплуатации привычных для публицистики Крутовского щедринских тем: «А говорят, что история не повторяется. Нет, она не повторяется только для тех, кто ее хорошо изучает, кто принимает к сведению и руководству ее урок и она повторяется для головотяпов щедринского типа, для которых законы не писаны и которые с гордостью провозглашают, <...> что они “без науки все науки прошли”» [25. С. 59]. В этом отрывке жители России, допустившие революцию, сравнивались с народом из романа «История одного города», а на это сравнение накладывалась прямая цитата из «Губернских очерков» (именно такую автохарактеристику давал заглавный герой одного из них Горехвастов).

Далее автор продолжает: «Мы попали в руки вятских пошехонцев и мы заблудились в 3 соснах. Аллах ведаёт, кто выведет нас теперь из этого глупого леса и как мы избавимся от этой глупой, жестокой и вредной пошехонской стряпни» [25. С. 59]. Здесь Крутовский снова насытил текст интертекстуальными связями, монтируя цитаты и ситуации из разных щедринских произведений. Фактически же весь отрывок являлся

парафразом авторской сноски в предисловии к роману «Пошехонская старина» (эффект усиливался двукратным использованием «щедринского» эпитета «глупый»): «Прошу читателя не принимать Пошехонья буквально. Я разумею под этим названием вообще местность, аборигены которой, по меткому выражению русских присловий, в трех соснах заблудиться способны» (17, 7). Именно классический текст определил использование Крутовским образа России, «заблудившейся в трех соснах» после Октябрьской революции.

Итогом революции стало «оживление» героев сатирика, которые буквально проникли в реальность: «[Д]ля наших политических авантюристов законы не писаны. Они сами издают декреты и крайне безграмотные и глупые. Читая их, как будто читаешь Щедрина, который оказался бессмертным. Его законодатели Глупова ничем в своей глупости не отличаются от современных Петроградских. Кто бы мог подумать, что мы в жизни проведем идеалы этих щедринских законодателей» [25. С. 64].

Похожая литературоцентричность характерна и для «Истории одного города». Как пишет И.Ю. Роготнев, «бросающейся в глаза чертой поэтики романа является его избыточная литературоцентричность. Он не только пародирует феномены русской книжной культуры, но и в целом стремится к тождеству события и высказывания» [28. С. 264–265]. Таким образом, щедринский «[т]екст творит себя сам, сам себя объясняет и сам с собою встречается» [28. С. 265]. Итогом такого способа письма становится эффект того, «что социальная жизнь становится похожа на очевидную “небывальщину” и “литературщину”» [28. С. 265]. Судя по всему, Крутовский хотел добиться в своей антибольшевистской статье сходного эффекта – Октябрьская революция описывалась им как литературная «небывальщина», воплотившаяся в жизнь, где, как и в художественном мире Щедрина, «написанное и реальное становятся неразличимы» [29. С. 92].

Литературные аллюзии были вспомогательным средством и при критике противостоящего большевикам Колчаковского правительства, установившегося в Сибири в 1918 г. Причем цитаты из Щедрина снова контаминировались в публицистике Крутовского с образами из произведений других классиков. Так, пассаж с критикой способа принятия новой сибирской конституции начинался цитатой из сатиры А.К. Кантемира (причем Крутовский ошибочно приписывал ее Г.Р. Державину): «В жизни сей лишь тот блажен, / Кто малым доволен» [30. С. 97]. Вся последующая аргументация стала последовательным опровержением данного тезиса – автор не готов довольствоваться малым и принять декоративный парламентский орган и одобренные им документы, поэтому опровергает кантемировский тезис, опираясь на творчество Щедрина. «Ведь еще во времени Щедрина один из персонажей его сатиры спал и видел получить “хоть куцую да конституцию”, а другой либерал мечтал о чем-то новом и только никак себе ясно не мог представить – хочется ли ему конституции или севрюжины с хреном. Мы во всяком случае не хотим ни куцой конституции, а тем более севрюжины с хреном» [30. С. 97].

Основной образ здесь заимствован из щедринской «Книги о праздношатающихся». А при упоминании «куцой конституции» Крутовский снова допустил ошибку при атрибуции цитаты – слова приписывались героям сатирика. Однако на самом деле такая эпиграмма была напечатана в газете «Московские ведомости» по поводу обсуждений конституционного проекта Лориса-Меликова: «Сыны Российской нации / Желают, граф, немногого <...>. На первый раз хоть куцую / Им дайте Конституцию (цит. по: [31. С. 236]). В то же время на сатиру конца XIX в. в сознании Крутовского могло «наложиться» стихотворение Блока «Поэты», лирический герой которого считал «куцую конституцию» уделом обывателей: «Ты будешь доволен собой и женой, / Своей конституцией куцой, / А вот у поэта – всемирный запой, / И мало ему конституций!» [32. С. 89]. Критика действий власти здесь снова опиралась на классическую литературную традицию, что должно было придать аргументации Крутовского большую убедительность.

Однако в этой же статье автор все же выражал сдержанный оптимизм: политические деятели, по его словам, «убедились теперь, что при помощи и лишь восстановления старых приятелей – Мырцеова и Держиморды – ход государственной машины не восстановишь. Они, эти поклонники “умеренности и аккуратности” поняли, наконец, что какая-то бы ни была единая власть, она без опоры не сможет ничего сделать» [30. С. 104–105]. Силловые методы организации власти олицетворялись здесь в фигурах Держиморды из гоголевского «Ревизора» и будочника Мырцеова из рассказа Г.И. Успенского «Будка». Именно «образ квартального надзирателя в сатире Салтыкова – эзоповское обозначение существующего полицейско-самодержавного режима» (12, 640). Далее щедринский образ разворачивался более эксплицитно – автор перефразировал название произведения сатирика «В среде умеренности и аккуратности», критикуя отсутствие инициативы у законодателей по вопросу принятия Конституции. Критика нерешительности оппонентов в переходный для Сибири период имплицитно «подсвечивалась» отсылкой к указанному тексту классика: «О, счастливые, о, стократ блаженные Молчалины! Они бесшумно, не торопясь переползают из одного периода истории в другой, никому не бросивши слова участия, но и никого не вздернувши на дыбу <...>! Никто ими не интересуется, никто не хочет знать, делают ли они что-нибудь или просто сидят и быют в баклуши, никто не трепещет и не благоговееет перед ними...» (12, 9). Здесь мы опять видим, что грань между современной Крутовскому действительностью и щедринскими текстами практически стирается, поэтому критика снова плотно сопрягается с литературным контекстом.

Итак, апелляции к классической литературе, ядро которых составили щедринские тексты, использовались Крутовским для трансляции собственных общественно-политических идей. Основной площадкой для их выражения стал журнал «Сибирские записки» – издание, которое, по мысли его создателя, должно было консолидировать областнически настроенную часть сибирской интеллигенции. Впоследствии

выставленная напоказ интертекстуальность стала способом осмысления социальной действительности и средством критики оппонентов в пореволюционные годы. Крутовский, выступавший и против большевиков, и против колчаковцев, прямо сравнивал тех и других с отрицательными героями сатирика – жителями Пошехонья, Глупова и провинциального Круто-

горска («Губернские очерки»). Такой способ рецепции говорит о литературоцентричном мировоззрении «младшего» областника. Этот вывод подтверждается и тем, что Крутовский, описывая собственную жизнь, часто прибегал к сравнениям ее с сюжетами из произведений Щедрина, что позволяло придать собственной биографии большую символическую значимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Такая установка обусловила эстетические неудачи старших областников, не сумевших создать значимых художественных произведений. О причинах, из-за которых Потанину и Ядринцеву не удалось завершить роман «Тайжане», см.: [3].
- ² Кроме того, для Крутовского классическая литература метрополии являлась своеобразным эталонным мерилем таланта деятелей других интеллектуальных и творческих областей. Так, в некрологе В.И. Сурикову, который, как хорошо известно, родился и провел юность в Красноярске, Крутовский, желая подчеркнуть его значение для отечественной культуры, цитировал слова из статьи живописца Нестерова, сравнивавшего Сурикова с Достоевским [9. С. 179]. Выбор цитаты характерен для литературоцентричного мировоззрения Крутовского – масштаб суриковского таланта и его значимость для отечественной культуры определялась при сопоставлении с писателем-классиком.
- ³ Интересно, что М.Е. Салтыков-Щедрин, который, как мы покажем ниже, был одним из важнейших для Крутовского классиков, при создании в своих произведениях иронического эффекта использовал схожий прием. Только материалом для сопоставления у него служили не литературные герои, а библейские образы. Как отмечает Б.И. Матвеев, «[н]ередко у Щедрина персонажи сравниваются с библейскими, что придаёт изображенному, как правило, иронический характер» [10. С. 6]. Кроме того, автор «Истории одного города» одним из первых «превратил церковнославянизмы из признака высокого стиля в средство сатиры» [11. С. 734].
- ⁴ Исследователь творчества Крутовского А.В. Броднева предполагает, что «Телехиада» – это «ироничное название от “Илиады” Гомера» [14. 184]. Мы не можем солидаризироваться с этим мнением полностью. Крутовский, часто ошибавшийся при цитировании, мог незаметно «смешать» два названия – «Тилемахиду» Тредиаковского и гомеровскую «Илиаду».
- ⁵ Необходимо оговориться, что областники не во всем соглашались с автором «Господ Головлевых» и даже полемизировали с ним в прессе. См. об этом: [16. С. 95–105].
- ⁶ Далее ссылки на это издание даются в основном тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.
- ⁷ Взятое в кавычки словосочетание является названием романа уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка.
- ⁸ Успенский мог быть близок Крутовскому не только своими общественными взглядами, но и тем, что он был связан с Сибирью. В конце 1880-х гг. писатель приезжал в Сибирь. Подробнее о его жизни в Томске см.: [26. С. 61–80].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чмыхало Б.А. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин как теоретики «сибирской литературы» в 70-е годы XIX века // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск : Наука, 1990. С. 57–74.
2. Постнов Ю.С. Н.М. Ядринцев – литературовед и критик // Литературное наследство Сибири. Т. 5 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. С. 7–18.
3. Григоренко Р.А. Роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» как предопределенный неуспех: поэтика замысла // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 24–32.
4. Крутовский Вл.М. От издателя // Сибирские записки. 1919. № 1. С. 2.
5. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
6. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
7. Мешалкин П.Н. Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв. Красноярск : Центр по охране и использованию памятников истории и культуры. 1998. 184 с.
8. В.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 6. С. 15–20.
9. Крутовский Вл.М. Некролог В.И. Сурикову // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 175–181.
10. Матвеев Б.И. Библиизмы в прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина // Русская речь. 2001. № 2. С. 3–12.
11. Мурынов М.Ф. Об идейной функции церковнославянизмов в ранних произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. Личность и творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей / сост., вступ. ст., коммент. С.Ф. Дмитренко. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2013. Т. 1. С. 732–736.
12. В.К. Областное обозрение: съезд представителей городов Вост. Сиб. в Иркутске // Сибирские записки. 1916. № 3. С. 154–170.
13. Красноярский краевой краеведческий музей. ОФ 7928/1807.
14. Броднева А.В. Кто вы, доктор Крутовский? Красноярск : Литера-Принт, 2014. 278 с.
15. Литературное наследство Сибири / под ред. Н.Н. Яновского. Новосибирск : Новосибир. книжное изд-во, 1986. Т. 7. 339 с.
16. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 308 с.
17. В.К. Областные очерки // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 152–159.
18. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений : в 20 т. М. : Художественная литература, 1965–1977.
19. Образцова И.М. Традиция средневекового смеха в музыкальной драматургии Мусоргского: к пониманию народного характера в творчестве М. Мусоргского // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. Ленинград : Наука, 1985. Т. 38. С. 411–423.
20. Журавлева А.И. Новое мифотворчество и литературоцентрическая эпоха русской культуры // Русский журнал. 2002. URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20020125_1.html
21. Григоренко Р.А. Областнический проект сибирской региональной литературы (вторая половина XIX – начало XX вв.): вопросы идеологии, идентичности, эстетики и поэтики : вып. квалиф. раб. Красноярск : СФУ, 2019.
22. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1916. № 4. С. 113–128.
23. В.К. История одной инициативы // Сибирские записки. 1916. № 4. С. 86–95.
24. Западов В.А. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву». «Вольность». М. : Наука, 1992. С. 475–623.
25. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1918. № 1. С. 55–65.
26. Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 266 с.
27. Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. Н.М. Богомолова. М. : Художественная литература, 1991. 471 с.

28. Роготнев И.Ю. По краям сатирической поэтики: «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Филология в XXI веке. 2018. № 1. С. 257–267.
29. Роготнев И.Ю. Символы зла в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. К проблеме функционирования универсальной комикс в текстах просветительской сатиры // Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 7 (109). С. 90–96.
30. В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1919. № 4–5. С. 96–109.
31. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М. : Центрполиграф, 2004. 687 с.
32. Блок А.А. Полное собрание сочинений : в 20 т. М. : Наука. 1997. Т. 3. 994 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 июня 2021 г.

Appeals to Classic Literature in the Journalism of Vladimir Krutovsky as a Way of Broadcasting Sociopolitical Ideas

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 59–66.

DOI: 10.17223/15617793/471/6

Vikentiy V. Chekushin, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vikesha@bk.ru

Keywords: Vladimir Krutovsky; M.E. Saltykov-Shchedrin; literary centrism; “Siberian Notes”; journal as means of consolidation.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-41-000001.

The aim of this article is to analyze the reception of works of metropolitan literature in the journalism of the Krasnoyarsk public figure Vladimir Krutovsky. The main material for the study was articles published in the journal *Sibirskie Zapiski* [Siberian Notes], which the “younger” regionalist Krutovsky founded in 1916, and which existed for about four years. The edition was conceived as a platform for uniting a part of the regionalism-minded Siberian intelligentsia. In this perspective, for Krutovsky, literature became a means of creating a “cultural field” beyond the Urals, and the publication of *Sibirskie Zapiski* in the period of sociocultural upheavals was actually equated with political action. The literary centrism of Krutovsky’s consciousness was also manifested in the fact that references to the texts of classic Russian literature regularly appeared in his journalism. The main source of precedent texts was works by M.E. Saltykov-Shchedrin. In addition to them, the publicist regularly appealed to works by A.S. Pushkin, G.I. Uspensky, and contemporary authors. As a rule, such references were explicated and put in quotation marks. Often they were mediated by the journalism of N.M. Yadrintsev – an important symbolic figure for the “younger” regionalist Krutovsky. Krutovsky appealed to Saltykov-Shchedrin’s texts mainly to criticize the actions of officials, as well as to express his own sociopolitical views. This method of reception was most clearly expressed in the post-revolutionary years, when Krutovsky criticized the initiatives of both the Bolshevik and Kolchak authorities. As can be seen from the articles of this period, the border between the contemporary reality and Saltykov-Shchedrin’s texts was practically blurred in Krutovsky’s mind, so his social criticism was saturated with appeals to the literary context. Krutovsky directly compared statesmen and officials with Saltykov-Shchedrin’s negative characters – the inhabitants of Poshekhonye (*Old Years in Poshekhonye*), Glupov (*The History of a Town*), and the provincial Krutogorsk (*Provincial Sketches*). This method of polemic made it possible to give Krutovsky’s theses greater credibility and emotional tension. The result of this method of writing was the “revival” of Saltykov-Shchedrin’s characters, who literally penetrated into the reality. In addition, Krutovsky regularly identified the circumstances of his own life with episodes from Saltykov-Shchedrin’s works. Such a combination made it possible to “enrich” the reality and increase the symbolic significance of the specific circumstances of his own social and political activities.

REFERENCES

1. Chmykhalo, B.A. (1990) N.M. Yadrintsev i G.N. Potanin kak teoretiki “sibirskoy literatury” v 70-e gody XIX veka [N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin as theorists of “Siberian literature” in the 1870s]. In: Yakimova, L.P. (ed.) *Razvitie literaturno-kriticheskoy mysli v Sibiri* [Development of literary-critical thought in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 57–74.
2. Postnov, Yu.S. (1980) *N.M. Yadrintsev – literaturoved i kritik* [N.M. Yadrintsev – literary critic and critic]. In: Yanovskiy, N.N. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo. pp. 7–18.
3. Grigorenko, R.A. (2018) The Taigans by G. Potanin and N. Yadrintsev as a Predestined Failure: The Poetics of the Conception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 24–32. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/427/3
4. Krutovskiy, V.I.M. (1919) Ot izdatel'ya [From the publisher]. *Sibirskie zapiski*. 1. p. 2.
5. Mogil'ner, M. (1999) *Mifologiya “podpol'nogo cheloveka”: radikal'nyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The mythology of the “underground man”: a radical microcosm in Russia at the beginning of the 20th century as an object of semiotic analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th – Early 20th Centuries: Peculiarities of Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Meshalkin, P.N. (1998) *Oderzhimye. O deyatel'nykh kul'tury Krasnoyarska na rubezhe XIX–XX vv.* [The Possessed. On the cultural figures of Krasnoyarsk at the turn of the 20th century]. Krasnoyarsk: Tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury.
8. V.K. (1909) Ocherki sibirskoy zhizni [Essays on Siberian life]. *Sibirskie voprosy*. 6. pp. 15–20.
9. Krutovskiy, V.I.M. (1916) Nekrolog V.I. Surikovu [Obituary for V.I. Surikov]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 175–181.
10. Matveev, B.I. (2001) Bibleizmy v proze M.E. Saltykova-Shchedrina [Biblicalisms in the prose of M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 3–12.
11. Mur'yanov, M.F. (2013) Ob ideynoy funktsii tserkovnoslavyanizmov v rannikh proizvedeniyakh M.E. Saltykova-Shchedrina [On the ideological function of Church Slavonicisms in the early works of M.E. Saltykov-Shchedrin]. In: Dmitrenko, S.F. (ed.) *M.E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M.E. Saltykova-Shchedrina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley* [The personality and creativity of M.E. Saltykov-Shchedrin in the assessments of Russian thinkers and researchers]. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 732–736.
12. V.K. (1916) Oblastnoe obozrenie: s"ezd predstaviteley gorodov Vost. Sib. v Irkutsk [Regional review: congress of representatives of cities of Eastern Siberia in Irkutsk]. *Sibirskie zapiski*. 3. pp. 154–170.
13. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. OF 7928/1807.
14. Brodneva, A.V. (2014) *Kto vy, doktor Krutovskiy?* [Who are you, Dr. Krutovsky?]. Krasnoyarsk: Litera-Print.
15. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Novosib. knizhnoe izd-vo.

16. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.
17. V.K. (1916) Oblastnye ocherki [Regional essays]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 152–159.
18. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1965–1977) *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 t.* [Complete works: in 20 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
19. Obratsova, I.M. (1985) Traditsiya srednevekovogo smekha v muzykal'noy dramaturgii Musorgskogo: k ponimaniyu narodnogo kharaktera v tvorchestve M. Musorgskogo [The tradition of medieval laughter in Mussorgsky's musical dramaturgy: towards understanding the folk character in the work of M. Mussorgsky]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 38. Leningrad: Nauka. pp. 411–423.
20. Zhuravleva, A.I. (2002) Novoe mifotvorchestvo literaturotsentriskaya epokha russkoy kul'tury [New myth-making and literary-centric era of Russian culture]. *Russkiy zhurnal*. [Online] Available from: http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20020125_1.html
21. Grigorenko, R.A. (2019) *Oblastnicheskii projekt sibirskoy regional'noy literatury (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): voprosy ideologii, identichnosti, estetiki i poetiki* [Regional project of Siberian regional literature (second half of the 19th – early 20th centuries): issues of ideology, identity, aesthetics and poetics]. Graduation thesis. Krasnoyarsk: SFU.
22. V.K. (1916) Oblastnoe obozrenie [Regional review]. *Sibirskie zapiski*. 4. pp. 113–128.
23. V.K. (1916) Istoriya odnoy initsiativy [A history of an initiative]. *Sibirskie zapiski*. 4. pp. 86–95.
24. Zapadov, V.A. (1992) Istoriya sozdaniya “Puteshestviya iz Peterburga v Moskvu” i “Vol'nosti” [The history of the creation of “A Journey from St. Petersburg to Moscow” and “Liberty”]. In: Radishchev, A.N. *“Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu”. “Vol'nost'”* [“A Journey from St. Petersburg to Moscow”. “Liberty”]. Moscow: Nauka. pp. 475–623.
25. V.K. (1918) Oblastnoe obozrenie [Regional review]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 55–65.
26. Ayzikova, I.A. & Makarova, E.A. (2009) *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh. gg.: problema dialoga* [The theme of resettlement in Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860s–1890s: the problem of dialogue]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Gippius, Z.N. (1991) *Stikhotvoreniya. Zhivye litsa* [Poems. Live faces]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
28. Rogotnev, I.Yu. (2018) On the Edges of the Satyrical Poetics: “The History of a Town” by Saltykov-Shchedrin. *Filologiya v XXI veke*. 1. pp. 257–267. (In Russian).
29. Rogotnev, I.Yu. (2011) Simvoly zla v tvorchestve M.E. Saltykova-Shchedrina. K probleme funktsionirovaniya universal'noy komiki v tekstakh prosvetitel'skoy satiry [Symbols of evil in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin. On the problem of the functioning of universal comedy in the texts of educational satire]. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 7 (109). pp. 90–96.
30. V.K. (1919) Oblastnoe obozrenie [Regional review]. *Sibirskie zapiski*. 4–5. pp. 96–109.
31. Itenberg, B.S., Tvardovskaya, V.A. & Graf, M.T. (2004) *Loris-Melikov i ego sovremenniki* [Count M.T. Loris-Melikov and his contemporaries]. Moscow: Tsentrpoligraf.
32. Blok, A.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 t.* [Complete works: in 20 volumes]. Vol. 3. Moscow: Nauka.

Received: 27 June 2021

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.31

Ф.И. Гиренок

ПРОБЛЕМА ВОЗДЕЙСТВИЯ ДУШИ НА ТЕЛО

Анализируются философские проблемы взаимодействия души и тела. Выделяются монистические и дуалистические тенденции исследования проблемы. На основе сопоставления вводится представление о галлюцинации как точке, в которой заканчивается действие природы и начинается работа субъективности. Обращается внимание на то, что сознание – это не объект, локализованный в пространстве, а способ воздействия человека на самого себя во времени.

Ключевые слова: параллелизм; воображаемое; галлюцинация; монизм; дуализм; аффект; сознание; субъективность; реальность; время

Введение

В современной философии продолжают споры относительно того, как адекватно описать взаимные действия души и тела и не нужно ли переосмыслить саму проблему соотношения идеального и материального. При этом высказываемые взгляды тяготеют либо к дуалистическому решению проблемы, восходящему к Декарту [1, 2], либо к монистическому подходу, опирающемуся на Спинозу [3–5]. В статье анализируются концепты Канта, Спинозы, Делеза и делается вывод о необходимости нового варианта решения проблемы взаимодействия души и тела, а именно поиска третьего, нейтрального подхода к проблеме, а не дуалистического и не монистического. В качестве нейтрального третьего термина автором предлагается понятие «галлюценоза», ибо галлюцинация является таким состоянием тела, в котором перестают действовать законы телесности и начинают действовать законы субъективности [6]. Это состояние Кант относил к тому, что он называл воображаемым.

Проблема

«Пресловутая проблема общения между мыслящей и протяженной сущностью сводится, если устранить все воображаемое, к вопросу: как вообще возможно в мыслящем субъекте внешнее созерцание, а именно созерцание пространства» [7. С. 689]. К такому выводу приходит Кант. На что нужно обратить внимание? На то, что мы приходим к этому выводу, если «устраним воображаемое». А если не устраним? То тогда это будет другая история, в которой ключевую роль играют предметы представлений и видимости. В противном случае, говорит Кант, «на этот вопрос ни один человек не способен дать ответ; этот пробел нашего знания никогда не может быть восполнен» [7. С. 689]. Что тем самым говорит Кант? Он говорит, что если мы сталкиваем протяженные и непротяженные сущности и ищем в непротяженном присутствии образа протяженного, то ничего не найдем. Почему? Потому что мы выбросили воображаемое. У нас от мыслящего субъекта остается только физиология органов чувств. Мы можем, конечно, вскрыть черепную коробку и обнаружить в ней мозг, но мы не обнаружим в ней созерцание пространства. Мозг есть и у вороны. И хотя ворона привязана к по-

летам в пространстве, у нее нет созерцания пространства. Чтобы его созерцать, нужно воображать. Следовательно, согласно Канту, нужно менять подход к проблеме, отказываясь от дуальных сущностей и вводя в рассуждение нечто третье – воображаемое.

Что такое воображаемое? Ответ Канта на этот вопрос содержится в следующей его мысли. В пространстве, говорит Кант, есть только то, что о нем представляется. «Мысль, что вещь может существовать только в представлении о ней, должна, конечно, казаться странной» [7. С. 677]. Почему она кажется странной? Потому что мы забываем, что цвет – это не свойство тела. И звук – не свойство тела. Одно принадлежит чувству зрения. Другое – чувству слуха. Что отсюда следует? То, что «общение души с телом возможно на основе трансцендентальной видимости», а не напрямую. Кант, разделив бытие на две части, должен был разделить и философию на теоретическую и практическую. В одной развивается познавательная способность и царит рассудок. В другой – разум и желание. Рассудок дает законы природе, разум – свободе. Что связывает разум и рассудок? Способность суждения. А что связывает желание и познание? Чувство удовольствия. Удовольствие нельзя определить, его можно только чувствовать. В «Критике способности суждения» Кант поясняет свою дефиницию желания. Это пояснение является одним из самых важных в философии вообще. Желание – это «способность быть посредством своих представлений причиной действительности этих представлений» [8. С. 1021–1022]. Чтобы быть причиной реальности объекта своих представлений, человеку приходится вступать в противоречие с самим собой. Желать – значит быть нетождественным самому себе. Чем отличается вождление от желания? Тем, что вождление не может быть причиной реальности своих объектов. Неудержимое стремление к невозможному превращает желание в аффект, а человека вообще – в художника. Почему? Потому что каузальность разума по отношению к объектам представлений осознается лишь в произведениях искусства [8. С. 986].

Переосмысление проблемы

Все ли философы разделяли взгляды Канта на косвенный способ воздействия души на тело? Нет. Иную позицию занимают Лебниц, Спиноза и Делез. В чем

они видят проблему? В том, что тело занимает место в пространстве, а душа не занимает место в пространстве. Как же они взаимодействуют? Декарт полагает, что душа и тело находятся по отношению друг к другу в обратно пропорциональной зависимости. Если душа активна, то тело пассивно. Если тело действует, то душа страдает. При этом он полагает наличие шишковидной железы, в которой встречаются душа и тело. Для этого либо душа превращается в тело, либо тело превращается в душу.

Лейбниц настаивает на предустановленной гармонии между душой и телом, в которой порядок идеи соответствует порядку вещей. Спиноза отказывает душе в субстанциальном существовании. Он отдает приоритет умно устроенному телу. Не может быть так, чтобы тело действовало, а душа была пассивна. И наоборот, не может быть так, чтобы душа страдала, а тело радовалось. По телу, говорит Спиноза, можно судить о душе. Делезу нравится эта мысль Спинозы, потому что под словом «душа» здесь понимается часть умных действий тела. Тем самым, в философии Спинозы закрывается, как думают новые материалисты (Грэм Харман), проблема взаимного действия души и тела. Нас же интересует, какой ценой закрывается эта проблема в философии, чем нам приходится за подобное монистическое решение заплатить.

Во-первых, нам предлагают отказаться от мысли, что человек принципиально отличается от других существ. Если жизнь и сознание одно и то же, как у Спинозы, то тогда одной природы достаточно для того, чтобы объяснить взаимодействие души и тела. Но тогда человек не конечная и не последняя цель природы. Во-вторых, материализм не объясняет, почему человек удваивает себя и мир, хотя никто больше этого из живых организмов не делает. И, в-третьих, остается непоясненным, почему человек оказывается единственным существом, которое переживает мнимости (искусство) и относится к тому, чего нет, как к тому, что есть. Для того чтобы ответить на эти вопросы и показать, что проблема воздействия души на тело не сводится к анализу пространственных связей, а, напротив, ведет к проблеме раздвоения человека, нам придется вернуться к критике философии Спинозы и, соответственно, к критике философии Делеза.

Неистовство здравого смысла в идеях Спинозы

Человек, говорит Спиноза, – это не вещь, лежащая за пределами природы. Напротив, на его взгляд, человек – это естественная вещь, которая следует законам природы. Человек определяется не самим собой, а действием внешних причин. Никаких внутренних причин не существует. Если люди не имеют власти над своими аффектами, то нельзя призывать к тому, чтобы они учились властвовать над собой. Напротив, это природные потоки аффектов властвуют над человеком. Ошибочно представлять человека в природе, рассуждает Спиноза, как бы неким государством в государстве. Насколько душа может умерять аффекты, никто не знает. В том числе этого не знает и Декарт, говорит Спиноза. Какова же идея самого Спино-

зы? Она состоит в следующем: «...аффекты ненависти, гнева, зависти и т.д., рассматриваемые сами в себе, вытекают из той же необходимости и могущества природы, как и все остальные единичные вещи...» [9. С. 158]. Аффекты, согласно Спинозе, вытекают не из человеческой природы, не из отношения человека к самому себе, а из могущества природы. Как Спиноза собирается мыслить человека? Я, говорит философ, «буду рассматривать человеческие действия и влечения точно так же, как если бы вопрос шел о линиях, поверхностях и телах» [9. С. 158]. Но что тогда делать с тем простым фактом, что человек есть грезящее существо. Он видит сны и любит рассматривать картины, а его жизнь во многом определяется тем, что он думает о себе и о мире?

До Спинозы аффекты рассматривал Платон в диалоге «Законы» во фрагменте, известном, как «человек-кукла». Методология Платона радикально отличается от методологии Спинозы [10]. У Платона аффекты разрывают человека на части, ибо каждый из аффектов тянет его в свою сторону. И разорванному человеку приходится собирать себя из этого хаоса в некое аффективное целое. У Спинозы человеческие аффекты ничем не отличаются от всех других единичных вещей.

Итак, человек – часть природы или не часть? Если человек – это тело, то тогда он часть природы, если не тело, то не часть, а то, что находится за пределами природы. В первом случае формулируется позиция Спинозы, во втором – его противников, т.е. Платона. Аргументация Спинозы изложена в схолии ко второй теореме «Этики». Вот ее суть: как нетелесное может воздействовать на тело? Нетелесное никак не может воздействовать на тело. Чтобы воздействовать, оно само должно стать телом. И наоборот. Спиноза говорит: забудьте Декарта и согласитесь, что дух – это тело и ничего, кроме тела. И, как это ни странно, Спиноза прав. Где же он ошибается? А ошибается он в следующем рассуждении: «В самом деле, того, к чему способно тело, до сих пор еще никто не определил, то есть опыт никого еще до сих пор не научил, к каким действиям тело является способным в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной, и к чему оно не способно, если только не будет определяться душою» [9. С. 162]. Ясно, что тело может воздействовать только на тело, пределом для тела является не дух, а другое тело. А пределом идеального является не тело, а субъективность. Какой пример приводит Спиноза? Он говорит о животных, которые лишены разума, но которые иногда превосходят человеческую проницательность. А еще он говорит о «лунаниках», которые во время сна продельвают то, что в бодрствующем состоянии они делать не могут. Мы действительно не знаем, что тело может. И в этом прав Спиноза. Он не прав в другом. Он не хочет знать, что тело не может.

Тело не может грезить. Оно не может удваивать мир и из этого удвоения выстраивать свое существование. Грезить может только человек. Как он это делает? Подчиняясь грезе, стремясь к невозможному, пытаясь, как говорит Кант, сделать случившееся не случившимся.

Спиноза часто говорит о человеческом теле, но он нигде не говорит о том, чем оно отличается от тела животного. Почему он молчит об этом? Потому что его онтология обращена к чувственным предметам, к пространственной стороне мира, а не ко времени, не к миру свободы. Когда говорят о человеческом теле, то имеют в виду грезящее тело. Грезить может только органика, а не просто любая единичная вещь. При этом человек грезит, когда он спит, и грезит, когда он бодрствует. Последнее подметил уже Ницше, который заговорил о человеке не просто как о лунатике ночи, но и как о «лунатике дня» [11. С. 79–81].

Из пространственной онтологии Спинозы следует, что вещи не зависят от времени, мир у Спинозы статичен. «Сущность вещей, – говорит Спиноза, – не обнимает собой известного и определенного времени существования...» [9. С. 239]. Что из этого следует? Во-первых, Спиноза понимает сознание как знание о вещах, а не как способ воздействия человека на самого себя во времени. Во-вторых, опространствование субъективного состояния закрывает для Спинозы возможность обнаружить удваивание мира посредством галлюцинирования. В-третьих, человек – такая часть мира, которая неповторима по законам самого этого мира и ни в какие его серии при этом она не вписывается. Галлюцинация – это не физическое событие, а чувственно-сверхчувственное. Спиноза говорит, что сущность человека – в желании. Но он забывает сказать, что желать для человека – значит быть во времени, т.е. быть причиной реальности объекта представлений. У Спинозы причиной желания является природа. Что думает по этому поводу Делез?

Этическое видение мира. Критика Делеза

Кант говорит, что разум возвышает человека над животностью, поэтому природа полагается не на разум, а на инстинкт. У разума, полагает Кант, есть цели. Делез не согласен с Кантом. У разума нет способности ставить цели, говорит Делез. Что же ставит цели? «Последние отсылают к первичному состоянию (affection), к некому “естеству”, допускающему их постановку» [12. С. 145]. То есть цели возникают в первичном состоянии, а не у тела, имеющего органы. Для достижения таких целей достаточно одной природы. Кант говорит о существовании у человека и, соответственно, у разума конечных целей. Для достижения конечных целей недостаточно одной природы. Требуется еще что-то поверх природы. Делез с этим не согласен. «В конечном счете цели всегда естественные», ничем не обусловленные [12. С. 145]. У них, как и у причины, нет конца.

Что такое цель? «Цель – это некое представление, задающее волю» [12. С. 146]. Если цель – это представление, то она сводится к определению внутреннего чувства. Но у природы нет внутреннего чувства. Делезу приходится игнорировать этот акт и постулировать существование воли в духе Шопенгауэра. После этого он пытается соединить волю и представление. Заметим, что воля принадлежит к определению мира свободы, а не природы. Ссылаясь на Канта, Де-

лез сообщает о том, что представление соединяется с волей посредством чувства удовольствия. Между тем для Канта представление является определением внутреннего чувства.

А если это определение внутреннего чувства, то его нельзя помещать в какую-то щель между субъектом и объектом как некий третий элемент. Почему нельзя? Кант отвечает на этот вопрос во втором разделе «Дедукции чистых рассудочных понятий» «Критики чистого разума»: «Откуда бы не происходили наши представления, порождаются ли они влиянием внешних вещей или внутренними причинами, возникают ли они априори или эмпирически как явления – все равно они как модификации души принадлежат к внутреннему чувству и как таковые все наши знания в конце концов подчинены формальному условию внутреннего чувства, а именно времени, в котором все они должны быть упорядочены, связаны и соотнесены» [7. С. 635]. Но если они подчинены времени как формальному условию внутреннего чувства, то тогда становятся сомнительными утверждения Делеза о том, что «каждое представление связано с чем-то иным, нежели оно само, – с объектом и субъектом» [12. С. 147]. Почему сомнительными? Потому что представление, соотнесенное с объектом, и представление, соотнесенное с субъектом, – это два разных представления, разрывающих внутреннее чувство на две части, что невозможно, ибо время восприятия не может быть временем вещи.

В чем же состоят высшие цели разума? Высшие цели разума состоят в том, что, полагая их, разум ничего не полагает, кроме самого себя. Но если цели разума – это сам разум, то как можно полагаться на него при достижении любых других целей? Делезу не нравится такая постановка вопроса Канта. Почему она ему не нравится? Потому что такой разум – это, говорит Делез, корыстный разум. Философ пишет, что в этом случае разум – «лишь судья собственных интересов» [12. С. 147]. Но что это значит? Это значит, что разум находится вне компетенции опыта, здравого смысла и рассудка. Он не признает над собой власть внешних инстанций, он за пределами опыта. И все, что порождает разум, может судить только сам разум.

Кант пишет: «Один лишь разум породил в своих недрах самые эти идеи, и потому он сам должен дать отчет об их значении и диалектической видимости» [7. С. 569–570]. Делез не обращает никакого внимания на слова Канта о диалектической видимости. Разум имеет дело с видимостями. Видимости же относятся к идеям, т.е. к тому, что породил и за что отвечает сам разум. Но возникает вопрос: почему разум породил видимости, а не знания? Потому что они сами собой показывают не то, что есть в опыте, а то, что они не есть. Если бы они показывали то, что они есть, то тогда вступил бы в свои права опыт и забраковал их. А поскольку это видимости, постольку опыт над ними не властен. Иными словами, что упустил из виду Делез? Он упустил из виду, что разум – это слепой, а не корыстный разум. Разум ничего не видит, кроме себя. Он ослеплен собой. Что он видит в предмете? То, что

он сам вкладывает в него. Что из этого следует? Из этого следует, что любой предмет представления – это *x*, неизвестное. Рассуждая о синтезе узнавания в понятии, Кант пишет: «Что имеют в виду, когда говорят о предмете, который соответствует познанию, стало быть, также и отличается от него? Нетрудно убедиться, что этот предмет должно мыслить только как нечто вообще = *x*, так как вне нашего знания мы ведь не имеем ничего, что мы могли бы противопоставить этому знанию как соответствующее ему» [7. С. 639]. Но если предмет есть *x*, неизвестное, то разум платит своей слепотой за то, что он вышел за пределы опыта. И поскольку предмет «есть для нас ничто» (Кант), постольку нам остается только внести единство в те случайные произвольные определения, которыми мы наградили этот *x*.

Ошибка Делеза состоит также в том, что он рассматривает цель как представление, но цель – это не представление, а видимость. Разум – это не театр, он дает не представления, а определения цели. Что из этого следует? Из этого следует, что Делез, по сути дела, игнорирует слова Канта о способности человека «быть посредством своих представлений причиной реальности объектов этих представлений». Разум не может судить неразумных. Он судит и критикует только себя. Но, критикуя, он всегда остается в состоянии незнания о том, что есть истина. Что разумно, а что неразумно, разум не знает. Это знает человек, который обладает способностью суждения. В свою очередь, эта способность, как заметил Кант, есть далеко не у всех людей.

Следует также заметить, что сами по себе цели не существуют. Нет ни естественных, ни неестественных целей. Существуют только человеческие цели и их различные проекции или модификации. Между тем Делез отклоняет существование только человеческих целей. Он полагает, что «определяющая характеристика Разума состоит, скорее, в особом способе реализации... целей, способе, свойственном как человеку, так и животным» [12. С. 145], с чем Кант, конечно, не может согласиться.

Кант различает паталогическое и человеческое поведение. Паталогическим является поведение животных. Почему? Потому что оно, согласно Канту, полностью определяется чувственными побуждениями. Если поведение человека определяется инстинктами, то оно ничем не отличается от поведения животных и тоже является паталогическим. Внутренний мир человека отменяет паталогическое поведение только тем, что он просто есть и подчиняет человека его внутренним побуждениям. Что это за побуждения? Это такие побуждения, исходя из которых ничего нельзя познать синтетически априори. Почему? Потому что в основе внутренних побуждений лежит время, а не пространство. А это значит, что они учреждают объект, являясь причиной его реальности, а не реагируют на него.

Выводы

Моральная болтовня о сознании, о душе, о разуме и власти души над телом заменяет, по словам Спинозы, подлинную философию. И Делез с ним полностью

согласен. Они оба видят обязанность души в том, чтобы она заставляла тело повиноваться ей в соответствии с законами, какие душа на себя накладывает.

Теория естественного права позволяет каждому простираться так далеко, как позволяет ему его мощь: «Тогда мы не будем проводить, – пишет Делез, – никакого различия между мудрым и глупым, умным и безумцем, сильным и слабым» [13. С. 216]. Следуя естественному праву, глупому не нужно стремиться быть умным, а слабому не нужно стремиться быть сильным. Каждый из них на своем месте. Но тогда мы также не можем провести различие между педофилом и его жертвой, ибо они, согласно Делезу, «стараясь равным образом сохранить себя и имеют также столько прав, сколько и способности в зависимости от аффективных состояний, актуально дополняющих их потенцию испытывать аффекты» [13. С. 217]. «Никто не рождается разумным», – говорит Делез, повторяя Гоббса [13. С. 218]. Но все люди грезят, – скажем мы в ответ. Все люди живут во времени, и каждый воздействует на себя, упорствуя в своем бытии. «Глупец не менее, чем умный, старается упорствовать в своем бытии», – говорит Делез [13. С. 218]. Никто не рождается разумным, – повторим мы вслед за Делезом. Но это значит только то, что не природа – причина разума. Никто не рождается гражданином, но это не значит, что мы рождаемся, как звери. Это значит, что не в обществе находится сущность человека. Никто не рождается религиозным. Но это значит, что не природа и не общество рожают в нас веру, то, что связывает нас с Богом. Грезить – значит отменять естественные состояния людей. Тело человеческое существует не отдельно от человека, а так, как мы его ощущаем в галлюцинациях, т.е. в сообществе людей, отношения между которыми опосредованы галлюцинациями.

Каким же образом душа заставляет тело повиноваться? Ни Спиноза, ни Делез не пытаются этот вопрос прояснить. Они все свое внимание сосредоточили на критике параллелизма действий души и тела в духе Декарта. В чем состоит этот параллелизм? В том, что если действует душа, то страдает тело. Если действует тело, то страдает душа. Спиноза возражает против такого понимания взаимного действия души и тела. Что хочет Спиноза? Он хочет показать, что тело и душа – это одно и то же. Ни тело не может определить душу к мышлению, ни душа не может определить тело к движению. Какой из этого положения возможен выход? Объявить, что «душа и тело составляют одну и ту же вещь» [9. С. 161]. Но если это одна вещь, то страдания тела будут одновременно страданиями души, а действия души будут одновременно действиями тела. Тем самым как будто бы решается вопрос о том, как душа действует на тело. «Тело человеческое существует так, как мы его ощущаем» [9. С. 110]. В схолии к 13-й теореме «Этики» Спинозы говорится: все, что относится к человеку, относится и ко всем индивидуумам. Почему? Потому что, как скажет Спиноза, «все одушевлены» [9. С. 110]. Нет ничего без души. «Однако, – продолжает рассуждать Спиноза, – мы не можем отрицать и того, что идеи разнятся между собой» [9. С. 110]. Но эти различия у него носят количественный характер, а не принципиальный. Например, рыба – это рыба, а не че-

ловек. Но и рыба и человек наделены душой, хотя и в разной степени. В чем разница между человеческим телом и другими телами, между одной душой и другой, Спиноза отказался объяснять. «Но я не мог здесь изъяснить ее», – пишет Спиноза в схолии к 13-й теореме [9. С. 111]. И далее Спиноза начинает рассуждать о природе тел, хотя эти рассуждения ничего не говорят об искомым отличиях.

Что же Делез? Делез восхищается тем, что душа и тело составляют одно и то же. Если бы они были не одно и то же, то мы бы ничего не могли узнать о душе, а в случае тождества души и тела мы можем узнать, глядя на тело, что может душа сама по себе. Ни Делез, ни Спиноза не замечают того, что они удваивают сущности. Из пары тело–душа они выбирают тело. Делез видит заслугу Спинозы в том, что он в своей онтологии освободил тело от обратно пропорционального отношения между телом и душой. В чем же их ошибка? В том, что они не заметили принципиального различия между двумя видами тел – телом для грез и телом для эволюции. Ибо проблема души состоит в том, чтобы узнать, как грезы подчинили себе тело и почему эволюция запрещает телам грезить. Ни предустановленная гармония Лейбница, ни утверждение Спинозы о том, что порядок идей такой же, как и порядок вещей, не дают ответ на эти вопросы.

Делез, отвечая на вопрос, что может тело, приходит к монистическому выводу. Он пишет в главе 16 книги «Спиноза и проблема выражения»: «Такая модель не подразумевает никакого обесценивания мышления по отношению к протяженности, но лишь обесценивание сознания по отношению к мышлению» [13. С. 215]. Чем жертвует Делез ради монизма и единства мира? Сознанием. Почему? Потому что оно связано с человеком. Какое мышление не обесценивается? Мышление, которое никак не связано с человеком. Это мышление имеет смысл только лишь по отношению к протяженности и не имеет никакого смысла по отношению ко времени. Почему? Потому что время – это изобретение человека. Внутренний мир человека сопряжен с внутренним временем. Что такое сознание? Если грезы и галлюцинации составляют бесконечное множество, то сознание всегда одно. Ответ на вопрос о том, как грезящее тело подчиняет себя грезе, т.е. времени, как раз и обесценивает мышление по отношению к протяженности. Онтологии Спинозы и Делеза устарели, ибо они обесценивают сознание по отношению к мышлению. Для них мышление – это интеллект. Сознание для них – это пустое место, вернее, это тело, мозг. Обесценивать сознание – значит

понимать его вне связи с тем, что человек удваивает мир посредством учреждения объектов времени.

Итак, суть дела состоит не в вопросе о том, что может тело, а в вопросе о том, что тело не может. Оно не может грезить. Тело может звучать. Но звук принадлежит уже не телу, а чувству слуха. Сегодня саунд-стадис следует за Массуми, повторяющим Делеза. Для представителей саунд-стадис звук существует сам по себе в природе вне связи с культурными посредниками.

Наша задача состоит в том, чтобы обратить внимание на то, что тело не может быть галлюцинацией. Быть телом – значит не быть иллюзией, пустым местом, мнимостью. В этом состоит его, тела, говоря на языке XVII в., «естественное право». Грезящее тело – это оксюморон, нечто невозможное, ибо никаким взаимодействием тел, никакой компоновкой своего и чужого тела нельзя создать бестелесное. Тем не менее человеческое тело – это грезящее тело. Откуда оно берет свои грезы? Из сновидений. Но грезить – это не значит спать. Животные тоже спят, но они не грезят. Они умирают, но у них нет смерти, ибо они не живут во времени. Грезящие тела образуются ни подборкой тел, ни тем, что каким-то телам удалось встретить тело, которое компонуется с его собственным телом под благоприятной связанностью. Если бы была эта благоприятность, то тогда никакой морали в мире не было бы. Делез настаивает, что так оно и есть на самом деле. На наш взгляд, к человеческим телам ведет не компоновка тел, а «взрыв галлюцинаций», отменяющий всякую компоновку. Как бы далеко ни зашло тело в своих возможностях, в своих действиях и страданиях, оно не сможет раздвоиться на себя и свою галлюцинацию. Поэтому проблема воздействия души на тело сводится к проблеме раздвоения грезящих тел, трением которых друг о друга создаются образы, а значит, и сознание, посредством которого человек воздействует на самого себя во времени, т.е. самого себя осознает.

Каким образом происходит расширение реальности грезящим человеком? Не воздействием души на тело, а посредством мнимостей, которые существуют, если к ним относятся как к чему-то действительно существующему. В этом состоит загадка расширения реальности. Человек, с одной стороны, удваивает мир, дублирует его в своих рисунках, а с другой – переживает то, чего нет, в качестве того, что есть. Тем самым, не только учреждается существование человеческого тела, но и происходит расширение реальности посредством объективированных галлюцинаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баниже О.Н. Взаимодействие души и тела как основная проблема философской антропологии // Наследие веков. 2015. № 4 (4). С. 71–74.
2. Ростова Н.Н. Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 4. С. 731–750.
3. Пучков Д.Б. Опровержение двух доводов в пользу полной субъективности человеческого опыта // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 3. С. 97–109.
4. Массуми Б. Автономия аффекта // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 3. С. 110–133.
5. Мирошниченко М.Д. От глаза лягушки к человеческому сознанию: трансформации неокибернетического проекта в теории аутопоэзиса // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 2. С. 126–143.
6. Зинченко В.П. Шепот прежде губ, или что предшествует эксплозии детского языка // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 33–66.

7. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
8. Кант И. Критика способности суждения // Основы метафизики нравственности. М. : Мысль, 1999. С. 1007–1472.
9. Спиноза Б. Этика. СПб. : Азбука, 2001. 352 с.
10. Гиренок Ф.И. Фигуры и складки. М. : Академический проект, 2013. 244 с.
11. Ницше Ф. Веселая наука. СПб. : Издательский дом «Кристалл», 2002. 288 с.
12. Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях // Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М. : ПЭР СЭ, 2001. С. 145–225.
13. Делез Ж. Спиноза и проблема выражения. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2014. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 августа 2021 г.

The Problem of the Influence of the Soul on the Body

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 67–72.

DOI: 10.17223/15617793/471/7

Fedor I. Girenok, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: girenok@list.ru

Keywords: parallelism; imaginary; hallucination; monism; dualism; affect; consciousness; subjectivity; reality; time.

The article analyzes the philosophical problems of the interaction of the soul and the body. The author identifies monistic and dualistic tendencies in the study of the problem. Monistic tendencies are characteristic for the new materialists and for the new idealists. The former dissolve a human in nature, the latter dissolve nature in subjectivity. Modern philosophy begins with Immanuel Kant, who tried to overcome dualism without falling into monism. The author compares the concept of the imaginary in Kant's philosophy with Spinoza's and Deleuze's concept of affect. On the basis of this comparison, he introduces the idea of hallucination as the point at which the action of nature ends and the work of subjectivity begins. The classical formulation of the question involves the search for localization of non-stretched entities. The non-classical formulation of the question involves the expansion of reality through consciousness. The problem of communication between extended and non-extended entities is the inability to find the point at which the extended turns into the non-extended. How did Kant overcome this problem? He introduced the concept of the productive capacity of imagination a priori. Thanks to this ability, objects were created that were localized in time. They exist in time, like music. Sound is not a property of an object, and color is not a property of an object. One belongs to the sense of sight, the other to the sense of hearing. Comparing the concepts of desire of Kant and Deleuze, the author concludes that if Deleuze speaks about the scattered existence of an object, Kant speaks about the state of a person. In Kant, desire is associated with the establishment of the object of representations; in Deleuze, it is associated with the dissolution of the desired in such a multiplicity that desire itself disappears. In the first case, there is an opportunity to expand reality; in the second case, it narrows. Kant expands reality through the imaginary. Deleuze, through the principle of immanence, gets rid of the imaginary. The extension of reality through the imaginary does not require knowledge of localization. It needs something else – the appearance of such objects that exist if they are treated as really existing. The article draws attention to the fact that consciousness is not an object localized in space, but a way of influencing a person on oneself in time.

REFERENCES

1. Banizhe, O.N. (2015) Vzaimodeystvie dushi i tela kak osnovnaya problema filosofskoy antropologii [The interaction of soul and body as the main problem of philosophical anthropology]. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4 (4). pp. 71–74.
2. Rostova, N.N. (2020) Aggiornamento of Anthropology: Bridging the Border Between Nature and Culture. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 36 (4). pp. 731–750. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu17.2020.411
3. Puchkov, D.B. (2020) A Refutation of Two Arguments for the Complete Subjectivity of Human Experience. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 13 (3). pp. 97–109. (In Russian). DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-3-97-109
4. Masumi, B. (2020) The autonomy of affect. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 13 (3). pp. 110–133. (In Russian).
5. Miroshnichenko, M.D. (2020) From a frog's eye to the human mind: Transformations of the neocybernetic project in the theory of autopoiesis. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 13 (2). pp. 126–143. (In Russian).
6. Zinchenko, V.P. (2008) Shepot prezhde gub, ili chto predshestvuet eksplozii detskogo yazyka [Whisper before lips, or what precedes the explosion of a child's language]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2. pp. 33–66.
7. Kant, I. (2007) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
8. Kant, I. (1999) *Osnovy metafiziki нравственности* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. Translated from German. Moscow: Mysl'. pp. 1007–1472.
9. Spinoza, B. (2001) *Etika* [Ethics]. St. Petersburg: Azbuka.
10. Girenok, F.I. (2013) *Figury i skladki* [Shapes and folds]. Moscow: Akademicheskii projekt.
11. Nietzsche, F. (2002) *Veselaya nauka* [The gay science]. Translated from German. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Kristall".
12. Deleuze, G. (2001) *Empirizm i sub'ektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu*. *Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and Subjectivity: An Essay on Hume's Theory of Human Nature. Kant's Critical Philosophy. The Doctrine of the Faculties. Bergsonism. Spinoza]. Translated from French. Moscow: PER SE. pp. 145–225.
13. Deleuze, G. (2014) *Spinoza i problema vyrazheniya* [Expressionism in Philosophy: Spinoza]. Translated from French. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.

Received: 01 August 2021

М.Р. Зазулина

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ В СОЦИОЛОГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОГО

Проанализированы закономерности изменения пространственно-временных характеристик социального отраженные в метафорах, которые использует социология. Показано, что смена метафор сопровождается переходом между этапами развития в социологии от классического к неклассическому и постклассическому и репрезентирует закономерность изменений пространственно-временных характеристик социального от первоначального разделения пространства и времени как двух аспектов рассмотрения социальной системы через атрибутирование им противоположных характеристик и до признания принципиальной относительности социальных пространства-времени.

Ключевые слова: метафора; поле; сеть; ризома; социальное пространство; социальное время

В одной из своих программных работ «Структура, знак и игра к дискурсу гуманитарных наук» французский философ-постмодернист Жак Деррида провел широкие параллели между метафизикой и историей Запада. Фактически он поставил знак равенства между метафизикой, западной философией, западной наукой, приравняв историю метафизики к истории запада в целом, а историю смысла – к истории как таковой [1. С. 447]. Аргументировал он это тем, что «мы не располагаем таким языком (таким синтаксисом и лексикой), который был бы чужим для этой истории (истории метафизики. – М.З.)» [1. С. 448].

Тезис Ж. Деррида постулирует наличие общих закономерностей и единых принципов в функционировании различных символических полей, определяющих содержание европейской культуры. Одним из принципов может считаться принцип функционирования дискурсов на основе метафорического переноса или, другими словами, принцип метафорической организации дискурса. Интерпретированные таким образом, «история метафизики, как и история самого Запада, оказываются историей подобных метафор или метонимий», т.е. историей подмен значений и смены наименований [1. С. 447].

Деррида и в целом постмодернисты были первыми, кто показал, что метафора является структурообразующим принципом построения различных дискурсов, таким образом, подчеркнув ее универсальный характер. При этом постмодернисты были не первыми и не единственными, кто выделил метафору в качестве механизма функционирования в дискурсе конкретной науки. В течении XX в. феномен метафоризации научных дискурсов был осознан и изучен представителями самых разных научных дисциплин. В социологии тему организации социальной теории вокруг метафоры рассматривает П. Штомпка [2], в психологии – Дж. Джейнс [3], в философии истории – Ф. Анкерсмит и Х. Уайт [4, 5]. Использование метафор также характерно для точных и естественных наук. Все отмеченные работы рассматривают метафору как необходимый принцип становления и организации научного знания, показывая, что понятие метафоры относится не только к языку, но и к принципам познания вообще.

Нидерландский философ и историограф Ф. Анкерсмит, анализируя принципы историографического

описания и развитие философии истории, не только показывает, что в основе исторического описания лежит использование метафор, но и прослеживает, как выстраивается цепочка эпистемологических доказательств. Анкерсмит приходит к выводу, что наличие метафоры является характерной чертой западной эпистемологии Нового времени, и это утверждение может быть отнесено и к философской эпистемологии, и к принципам историографического описания. Любая эпистемологическая система является метафоричной, т.е. выстроенной вокруг и на основе определенной метафоры. Такую метафору Анкерсмит называет базовой (master-metaphor). Все базовые метафоры, как правило, относятся к одному типу. «Совсем нетрудно сказать нечто более определенное относительно природы этой базовой метафоры. Мы обычно находим в окончании эпистемологического доказательства типичную оптическую или пространственную метафору» [4. С. 393]. Доказательства «постоянной очарованности эпистемологии пространственными и оптическими метафорами» могут считаться такие метафоры, как «глаз» у Витгенштейна, «зеркало природы» у Рорти. Именно такого рода метафоры «всегда определяли характер и содержание эпистемологической мысли» [4. С. 394].

Данная работа посвящена особенностям использования и смены метафор в дискурсе социологии. Будут проанализированы базовые метафоры социального. Процесс их смены будет рассмотрен как составляющая часть смены парадигм социологического описания в рамках перехода от классики к неклассике и постнеклассике в социологическом познании. При этом внимание будет акцентировано на обосновании связи метафоры с пространственно-временными характеристиками социального. Будет показано, как выделенные базовые метафоры связаны с восприятием пространственно-временной организации социального, характерным для каждого этапа развития социологии.

Как часть научного дискурса метафора обладает важными функциональными характеристиками. «Метафора “антропоморфизирует” социальную и иногда даже физическую реальность и, осуществляя это, позволяет нам в истинном смысле этих слов приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своими. И наконец, что является даже более важ-

ным, сама способность метафоры превращать незнакомую действительность в знакомую: метафора всегда предоставляет нам возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной. Проникновение в истину – сущность метафоры» [4. С. 85].

Основная функция метафоры – организующая, она заключается в том, что метафора обеспечивает единство дискурса и делает соотносимыми разные части дискурса между собой и с его целостностью. Характеризуя особенность организации исторического знания, Анкерсмит отмечает: «...только благодаря метафоре, единство и последовательность могли быть атрибутированы прошлому. Метафора осуществляет организацию исторического знания, и эта метафорическая организация предназначена для отражения или воплощения того единства, которое историк пытается обнаруживать в прошлом или спроектировать на прошлое» [4. С. 406]. То есть метафора организует научный дискурс в некое единство, которое позволяет отразить место предмета исследования в едином проблемном поле.

Если следовать мысли Анкерсмита, а также мысли Деррида, изложенной в начале данной статьи, мы можем предположить, что метафора не просто определяет организацию дискурса, а выполняет структурогенерирующую научный дискурс функцию. Именно наличие метафоры запускает формирование дискурса во всей его полноте и сложности: проблемное и предметные поля, система понятий и отношений между ними. Также мы можем говорить о том, что наличие метафоры определяет возможность выдвижения онтологических, методологических и эпистемологических положений, а сами понятия, взятые изначально «по аналогии», в процессе развития теории приобретают то или иное значение. В качестве примера приведем характеристику сетевого подхода в контексте использования метафоры сети в социологии, которую дает отечественный исследователь Е.А. Шенцева: «Определенно можно говорить лишь о том, что сетевой подход исходит (кроме технологических) из ряда предпосылок, имеющих онтологические и эпистемологические аспекты. Первый аспект связан с видением социально-сетевой структуры как новой (безусловно, не единственной) формы организации социального пространства, второй указывает на продуктивность изучения того или иного феномена либо через сеть его взаимодействий, либо в качестве элемента конструируемой сетевой структуры» [6. С. 203].

Мысль о сложном характере связей метафоры со всей системой понятий применительно к социологическому дискурсу развивает П. Штомпка. Его идея заключается в том, что использование той или иной метафоры влечет за собой целый ряд разделений и дихотомий, которые определяют предметное, понятийное и проблемное поля социологии, а также определенные методологические установки. А само развитие социологии характеризуется последовательной сменой нескольких базовых метафор, отражающих понимание сущности общества и принципов его развития [2].

В своей работе П. Штомпка прослеживает, как метафора организма развивается до метафоры системы и затем до метафоры поля. История развития социологии показывает, что практически параллельно с метафорой поля возникает во многом с ней соотносимая метафора сети и, наконец, с некоторыми оговорками можно говорить о том, что следующим звеном в цепочке смены метафор является метафора ризомы.

Коротко охарактеризуем суть каждой метафоры.

Первая метафора в социологии – метафора органическая. В основе ее лежат идеи сходства общества с биологическим организмом и развития общества с процессом эволюции. Использование этой метафоры можно обнаружить у всех «отцов-основателей» социологии: О. Конта, Г. Спенсера, Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма. Впоследствии органическая метафора легла в основу системного подхода и повлияла на становление структурно-функционального анализа. [2. С. 16–21, 97–121] Органическая метафора подчеркивала в первую очередь целостность общества, слаженный, непротиворечивый характер работы его частей и поступательный характер развития социальной системы в целом. Приоритет отдавался статическим качествам системы.

Во второй половине XX в. в качестве базовых метафор в социологии активно стали использоваться метафоры поля и сети, альтернативные системно-органической метафоре. Обе метафоры привлекают внимание к динамическим качествам системы, подчеркивая необходимость мыслить общество текучим и постоянно изменяющимся. Как отмечает М. Кастельс, «морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий» [7. С. 77]. Вот что пишет о метафоре поля П. Штомпка: «Вся социальная реальность представляет собой просто динамику, поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа, и не случайно мы часто говорим о «социальной жизни». Возможно, это более удачная метафора, нежели старый образ материализованного суперорганизма со скрытыми связями» [2. С. 26].

Метафоры поля и сети отсылают к точным наукам, они были взяты непосредственно из физики и математики и кибернетики. Их использование подчеркивает растущее количество взаимосвязей в обществе и размывание границ. Кроме этого, данные метафоры подчеркивают установку на десубъективацию и дематериализацию социальной реальности. Общество все меньше объективируется через группы, сообщества или индивидов и все больше рассматривается через призму ценностей, признаков, идентификаций, носителями которых они являются (по меткому выражению Ю.Л. Качанова, «габитус сменил субъекта»). Но также эти метафоры, особенно метафора сети, отсылают не только к позитивным, но и к негативным аспектам изменчивости, таким как принципиальная неустойчивость и неустойчивость современного общества [8, 9].

Метафора ризомы развивает установки, заданные метафорой сети, но при этом радикализирует их, предлагая еще более сложное видение социальной реальности. Термин был позаимствован из биологии французскими философами-постмодернистами

Ж. Делёзом и Ф. Гваттари и введен в оборот в их работе «Ризома» 1976 г. [10]. Образ ризомы – это символ нецентрализованной органической системы, противопоставляемый образу дерева, выступающего символом централизации и иерархии.

Метафора ризомы подчеркивает принципиальную множественность, децентрацию и неиерархичность в видении социального, нелинейность происходящих в нем процессов, отсутствие постоянных порядков и организаций, перманентную креативную самоорганизующуюся подвижность, максимальную открытость системы. Но подчеркнем, постулирование подобных свойств для Делёза и Гваттари означает и признание возможности их противоположности. Социальное может быть абсолютно разным: и центрированным и децентрированным, и иерархичным и неиерархичным и т.д. И оно может приобретать эти характеристики одновременно в разных своих частях [10]. В рамках такого подхода социальное может трактоваться как принципиальная процессуальность с непредсказуемыми будущими состояниями.

Полноценное использование понятия «ризомы» для описания социальной реальности затрудняется его недостаточной проработанностью и сложным философским языком обоснования. Интерпретаторы отмечают, что «метафора ризомы удобна не как рабочая модель для социологических исследований, а как образ крайне динамичной стохастической реальности, которая продуцирует метаморфозы и стирает грани между предметностью мира» [11. С. 113]. Несмотря на недостаточную разработанность понятия «ризомы», оно все чаще используется как максимально метафорически нагруженное понятие, призванное подчеркнуть особенности функционирования современных социальных пространств: интернет-пространства, пространства медиа, пространства коммуникации, образовательного пространства и современного социокультурного пространства.

В целом и сеть, и поле, и ризома – это типичные пространственные метафоры. При этом, на наш взгляд, во всех этих метафорах сохраняются органичность и эволюционизм, изначально заложенные в представления о социальном. Даже метафоры сети и поля не являются строго механицистскими, а предполагают восприятие общества и социального как живой системы, непосредственно реагирующей на все внутренние и внешние раздражители. Метафора же ризомы сама по себе является фитоморфной.

Однако сам тип органичности, подразумеваемой в этих метафорах, меняется. Самая первая органическая метафора О. Конта была навеяна образами гоббсовского Левиафана – это был органицизм антропоморфного типа. Эта человеко- (или бого-) подобность проявлялась и в четкой структурной (анатомической) локализации социальных элементов и в их функциональной определенности (одним из аспектов которой и выступало представление о непротиворечивости элементов социальной системы, ведь все органы в едином организме теле работают слаженно и не могут вредить друг другу). Последующие метафоры становятся все менее антропоморфными и все более ризомоподобными. Социальная сеть, которая описы-

вает общество, – это некий тканевый органоид, у которого могут реагировать отдельные участки, но при этом отсутствуют четкая функциональная определенность и пространственная локализация, а сама пространственность изменяется (у нее исчезают верх и низ, центр и границы). Таким образом, будучи пространственными, все эти метафоры формируют образ не просто текучего, но живого социального пространства.

Важно подчеркнуть что, изменения в использовании метафор не просто сопровождают изменения в социологической теории. Смена четырех основных метафор: организма, системы, сети (поля) и ризомы – в теоретической социологии наиболее четко (соответствует этапам перехода) маркирует этапы перехода от классики к неклассике и постнеклассике в социологическом познании. Таким образом, смена базовой метафоры в социологии коррелирует с изменением типа научной рациональности в рамках типологии В.С. Степина [12] В рамках классической социологии возникает метафора организма, развивающаяся до понятия и метафоры системы, в неклассической социологии метафора системы трансформируется в метафору поля и сети. В постнеклассической социологии метафора сети трансформируется в метафору ризомы. Смена базовой метафоры выступает однозначным индикатором изменений в социологической теории, означающим смену картин мира и парадигм их описания и объяснения, а также изменения проблемного, понятийного и предметного полей. Сам же дискурс о социальном всегда организован метафорически.

Следующим тезисом, к которому мы обратимся в рамках данной работы, является тезис о том, что дискурс о социальном всегда имеет пространственно-временную организацию, т.е. отражает представления о пространственно-временной организации социального. Эта тема подробно рассмотрена в работах отечественного исследователя Ю.Л. Качанова [13, 14]. Качанов отмечает, что при обращении к понятию социального пространства необходимо учитывать, что социальное пространство (а вместе с ним и социальное время) – это, прежде всего, ментальная конструкция, т.е. некий концепт, который специально создан в поле социологии, чтобы мы имели возможность рассуждать о социальном. «Пространство-время социального мира» – это концепт, который «выступает инстанцией, структурирующей и организующей (в символическом смысле) социологический дискурс» [13. С. 36]. Любой предмет социологии мы мыслим в форме пространства-времени. Предметность, концептуализация и проблемное поле социологии возникают только как результат придания пространственных и временных характеристик, которые в качестве системы координат задают направление нашего мышления о социальном и позволяют мысленно расположить все предметы относительно друг друга.

При этом пространство и время отсылают к противоположным понятиям. «В качестве *ratio agendi* – основания исследовательской деятельности, конструирующей социальный мир, – пространство мыслится как отношения (взаимного расположения) элементов

конструкции, а время – как их последовательность» [13. С. 37]. В классическом понимании категория пространства отсылает к таким характеристикам, как упорядоченность и структурированность. Во-первых, пространственность помогает осознать различие, данное в виде социальных отношений (а социальное отношение изначально существует как различие, т.е. дистанция между сторонами). Во-вторых, она позволяет нам зафиксировать взаимную соотнесенность и различие предметов в виде некой организации. Таким образом, структурирование социальной действительности всегда происходит в виде ее опространствливания, фиксирующего и организующего социальные различия. Напротив, категория времени отсылает к таким характеристикам, как изменчивость, процессуальность.

Как такового социального пространства, пустого и универсального, не существует. Структура социального пространства всегда обусловлена социальными отношениями, которые, собственно, и фиксируются в виде организации сходств, различий, близости, дистанции, упорядоченности, изменчивости. Специфика отношений может лежать в основе выделения специфических социальных пространств. И наоборот, социальные отношения не существуют в пустом или ограниченном пространстве. Каждое социальное отношение между двумя социальными сущностями всегда представляет собой пространственно-временной интервал и соседствует с другими такими же социальными отношениями, образуя вместе пространственно-временную целостность. Таким образом, упорядоченность и изменчивость выступают основными топикотемпоральными характеристиками сущих социального мира. При этом «ни пространственность-упорядоченность, ни временность-изменчивость, взятые сами по себе, изолированно друг от друга, не исчерпывают вариацию социальных различий» [13. С. 45]. Всестороннее и полное описание социального мира возможно только при использовании обеих членов этой дихотомии.

Проблема заключается в том, что само пространство-время социального мира является «непроблематизируемой предпосылкой социологического дискурса» [13. С. 37], оно не может быть объективировано и представлено с помощью «классических» социологических средств и требует философского обоснования. Объяснение, которым пользуется социология, является кантианским. Причем преимущественно кантианским оно остается и для неклассической социологии. В основе кантианского объяснения лежит признание пространства и времени в качестве априорных форм человеческого восприятия. Пространство и времени выступают в качестве основания всеобщей системы «отношений вещей вообще», «условия возможности явлений» [15. С. 78]. Во-первых, это означает, что в человеческое восприятие «встроен» определенный механизм, который все воспринимает в первую очередь имеющим пространственные и временные характеристики. Как бы мы не старались, мы не можем обойти этот механизм, он априорен, т.е. не определяется нашим опытом, а наоборот, определяет то, каким является наш опыт, в том числе социальный. Поэтому

мы все воспринимаем пространственно (и временно). Мы можем мыслить социальное пространство каким угодно: статичным, текучим, непрерывным и дискретным, но мы не можем не мыслить социальное пространство. То же самое касается и времени. Во-вторых, это утверждение акцентирует внимание на том, что наше восприятие и наше знание всегда организованы в форме системы [16]. То есть и пространство и время вместе образуют систему, определяющую наше восприятие социального.

Для социологии, пытающейся выстроить и объяснить картину социального мира, такой подход имеет несколько последствий. Концепт социального пространства-времени оказывается двойственным. Он одновременно выступает и истоком дискурса о социальном, и его предметом. То, что мы вообще мыслим социальный мир в категориях пространства-времени, – это условие а priori нашего мышления о социальном вообще. Но то, как мы это делаем, т.е. каким образом мы мыслим социальное пространство/время, – это характеристика а posteriori. Она не является произвольной, а обусловлена одновременно реальными социальными отношениями и видением картины социального мира в целом (т.е. состоянием поля научных понятий). С такой точки зрения видение социального пространства-времени всегда имеет конкретно-исторические черты и может трансформироваться.

В результате мы имеем два тезиса. Во-первых, тезис о метафоризации научного дискурса применительно к социологии: метафорический принцип организации выступает неотъемлемым свойством дискурса социологии и реализуется через цепочку сменяющихся базовых метафор социального. Во-вторых, тезис о пространственно-временной структуре научного дискурса. В данном контексте отметим, что сам феномен метафоризации может трактоваться как следствие непроблематизируемости и необъективированности пространства-времени: они никогда (даже в научном дискурсе) не даются прямо, а всегда лишь более-менее опосредованно – в виде базовой метафоры.

Сочетание двух изложенных тезисов позволяет нам утверждать, что использование метафоры всегда и в первую очередь репрезентирует представление о пространственно-временной организации социального. Фактически речь идет о том, что метафора определяет не только проблемное и предметное поля или существование дихотомий. Ее использование подразумевает атрибутирование социальному определенным пространственно-временным характеристикам. С такой точки зрения можно продолжить тезис Анкерсмита о пространственном характере базовой метафоры (хотя он и не проблематизирует его таким образом), задав вопрос: почему базовая метафора является пространственной? – Метафора является пространственной, потому что она репрезентирует априорную форму нашего восприятия (которая по своей сути является пространственной).

Говоря другими словами, еще одним важным свойством базовой метафоры в социологии является ее пространственно-временная характеристика. Поскольку пространственно-временные характеристики социального не даны нам напрямую, а лишь через

использование метафоры, то и выбор базовой метафоры обусловлен теми пространственными и временными свойствами, которые имплицитно приписываются социальному миру. Таким образом, мы можем анализировать науку на предмет метафоричности ее языка, а метафоричность анализировать с точки зрения пространственно-временных отношений, маркером которых она является.

Выделим основные закономерности изменений пространственно-временных характеристик социального, сопровождаемых сменой базовой метафоры.

Органическая метафора положила начало выделению и противопоставлению двух типов методологических процедур, описанных О. Контом: «...поиска законов сосуществования (выяснения, почему определенные социальные феномены неизменно появляются вместе) и выявления, в противовес им, законов следования (установления, почему определенные социальные феномены неизменно либо предшествуют, либо возникают вслед за другими)» [2. С. 19–20]. В результате следствием установки на необходимость применения к социальному различным исследовательским процедурам стало выделение в рамках социальной целостности пространственных и временных аспектов, что, в свою очередь, привело к созданию целого ряда схожих дихотомий: синхрония/диахрония, статика/динамика, структура/функции и т.д. Смысл всех этих противопоставлений сводился к выделению при исследовании социального пространственных и темпоральных аспектов. Таким образом, не только оказались разделены пространство и время, но само социальное стало мыслиться разделенным. В зависимости от целей исследования социальное могло рассматриваться либо структурно, либо динамически. При этом приоритет в изучении изначально отдавался изучению структуры, т.е. пространственным характеристикам: общество исследовалось с точки зрения его элементов, частей, «социальных фактов», институтов. Изучение развития социальной системы во времени, т.е. ее динамики, предполагало вычленение отдельных состояний/срезов социальной структуры, которые мыслятся последовательными и скрепленными «пустыми» временными интервалами.

Дальнейший процесс развития социологической теории проходит в направлении усложнения представлений о его пространственно-временной организации социального. Так, в рамках теории систем пространство и время продолжают мыслиться отдельно, но представляются все более сложными. Пространство концептуализируется в виде социальной структуры, оно представляется статичным, но усложняется и в плане количества составляющих элементов, и в их функциональной определенности. Иерархия элементов представляется все более сложной.

Также происходит усложнение в представлениях о времени, которое начинает осмысляться с точки зрения различных перспектив, таких как цикличность/линейность, ритмичность, ориентированность на прошлое и будущее и пр. Таким образом, время фактически осмыляется как относительная величина,

тесно связанная с сущностью социальных процессов и конкретно-историческими характеристиками.

Использование метафоры сети коррелирует с приобретением социальными пространством и временем качественно новых черт. Изменения происходят по следующим направлениям:

– Усложнение видения социального пространства приводит к признанию его топологичности, интерпретируемой как множественность, неоднородность, многослойность, многоцентричность и конвертируемость различных пространств. Подобное представление дополняет ранее сложившиеся представления о социальном пространстве как о сложной структуре, включающей различные подуровни, для которых характерны функциональная определенность и иерархические отношения. Единое социальное пространство не просто распадается на множество пространств, существующих параллельно (лучшим примером такой картины социального мира, конечно, является социальная топология П. Бурдьё). Новая пространственная организация подразумевает неоднородность пространства, которое отныне включает в себя не только «поля» взаимоотношений, но лакуны, сложные узлы множественных соединений, скрытые места (в качестве примера приведем концепты «hinterland» Дж. Ло [17], или «структурных дыр» Р. Берта [18]).

– Невозможность обнаружения единого истока приводит к проблеме отсутствия фундаментальных оснований и пересмотра статуса причинно-следственных связей. В складывающейся социальной организации «ни одно свойство любой части этой паутины (вселенной) не является фундаментальным; все они вытекают из свойств других частей, и общая согласованность их взаимосвязей определяет структуру всей паутины» [19. С. 43]. Каузальность и детерминированность сохраняются, но видоизменяются, выстраиваясь в сложную сеть взаимообусловленных связей. Сетевое пространство – это социальная организация без глубины, дна и фундаментальности, замкнутая на себя, словно уроборос.

– Изменяется понимание границ социального пространства. По мнению исследователей, «...отличие метафоры системы от метафоры сети заключается в том, что границы между системой и внешней средой хоть и считаются проницаемыми для воздействия, но все же существуют как черта отделения системы от внешнего мира. Метафора сети более динамична, она снимает проблему преодоления границ и вводит ощущение децентрации изучаемого пространства» [11. С. 110].

Признание всех этих свойств социального пространства ставит вопрос о переопределении критериев социальной целостности. Такие характеристики, как границы, центр, элементы, которые ранее обеспечивали возможность мышления социальной системы в качестве целого, теряют статус системообразующих. Основными системообразующими характеристиками становятся процессуальность и изменчивость, соответственно, социальная целостность начинает мыслиться не структурно, а процессуально. Это означает, что система в качестве целостности не определяется

больше через свои границы, так же как не определяется через единство структурных элементов. Целостность системы начинает определяться через единство процесса. Система – это место, где происходит процесс. Если элементы вовлечены в один процесс то они являются элементами одной системы.

Как мы видим, происходит постепенная смена системообразующих характеристик: «классические» пространственные характеристики теряют этот статус, зато его приобретают характеристики, которые до этого относились к темпоральным. На наш взгляд, этот момент является крайне важным для понимания логики происходящих изменений. Наделение пространства такими характеристиками, как текучесть, изменчивость, процессуальность, означает атрибутирование ему характеристик, которые до этого приписывались времени. Пространство прочитывается так же, как раньше прочитывалось время. Сама возможность фиксации какого-то состояния структуры теперь воспринимается как условность, методологическое и эпистемологическое допущение – ведь изменения в отдельных элементах системы никогда не прекращаются.

Восприятие времени также подвергается изменениям. Оно перестает восприниматься как пустой интервал между состояниями структуры. Напротив, длящиеся социальные процессы (например, затянувшаяся социальная трансформация), вполне могут интерпретироваться как состояния системы, т.е. как ее постоянная неизменная характеристика. «Способность времени разбиваться на времена и в то же время сохранять жесткое единство, подобно тому, как это происходит с пространством, создает условие возможности для образования коммуникационной “сетевой ткани”» [20]. Сети коммуникаций оказываются результатом сегментирования пространства и времени, которое происходит параллельно, но не обязательно является равномерным.

Можно полагать, что изменение характеристик социального пространства и времени и смена системообразующих характеристик приводят к тому, что социальная теория получает возможность бесконечной переинтерпретации категорий пространства и времени. Это означает, что все характеристики при необходимости могут быть отнесены и к социальному пространству, и к социальному времени, а характеристики, изначально принадлежащие пространству и времени, могут быть атрибутированы друг другу. Очевидно, что такая ситуация может трактоваться как признание относительности социального пространства и времени, которая постепенно начинает выступать методологической и эпистемологической установкой социальной теории.

В целом траектория понимания пространственных и временных характеристик социального может быть описана следующим образом: от первоначального разделения пространства и времени как двух аспектов рассмотрения социальной системы – через усложнение их понимания и атрибутирование им противоположных характеристик – до признания принципиальной относительности социальных пространства времени. Современные взгляды на пространство и время

можно интерпретировать, как попытку соединить воедино прежде разделенные аспекты социального, придав социальному пространственно-временную целостность. На данном этапе достигается это путем атрибутирования пространству и времени свойств, которые изначально не были им присущи. Относительность характеристик социальных пространства и времени можно рассматривать как характерную черту постнеклассической социологии.

Сопоставление особенностей смены в цепочке базовых метафор с изменением взглядов на социальное пространство-время позволяет сделать следующие выводы.

Мы мыслим социальную реальность всегда в пространственно-временных координатах. Но сама связь пространства и времени обладает конкретно-историческими характеристиками. Это проявляется в разных метафорах социальной реальности, в которых различные аспекты пространства и времени выражены с разной силой.

Смена метафор сопровождает переход между этапами развития в социологии от классического к неклассическому и постклассическому, и репрезентирует закономерность изменений пространственно-временных характеристик социального от первоначального разделения пространства и времени как двух аспектов рассмотрения социальной системы через атрибутирование им противоположных характеристик и до признания принципиальной относительности социальных пространства-времени.

Представления о дискретности пространства-времени и структурно-функциональной определенности социального репрезентируются в метафоре антропоморфного организма, призванной подчеркнуть непротиворечивую целостность и законосообразность социального.

Представления об относительности пространства-времени и сложной топологической структуре социального репрезентируются в метафоре живого (органического) неантропоморфного текучего пространства.

В представлении о социальном, несмотря на все изменения пространственно-временных характеристик, остаются постоянные черты, сохраняющиеся на всех этапах и выступающие в качестве критериев топологической устойчивости: 1) социальное мыслится целостностным и организованным (при этом понимание границ и оснований этой целостности, так же как и принципов организации, исторически меняется; социальное, которое изначально мыслилось преимущественно структурно организованным, теперь мыслится процессуально организованным); 2) социальное мыслится двойственным, возникающим на пересечении пространственно-временной соотнесенности, соответственно, обладающим пространственными и временными характеристиками. Наличие этих черт является отражением установки на то, что на всех этапах социальное мыслится как система.

На уровне метафор эти черты воспроизводятся в виде представлений о социуме не просто как о системе, а как о «живой» системе. Метафоры сети и поля, по сути, предполагают видение такого пространства взаимоотношений, которое чутко реагирует на проис-

ходящие внутри себя изменения и в зависимости от этого меняет расклад сил. Метафора ризомы, будучи фитоморфной, прямо отсылает к организму-растению. В результате метафора социального все время продолжает оставаться системной, органической и эволюционной. При этом базовая метафора в дискурсе социологии пока сохраняет свой пространственный характер, даже при том, что социальному пространству атрибутируются изначально темпоральные характеристики.

Изменения в видении социальных пространства и времени в направлении их усложнения продолжают непрерывно. В то же время существуют периоды, когда базовая метафора, несмотря на эти изменения, сама не меняется. При этом постепенно меняется ее содержание и содержание всех связанных понятий. Ж. Деррида отмечает, что для функционирования метафор характерны «износ» и «стирание» изначального смысла, а также приобретение «добавочной лингвистической стоимости». «История метафизического языка как будто смешивается со стиранием его действительности и износом его изобразительности» [21. С. 243]. Связано это, очевидно с природой метафорического: метафора содержит возможность быть наполненной некоторым содержанием, а потом изменить его, т.е. неким объемом и эластичностью.

Смена метафоры происходит в момент, когда нужный образ появляется в соседних дисциплинах либо когда появление новых феноменов актуализирует методы и понятия, которые до этого развивались в рамках одного из множества теоретических направлений. Концептуализация с помощью новых базовых метафор каждый раз позволяет перейти к рассмотрению новых качеств социальной системы, принципиальных для ее нового состояния. При этом каждое из понятий, изначально взятое «по аналогии», проходит путь от чисто метафорического к онтологическому, эпистемологическому и методологическому использованию.

Дискурс социальных наук может рассматриваться как системный дискурс о социальной системе, которая включает в себя пространственно-временную организацию и репрезентируется в метафоре социального, имеющей конкретно-исторический характер и отражающей специфический (исторически сложившийся) тип социальной организации.

Выражаясь метафорически, мы всегда смотрим на мир сквозь «метафорические очки». Это подразумевает, что для наилучшего понимания окружающего нас мира мы должны анализировать научный дискурс на предмет метафоричности его языка, а метафоричность анализировать с точки зрения пространственно-временных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук. Письмо и различие. М. : Академический проект, 2000. С. 445–466.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект пресс, 1996.
3. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston; New York : Mariner Books, 2000.
4. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
5. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
6. Шенцева Е.А. Ризомы vs сеть // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 202–210.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
8. Василькова В.В. «Текущая современность»: базовые параметры неопределенности // Мир человека: неопределенность как вызов. Серия: Синергетика: от прошлого к будущему. М., 2019. С. 146–158.
9. Яковлева Е.Л., Селиверстова Н.С., Григорьева О.В. Концепция электронного кочевника: риски развития цифровой экономики // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 4. С. 226–241.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризомы // Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург, 2010.
11. Отрешко Н.Б. Теоретические метафоры социальной реальности в современной социологии // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2009. Т. 14, № 13. С. 107–114.
12. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. : Мирь, 2009. С. 249–295.
13. Качанов Ю.Л. Пространство-время социального мира в постструктуралистской перспективе // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6, вып. 1 (21). С. 33–46.
14. Качанов Ю.Л. Эпистемология социальной науки. СПб. : Алетей, 2007.
15. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1999.
16. Агошкова Е.Б., Ахлибининский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.
17. Law J. After Method: Mess in Social Science Research. Routledge : Taylor and Francis Group, 2004.
18. Burt R. The Social Capital of structural holes // New Directions in Economic Sociology. N.Y. : Russel Sage Foundation, 2001. P. 201–246.
19. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Киев : София ; Москва : София, 2003.
20. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56–66.
21. Деррида Ж. Белая мифология. Метафора в философском тексте. Поля философии. М. : Академический проект, 2012. С. 242–311.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 4 апреля 2021 г.

Master Metaphors in Sociology as a Representation of the Spatio-Temporal Characteristics of the Social

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 73–80.

DOI: 10.17223/15617793/471/8

Mariia R. Zazulina, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zamashka@yandex.ru

Keywords: metaphor; field; network; rhizome; social space; social time.

The article analyzes the trends and patterns of changes in the spatio-temporal characteristics of the social reflected in metaphors used by sociology. Master metaphors of the social are analyzed: the organism, the field, the network, the rhizome. The article shows

that all of them are spatial metaphors. In all these metaphors, the organic and evolutionist nature that was originally laid down in the ideas of the social is preserved. However, the very type of organicity implied in these metaphors is changing: the metaphors are becoming less anthropomorphic and more rhizomorphic. While remaining spatial, all these metaphors form the image of not just a fluid, but a living social space. The change in the master metaphor in sociology correlates with the change in the type of scientific rationality. Within the framework of classical sociology, the metaphor of the organism emerges and develops into the concept and metaphor of the system; in non-classical sociology, the metaphor of the system is transformed into the metaphor of the field and the network; in post-non-classical sociology, the metaphor of the network is transformed into the metaphor of the rhizome. The article focuses on the connection between the metaphor and the spatio-temporal characteristics of the social. The author infers that the change of metaphors represents a change in the spatio-temporal characteristics of the social: from the initial division of space and time as two aspects of the consideration of the social system – through the attribution of opposite characteristics to them – and to the recognition of the fundamental relativity of the social space-time. Ideas about the space-time discreteness and the structural-functional certainty of the social are represented in the metaphor of an anthropomorphic organism. This metaphor is designed to emphasize the consistent integrity and lawfulness of the social. Ideas about the space-time relativity and the complex topological structure of the social are represented in the metaphor of an organic non-anthropomorphic fluid space. The author also focuses on the fact that, at all stages of the development of sociology, the social is conceived as integral and organized, and has spatial and temporal characteristics. These qualities serve as topological stability criteria and set the basis for thinking of the social as a system, but the foundations of this integrity, the principles of organization, and the topic-temporal characteristics have a concrete historical character and can change. At the level of metaphors, “system” features are reproduced in the form of ideas about society, not just as a system, but as a “living” system. At the present stage of the development of sociology, the basic metaphor still retains its spatial character, but the characteristics inherent in time are attributed to social space.

REFERENCES

1. Derrida, J. (2000) *Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk. Pis'mo i razlichie* [Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences. Writing and Difference]. Translated from French. Moscow: Akademicheskiiy proekt. pp. 445–466.
2. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [The sociology of social change]. Moscow: Aspekt press.
3. Jaynes, J. (2000) *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Boston; New York: Mariner Books.
4. Ankersmit, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology: the rise and fall of metaphor]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Translated from English. Yekaterinburg: Ural State University.
6. Shentseva, E.A. (2015) Rizoma vs set' [Rhizome vs network]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 202–210.
7. Kastel's, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Informational era: economy, society, and culture]. Moscow: HSE.
8. Vasil'kova, V.V. (2019) “Liquid Modernity”: Basic Parameters of Uncertainty. In: *Mir cheloveka: neopredelennost' kak vyzov* [Human World: Uncertainty as a Challenge]. Moscow: Lenand. pp. 146–158. (In Russian).
9. Yakovleva, E.L., Seliverstova, N.S. & Grigor'eva, O.V. (2017) Concept of Digital Nomad: Fundamental Risks of Digital Economy Development. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 11 (4). pp. 226–241. (In Russian).
10. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *Rizoma* [Rhizome]. In: Kuznetsov, V.Yu. (ed.) *Kapitalizm i shizofreniya: Tysyacha plato* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French. Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'.
11. Otreshko, N.B. (2009) Teoreticheskie metafory sotsial'noy real'nosti v sovremennoy sotsiologii [Theoretical metaphors of social reality in modern sociology]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiya i politichni nauki*. 14 (13). pp. 107–114.
12. Stepin, V.S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika [The classical, the non-classical, the post-non-classical]. In: *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [The post-non-classical: philosophy, science, culture]. St. Petersburg: Mir'. pp. 249–295.
13. Kachanov, Yu.L. (2004) Prostranstvo-vremya sotsial'nogo mira v poststrukturalistskoy perspektive [Space-time of the social world in the post-structuralist perspective]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 6:1 (21). pp. 33–46.
14. Kachanov, Yu.L. (2007) *Epistemologiya sotsial'noy nauki* [Epistemology of social science]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Kant, I. (1999) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Nauka.
16. Agoshkova, E.B. & Akhlibinitskiy, B.V. (1998) Evolyutsiya ponyatiya sistemy [Evolution of the concept of a system]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 170–179.
17. Law, J. (2004) *After Method: Mess in Social Science Research*. Routledge: Taylor and Francis Group.
18. Burt, R. (2001) The Social Capital of structural holes. In: Guillén, M.F. & Collins, R. (eds) *New Directions in Economic Sociology*. N.Y.: Russell Sage Foundation. pp. 201–246.
19. Capra, F. (2003) *Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivyykh sistem* [The web of life. A new understanding of living systems]. Translated from English. Kyiv: Sofiya; Moskva: Sofiya.
20. Nazarchuk, A.V. (2012) Sotsial'noe vremya i sotsial'noe prostranstvo v kontseptsii setevogo obshchestva [Social time and social space in the concept of a network society]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 56–66.
21. Derrida, J. (2012) *Belaya mifologiya. Metafora v filosofskom tekste. Polya filosofii* [White Mythology: Metaphor in the Text of Philosophy. Margins of Philosophy]. Moscow: Akademicheskiiy proekt. pp. 242–311.

Received: 04 April 2021

О.А. Персидская

КОГЕРЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ТОПИКАХ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА И БЕСПОРЯДКА: К КОНЦЕПТУ ИНТЕРСТИЦИАЛЬНОГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Значительная часть теорий социальной философии, описывая подходы к когерентности социальных процессов, имплицитно обосновывает структуры, которые сформировались в соответствии с идеей социального порядка. Для расширения арсенала социальных наук предложено обратиться к топике социального беспорядка. Как пример теории, допускающей беспорядок, приводится подход М. Манна и концептуализированный им феномен интерстициального возникновения. Подход эвристичен для выявления факторов и закономерностей социальной динамики и способен дать особую интерпретацию течению социальных процессов.

Ключевые слова: социальная философия; теории социальных наук; когерентность социальных процессов; социальный порядок; социальный беспорядок; интерстициальное возникновение; М. Манн

Введение. В общем плане когерентность определяется как принцип, в соответствии с которым все существующее находится во взаимосвязи. В социальной философии представление о когерентности социальных процессов имеет отношение к убеждению о наличии всеобщей взаимосвязанности и взаимозависимости элементов социальной среды и процессов макро- и микроуровней, протекающих в ней. Когерентность является отправной точкой для большинства социальных теорий, так как невозможно описать общество как целое без того, чтобы не обозначить параметры и механизмы согласованной связи его элементов.

Анализируя принцип, на основании которого социальные теоретики выстраивают свои подходы и как описывают когерентность социальных процессов, можно заметить, что значительная часть построений на абстрактном уровне восходит к идее социального порядка. Эта идея является прологом к тому, чтобы помыслить общество как феномен, части которого находятся в процессе непрерывной подгонки друг к другу, в процессе постоянного *упорядочивания* элементов в рамках целого для улучшения функционирования всей системы общества. При этом элементы, грозящие системе разрушением ее целостности, зачастую рассматриваются как нечто дисфункциональное и аномичное – иначе говоря, как социальный беспорядок. Рассмотрим некоторые конкретные примеры таких теорий.

Теории социального порядка в формировании представлений об обществе. К представителям «теорий социального порядка» [1] можно отнести, например, Т. Гоббса, который, исходя из пессимистичного взгляда на сущность человечества, предложил решить проблему достижения социального порядка через учреждение доминирующей политической инстанции – государства. М. Вебер выводит социальный порядок, основанный на регулярности (и воспроизводимости) социального действия из нормативных представлений, которые регулируют способы достижения индивидами своих целей. Устойчивость порядка возможна лишь в случае легитимности его оснований, которая достигается за счет сочетания привычки, обычая, целерациональной составляющей действия и престижа: «Порядок, устойчивость кото-

рого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению (наиболее распространенный тип внутреннего отношения). Однако последний еще несравненно более лабилен, чем порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения, то есть чем порядок, обладающий “легитимностью»» [2. С. 478]. Т. Парсонс видит решение проблемы порядка в интересубъективно значимой системе ценностей, причем даже целерациональное действие актора формируется с оглядкой на нее. Важно, что у Т. Парсонса институты выступают в качестве нормативных образцов или комплексов норм, предписывающих индивидам способы поведения, и тем самым через общее для всех видение мира создается общественный порядок [3].

В теории социокультурной динамики П.А. Сорокина когеренция (coherence) определяется как необходимое условие для формирования логикосмысловых интеграционных связей социокультурного единства. Такая связь социальных структур в рамках единой социокультурной системы является высшей формой интеграции, «сверхинтеграцией». П.А. Сорокин приводит свою иерархию уровней социокультурной интеграции: к низшему уровню относится солидаризация, основанная на подчинении, или причинная сплоченность, а на высшем – солидаризация в форме согласованности [4. С. 42]. Не сложно заметить, что, к какому бы уровню ни относилась социокультурная система, ключевые параметры, которые присущи ей – это солидарность, сплоченность, причастность, интеграция, то есть характеристики, имеющие отношение скорее к порядку, чем к беспорядку.

Анализ приведенных и других социальных теорий позволяет сделать заключение о том, что идея социального порядка является одной из центральных в социальной философии и имплицитно влияет на представление об обществе у значительной части социальных теоретиков. Таким образом, теории и концепции выстраиваются вокруг определения условий становления и устойчивого существования порядка, а также описания его различных форм.

Статус социального беспорядка для общественных теорий. В то же время значительно меньшее внимание уделяется разным видам дисфункциональности, экстерналии и прочим непреднамеренным социальным последствиям самого порядка [1. С. 142]. Наиболее часто встречаются два способа, которыми в социальном теоретизировании решается проблема социального беспорядка. В соответствии с первым, он трактуется как «социальная аномия, состояние атомизации общества, разрушения установленных ранее норм и правил солидарной общественной жизни, возвращение к состоянию “социальной безнормальности”» [5]. Такой подход предполагает, что беспорядок должен быть преодолен, а общество рано или поздно вернется к состоянию порядка. Здесь социальный беспорядок в основном находится вне границ теоретико-методологического осмысления. Второй способ имеет отношение к пересмотру конкретной теории общества – раз она не может объяснить тех или иных явлений и вынуждена отнести их к области непонятного, непредсказуемого, непрогнозируемого (или, в соответствии с логикой данной статьи, к области беспорядка), следовательно, теория недостаточно адекватна и требует уточнения. Таким образом, если при реализации первого способа тема социального беспорядка явно уступает теме порядка в объеме и глубине теоретико-методологической рефлексии, то при втором беспорядок вообще лишается самостоятельного онтологического статуса.

Однако существуют подходы, в которых социальный беспорядок находится практически в центре теоретической схемы. Автором одного из таких подходов является знаменитый американский и британский макросоциолог, продолжатель неовеберовской традиции, доктор философии, профессор Майкл Манн.

М. Манна можно отнести к сторонникам условной теории «путаницы и недоразумений» («cock-up-foul-up theory») [6], так как в своем подходе к описанию социальных процессов особое место он оставляет воле случая. Даже говоря о факторах генезиса государства, он заключает: «Государство – это не сговор, а путаница... Государство есть не нечто функциональное, а сплошное недоразумение» [7. Р. 53].

В теоретико-методологическом плане исследователь еще более провокативен: описывая социальные процессы, он, по сути, отказывается от понятия общества как от исходной онтологической категории, перенося фокус своего анализа на отношения между сложно организованными сетями власти (отметим, что он использует понятие «power», которое по смыслу шире, нежели, например, authority, rule, domination или control). М. Манн определяет власть как способность достигать своих целей через овладение окружающей средой, в том числе социальной, и считает ее основным фактором развития обществ. Общества, по М. Манну, конструируются множеством наславляющих друг на друга и пересекающихся сетей власти.

Таким образом, центральным понятием у исследователя выступает понятие власти. Именно с ее перераспределением М. Манн связывает возникновение беспорядка в упорядоченных институализированных процессах. Условно его теорию можно рассматривать

с двух сторон. Во-первых, представляют интерес положения о четырех источниках социальной власти, отражающие параметры институционализации общественных отношений: опираясь на них, исследователь формирует каркас представлений о том, как в обществах формируется *порядок*. Во-вторых, важнейшую часть теории представляет описание «интерстициального возникновения», которое обеспечивает основания для введения в теоретическую схему представлений о перестройке системы, а в наших понятиях – о *беспорядке*. Начнем с краткого описания основных положений теории, касающихся упорядоченных институализированных отношений.

Теоретико-методологические основания теории М. Манна: источники социальной власти. М. Манн указывает, что «крупнейшими являются сети идеологической, экономической, военной и политической власти – четыре источника социальной власти» [8. С. 66], и прослеживает их взаимоотношения и влияние на социальную динамику разных обществ на протяжении значительных исторических периодов, опираясь на широкий ряд источников и детально разработанный теоретико-методологический подход.

Военную власть М. Манн определяет как социальную организацию концентрированного (т.е. мобилизованного и сфокусированного) летального насилия. Существование данного типа власти обусловлено необходимостью организации физической силы для целей защиты и нападения. Военная организация, представляя собой концентрированное принуждение, реализуется не только на поле боя или в военной кампании, но и институализируется в некоторых формах социального взаимодействия в мирное время. К милитаристским формам социального контроля, реализуемым в мирное время, М. Манн относит принудительный труд (примеры: барщина, рабство).

Под политической властью он понимает централизованную территориальную регуляцию общественной жизни, подразумевая, что территориально-пространственной формой обладает только государство. Так как политическая власть с необходимостью централизована и локализована, политические отношения могут затрагивать только одну область – центр, в отличие от идеологического, экономического или военного источников власти, которые включаются в любые социальные отношения вне зависимости от расположения [9. С. 65]. При этом в «насильственных» (по выражению исследователя) государствах различие между политической и военной властью стирается, они сливаются.

Экономическая власть осуществляется через «социальную организацию извлечения, трансформации, распределения и потребления объектов природы». Классы, под которыми М. Манн понимает исключительно «группировки, организующиеся вокруг этих задач» [8. С. 61], формируют большую часть отношений, связанных с социальной стратификацией, хотя и не являются, по М. Манну, марксовским «локомотивом истории».

Одна из отличительных особенностей идеологической власти состоит в том, что она распространяется на более широкие социальные пространства, чем

остальные источники власти, олицетворенные государствами, армиями или способами экономического производства. Идеологическая власть «объясняет и отражает аспекты социальной жизни, которые существующие доминирующие институты власти... не объясняют и не организуют эффективно». Идеологическая власть объединяет понятия и категории, придающие смысл мировосприятию, нормы морали, а также эстетические и ритуальные практики.

Власть с наибольшей эффективностью реализуется там, где есть доступ к ресурсам и средствам их организации: логистике, инфраструктуре, распределению. Соответственно, наиболее полно развивается тот социальный процесс, что организован лучше прочих и обеспечивается в рассматриваемом периоде максимумом ресурсов. Поэтому допустимо трактовать источники власти М. Манна как социальные процессы, интерпретированные с акцентом на отношения доминирования и подчинения в рамках ресурсного подхода. Важно, что упорядочивание отношений власти в каждом из источников и между ними приводит к тому, что со временем эти отношения приобретают устойчивую форму в социальных институтах, т.е. обеспечивают социальный *порядок*.

Беспорядок в упорядоченных процессах: роль интерстициального возникновения в институализированных социальных отношениях. Тем не менее в своей теоретической схеме М. Манн далек от идеализации и признает, что разделение источников власти (или изолированное рассмотрение социальных процессов) недопустимо: автономных (сугубо политических, социальных, идеологических, военных) процессов в реальности не существует. Каждый социальный процесс, как правило, находится в сложном взаимодействии с другими, поэтому каждый институт или организация являются результатом смешивания нескольких источников власти. И именно это смешение и приводит к тому, что внутри упорядоченных и институализированных социальных процессов начинает зарождаться новый элемент, который в теории М. Манна носит название «интерстициальное возникновение» (Interstitial Emergence).

Вообще прилагательное «интерстициальный» имеет отношение к медицине. Им обозначается процесс образования соединительных клеток в структуре сплошной ткани паренхиматозных органов. Если процесс образования таких клеток имеет патологическую природу, то он может привести к интерстициальным нефритам, миокардитам, пневмониям. По-видимому, метафору можно истолковать, если под работающим органом понять некоторый социальный процесс или институализированный источник власти, а под интерстицией – инородное образование, развивающееся в его структуре. Действительно, интерстициальное возникновение обозначает феномен, которым М. Манн описывает начало процесса перестройки устоявшихся социальных процессов и институтов, т.е. переход от порядка к беспорядку.

Источником интерстициального возникновения является трансформация человеческих целей в организационные средства, а результатом – возникновение конкурирующих конфигураций в рамках суще-

ствующих институализированных сетей власти. М. Манн пишет, что «общества никогда не были в достаточной степени институализированными для предотвращения интерстициального возникновения. Человеческие существа создают не унитарные общества, а разнообразие пересекающихся сетей социального взаимодействия. Наиболее важные из них оформлены относительно стабильно вокруг четырех источников власти в любом социальном пространстве. Но их основу составляют люди, активно ищущие средства для достижения своих целей и формирующие новые сети, расширяющие старые» [8. С. 49].

То, что М. Манн акцентирует роль не института, а целеполагающего человека как основного движителя социальных изменений, реализуемых через интерстициальное возникновение, не случайно. Он подчеркивает, что люди являются социальными, а не социальными существами, тем самым распределяя исследовательское внимание между изучением упорядоченных и стабильных институализированных взаимодействий и рассмотрением социальных, которые, хотя и включают в себя рациональное начало, но часто могут быть спонтанными, непреднамеренными и неожиданными. Люди в процессе реализации своих целей формируют бесконечные множества отношений, формализация которых в рамках социальной теории невозможна и бессмысленна. Тем не менее именно на этом микроуровне взаимодействий закладываются основы для интерстициальных изменений, способных впоследствии существенно преобразовать упорядоченные социальные институты. Необходимость учета одновременно обозначенных микро (человеческих) и макро (институциональных) взаимодействий ставит исследователя перед необходимостью найти свой «срединный путь» в рамках теории. М. Манн решает это затруднение за счет принятия допущения о том, что многообразие социальных отношений, возникающее «вокруг наиболее мощных организационных средств», постепенно упорядочивается, объединяясь в «широкие институциональные сети детерминированных стабильных форм». Одновременно за счет того, что часть социальных сетей, хотя и имеют некоторую степень структурированности и воспроизводимости, тем не менее, «остаются интерстициальными по отношению и к четырем источникам власти, и к доминирующим организационным конфигурациям», они в конце концов продуцируют появление более мощных конкурирующих сетей и реорганизуют уклад социальной жизни [8. С. 49]. Это позволяет М. Манну описывать переход от микро- к макроуровню социальных отношений, одновременно не выпуская из поля исследовательского внимания ни один из них.

В качестве иллюстраций своего концепта М. Манн приводит буржуазию, которая как экономический класс интерстициально возникла в рамках феодального общества; говорит об интерстициальных причинах появления социального неравенства в древних обществах, причудливо объединивших разнообразные факторы; считает, что христианство появилось также интерстициально, став выразителем универсальных и космополитических ценностей. Также интерстици-

альное возникновение характерно не только для макроисторических процессов, но может быть зафиксировано в отдельных государствах или даже локальных сообществах. Так, описывая динамику конфликтов с этнической составляющей на территории позднего СССР, М. Манн аргументирует, как интерстициально возникшая оппозиционная идеология, основанная на уверенности в том, что при помощи реформ построение «социализма с человеческим лицом» возможно, привела к формированию народных оппозиционных движений и националистически настроенных сил на границах, что сыграло важную роль в развале Советского Союза.

В целом теория четырех источников социальной власти в сочетании с концептом интерстициального возникновения позволяют определить источник изменения, которое появляется за счет взаимодействия между старыми институализированными социальными сетями и интерстициально возникающими новыми.

Таким образом, М. Манн расширяет теоретические границы своего описания социальных систем, рассматривая одновременно два сценария их функционирования. Первый сценарий – привычный для социальных наук – предполагает описание поступательно-го, плавного развития социальной системы в рамках глубоко укоренившихся институтов. Такой сценарий если и предполагает изменение системы, то только в виде постепенной трансформации. Второй сценарий – теоретическое нововведение М. Манна, процесс интерстициального возникновения – имеет отношение к такому перераспределению ресурсов и сил в рамках существующих систем, которое ведет к реорганизации сетей социального взаимодействия, возникновению новых отношений и институтов. Именно через понятие интерстициального возникновения в теорию вводится элемент случайности и незапланированности, привносящий *беспорядок* в институализированную систему. Впрочем, этот интерстициальный беспорядок, набирая силу и институализируясь, приобретает для социальной системы статус нового порядка.

Можно сказать, что в теории М. Манна условному беспорядку отводится одна из центральных ролей в трансформации отдельных сообществ и историческом процессе в целом. Возведение М. Манном социального беспорядка в виде процесса интерстициального возникновения в статус социального феномена наряду с описанием социального порядка, основанного на четырех институализированных источниках власти, позволяет фиксировать многообразие проявлений реальной жизни и одновременно делает подход достаточно гибким и способным объять широкий круг социальных феноменов.

Теория источников социальной власти и другие подходы к описанию социальных процессов. Теоретико-методологические основания подхода М. Манна обеспечивают его отличительность от других подходов социальных наук. В то время как в большинстве социологических и исторических подходов принята национально-государственная модель (т.е. государство рассматривается как целостный объект), анализ М. Манна не ограничивается государственными гра-

ницами, так как в его теории государство представляет собой лишь один из источников власти, а другие источники с легкостью эти границы пересекают, распространяя свое влияние на значительные территории. Учитывая, что влияние национально-государственной модели распространилось также на антропологию и другие науки о человеке в виде представления о национальной (т.е. тоже взятой в границах государства) культуре, то и от них подход М. Манна в этом смысле отделен. Можно возразить, что значительная часть современных исследователей также уходит от национально-государственной модели, обращаясь к анализу транснациональных отношений. М. Манн отмечает, что такого рода анализ, как правило, опирается на одно понятие – например, капитализм или индустриализм – как центральное и сводит весь спектр социальных отношений к нему, чего он старается избегать, отстаивая убеждение об отсутствии «основного понятия или основной единицы общества» [8. С. 30].

В том, что касается социологических теорий, общепринятых как ортодоксальные (например, марксизм, структурализм, структурный функционализм, эволюционизм, теория действия), то с ними М. Манн проводит демаркационную линию, опираясь на то, что он, в отличие от озвученных теорий, уходит от категории общества как центральной («тотальной») единицы анализа, перенеся фокус внимания на сети власти. Сам автор маркирует свою теорию как ориентированную на структурно-символический интеракционизм, подчеркивая зафиксированную им двойственность социальных процессов как детерминированных, с одной стороны, институциональным развитием, а с другой – интерстициальным возникновением, вызванным «креативным действием групп» [8. С. 6].

Возвращаясь к центральной теме данной работы, а именно к разделению социальных теорий на тяготеющие к топикам социального порядка или беспорядка и отнеся теорию М. Манна ко вторым, обозначим другие направления, к которым, на наш взгляд, подход М. Манна близок с точки зрения этой интенции. В наиболее выраженном виде идея важности осмысления социального беспорядка в научном знании акцентирована в теориях, развивающих идеи И.Р. Пригожина применительно к наукам об обществе. Эти идеи базируются на понимании того, что хаос (термин, который, с некоторой долей условности мы решили считать синонимом беспорядка) и порядок могут существовать одновременно в рамках системы, что именно хаос порождает порядок, является его основой, а не дисфункцией системы [9]. Кроме того, следует упомянуть об акторно-сетевой теории, которую роднит с работами М. Манна не только очевидный фокус на рассмотрении сетей как каналов, формирующих отношения власти, но и отношение к беспорядку на уровне методологической установки: «Вместо того, чтобы начинать с универсальных законов социального или природного, начинаем с неприводимых, несоизмеримых, не связанных локальностей, которые затем обретают значение, иногда заканчиваясь временно соизмеримыми соединениями. Благодаря этому

обращению... АСТ имеет некоторое сходство с порядком из беспорядка или философией хаоса (М. Серра, И. Пригожина и И. Стенгерса)» [10. Р. 372].

В целом можно говорить о повороте к исследованию беспорядка (хаоса) как онтологической категории в рамках постнеклассической стадии развития социальных наук, которое вызвано такими причинами, как осознание пределов познания законов развития человека и общества; влияние теорий о сложных динамических системах на развитие наук об обществе; ощущаемая необходимость пересмотреть устоявшиеся концепции и подходы. Обобщая эти причины, Ж. Делез и Ф. Гваттари делают вывод о том, что «если устойчивые аттракторы (неподвижные точки, круги-пределы, торы) и впрямь выражают собой борьбу науки против хаоса, то странные аттракторы обличают ее глубинное влечение к хаосу, а равно и образование хаосмоса внутри современной науки» [11. С. 257].

Заключение. Таким образом, те процессы и явления, которые в теориях социального порядка могли бы быть описаны как случайные и незапланированные или вовсе не попасть в фокус исследовательского внимания, у М. Манна приобретают важное, практически центральное значение. Это позволяет по-новому взглянуть на понятие когерентности социальных процессов и трактовать его не только как упорядоченную взаимосвязанность и взаимозависимость элементов социальной среды, но и как порядок, потенциально содержащий в себе возможность перехода к беспорядку.

Мы считаем, что подход М. Манна в целом и концепция интерстициального возникновения в частно-

сти эвристичны для выявления факторов, структуры, направленности и закономерностей динамики социальных процессов, а также способны дать им достаточно тонкую интерпретацию по ряду причин. Во-первых, обращение к концепту интерстициального возникновения позволяет смотреть на социальные явления, не укладывающиеся в матрицу существующей социальной теории, как на самостоятельные объекты для изучения и тем самым расширять область познаваемого, а также уточнять и улучшать теорию. Во-вторых, полезной видится установка рассматривать интерстициально возникающие явления в широком контексте, с точки зрения их влияния на всю социальную систему в целом: на существующие социальные институты и когерентные, устоявшиеся социальные процессы. Наконец, в соответствии с принципом о том, что социальные процессы не могут рассматриваться изолированно, концепция интерстициального возникновения может быть интересна для практики социально-философских наук при описании феноменов, возникающих на пересечении разных социальных процессов – политических, экономических, культурных и других.

В целом, по нашему мнению, пренебрежение темой социального беспорядка существенно ограничивает эвристические возможности наук об обществе, ведь ее актуализация может способствовать обогащению теоретико-методологического аппарата социальных наук и давать более тонкую исследовательскую интерпретацию когерентности социальных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кильдюшов О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 122–149.
2. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
3. Parsons T. Order as a Social Problem. Seattle: University of Washington Press, 1968.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
5. Социальный беспорядок // Социология организаций и управления. Словарь основных понятий. URL: <https://voluntary.ru/termin/socialnyi-besporjadok-ili-socialnaja-anomija.html> (дата обращения: 10.02.2021).
6. Карасев Д.Ю. Историческая социология власти Майкла Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX, № 4 (87). С. 5–23.
7. Mann M. The Sources of Social Power, Volume II: The Rise of Classes and Nation-States. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 839 p.
8. Манн М. Источники социальной власти. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. М.: РАНХиГС, «Дело», 2018. 760 с.
9. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
10. Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // Soziale Welt. 1996. № 47. P. 369–381.
11. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетея, 1998. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 апреля 2021 г.

Coherence of Social Processes in Topics of Social Order and Disorder: To the Concept of Interstitial Emergence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 81–86.

DOI: 10.17223/15617793/471/9

Olga A. Persidskaya, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Keywords: social philosophy; theories of social sciences; coherence of social processes; social order; social disorder; interstitial emergence; Michael Mann.

The author notes that a significant part of the theories of social philosophy that describes approaches to the coherence of social processes, implicitly substantiates structures that were formed in accordance with the idea of social order. T. Hobbes, M. Weber, T. Parsons, P.A. Sorokin, and some representatives of the theory of social synergetics are given as representatives of the theories of “social order”. The author infers that a large number of theories and concepts in social philosophy are built around the definition of the conditions for the formation and stable existence of order and the description of its various forms. Much less attention is paid to various types of dysfunctionality, externality, and other unintended social consequences of order itself. In this regard, social disorder is taken beyond the limits of theoretical and methodological understanding. In order to expand the theoretical and methodological toolkits of social sciences, the author proposes to turn to the topic of social disorder. Although approaches that imply social disorder are not used as often as “ordering” approaches, the former should not be deprived of the attention of social philosophers, as they can

enrich their understanding of the ways of forming social structures. As an approach that includes disorder in interpreting the coherence of social processes, the author gives a description of the theoretical and methodological framework and, in more detail, the phenomenon of interstitial emergence in Michael Mann's theory. His approach to the definition of the state and society, social processes, is considered. Mann's approach to power and its four types, which the theorist identifies as the main ones for analysis – military, political, economic and ideological, are also described in detail. Mann interprets interstitial emergence as the emergence of competing configurations within the existing institutionalized networks of power. This emergence has a complex nature, it occurs at the intersection of different networks of power, it is difficult to predict or plan. The correlation of theories with the topics of social order and disorder, carried out in this article, allows concluding that interstitial emergence means a partial destruction or transformation of the first and the transition to the second. At the same time, the elevation of social disorder to the status of a social phenomenon allows Mann to fix the variety of manifestations of real life and at the same time makes his approach quite flexible, able to embrace a wide range of social phenomena and link social processes in a coherent scheme. The author concludes that, although Mann's approach is limited in its predictive capabilities due to the emphasis on randomness and involuntariness in the study of social processes, it has a heuristic potential for identifying factors, structure, directions, and patterns of their dynamics, and it is also capable of giving a rather sophisticated interpretation of the occurrences of coherence and incoherence in social processes.

REFERENCES

1. Kildyushov, O. (2016) The Problem of Social Order (Hobbesian problem): to Heuristics and Pragmatics of the Constitutive Question of Modern Theory of Society. *Sociologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 15 (3). pp. 122–149. (In Russian).
2. Weber, M. (2006) *Izbrannoe: protestantskaya etika i duh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
3. Parsons, T. (1968) *Order as a Social Problem*. Seattle: University of Washington Press.
4. Sorokin, P.A. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [The Social and Cultural Dynamics]. Moscow: Astrel'.
5. Voluntary.ru. (2021) *Social disorder*. [Online]. Available from: <https://voluntary.ru/termin/socialnyi-besporjadok-ili-socialnaja-anomija.html> (Accessed: 10.02.2021). (In Russian).
6. Karasev, D.Yu. (2016) The Historical Sociology of Power by Michael Mann. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology (JSSA)*. XIX.:4 (87). pp. 5–23. (In Russian).
7. Mann, M. (1993). *The Sources of Social Power, Volume II: The Rise of Classes and Nation-States*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Mann, M. (2018). *Istochniki sotsial'noy vlasti*. [The Sources of Social Power]. Translated from English. Volume I. Moscow: RANKhiGS; “Delo”. (In Russian).
9. Prigogine, I. (1991). Philosophy of instability. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 46–57. (In Russian).
10. Latour, B. (1996). On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications. *Soziale Welt*. 47. pp. 369–381.
11. Deleuze, G. & Guattari, F. (1998). *Chto takoye filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteya. (In Russian).

Received: 05 April 2021

И.В. Яковлева, Т.С. Косенко

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

На основе феноменологического подхода анализируется аксиологическое знание об образовании, а также исследуются оценки общественных и образовательных ценностных ориентиров. Отмечается, что феноменологическая изменчивость и противоречивость ценностных основ общества и образования сегодня отражаются на общественной аксиосистеме и создают возможности руководствоваться ценностями на том уровне и в такой форме, чтобы это было целесообразно и оправдывало себя.

Ключевые слова: аксиология образования; образование как ценность; ценность образования; феноменология аксиологической реальности; классификация образовательных ценностей

Актуальность. Становление аксиологии образования как одной из основ постнеклассического рационализма обсуждалось в ряде международных конференций, где эта истинная диалектика великих ценностей человечества выражает те окончательные положения, которые лежат в основе системы образования [1, 2]. Мы, в свою очередь, подчеркиваем факт, что посредством аксиологического сознания человек совершил подлинно онтологический скачок в своем развитии в силу новых ценностно представленных основ в традиционном образовании.

Одним из основных условий для достижения изменений в ценностных основах современного российского образования становится по-новому организованное образование с учетом общественных и индивидуальных интересов культуры предпринимательства, экономического стиля мышления и др. Приведение принципов образовательной политики в соответствие с современными социокультурными запросами диктует необходимость соотношения аксиологических основ общества и образования, поскольку в «диалектике культурно-цивилизационных стратегий развития общества» формируется «аксиоматика и архитектура образования как сфера научных междисциплинарных исследований» [3, 4].

Большинство исследователей аксиологические аспекты образования рассматривают в контексте политико-глобализационных процессов [5–7], гражданско-правового образования [8, 9], подготовки к образовательным переменам педагогов и их мотивации к получению непрерывного образования [10, 11], а также многочисленных концептуальных дискуссий реализации «третьей миссии» высших школ [12–16]. На основе дискурса исследований аксиологических характеристик современного образования и их отражения в общественном сознании, имеет значение сформулировать традиционные, современные и инновационные аксиологические ориентиры для понимания того, чему следует учиться и каким образом ориентироваться в социуме.

Целью данной статьи стала необходимость разработки независимых оценок, моделирования общественных и образовательных ценностных ориентиров, основанных на рефлексии социально-философских и аксиологических пролегоменов образовательного взаимодействия. Отсюда определяется основной подход

к исследованию – феноменологический анализ аксиосистемы образования и общества, представленных в традиционных, современных и инновационных ценностных ориентирах. Анализ аксиологических подходов к познанию современного образования требует также интерпретации понятий «образование как ценность», «ценность образования», «аксиология образования», «свобода в образовании», «институционализация».

Особый ценностно-смысловой характер в отношении к субъекту сегодня приобретает концепт «жизненного мира» Э. Гуссерля [17]. Являясь чрезвычайно противоречивым, в то же время этот концепт имеет ряд принципиальных характеристик: *двойственность* как естественная природа жизненного мира; *смысловая нагруженность*, что оформляет границы рационального измерения объектов познания; и *проект нового смыслопораждающего мира*. Последний вступает в соотношение с индивидуальными ценностями (материальное благополучие, развитость в целом, творчество, свобода, самодостаточность, мировоззрение и др.) и нормативно-ценностными аспектами традиционного образования. В определенном смысле эти ценности противоположны: индивидуальные ценности связаны с внутренним самоопределением субъекта, нормативные ценности – с императивными функциями законодательных норм (обязательностью, регулятивностью, идеологией), закрепленных в общественном сознании.

Социально-философское знание об образовании дает представление о том, каковы образовательные максимы отдельно для общества и индивида. Они зачастую весьма различны, организованы по разным нормам и по-разному развиваются. В рамках данного соотношения не ясно, каким образом их сравнивать или противопоставлять. В то же время мы видим, как различные ценностные отношения общества, индивида и образования вплетены в исторически меняющийся социальный опыт, в феноменологию аксиологической реальности, чем активно трансформируют ценностный дискурс образования. Наиболее значимые знания об общественных ценностях представлены в категории «образование как ценность», активно изучаемой в рамках аксиологии образования. «Образование как ценность» есть суть аксиологическое знание, содержащее отношение к происходящим переменам в

обществе и методологическую возможность определять бытие образования и идеал человеческого существования. Это понятие на онтологическом уровне определяет соотношение образования с пространством, временем, материей, информацией, социальной энергией, обществом и человеком; на эпистемологическом уровне образование адекватно интеллектуальному развитию общества; на аксиологическом уровне – ценностно отражает общество, в то же время обладая определенным влиянием на него. Поэтому формирование новой аксиологии образования представляется возможным за счет выхода из существующей индустриально-техногенной социокультурной парадигмы, традиционно ориентированной на государственный заказ и нацеленной на «целостный образ будущего российского общества и рационально-практической роли системы образования в этом процессе» [18].

Обозначение статуса аксиологии образования как науки и дисциплины в системе социально-философского рационального знания, актуализируется процессом разнообразных идентичностей – дистанцирование от образования социальных институтов (государственной политики, права, производства, науки и др.), что актуализирует типологию образовательной субъективности, демонстрирует вариативность, феноменологичность, метафоричность и дискретность идентификационных паттернов. Данные обстоятельства требуют от образования быть ответственным за социальный реализм, в котором «ценность образования» определяется целеполаганием (в государственной парадигме), знаниями, умениями, навыками, компетенциями (в социокультурной парадигме), постоянно обновляемыми способами мыслительной деятельности (в информационной парадигме), методологической рефлексией (в науке), содействием обеспечению преемственности и обновлению общества (в семейной парадигме) [18]. С позиции ценности образования знания, умения, навыки, образованность, профессионализм как ценностные константы приобретают значимость только в динамике индивидуального бытия или инструментальной значимости (достижение других более значимых ценностей, механизмах увеличения собственного благосостояния, обретение власти, специализированных знаний, лучшей ориентацией в делах, престиж, слава и др.). В пространстве социальной реальности ценность образования выражается в повышении конкурентоспособности интеллектуального ресурса общества, в восходящей социальной мобильности, где имеет место и ценность формальная (получение документа об образовании), и неформальная (первичный социальный капитал). Перечисленные феномены общественного сознания составляют матрицу аксиосистемы российского образования.

Анализ причин дистанцирования от образования социальных институтов предполагает выяснение специфики и принятие или учет необходимости изменения субъективности российского образовательного пространства. Но тогда проблема формируется иначе: если социокультурные институты, сознательно или в силу необходимости, дистанцируются от образования, то каково взаимоотношение образования с самим ин-

дивидом? В данном контексте не представляется возможным состояться ценностной иерархии, но «можно вести речь об аксиологическом поле, в котором всегда есть возможность для взаимопроникновения реального и возможного, нового и старого, актуального и потенциального, субъективного и объективного. Принципиально значимо, что индивид выступает здесь как носитель ценностей, а не оценивающий субъект» [19].

Исследуя аксиологическое поле как самокорректирующуюся и самоподдерживающуюся аксиостему, обнаруживаем феноменологически значимые установки сознания, генерируемые в образовательном пространстве. Сегодня это комплекс «капиталов» (культурных, социальных, человеческих, интеллектуальных и др.); подготовка человека к жизни в условиях неопределенности и в то же время способного осуществлять разумные преобразования. Определение образовательных ценностей – это не всегда явно выраженные аспекты образовательного идеала, неперебиваемые на формальный язык, тем не менее современный постнеклассический рационализм все отчетливее диктует образцы ценностного отношения к образованию в виде актуальных и потенциальных установок общественного и индивидуального сознания, артикулируемых в дефинициях, эксплицирующих их значимость («социальный капитал», «культурный капитал», «человеческий капитал», «качество образования» и др.).

Раздел философии образования – *аксиология образования* – характеризуется классификацией ценностей важных для образовательной деятельности и образовательной политики и как методология является «ценностным индикатором», который через «аксиологические ключи» позволяет верифицировать поляризованные характеристики аксиологических оснований образования («образование как ценность» и «ценность образования», «образовательный идеал» и «смыслжизненные ценности», «социальная зрелость» и «самореализация» и др.). Их фундаментальная характеристика заключается в том, что они, взаимодействуя со всеми субъектами образовательного процесса (государственной политикой, правом, глобально-информационным пространством, экологией, наукой, производством и др.), приобретают способность формировать собственную аксиосистему ценностей, в то же время наличие общего не исключает и индивидуальных особенностей такого взаимодействия.

Познание современного образования через общественные ценности как философские рассуждения, формулирующие исходные пролегомены (основные положения) и дающие предварительные сведения о предмете исследования, мы предлагаем через классификацию традиционных, современных и инновационных ценностных ориентиров, представленных в актуальном общественном сознании. С точки зрения аксиологии образования, это:

– *традиционные образовательные ценности*: труд (трудовой подвиг), жизнь, просвещение, государственная идеология, устремленность человечества в светлое будущее (коммунизм), любовь к Родине, духовность, соборность, коллективизм, цельность знания и разума, здоровье, отношение к святому, эстети-

ческие взгляды, этические нормы, воспитание высоких нравственных качеств (патриотизм, гражданственность, достоинство); приоритет фундаментальных образовательных ценностей (всеобщность, общедоступность, свободное развитие человека и др.);

– *современные ценностные ориентиры в образовании*, обусловленные фундаментальной и вариативной методологией, в которой обнаруживается соотношение, и тесная взаимосвязь общественно-индивидуальных и образовательных целей в возможностях формировать индивида как саморазвивающуюся гармонию (уникальность, целостность, субъектность, творчество, эвристичность, развитость в целом). Принимая во внимание, что в глобальной миросистеме ценностно-выгодным стало самостоятельное экономическое развитие общества, защита окружающей среды, создание рабочих мест, здравоохранение, мирное сосуществование, этическое и правовое урегулирование отношений и др., в подобных условиях самоутверждение индивида и его активное участие в общественной жизни зависят от смысловых ориентиров и непротиворечивом представлении об образовательном идеале [20];

– *инновационные социально-образовательные ценности*, которые определяются значимостью развитой («умной») экономики и образования, основанного на самостоятельной институционализации индивида. Последнее требует использования социального интеллекта на основе свободного обучения, включающего ценности, соответствующие социальным (воспитание для мира и демократии, переориентация образования с установки «иметь» на установку «быть») и индивидуальным ожиданиям. Например, применение новых онтологических сфер – «технологическая среда», «виртуальная среда», новые парадигмы развития науки, экономики, производства, ориентированных на человека, избирательность интеллектуального отражения, преобладание сущностного над функциональным. Наиболее важная тенденция будущего отмечается в понимании сути интеллектуального капитала как интеллектуального материала, обладающего способностью отражаться в прибыли, опережении, лидерстве, приоритетах, мультикомпетенциях, качественном превосходстве, где крайне необходим прогресс ценностно-образовательного характера.

Некоторые установки ценностного сознания будущего можно обнаружить в трудах русских философов – это гуманизм, гармония, целостность, мышление, чувства, воля, творческое становление, самопознание, гуманистический смысл науки, представленные в массовом образовании, где осуществляется постоянная взаимосвязь учителя и ученика. Традиционно в России социальные запросы на совершенство знаний, умений, навыков коррелируют с формированием мировоззрения и национальной идеи [21]. А профессионализм, основанный на стремлении к доказательности понятий, принципов, процедур поступательного характера, а также различий и связей между элементами разных форм знания, теории и ценностном освоении опыта, ориентирован на массовость и индустриально-экономические потребности государ-

ства [22]. На декларативном уровне образовательной ценностью провозглашаются ориентиры на демократичность и принципы свободного выбора, исходящие из потребностей, нужд и намерений не централизованных государственных механизмов, например право свободы и необходимости как индивиду, так и образовательному учреждению.

Формирование нового *образовательного идеала* – интеллигентного специалиста широкого профиля, становится возможной в условиях самостоятельной творческой инициативы, ответственности и осознании индивидуальной свободы. Это *ученый-новатор-изобретатель*, носитель космопланетарного мышления и сознания, обладатель компетенций (деятельностных, мыслительных, сенсорных) как основы рационального и экономически эффективного поведения, основанного на целеполагании и результативности. Подготовка образованием подобного индивида возможна на сформированной культурной модели человека, реализующего свою активность в свободном обществе, что предполагает развитие навыков самостоятельности в получении образования как собственно профессиональной деятельности (воспроизводство субъекта самим собой и для себя, определяя социальную и биологическую эволюцию), «развитие собственных природных способностей как индивидуального блага, адаптивной пластичности и интегративности мыслительных возможностей» [23]. В будущем от образования потребуются подготовка риск-ориентированной модели специалиста с компетентностно-знаниевой образовательной культурой, самостоятельностью в приобретении информации и ее целевой конкретизации. Активное использование инноваций потребует от будущих специалистов когнитивных способностей к проективному взгляду, методологию преобразования мира, методологию менеджмента, проектную методологию слияния научно-технического знания с искусством, правом, экологией, экономикой, этикой, общественными ценностями, основанных на раскрытии «содержания мира в значении, которое существенно для реализации технологий, в том числе и образовательных» [24]. Инновативность образовательно-аксиологических императивов содержит модели контекстуального подхода и в таких фундаментальных позициях, как «человек – субъект непрерывного образования», «человек – субъект культурного пространства непрерывного образования», «человек – саморазвивающаяся множественность возможностей», «непрерывное образование – смысловая деятельность», «стратегия собственного развития в изменяющемся мире», и др.

Определение аксиологических подходов к познанию современного образования осмысливаются через представление о *свободе образования и свободы в образовании*. Самые динамичные категории аксиологической диалектики – «свобода и необходимость», «свобода и ответственность», «свобода и долг» – выражают отечественные социокультурные традиции. Свобода в российском образовании необходима как ценностная стандартизация, способная обеспечить единую организационную, информационную и методологическую политику на основе открытого или свободного обучения, ценность которого заключается в его свободной институционализации, ценностно

ориентированную, как для общества, так и для индивида. Понимание свободы самого образования раскрывается в критериях различения между ценностями образования и ценностями индивида, что позволяет провести между ними жесткую демаркализацию. Это, с одной стороны, образовательный идеал и его место в онтологии образования (представленный образовательными ценностями), а с другой – ценностно ориентированный индивид как субъект образовательного взаимодействия (представленный собственными ценностями).

Таким образом, изменение субъектности российского образования – объективная необходимость, поскольку единственным активно развивающимся субъектом на фоне взаимоотношений образования с государством, производством, наукой, культурой становится сам человек. Отсюда новая свободно институционально ориентированная структура образования требует должной ценностной рефлексии (нормативов, методологии, принципов функционирования, механизмов и технологий конструирования) и создания своего пространства, обусловленного общественно-индивидуальными ценностями.

Для современного образования важно, что ее аксиология не только очерчивает допустимое пространство целей-ценностей, но и программирует и санкционирует вариативные формы образовательной деятельности. Необходимая институционализация (официально установленный) как процесс формализации образовательных отношений, становится системообразующим компонентом образовательного пространства и образовательного взаимодействия. С ее помощью определяется степень и уровень свободы индивида в получении образования. Институционализация индивида как субъекта аксиологических образовательных практик основана на персональной логистике экономического типа мышления, владении практикой построения бизнеса или предпринимательской деятельности с использованием новейших информационных технологий. Подобная образовательная деятельность является практически неограниченной ни по содержанию, видам, срокам и формам обучения, поскольку представляет перенос методологического содержания образования с «человека знающего» на «человека, подготовленного к жизни» [25].

Санкционированная возможность свободного изменения субъектности индивида в образовательном пространстве указывает на то, что институционализация индивида предполагает также определенные обязательства в профессиональной среде и в общественной аксиосфере. Главными преимуществами данного аксиологического принципа следует считать его привязку к потребностям конкретного индивида. Для этого сознание действующего субъекта должно быть ценностно обусловленным целеполаганием, профессиональными знаниями, способностью к самостоятельной институционализации и навыками работы со

средствами. Все они вместе образуют программу для становления механизмов и технологий конструирования нового образовательного идеала. В целом это мощнейшая база для развития социального интеллекта и воспитания творческой гибкости мыслительных способностей индивида.

Заключение. В соотношении образов противопоставления жизненного мира человека и общественной аксиосистемы, применительно к образованию, четко прослеживается феноменология двух противоречивых начал – *институциональное* и *ценностное*. В ракурсе феноменологического подхода модель «жизненного мира» по Э. Гуссерлю выражает свою двойственность как естественное соотношение общего (общественного) и особенного (индивидуального), а смысловая нагруженность, оформляющая границы рационального познания и проект нового смыслопоражающего мира, становится методологией фундаментального и вариативного аксиологического содержания образования.

Основные ценностные категории в аксиологии образования («ценность образования», «образование как ценность», «образовательный идеал», «свобода в образовании и свобода образования», «самостоятельная институционализация индивида») требуют не только углубленного феноменологического анализа, но и организации образовательного пространства на новых принципах:

- массовизации и индивидуализации образовательного пространства, обусловленных пониманием «образования как ценности» (всеобщий уровень) и «ценности образования» (индивидуальный уровень);
- свободной ценностно ориентированной институционализации, в которой самостоятельная институционализация актуализируется в концепции «экономического человека» с эффективным экономическим поведением, где трактовка понятия «капитал» расширяется и отождествляется с понятиями «культурный капитал», «материальный капитал», «человеческий капитал» и других его видов. Главными преимуществами данного принципа следует считать его привязку к потребностям конкретного индивида. В то же время перечисленное предполагает следующее:
- определенные обязательства в профессиональной среде и в общественной аксиосфере;
- эффективность для всех в аспекте понимания того, что достаточность или недостаточность образования определяет сам индивид;
- заинтересованность современного российского общества в серьезных структурных изменениях, определяющее значение которых традиционно возложено на образовательную политику в соответствии с индивидуальными и социокультурными запросами;
- дальнейшее исследование предельных характеристик образовательных ценностей как основ познания нового институционального становления индивида и выработки непротиворечивого аксиологического знания об образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурукина О.А., Кутепова Г.Н., Лебедев А.Н., Субботин В.Н. Аксиологические горизонты современного высшего образования // Edulearn Proceedings : 11-я Международная конференция по образованию и новым технологиям обучения. 2019. С. 10067–10067. DOI: 10.21125/edulearn.2019

2. Markelova T.V., Petrushina M.V., Savelyeva A.A. Axiological aspect of linguistic view of the world in the modern education environment // International conference education environment for the information age (EEIA-2016). SHS Web of Conferences. 2016. Vol. 29. DOI: 10.1051/shsconf/20162902027
3. Воевода Е.В., Белогуров А.Ю. Аксиология образования в дискурсе современной политики // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 172–179. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.12
4. Касаткин П.И. Аксиология образования: архитектура современного образовательного пространства. М. : МГИМО-Университет, 2018. 252 с.
5. Мартинес-Отеро Перес В. Аксиологические ключи и образовательные проблемы в Латинской Америке // Revista iberoamericana de educacion. 2019. Т. 80, вып. 2 (Специальный выпуск: SI). С. 105–127. DOI: 10.35362/rie8023316
6. Belogurov A.Y., Voevoda E.V., Inozemtsev M.I., Romanova E.A., Khokhlova N.I. Development of education districts in the strategy of strengthening the axiological foundations of the Russian education space // Higher education in Russia. 2020. № 29 (1). P. 25–36. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-25-36
7. Matarranz M. Methodological proposal to study the supranational education policy: Focus on the axiological framework of the European Union // Revista Espanola de Educacion Comparada. 2019. Is. 34. P. 73–96. DOI: 10.5944/reec.34.2019.23079
8. Baltovskij L.V., Belous V.G., Abalian A.I., Radikov I.V. Axiological guidelines of civil education in modern Russia // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2020. Vol. 8, Is. 1. P. 266–271.
9. Гордиенко О.В., Соколова А.А., Симонова А.А. Аксиологические характеристики цифрового образования // V Международный форум по педагогическому образованию (IFTE 2019). 2019. С. 969–975. DOI: 10.3897/АП.1.е0921
10. Gallego J.P. Methodology and axiological content of value educational programs // FORO DE EDUCACION. 2016. Vol. 14. Is. 21. P. 217–226. DOI: 10.14516/fde.2016.014.021.011
11. Greshilova I.A., Kimova S.Z., Dambaeva B.B. Designing the model of professional development of teachers taking into account axiological imperatives of continuing education // Universal Journal of Educational Research. 2020. Vol. 8, Is. 3. P. 769–778. DOI:10.13189 / ujer.2020.080306
12. Unger M., Marsan G.A., Meissner D., Polt W. New challenges for universities in the knowledge triangle // The Journal of Technology Transfer. 2020. Vol. 45, Is. 2. DOI: 10.1007/s10961-018-9699-8
13. Kudryashova E.V., Sorokin S., Bugaenko O.D. University-Industry Interaction as an Element of the University's «Third Mission» // Vysshiee Obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29, Is. 5. P. 9–21. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-5-9-21
14. Gibbs P. The three goods of higher education; as education, in its educative, and in its institutional practices // Oxford Review of Education. 2019. Vol. 45, Is. 3. P. 405–416. DOI: 10.1080/03054985.2018.1552127
15. Unger M., Polt W. The Knowledge Triangle between Research, Education and Innovation – A Conceptual Discussion // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11, № 2. P. 10–26. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.2.10.26
16. Stanciu M. Миф о пещере или воспитание ценностей. Скачок во времени, педагогическая аксиология (CIEA 2018) // Образование для ценностей: непрерывность и контекст : Пятая международная конференция по образованию взрослых (Iasi, ROMANIA, 25–27 апреля 2018 г.). 2018. С. 285–291.
17. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М. : ДИК, 1999. 390 с.
18. Яковлева И.В. Аксиология образования как формирующаяся система : социально-философская рефлексия // Философия образования. 2020. Т. 20, № 2. С. 31–47. DOI: 10.15372/PHE20200203
19. Наливайко Н.В., Яковлева И.В., Косенко Т.С., Лигостаев А.Г. Изменение роли образования в XXI веке // Философия образования. 2018. № 3 (76). С. 199–219. DOI: 10.15372/PHE20180317
20. Яковлева И.В. Ценности и ценностные ориентиры в системе высшего образования: монография. Усть-Илимск : РИО УИФ КГТУ, 2006. 148 с.
21. Яковлева И.В. Эпистемологический анализ образовательных парадигм и поиск путей выстраивания нового образовательного вектора (социокультурный подход) // Философия образования. 2017. № 3 (72). С. 38–50. DOI: 10.15372/PHE20170304
22. Яковлева И.В., Косенко Т.С. Компетентностный и знаниевый подходы: философско-образовательные проблемы понимания и применения // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3474–3480. DOI: 10.15372/PEMW20200110
23. Дудина М.Н. Новая образовательная парадигма: проблемы качества образования // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 5. С. 32–34.
24. Шукшунов В.Е., Буланова-Топоркова М.В., Сучков Г.В. Интеграция гуманитарного, естественнонаучного и инженерного знания. Новочеркасск : Набл, 2002. 61 с.
25. Yakovleva I., Kosenko T. Institutionalization of the Individual in the Education Interaction. Problems of Existence and Coexistence // Existence and coexistence in philosophical and special pedagogic reflection. Inclusive school: International Multidisciplinary Conference (Prague, 02 May 2019 г.). Prague : Charles University, 2020. P. 35–44.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 апреля 2021 г.

Phenomenological Analysis of the Russian Educational Space

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 87–92.

DOI: 10.17223/15617793/471/10

Irina V. Yakovleva, Scientific Center of the Russian Academy of Education at Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: uhova2005@mail.ru

Tatyana S. Kosenko, Scientific Center of the Russian Academy of Education at Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tany0879@mail.ru

Keywords: axiology of education; education as value; value of education; phenomenology of axiological reality; classification of educational values.

The aim of this research is to form in the educational community the methodology of independent assessments, modeling of social and educational value orientations based on the reflection of sociophilosophical prolegomena of educational interaction. On the basis of the phenomenological approach, the axiological knowledge about education is analyzed, assessments of social and educational value orientations are investigated. The experience of cognizing consciousness (according to E. Husserl) explicated in the senses and used in education as a categorical apparatus of the axiology of education, though being extremely contradictory, has a number of fundamental characteristics. This is the duality as the inherent nature of the life world; the semantic load that forms the boundaries of the rational dimension of the objects of knowledge; and the project of a new meaning-creating world. The problematic state of Russian education during the transition to new axiological foundations becomes evident as a result of the study of the value world of society and the value world of education, which reveal their content through the understanding of axiological knowledge about education. The axiology of education has a methodological ability to determine the existence of education and the ideal of human existence. Such categories as “education as a value” and the “value of education” are directly related to the ongoing changes

in the public consciousness. Through the classification and interpretation of traditional, modern, and innovative value orientations, the axiology of education and its categorical apparatus in the form of philosophical arguments that formulate its initial prolegomena offer to create in the current public consciousness the phenomenon of the value of intellectual material. Modern and innovative value orientations, considered in the dynamics of individual existence or instrumental significance, indicate the need for free institutionalization of the individual as a process of forming educational relations into a system-forming component. With the help of independent institutionalization, the degree and level of individual freedom in obtaining education is determined, and a new idea of the educational ideal of an intelligent specialist of a wide profile, independent, creative, initiative, and responsible, is formed. The definition of axiological approaches to the cognition of modern education is interpreted through the concept of freedom of education and freedom in education. As a conclusion, the authors note that the phenomenological variability and inconsistency of the value foundations of society and education today are reflected in the social axiosystem and creates opportunities to be guided by values at such a level and in such a form that it is appropriate and justifies itself.

REFERENCES

1. Burukina, O.A. et al. (2019) Axiological horizons of modern higher education. *Edulearn Proceedings: 11th International Conference on Education and New Learning Technologies* pp. 10067–10067. (In Russian). DOI: 10.21125/edulearn.2019
2. Markelova, T.V., Petrushina, M.V. & Savelyeva, A.A. (2016) Axiological aspect of linguistic view of the world in the modern education environment. *International conference education environment for the information age (EEIA-2016)*. SHS Web of Conferences. Vol. 29. DOI: 10.1051/shsconf/20162902027
3. Voevoda, E.V. & Belogurov, A.Yu. (2018) Axiology of education in the discourse of modern politics. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Political Studies*. 6. pp. 172–179. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.12
4. Kasatkin, P.I. (2018) *Aksiologiya obrazovaniya: arkhitektonika sovremennogo obrazovatel'nogo prostranstva* [Axiology of education: architectonics of the modern educational space]. Moscow: MGIMO-University.
5. Martinez-Otero Peres, V. (2019) Axiological keys and educational problems in Latin America. *Revista iberoamericana de educacion*. 80 (2): SI. pp. 105–127. DOI: 10.35362/rie8023316
6. Belogurov, A.Y. et al. (2020) Development of education districts in the strategy of strengthening the axiological foundations of the Russian education space. *Higher Education in Russia*. 29 (1). pp. 25–36. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-25-36
7. Matarranz, M. (2019) Methodological proposal to study the supranational education policy: Focus on the axiological framework of the European Union. *Revista Espanola de Educacion Comparada*. 34. pp. 73–96. DOI: 10.5944/reec.34.2019.23079
8. Baltovskij, L.V. et al. (2020) Axiological guidelines of civil education in modern Russia. *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 8 (1). pp. 266–271.
9. Gordienko, O.V., Sokolova, A.A. & Simonova, A.A. (2019) Axiological characteristics of digital education. *V International Forum on Teacher Education (IFTE 2019)*. pp. 969–975. (In Russian). DOI: 10.3897/AP.1.e0921
10. Gallego, J.P. (2016) Methodology and axiological content of value educational programs. *FORO DE EDUCACION*. 14 (21). pp. 217–226. DOI: 10.14516/fde.2016.014.021.011
11. Greshilova, I.A., Kimova, S.Z. & Dambaeva, B.B. (2020) Designing the model of professional development of teachers taking into account axiological imperatives of continuing education. *Universal Journal of Educational Research*. 8 (3). pp. 769–778. DOI:10.13189 / ujer.2020.080306
12. Unger, M. et al. (2020) New challenges for universities in the knowledge triangle. *The Journal of Technology Transfer*. 45 (2). DOI: 10.1007/s10961-018-9699-8
13. Kudryashova, E.V., Sorokin, S. & Bugaenko, O.D. (2020) University-Industry Interaction as an Element of the University's "Third Mission". *Vyshee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 29 (5). pp. 9–21. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-5-9-21
14. Gibbs, P. (2019) The three goods of higher education; as education, in its educative, and in its institutional practices. *Oxford Review of Education*. 45 (3). pp. 405–416. DOI: 10.1080/03054985.2018.1552127
15. Unger, M. & Polt, W. (2017) The Knowledge Triangle between Research, Education and Innovation – A Conceptual Discussion. *Foresight and STI Governance*. 11 (2). pp. 10–26. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.2.10.26
16. Stanciu, M. (2018) The myth of the cave or the education for values. A leap in time, the pedagogical axiology. *Fifth International Conference on Adult Education (CIEA)*. Iasi, Romania. 25–27 April 2018. pp. 285–291.
17. Gusserl', E. (1999) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: DIK.
18. Yakovleva, I.V. (2020) Axiology of education as a forming system: socio-philosophical reflection. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 20 (2). pp. 31–47. (In Russian). DOI: 10.15372/PHE20200203
19. Nalivayko, N.V. et al. (2018) Changing the role of education in the 21st century. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 3 (76). pp. 199–219. (In Russian). DOI: 10.15372/PHE20180317
20. Yakovleva, I.V. (2006) *Tsennosti i tsennostnye orientiry v sisteme vysshego obrazovaniya* [Values and value orientations in the system of higher education]. Ust-Ilimsk: RIO UIF KSTU.
21. Yakovleva, I.V. (2017) Epistemological analysis of educational paradigms and the search for ways to build a new educational vector (sociocultural approach). *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 3 (72). pp. 38–50. (In Russian). DOI: 10.15372/PHE20170304
22. Yakovleva, I.V. & Kosenko, T.S. (2020) Competence and knowledge approaches: philosophical and educational problems of understanding and application. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 10 (1). pp. 3474–3480. DOI: 10.15372/PEMW20200110
23. Dudina, M.N. (2006) Novaya obrazovatel'naya paradigma: problemy kachestva obrazovaniya [New educational paradigm: problems of education quality]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5. pp. 32–34.
24. Shukshunov, V.E., Bulanova-Toporkova, M.V. & Suchkov, G.V. (2002) *Integratsiya gumanitarnogo, estestvennonauchnogo i inzhenernogo znaniya* [Integration of humanitarian, natural science and engineering knowledge]. Novocherkassk: Nabla.
25. Yakovleva, I. & Kosenko, T. (2020) Institutionalization of the Individual in the Education Interaction. Problems of Existence and Coexistence. *Existence and coexistence in philosophical and special pedagogic reflection. Inclusive school*. International Multidisciplinary Conference. Prague. 02 May 2019. Prague: Charles University. pp. 35–44.

Received: 12 April 2021

Е.Н. Яркова

ИСТОКИ И СМЫСЛ СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА НОВЫХ ОНТОЛОГИЙ

Цель статьи – максимально приблизиться к пониманию истоков и смысла спекулятивного реализма, способствовать определению его места в истории философии, выявлению его значения в становлении после-постмодернистских форм бытия культуры и общества. Автор приходит к выводу, что спекулятивный реализм – онтологическая парадигма, концептуализирующая представления о мире, рожденные цифровой эпохой; его смысл заключается в реабилитации реализма, который противопоставляется как модернистскому оптимизму, определяющему человека как хозяина бытия, так и постмодернистскому скептицизму, определяющему бытие как иррациональный, не подвластный человеческому пониманию процесс.

Ключевые слова: онтология; computer science; объективизм; корреляционизм; реализм; эссенциализм

Вопрос о том, что есть бытие, всегда волновал человека философствующего. Онтологическими размышлениями наполнена философия Древнего Востока, Античности, Средневековья, Возрождения. Однако само понятие «онтология» кристаллизуется достаточно поздно – в эпоху Просвещения, становления и развития классической науки. И это не случайно, формирование рациоцентрического (или логоцентрического, как его впоследствии назовут постмодернисты) мировоззрения порождает тенденцию к упорядочению знания, его структуризации посредством неких дисциплинарных матриц. Эта тенденция не минует как философию в целом, так и отдельные ее разделы. В результате, выделяются отдельные философские дисциплины – онтология, гносеология, философская антропология и т.д., а затем в рамках этих дисциплин также оформляются некие матричные структуры. Что касается онтологии, то ими становятся концептуальные оппозиции: монизм – плюрализм; реализм (материализм) – идеализм; эссенциализм – экзистенциализм. Развитие онтологической мысли можно схематически представить, как противостояние парадигм: монистической – плюралистической (дуалистической), реалистической (материалистической) – идеалистической, наконец, эссенциалистской – экзистенциальной. Последнее складывается уже за границами классической эпохи и присуще скорее неклассическому философствованию.

Однако представление о дисциплинарной структуре онтологии будет неполным, если не учитывать еще одну, на первый взгляд, имеющую отношение скорее к гносеологии, нежели онтологии, концептуальную оппозицию: объективизм – субъективизм. Именно эта оппозиция, возникая изначально как негромкий подголосок в общем полифоническом хоре философских дискуссий, в конечном счете решает судьбу онтологии во второй половине XX в.

Перенос концептуальной оппозиции объективизм – субъективизм в область онтологических штудий был осуществлен Д. Беркли, заявившим, что бытие – это или то, что воспринимается, или тот, кто воспринимает [1. С. 5]. И. Кант смягчает радикальный субъективизм Беркли, разделяя «вещи в себе» и «вещи для нас». Тем не менее именно он совершает знаменитый «коперниканский переворот» в философии,

демонстрируя всей своей теорией познания, что не субъект познания вращается вокруг объекта познания, но объект познания вращается вокруг субъекта познания, соответственно, последний не просто пассивно фиксирует некий мировой порядок, но активно конституирует его [2]. Конечно, невозможно не восхититься интеллектуальной скромностью Канта, рассматривающего познание как поиск истины, но не как обладание истиной. Однако бесспорно и другое, делая акцент на субъективности знания о мире, он способствовал проникновению в онтологические штудии некоего вируса скептицизма, который изнутри постепенно разлагал этот раздел философского знания, способствуя его медленной деградации, сведению онтологии к гносеологии.

Уже ученик и последователь Канта И.Г. Фихте снимает противостояние «вещей в себе» и «вещей для нас» в пользу «вещей для нас». Определяя объективную реальность и, в первую очередь, мир материальных вещей, как «не-я» он, в сущности, показывает, производность этой реальности от деятельности мыслящего «я» [3].

Отсюда можно перебросить мост к экзистенциализму XX в., особенно к его французской версии, где одной из ключевых становится идея абсурдности бытия, следовательно, принципиальной невозможности какой бы то ни было его концептуализации. Так, онтология превращается в учение о бытии человека, который творит свою сущность в процессе существования, не как нечто извлеченное из мира, а как нечто привнесенное волей человека в этот иррациональный мир [4].

Девальвация онтологических штудий достигает кульминации в философии постмодерна. Д. Фоккема полагает, что «писатели-постмодернисты отказались от поиска сущностей, включая экзистенциальную истину. Их больше не интересуют онтологические проблемы [5. С. 20–21]. Дж. Ваттимо именует философию постмодерна философией с «дебильной», «ослабленной» онтологией [6. С. 3–22]. Действительно, постмодернизм доводит идеи Канта до их логического предела. Пожалуй, единственным фундаментальным положением постмодернистской «ослабленной онтологии» является утверждение, что мир существует лишь в интерпретациях, которых может быть

множество. Культивирование такого рода интерпретативного плюрализма оборачивается дереализацией (анти-реализмом) – «семантическим аннулированием реальности» (Бодрийяр), «кастрацией реальности» (Барт). Постмодернистский отказ от любого рода метаповествований, позиционирование мира как бесформенной ризомы, вполне допустимо рассматривать как механизмы культивирования мировоззренческого и, как следствие, онтологического хаоса.

Тем не менее зачастую хаос становится источником нового порядка. Во всяком случае, И. Пригожин утверждает, что динамический хаос может служить источником самозарождения упорядоченных структур [7. С. 15].

Так и происходит... Сквозь постмодернистскую онтологическую какофонию начинают просачиваться причудливые гармонии новых, не постмодернистских онтологий.

Формирование новой онтологии – по определению сложный многофакторный процесс. Одним из ведущих факторов, обуславливающих смену онтологических парадигм начиная с XVI–XVII вв., становится развитие науки. Рефлексия над той или иной исторически сложившейся научной картиной мира начинает составлять значимую часть контента онтологических штудий. Вообще, можно говорить о некоем параллелизме развития науки и философской онтологии. Симптоматично, что кризис той или иной научной картины мира влечет либо отказ от онтологического конструирования (позитивизм, прагматизм), либо всплеск антисциентизма (философия жизни, экзистенциализм).

Необходимо отметить и еще одно немаловажное обстоятельство: главную роль в разработке научной картины мира в рамках разных исторических типов научной рациональности играли разные науки. «Наукой наук» в рамках классической научной рациональности была классическая механика – мир воспринимался как большой, созданный Богом механизм. Значение механистической картины мира в философии XVII–XVIII вв. трудно преувеличить. Именно она стала исходным ориентиром онтологий Декарта, Спинозы, Лейбница и др.

«Наукой наук» наших дней, играющей главную роль в разработке постклассической научной картины мира, очевидно, следует считать Computer science. Экспансия последней практически во все области научного знания превращает ее в своего рода метанауку. Соответственно, мир все более воспринимается сквозь призму информационных технологий как big data сущего. Такое мировидение вольно или невольно вызывает к жизни новые онтологические штудии.

Впрочем, достаточно близкие отношения между философской онтологией и Computer science складываются еще до появления новых онтологий.

Возможно, все началось с того, что Computer science заимствовала у философии понятие «онтология». Атрибутом цифровых технологий становится «формальная онтология», «онтологическая инженерия». Применительно к цифровым технологиям формальная онтология – это концептуальная сетка, система понятий, посредством которой различные объ-

екты и их связи фиксируются искусственным интеллектом. Последний не способен к пониманию положения вещей в мире, соответственно, условием создания баз данных становится представление всей информации в формализованном виде. Сравнивая философскую и цифровую онтологии аналитики отмечают: «В философии “онтология” – это наука, изучающая бытие, а “онтология” в инженерии – это отображение бытия в формализованном виде» [8. С. 8]. Самое удивительное, что философы и программисты настаивают на том, что между философскими и компьютерными онтологиями нет никакой связи. Между тем эти связи очевидны. Формальная онтология – отнюдь не изобретение программистов, она тесно связана с такой философской дисциплиной, как формальная логика. Традиция интерпретации логики, как формальной онтологии восходит к Э. Гуссерлю, который понимал ее как априорное учение о формальных структурах предметности [9].

Возможно развитие онтологической инженерии, превращающей формальную онтологию, условно говоря, в инструмент «инвентаризации сущего», в конечном счете, оживляет онтологические штудии, тем самым способствуя появлению новых философских онтологий. Не случайно последние широко используют компьютерную лексику, например, Г. Харман именуется свою онтологию по аналогии с современной парадигмой программирования объектно-ориентированной.

Однако терминологические пересечения лишь частность. В дискурсивном пространстве новых онтологий осуществляется осмысление и переосмысление представлений о мире как о big data сущего. Особенно это касается спекулятивного реализма.

Статус последнего как серьезного философского направления неоднократно подвергался сомнению. Спекулятивных реалистов именовали сектой блогеров и горсткой академических неудачников, а сам спекулятивный реализм – неким малосодержательным модным философским брендом. Собственно говоря, цель настоящей статьи заключается в том, чтобы максимально приблизиться к пониманию истоков и смысла спекулятивного реализма и тем самым, возможно, способствовать определению места этого направления в истории интеллектуальной мысли, а также выявлению его значения в становлении новых (после-постмодернистских) форм бытия культуры и общества.

На мой взгляд некоторые выдвигаемые спекулятивными реалистами идеи навеяны базовыми научными принципами Computer science. Конечно, едва ли верно рассматривать спекулятивный материализм К. Мейясу, объектно-ориентированную онтологию Г. Хармана, трансцендентальный нигилизм Р. Брасье, а тем более, трансцендентальный материализм И.Г. Гранта как философскую аранжировку научных принципов Computer science. Спекулятивный реализм – отнюдь не узко-сциентистская дигитальная онтология. И генерируется он отнюдь не только посредством сублимации, сформированной Computer science, научной картины мира в философскую картину мира. Спекулятивный реализм являет собой онто-

логическую парадигму, в той или иной мере отражающую представления о мире, рожденные цифровой эпохой. Л. Брайант утверждает, что новые технологии значительно преобразовали телесный опыт, место, ситуативность, сообщества, информацию и природу сознания, что объектно-ориентированная онтология и спекулятивный реализм отвечают на эти онтологические перемены даже там, где новое еще не стало объектом мысли, когда мы не вполне уверены, где мы находимся, кто мы есть и чем перемены вызваны [10].

Для конкретизации выдвинутых мною положений обращусь к фактам – идеям спекулятивного реализма и их связям с принципами Computer science.

Primo. Одна из ключевых идей спекулятивного реализма – отчуждение от принципа субъективизма и партиципация к принципу объективизма. Таковое концептуализируется как критика корреляционизма. Последний становится предметом инвектив практически всех представителей спекулятивного реализма.

Термин «корреляционизм» вводит К. Мейясу, обозначая им позицию, согласно которой представления о реальности всегда скоррелированы субъективным доступом к ней. Он позиционирует корреляционизм как установку, уводящую философскую мысль от познания бытия как такового к познанию корреляции между бытием и мышлением. Результат такого смещения интересов, по мнению Мейясу, – утрата реальности: «Современные философы безвозвратно лишились Великого Внешнего, абсолютного Внешнего докритических мыслителей: Внешнего, не опосредованного отношением к нам, данного как безразличное к собственной данности, существующего в себе, безразлично, мыслим мы его или нет; такое Внешнее, которое мысль могла бы постигать с оправданным чувством пребывания на чужой территории – в совершенно чуждом ей месте» [11. С. 14–15].

Развернутый критический анализ различных форм корреляционизма (Беркли, Кант, Фихте, Хайдеггер, постмодернизм) предпринимает Р. Брассье. Главным его оружием в борьбе с корреляционизмом становится нигилизм: «Нигилизм – это не экзистенциальное затруднение, а спекулятивная возможность. Мышление имеет интересы, которые не совпадают с интересами жизни; более того, они могут быть противопоставлены последним» [12. Р. xi]. Брассье квалифицирует корреляционизм как философскую отправную точку множества предпринятых в XX в. попыток растворить философские проблемы в вопросах политики, социологии, антропологии и психологии: «Для корреляциониста бессмысленно спрашивать, что есть нечто само по себе независимо от нашего к нему отношения, поскольку невозможно отделить субъективное от объективного, или человеческое от нечеловеческого» [13. С. 239].

Г. Харман убежден, что корреляционизм «делает философию провинциальной, настаивая на личном присутствии человека-свидетеля где бы то ни было» [14]. Критический поворот Канта, по мнению Хармана, следовало бы назвать «антикоперниканским», так как вместо открытия мира Кант поставил человека в центр, сделав мышление главным посредником между объектом и миром. Симптоматично, что исследовате-

ли считают, что Харман «возвращает многократно критикуемому в современной философии понятию “объективный” его практически первоначальный статус, наполнив его новым содержанием, предполагая, что эвристическая ценность онтологии повысится, если опираться на объекты» [15. С. 14].

Своеобразный вариант критики корреляционизма предлагает И.Г. Грант. Он обозначает приверженность к субъективизму в онтологических построениях как элиминацию природы и примат практического разума над теоретическим, превращающим онтологию в этизированную феноменологию [16]. Стремление редуцировать порядок природы к человеческим его описаниям, по мнению Гранта, ведет к ограничению природного становления масштабами видимого человеком. В результате природному становлению приписывается прогрессивный вектор, человек объявляется высшим деянием природы, которому, в конечном счете, передается порождающая активность природы. Реабилитация онтологии требует отказа от привилегированного статуса человека и обновленного исследования сферы неорганического, поскольку «бытие предшествует мышлению именно потому, что если бы его не было, то не только нечего было бы думать, но и не могло бы быть никакого мышления» [17. Р. 82].

Зададимся вопросами: каковы предпосылки критики корреляционизма (субъективизма), почему детально проработанная в философии неклассической науки (махизм, конвенционализм, эволюционная эпистемология), кажущаяся бесспорной идея обусловленности знания об объекте познавательными способностями, возможностями, теоретическими, личностными предпочтениями познающего субъекта квалифицируется как, по меньшей мере, контрпродуктивная? Почему возникает стремление реанимировать, присущий классической науке (Бэкон, Декарт, Локк) принцип гносеологического объективизма, суть которого заключается в утверждении объективности и предметности знания, достигаемой за счет исключения всего того, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности?

Несомненно, важнейшей предпосылкой реабилитации объективизма являются изменения природного мира, делающие несостоятельными стратегии бытия, сформированные на основе как модернистских, так и постмодернистских онтологий. В определенном смысле спекулятивный реализм можно рассматривать как «ответ» на «вызов» антропоцена. Однако показательно, что в поисках этого ответа спекулятивный реализм вольно или невольно апеллирует к принципам Computer science. Беспристрастный объективизм Computer science, в рамках которой мир есть, в первую очередь, big data сущего, которое к тому же подводится под некий общий знаменатель единиц и нулей, чрезвычайно релевантен основным устремлениям спекулятивных реалистов. Именно в Computer science принцип гносеологического объективизма приобретает особую остроту – показательно, что в этой науке всяческие проявления субъективности (человеческого фактора) расцениваются как главное препятствие на пути ее развития. Например, гурӯ со-

временного программирования Ларри Л. Константин пишет: «...человеческий фактор в программировании» (reopleware) является третьей волной компьютерной революции. Сначала произошел кризис, связанный с аппаратным обеспечением. Одно время мы думали, что наши проблемы возникают из-за аппаратного обеспечения. Нам казалось, что, если бы только у нас были более быстрые и мощные компьютеры с большими объемами памяти и более совершенными периферийными устройствами, мы смогли бы создавать более совершенные системы и решать наши задачи. И вот мы получили лучшие компьютеры. Год от года аппаратное обеспечение становилось все быстрее, память – больше, а периферийные устройства – более разнообразными и эргономичными. Однако наши проблемы не исчезли. Мы все еще продолжали создавать системы, трудные для применения. Мы все также опаздывали с завершением своих проектов и превышали запланированный для них бюджет. Поэтому мы решили, что на самом деле проблема состоит в программном обеспечении, после чего линия фронта в компьютерной революции переместилась к рубежу, который многие стали называть “кризисом программного обеспечения”. Если бы только у нас были более совершенные инструменты, языки более высокого уровня, более мощные библиотеки компонентов и программы для создания программ, мы смогли бы решать наши задачи и создавать хорошие системы вовремя и в пределах бюджета. Языки третьего поколения стали еще более сложными и породили языки четвертого поколения (4GL). Компиляторы становились все быстрее и эффективнее. Библиотеки компонентов многократного использования расширялись, редакторы стали контекстно-зависимыми, а разнообразные инструменты автоматизированной разработки программного обеспечения появлялись, как грибы после дождя. Вслед за структурной революцией, давшей нам структурное проектирование и анализ, стало развиваться и набирать популярность объектно-ориентированное направление. Однако графики работ по-прежнему не выполнялись, бюджеты превышались, а количество ошибок в программах упрямо не желало становиться меньше. В конце концов, подобно Пого и его легендарным друзьям из Окифиноки, на своем опыте мы выяснили, в чем тут дело. Как мудро сказал этот маленький опоссум: “Мы встретили врага – это мы сами”. И это действительно так. Все сводится к человеческому фактору в программировании» [18].

Понятно, что спекулятивные реалисты не просто калькируют принцип исключения человеческого фактора, но поднимают его на философскую высоту. Пожалуй, никогда прежде мы не имели дела со столь радикальным объективизмом, никогда прежде крамольная с позиций утилитарного гуманизма идея «бытия в отсутствие мысли» не становилась предметом онтологических штудий. Однако идея «бытия в отсутствии мысли» выступает отнюдь не как нравственный, но как познавательный императив. Человек берется в скобки не потому, что на его место предполагается поставить постчеловека или трансчеловека, как это делается, например, в трансгуманизме, а для

того, чтобы максимально приблизиться к очищенной от субъективных смыслов объективной реальности бытия, которая уже не представляется как человеко-размерная: «...суть реалистического убеждения в том, что существует независимая от разума реальность, которая, несмотря на презумпции человеческого нарциссизма, безразлична к нашему существованию и не замечает “ценностей” и “смыслов”, которые мы хотели бы надеть на нее, чтобы сделать ее более гостеприимной. Природа не является ни нашим, ни чьим-либо “домом”, ни особенно благодетельным прародителем», – констатирует Брассье [12. Р. xi]. Собственно говоря, спекулятивные реалисты называют свою философию новой именно потому, что объектом ее исследования является не дискурс, текст, власть, сознание, т.е. сугубо человеческие феномены, но природа реальности вне зависимости от человеческого.

Secundo. Еще одна ключевая идея спекулятивного реализма – отчуждение от парадигмы идеализма (постмодернистской дереализации) и партиципация к парадигме реализма. В русле новых онтологических штудий осуществляется реабилитация реализма, причем, замечу, что сама логика спекулятивных реалистов носит скорее апологетический, нежели строго аналитический характер, – система рассуждений выстраивается под уже определенные убеждения.

К. Мейясу, стремясь обосновать позицию реализма, отталкивается от кантовских «вещей в себе». Таковые, по Канту, непознаваемы, т.е. являют собой «реальность в себе». Тем не менее, констатирует Мейясу, они существуют, т.е. являются фактами: «Быть – значит быть не коррелятом, а фактом, т.е. быть – это быть фактичным» [19]. При этом фактичности, по мысли Мейясу, неотделима от контингентности (не-необходимости, возможности вещи быть другой). Таким образом, не скатываясь к наивному реализму, т.е. не упрощая представления о реальности, одновременно не сводя познание к простому ее отражению, Мейясу достаточно основательно расшатывает позиции анти-реализма (дереализации).

Несколько иначе обосновывает позицию реализма Г. Харман. Его онтология базируется на представлении, что весь мир, включая человека, есть некий конгломерат объектов. При этом одни объекты являются реальными, другие – чувственными. («Вещь в себе» реальна, а «вещь для нас» – чувственна). Харман убежден, что разница между двумя типами объектов заключается в том, что реальные объекты требуют замещающей причинности (т.е. содержат причину в самих себе), а чувственные – буферной (т.е. имеют причину в отношениях). Соответственно, возврат к реализму, по Харману, заключается в том, чтобы сосредоточить внимание не на отношениях объектов, но на самих объектах: «Единственный способ учредить объектно-ориентированную онтологию – не переключаться на процесс, генезис, динамизм или протекание, а вместо этого учредить новую модель объектов как предельно свободных от любых отношений и частично сокрытых в своих личных вакуумах» [20. С. 13]. Специфику защищаемого им реализма Харман позиционирует следующим образом: «Согласно обычному определению реализма – редкой среди современных континенталь-

ных философов позиции – в нем постулируется существование мира “за пределами сознания”. Заметьте, однако, что такой реализм слишком уж многое уступает современному идеализму, поскольку неявно допускает, что внешнее есть, прежде всего, у сознания. С точки зрения объектно-ориентированной философии, напротив, реализм утверждает, что за пределами чего угодно есть мир: вне кроликов, капель дождя, облаков и единорогов. Всякая сущность есть то, что она есть, и ничто ни с чем не вступает в исчерпывающее отношение» [21. С. 12].

Иной способ апологии реализма находит Р. Брассье. Он убежден, что реализм неизбежен даже для самых упрямых анти-реалистов потому, что нельзя не признать, что понятие физической вещи и постигаемая физическая вещь – это разные вещи. В своей защите реализма Брассье делает ставку на конкретные науки. Он полагает, что наука имеет дело с физическими вещами, она опирается на обезличенные объективные предложения, фиксирующие, не имеющие отношения к субъекту, наблюдения: «В научной установке реальность объекта определяет содержание представления о нем и позволяет определить расхождение между реальностью объекта и способом его концептуального описания» [13. С. 242]. По мнению Брассье, наука открывает доступ к реальности: «Реальное в научной репрезентации объекта не совпадает с чьей-то реальностью объекта в качестве концептуально описанного <...>, однако научная установка как раз и отличается имманентным и одновременно трансцендентальным разрывом между реальностью объекта и его бытием в качестве концептуально описанного. В установке научной репрезентации именно первая определяет последнее и вынуждает постоянно подвергать его пересмотру» [13. С. 242].

Йен Гамильтон Грант в своем стремлении реабилитации реализма утверждает, что трансцендентальное явление имеет физическую основу: «Борясь в полной мере с последствиями критического поворота Канта, даже конструктивно противостоя ему, Грант пытается вывести трансцендентальный проект за пределы его идеалистических тенденций, чтобы соединить его с темным и грохочущим полем чистой “продуктивности”, лежащим под всеми феноменальными продуктами. Именно из этих глубин рождаются природа, ум, общество и культура», – констатируют Л. Брайант, Н. Срничек, Г. Харман [22. Р. 7].

Итак, почему актуализируется принцип реализма?

Понятно, что это связано с осмыслением опасностей, которые несут в себе стратегии дереализации. Ренессанс реализма можно рассматривать как реакцию на мировоззренческую ситуацию, сложившуюся вследствие развития Computer science. Цифровые технологии способствуют стиранию граней между идеальным и реальным. Благодаря этим технологиям формируется возможность, условно говоря, реализации идеального, т.е. превращения существующих лишь в воображении идеальных миров в миры виртуально-реальные, в компьютерные симуляции. Computer science создает весьма серьезную проблему различания физического и виртуального миров. Достаточно остро эта проблема представлена Н. Бостро-

мом, заявившим, что наш мир вполне может быть компьютерной симуляцией [23]. Симптоматична реакция на это заявление: хакеры принялись разрабатывать план побега из компьютерной симуляции, например, при помощи создания религии, посвященной освобождению от оков симуляции. Необходимо констатировать, что в отличие от культуры постмодерна, где дереализация позиционировалась как бегство от власти тотализирующего дискурса, в культуре цифровой эпохи она рассматривается как форма несвободы, как «виртуальная тюрьма» – вспомним сюжеты таких кинематографических бестселлеров, как «Матрица», «Черное зеркало». П. Вирилио полагает, что день, в который виртуальная реальность окажется более убедительной, чем физическая реальность, станет днем величайшей катастрофы, человечество никогда не переживало столь невероятной угрозы [24]. Таким образом, апология реализма как онтологической парадигмы происходит скорее вопреки набирающей обороты дереализации бытия, как антидот этому неоднозначному процессу.

По-видимому, не будет большой натяжкой квалификация спекулятивного реализма как современного варианта позитивизма. Примечательно, что позитивистские идеалы актуализируются в определенные периоды развития философской мысли, которые условно можно обозначить как периоды наивысшей дереализации философской мысли. Например, позитивизм Бэкона можно квалифицировать как ответ на такого рода дереализацию в схоластике, позитивизм Конта, Милля – как ответ на дереализацию в немецкой классической философии, наконец, спекулятивный реализм – как ответ на дереализацию философии второй половины XX в. Последнее обстоятельство фиксируют сами спекулятивные реалисты: «В течение долгого времени общим местом континентальной философии был фокус на дискурсе, тексте, культуре, сознании, власти или идеях, как на том, что конституирует реальность. В этом отношении феноменология, структурализм, постструктурализм, деконструкция и постмодернизм – все являются превосходными образцами анти-реалистического тренда в континентальной философии. В отличие от повторяющейся континентальной установки на тексты, дискурс, социальные практики и человеческую конечность, новая порода мыслителя все более разворачивается к реальности как таковой. Но все они, так или иначе, опять стали более широко размышлять о природе реальности вне зависимости от мышления и человеческого» [22. Р. 2–3].

Tertio. Еще одна специфическая особенность спекулятивного реализма – отчуждение от идеалов экзистенциализма и партиципация к идеалам эссенциализма.

Из предыдущих рассуждений ясно, что общим для спекулятивных реалистов является представление, согласно которому человек не есть привилегированное существо, тем более центр мироздания. Леви Брайант рассматривает спекулятивный реализм как анти-антропоцентризм: «СР заставил меня понять, что мы есть сущие среди других сущих, захваченные драмой, значительно превосходящей нас, что мы не есть центр универсума и что если мы хотим понять мир, нам нужно стараться наблюдать, как наблюдают другие наблю-

датели» [10]. Онтологии Г. Хармана, К. Мейясу можно отнести к разряду «плоских» на том основании, что они ставят своей задачей «...помыслить бытие, которое не имеет никакого отношения к иерархиям и вертикали. Всякая иерархия создается объектами: для людей она одна, для нелюдей – другая. Само же бытие не-иерархично, оно совершенно нейтрально ко всякому сущему» [25. С. 1629].

Одновременно в спекулятивном реализме, формируется нечто, могущее условно быть определенным как эссенциализм. Часть спекулятивных реалистов именуют свои концепции материализмом.

Спекулятивным материализмом называет свою концепцию Мейясу. Однако он далек от определения материи как субстанции, а тем более как строительного субстрата. Отталкиваясь от концепции бытия как фактичности и контингентности, в качестве Абсолюта Мейясу полагает «фактуальность»: «Фактуальность – это не фактичность, а ее необходимость, ее сущность» [19].

Не пытаясь определить, что такое материя-в-себе, т.е. что есть фактуальность как сущность, Мейясу полагает возможным познание мира фактов математическими средствами. Только математика, безразличная к человеческому существованию, может разорвать порочный круг субъектно-объектной корреляции: «Мы должны удерживать следующее: все те аспекты объекта, которые могут быть сформулированы в математических выражениях, могут содержательно мыслиться как свойства объекта в себе. Из всего того, что в объекте может дать повод для математического осмысления (в виде формулы или в цифровом формате), а не из воспринимаемого или ощущаемого, есть смысл сделать свойство вещи не только как она есть для меня, но и как она есть без меня» [11. С. 8].

Как связан современный материализм с Computer science? Самым непосредственным образом. Для того чтобы убедиться в этом достаточно сравнить материализм спекулятивного реализма с материализмом цифровой философии, создателями которой являются по преимуществу IT-специалисты. Один из таковых – Йок Хуай, выдвигает концепцию относительной или цифровой материальности, материальности с де-субстанционализацией. Он утверждает, что реляционная материальность становится видимой и явной в цифровых условиях: «Встроенная в цифровые объекты каузальность материализована посредством данных, вместо электронов и разности напряжений, хотя мы все равно должны иметь в виду, что в их основе лежат физические принципы» [26].

В целом, апелляция к математике и исключение экзистенциального элемента чрезвычайно комплементарны современному слабому (по определению Д. Сёрля) искусственному интеллекту, оперирующему не семантическими, но синтаксическими структурами.

Один из критиков спекулятивного реализма В.А. Кутырев утверждает: «...[спекулятивный] ре-

лизм есть отражение экспансии искусственной виртуальной реальности, претендующий на парадигмальное объяснение всего сущего. Как превращенная форма философии Computer science он обосновывает конечность предметной физической реальности, тем самым лишая человека его жизненного мира» [27. С. 8]. Такое понимание истоков и смысла спекулятивного реализма вызывает смешанные чувства. Во-первых, потому что связь спекулятивного реализма с философией Computer science рассматривается как нечто порочное, как если бы Computer science была некоей вредоносной лженаукой или псевдонаучным, контрпродуктивным для человека и общества учением. Во-вторых, потому что смысл спекулятивного реализма усматривается в отражении экспансии искусственной виртуальной реальности и обосновании конечности предметной физической реальности. На мой взгляд, дело обстоит прямо противоположным образом – спекулятивный реализм отставляет идею существования независимой от человека предметной физической реальности, поглощение последней виртуальной – созданной человеком – реальностью с позиций спекулятивного реализма есть предельная форма корреляционизма.

В чем же заключается смысл спекулятивного реализма? Как представляется – в реализме, который обретает не только онтологический, но и деонтологический статус. И, соответственно, противопоставляется как позиции модернистского оптимизма, определяющего человека как хозяина бытия, так и позиции постмодернистского скептицизма, определяющего бытие как хаотичный, не подвластный человеческому уразумению процесс.

Что же касается предпосылок спекулятивного реализма, то в качестве таковых сами спекулятивные реалисты определяют, во-первых, исчерпанность анти-реалистической (корреляционистской) континентальной философии (экзистенциализм, феноменология, структурализм, постструктурализм, аналитическая философия), во-вторых, ее контрпродуктивность в условиях цифровизации бытия и пролонгации антропоцена: «Перед лицом надвигающейся экологической катастрофы и растущего проникновения технологий в повседневный мир (включая наши собственные тела) неясно, готова ли анти-реалистическая позиция противостоять этим событиям. Опасность заключается в том, что доминирующая анти-реалистическая направленность континентальной философии не только достигла точки снижения отдачи, но и активно ограничивает возможности философии в наше время. Однако в работах того, что мы называем “спекулятивным поворотом”, можно обнаружить намеки на что-то новое. В отличие от повторяющегося континентального фокуса на текстах, дискурсе, социальных практиках и человеческой конечности, новая порода мыслителей вновь обращается к самой реальности» [22. С. 3]. Конечно, спекулятивный реализм трудно назвать некоей стратегией бытия, он являет собой, скорее, исходную констатацию реального положения вещей, от которой можно отталкиваться в конструировании такого рода стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беркли Д. Сочинения / сост., общ. ред. и вступ., ст. И.С. Нарского. М.: Мысль, 2000. 560 с.
2. Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3: Критика чистого разума. М.: Чоро, 1994. 741с.
3. Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Сочинения. Работы 1792–1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 275–473.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
5. Fokkema D. The Semiotics of Literary Postmodernism // International Postmodernism. Theory and literary practice / H. Bertens, D. Focsema (eds.). Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. P. 15–42.
6. Vattimo G. Nihilism and Emancipation: Ethics, Politics, and Law / ed. by S. Zabala. New York: Columbia University Press, 2004. 197 p.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
8. Митрофанова О.А., Константинова Н.С. Онтологии как системы хранения знаний // Всероссийский конкурсный отбор обзорно-аналитических статей по приоритетному направлению «Информационно-телекоммуникационные системы». 2008. Т. 48, № 2. С. 1–54.
9. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э.А. Бернштейн; под ред. С.Л. Франка; нов. ред. Р.А. Громова. М.: Академический Проект, 2011. 253 с.
10. Bryant L. Larval Subjects. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com> (дата обращения: 04.12. 2019).
11. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
12. Brassier R. Nihil Unbound. Enlightenment and Extinction. London: Palgrave Macmillan, 2007. 275 p.
13. Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. 2017. Т. 27, № 3. С. 227–262.
14. Харман Г. Мы живем внутри метафизики. URL: <https://knife.media/grahamharman/> (дата обращения: 04/12/2019).
15. Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, вып. 1. С. 4–16.
16. Grant I.H. Philosophies of Nature After Schelling. London; New York: Continuum, 2006. 246 p.
17. Grant I.H Does Nature Stay What-it-is? Dynamics and the Antecedence Criterion // The Speculative Turn Continental Materialism and Realism / Ed. by L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman. Melbourne, 2011. P. 66–83.
18. Константин Л.Л. Человеческий фактор в программировании. URL <https://www.litmir.me/br/?b=133025&p=1> (дата обращения: 04.12.2019).
19. Мейясу К. Время без становления Доклад в Университете Мидлсекса в рамках семинара Центра исследования современной европейской философии, организованного Питером Холлуардом и Рэем Брасье, 8 мая 2008 года // Гефтер. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 04.12. 2019).
20. Харман Г. Четверойкий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
21. Харман Г. Спекулятивный реализм: Введение. М.: Рипол-Классик, 2019.
22. Bryant L, Srnicek N., Harman G. Towards a Speculative Philosophy // The Speculative Turn Continental Materialism and Realism / Ed. by L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman. Melbourne, 2011. P. 1–18.
23. Бостром Н. Мы почти наверняка живем в компьютерной симуляции. URL: <https://econet.ru/articles/146560-nik-bostrom-my-pochti-navernyaka-zhivem-v-kompyuternoy-simulyatsii> (дата обращения: 04.12. 2019).
24. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис; Прагматика культуры, 2002. 192 с.
25. Ветушинский А.С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской // Философия и культура. 2016. № 12 (108). С. 1625–1630. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.12.20796
26. О существовании дигитальных объектов: Беседа с Йуком Хуэя (Беседовал Евгений Куцинов. Вопросы: Евгений Куцинов, Иван Спицын). 26 апреля 2016 года. URL: <http://pop-philosophy.net/o-sushhestvovanii-digitalnykh-obektov/> (дата обращения: 04.12. 2019).
27. Кутырев В.А. Спекулятивный реализм как философия фактичности начала конца человеческого (мира). (Размышление над книгой: Квентин Мейясу. После конечности. Эссе о необходимости контингентности // Философия и культура. 2018. № 10. С. 8–17. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.10.27939

Статья представлена научной редакцией «Философия» 11 мая 2021 г.

The Origins and Meaning of Speculative Realism: On the Problem of the New Ontologies Genesis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 93–100.

DOI: 10.17223/15617793/471/11

Elena N. Yarkova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: mimus.lena@mail.ru

Keywords: ontology; computer science; objectivism; correlationism; realism; essentialism.

The formation of a new ontology is a complex multifactorial process. One of the leading factors contributing to the change of ontological paradigms, since the 16th and 17th centuries, is the development of science. Reflection over one or another historically established scientific picture of the world is a significant part of the content of ontological studies. Computer science plays a major role in the development of the postclassical scientific picture of the world. Its expansion into all areas of scientific knowledge turns it into meta-science. As a result, the world begins to be perceived through the prism of information technology as a big data entity. Such a world-view initiates new ontological studies. This is especially true for speculative realism. The status of speculative realism as a serious philosophical trend has been repeatedly questioned. This article aims to maximally approach the understanding of the origins and meaning of speculative realism and to help determine the place of this trend in the history of intellectual thought. Speculative realism can be seen as the “answer” to the “challenge” of the Anthropocene. However, in seeking this answer, speculative realism appeals to the principles of computer science. The impartial objectivism of computer science, in which the world is, first of all, the big data of existence, is extremely relevant to the main aspirations of speculative realists. The key ideas of speculative realism – separation from the principles of subjectivism, idealism, and anthropocentrism, and participation in the principles of objectivism, realism, and non-anthropocentrism – correlate with the basic scientific principles of computer science. Speculative realism can be seen as a modern version of positivism. Like Bacon’s positivism, which is actualized as the antithesis of scholastic idealism, and like Comte’s and Mill’s positivism, which is actualized as the antithesis of the idealism of German classical philosophy, speculative realism is actualized as the antithesis of the anti-realism of philosophical thought in the second half of the twentieth century. The meaning of speculative realism seems to lie in realism, which acquires not only an ontological but also deontological status. It opposes both the position of modernist optimism, which defines a human as the owner of being, and the position of postmodern skepticism, which defines being as a chaotic process not subject to human understanding. The exhaustion of anti-realistic (correlationist) continental philosophy (existentialism, phenomenology, structuralism, poststructuralism, analytic

philosophy) and its counter productivity in the conditions of digitalization of being and the prolongation of the Anthropocene can be determined as the origins of speculative realism.

REFERENCES

1. Berkeley, G. (2000) *Sochineniya* [Works]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
2. Kant, I. (1994) *Sochineniya: V 8 t.* [Works: In 8 vols]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Choro.
3. Fikhte, J.G. (1995) *Sochineniya. Raboty 1792–1801 gg.* [Writings. Works of 1792–1801]. Translated from German. Moscow: Lodomir. pp. 275–473.
4. Sartre, J.-P. (1989) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat. pp. 319–344.
5. Fokkema, D. (1997) The Semiotics of Literary Postmodernism. In: Bertens, H. & Foccmema, D. (eds) *International Postmodernism. Theory and literary practice*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 15–42.
6. Vattimo, G. (2004) *Nihilism and Emancipation: Ethics, Politics, and Law*. New York: Columbia University Press.
7. Prigogine, I. & Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order Out of Chaos: Man's New Dialogue With Nature]. Translated from English. Moscow: Progress.
8. Mitrofanova, O.A. & Konstantinova, N.S. (2008) *Ontologii kak sistemy khraneniya znaniy* [Ontologies as knowledge storage systems]. [Online] Available from: http://www.sci-innov.ru/icatalog_new/entry_68352.htm
9. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [Logical investigations]. Vol. I. Translated from German by E.A. Bernshteyn. Moscow: Akademicheskii Proekt.
10. Bryant, L. (2021) *Larval Subjects*. [Online] Available from: <https://larvalsubjects.wordpress.com> (Accessed: 04.12.2019).
11. Meillassoux, Q. (2105) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from French by L. Medvedeva. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
12. Brassier, R. (2007) *Nihil Unbound. Enlightenment and Extinction*. London: Palgrave Macmillan.
13. Brassier, R. (2017) Concepts and objects. *Logos*. 27 (3). pp. 227–262. (In Russian).
14. Naranovich, S. (2016) *Grem Kharman: My zhivem vnutri metafiziki* [Graham Harman: We live inside metaphysics]. [Online] Available from: <https://knife.media/graham-harman/> (Accessed: 04.12.2019).
15. Golovashina, O.V. (2018) Golovashina O.V. Objective ontology? G. Harman's Metaphysics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 34 (1). pp. 4–16. (In Russian).
16. Grant, I.H. (2006) *Philosophies of Nature After Schelling*. London; New York: Continuum.
17. Grant, I.H. (2011) Does Nature Stay What-it-is? Dynamics and the Antecedence Criterion. In: Bryant, L., Srnicek, N. & Harman, G. (eds) *The Speculative Turn Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re-press. pp. 66–83.
18. Constantine, L.L. (n.d.) *Chelovecheskiy faktor v programmirovani* [The Peopleware Papers]. Translated from English. [Online] Available from <https://www.litmir.me/br/?b=133025&p=1> (Accessed: 04.12.2019).
19. Meillassoux, Q. (2008) *Vremya bez stanovleniya* [Time without Becoming]. Translated from French. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/7657> (Accessed: 04.12.2019).
20. Harman, G. (2015) *Chetveroyakiy ob"ekt: Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object]. Translated from English by A. Morozov, O. Myshkin. Perm: Gile Press.
21. Harman, G. (2019) *Spekulyativnyy realizm: Vvedenie* [Speculative realism: An introduction]. Translated from English. Moscow: Ripol-Klassik.
22. Bryant, L., Srnicek, N. & Harman, G. (2011) Towards a Speculative Philosophy. In: Bryant, L., Srnicek, N. & Harman, G. (eds) *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re-press. pp. 1–18.
23. Bostrom, N. (n.d.) *My pochti navernyaka zhivem v komp'yuternoy simulyatsii* [Are You Living in a Computer Simulation?]. Translated from English. [Online] Available from: <https://econet.ru/articles/146560-nik-bostrom-my-pochti-navernyaka-zhivem-v-kompyuternoy-simulyatsii> (Accessed: 04.12.2019).
24. Virilio, P. (2002) *Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana* [Strategy of Deception]. Translated from English. Moscow: Gnozis; Pragmatika kul'tury.
25. Vetushinskiy, A.S. (2016) On the way to symmetry: how did ontology become flat. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 12 (108). pp. 1625–1630. (In Russian). DOI: 10.7256/1999-2793.2016.12.20796
26. Kuchinov, E. et al. (2016) *O sushchestvovanii digital'nykh ob"ektov: Beseda s Yukom Khueya* [On the existence of digital objects: A conversation with Yuk Hui]. 26 April 2016. [Online] Available from: <http://pop-philosophy.net/o-sushchestvovanii-digitalnyx-obektov/> (Accessed: 04.12.2019).
27. Kutryev, V.A. (2018) Speculative realism as the philosophy of facticity of the beginning of the end of humanity (world). (Reasoning on the book: Quentin Meillassoux. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency). *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 10. pp. 8–17. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0757.2018.10.27939

Received: 11 May 2021

ИСТОРИЯ

УДК 62-663.1(575.2)

Р.С. Бейсебаев

РАЗВИТИЕ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КЫРГЫЗСТАНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Рассматривается история развития и современное состояние угольного сектора Кыргызстана. Анализируются исторические аспекты развития угольной отрасли, возможности и проекты использования угольных ресурсов, опыт мировых технологий по переработке угля, которые могут изменить ситуацию в угольной промышленности республики в лучшую сторону.

Ключевые слова: Кыргызстан; уголь; запасы; объемы; угольная отрасль; добыча; состояние; проблемы; развитие

Интерес к изучаемой проблеме обусловлен возрастающей ролью топливных ресурсов. Уголь – один из наиболее распространенных видов полезных ископаемых – его использование повлияло на экономическое развитие многих стран мира. С производством нефтепродуктов и газа уголь становится менее востребованным. Тем не менее твердое топливо остается альтернативным источником тепла и энергии в странах, где нет достаточных запасов нефти и газа.

Актуальность темы заключается в том, что значительные запасы угля и опыт добычи твердого топлива в Кыргызстане не способствуют развитию угольной промышленности республики, наоборот, отрасль прибывает в плохом состоянии. Цель данной статьи – выполнить исторический анализ развития угольной отрасли Кыргызстана и на примере исторического опыта, а также практикующихся технологий предложить рекомендации по улучшению процесса развития угольной промышленности республики.

Среди работ по проблемам угольной сферы Кыргызстана мы на первый план ставим работу К. Какитаева, где дана характеристика расположения и объемов угольных залежей, видов углей Кыргызстана [1]. В истории угольной отрасли обращает на себя внимание работа А. Джумагулова, включавшая материал по истории угольной промышленности царской России [2]. Период развития угольной промышленности республики советского периода до Великой Отечественной войны нашел отражение в работах по индустриальному развитию Киргизии Б.Д. Чыймыловой, Дж. Уметова [3], С.А. Аттокурова [4]. Угольная промышленность Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны рассматривалась в публикации «Промышленность Киргизии в годы великих битв» [5], а послевоенного периода – в работах «Промышленность Киргизии в послевоенные годы (1946–1955)» [6] и публикации Б.Ш. Чормонова и А.Ф. Сидорова «Промышленный прогресс Киргизской ССР» [7]. Современное состояние и проблемы отрасли отдельными аспектами нашли освещение в статьях С. Атанаевой [8], А.Б. Байшуаковой [9], Т.К. Койчуева [10], М. Козака [11]. Вышеперечисленные работы отражали текущее состояние, проблемы и перспективы угольной отрасли Кыргызстана. В то же время не нашли отражение проблемы строительства и введения в эксплуатацию ТЭС и использование технологии по конверсии угля в жидкие углеводороды.

На территории страны месторождения и углепроявления группируются в четыре бассейна: Южно-Ферганский (Сулюкта, Кызыл-Кия, Бешбурхан, Абшир, Алмалык), Узгенский (Кок-Янгак, Кумбель, Зиндан), Северо-Ферганский (Таш-Кумыр, Кара-Тут, Тегенек), Кавакский (Кок-Мойнок, Мин-Куш, Кара-Кече) и три угленосных района: Алайский, Алабука-Чатыркульский и Южно-Иссыккульский. Общий запас угленосных районов оценивается в 28,3 млрд т, из них 2,3 млрд т – разведанные, 26 млрд т – прогнозные [12].

По другим данным, геологические запасы угля составляют 31,4 млрд т, балансовые запасы – 2,4 млрд т. Угольные ресурсы имеют неравномерное расположение по территории республики: 65% угля приходится на Южный Кыргызстан, 33% – на Нарынскую, 2% – на Иссык-Кульскую области. Более 70% угольных месторождений сосредоточено в горных районах республики [13]. Среди стран СНГ Кыргызстан занимает четвертое место по запасам угля [14]. Месторождения угля в Кыргызстане по виду классифицируются на каменный уголь и бурый уголь, которые отличаются друг от друга плотностью, цветом, зольностью, содержанием углерода, водорода, кислорода и азота.

Угольная добыча в Кыргызстане имеет более чем вековую историю. Вхождение южно-кыргызских земель в состав России послужило одной из важнейших предпосылок для зарождения горнодобывающей промышленности и формирования частнокапиталистического уклада в Кыргызстане. После геологических разведывательных работ, выполнявшихся российскими специалистами, первые угольные копи были заложены в 1868 г. в Кок-Кенесее в районе Сулюкты. Однако во время военных действий в Кокандском ханстве шахты были разрушены. Работа на них возобновилась после ликвидации ханства.

В 1884 г. угледобыча на Кок-Кенесайских копиях составляла 209 130 пудов¹ (3 425 т). С проникновением российского капитала и участием местного купечества в 1884 г. образуется «Первое Среднеазиатское горнопромышленное товарищество». Оно начало разработку бурого угленосных месторождений в районе Сулюкты. Российскими предпринимателями велась добыча угля также на Таш-Кумырском угольном месторождении, где было получено 35 тыс. пудов угля (574 тыс. т) [2. С. 86]. Наемными рабочими на крупных ремесленных и частнокапиталистических предприятиях были выходцы из городской и сельской бедноты, а часть квалифицированной рабочей силы

была из разорившихся ремесленников и мастеров кустарного производства.

В начале 1890-х гг. в Туркестанском крае действовали Нарынская и две Кок-Кенесайские угольные копи. С 1898 года была организована угледобыча в Кызыл-Кийском угленосном бассейне (ущелье Джин-Джиган). Начали разрабатываться Уч-Курганские угольные копи. Образовавшееся в 1899 г. в Антверпене (Бельгия) акционерное «Анонимное общество Туркестанской промышленности» с капиталом в 1,5 млн франков начало полноценно функционировать в 1906 г. под наименованием товарищества «Назаров и К^о», которое заложило угольные копи в районе Таш-Кумыра и в урочище Джиды-Булак в Ляйлякской волости Кокандского уезда (ныне Баткенская область) [2. С. 87].

В 1903 г. в Кызыл-Кие французские предприниматели организовали промышленную угледобычу. Французов в 1908 г. сменил россиянин Н.Д. Батюшков, выкупивший все участки и заложивший две вертикальные шахты. Важным фактом для развития угольного региона стала построенная в 1909 г. узкоколейная железная дорога, соединившая южный город с железнодорожной станцией Скобелево (Фергана). В 1912 г. российский предприниматель создал акционерное общество и привлек германские инвестиции. Так, в 1913 г. это акционерное общество «Кызыл-Кия» добыло 51,1 тыс. т угля [4. С. 167].

С 1910 г. разрабатываются новые угольные месторождения Кызыл-Кии, Сулюкты, Кок-Янгака, Таш-Кумыра. В 1913 г. объемы добычи составили до 113,2 тыс. т угля [4. С. 167]. В 1916 г. мощности шахт разрабатанных месторождений в Таш-Кумыре составляли от 50 до 100 тыс. т угля в год [15]. Добыча угля производилась в условиях отсутствия механизации и электрификации. Низкий уровень условий труда был характерным для зарождающейся промышленности. В таких обстоятельствах добыча угля предпринимателями и местным населением на шахтах Кызыл-Кии, Сулюкты, Кок-Янгака, Таш-Кумыра в 1917 г. составляла 166 тыс. т [13].

После Февральской революции добываемые объемы угля стали причиной образования Общества горнопромышленников. В Кызыл-Кие перед Великой Октябрьской революцией добывалось порядка 50% угля всего Кыргызстана [2]. В 1917 г. на шахтах Кок-Кенесайская (две копи, Сулюкта), Таш-Кумыр, Джин-Джиган (Кызыл-Кия), Джиды Булак (Нарын), Кок-Янгак добыча угля составляла 182 368 т и было занято 2 820 рабочих [4. С. 114]. Для сравнения: до Первой мировой войны на угольных разрезах Подмосковского бассейна трудилось около 3 тыс. человек. В целом максимальный уровень добычи угля в Российской империи был зафиксирован в 1914 г. – 36,1 млн т. При этом динамика носила «ступенчатый» характер, за ростом следовали периоды стабилизации и даже некоторого спада (в 1905 и 1908–1910 гг.). Это было связано с революционными событиями (1905 г.) и общей депрессией экономики страны (1908–1910 гг.). Добыча развивалась главным образом в связи с возникновением новых предприятий, специально рассчитанных на потребление каменного угля, и толь-

ко в незначительной части за счет вытеснения древесного топлива. Всего в Российской империи насчитывалось свыше 550 угольных рудников и более 1 тыс. шахт, где число рабочих в 1913 г. составило около 225 тыс. [16].

Растущий спрос на уголь в царской России, с учетом присоединения новых территорий, послужил поводом для открытия первой страницы истории Кыргызстана в угольной промышленности. Появляются новые рабочие места, создаются предпосылки по созданию традиционного производства.

Исторический контекст развития угольной добычи в дореволюционном Кыргызстане указывает на факты привлечения внутренних и внешних инвестиций. Разрабатываются новые месторождения, с каждым годом география угледобычи расширяется, объемы добычи растут. Разработанные угольные разрезы с привлечением российских, европейских, а также инвестиций местных предпринимателей «Первое Среднеазиатское горнопромышленное товарищество», «Анонимное общество Туркестанской промышленности» («Назаров и К^о») – первые относительно крупные объединения в Кыргызстане. Функционирование таких предприятий способствует появлению и усилению нового слоя населения – рабочего класса, который внесет коррективы в дальнейшее развитие событий. Шахтеры активно принимали участие в формировании и укреплении советской власти после Октябрьской революции.

В конце марта 1918 г. было национализировано российско-бельгийское акционерное общество «Назаров и К^о» на основании постановления Совета народных комиссаров «О конфискации предприятий и всего имущества Русско-Бельгийского металлургического общества». По всему Кыргызстану начался процесс национализации угольных предприятий. В 1919 г. 3 100 рабочих добывали 174 432 т угля, в 1920 г. 3 тыс. рабочих – 156 512 тыс. т [4. С. 62, 114]. Спад объемов добычи угля и сокращение количества рабочих на рудниках были обусловлены началом Гражданской войны. Урон, нанесенный басмаческим движением, износ оборудования, слабое продовольственное обеспечение и отток квалифицированных кадров сократили добычу угля. Тем не менее снабжение региона твердым топливом продолжалось.

В 1920 г. был принят государственный план электрификации России. Это был комплексный проект, направленный на решение нескольких проблем: транспортной, топливной, продовольственной и др. На базе электрификации соединялись воедино процессы добычи топлива, производства сельскохозяйственной продукции, их оборота по стране и развития электроэнергетики [17]. По окончании Гражданской войны этот план способствовал восстановлению и развитию угольного сектора Кыргызстана.

С 1925 г. начинается новый этап хозяйственной жизни Кыргызстана, который характеризуется ускорением строительства новых предприятий и ростом продукции. Были восстановлены и частично реконструированы каменноугольные шахты Кызыл-Кии, Сулюкты, рудник Туя-Муюн [18]. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии большевиков, со-

стоявшийся в декабре 1925 г., поставил задачу превратить аграрный Кыргызстан в индустриальный. Съезд обратил внимание на необходимость преимущественного развития тяжелой промышленности, машиностроения и электрификации [3. С. 11].

В 1923–1925 гг. в угольное хозяйство Кыргызстана было ассигновано 350 тыс. руб., а в 1925–1926 – 432 тыс. руб. [4. С. 190]. В сентябре 1927 г. все месторождения были объединены в трест «Средазуголь» союзного значения. Предприятия Сулюкты, ранее находившиеся в ведении Узбекистана, согласно постановлению Центрального исполнительного комитета СССР, в июле 1928 г. были переданы Кыргызстану. Таким образом, Кыргызстан стал угольным центром Средней Азии.

Во второй половине 1930-х гг. в Кызыл-Кие открыты новые шахты, реконструированы старые, появились подземные электровозы, увеличилось количество врубовых машин. Это сказывалось на росте угледобычи. Если в 1933 г. угольная промышленность республики дала 772,9 тыс. т топлива, в 1934 г. – 990 тыс. т, то в 1937 г. – 1,2 млн т. В октябре 1938 г. было завершено строительство дороги, связавшей горный Кетмень-Тюбинский район с железнодорожной станцией Таш-Кумыр [19. С. 339–340]. Развитие угольной промышленности Кыргызстана как регионального угольного центра Средней Азии закреплялось ежегодным ростом объемов добычи угля.

Таким образом, в годы советской власти до начала Великой Отечественной войны объемы добычи угля значительно выросли. Такой рост был связан с механизацией угольных шахт. Начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои коррективы. Произошло сокращение численности квалифицированных рабочих (многие шахтеры ушли на фронт и на шахтах использовался женский труд), а также изношенность горной техники усложнили добычу угля [20]. Тем не менее изучение каменноугольных месторождений и добыча угля Кыргызстана были продолжены. В 1941–1943 гг. на разведывательные работы было затрачено 7 млн руб. [7. С. 43]. Геологи Киргезологического управления и трест среднеазиатской угольной разведки составили детальные карты месторождений угля. Наиболее перспективными были признаны образцы из местностей Туюк, Беш-Терек, Кара-Тюбе (Узгенский бассейн). Новые разработки угля в Кыргызстане велись для того, чтобы обеспечить топливом промышленные объекты, которые были эвакуированы с оккупированных Германией территорий. Благодаря упорному труду шахтеров, добыча каменного угля в Кыргызстане продолжалась. На всем протяжении войны оборонная промышленность и железнодорожный транспорт Средней Азии и Южного Казахстана бесперебойно снабжались топливом [21. С. 78–80]. Более того, добыча угля с 1940 г. и последующие военные годы по сравнению с 1913 г. увеличилась и составила 1 млн 751 тыс. т [22]. Таким образом, труд шахтеров Кыргызстана в тяжелых условиях внес вклад в победу над Германией.

После Великой Отечественной войны темпы развития угольной промышленности возрастают. Начались разработки новых месторождений. На угольных

шахтах труд горняков с применением породопогрузочных и углепогрузочных машин, тяжелых врубовых машин и других механизмов стал более производительным. Количество скреповых транспортеров в годы четвертой пятилетки увеличилось в 47 раз, электровозов – более чем в 3 раза, в 1948–1950 гг. в 6 раз [21. С. 108]. Такой прогресс объяснялся тем, что все эвакуированные предприятия с западной части СССР остались в Кыргызстане, получили свое развитие и продолжали восстанавливать послевоенную экономику.

В 1960–1970-е гг. добыча угля составляла до 3,5 млн т в год. Велись работы по строительству угольного разреза «Кара-Суу», шахты «Северная-2» в Таш-Кумыре, шахты № 8 рудоуправления «Сулюкта», крупной шахты «Джин-Джиган» в Кызыл-Кие. В 1960 г. начала давать уголь шахта «Сары-Булак» в Кок-Янгаке. В середине 1970-х гг. угольная добыча в отдельные годы достигала 4,5 млн т [22]. Такие результаты могли быть достигнуты в связи с увеличением объемов потребления угля, ростом числа квалифицированных специалистов, механизацией и электрификацией процесса добычи угля и введением в эксплуатацию Фрунзенской ТЭЦ (далее Бишкекская ТЭЦ). Она была построена с целью энергоснабжения камвольно-суконного комбината. В качестве растопочного топлива применялись газ и мазут и отсеvy Таш-Кумырского угля. С 1973 по 2017 г.² Бишкекская ТЭЦ использовала 95% ввозных/импортируемых энергоносителей, включая 50% угля, а также газообразные и нефтепродукты [23]. Таким образом, по показателям добычи угля этот период можно характеризовать как лучший в истории угольной промышленности Кыргызстана. Результаты, которые были достигнуты в отрасли до середины 1980-х гг., останутся рекордными и не получат успешного продолжения.

До начала перестройки угольная промышленность республики переживала подъем. В 1985–1991 гг. объемы добычи угля сокращаются с 2,9 до 3,6 млн т в год [24. С. 94]. Переход к рыночным отношениям ослабляет угольную отрасль республики. Государственное финансирование сектора снижается.

Выстроенная в годы СССР система угольной промышленности с приобретением независимости была разрушена. Было упразднено централизованное материально-техническое снабжение. Поступление инвестиций прекратилось, устаревшее оборудование требовало замены, отток квалифицированных специалистов привел к нехватке кадров и снижению качественных показателей добычи угля. Заработная плата в связи с инфляцией обесценилась. Отрасль перешла на самофинансирование при резком увеличении стоимости потребляемых материально-технических ресурсов. Добываемые объемы угля не удовлетворяли внутренний спрос.

Трудовая миграция из коллективов угледобывающих предприятий привела к сокращению численности квалифицированных специалистов. Например, в 1994–1995 гг. из республики уехало свыше 100 тыс. человек, из них 70 тыс. – в Россию [25], что значительно снизило показатели развития и состояние угольной отрасли Кыргызстана. Многие шахты устарели и требовали серьезных инвестиций для глубин-

ной добычи угля. Механизация добычи угля не соответствовала современным требованиям. Дальнейшее раздробление на мелкие частные компании усугубило положение угольного сектора.

Другая причина, оказавшая влияние на состояние отрасли, – продолжающаяся низкая конкурентоспособность кыргызских углей на внутреннем и внешнем рынках сбыта. Уровень цен на продукцию и неконкурентоспособность привели отрасль к крайне тяжелому состоянию. Продажная цена угля не покрывала затраты на его добычу, а повышение цен неизбежно приводило к снижению спроса в связи с низкой покупательской способностью потребителей. Список проблем продолжают нерентабельные шахты и разрезы со сложными горно-технологическими условиями, которые исчерпали свой проектный ресурс работы. В результате предприятия оставались без оборотных средств.

Многие угольные предприятия обанкротились и прекратили свое существование. Немалый вклад в работу угольных предприятий внесла программа PESAC (ПЕСАК), профинансированная Всемирным банком и реализованная в Кыргызстане в 1993–1996 гг., которая была направлена на реорганизацию и уничтожение крупных государственных предприятий, считавшихся убыточными. Например, коллектив и руководство шахтоуправления в Кызыл-Кие в 1994 г. вынуждены были принять предложение о вхождении в программу (ПЕСАК). Процветание страны за счет форсирования демократических и либеральных реформ при помощи Запада де-факто не оправдалось. Нерентабельность и бесперспективность отрасли привели к новой волне утечки квалифицированных кадров. Угольная промышленность Кыргызстана продолжала находиться в чрезвычайно сложном положении.

Кризис в угольной отрасли страны привел к тому, что в середине 1990-х прорабатывались проекты, которые могли бы улучшить ситуацию в угольной отрасли. Планировалось построить железную дорогу к Кара-Кеченскому месторождению, что позволило бы развивать угольные месторождения Нарынской области и облегчило бы доставку твердого топлива потребителям. Однако это вызвало критику специалистов, были обозначены основные причины невозможности осуществления такого проекта:

- отсутствие обоснованных технико-экономических расчетов, предусматривающих сроки строительства, освоения и окупаемости;

- стремление организаторов к получению быстрой выгоды по привычке того времени: мало вложил, приватизировал, а дальше «выкачивай» ощутимые доходы;

- форма собственности неизвестная, средства общественные, эксплуататоры железной дороги абстрактные;

- неготовность государства и общества к осуществлению долгосрочных проектов, имеющих перспективу [10. С. 98].

К этим причинам, на наш взгляд, можно также добавить и другие:

- 1) отсутствие квалифицированных кадров для осуществления проекта;

- 2) отсутствие отлаженной системы добровольного сбора средств;

- 3) недоверие народа (вкладчиков) в отношении целевого использования средств;

- 4) отсутствие опыта осуществления крупномасштабных проектов без внешней поддержки;

- 5) административное давление при сборе средств.

В то же время рассматривался вариант использования автомагистрали, которая заменила бы железную дорогу. Однако в условиях высокогорья, сложных климатических условий, эксплуатации большегрузных машин строительство автодороги – это нерентабельный, очень затратный проект.

Автомагистраль и железная дорога не были построены. Показатели 2015–2016 гг., когда было добыто 1,2 млн т угля, практически не отличаются от показателей добычи в годы Великой Отечественной войны. При том, по данным Государственного комитета промышленности, энергетики и недропользования Кыргызской Республики, в год потребность страны в углях составляет 2,5 млн т [26]. Следует напомнить, что в кризисные для отрасли годы перестройки добываемые объемы угля были гораздо выше (от 2,9 до 3,6 млн т в год).

В 2020 г. по сравнению с предыдущими годами было добыто больше – 1,7 млн т угля (1,3 млн т – бурый уголь и 395 тыс. т – каменный) [27], тем не менее, такой прирост не покрывал внутренних потребностей страны. Кыргызстан продолжает импортировать порядка 800 тыс. т угля из Казахстана. Более того, факт поступления в Кыргызстан радиоактивного угля из соседней республики и отказ от него [28. С. 54] вернул актуальность разработки и использования отечественного угля.

Необходимо отметить, что проведенные мероприятия по поиску новых месторождений сконцентрировали общественное внимание на Кавакском буром угольном бассейне в Джумгалском районе Нарынской области (геологические запасы угля составляют 800 млн т). Интерес к нему вызван тем, что часть месторождений Кара-Кече может быть отработана наиболее экономичным открытым способом.

Кроме того, объединением «Кыргызгеология» уточнены запасы углей Кок-Мойнокского и Мин-Кушского месторождений, также пригодных для открытой разработки. Мощность только Мин-Кушского карьера составляет 1 млн т [13]. В целом по республике в Ошской области определено 10 месторождений. В Джалал-Абадской области – шесть месторождений, в Нарынской – четыре [24. С. 83–86]. В случае эффективной работы перечисленные угольные бассейны могут приносить дополнительные доходы, одновременно удовлетворяя внутренние потребности страны.

Учитывая существующие проблемы в угольном хозяйстве, руководству страны необходимо создать условия для привлечения внешних и внутренних инвестиций. Месторождения должны разрабатываться под государственным контролем/координацией. Историческая практика развития угольной отрасли Кыргызстана показала, что увеличение объемов добычи угля было достигнуто в связи с привлечением инвестиций и государственным финансированием. Особое

внимание следует обратить на создание совместных предприятий, применяя налоговые каникулы. Выпуск внутренних государственных займов с последующим погашением за счет эксплуатации результатов проекта государством или распределение общей стоимости проекта между владельцами государственного займа пропорционально объему также могут быть приняты во внимание.

Объединение существующих мелких неконкурентоспособных угольных предприятий – необходимый процесс, который позволит привлекать инвестиции и получить поддержку межгосударственных финансовых фондов и государственного бюджета. Предприниматели, приватизировавшие угольные месторождения, не способны самостоятельно финансировать на должном уровне свое производство. Большая часть из них ограничиваются лишь теми объемами, которые продаются заказчикам, приехавшим на карьер. Другими словами, сколько приехало грузовых машин («частников»), столько угля и отгружается. Такой подход – это бесперспективное существование. Отсутствие государственного заказа, мониторинга рынка по реализации, собственных автотранспортных средств по перевозке твердого топлива, сетей реализации и прочее приводят к тому, что частные угледобывающие компании не стремятся к привлечению инвестиций и увеличению объемов добычи угля.

Перечень проблем угольной отрасли из года в год не меняется. Тем не менее существуют альтернативные проекты, которые могут вывести угольную отрасль Кыргызстана на лидирующие позиции. Спрос на твердое топливо в стране ведет к тому, что добыча угля в стране должна развиваться.

В связи с этим предлагается наращивание производственного и экономического потенциала угольной отрасли посредством строительства и введения в эксплуатацию ТЭС, которые могут вывести угледобывающую промышленность в лидирующую отрасль экономики Кыргызстана. Себестоимость электричества, получаемая на ТЭС, дороже, чем электроэнергия ГЭС. Однако ТЭС для выработки электроэнергии могли бы стать хорошей подстраховкой в обеспечении энергетической безопасности страны. Тем более, что гидроэнергетика в маловодный период вынуждает руководство страны импортировать необходимые мощности электроэнергии. Эксплуатация ТЭС позволила бы ввести в строй новые промышленные объекты в регионах и обеспечили бы заказами частные угледобывающие компании.

В 2006 г. Правительство Кыргызской Республики планировало построить ТЭС на угольном месторождении Кара-Кече. По предварительным данным, мощность предполагаемой тепловой электростанции можно довести до 2 млн кВт с годовой выработкой электроэнергии 6,6 млрд кВт/ч [24. С. 101, 103]. Строительство ТЭС на месторождении Кавакского бассейна (Кокомерен, Мин-Куш, Кара-Кече) обеспечило бы не только надежность работы энергетической системы, но и сделало бы отрасль привлекательной для инвесторов.

Историческая практика показала, что в годы становления угольной промышленности и индустриализации,

в Кыргызстане важную роль играло использование угля на ТЭС для обеспечения населения и промышленных объектов электроэнергией. Использование угля на ТЭС играло важную роль до и в годы Великой Отечественной войны, а также после, до введения в эксплуатацию гидроэлектростанций.

Поступательное строительство тепловых электростанций на угольных разрезах, где добычу угля можно осуществлять открытым способом, – актуальное направление. На строительство новых гидроэлектростанций требуются миллиарды долларов, тогда как поэтапное строительство и введение в эксплуатацию ТЭС менее затратны. Получаемую электроэнергию можно использовать в самом регионе или близлежащих. Электрификация регионов будет способствовать улучшению бытовых условий населения. Потребление угля в частном секторе уменьшится. Снизится нагрузка на гидроэлектростанции.

Использование угля в выработке электроэнергии не теряет актуальности. Стремительно развивающийся Вьетнам активно использует уголь в связи с растущим спросом на электричество. В стране строятся угольные электростанции совокупной мощностью 10 640 МВт, а также одобрены ТЭС мощностью 8 750 МВт. Следует отметить, что в Азии более современные ТЭС, чем в Европе и Северной Америке. Многие из них оснащены технологией HELE (high efficiency low emissions – высокая производительность, низкие выбросы) [29]. Во Вьетнаме уголь остается одним из основных источников энергии, и Кыргызстану следует обратить на это пристальное внимание.

Для улучшения ситуации в угольной отрасли необходимо вести переговоры с такими угольными странами, как Россия, Казахстан (союзники по ЕАЭС). Россия является одним из крупнейших производителей угля в мире, занимает пятое место среди угледобывающих держав мира и третье место, после Австралии и Индонезии, в международной торговле углем [30]. Опыт России по ведению угольного хозяйства колоссальный, им необходимо воспользоваться. Заручившись поддержкой РФ, возможна модернизация угольной отрасли Кыргызстана. В рамках обмена опытом привлечение и подготовка профильных специалистов в вузах России – вполне выполнимые перспективы.

Кыргызстан также может использовать мировой опыт по конверсии угля в жидкие углеводороды. Внедрение новых технологий по конверсии угля может значительно повлиять на текущее состояние угольной отрасли. Угольная промышленность может занять лидирующие позиции в стране. Внедрение такой технологии в перспективе позволит снизить зависимость Кыргызстана от импорта жидкого топлива и газа. Появится надежность снабжения транспортного сектора. Снижается риск зависимости от резких изменений поставок и цен на продукты нефтепереработки, дает возможность для налаживания промышленного сектора страны. К сведению, Компания Shenhua Group (Китай) начала разработку своего собственного крупного проекта в Ордосе – Внутренняя Монголия (сметная стоимость 3 млн долл., максимальная мощность – 5 млн баррелей в год) [11. С. 7, 14].

Использование новых технологий по переработке угля можно внедрять на крупных месторождениях. Угольный сектор Кыргызстана имеет достаточный природный потенциал. Разведанные запасы угольных месторождений свыше 2 млрд т – это существенные показатели, которые позволяют вести разработки угля в промышленных масштабах. Наличие угольных запасов и эффективное их использование снижает риски зависимости Кыргызстана от импортируемых углеводородов и способствуют производству дополнительной электроэнергии. Эффективное производство угля может значительно повлиять на состояние топливно-энергетического сектора.

Очень важным компонентом в развитии угольного сектора Кыргызстана является использование профессионалов. Следует иметь в виду, что для достижения успехов в угольной отрасли необходимо искоренение коррупции. Только в таких условиях угольная отрасль будет привлекательна для инвесторов. Необходимо избегать привлечения специалистов по политическим мотивам, по принципам клановости, трибализма. В противном случае это может привести к присвоению объекта группой людей в ущерб государству и обществу. Кроме того, управление и развитие должны осуществляться стабильно, независимо от внутриситуационной ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Один пуд равен 16,3804964 кг.

¹ С 2018 г. ТЭЦ работает на кыргызстанском угле. На севере страны крупнейшим производителем электроэнергии является Бишкекская ТЭЦ, которая покрывает около 15% потребности страны. Ее мощность – 812 МВт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Какитаев К. Характеристика основных угольных месторождений Кыргызской Республики. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/ie/capact/ppp/pdfs/kakitaev_kyrgyz.pdf
2. Джумагулов А. Өмүрдөгү өтөлгө (Жизненный путь). Бишкек, 2004. 524 с.
3. Чыймылова Б.Д., Уметов Дж. Развитие промышленности Киргизии в годы довоенных пятилеток (1928 – июнь 1941). Фрунзе, 1967.
4. Аттокуров А.С. История индустриального развития Киргизии (1917–1937 гг.). Фрунзе, 1965. 463 с.
5. Аттокуров А.С. Промышленность Киргизии в годы великих битв. Фрунзе, 1975. 150 с.
6. Аттокуров С.А. Промышленность Киргизии в послевоенные годы (1946–1955). Фрунзе, 1990. 189 с.
7. Чормонов Б.Ш., Сидоров А.Ф. Промышленный прогресс Киргизской ССР. Фрунзе, 1963.
8. Атанаева С. Миграционные процессы в Кыргызстане в период суверенитета // Портал «История Кыргызстана и кыргызов». URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1762.
9. Байшуакова А.Б. Стратегическая матрица стратегий Кыргызстана: ретроспектива, современность и сценарии будущего развития. Индустриальные шаги Республики. М., 2007. 440 с. URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/history/kyrgyzstan-during-the-soviet-period/28-industrialnye-shagi-respubliki.html>.
10. Кыргызстан – выбор пути развития в цивилизованном мире // Внешнеторговые связи между Кыргызстаном и Турцией в годы независимости: сер. изд. НАН КР под ред. Койчуева Т.К. Бишкек, 2015. 267 с.
11. Козак М. Конверсия угля в жидкие углеводороды. Energy Charter Secretariat, 2007 Boulevard de la Woluwe, 56 B-1200 Brussels, Belgium. URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Thematic/CTL_in_Poland_2008_ru.pdf.
12. Горная энциклопедия. URL: <http://www.mining-enc.ru/k/kirgizskaya-sovetskaya-socialisticheskaya-respublika>
13. Топливно-промышленность // Информационный портал OPEN.KG. URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/kyrgyz-economy/industry/1463-toplivnaya-promyshlennost.html>
14. Изабаев К. Кыргызстан занимает четвертое место в СНГ по запасам угля // Vzglyad. URL: <http://www.vzglyad.kg/society/524>
15. Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 105. Производительность угледобычи одного горнорабочего в 1916 году. Опись 2. Д. 815. Л. 22.
16. Петров И.М. Угольная промышленность России до революции 1917 года // Горная Промышленность. 2019. № 5. С. 28–32. URL: <https://mining-media.ru/ru/article/newtech/15280-ugolnaya-promyshlennost-rossii-do-revolutsii-1917-goda>
17. История отрасли // Российский уголь, Росинформуголь. URL: https://www.rosugol.ru/museum/?SHOWALL_1=1
18. Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 23. Восстановленные и частично реконструированные каменноугольные шахты Кызыл-Кия, Сулюкты, рудник Туя-Муюн. Оп. 1. Д. 1159. Л. 116.
19. История Киргизской ССР. Фрунзе, 1986. Т. 3.
20. Индустриальные шаги Республики // Информационный портал OPEN.KG. URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/history/kyrgyzstan-during-the-soviet-period/28-industrialnye-shagi-respubliki.html>
21. История Киргизской ССР. Фрунзе, 1986. Т. 4.
22. Угольная промышленность Кыргызстана. URL: <https://rus.gateway.kg/industry/promyshlennost-kyrgyzstana/sectors/mining/coal-mining/>
23. Бишкекская ТЭЦ // Википедия – Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бишкекская_ТЭЦ
24. Бейсебаев Р.С. История топливно-энергетического сектора Кыргызской Республики в годы независимости в контексте сотрудничества с зарубежными странами (1991–2016) : дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2019. URL: <http://arabaev.kg/dt.kg/uploads/Диссертация%20Бейсебаев%20Р..pdf>
25. Экономика Кыргызстана. URL: <http://www.kgz.moost.ru/ekonomob.php>
26. Более 1 миллиона тонн угля в Кыргызстане остается без учета // Новости Кыргызстана 24.kg. URL: https://24.kg/vlast/180449_boleev_1milliona_tonn_uglya_v_kyrgyzystane_ostaetsya_bez_ucheta
27. В КР добыто почти 1,7 млн т угля в 2020 году // Акчабар. Финансовый портал. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/v-kr-dobyto-pochti-17-mln-tonn-uglya-v-2020-m/>
28. Бейсебаев Р.С. Проблемы топливно-энергетического сотрудничества Кыргызстана и Казахстана на евразийском пространстве // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 53–57. DOI: 10.17223/19988613/50/7
29. Мировая энергетика никак не избавится от угля // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/06/29/774209-energetika-ne-izbavitsya-ot-uglya>
30. Россия в мировой угольной промышленности // Горная Промышленность. URL: <https://mining-media.ru/ru/article/ekonomicheskoe/942-rossiya-v-mirovoj-ugolnoj-promyshlennosti>

Статья представлена научной редакцией «История» 11 января 2021 г.

Development of the Coal Industry in Kyrgyzstan: Historical Experience, Current State, and Ways Out of the Crisis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 101–108.

DOI: 10.17223/15617793/471/12

Rakhat S. Beisebaev, Bishkek State University (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: beisebaev.ra@mail.ru

Keywords: Kyrgyzstan; coal; stocks; volumes; coal industry; mining; state; problems; development.

The article examines the historical aspects, state, main problems and prospects for the development of the coal industry in Kyrgyzstan. Printed and electronic publications, materials of the Central State Archive of the Kyrgyz Republic are used as sources. The main aim is to carry out a historical analysis of the development of the coal industry in Kyrgyzstan and, using the example of historical experience and current technologies, to offer recommendations for improving the development of the coal industry in the republic. The article notes that Kyrgyzstan possesses significant coal reserves. With the annexation of the Kyrgyz lands to the Russian Empire, the industry received Russian and European investments and began the first steps of the development. With the advent of Soviet power, production volumes increased and the development of new fields was a concomitant factor. The years of the Great Patriotic War did not affect the rate of coal production. Plants and factories evacuated from the European part of Russia and Ukraine to Kyrgyzstan later served as a detonating factor in the industrial approach to coal mining. The best indicators of coal production volumes and the development of deposits, reflected in the multiplier effect on the growth of the number of enterprises, social facilities, living conditions, are the 1960s–1970s, before the start of perestroika. During the years of perestroika and the period after the collapse of the Soviet Union, the coal industry in Kyrgyzstan saw a decline in its development. Having become independent, the republic was unable to cope with the problems. The unprofitability of coal enterprises, their disintegration into small joint-stock companies, staff reduction, accidents at mines and their flooding, the outflow of qualified specialists, the lack of adequate funding, the obsolescence of equipment, the lack of depreciation, the loss of value of coal wages destroyed the industry. The import of Kazakh coal continued. In order to support and develop the coal sector and the economy of Kyrgyzstan, it is proposed to use historical experience. To do this, it is necessary to restore state control and proper financing on an ongoing basis, restore and increase the volume of coal production, and modernize it. It is necessary to use the experience of the coal mining countries of the EAEU (Russia, Kazakhstan), the labor of qualified specialists; to attract investments; to create joint ventures with state participation providing tax holidays. It is necessary to set and solve ambitious tasks. It is recommended to build thermal power plants on large coal deposits where open-pit coal mining can be carried out, which can significantly relieve hydroelectric power plants by generating additional volumes of electricity, and introduce technologies for converting coal into gas and liquid fuel, using world experience.

REFERENCES

1. Kakitayev, K. (n.d.) *Kharakteristika osnovnykh ugol'nykh mestorozhdeniy Kyrgyzskoy Respubliki* [Characteristics of the main coal deposits of the Kyrgyz Republic]. [Online] Available from: https://unecce.org/fileadmin/DAM/ie/capact/ppp/pdfs/kakitayev_kyrgyz.pdf
2. Dzhumagulov, A. (2004) *Life path*. Bishkek: [s.n.]. (In Kyrgyz).
3. Chymylova, B.D. & Umetov, Dzh. (1967) *Razvitiye promyshlennosti Kirgizii v gody dovoennykh pyatiletok (1928 – iyun' 1941)* [The development of industry in Kyrgyzstan during the pre-war five-year plans (1928 – June 1941)]. Frunze: [s.n.].
4. Attokurov, A.S. (1965) *Istoriya industrial'nogo razvitiya Kirgizii (1917–1937 gg.)* [History of the industrial development of Kyrgyzstan (1917–1937)]. Frunze: [s.n.].
5. Attokurov, A.S. (1975) *Promyshlennost' Kirgizii v gody velikikh bitv* [Industry of Kyrgyzstan in the years of great battles]. Frunze: [s.n.].
6. Attokurov, S.A. (1990) *Promyshlennost' Kirgizii v poslevoennnye gody (1946–1955)* [Industry of Kyrgyzstan in the post-war years (1946–1955)]. Frunze: Ilim.
7. Chormonov, B.Sh. & Sidorov, A.F. (1963) *Promyshlennyy progress Kirgizskoy SSR* [Industrial progress of the Kirghiz SSR]. Frunze: Kirgosizdat.
8. Atanaeva, S. (2013) *Migratsionnye protsessy v Kyrgyzstane v period suvereniteta* [Migration processes in Kyrgyzstan during the period of sovereignty]. [Online] Available from: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1762
9. Bayshukova, A.B. (2007) *Strategicheskaya matritsa strategiy Kyrgyzstana: retrospektiva, sovremennost' i stsennariy budushchego razvitiya. Industrial'nye shagi Respubliki* [Strategic matrix of Kyrgyzstan's strategies: retrospective, present, and future development scenarios. Industrial steps of the republic]. [Online] Available from: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/history/kyrgyzstan-during-the-soviet-period/28-industrialnye-shagi-respubliki.html>
10. Koychuev, T.K. (ed.) (2015) *Kyrgyzstan – vybor puti razvitiya v tsivilizovannom mire* [Kyrgyzstan chooses the path of development in the civilized world]. In: *Vneshnetorgovye svyazi mezhdu Kyrgyzstanom i Turtsiei v gody nezavisimosti* [Foreign trade relations between Kyrgyzstan and Turkey in the years of independence]. Bishkek: NAS KR.
11. Kozak, M. (2007) *Konversiya uglya v zhidkie uglevodороды* [Conversion of coal into liquid hydrocarbons]. Energy Charter Secretariat, Boulevard de la Woluwe, 56 B-1200 Brussels, Belgium. [Online] Available from: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Thematic/CTL_in_Poland_2008_ru.pdf
12. *Gornaya entsiklopediya* [Mining Encyclopedia]. [Online] Available from: <http://www.mining-enc.ru/k/kirgizskaya-sovetskaya-socialisticheskaya-respublika>
13. OPEN.KG. (2014) *Toplivnaya promyshlennost'* [Fuel industry]. [Online] Available from: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/kyrgyz-economy/industry/1463-toplivnaya-promyshlennost.html>
14. Izabaev, K. (n.d.) *Kyrgyzstan zanimaet chetvertoe mesto v SNG po zapasam uglya* [Kyrgyzstan ranks fourth in the CIS in terms of coal reserves]. [Online] Available from: <http://www.vzglyad.kg/society/524>
15. Central State Archive of the Kyrgyz Republic. Fund 105. *Proizvoditel'nost' ugledobychi odnogo gornorabochego v 1916 godu* [Productivity of coal mining of one miner in 1916]. List 2. File 815. Page 22.
16. Petrov, I.M. (2019) *Ugol'naya promyshlennost' Rossii do revolyutsii 1917 goda* [The coal industry of Russia before the Revolution of 1917]. *Gornaya Promyshlennost'*. 5. pp. 28–32. [Online] Available from: <https://mining-media.ru/ru/article/newtech/15280-ugolnaya-promyshlennost-rossii-do-revolutsii-1917-goda>
17. Rosugol.ru. (n.d.) *Istoriya otrasli* [History of the industry]. [Online] Available from: https://www.rosugol.ru/museum/?SHOWALL_1=1
18. Central State Archive of the Kyrgyz Republic. Fund 23. *Vosstanovlennyye i chastichno rekonstruirovannyye kamennougol'nye shakhty Kyzyl-Kiya, Sul'yukty, rudnik Tuya-Muyun* [Restored and partially reconstructed coal mines of Kyzyl-Kiya, Sulukty, and Tuya-Muyun]. List 1. File 1159. Page 116.
19. Karypkulov, A.K. et al. (eds) (1986) *Istoriya Kirgizskoy SSR* [History of the Kirghiz SSR]. Vol. 3. Frunze: Kyrgyzstan.
20. OPEN.KG. (2014) *Industrial'nye shagi Respubliki* [Industrial steps of the Republic]. [Online] Available from: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/history/kyrgyzstan-during-the-soviet-period/28-industrialnye-shagi-respubliki.html>
21. Karypkulov, A.K. et al. (eds) (1986) *Istoriya Kirgizskoy SSR* [History of the Kirghiz SSR]. Vol. 4. Frunze: Kyrgyzstan.

22. Rus.gateway.kg. (n.d.) *Ugol'naya promyshlennost' Kyrgyzstana* [Coal industry of Kyrgyzstan]. [Online] Available from: <https://rus.gateway.kg/industry/promyshlennost-kyrgyzstana/sectors/mining/coal-mining/>
23. Wikipedia. (n.d.) *Bishkekskaya TETs* [Bishkek CHP station]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Bishkekskaya_TETs
24. Beysebaev, R.S. (2019) *Istoriya toplivno-energeticheskogo sektory Kyrgyzskoy Respubliki v gody nezavisimosti v kontekste sotrudnichestva s zarubezhnymi stranami (1991–2016)* [History of the fuel and energy sector of the Kyrgyz Republic during the years of independence in the context of cooperation with foreign countries (1991–2016)]. History Dr. Diss. Bishkek. [Online] Available from: <http://arabaev.kg/dt.kg/uploads/Dissertatsiya%20Beysebaev%20R..pdf>
25. Kgz.moost.ru. (n.d.) *Ekonomika Kyrgyzstana* [Economy of Kyrgyzstan]. [Online] Available from: <http://www.kgz.moost.ru/ekonomob.php>
26. 24.kg. (2021) *Bolee 1 milliona tonn uglya v Kyrgyzstane ostaetsya bez ucheta* [More than 1 million tons of coal in Kyrgyzstan remains unaccounted for]. [Online] Available from: https://24.kg/vlast/180449_bolee_1milliona_tonn_uglya_vkyrgyzstane_ostaetsya_bez_ucheta
27. Akchabar. (2020) *V KR dobyto pochtii 1,7 mln t uglya v 2020 godu* [Almost 1.7 million tons of coal were mined in the Kyrgyz Republic in 2020]. [Online] Available from: <https://www.akchabar.kg/ru/news/v-kr-dobyto-pochti-17-mln-tonn-uglya-v-2020-m/>
28. Beysebaev, R.S. (2017) Problems of Fuel and Energy Cooperation Between Kyrgyzstan and Kazakhstan in the Eurasian Space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 53–57. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/7
29. *Vedomosti*. (2018) *Mirovaya energetika nikak ne izbavitsya ot uglya* [World energy will not get rid of coal]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/06/29/774209-energetika-ne-izbavitsya-ot-uglya>
30. Shchadov, V.M. (2007) *Rossiya v mirovoy ugol'noy promyshlennosti* [Russia in the global coal industry]. *Gornaya Promyshlennost'*. 4. [Online] Available from: <https://mining-media.ru/ru/article/ekonomic/942-rossiya-v-mirovoj-ugolnoj-promyshlennosti>

Received: 11 January 2021

С.А. Григорьев

ПРОБЛЕМА ЮЖНОСИБИРСКИХ КОНТАКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КИТАЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Центром Китайских Исследований (Тайбэй, Тайвань).

Проверяется гипотеза о том, что импульсы степных культур оказали влияние на формирование и развитие китайской металлургии. Сделан вывод, что китайская металлургия и с точки зрения происхождения, и с точки зрения последующего развития является автохтонным явлением, а западные влияния (за исключением некоторого сейминско-турбинского воздействия) почти не ощутимы.

Ключевые слова: китайская металлургия; степные культуры; бронзовый век

Введение

Китайские бронзы шанского периода являются ярким явлением в древней металлообработке. В силу того, что первоначально информации о дошанской металлургии было мало, обсуждались идеи о западных влияниях при появлении этого производства в Китае. С началом применения естественно-научных методов и анализа их результатов в широком евразийском контексте, эта дискуссия стала приобретать более выраженные формы. Мы не будем здесь останавливаться на деталях этой дискуссии, которые отражены в ряде работ [1. Р. 37–38]. В большинстве районов Евразии металлургия развивалась по единой схеме, от использования чистой меди к использованию мышьяковых, а затем оловянных сплавов. Анализы того времени позволяли реконструировать иную схему в Китае: от чистой меди к оловянным бронзам, что дает возможность предполагать самобытный характер развития китайской металлургии. Но открытие в Ганьсу и Восточном Синьцзяне изделий из мышьяковой меди вписалось в евразийский тренд и позволило говорить о зарождении металлургии под воздействием западных импульсов и ее распространении на Центральные равнины [1. Р. 43; 2. Р. 554–555; 3. Р. 14–16; 4. Р. 133, 138].

Однако распространение сплавов может иметь разные причины, и доказательством импульсов является ситуация, когда появление сплавов сопровождается соответствующими типами изделий. Идея западных импульсов окончательно материализовалась после появления статьи Фицджеральд-Хубер, которая показала связи культур Цицзя (на востоке Ганьсу и Цинхай) и Эрлитоу с сейминско-турбинской традицией и культурами Бактрии. Основанием для этого служили топоры-кельты, однолезвийные ножи с изогнутой спинкой, наконечник копья из Шеньна, обломок рукояти ножа с прорезьями, традиция использования костяных рукоятей для шильев, нож с костяной боковой рукоятью, орнаментация зеркала (с аналогами в бактрийской орнаментации), традиция изготовления металлической посуды [5]. Мэй увеличил этот список, дополнив его степными параллелями в культуре Сыба в Ганьсу [3]. Постепенно схема происхождения китайской металлургии стала обретать законченные формы: степная металлургия проникала на Центральные равнины через Синьцзян и далее через Ганьсу,

между Тибетом и Гоби. В ряде случаев Мэй делает оговорки, что то или иное положение является гипотетическим и пока не подтверждается материалом, но они исчезают при цитировании.

В конечном счете схема приобрела следующий вид [3]. Наиболее ранними являются единичные изделия из латуни из Шэньси и Шаньдуна V–III тыс. до н.э. В справедливости их ранней даты высказывались сомнения [6. Р. 54–56, 68], но некоторые из этих изделий находились в сравнительно надежном контексте [7. Р. 821–822]. Эти находки не укладываются в евразийский контекст и указывают на то, что в Китае существовали своеобразные пути развития металлургии. Остальные находки на Центральных равнинах происходят из культуры Луншань, из поздних слоев, и до 2000 г. до н.э. они единичны. Ситуация на северо-западе иная. Здесь, в Ганьсу, в заметных количествах металл присутствует уже в дошанское время в культурах Цицзя и Сыба [8. Р. 61, 63]. Поэтому предполагается, что именно отсюда металлургия распространялась на восток, в культуру Эрлитоу. Сами эти культуры были подвержены влиянию с запада и северо-запада. Существовало несколько волн этих влияний. Самые ранние связаны с афанасьевской и окуневской культурами, затем следуют сейминско-турбинские и андроновские импульсы. Парадоксом здесь являлось лишь отсутствие до II тыс. до н.э. медных находок в Синьцзяне, через который эти влияния должны были осуществляться.

Хронологические рамки

Мы не будем останавливаться на дискуссионных проблемах хронологии как сибирских, так и китайских древностей и приведем наиболее принятые диапазоны дат сибирских культур: афанасьевская – 3700–2500 гг. до н.э., окуневская – 2200–1900 гг. до н.э., андроновская (федоровская) – 1900–1500 гг. до н.э., карасукская – 1400–1000 гг. до н.э., чумурчская – 2250–1800 гг. до н.э., сейминско-турбинские комплексы Барабы – 2300–2000 гг. до н.э. (при наличии более ранних и поздних дат), связанная с сейминско-турбинскими бронзами елунинская – 2200–1800 гг. до н.э., саргаринская – 1400–1050 гг. до н.э. [9]. Даты культур в Ганьсу следующие: Цицзя – 2000–1600 гг. до н.э., Сыба – 1900–1600 гг. до н.э. [10. Р. 45–46].

Соответственно, сейминско-турбинские комплексы синхронны Цицзя и начинаются раньше. Они предшествуют Сыба, расположенной западнее Цицзя. Позже начинаются комплексы Эрлитоу на Хуанхэ, от 1900/1800 гг. до н. э. до 1520 гг. до н. э., но существуют основания и для даты начала культуры около 1750 гг. до н. э. Фаза Эрлиган датируется от 1550 до 1250 г. до н. э., когда начинается позднешанский или аняньский период, заканчивающийся около 1050 г. до н. э. с началом эпохи Западного Чжоу [11. Р. 27; 12. Р. 200, 206; 13. Р. 19, 72, 129; 14. Р. 68].

Афанасьевская культура и Китай

Ранняя фаза степных влияний в Синьцзяне и Ганьсу (афанасьевские, окуневские и чемурчекские) многими авторами декларируется [15. Р. 37], но материалами не подтверждается. В Восточном Синьцзяне, Ганьсу и на Центральных равнинах отсутствует металл, который можно связать с этими культурами, если не рассматривать простые вещи, имеющие широкие хронологические и территориальные рамки. Афанасьевские материалы представлены в Северо-Западном Синьцзяне, в предгорьях Алтая в могильнике Чемурак. Это отражает лишь

факт, что афанасьевская культура Алтая была распространена в предгорьях. Проникновение этого населения южнее не очевидно. Общепринятым примером является могильник Гумугоу близ озера Лобнор, но керамика там отсутствовала; в отличие от скорченных афанасьевских захоронений Алтая погребенные лежали вытянуто на спине, и единственным основанием стало сходство антропологического типа [8. Р. 10; 16. С. 152–153]. Но какое-то афанасьевское проникновение в Центральный Синьцзян все же было, так как на памятнике Сыдуйтуцю у северных склонов Богдашаня найдены обломки афанасьевской посуды [16].

Немногочисленные находки этой керамики в Синьцзяне проанализировал А.А. Ковалев, показавший, что признаки афанасьевского влияния южнее Тянь-Шаня отсутствуют, и даже там это единичные находки сосудов, которые появляются не ранее второй трети III тыс. до н. э., будучи как-то связаны с чемурчекским феноменом. А материалы Гумугоу даже антропологически соотносятся не с афанасьевскими, а скорее с андроновскими (рис. 1) [17]. Поэтому Мэй оговаривал, что данных по афанасьевским влияниям нет, и лишь допускал такую возможность [18. Р. 39–40].

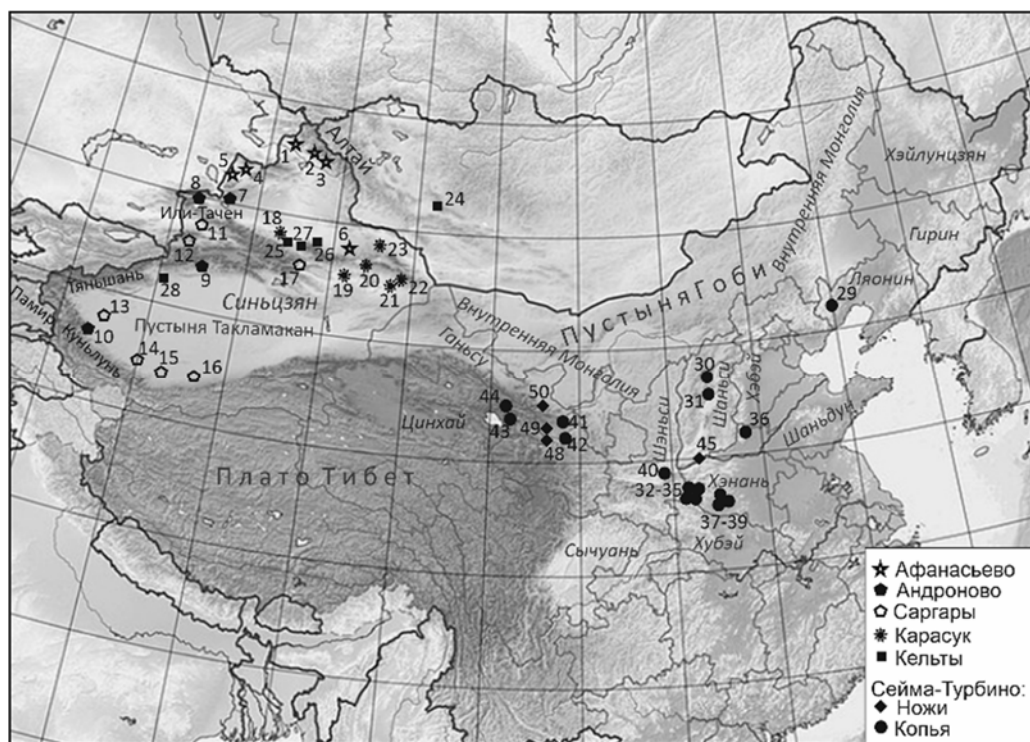

Рис. 1. Карта памятников с афанасьевскими, сейминско-турбинскими, андроновскими, саргаринскими и карасукскими включениями на территории КНР: **Афанасьев**: 1 – Аймаохань I, 2 – Бурчун, 3 – Алтай, 4 – Худжирт, 5 – Алтынмел, 6 – Каньердзы; **Андронов**: 7 – Садзы, 8 – Адунцяюлу, 9 – Вэйся, 10 – Сябанди; **Степные комплексы эпохи Финальной Бронзы**: 11 – Аргэсен, 12 – Дасигуо, 13 – Халадун, 14 – Керия Пэйфанг, 15 – Ния Пэйфанг, 16 – Дзагунлуке, 17 – Синтала; **Карасук**: 18 – Шуэйнисханг, 19 – Упу, 20 – Янбулаке, 21 – Хами, 22 – Тяньшаньбэйлу, 23 – Наньвань; **Сейма-Турбино**: **Кельты**: 18 – Шуйничан, 24 – Гоби-Алтайский аймак, 25 – Хутуби, 26 – Цитай, 27 – Сининан, 28 – Аксу; **Наконечники копий**: 29 – Музей Чаоян, Ляолин, 30 – Музей Шаньси, 31 – Тайюань (Провинциальный музей Шаньси), 32–35 – Сяванган, 36 – Анянь, 37–39 – Наньян, 40 – Исторический музей Шэньси, 41, 42 – Музей Ганьсу, 43 – Шэньна, 44 – район Датон; **Ножи**: 45 – Эрлитоу, 46, 47 – Тяньшуй, 48 – Линьцзя, 49 – Вэйцятайдзы, 50 – Хуаньяньнянтай

Аналогичным образом обстоит дело с окуневскими и чемурчекскими влияниями. Упоминания об окуневских встречаются в литературе часто, но они либо

не подкрепляются аргументацией [19. Р. 671], либо имеют в виду близкие к окуневским комплексы в могильнике Чемурак в предгорьях Алтая, которые ча-

сто рассматриваются в качестве варианта окуневской культуры [20. Р. 275–317; 21. Р. 142; 22. Р. 55]. Мэй пишет о сходстве окуневского металла с металлом культур Цицзя и Сыба по следующим типам: шило с костяной рукоятью (рис. 2, 7), нож, втульчатое копье и кольцо [18. Р. 40, fig. 7]. В действительности копья и ножи Цицзя и Окунево отличны, а простые кольца и шилья в костяных рукоятях встречаются широко и не могут использоваться для реконструкции культурных связей.

Таким образом, для досейминского времени у нас нет оснований говорить о степных влияниях не только на Центральные равнины, но и в Ганьсу и Восточном Синьцзяне. Существует ограниченное количество раннего металла из разных районов Китая [23], что позволяет выдвигать гипотезу о местном возникновении китайской металлургии, и эта гипотеза подкреп-

ляется существованием такого сплава, как латунь. Но везде до Эрлитоу объемы производства малы.

Сейминско-турбинские влияния

Первые возможности для обсуждения связей Китая со степью появляются в сейминское время, но подавляющая часть изделий, на которых строится обоснование сейминско-турбинских влияний, относится к иному времени. Эта проблема существовала уже в работах Фицджеральд-Хубер и сохранилась в последующих. Не вызывает сомнений отнесение к сейминско-турбинским параллелям ножа с перфорированной рукоятью из гробницы 2 в Эрлитоу (рис. 2, 32) [5. Р. 24, fig. 2]. Это нож типа КЖ-12 с аналогами в Ростовке, Цыганковой Сопке, на Иртыше, в Семипалатинске [24. Рис. 68].

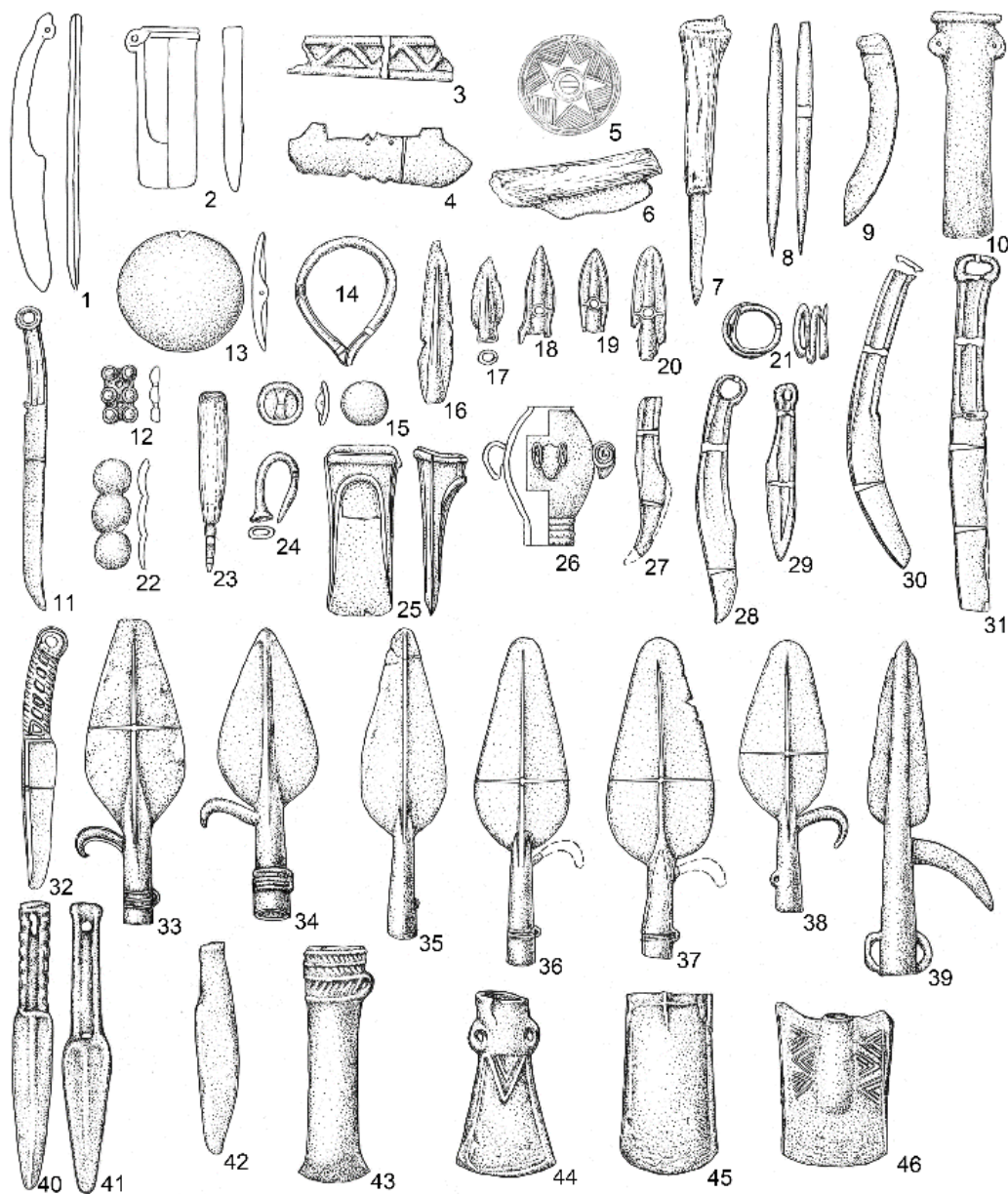

Рис. 2. Металлические изделия культур Цицзя и Сыба, и сейминско-турбинской традиции на территории КНР: 1–10 – металл культуры Цицзя (по: [3; 5]), 11 – кинжал из Чжукайгоу (по: [5]), 12–31 – металл культуры Сыба (по: [3]), изделия сейминско-турбинской традиции: 32 – Эрлитоу (по: [5]), 33 – Шеньна, Цинхай, 34 – Шэнси, 35 – Чаоян, Ляолин; 36, 37 – Шаньси, 38 – Сяванган, Хэнань, 39 – Аньян, Хэнань (по: [19, 26]), 40, 41 – Тяньшуй, Ганьсу (по: [27]), 42 – Линьцзя, Ганьсу (по: [19]), 43 – Аксу, Синьцзян, 44 – Хутуби, Синьцзян, 45 – Цитай, Синьцзян, 46 – Сининан, Синьцзян (по: [28])

Другие однолезвийные ножи рассматриваться в этом контексте не могут: нож с кольцевым завершением из Чжукайгоу (Внутренняя Монголия) обнаружен в могиле M1040 вместе с типичным шанским кинжалом-топором *ge* (см. рис. 2, 11). Комплекс датируется периодом V, что соответствует позднему Эрлигану, но предполагается его принадлежность культуре Кесинджуан II, которая распространяется до востока Ганьсу [5. Р. 33–34, fig. 4]. Но эта культура распространена в долине Вэй и датируется дошанским временем в пределах 2460–1670 гг. до н. э. [25. Р. 782–806]. Поэтому справедливость отнесения комплекса к ней сомнительна. И следует отметить, что этот нож карасукский.

Второй комплекс из Синлинь (Минсян, Ганьсу) состоит из однолезвийного ножа с металлической рукоятью и кельта с одним ушком [5. Р. 34, fig. 5; 6, fig. 2.1,2]. Качество используемых рисунков низкое, но по морфологическим характеристикам, в особенности по завершению рукояти, этот нож тоже ближе к карасукским (ср. рис. 2, 1 и 4, 1). Кельт также не имеет сейминских аналогов, которые часто орнаментированы и, как правило, имеют расширение клина к лезвию, а одноушковые кельты все имеют расширение клина к лезвию [24. Рис. 3–4, 6–10, 12–20, 22–23]. Судя по пропорциям, этот кельт поздний. Второй кельт, относимый к культуре Цицзя, представлен двуушковым экземпляром с вытянутым клином, гладкой втулкой и валиком по ее краю (рис. 2, 10) [3. Fig. 2.11]. Это сочетание признаков распространяется широко от Атлантики до Сибири в ПБВ Центральной Европы или финальном бронзовом веке Северной Евразии.

Некоторые находки тоже указывают на позднюю дату. Например, своеобразный нож с двумя выступами на спинке (рис. 2, 4) имеет параллели в Синьцзяне на памятниках Тяньшаньбэйлу и Хуаньняньнтай (рис. 5, 33, 34) [8. Р. 63], а ниже мы будем обсуждать позднюю датировку этих комплексов, синхронных периоду позднего Шан. Использование в этом перечне шила с костяной рукоятью из Синин (Цинхай) (рис. 2, 7) с параллелями в окуневских и сейминско-турбинских комплексах [3. Fig. 2.4; 5. Р. 47, 48, fig. 9a] тоже не оправдано, поскольку использование кости для рукояти шильев характерно для многих комплексов Северной Евразии. Предполагается также, что металлические сосуды имеют прототипы в бактрийской посуде, сделанной из кованых листов. Критика этой точки зрения уже имела место [29. Р. 478–479, 489]. Главным, на наш взгляд, является то, что вся китайская металлическая посуда литая, появляется она с фазы III Эрлитоу, а в ранних фазах имеются ее керамические прототипы [11. Р. 41]. Вторым обсуждаемым аргументом является зеркало из Гаматай (Гуйнань, Цинхай), чей орнамент сопоставляется с орнаментом Бактрийских печатей (рис. 2, 5) [3. Р. 34, fig. 2.9; 5. Р. 53–54, fig. 10a; 8. Р. 63]. Но оно имеет точный аналог в гробнице Фу Хао позднешанского периода [3. Р. 12; 6. Р. 65; 30. Р. 310].

Менее проблематично отнесение к сейминско-турбинским фрагмента ножа из Хуаньняньнтай (Увэй, Ганьсу) (рис. 2, 3), поскольку он имеет аналоги в рукояти из Вознесенки на Украине (рис. 3, 13) [3. Fig. 2.3; 5. Р. 34, fig. 5]. Решетчатая рукоять присутствует и в кинжале из Ростовки (рис. 3, 7).

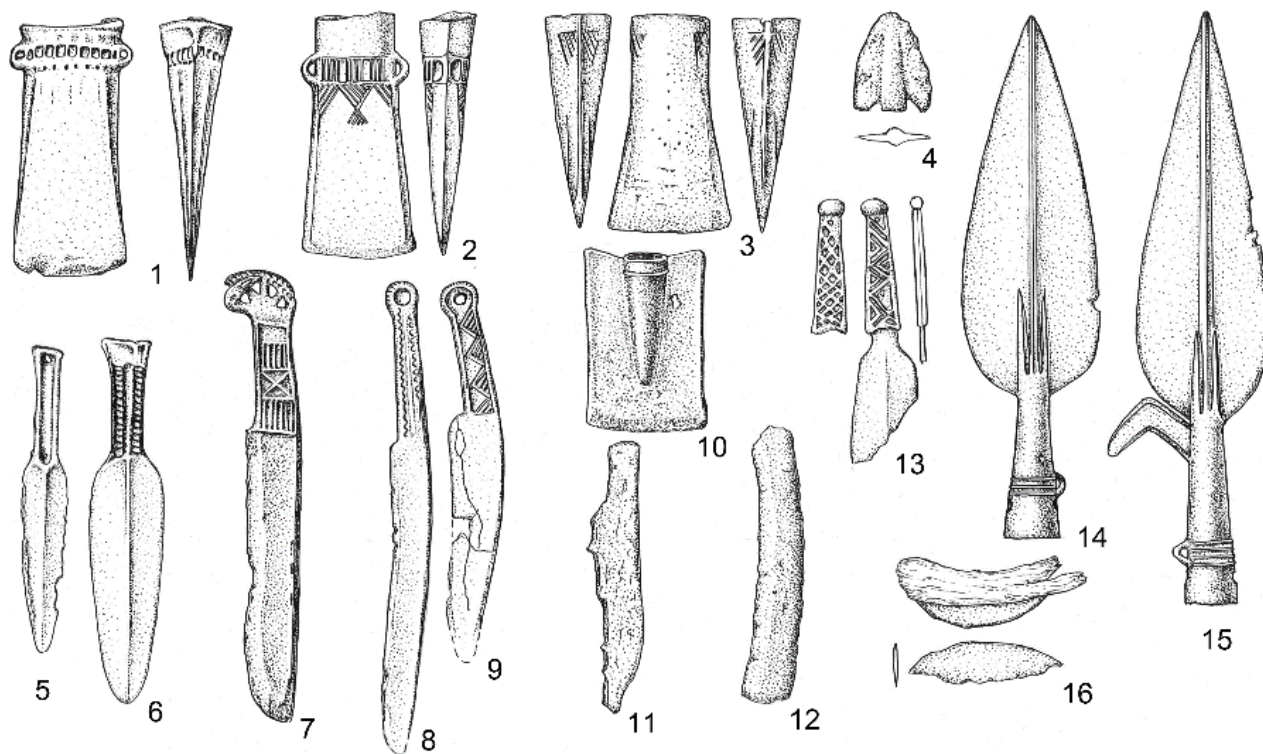

Рис. 3. Параллели китайским бронзам в сейминско-турбинских комплексах: 1 – Курчум, 2 – Иткульский Завод, 3 – Канонерка, 4 – Канай (по: [31]), 5, 6 – Сопка-2 (по: [32]), 7 – Елунино, 8, 9 – Цыганкова Сопка II, 10 – Ак-Чий-I, 11 – Нижняя Суетка, 12 – Телеутский Взвоз-I (по: [31]); 13 – Сейма, 14 – Омь, 15 – Ростовка, 16 – Вознесенка (по: [24])

В обоих случаях завершение рукояти отличается, тем не менее, данную параллель можно признать возможной. Вполне приемлемо использование ножа-скребла с боковой рукоятью из Вэйцятайдзы (Линься, Ганьсу) (см. рис. 2, 6) [3. Р. 35, 36, fig. 2.3], поскольку такие изделия типа НК-24 есть в Сейме, Турбино и Канинской Пещере (см. рис. 3, 16) [24. Рис. 61]. Аналогом сейминско-турбинских бронз является копье с крюком из Шенья (Синин, Цинхай) (рис. 2, 33). На этом поселении кроме материалов Цицзя присутствовали материалы культуры Кайюэ, но она датируется I тыс. до н. э., и отнесение копья к Цицзя правомерно [3. Р. 35, fig. 2.13].

Таким образом, среди параллелей сейминско-турбинским бронзам достоверны лишь копье из Шенья, нож из Эрлитоу, обломок рукояти из Хуаньянньянтай и нож-скребло из Вэйцятайдзы. Остальные изделия относятся к позднему контексту или не обладают датирующим или культуродиагностирующим потенциалом. К сожалению, эти представления о формировании металлургии Ганьсу в результате сейминско-турбинского или андроновского влияния стали популярны и воспроизводятся в обобщающих работах [10. Р. 49].

В еще большей степени это касается культуры Сыба, датируемой первой половиной II тыс. до н. э., частично сосуществующей с Цицзя, хотя в целом более поздней. Для нее предполагаются более поздние культурные связи с андроновской культурой, с одной стороны, и с Эрлитоу – с другой. В частности, указывается на сходство однолезвийных ножей Сыба с ножом из Эрлитоу. Для кельтов и серег с раструбом предлагаются параллели в андроновской культуре [3. Р. 12–13, 21]. Однако металл культуры (рис. 2, 12–31) имеет карасукские параллели. Однолезвийные ножи имеют выгнутую спинку и литую рукоять с кольцевым завершением и бордюром по краю¹. В комплекс входят также топоры-кельты с открытой втулкой, двухлопастные втульчатые наконечники стрел, шилья, круглые сферические бляшки с петлей на обратной стороне, украшения в виде группы сферических бляшек и серьги с раструбом [3. Fig. 4]. В Южной Сибири подобные изделия распространены в карасуке (рис. 4). Единственный вопрос могут вызывать серьги с раструбом, которые в Северном Китае трактуются как андроновские [8. Р. 60; 10. Р. 83], но они характерны и для карасука (рис. 2, 24, 4, 24).

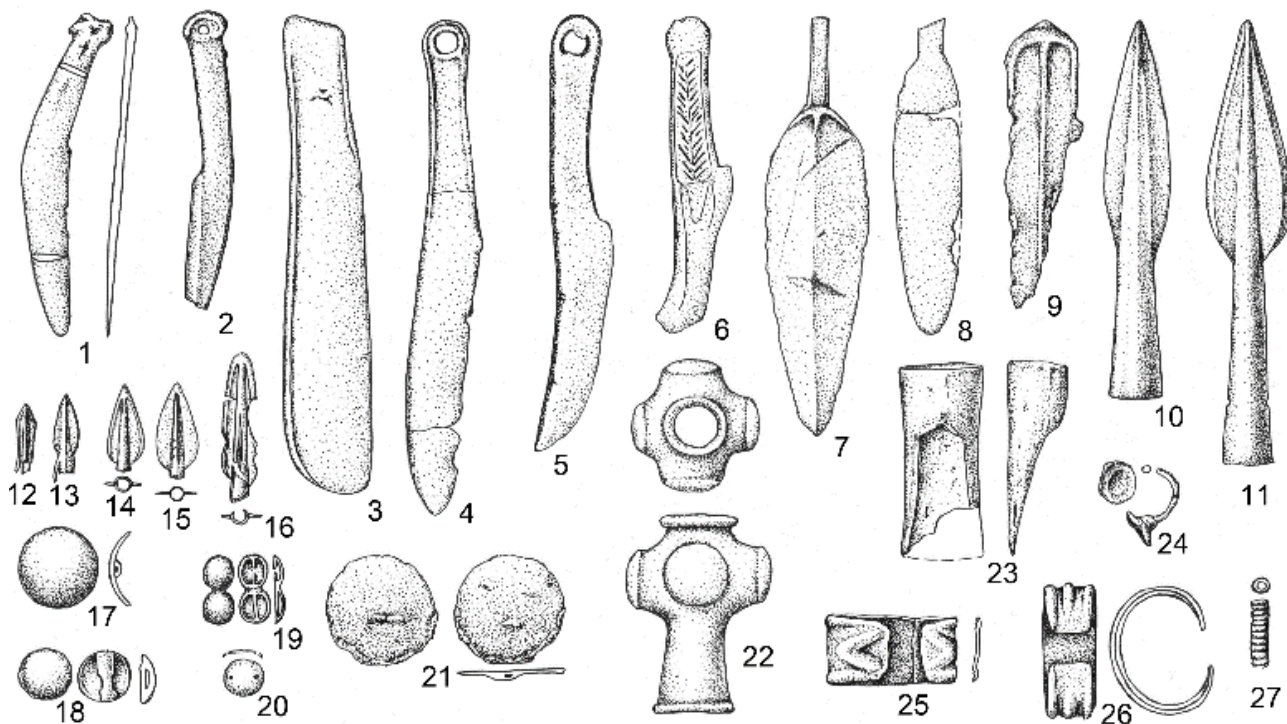

Рис. 4. Металл карасукской культуры Алтая: 1 – Остров-1а, 2 – Быстроистокский район, 3 – Вылково, 4 – Нижняя Суетка, 5 – Шидертинское-1, 6 – Новосклюиха, 7 – Островное, 8 – Калиновка-II, 9, 21 – Рублево-VI, 10, 12 – Ближние Елбаны, 11, 19, 20 – Осинки, 13 – Бийск, 14, 15 – Первомайский, 16 – Крестьянское-II, 17, 26 – Ближние Елбаны-9, 18, 27 – Камышенка, 22 – Крестьянское-IX, 23 – Алтай, 24, 25 – Рублево-VIII (по: [31])

Таким образом, металлические изделия, включаемые в комплексы Цицзя и Сыба, относятся, в большей степени, к позднешанскому периоду, что вписывается в проблему Ордосских бронз или Северного комплекса, отражающего связи Китая с севером, начавшие формироваться в Шанское время [33, 34]. Эти культуры называются в качестве культур с наибольшим ко-

личеством дошанского металла: более 100 в Цицзя и 270 в Сыба [18. Р. 34, 36]. А общее количество дошанского металла в Китае оценивается в 500 изделий [35. Р. 157]. Однако реальное количество дошанских изделий явно меньше². С этим связана еще одна проблема. В литературе обсуждается присутствие мышьяковых бронз в этих культурах [8. Р. 46–48; 18. Р. 37]

и делается вывод, что для Северо-западного Китая характерны те же этапы развития металлургии, что и для остальной Евразии. Объясняется это заимствованием сейминско-турбинской технологии медно-мышьяковых сплавов [18. Р. 37]. Но для Азиатской зоны распространения сейминско-турбинских бронз этот сплав не характерен. Он появляется в европейских памятниках в результате синташтинско-абашевских связей. В Азиатской зоне есть два изделия из этого сплава в мог. Ростова, но это нож и копье синташтинского типа, они не относятся к сейминско-турбинскому комплексу [24. С. 187]. Соответственно, предполагать появление синташтинского легирования в Китае без появления соответствующих изделий нельзя. Причины присутствия мышьяковых сплавов в культурах Цицзя и Сыба иные. Значительная часть металла там представлена карасукскими изделиями, а для карасука характерен отказ от оловянных сплавов и возврат к мышьяковым [36. Р. 52–54]. Поэтому мы не знаем истинного соотношения сплавов дошанского времени, но мышьяковые бронзы не могут рассматриваться в качестве аргумента в пользу сейминско-турбинских влияний.

В.И. Молодин собрал информацию об обнаруженных на территории Синьцзяна топорах-кельтах, сопоставимых с сейминско-турбинскими. Это 10 находок в северном Синьцзяне, вокруг Тянь-Шаня (см. рис. 2, 43–46) [28], т.е. далеко от Ганьсу. Но эти кельты тоже датируются эпохой финальной бронзы [37. С. 95; 38]. Поэтому данных о сейминско-турбинских влияниях через Синьцзян и Ганьсу нет.

Однако часть находок действительно относится к сейминско-турбинскому типу. Помимо упомянутых выше кинжала из Эрлитоу, фрагмента ножа из Хуаньянъянтай и ножа-скребла из Вэйцятайдзы, это два кинжала из уезда Тяньшуй на востоке Ганьсу (рис. 2, 40, 41) [27, 32], однолезвийный нож из Линьцзя (Донсян), неправомерно относимый к культуре Мацзяяо (рис. 2, 42), а также 15 копий с крюком, в том числе копье из Шеньна. Анализ их морфологии и химического состава показывает, что эта традиция распространялась не с запада, а с севера и северо-востока, и хронологически это соответствует слою III Эрлитоу. С этим процессом связано и начало широкого внедрения оловянных сплавов [38].

Это первое реальное взаимодействие сибирской и китайской металлургии, но к этому моменту китайская металлургия уже существовала. Ее проявления в контексте IV–III тыс. до н. э. известны в разных районах Китая [23. Р. 189]. Сложившийся консенсус об ее формировании на северо-западе под влиянием степных импульсов и последующий вклад в металлургию Эрлитоу не обоснован. В Эрлитоу металл представлен местными формами, отличными от металла на северо-западе [4. Р. 137; 23. Р. 163–164]. Существует высказывание К. Линдуф и Ц. Мэя: «доказательства существования некоторых заимствований из северо-западного и северного Китая на Центральной равнине в период Эрлитоу становятся все более убедительными, но они еще не задокументированы решающим или надлежащим образом» [10. Р. 14]. Из этого следует, что реальных доказательств в настоящее время нет.

Осталось остановиться на последнем мифе, об андроновском влиянии на китайскую металлургию. Мы уже обсуждали, что традиционным обоснованием андроновского влияния в Китае является обнаружение в Северном Китае серег с раструбом федоровского типа [10. Р. 83]. Выше мы разбирали эту проблему в культуре Сыба, где эти серьги датируются, вероятно, позднешанским временем. Некоторые находки в Северном Китае (Люцяхэ, около Пекина) относятся к той же эпохе [5. Р. 66]. Собственно андроновские материалы в Синьцзяне обнаружены на западе, на отрогах окружающих горных систем (см. рис. 1). Федоровские материалы выявлены на северных отрогах Памира в мог. Сябанди АП [21. Р. 159; 39. Р. 7]. В регионе Или-Тачэн найдены памятники андроновской культуры: пос. Адунцяолу, мог. Садзы и Вэйсяо [8. Р. 14; 21. Р. 151; 39. Р. 5; 40. Р. 573; 41. Р. 179, 180; 42]. Даты с пос. Адунцяолу относятся к середине XVIII – концу XVII в. до н. э., что отражает раннюю стадию андроновской культуры [42. Р. 632]. Но поскольку под андроновской культурой понимают две группы, алакульскую и федоровскую, надо уточнить, что, несмотря на мнение М. Фесты, что в Синьцзяне присутствуют компоненты обеих культур [43. Р. 107], алакульские черты там отсутствуют, и материал представлен федоровскими памятниками. Это не только металл, но погребения и поселения с соответствующей посудой.

Таким образом, находки андроновского типа в регионе Или-Тачэн отражают не влияние андроновской культуры; этот регион является частью ее ареала, и лишь на северо-западе Синьцзяна есть памятники андроновского времени [43. Р. 118; 44. Р. 4]. На западе, в предгорьях Тянь-Шаня, есть и памятники степной финальной бронзы: Калан Гул; мог. Дасигоу, с керамикой с валиками и решетчатым орнаментом [39. Р. 5, 8–9] (рис. 1). Показателен клад Агаэрсен с тремя втульчатыми топорами, кельтообразным молотком, тремя серпами-косарями, двумя теслами и тремя полукруглыми долотами. Он расценивается как позднеандоновский, соотносится с кладом Шамши и датируется XIII–IX вв. до н. э., как и ряд иных находок в районе Тачэн (рис. 5, 1–17) [8. Р. 14]. Эти даты сомнений не вызывают, но трудно согласиться с названием, поскольку это пост-андоновское время. Это металл степной финальной бронзы, или валикового хронологического горизонта, вероятно, саргаринской культуры или близкого ей культурного образования. Впрочем, и в русскоязычной литературе комплексы с идентичными топорами (рис. 5, 18) в Кыргызстане относят к тому же времени, иногда тоже называя андроновскими [45. С. 91, 99].

К югу от Тянь-Шаня на пос. Синтала и Халадунь обнаружены керамика с резным елочным орнаментом и треугольниками, однолезвийный нож с загнутым вверх концом, двушкловый кельт и наконечник стрелы. Эта керамика рассматривается в качестве андроновской, а кельт – как отражающий сейминско-турбинские [8. Р. 10] или андроновские влияния [21. Р. 163]. Он фигурирует и в сводке В.И. Молодина [29. С. 11, рис. 3]. Эти выводы требуют коррекции.

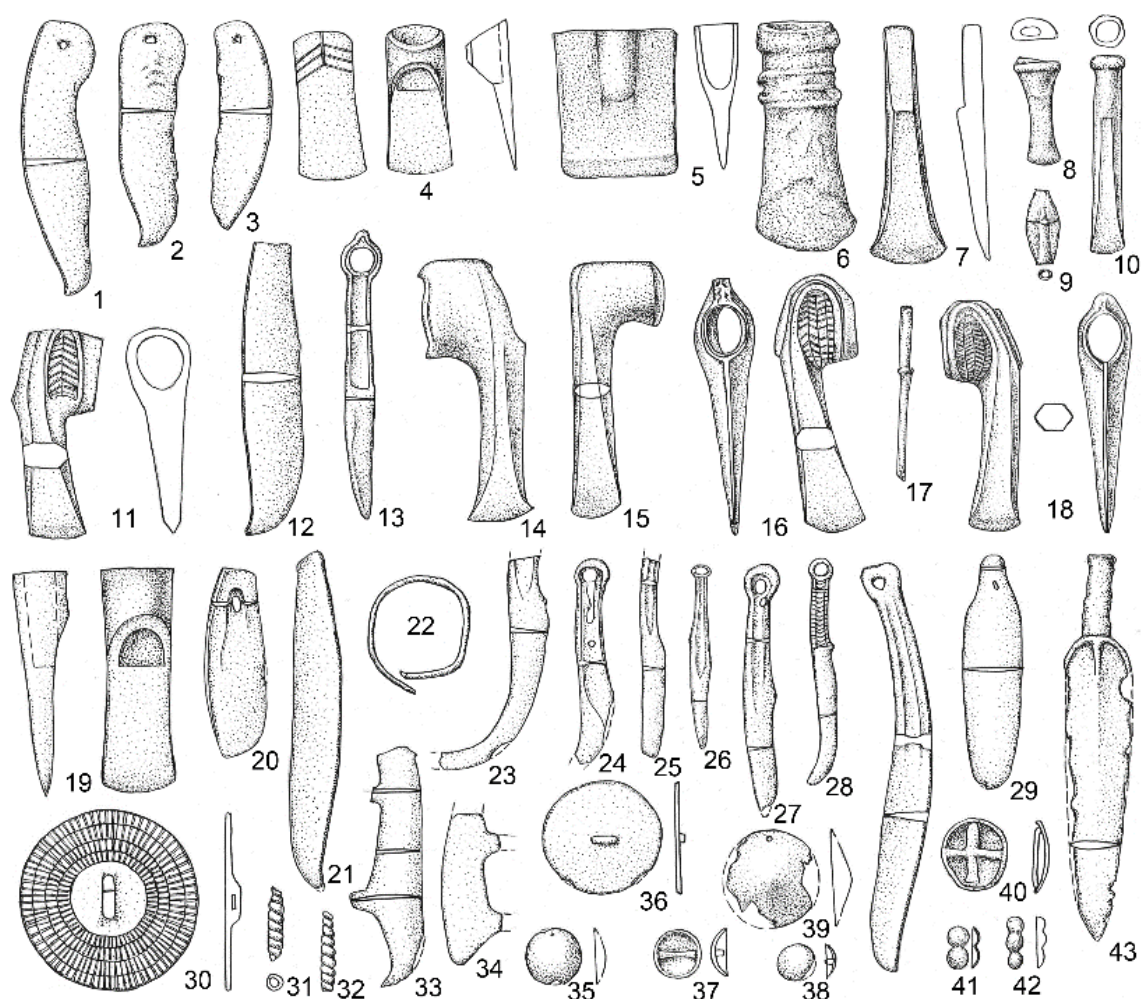

Рис. 5. Металлические изделия Синьцзяна: 1, 4, 5, 7, 16, 17 – Тачэн, 2, 3, 8, 10, 11 – Агаэрсен, 6, 12 – Синтала, 9, 13 – Наньвань, 18 – Караколь (Кыргызстан) (по: [45]), 19–44 – Тяньшаньбэйлу (по: [8])

Подобная орнаментация встречается на андроновской посуде, но присутствует и на посуде более поздних памятников. Специфическая андроновская керамика (с гребенчатыми геометрическими узорами) на синьцзянских поселениях отсутствует, а она является обязательной примесью на андроновских поселениях.

Подобные ножи выше мы обсуждали, они нехарактерны для андроновского металла и ближе к карасукским. А кельт не имеет ничего общего с сейминско-турбинскими, у которых нет валикового утолщения края втулки и валиковой орнаментации. Это характерно для кельтов эпохи финальной бронзы [46. Табл. IV–IX].

Отмечается более восточное присутствие памятников финальной бронзы в оазисах вдоль южной границы Бассейна Тарима: Ния Пэйфан, Керия Пэйфан, Люшуй и Дзагунлуке, которые имеют параллели в Чустской культуре на западе, встречается орнаментация, схожая с карасукской и соответствующие ножи [47] (см. рис. 1).

В Синьцзяне основная масса металла, который ассоциируют с андроновской культурой, сопоставляется с кладом Шамши и материалами степной финальной бронзы Восточного Казахстана (см. рис. 5, 1–17) [39. Р. 9; 40. Р. 573–576]. Китайские археологи полагают, что андроновских памятников в Синьцзяне мало и

большинство представлены периодом упадка культуры, с датой в пределах последней трети II тыс. до н. э. [8. Р. 14, 25, 27–28, 36, 60; 39. Р. 10–11; 40. Р. 572–573, 578; 44. Р. 1, 4; 48. С. 17]. Речь идет, таким образом, о памятниках финальной бронзы, которые нельзя называть андроновскими. Выводы об андроновском влиянии на развитие металлургии в Китае во второй половине II тыс. до н. э. [40. Р. 578] ни на чем не основаны. Но этот вывод воспроизводится в обобщающих работах [15. Р. 43]. Важно и то, что в Восточном Синьцзяне отсутствуют какие-либо проявления культур Казахстана или Кыргызстана этого периода. На отрогах Тянь-Шаня располагаются памятники с местной крашеной керамикой и металлом (ножи, зеркала, серьги, колокольчики, стрелы, пронизки-тубусы) с параллелями в карасукской культуре: мог. Тяньшаньбэйлу (см. рис. 5, 19–44), Упу, Яньбулакэ, Наньвань, Ланьчжоуваньдзы и Шуйничан. На последнем могильнике обнаружена и посуда близкая карасукской. Она некоторыми исследователями и рассматривается как локальный вариант карасука [41. Р. 180]. Все даты укладываются во вторую половину II тыс. до н. э., чаще ближе к концу этого тысячелетия, вполне соответствуя материалу. Ножам из Тяньшаньбэйлу и Яньбулакэ предлагаются также сейминско-турбинские параллели [8. Р. 11–13, 25], но непра-

вомерность этого мы обсуждали выше на примере металла Сыба. Обилие в последней культуре карасукского металла и представления о ранней ее дате приводят к неверной трактовке и комплексов Синьцзяна (срм. рис. 4, 5, 19–44). В частности, сходство металла Сыба с металлом мог. Тяньшаньбэйлу вызвало его удревнение до 1900 г. до н. э., в то время как радиоуглеродные даты укладываются в диапазон между 1111 и 200 гг. до н. э. Поэтому другие исследователи предлагают ориентироваться не на относительную, а на абсолютную хронологию комплекса [41. Р. 176–178].

Если взглянуть на карту, мы видим, что андроновские (федоровские) памятники расположены на отрогах Тянь-Шаня и Памира на крайнем западе Синьцзяна и вглубь не проникают (см. рис. 1). Они являются крайними юго-восточными памятниками андроновской культуры и не отражают продвижения на восток, вглубь Синьцзяна, не говоря уже о Центральных равнинах. В эпоху финальной бронзы происходит смещение степных комплексов на восток, вдоль отрогов Тянь-Шаня, Кунлун-Шаня и западного Тибета, по южной границе пустыни Такла-Макан. В Восточном Синьцзяне памятники представлены смесью местных и карасукских черт. Идентичная ситуация восточнее. Этот феномен получил название Ордосские Бронзы или Северный Комплекс.

На западе и севере Китая существовала зона фронтира со степным миром, с культурами со смешанными чертами. Контакты имели место с периода раннего Шан и в течение всей последующей истории. Но до позднего Шан эти параллели не были массовыми. С этого времени данная контактная зона охватывает ареал от побережья Ляодуна на востоке до северного Ляонина и Внутренней Монголии на севере и Ганьсу и Синьцзяна на западе [10. Р. 89; 33. Р. 885, 890, 893, 896–900; 34. Р. 213]. В это время на севере образуются культуры (Нижнего слоя Сяцзянь, Пайцинпао (Хэйлонцян), Чаодаогу и Лицзя), содержащие карасукский металл с параллелями в металле позднего Шан, а также шанские вещи; а на западе к ним относятся Сыва, Синдянь и Кайюэ [33. Р. 893, 895, 901, 905; 34. Р. 203, 206, fig. 8–7, 213]. Многие комплексы, относимые к Цицзя и Сыба, демонстрируют те же связи. Впоследствии, около XII в. до н. э., военная активность на этом фронтире повышается [33. Р. 908], и при переходе от Шан к Чжоу количество позднешанских вещей в северных культурах увеличивается, а в Китае растет количество изделий карасукского типа, большинство которых относится к позднему каменоложскому этапу [34. Р. 212; 48. С. 18].

Возвращаясь к проблеме западных влияний на развитие китайской металлургии, мы хотели бы подчеркнуть, что эти контакты не вели к развитию металлургического производства, поскольку к этому времени китайская металлургия технологически стояла на принципиально ином, более высоком уровне развития, чем металлургия в степи. Все ограничивалось

заимствованием отдельных типов изделий, прежде всего оружия.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы выделить несколько моментов. Не существует оснований для моделирования западных влияний на формирование и развитие китайской металлургии. Декларируемые афанасьевские, окуневские, чемурчешские и андроновские влияния не подтверждаются. Памятники этих культур на территории Китая ограничены предгорьями Тянь-Шаня и Алтая, которые входили в их ареал. Даже в Центральном Синьцзяне следы их проникновения отсутствуют, в Восточном Синьцзяне, Ганьсу и на Центральных равнинах таких находок тоже нет. Лишь в сейминско-турбинское время имело место проникновение традиции изготовления втульчатых копий, кинжалов, однолезвийных ножей и оловянных сплавов из Сибири, но не через Ганьсу, а через Ляонин и Шаньси, и к этому времени китайская металлургия существовала. В Шанской цивилизации есть разные вариации этих копий, но остальной комплекс металла имеет местные корни. Происходит это на рубеже II и III фаз Эрлитоу.

Представления о том, что медиатором проникновения сейминско-турбинской традиции были культуры Цицзя и Сыба в Ганьсу, подтверждения не имеют. Комплекс металла этих культур требует ревизии, и количество дошанского металла в них сократится. Объемы производства дошанского времени были, судя по всему, весьма незначительны. В начале позднего Шан на юг проникает карасукское население и формируется полоса культур, опоясывающих ареал Китайской Цивилизации на севере и западе, что приводит к появлению в поздних Шанских комплексах карасукских вещей и шанских вещей на севере. Эта ситуация сохраняется в течение последующей истории Китая, и только с этого времени мы можем говорить о степных влияниях, но они ограничивались восприятием отдельных типов. На технологический уровень, и на общий облик китайской металлургии они воздействия не оказали.

Таким образом, китайская металлургия, и с точки зрения происхождения, и с точки зрения последующего развития является автохтонным явлением. Западные влияния почти не ощутимы, за исключением некоторого сейминско-турбинского воздействия в период Эрлитоу и карасукского в начале периода Позднего Шан. Но и их нельзя преувеличивать.

Автор выражает благодарность С.В. Кузьминых (Институт археологии РАН, Москва) и С.П. Грушину (Алтайский государственный университет) за обсуждение идей, изложенных в статье, и особенно Оксане Орловой (Центр Аркаим, Челябинск) за прекрасно подготовленные рисунки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это касается и однолезвийных ножей из Тяньшаньбэйлу и Яньбулакэ в Восточном Синьцзяне, которые рассматриваются как сопоставимые с ножами Сеймы и Эрлитоу [8. Р. 25], но они карасукские (рис. 4, 5, 6; 5, 23, 24, 27).

² Уже после принятия статьи к печати автор познакомился со статьей А.В. Варенова, где эта мысль была высказана впервые (Варенов А.В. Северо-Западный Китай и истоки иньской металлургии // Рериховские чтения. 1984 год. Материалы конференции. Новосибирск: Типография ГПНТБ, 1985. С. 345–351).

ЛИТЕРАТУРА

1. Mei J., Xu J., Chen K. Shen, Wang H. Recent research on Early Bronze Metallurgy in Northwest China // *Scientific Research on Ancient Asian Metallurgy*. Washington : Freer Gallery of Arts, 2012. P. 37–46.
2. Grigoriev S. *Metallurgical Production in Northern Eurasia in the Bronze Age*. Oxford : Archaeopress, 2015. 831 p.
3. Mei J. Cultural Interaction between China and Central Asia during the Bronze Age // *Proceedings of the British Academy*. 2003. № 121. P. 1–39.
4. Li Sh. The Regional Characteristics and Interactions Between the Early Bronze Metallurgies of the Northwest and Central Plains // *Chinese Archaeology*. 2011. Vol. 6. P. 132–139.
5. Fitzgerald-Huber L.G. Qijia and Erlitou: the question of contacts with distant cultures // *Early China*. 1995. № 20. P. 17–68.
6. An Zhimin. Some problems concerning China's early copper and bronze artifacts // *Early China*. 1982–83. № 8. P. 53–75.
7. Fan X., Harbottle G., Gao Q., Zhou W., Gong Q., Wang H., Yu X., Wang Ch. Brass before bronze? Early copper-alloy metallurgy in China // *Journal of Analytical Atomic Spectrometry*. 2012. № 27. P. 821–826.
8. Mei J. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its cultural context and relationship with neighbouring regions. BAR International Series 865. Oxford : Archaeopress, 2000. 202 p.
9. Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
10. Linduff K.M., Mei J. Metallurgy in Ancient Eastern Asia: How is it Studied? Where is the Field Headed? // *Modeling Early Metallurgy: Old and New World Perspectives*. Vancouver : SAA, 2008. P. 1–20.
11. Thorp R.L. *China in the Early Bronze Age: Shang Civilization (Encounters with Asia)*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2005. 320 p.
12. Zhang X., Qiu Sh., Cai L., Bo G., Wang J., Zhong J. Establishing and Refining the Archaeological Chronologies of Xinzhai, Erlitou and Erligang Cultures // *Chinese Archaeology*. 2008. Vol. 8. P. 197–210.
13. Campbell R.B. *Archaeology of the Chinese Bronze Age from Erlitou to Anyang*. Los Angeles : The Cotsen Institute of Archaeology Press, 2014. 208 p.
14. Bagley R. The Bronze Age before the Zhou dynasty // *Routledge Handbook of early Chinese history*. London, New York : Routledge, 2018. P. 61–83.
15. Linduff K.M., Sun Y., Cao W., Liu Y. *Ancient China and its Eurasian neighbors: Artifacts, Identity and Death in the Frontier, 3000–700 BCE*. Cambridge : University Press, 2017. 288 p.
16. Молодин В.И., Алкин С.В. Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // *Афанасьевский сборник 2*. Барнаул : Азбука, 2012. С. 152–157.
17. Ковалев А.А. Афанасьевская культура в Синьцзяне // *Краткие сообщения Института археологии*. 2017. Вып. 247. С. 245–266.
18. Mei J. Qijia and seima-turbino: the question of early contacts between northwest China and the Eurasian steppe // *Bulletin-Museum of Far Eastern Antiquities. Östasiatiska museet*. 2005. № 75. P. 31–54.
19. Lin M. 林梅村. “Ouya caoyuan wenhua yu shiqian Sichouzhilu” 欧亚草原文化与史前丝绸之路 // *Sichouzhilu Tianshan langdao – Xinjiang changji gudai yizhi yu guancang wenwu jingpin 丝绸之路天山廊道—新疆昌吉古代遗址与馆藏文物精品* Beijing : Wenwu Chubanshe, 2014. P. 656–673.
20. Jia P.W.M., Betts A.V.G. A re-analysis of the Qiemu'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China // *The Journal of Indo-European Studies*. 2010. Vol. 38. № 3 & 4. P. 275–317.
21. Festa M. Prehistoric Cultures in Xinjiang: Retrospect and Prospect // *Athens Journal of History*. 2017. Vol. 3, Is. 2. P. 137–169.
22. Sameer M.A., Zhang J.Z., Zhang Z.H., Fang X.X. Bronze Age and Iron Cultures in Xinjiang, Liaison to Harappa: A Retrospect // *International Journal of Heritage, Art and Multimedia*. 2018. № 1 (3). P. 51–70.
23. Li B. Patterns of development among China's Bronze cultures // *New perspectives on China's past. Chinese archaeology in the twentieth century*. New Haven, London : Yale university press, 2004. P. 188–199.
24. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия северной Евразии. М. : Наука, 1989. 320 с.
25. Cohen D.J., Murowchick R.E. Early complex societies in Northern China // *The Cambridge World Prehistory*. 2. Cambridge : University Press, 2014. P. 782–806.
26. Lin M., Liu X. The origins of metallurgy in China // *Antiquity*. 2017. Vol. 91 (359). P. 1–6.
27. Ковтун И.В. Клиновое оружие сейминско-турбинских группировок // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 4 (42). С. 103–107.
28. Молодин В.И. Кельты сейминско-турбинского типа из Синьцзяна (материалы к учебному курсу «Археология Сибири эпохи бронзы») // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 9–16.
29. Allan S. Erlitou and the Formation of Chinese Civilization: Toward a New Paradigm // *The Journal of Asian Studies*. 2007. Vol. 66, № 2 (May). P. 461–496.
30. An Zhimin. The Bronze Age in Eastern Parts of Central Asia // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. 7. Paris : UNESCO Publishing, 1992. P. 319–336.
31. Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. 160 с.
32. Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 4 (42). С. 97–107.
33. Di Cosmo N. *The Northern Frontier in Pre-Imperial China* // *The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 BC*. Cambridge : University Press, 1999. P. 885–966.
34. Wu En. Issues concerning Northern Bronze cultures in China // *New perspectives on China's past. Chinese archaeology in the twentieth century*. New Haven, London : Yale university press, 2004. P. 200–215.
35. Bai Y. A Discussion on Early Metals and the Origins of Bronze Casting in China // *Chinese Archaeology*. 2003. № 3 (1). P. 157–165.
36. Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. 99 с.
37. Кузьминых С.В. Сейминско-турбинский транскультурный феномен: формирование, развитие и исторические судьбы // *Материалы V Международного симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты»*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 89–103.
38. Григорьев С.А. Проникновение сейминско-турбинской традиции в Китай и развитие технологии оловянного легирования // *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. 2021. № 1. С. 3–21. DOI: 10.24412/2658-3550-2021-1-3-21
39. Shao H. 邵会秋. 新疆地区安德罗诺沃文化相关遗存探析 (Анализ остатков андроновской культуры в регионе Синьцзян) // *Research of China's Frontier Archaeology*. 2009-00. P. 1–14.
40. Mei J., Shell C. The existence of Andronovo cultural influence in Xinjiang during the 2nd millennium BC // *Antiquity*. 1999. № 73. P. 570–578.
41. Jia P.W.M., Betts A.V.G., Wu X. Prehistoric archaeology in the Zhunge'er (Junggar) Basin, Xinjiang, China // *Eurasian Prehistory*. 2009. № 6 (1–2). P. 167–198.

42. Jia P.W., Betts A., Cong D., Xiaobing J., Dupuy P.D. Adunqiaolu: new evidence for the Andronovo in Xinjiang, China // *Antiquity*. 2017. Art. № 91357. P. 621–639.
43. Festa M. Bronze Age cultures and transmission of metallurgy: a methodological approach the case of the Yili River Valley and Tacheng (Xinjiang) // *Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность: сборник научных трудов. Вып. II. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 98–137.*
44. Wang L., Chen F., Wang Y., Qian W., Mei J., Martínón-Torres M., Chen K. Copper metallurgy in prehistoric upper Ili Valley, Xinjiang, China // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2018. DOI: 10.1007/s12520-018-0679-6
45. Иванов С.С. Новые находки орнаментированных вислобушных топоров эпохи бронзы из Кыргызстана // *Теория и практика археологических исследований*. 2014. № 1 (9). С. 91–100.
46. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 301 с.
47. Festa M. Prehistoric Interactions in Eurasia: A Re-evaluation of Bronze Age Remains in the Oases on the Southern Rim of the Tarim Basin // *Athens Journal of History*. 2018. Vol. 4, Is. 3. P. 197–226.
48. Ван П. Взаимодействие культур бронзового и раннего железного века Южной Сибири, Синьцзяна и Северного Китая // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 16–29.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 мая 2021 г.

The Problem of South Siberian Contacts in the Formation of Chinese Metallurgy of the Bronze Age

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 109–119.

DOI: 10.17223/15617793/471/13

Stanislav A. Grigoriev, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: stgrig@mail.ru

Keywords: China; steppe; Bronze Age; origins of metallurgy; Shang dynasty.

For a long time, there have been two views on the formation and development of Chinese metallurgy. The first assumed its autochthonous development based on the local Neolithic. But currently, it is generally accepted that the impulses of the steppe cultures influenced the origins and development of Chinese metallurgy. It is assumed that the mediator between the steppe world and the Yellow River cultures were the cultures of Qijia and Siba in Gansu, dated to the first half of the 2nd millennium BC. This point of view is based on the parallels to the metal of these cultures in the South Siberian cultures: Afanasievo, Okunev, Seima-Turbino, and Andronovo. The aim of this work is to test this hypothesis. As shown by the analysis of bronze artifacts of this period, most of this metal has analogies not in these early Eurasian cultures, but in later Karasuk and Sargary cultures. Comparable types include single-edged knives and socketed axes (celts) of elongated proportions, as well as many other objects. The error in interpretation was caused by some similarity of the Seima-Turbino and Karasuk knives. Many objects used to substantiate Siberian parallels (for example, simple rings and awls) are widespread, both chronologically and geographically, and cannot be used as analogies. There are no traces of Afanasievo, Okunev, and Andronovo influences not only in the Central Plains, but even in East Xinjiang. Sites with Afanasievo and Andronovo features are situated at the foothills of the Altai, the Pamir, and the Tianshan, and reflect the south-eastern borders of these cultures, but not their penetration into China. Only in the Final Bronze Age was the penetration of steppe complexes to the east recorded along the borders of the Tarim Basin, but this penetration only reached Central Xinjiang. The episode with the penetration of the Seima-Turbino tradition into the Yellow River basin took place, and this is clearly visible in the specific spearheads and some single-edged knives, but this influence was carried out not through Gansu, but through Shanxi. Chronologically, this cannot be dated earlier than layer III of Erlitou. By this time, Chinese metallurgy already existed, and borrowings were limited to only some types of weapons and tin alloys. The most intense influences of Siberian metallurgy in China occurred only in the Karasuk period when the so-called Northern Complex combining Karasuk and Shang features formed on the western and northern periphery of the Chinese civilization (from Liaoling in the east to East Xinjiang in the west).

REFERENCES

1. Mei, J. et al. (2012) Recent research on Early Bronze Metallurgy in Northwest China. In: *Scientific Research on Ancient Asian Metallurgy*. Washington: Freer Gallery of Arts. pp. 37–46.
2. Grigoriev, S. (2015) *Metallurgical Production in Northern Eurasia in the Bronze Age*. Oxford: Archaeopress.
3. Mei, J. (2003) Cultural Interaction between China and Central Asia during the Bronze Age. *Proceedings of the British Academy*. 121. pp. 1–39.
4. Li, Sh. (2011) The Regional Characteristics and Interactions Between the Early Bronze Metallurgies of the Northwest and Central Plains. *Chinese Archaeology*. 6. pp. 132–139.
5. Fitzgerald-Huber, L.G. (1995) Qijia and Erlitou: the question of contacts with distant cultures. *Early China*. 20. pp. 17–68.
6. An Zhimin. (1982–1983) Some problems concerning China's early copper and bronze artifacts. *Early China*. 8. pp. 53–75.
7. Fan, X. et al. (2012) Brass before bronze? Early copper-alloy metallurgy in China. *Journal of Analytical Atomic Spectrometry*. 27. pp. 821–826.
8. Mei, J. (2000) *Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its cultural context and relationship with neighbouring regions*. BAR International Series 865. Oxford: Archaeopress.
9. Molodin, V.I., Epimakhov, A.V. & Marchenko, Zh.V. (2014) Radiocarbon Chronology of the South Urals and the South of the Western Siberia Cultures (Investigations of 2000–2013): Principles and Approaches, Achievements and Problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 13 (3). pp. 136–167. (In Russian).
10. Linduff, K.M. & Mei, J. (2008) Metallurgy in Ancient Eastern Asia: How is it Studied? Where is the Field Headed? In: *Modeling Early Metallurgy: Old and New World Perspectives*. Vancouver: SAA. pp. 1–20.
11. Thorp, R.L. (2005) *China in the Early Bronze Age: Shang Civilization (Encounters with Asia)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
12. Zhang, X. et al. (2008) Establishing and Refining the Archaeological Chronologies of Xinzhai, Erlitou and Erligang Cultures. *Chinese Archaeology*. 8. pp. 197–210.
13. Campbell, R.B. (2014) *Archaeology of the Chinese Bronze Age from Erlitou to Anyang*. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology Press.
14. Bagley, R. (2018) The Bronze Age before the Zhou dynasty. In: Goldin, P.R. (ed.) *Routledge Handbook of Early Chinese History*. London, New York: Routledge. pp. 61–83.
15. Linduff, K.M. et al. (2017) *Ancient China and its Eurasian neighbors: Artifacts, Identity and Death in the Frontier, 3000–700 BCE*. Cambridge: University Press.
16. Molodin, V.I. & Alkin, S.V. (2012) Pamyatniki afanas'evskogo vremeni na severo-zapade Kitaya (Sin'tszyan) [Monuments of the Afanasievo time in the north-west of China (Xinjiang)]. In: *Afanas'evskiy sbornik 2* [Afanasio collection 2]. Barnaul: Azbuka. pp. 152–157.

17. Kovalev, A.A. (2017) Afanas'evskaya kul'tura v Sin'tszyane [Afanasiovo culture in Xinjiang]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 247. pp. 245–266.
18. Mei, J. (2005) Qijia and seima-turbino: the question of early contacts between northwest China and the Eurasian steppe. *Bulletin-Museum of Far Eastern Antiquities. Östasiatiska museet*. 75. pp. 31–54.
19. Lin, M. (2014) “Ouyao caoyuan wenhua yu shiqian Sichouzhilu”. In: *Sichouzhilu Tianshan langdao – Xinjiang changji gudai yizhi yu guancang wenwu jingpin*. Beijing: Wenwu Chubanshe. pp. 656–673. (In Chinese)
20. Jia, P.W.M. & Betts, A.V.G. (2010) A re-analysis of the Qiemo'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China. *The Journal of Indo-European Studies*. 38 (3 & 4). pp. 275–317.
21. Festa, M. (2017) Prehistoric Cultures in Xinjiang: Retrospect and Prospect. *Athens Journal of History*. 3 (2). pp. 137–169.
22. Sameer, M.A. et al. (2018) Bronze Age and Iron Cultures in Xinjiang, Liaison to Harappa: A Retrospect. *International Journal of Heritage, Art and Multimedia*. 1 (3). pp. 51–70.
23. Li, B. (2004) Patterns of development among China's Bronze cultures. In: Xiaoneng Yang (ed.) *New perspectives on China's past. Chinese archaeology in the twentieth century*. New Haven, London: Yale University Press. pp. 188–199.
24. Chernykh, E.N. & Kuz'minykh, S.V. (1989) *Drevnyaya metallurgiya severnoy Evrazii* [Ancient metallurgy of northern Eurasia]. Moscow: Nauka.
25. Cohen, D.J. & Murowchick, R.E. (2014) Early complex societies in Northern China. In: Renfrew, C. & Bahn, P. (eds) *The Cambridge World Prehistory*. Vol. 2. Cambridge: University Press. pp. 782–806.
26. Lin, M. & Liu, X. (2017) The origins of metallurgy in China. *Antiquity*. 91 (359). pp. 1–6.
27. Kovtun, I.V. (2016) Bladed Weapon of Seymino-Turbino Groups. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (42). pp. 103–107. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/18
28. Molodin, V.I. (2019) Seima-Turbino Celts from Xinjiang (Materials for the Academic Course “Archaeology of Siberia in the Bronze Age”). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 18 (3). pp. 9–16. (In Russian).
29. Allan, S. (2007) Erlitou and the Formation of Chinese Civilization: Toward a New Paradigm. *The Journal of Asian Studies*. 66 (2). pp. 461–496.
30. An Zhimin. (1992) The Bronze Age in Eastern Parts of Central Asia. In: *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. 7. Paris: UNESCO Publishing. pp. 319–336.
31. Grushin, S.P. et al. (2009) *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy eneolit i bronzovogo veka* [Altai in the system of metallurgical provinces of the Eneolithic and Bronze Ages]. Barnaul: Altai State University.
32. Molodin, V.I. (2016) The Phenomenon of Bronze Daggers From Burial Complexes of the Krotovo Culture (Chronology, Area of Distribution, Beginnings). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (42). pp. 97–107. (In Russian).
33. Di Cosmo, N. (1999) The Northern Frontier in Pre-Imperial China. In: Loewe, M. & Shaughnessy, E.L. (eds) *The Cambridge History of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 BC*. Cambridge: University Press. pp. 885–966.
34. Wu En. (2004) Issues concerning Northern Bronze cultures in China. In: Xiaoneng Yang (ed.) *New perspectives on China's past. Chinese archaeology in the twentieth century*. New Haven, London: Yale University Press. pp. 200–215.
35. Bai, Y. (2003) A Discussion on Early Metals and the Origins of Bronze Casting in China. *Chinese Archaeology*. 3 (1). pp. 157–165.
36. Bobrov, V.V., Kuz'minykh, S.V. & Teneyshvili, T.O. (1997) *Drevnyaya metallurgiya Srednego Eniseya (lugavskaya kul'tura)* [Ancient metallurgy of the Middle Yenisei (Lugavian culture)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
37. Kuz'minykh, S.V. (2019) [The Seima-Turbino transcultural phenomenon: formation, development and historical destinies]. *Mobil'nost' i migratsiya: kontseptsii, metody, rezul'taty* [Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results]. Proceedings of the International Symposium. Novosibirsk: IAET SB RAS. pp. 89–103. (In Russian).
38. Grigor'ev, S.A. (2021) Penetration of Seima-Turbino Tradition in China and Development of Tin Alloying Technology. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*. 1. pp. 3–21. (In Russian). DOI: 10.24412/2658-3550-2021-1-3-21
39. Shao, H. (2009) Analysis of the remains of the Andronovo culture in the Xinjiang region. *Research of China's Frontier Archaeology*. pp. 1–14. (In Chinese).
40. Mei, J. & Shell, C. (1999) The existence of Andronovo cultural influence in Xinjiang during the 2nd millennium BC. *Antiquity*. 73. pp. 570–578.
41. Jia, P.W.M. et al. (2009) Prehistoric archaeology in the Zhunge'er (Junggar) Basin, Xinjiang, China. *Eurasian Prehistory*. 6 (1–2). pp. 167–198.
42. Jia, P.W. et al. (2017) Adunqiaolu: new evidence for the Andronovo in Xinjiang, China. *Antiquity*. Art. 91357. pp. 621–639.
43. Festa, M. (2018) Bronze Age cultures and transmission of metallurgy: a methodological approach the case of the Yili River Valley and Tacheng (Xinjiang). In: *Kul'turnye, ekonomicheskie, tekhnologicheskie kontakty i vzaimodeystvie Yaponii i Tatarskogo mira: istoriya i sovremennost'* [Cultural, economic, technological contacts and interaction between Japan and the Tatar world: history and modernity]. Vol. II. Kazan: Institute of History, RT AS. pp. 98–137.
44. Wang, L. et al. (2018) Copper metallurgy in prehistoric upper Ili Valley, Xinjiang, China. *Archaeological and Anthropological Sciences*. DOI: 10.1007/s12520-018-0679-6
45. Ivanov, S.S. (2014) The New Finds of Ornamental Shaft-Hole Axes of Bronze Age From Kyrgyzstan. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 1 (9). pp. 91–100. (In Russian).
46. Chernykh, E.N. (1976) *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR* [Ancient metalworking in the South-West of the USSR]. Moscow: Nauka.
47. Festa, M. (2018) Prehistoric Interactions in Eurasia: A Re-evaluation of Bronze Age Remains in the Oases on the Southern Rim of the Tarim Basin. *Athens Journal of History*. 4 (3). pp. 197–226.
48. Van, P. (2018) Interaction of Bronze and Early Iron Age Cultures in South Siberia, Xinjiang and Northern China. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 17 (4). pp. 16–29. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-4-16-29

Received: 11 May 2021

В.П. Зиновьев

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА В ГОРОДАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

*Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ,
проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».*

Исследуется частный сюжет истории социальной активности в российской провинции – организация и деятельность экономических обществ в Томской губернии. Рассматривается создание производственных, кредитных, потребительских кооперативов, касс и обществ взаимопомощи, профессиональных союзов и обществ взаимного страхования в 1880 – феврале 1917 г. Основным источником информации послужила единственная в России региональная «Хроника общественно-политической жизни Томской губернии» в этот период.

Ключевые слова: Томская губерния; конец XIX – начало XX в.; экономические общества; кооперативы; профсоюзы

Введение. В статье в качестве предмета исследования рассматриваются общественные объединения, цель которых заключалась во взаимной материальной поддержке их участников. Это кооперативы, общества взаимного страхования и взаимопомощи, профессиональные союзы. Автор поставил целью выявить уровень социальной солидарности в экономической сфере в российской провинции на примере Томской губернии. Выбор территории объясняется тем, что это единственный в дореволюционной России регион, по которому имеется хроника общественной жизни, составленная автором и профессором О.А. Харусь и опубликованная в 2013 г. [1]. Материал хроники обработан и обобщен лишь по некоторым сюжетам [2–6]. Настоящая публикация продолжает эту работу.

Методологический инструментарий. Для того чтобы выявить тенденции, масштабы, динамику формирования экономических объединений населения в целях взаимопомощи, автором использован статистический метод. В хронике учтены общественные организации в городах Томской губернии, имевшие целью материальную поддержку своих учредителей и членов. Учтены факты их создания и функционирования по сведениям государственных ведомств, периодических изданий, документов самих организаций, мемуаров участников общественного движения. Это производственные кооперативы (артели), потребительские, кредитные кооперативы, кассы, страховые товарищества и кассы, общества взаимопомощи и профессиональные союзы. Учитывались организации легальные и нелегальные, уставные и неуставные. В статистику вошли организации с момента возникновения (организационного собрания). Продолжительность действия обществ установить не всегда можно вследствие отрывочных и скудных сведений о них. При составлении хроники общественной жизни Томской губернии использована методика составления хроники и статистики рабочего и социал-демократического движения в России [7, 8]. В подсчет включены результаты исследований последних лет.

Исследовательская литература темы состоит в основном из трудов по истории рабочих экономических организаций [9–13], кооперативному движению, прежде всего в сибирской деревне, где было развито артельное маслоделие, потребительская и кредитная кооперация [14–20]. В то же время по истории эконо-

мических организаций средних городских слоев населения исследований явно недостаточно, хотя чиновники, служащие, ремесленники и торговцы городов были наиболее активными участниками объединений экономического характера. Предпринятые А.Е. Плотниковым и Е.А. Дегальцевой вполне плодотворные опыты обобщения сведений об экономических объединениях в хрониках, соответственно, профсоюзного строительства и неполитических организаций в Сибири не исправили положения [21, 22], также как и хроника общественной жизни Томской губернии, составленная автором этих строк и О.А. Харусь (учтена 151 организация) [1]. В статье анализируется более полный вариант хроники (167 организаций).

В список экономических общественных организаций вошли производственные кооперативы, кассы и общества взаимопомощи, общества потребления, кредитные кооперативы, страховые общества, профессиональные союзы. Для статистического анализа динамики процесса образования обществ данные хроники сведены в хронологическую таблицу с указанием места организации и характера общества для последующего более подробного рассмотрения событий (табл. 1).

Анализ таблицы демонстрирует, что из 167 учтенных организаций 18 были производственными кооперативами рабочих, 45 кассами и обществами взаимопомощи, 48 – обществами потребления, 5 – кредитными товариществами, 3 – страховыми товариществами, 48 – легальными и нелегальными профессиональными союзами рабочих и служащих. В губернском городе Томске существовали 60 из них, в горнозаводском центре Барнауле – 34, в растущем торгово-промышленном Новониколаевске – 16, в крупных уездных городах Бийске и Мариинске по 8, на станциях Тайга, Обь и на Гурьевском железодельном заводе Кабинета в Кузнецком округе – по 4, в уездном городе Каниск, ст. Боготол, в торгово-промышленном городке Камень-на-Оби, в горнозаводских поселках Кемеровского, Кольчугинского, Анжерского, Зырянского рудников по 2, в уездных городах Кузнецк, Змеиногорск, в заштатных городах Колывань и Нарым, на станциях Топки, Татарск, в промышленных поселках Самусьский затон, Тюделеково, Сузун, Зырянский рудник, Салаир, Уксунайский прииск, Судженский рудник, Гоньбинский затон, в селах Шадринское, Белоярское по 1.

Экономические общественные организации Томской губернии 1885 – февраль 1917 г.

Год создания	Производственные кооперативы	Кассы и общества взаимопомощи	Общества потребления	Кредитные товарищества	Страховые товарищества	Профессиональные союзы	Итого
1869			Барнаул				1
1870		Гурьевский завод					1
1876		Гурьевский завод					1
1877		Салаирский рудник					1
1885		Томск					1
1888		Гурьевский завод					1
1890			Каинск				1
1891			Барнаул				1
1892		Томск					1
1893			Бийск				1
1894			Томск				1
1896		Томск	Змеиногорск				2
1897			Зырянский рудник		Томск		2
1898			Гурьевский завод; Томск*				5
1899		Томск – 2					2
1900		Томск		Томск			2
1901		Томск; Барнаул					2
1903	ст. Обь – 3; Томск	Томск – 2; Барнаул	Бийск				8
1904	Томск	Барнаул; Томск – 2					4
1905		Мариинск	Судженские копи			Томск – 16; Барнаул – 3; Тайга	22
1906		Новониколаевск	Томск			Томск – 2; Барнаул – 3; Новониколаевск, Каинск	9
1907	Барнаул	Барнаул				Томск – 3; Барнаул – 3; Бийск; ст. Обь	10
1908	Новониколаевск – 4; Барнаул		ст. Тайга			Новониколаевск	7
1909		Томск; Барнаул	Томск; Барнаул			Томск	5
1910	Барнаул – 3	Мариинск; Камень; Бийск; Новониколаевск				Томск; Барнаул	9
1911	Новониколаевск; Барнаул	Мариинск	Анжерские копи			Томск	5
1912		Томск; Барнаул – 4; Бийск	Томск; Новониколаевск – 2; Мариинск		Новониколаевск		11
1913	Барнаул	Томск – 7; Барнаул; Сузун	Мариинск**, с. Белоярское; с. Гоньбинское	Мариинск; с. Шадринское; Бийск	Мариинск	Барнаул	18
1914	Уксунайский прииск		г. Боготол; Бийск-2			Новониколаевск	5
1915			Томск; Нарым; Барнаул; Тайга; Кузнецк; Колывань; Кемеровские копи	Мариинск***		Новониколаевск; Анжерские копи	10
1916		Камень	Томск – 5; Татарск; Плотбище Тюделеево; Самусьский затон; Кольчугинские копи, Зырянский рудник			Барнаул – 2; Кемеровские копи; Кольчугинские копи	15
1917 (январь – февраль)		Новониколаевск	Новониколаевск; ст. Топки				3
Итого	18	45	46	5	3	48	167

*1898 г. – до 1 января 1912 г. Акмолинская обл., Томская, Енисейская, Иркутская губ., Сибирская ж.д. Кооператив: действовало Общество потребителей служащих на Сибирской железной дороге. Отделения – **Томское** (1898 г.), Омское, Иланское, Красноярское, Иннокентьевское, Зиминское, **Боготольское**, **Каинское**, Карачинское, **Тайгинское**, Нижнеудинское, Тайшетское, Тулуновское. 1904 г. – 16 тыс. руб. оборота. Административно зависимое [23. Л. 7; 24. С. 169, 172]. Выделены отделения кооператива в Томской губернии.

**1913 – 1917 гг. Томская губ., г. Мариинск, Мариинский уезд. Действовало Торгово-промышленное товарищество кооперативов Мариинского уезда. Образовано в 1913 г. вышедшими из Мариинского общества потребителей 9 сельскими кооперативами. В начале 1915 г. – 40 кооперативов, к концу 1915 г. – 65. Имело кредит в Московском народном банке, Кожевенный завод в пос. Малый Антибес. Влияние ПСР [25. С. 449–451].

*** 17 марта 1915 – 1917 гг. Томская губ., г. Мариинск. Действовало Мариинское кредитное товарищество. 21 учредитель, 38 членов. Основной капитал 3 тыс. руб. 18–19 апреля образовался Союз кредитных кооперативов – 25 кредитных товариществ во главе с Мариинским кредитным товариществом, признанным центральным. 29–30 декабря 1915 г. на съезде уполномоченных был организован Союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Мариинского и Томского уездов. 28 обществ [25. С. 451–455].

Процесс организации экономических сообществ в Томской губернии можно условно разделить на три периода:

1) 1860-е гг. – 1904 г. – создание касс и обществ взаимной помощи, обществ потребления служащими кабинетских предприятий и казенных учреждений, торговых заведений и типографий;

2) период Первой русской революции – профсоюзное строительство рабочими и служащими казенных и частных учреждений и предприятий;

3) кооперативное движение в городах и рабочих поселках в межреволюционный период.

Первыми стали организовываться служащие казенных, кабинетских и частных учреждений. Так, общество потребления одними из первых в России образовалось в 1869 г. в горном городе Барнауле, где концентрировались технические специалисты и чиновники Алтайского горного округа [20]. В 1874 г. общество закрылось в связи с неопытностью и нечестностью правления. Вторая попытка открыть общество потребления в городе состоялась в 1891 г. [26. Л. 9]. Устав общества был утвержден, однако о деятельности общества подробной информации не сохранилось. Только образованный в 1909 г. приказчиками потребительский кооператив «Труженики» стал по настоящему общегородским и насчитывал до 1 300 членов в 1912 г. [1. С. 275].

Уровень солидарности служащих и высококвалифицированных рабочих кабинетских предприятий был достаточно высок для того, чтобы реализовать ст. 55–70 «О горнозаводских товариществах» «Высочайше утвержденного Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства Финансов» 8 марта 1861 г. Товарищества могли формировать вспомогательные кассы для выдачи пособий своим членам [27]. Касса взаимопомощи служащих открылась только на Гурьевском железоделательном заводе в 1870 г. Записалось в нее 85 чел. [28. Л. 22; 29. С. 48]. Вероятно, она существовала недолго, так как уже в 1876 г. служащие завода (95 членов) пытались создать сельское ссудо-сберегательное товарищество по образцовому уставу Московского общества сельского хозяйства 1871 г., который был одобрен министерством финансов [30; 31. С. 41–44]. Такое же общество было устроено на Салаирском руднике в 1877 г. (267 членов) [29. С. 48]. Эти общества вряд ли были успешны, так как следов их деятельности не обнаружено. 20 февраля 1888 г. на Гурьевском заводе была вновь организована ссудосберегательная касса и был подан на утверждение устав. Его утвердили только 21 июля 1893 г. Основная задача определялась как выдача ссуд. В 1888 г. числилось 24 члена, в 1892 г. – 29, 1893 г. – 34 члена [28. Л. 2; 31. 41–44; 32]. Бедственное положение завода заставило его руководство искать более существенных средств взаимопомощи, чем касса. В 1898 г. на заводе было зарегистрировано общество потребителей, которое, кроме поставки своим членам предметов потребления по умеренным ценам, могло выдавать им кредиты. Количество членов общества было небольшим – 27 в год образования. Общество действовало до закрытия завода в 1909 г. [33. Л. 2, 18].

7 августа 1885 г. открылось ссудо-сберегательное товарищество при Томской духовной консистории.

12 апреля 1892 г. состоялось первое собрание общества взаимного вспоможения приказчиков в Томске. Действовало вплоть до официального закрытия в 1913 г. Цель – улучшение быта действительных членов общества посредством выдачи пособий, ссуд, постоянного вспоможения как членам, так вдовам и сиротам их, а также обеспечения врачебной помощи. В 1909 г. открыта ссудо-сберегательная касса. Число членов – 1892 г. – 151 чел., 1905 г. – 200, 1912 г. – 400 чел.

31 мая 1896 г. в Змеиногорске была открыта ссудо-сберегательная касса чинов местной полиции. 10 ноября 1898 г. в Томске была сделана попытка зарегистрировать Общество взаимопомощи женщин, служащих в торгово-промышленных заведениях (29 учредительниц), однако министр МВД устав не утвердил.

В конце 1899 – начале 1901 г. в типографиях Томска действовала стачечная касса (первоначально касса взаимопомощи), созданная по инициативе социал-демократической рабочей группы в типографии Кононова (с апреля 1900 г. – общегородская), цель – взаимопомощь и материальная поддержка стачек. Число членов: февраль 1900 г. – 19 чел., позднее – около 100 чел. Председатель – Н. Дербышев, секретарь – Н. Баранов (Урубков).

Такая же касса существовала в 1899–1903 гг. в столярной мастерской Тренцова, в 1900–1901 гг. действовало Томское отделение ссудо-сберегательной кассы т-ва «Печатня С.П. Яковлева». Число членов – 69 чел. (апрель 1900 г.), 81 (1901 г.). Капитал – 600 руб. С 14 июня 1901 г. по 1905 г. в типографии Томска действовало «Общество взаимопомощи книгопечатников», включившее рабочих и служащих типографий, редакций газет, до 1902 г. – демократическую интеллигенцию. Число членов: 1901 г. – 85 чел., 1902 г. – 116, 1903 г. – 70 чел. Руководил Томский комитет РСДРП.

С 23 июля 1901 г. по 1904 г. в Барнауле действовало «Общество взаимной помощи личного труда», организованное приказчиками, служащими торговых и промышленных предприятий. Основной вид деятельности – культурное просвещение, взаимопомощь. Число членов: 1901 г. – 29 чел., 1902 г. – 150, 1903 г. – 143 чел. Находилось под влиянием ссыльных народников. 21 января 1903 г. в Барнауле открыта «Ссудо-сберегательная касса полицейских чинов Барнаула». 1 июня 1903 г. Образована ссудо-сберегательная касса рабочих и служащих типографии и книжного магазина П. Макушина в Томске. В 1903 г. хозяева и работники ремесленных мастерских Томска создали на основе упраздненной ремесленной управы легальное «Общество взаимного вспомоществования занимающихся ремесленным трудом в г. Томске». В 1905 г. оно находилось под влиянием партии «Народной свободы». Число членов: в 1903 г. – 130 чел., 1905 г. – 200 чел.

С 1904 г. по 16 ноября 1912 г. в Барнауле действовало общество взаимопомощи приказчиков и ремесленников, с 1906 г. – легальное, с 1909 г. – преобразованное в общество торгово-промышленных служащих. Число членов: в 1905 г. – 30 чел., 1906 – 166, 1908 г. – 116 чел. В 1904–1917 г. в Барнауле в магазине фирмы Смирнова действовала касса взаимной помощи, с 1909 г. – легальное общество взаимопомощи. Оно находилось под влиянием анархистов. Число

членов: в 1904–1907 гг. – 20 чел., 1914 г. – 102 чел. из 150 работающих [1. С. 57–118].

По сведениям «Хроники...», рабочие и служащие до 1905 г. организовали всего 18 касс и обществ взаимопомощи в Томской губернии, открыли 13 обществ потребления, 5 трудовых кооперативов, обыватели Томска создали страховое и кредитное общества, итого 38 различных объединений, в том числе в губернском Томске – 17. Как правило, они были немногочисленны, крайне неустойчивы, административно зависимы, предполагали незначительную степень самостоятельности, имели примерные уставы, разрешенные министром внутренних дел. Инициаторами их организации и членами в большинстве своем были служащие, за исключением типографий.

Период революции 1905–1907 гг. можно назвать временем профсоюзного движения. В Томской губернии в годы революции были образована 41 организация экономического характера, в том числе 35 профессиональных союзов, 3 общества взаимопомощи, 2 потребительских и 1 трудовой кооперативы. Из общего числа организаций 22 открыты в Томске, 11 – в Барнауле, 2 – в Новониколаевске, по 1 – в Тайге, Бийске, Мариинске, Каинске, на Судженских копях, на станции Обь.

Профсоюзные организации были образованы в Томске – 21, Барнауле – 9, в Новониколаевске, Бийске, Каинске, ст. Обь, Тайга – по 1. В 1905 г. открыл действие 21 профсоюз, в 1906 г. – 7, в 1907 г. – 8. Томск был центром профсоюзного строительства: в

1905 г. здесь были образованы 16 профсоюзов, в 1906 г. – 2, в 1907 г. – 3. Профессиональные союзы формировали прежде всего служащие – приказчики, учителя, фармацевты, работники телеграфа, городских учреждений, управления Сибирской железной дороги, преподаватели университета и технологического института, учащиеся, инженеры. В Томске была предпринята попытка в декабре 1905 г. организовать отделение либерального Союза Союзов. Большинство профсоюзов не пережило революционные дни.

В межреволюционный период, судя по данным табл. 1, в городах Томской губернии были образованы 87 экономических обществ, из этого числа в Томске – 21, Барнауле – 17, Новониколаевске – 14, Мариинске – 7, Бийске – 5, в Тайге, Камне-на-Оби, на Анжерской, Кемеровской, Кольчугинской копях – по 2, в прочих пунктах – по 1. Были созданы 12 трудовых артелей, 32 потребительских кооператива, 4 кредитных товарищества, 2 страховых общества, 24 кассы и общества взаимопомощи, 13 профессиональных союзов. Таким образом, в межреволюционный период в городах Томской губернии были образованы 49 объединений разных форм кооперации, 37 объединений различных форм профессиональной солидарности.

Наиболее крупными из экономических организаций были городские и рабочие общества потребления. В табл. 2 приведены сведения о 30 обществах потребления, действовавших в городах и рабочих поселках Томской губернии в 1917 г. [1. С. 112–193].

Таблица 2

Общества потребления Томской губернии на 1917 г.*

Год образования	Место образования, предприятие, состав	Название	Число членов
1905	Томский округ, пос. Судженские копи Л.А. Михельсона, рабочие и служащие	Общество потребления	450
1909	Томск, пос. Окружной психиатрической лечебницы, служащие	Общество потребления	Неизв.
1911	Томский округ, пос. Анжерские копи Сибирской ж. д., рабочие и служащие	Общество потребления	28
1912	Новониколаевск, общегородское	«Экономия»	1 300
1912	Новониколаевск, городское отделение «Союза русского народа», общегородское	Общество потребления	200
1912	Томск, общегородское	«Деятель»	1 957
1913	Барнаульский округ. Село Белоярское близ Барнаула, рабочие и служащие	Общество потребления	Неизв.
1913	Барнаульский округ. Село Гоньбинское близ Барнаула, рабочие и служащие	Общество потребления	Неизв.
1913	Мариинск, общегородское	Общество потребления	Неизв.
1914	Мариинский округ, станция Боготол Сибирской ж. д., рабочие и служащие	Общество потребления	600
1914	Г. Бийск, общегородское	«Общая польза»	Неизв.
1915	Томский округ, г. Нарым, общегородское	Общество потребления	362
1915	Барнаул, общегородские	«Сотрудник»	4 000
1915	Томский округ, станция Тайга, рабочие и служащие	«Труд»	308
1915	Кузнецк, общегородское	Общество потребления	Неизв.
1915	Кузнецкий округ, пос. Кемеровские копи «Копикуза», рабочие и служащие	Общество потребления	Неизв.
1915	Томск, Первое Сибирское политехническое училище имени Цесаревича Алексея, учащиеся	Общество потребления	90
1915	Томский округ, г. Колывань, общегородское	«Сбережение»	167
1916	Томский округ, Амбарцевская волость, д. Тюделеково, рабочие и служащие лесничества	«Лесопромышленник»	17
1916	Змеиногорский округ, Зыряновский рудник Русской горнопромышленной корпорации, рабочие и служащие	Общество потребления	Неизв.
1916	Каинский округ, станция Татарск, общегородское	Общество потребления	Неизв.
1916	Томск, судебные учреждения, служащие	Общество потребления	Неизв.
1916	Томский округ, пос. Самусьский затон Томского округа путей сообщения, рабочие и служащие	«Труд»	459
1916	Томск, Сибирский университет, служащие	Общество потребления	379
1916	Томск, Сибирский университет, учащиеся	Общество потребления	Неизв.
1916	Кузнецкий округ, Кольчугинские копи «Копикуза», рабочие и служащие	Общество потребления	Неизв.
1916	Томск, Управление Томской ж. д., служащие	Общество потребления	Неизв.
1916	Томск, Томского округа путей сообщения, служащие	Общество потребления	Неизв.
1916	Кузнецкий округ, станция Топки Томской ж. д., рабочие и служащие	Общество потребления	Неизв.
Итого		30	11 461

* В таблицу не вошли сведения об обществах закрытых до 1917 г.: Сибирской железной дороги – 1898 г. – 1911 г.; бийское – 1903–1908 гг.; потребительское общество при «Обществе правильной охоты». Томск. 1906–1911 гг.; тайгинское – 1908 г. – 1912 г.; барнаульское – 1909 г. – 1913 г.; «Бийский кооператив» – 1914–1916 гг.

Заметную роль в экономической жизни играли прежде всего общегородские общества потребления «Деятель» в Томске, «Экономия» в Новониколаевске, «Сотрудник» в Барнауле, имевшие более тысячи членов каждое в 1915–1916 гг. и несколько тысяч членов каждое в 1918–1919 гг., когда общества потребления стали средством выживания для горожан Сибири. Сотни членов насчитывали общества потребления на станциях железной дороги (Боготол, Тайга, Татарск, Топки) в уездных и заштатных городах (Кузнецк, Бийск, Мариинск, Колывань, Нарым), в поселках крупных промышленных предприятий (Анжерские, Судженские, Кольчугинские, Кемеровские каменноугольные копи, Зыряновский рудник, Самусь), в учебных заведениях Томска (Сибирский университет, Коммерческое училище), в управлениях путей сообщения (Томский округ путей сообщения, Томская железная дорога).

Сведения о численности обществ весьма скудные и ненадежные вследствие слабой сохранности документов делопроизводства кооперативов, потому итог численности их участников – 11,5 тыс. на 1916–1917 гг. занижен в полтора – два раза.

В годы Гражданской войны численность кооперативов возросла в разы: барнаульского «Сотрудника» с 3,3 тыс. в 1916 г. до 6,2 тыс. в 1919 г., томского «Деятеля» с 2 тыс. в 1916 г. до 11,4 тыс. в 1919 г., новониколаевской «Экономии» с 1,3 тыс. в 1916 г. до 33 тыс.

участников (вместе с кооперативами-партнерами) в 1918 г. [20. С. 116–126].

Заключение. Подводя итоги краткого анализа деятельности экономических обществ в городах и рабочих поселках Томской губернии в XIX – начале XX в., можно сделать вывод о том, что достаточно полно изучены потребительские кооперативы и организации, отнесенные к рабочему движению. Менее всего изучены объединения служащих казенных учреждений, учителей и учащихся, ремесленников, мелкобуржуазных элементов, т.е. тех обитателей городов, которых принято относить к средним городским слоям, являющихся, по мнению Н.А. Ивановой, предтечей современного среднего класса [34].

В Томской губернии, одной из наиболее крупных и экономически развитых провинций России, формирование рыночной экономики сопровождалось таким же быстрым ростом общественного движения, началом формирования гражданского общества, частью которого стало проявление бессословной солидарности в городах в виде экономических коалиций граждан, имеющих целью адаптацию в рамках нового индустриального мира. Наиболее активными были средние городские слои, рабочие и служащие индустриальных предприятий. Эти выводы распространяются не только на историю общественного движения Сибири, но и России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев В.П., Харусь О.А. Хроника общественно-политической жизни Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 51–383.
2. Зиновьев В.П., Зиновьева В.И. Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 9–20. DOI: 10.17223/2312461X/12/2
3. Харусь О.А. Штрихи к политическому портрету сибирского купечества // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 76–95. DOI: 10.17223/2312461X/12/6.
4. Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Fominykh S.S. Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 // Bylye Gody. 2018. Vol. 47, Is. 1. P. 208–216. DOI: 10.13187/bg.2018.1.208.
5. Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Sulyak S.S. Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919 // Bylye Gody. 2019. Vol. 51, Is. 1. P. 272–283. DOI: 10.13187/bg.2019.1.272.
6. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Научные и технические общества Томской губернии // Вестник СПбГУ. История. 2020. Т. 65, вып. 3. С. 904–920.
7. Блинов Н.В., Желтова В.П., Иванова Н.А., Кирьянов Ю.И., Пушкарева И.М. О методике составления и статистики рабочего движения в России периода капитализма (1861 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 60–78.
8. Блинов Н.В., Зиновьев В.П. Методика составления хроники рабочего движения в Сибири // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск : Издательство Томского университета, 1985. С. 150–168.
9. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. Т. 1: XVII в. – 1904 г. 376 с.
10. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 2. 1905 – июнь 1907 гг. 376 с.
11. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. Т. 3. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. 343 с.
12. Зиновьева В.И. Хроника создания рабочих организаций Западной Сибири (1976–1907 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск : Издательство Томского университета, 1985. С. 176–190.
13. Зиновьев В.П. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2007. № 1. С. 21–33.
14. Илимский Д. Кооперативные союзы в Сибири. М. : Издание Всероссийского союза потребительных обществ, 1919. 102 с.
15. Махов В. Потребительская кооперация в процессе ее развития: материалы по истории кооперации (1898–1920). Новониколаевск : Сибирское отделение Центросоюза, 1923. 241 с.
16. Очерки истории потребительской кооперации Сибири. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. из-во, 1965. 336 с.
17. Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 118 с.
18. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2007. 278 с.
19. Николаев А.А. Кооперация // Сибирская историческая энциклопедия. Т. 1. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. С. 132–139.
20. Запороженко Г.М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления. Новосибирск : Сибпринт, 2015. 540 с.
21. Плотников А.Е. Профессионально-политические союзы интеллигенции Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск. 1995. С. 96–117.
22. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002. 288 с.

23. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 3290.
24. Список всех потребительских обществ России, как действующих, так и закрывшихся на 1 января 1912 г. СПб., 1912. XVII, 5, 192 с. 2 л.
25. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. / под ред. В.А. Волчека. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 743 с.
26. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2410.
27. № 36719. 8 марта. Высочайше утвержденное Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства Финансов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Отделение I. 1861. СПб. : В типографии II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1863. С. 438–450.
28. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5.
29. Поникаровский Д. Сельские общества Салаирской волости // Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Кн. IV. Омск, 1882. С. 48.
30. М. С-въ. Ссудосберегательные товарищества // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXI София–Статика. СПб. : Типография акционерного общества «Издательское дело» Брокгауз-Ефрон, 1900. С. 368–372.
31. Гурьевск : страницы истории. Кемерово, 2008. 180 с.
32. Государственный архив Алтайского края. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–87.
33. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4219.
34. Иванова Н.А. Формирование среднего класса в Российской империи конца XIX – начала XX в. Теория и конкретика. М. : Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 294 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июля 2021 г.

Economic Societies in the Cities of Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 120–126.

DOI: 10.17223/15617793/471/14

Vasiliy P. Zinovyev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: vpz@tsu.ru

Keywords: Tomsk Province; late 19th – early 20th centuries; economic societies; cooperatives; trade unions.

The study is supported by the Government of the Russian Federation, Project No. 075-15-2021-611.

The article deals with public associations, the purpose of which was to provide mutual financial support to their participants. The most active in the creation of economic organizations were representatives of the middle strata of the urban population – officials, employees, workers, artisans, and merchants of the cities. They created cooperatives, mutual insurance and mutual aid societies, and trade unions. The author aims to identify the level of social solidarity in the economic sphere in the Russian province on the example of Tomsk Province. The choice of the territory is explained by the fact that this is the only region in pre-revolutionary Russia that has a chronicle of public life, compiled by Professor O.A. Kharus and published in 2013. The chronicle takes into account Tomsk Province urban public organizations, which had the purpose of providing financial support to their founders and members. The author pays regard to the facts of their creation and functioning according to the information of state departments, periodicals, documents of the organizations themselves, memoirs of participants of the social movement. Legal and illegal organizations, statutory and non-statutory organizations were analyzed. The statistics include organizations from the moment of occurrence (organizational meeting). When compiling the chronicle of the social life of Tomsk Province, Professor Kharus employed the method of compiling a chronicle and statistics of the workers' and social-democratic movement in Russia. The calculation includes the results of research of recent years. *The Chronicle of the Public Life of Tomsk Province*, compiled by the author of the article and Professor Kharus, included 151 organizations. The article analyzes a more complete version of the chronicle – 167 organizations. The author divides the process of organizing economic communities in Tomsk Province into three periods: (1) 1860–1904: the creation of cash registers and mutual aid societies, consumer societies by employees of Cabinet enterprises and state institutions, trade establishments and printing houses; (2) the period of the First Russian Revolution: trade union construction by workers and employees of state and private institutions and enterprises; (3) the inter-revolutionary period: the cooperative movement in cities and workers' settlements. Of the 167 registered organizations, 18 were workers' production cooperatives, 45 were cash registers and mutual aid societies, 46 were consumer societies, 5 were credit partnerships, 3 were insurance partnerships, and 48 were legal and illegal trade unions of workers and employees. The provincial city Tomsk had 59 of them, the mining center Barnaul had 34, the growing commercial and industrial Novonikolaevsk had 16. The author comes to the conclusion that the organization of economic societies was part of the process of the formation of a civil society and the creation in the cities of the province of the middle urban strata.

REFERENCES

1. Zinov'ev, V.P. & Kharus', O.A. (2013) Khronika obshchestvenno-politicheskoy zhizni Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. [Chronicle of the socio-political life of Tomsk Province in 1880 – February 1917]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizni Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [Socio-political life of Tomsk Province in 1880–1919]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 51–383.
2. Zinov'ev, V.P. & Zinov'eva, V.I. (2016) Merchants' Public Activity in Tomsk Province From 1880 to February 1917. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 9–20. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/12/2
3. Kharus', O.A. (2016) Some Touches to a Political Portrait of Siberian Merchants. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 76–95. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/12/6
4. Zinovyev, V.P., Zinovyeva, V.I. & Fominykh, S.S. (2018) Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917. *Bylye Gody*. 47 (1). pp. 208–216. DOI: 10.13187/bg.2018.1.208
5. Zinovyev, V.P., Zinovyeva, V.I. & Sulyak, S.S. (2019) Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919. *Bylye Gody*. 51 (1). pp. 272–283. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2019.1.272
6. Zinov'ev, V.P. & Sulyak, S.G. (2020) Scientific and Technical Associations of Tomsk Province. *Vestnik SPbGU. Istoriya*. 65 (3). pp. 904–920. (In Russian).
7. Blinov, N.V. et al. (1984) O metodike sostavleniya i statistiki rabochego dvizheniya v Rossii perioda kapitalizma (1861 – fevral' 1917 g.) [On the methodology for compilation and statistics of the labor movement in Russia during the period of capitalism (1861 – February 1917)]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 60–78.

8. Blinov, N.V. & Zinov'ev, V.P. (1985) Metodika sostavleniya khroniki rabocheho dvizheniya v Sibiri [Methodology for compiling a chronicle of the labor movement in Siberia]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Sibiri perioda kapitalizma* [Issues of historiography and source studies of Siberia during the period of capitalism]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 150–168.
9. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1988) *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika v trekh tomakh* [Labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics in three volumes]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
10. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1990) *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika v trekh tomakh* [Labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics in three volumes]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
11. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1991) *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika v trekh tomakh* [Labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics in three volumes]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
12. Zinov'eva, V.I. (1985) Khronika sozdaniya rabochikh organizatsiy Zapadnoy Sibiri (1976–1907 gg.) [Chronicle of the creation of workers' organizations in Western Siberia (1976–1907)]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Sibiri perioda kapitalizma* [Issues of historiography and source studies of Siberia during the period of capitalism]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 176–190.
13. Zinov'ev, V.P. (2007) Ekonomicheskie organizatsii rabochikh Sibiri vo vtoroy polovine XIX – pervye gody XX v. [Economic organizations of the workers of Siberia in the second half of the 19th – the first years of the 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 21–33.
14. Ilimskiy, D. (1919) *Kooperativnye soyuzы v Sibiri* [Cooperative unions in Siberia]. Moscow: Izdanie Vserossiyskogo soyuza potrebitel'nykh obshchestv.
15. Makhov, V. (1923) *Potrebitel'skaya kooperatsiya v protsesse ee razvitiya: materialy po istorii kooperatsii (1898–1920)* [Consumer cooperation in its development: materials on the history of cooperation (1898–1920)]. Novonikolaevsk: Sibirskoe otdelenie Tsentrosoyuza.
16. Ivashchenko, V.K. (ed.) (1965) *Ocherki istorii potrebitel'skoy kooperatsii Sibiri* [Essays on the history of consumer cooperation in Siberia]. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. iz-vo.
17. Alekseeva, V.K. (1993) *Kooperativnoe dvizhenie v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [Cooperative movement in Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
18. Nikolaev, A.A. (2007) *Osnovnye vidy kooperatsii v Rossii: istoriko-teoreticheskiy ocherk* [The main types of cooperation in Russia: a historical and theoretical essay]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.
19. Nikolaev, A.A. (2009) Kooperatsiya [Cooperation]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibirskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Siberian Historical Encyclopedia]. Vol. 1. Novosibirsk: Istorieskoe nasledie Sibiri. pp. 132–139.
20. Zaporozhchenko, G.M. (2015) *Gorodskaya potrebitel'skaya kooperatsiya v Sibiri v nachale XX v. Poisk identichnosti i opyt grazhdanskogo samoupravleniya* [Urban consumer cooperation in Siberia at the beginning of the 20th century. The search for identity and the experience of civil self-government]. Novosibirsk: Sibprint.
21. Plotnikov, A.E. (1995) Professional'no-politicheskie soyuzы intelligentsii Sibiri v 1905–1907 gg. [Trade Unions of Siberian Intelligentsia in 1905–1907]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* [Materials for the chronicle of the social movement in Siberia in 1895–1917]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 96–117.
22. Degal'tseva, E.A. (2002) *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.)* [Public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Barnaul: Altai State Technical University.
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 3290.
24. Anon. (1912) *Spisok vseh potrebitel'skikh obshchestv Rossii, kak deystvuyushchikh, tak i zakryvshikhsya na 1 yanvarya 1912 g.* [List of all consumer societies in Russia, both operating and closed as of January 1, 1912]. St. Petersburg.
25. Ermolaev, A.N. (2008) *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gg.* [The provincial Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 2410.
27. Russian Empire. (1863) № 36719. 8 marta. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o gornozavodskom naselenii kazennykh gornykh zavodov vedomstva Ministerstva Finansov [No. 36719. March 8. The Highly Approved Regulations on the Mining Population of State-Owned Mining Plants of the Department of the Ministry of Finance]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. XXXVI. Part I. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii. pp. 438–450.
28. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund 7. List 1. File 5.
29. Ponikarovskiy, D. (1882) Sel'skie obshchestva Salairskoy volosti [Rural communities of Salair Volost]. In: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Book IV. Omsk. p. 48.
30. M. S.-v". (1900) Ssudoberegatel'nye tovarishchestva [Savings and loan partnerships]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXXI. St. Petersburg: Tipografiya aktsionernogo obshchestva "Izdatel'skoe delo" Brokgauz-Efron. pp. 368–372.
31. Prosekov, V.A. (ed.) (2008) *Gur'evsk: stranitsy istorii* [Guryevsk: pages of history]. Kemerovo: Kemerovo State University.
32. State Archive of Altai Krai. Fund 3. List 1. File 64. Pages 1–87.
33. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 3. File 4219.
34. Ivanova, N.A. (2018) *Formirovanie srednego klassa v Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX v. Teoriya i konkretika* [Formation of the middle class in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. Theory and specifics]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences: Center for Humanitarian Initiatives.

Received: 21 July 2021

А.Д. Карин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЖ. БИМА НА ПОСТУ ПОСЛА США В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА

На основе мемуаров американского посла в Польше Джейкоба Бима и других исторических источников дан анализ состояния американско-польских отношений в годы президентства Дуайта Эйзенхауэра. Показано, что воспоминания Джейкоба Бима являются ценным источником по истории американской внешней политики в годы холодной войны, проливающим свет на многие аспекты его дипломатической работы.

Ключевые слова: холодная война; Польская Народная Республика; внешняя политика США; Владислав Гомулка; Джейкоб Бим; Тайваньский кризис

Известный американский дипломат Джейкоб Динли Бим родился в 1908 г. в семье профессора Принстонского университета. Ему суждено было сделать блистательную дипломатическую карьеру, неоднократно оказываясь в стратегически важных районах мира и принимая участие в разрешении большого количества международных проблем [1. Р. 18]. С 1934 по 1940 г. он занимает пост третьего секретаря посольства США в Берлине, во время Второй мировой войны служит вторым секретарем посольства в Лондоне, после войны консультирует американскую оккупационную администрацию в Германии. В течение 1949–1953 гг. он сменил ряд назначений в Индонезии, Югославии и СССР. После объявления американского посла Джорджа Кеннана персоной нон грата, в течение нескольких месяцев Бим фактически исполняет обязанности главы американской дипломатической миссии, не занимая при этом должности посла. Находясь на этом посту, дипломат регулярно информировал Вашингтон о политической ситуации в Москве после смерти И.В. Сталина. В 1953–1957 гг. мистер Бим возглавлял Центрально-европейский отдел госдепартамента, который занимался проблемами Центральной и Восточной Европы, пока наконец в 1957 г. не получил назначение на должность посла США в Варшаве.

Учитывая то обстоятельство, что польскому направлению внешней политики в Вашингтоне придавали в это время особое значение, должность посла в Польше была довольно ответственной. После смерти И.В. Сталина в Польше, как и в других странах социалистического блока, стартовал процесс десталинизации, сопровождавшийся экономическими и политическими реформами, ограничением всевластия спецслужб, а также началом реабилитации жертв репрессий. Кульминацией обострившийся политической борьбы в руководстве ПНР стал приход к власти в октябре 1956 г. реформаторского режима В. Гомулки. В качестве реакции на случившиеся политические изменения, в госдепартаменте возобладала точка зрения о целесообразности оказания экономической помощи «национал-коммунистическому» режиму Гомулки, проводившему реформы, направленные на частичную либерализацию политической и экономической систем страны. Сторонникам этой точки зрения польский лидер виделся в качестве своеобразного

«нового Тито», готового пойти если не на полный разрыв с Советским Союзом, то по крайней мере способного проводить существенно более независимый политический курс [2. С. 95–97].

По мысли сотрудников госдепартамента, поддержка подобного рода «национал-коммунистических» режимов должна была привести к ослаблению социалистического блока и создать предпосылки к возможному падению коммунистических режимов в будущем. Центрально-европейский отдел принимал активное участие в разработке новой политики. Поэтому неудивительно, что после того, как она принесла первые плоды в виде подписания 7 июня 1957 г. польско-американского экономического соглашения и встал вопрос о назначении нового посла в Варшаве, на эту должность был выбран непосредственно глава данного отдела. К этому можно добавить то обстоятельство, что новый американский посол уже был знаком с «альтернативной», не подконтрольной СССР версией социализма. Работая в американской миссии в Белграде с апреля 1951 по ноябрь 1952 г., он участвовал в организации экономической и военной помощи режиму Й. Тито, который в тот момент находился в конфронтации с СССР [3]. Теперь по заданию Вашингтона Д. Бим должен был заниматься тем же самым в отношении режима Гомулки, правда, на этот раз речь шла исключительно об экономической помощи, ни на какое сотрудничество в военной сфере Варшава не была согласна.

В своих мемуарах американский посланник упоминает, что он по возможности старался поддерживать отношения не только с политическими деятелями, занимавшими высокие посты в правительстве, но в том числе с теми политиками, кто занимал исключительно партийные должности. Интересно отметить, что В. Гомулка описывается в мемуарах как человек «закрытый», избегавший контактов с западными дипломатами: «Он (Гомулка. – А.Д.) был недоступен на большом приеме, где любой западный человек, двигавшийся в его направлении, перехватывался сотрудниками службы безопасности или Министерства иностранных дел» [4. Р. 81]. Первым американским политиком, принятым лидером Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) стал Ричард Никсон, посетивший Варшаву с визитом 2–5 августа 1959 г.

Введу недоступности лидера ПОРП для западных дипломатов, Биму в основном приходилось вести дела с сотрудниками министерства иностранных дел ПНР, среди которых в первую очередь он упоминает Юзефа Виневиича: «...Юзеф Виневиич, заместитель министра иностранных дел по американским делам, который шесть лет прослужил послом в Вашингтоне. Остроумный и иногда находчивый человек, он усердно работал, чтобы улучшить американско-польские отношения, заранее предупреждая нас о настроениях Гомулки и его периодических вспышках гнева. Эту же услугу предоставлял так же Витольд Трампчински, тогдашний министр внешней торговли» [4. Р. 82–83]. Несколько реже американскому послу удавалось встретиться с председателем Совета министров Юзефом Циранкевичем, а также с министром иностранных дел Адамом Рапацким, который, по его словам, был, не слишком дружественно настроен по отношению к США из-за поддержки Вашингтоном политики правительства К. Аденауэра.

Характерной чертой политической системы ПНР, о которой упоминает Д. Бим, было формальное разделение государственных и партийных органов власти. Нередко во время переговоров польская сторона всячески подчеркивала разницу между позицией правящей Польской Объединенной Рабочей Партии и позицией польского государства, которые не следовало смешивать. 21 ноября 1957 г. ПОРП присоединилась к заключительной резолюции совещания коммунистических и рабочих партий, проходившего в Москве, составленной в антиамериканском духе. Когда сотрудники государственного департамента потребовали объяснений этого недружественного шага от посла ПНР Рамуальда Спасовского, посол заявил, что эта декларация выражает позицию партии, а не государства [5. Р. 702–703]. Эта была стандартная отговорка, которую периодически использовали польские дипломаты в подобных случаях, однако такие объяснения, как правило, не выглядели убедительно. Так же польские дипломаты стремились заверить своих американских коллег, что Министерство иностранных дел в ПНР существенно больше независимо в своей политике от правящей партии, нежели то имеет место в СССР и других странах блока. Однако Д. Бим и его подчиненные не были склонны доверять подобного рода заявлениям [4. Р. 82]. По-видимому, американский посол прекрасно понимал, что партия в коммунистической системе играла ведущую роль, исходя из чего говорить о независимости друг от друга государственных и партийных структур не представлялось возможным.

Определенным разочарованием для Вашингтона в это время стало начатое со второй половины 1957 г. постепенное сворачивание реформ в ПНР. Несмотря на то что тенденция на постепенный пересмотр реформ нарастала медленно, она не могла не вызывать определенного беспокойства в Вашингтоне. Гомулка не стал «новым Тито», на что так рассчитывали в госдепартаменте и, несмотря на более независимую политику от СССР по ряду направлений, в сравнении с предшествующим периодом, остался в числе бесспорных союзников Кремля. Во внутренней политике

«контрреформы» коснулись в первую очередь наступления на свободу слова и ограничения низовой демократии. При этом более либеральный курс в отношении католической церкви сохранялся, вышедший на свободу в октябре 1956 г. кардинал С. Вышинский пользовался огромным авторитетом, а отдельные католики, сотрудничавшие с режимом, были допущены к выборам в Сейм и получили несколько депутатских мандатов. В деревне после роспуска коллективных хозяйств продолжали успешно развиваться частные хозяйства.

Несмотря на частичный отказ от реформ, польский коммунистический режим по-прежнему оценивался как более либеральный по сравнению с аналогичными политическими системами в других странах. Интересно, что на эту оценку не повлияло, ни закрытие главного оппозиционного издания – «Попросту», сопровождаемое подавлением выступивших против этого студентов в октябре 1957 г., ни роспуск в 1958 г. рабочих советов, ставший сильнейшим ударом по низовой демократии, ни постепенное ужесточение цензуры. В директиве Совета национальной безопасности от 14 апреля 1958 г. (СНБ 5808/1) были определены основные цели и задачи политики США в отношении Польши. В документе утверждалось, что тесная связь с СССР и членство в Варшавском договоре препятствуют достижению Польшей действительной независимости в обозримом будущем. Эта страна на сегодняшний день является «полунезависимой». Но даже в таком статусе она подрывает монолитность советского блока и ставит под сомнение универсальный характер некоторых аспектов советского коммунизма. «Следовательно, полунезависимая Польша с потенциалом постепенного перехода к полной независимости, без того, чтобы подвергать угрозе уже достигнутые успехи, лучше всего соответствует интересам США» [6. Р. 112]. Наиболее эффективными инструментами проведения американской политики назывались торговля, пропаганда и сотрудничество в культурной сфере.

Согласно документу, режим Гомулки по состоянию на весну 1958 г. продолжает оставаться реформаторским. При этом наблюдалось усиление цензуры. Сохранение непростой экономической ситуации существенно ослабило энтузиазм населения по отношению к политике правительства по сравнению с октябрем 1956 г. Вместе с тем никто не хотел возвращения репрессивного режима и рассматривал существующее положение как лучшее по сравнению с периодом сталинизма. Как следствие, политика по оказанию экономической помощи в целом показала свою эффективность и должна была быть продолжена. Именно благодаря ей удалось достигнуть определенных успехов в переориентации польской торговли на Запад. Если в 1954 г. на долю капиталистических стран приходилось всего 30% общего объема польской торговли, то на сегодняшний день эта цифра выросла до 40%. В целом США должны быть готовы при необходимости увеличить объем оказываемой экономической и технической помощи с целью поощрения Польши проводить политику, которая будет способствовать достижению целей США [6. Р. 114].

Таким образом, курс руководства ПОРП на сворачивание реформ не привел во время второго срока Д. Эйзенхауэра к серьезному ухудшению польско-американских отношений. Напротив, американская политическая элита по-прежнему оценивала режим В. Гомулки, как в целом заслуживающий американской поддержки, а экономические и культурные связи между двумя странами продолжали укрепляться. За годы службы Д. Бима в качестве посла в ПНР было подписано несколько двухсторонних экономических соглашений, благодаря которым польско-американские отношения вышли на новый уровень. Перечислим только некоторые из них. Согласно договору от 15 февраля 1958 г., Варшава получила кредит в размере 25 млн долл., а также возможность приобрести сельскохозяйственную продукцию за национальную валюту на сумму в 73 млн долл. Экономическое соглашение от 10 июня 1959 г. предполагало закупку сельскохозяйственных товаров, необходимых для польской экономики, на общую сумму в 44 млн долл. Самым крупным экономическим соглашением стал договор от 21 июля 1960 г. на общую сумму в 130 млн долл. [7. S. 251, 273–274].

Вероятно, наибольшим достижением этого периода стало урегулирование вопроса о компенсациях за национализированную собственность американских граждан и предоставления Польше режима наибольшего благоприятствования в торговле. Договоренность о начале переговоров о выплате компенсаций за собственность американских граждан была достигнута еще во время заключения экономического соглашения между Соединенными Штатами и Польшей в июне 1957 г. Одной из основных проблем на переговорах, как и следовало ожидать, стало отсутствие единой оценки количества и стоимости собственности, национализированной в первые послевоенные годы. Американцы рассчитывали на получение компенсаций в размере 125 млн долл., с чем категорически не были согласны представители ПНР.

С 4 по 28 мая 1959 г. прошло 15 технических встреч между американскими и польскими экспертами, в ходе которых так и не удалось ликвидировать всех противоречий. В конце концов госдепартамент начал склоняться к тому, чтобы пойти на серьезные уступки и снизить размеры запрашиваемой выплаты до 80–70 млн долл. При этом Вашингтон был заинтересован в том, чтобы выплата происходила как можно в более короткие сроки, желательно в течение 15–20 лет, а первые транши были как можно более высокими. Варшава же, напротив, стремилась к тому, чтобы растянуть платеж на как можно больший хронологический период. 26 июня Генрих Котлицкий в ходе встречи с Бимом предложил компенсацию в размере 20 млн долл., что было существенно меньше ожиданий американской стороны. На следующей встрече, состоявшийся в июле 1959 г., Бим сообщил о том, что Вашингтон готов согласиться на компенсацию в размере 75 млн долл., но это оказалось неприемлемо уже для польской стороны [8. P. 176–177].

15 сентября 1959 г. в Варшаве состоялось заседание политического бюро ПОПР, на котором было принято решение об увеличении предлагаемой Вашингтону суммы компенсации с 20 до 40 млн долл.

Взамен, по мнению лидеров Рабочей партии, следовало требовать введение режима наибольшего благоприятствования в торговле и продолжения политики предоставления кредитов. Необходимо было добиться зависимости суммы, ежегодно выплачиваемой в качестве компенсации, от размера польского экспорта в США [9. S. 338–339]. Согласно этой идее, от суммы экспорта должен был выплачиваться определенный фиксированный процент, и, таким образом, размер выплаты каждый год получался бы разным. Аналогичный принцип был заложен в соглашениях о компенсациях за национализированную собственность, подписанных с Францией Великобританией и другими странами.

28 сентября Котлицкий сообщил Биму о готовности своего правительства увеличить предлагаемую сумму компенсаций до 32 млн долл. В своем меморандуме Диллону Колер отмечал, что это предложение «самое обнадеживающее событие на переговорах на сегодняшний день. Мы сомневаемся, что поляки согласятся на урегулирование в размере 50 миллионов долларов, но мы не считаем, что 32 миллиона долларов являются их окончательным предложением» [10. P. 231]. При этом идея польской стороны привязать размер ежегодной выплаты к размеру экспорта в США оказалась абсолютно неприемлемой, так как в Вашингтоне настаивали на установлении фиксированной суммы ежегодных выплат. Параллельно вновь стал подниматься вопрос о возможности новых поставок в ПНР на общую сумму 58,5 млн долл. Политбюро ПОРП, принимая решение об увеличении суммы компенсаций, надеясь этой уступкой ускорить получение новых кредитов. Американская сторона, не вполне удовлетворенная размером предлагавшейся суммы, в октябре согласилась на продажу 200 тыс. т корма для скота за национальную валюту на сумму 10,6 млн долл., плюс 1,2 млн на покрытие транспортных расходов. 10 ноября 1959 г. соглашение нашло свое отражение в подписанном обеими сторонами договоре. Возможность продолжения сотрудничества зависела в первую очередь от того, удастся ли достичь прогресса в переговорах о компенсации за национализированную собственность.

В ходе дальнейших встреч сумма предлагаемой компенсации выросла до 38 млн долл. Колер даже рассматривал в своем меморандуме возможность достижения соглашения, если Варшава согласится на выплату 39 или 39,5 млн [11. P. 266]. Однако в госдепартаменте еще некоторое время сохранялась надежда на получение большей суммы. Вместе с тем никаких возражений против предоставления ПНР режима наибольшего благоприятствования и размораживания активов ее граждан в американских банках в случае успешного завершения переговоров не было. Только летом переговоры вошли в финальную стадию, когда 16 июля 1960 г. был подписан окончательный вариант договора, по которому Польша обязалась выплатить компенсацию американским гражданам в размере 40 млн долл. Выплаты должны были продлиться 20 лет (по 2 млн долл. в год) начиная с 1961 г. За их распределением среди получателей компенсаций следила Комиссия по урегулированию иностранных претензий (Foreign

Claims Settlement Commission) [12. P. 928]. Практически сразу же после заключения соглашения в американских банках были разморожены счета граждан ПНР на общую сумму в 2 млн долл.

После урегулирования вопроса о компенсациях для американских граждан, наконец, было убрано основное препятствие в переговорах о получении Польшей статуса наибольшего благоприятствования в торговле. Эта мера должна была позволить существенно снизить торговые пошлины на польский экспорт (который по состоянию на 1959 г. составлял 31,7 млн долл.) и сделать его более конкурентоспособным на американском рынке. В сентябре 1960 г. К. Гертер рекомендовал президенту не откладывать этот вопрос, а как можно скорее добиться положительного решения в связи с тем, что все условия Вашингтона были выполнены. Не лишним будет упомянуть, что предоставление режима наибольшего благоприятствования так же вытекало из директивы СНБ 5808/1 1958 г. [13. P. 928]. Однако Д. Эйзенхауэр, опасавшийся, что данная проблема будет использована на ноябрьских выборах, решил отложить это решение до окончания предвыборного цикла.

17 ноября 1960 г. Дуайт Эйзенхауэр объявил о восстановлении режима наибольшего благоприятствования в торговле для Польши, который был приостановлен 5 января 1952 г. Решение вступило в силу 16 декабря и было опубликовано в бюллетене госдепартамента за 5 декабря 1960 г. Здесь же публиковалось письмо президента министру финансов Роберту Андерсону, в котором сообщалось, что с 16 декабря 1960 г. ограничительные меры, наложенные на импорт из социалистических стран, больше не должны применяться к импорту с территории Польши и районов, находящихся под временным управлением Польши [14. P. 7]. Данное решение имело среди своих последствий укрепление экономических связей между двумя странами. В частности, между ними значительно вырос торговый оборот с 462 млн долл. в 1960 г. до 625 млн долл. в 1961 г., а польский экспорт в США вырос на 12,4% в 1961 г. и на 19% в 1962 г. соответственно. Всего в течение 1957–1961 гг. для приобретения американских товаров Польшей было получено кредитов на общую сумму более чем 420 млн долл., что стало существенным вкладом в модернизацию её экономики [15. S. 149].

Помимо выстраивания отношений с Польшей на Д. Бима была возложена еще одна важная миссия. В разгар «Второго кризиса тайваньского пролива» госдепартамент поставил перед дипломатом задачу инициировать начало переговоров в Варшаве с представителями КНР. Как известно, после победы коммунистов в гражданской войне в Китае Соединенные Штаты не пошли на установление дипломатических отношений с провозглашенной в 1949 г. Китайской Народной Республикой. Основной комплекс противоречий был связан со стремлением материкового Китая установить контроль над Тайванем, который являлся в тот момент союзником США. В августе 1955 г. в Женеве стартовали американо-китайские переговоры. Китайская сторона стремилась добиться дипломатического признания, американская – освобождения

граждан США, удерживаемых в КНР, и отказа от применения силы в Тайваньском проливе. Единственным соглашением, которого удалось достигнуть на этом этапе, стал договор о взаимной репатриации гражданских лиц. После его подписания переговоры зашли в тупик и были окончательно свернуты в декабре 1957 г. [16. С. 122].

Начиная с 23 августа 1958 г. армия КНР начала обстрел подконтрольных Тайваню групп островов Цзиньмэнь и Мацзу, в результате чего обстановка в Тайваньском проливе резко дестабилизировалась. Между авиацией двух стран периодически начали завязываться воздушные бои. В ответ на это США ввели свой флот, имевший в том числе ядерное оружие на борту, в Тайваньский пролив. Американский президент Д. Эйзенхауэр в сентябре 1958 г. подтвердил готовность его страны применить тактическое ядерное оружие, если конфликт будет разрастаться. Мир оказался на грани большой войны. В сложившихся условиях Вашингтон стал искать возможность возобновления переговоров с коммунистическим Китаем. В качестве места переговоров на этот раз была выбрана Варшава.

Из мемуаров американского посла следует, что задача проведения переговоров была возложена на него госдепартаментом еще до начала кризиса вокруг Тайваня 4 августа 1958 г. [4. P. 118]. Однако неспешность китайской стороны, принципиальные разногласия по поводу места проведения переговоров, а также случившийся политический кризис позволили им начаться только в середине сентября, когда острота противостояния в Тайваньском проливе начала спадать. Посол КНР Ван Пин Нан предлагал использовать для переговоров здания китайского и американского посольств, что было неприемлемо для Вашингтона, так как могло рассматриваться как одна из форм дипломатического признания, на что американцы не были готовы пойти. Предложение нейтральной Швейцарии использовать ее посольство в свою очередь было отвергнуто Ваном. В итоге польская сторона выступила в качестве посредника, предоставив помещение для переговоров. Если верить утверждениям Бима, в здании были установлены прослушивающие устройства, и вся информация о содержании бесед, становилась достоянием польских спецслужб и, возможно, передавалась в СССР [4. P. 123]. Тем не менее американской делегации пришлось с этим смириться, так как другого места для переговоров не было, а здания посольств, как уже было сказано, не подходили для этого.

Переговоры отчасти способствовали деэскалации ситуации вокруг Тайваня. 6 октября 1958 г. представители КНР заявили о прекращении огня. Помимо этого, в ходе китайско-американских встреч не удалось достигнуть других значимых результатов. Американская сторона не смогла добиться от представителей Китая отказа от применения силы в Тайваньском проливе. Посол КНР Ван увязывал это с выводом всех американских военных с Тайваня, являвшегося территорией Китая, которую, по его словам, незаконно «оккупирует» армия США. Разрешение конфликта с националистами Чан Кайши, по утвержде-

нию китайского посла, являлось внутренним делом его страны, в которое Соединенные Штаты не должны были вмешиваться. Д. Бим в свою очередь настаивал на том, что у его правительства есть договор об обороне с правительством Китайской республики (Тайвань). На основании этого договора там и присутствуют американские военные. Д. Бим проводил переговоры с китайской стороной в течение нескольких лет вплоть до сентября 1961 г., когда был окончательно отозван в Вашингтон [4. Р. 145–146].

В 1950-х гг. администрация президента Д. Эйзенхауэра стремилась добиться улучшения польско-американских отношений. Данное стремление было вызвано тем, что пришедший в октябре 1956 г. к власти в Польше В. Гомулка воспринимался американской элитой как реформатор, способный на проведение более независимой от СССР политики и допустивший серьезные шаги в сторону частичной либе-

рализации политической системы в ПНР. Д. Бим, назначенный в этот период послом США в Польше, всячески способствовал налаживанию контактов между двумя странами. За годы его службы было подписано несколько крупных соглашений между ПНР и США, удалось разрешить многолетнюю проблему выплаты компенсаций американским гражданам за их национализированную собственность. Также в этот период Польше удалось получить режим наибольшего благоприятствования в торговле с США. Важной составляющей дипломатической миссии Бима стало проведение переговоров с представителями коммунистического Китая, с которым Соединенные Штаты не поддерживали в тот момент дипломатических отношений. Несмотря на то что в ходе переговоров так и не удалось достигнуть каких-то конкретных соглашений, сам факт их наличия способствовал деэскалации ситуации в Тайваньском проливе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lambert B., Jacob D. Beam, Envoy to Soviets At Start of Detente, Is Dead at 85 // New York Times. 1993. August 18, Section D. P. 18.
2. Карин А.Д. Десталинизация и политические изменения в Польше в документах американских спецслужб и Государственного департамента США // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 95–108. URL: http://mpgu.su/wp-content/uploads/2019/01/Lokus-4_2018.pdf
3. Beam J. Oral History Interview with Washington, D.C. June 20, 1989. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/oral-histories/beamjw>
4. Beam J. Multiple exposure: an American ambassador's unique perspective on East-West issues. New York, 1978. 317 p.
5. Memorandum of a Conversation Between the Polish Ambassador (Spasowski) and the Deputy Under Secretary of State for Economic Affairs (Dillon), Department of State, Washington, December 24, 1957 // Foreign Relation of the United States (FRUS). Eastern Europe. Vol. XXV. P. 702–703.
6. NSC 5808/1. U.S. Policy toward Poland, April 16 // FRUS. Eastern Europe. Vol. X. Pt 2. P. 112.
7. Zbiór obowiązujących umów polsko-amerykańskich. Warszawa, 1989.
8. FRUS. Eastern Europe. Vol. X. Pt 2. P. 176–177.
9. Posiedzenia Biura Politycznego w dniu 15 września 1959 r. // Dokumenty do dziejów PRL. Centrum Władzy protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR wybór z lat 1949-1970. Warszawa, 2000. S. 338–339.
10. Editorial Note // FRUS. Eastern Europe. Vol. X. Pt 2. P. 231.
11. Memorandum From the Assistant Secretary of State for European Affairs (Kohler) to the Under Secretary of State for Political Affairs (Merchant). January 15, 1960 // FRUS. Eastern Europe. Vol. X. Pt 2. P. 266.
12. Pastusiak Longin. 400 lat stosunków polsko-amerykańskich (1608-2008) Vol. 1. Warszawa, 2010. S. 928.
13. Memorandum From Secretary of State Herter to President Eisenhower // FRUS. Eastern Europe. Vol. X. Pt 2. P. 294–295.
14. Department of State Bulletin. Vol. 36. January 7, 1957. P. 7.
15. Machewicz P. Polska i Europa Wschodnia w polityce Stanów Zjednoczonych w latach 1947–1956 // Studia i materiały. T. 3. Warszawa, 1997. S. 149.
16. Косов А.П. Внешняя политика США в отношении КНР в 1949–1969 гг. // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2012. № 14. С. 118–127.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2020 г.

The Activities of Jacob Beam as the US Ambassador to Poland and the Problem of the Development of US-Polish Relations During the Eisenhower Presidency

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 127–132.

DOI: 10.17223/15617793/471/15

Anton D. Karin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: donfernando.karin@yandex.ru

Keywords: Cold War; Polish People's Republic; US foreign policy; Vladislav Gomulka; Jacob Beam; Taiwan Crisis.

The article, based on the memoirs of Jacob Beam, the American ambassador to Poland, and on other open historical sources, analyzes the state of US-Polish relations during the presidency of Dwight Eisenhower. In particular, the author used documents from the State Department and declassified documents from the Ministry of Foreign Affairs of Communist Poland. The main aim of the article is to investigate the results of the work of the American ambassador and give a general outline of the policy of the Eisenhower administration regarding Poland. Beam was appointed US Ambassador to Warsaw in August 1957, in the wake of improvements in US-Polish relations after Vladislav Gomulka's coming to power in Poland. His regime, according to a number of American officials, should have been supported for his reforms and a tendency towards politicians more independent from the USSR. The supporters of this point of view saw the Polish leader as a kind of a “new Tito” ready either for a complete break with the Soviet Union or, at least, for a more sovereign political course. Beam was already familiar with the “alternative” version of socialism not controlled by the USSR. Working in the American mission in Belgrade from April 1951 to November 1952, he participated in organizing economic and military assistance to the regime of Josip Tito, who was in confrontation with the USSR at that time. Now, on the instructions of Washington, Beam had to do the same with respect to Gomulka's regime, though this time it was only about economic assistance, Warsaw did not agree to any military cooperation. Over the years of work, Beam managed to conclude a series of Polish-American economic agreements that contributed to the strengthening of cooperation between the two countries. One of the most important agreements signed during this period was the agreement on the payment of compensation to US citizens for nationalized property.

Negotiations on this issue took several years, culminating in the signing on July 16, 1960, of the final version of the agreement, according to which Poland pledged to pay compensation to American citizens in the amount of \$40 million. Payments were supposed to last for 20 years (\$ 2 million per year) starting in 1961. In response to the resolution of the multi-year compensation problem, the United States agreed in December 1961 to grant Poland the most-favored-nation treatment in trade. Another component of Beam's diplomatic mission was negotiations with the Chinese during the Second Taiwan Strait Crisis, which helped to de-escalate the strait and freeze the conflict. In general, Beam's mission was successful. Polish-American relations were taken to a new level.

REFERENCES

1. Lambert, B. & Jacob, D. (1993) Beam, Envoy to Soviets At Start of Detente, Is Dead at 85. *New York Times*. August 18. Section D. p. 18.
2. Karin, A.D. (2018) De-Stalinization and political changes in Poland in the documents of the American special services and the USA State Department. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly – Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 4. pp. 95–108. [Online] Available from: http://mpgu.su/wp-content/uploads/2019/01/Lokus-4_2018.pdf (In Russian).
3. Beam, J.D. (1989) *Oral History Interview with Washington, D.C.* June 20. [Online] Available from: <https://www.trumanlibrary.gov/library/oral-histories/beamjw>
4. Beam, J.D. (1978) *Multiple exposure: an American ambassador's unique perspective on East-West issues*. New York: W.W. Norton.
5. FRUS. (1955–1957) Memorandum of a Conversation Between the Polish Ambassador (Spasowski) and the Deputy Under Secretary of State for Economic Affairs (Dillon), Department of State, Washington, December 24, 1957. In: *Foreign Relation of the United States (FRUS). Eastern Europe*. Vol. XXV. pp. 702–703.
6. FRUS. (1958–1960) NSC 5808/1. U.S. Policy toward Poland, April 16 In: *Foreign Relation of the United States (FRUS). Eastern Europe*. Vol. X. Pt 2. p. 112.
7. Anon. (1989) *Zbiór obowiązujących umów polsko-amerykańskich*. Warszawa: [s.n.].
8. FRUS. Eastern Europe. Vol. X. Pt 2. pp. 176–177.
9. Anon. (2000) Posiedzenia Biura Politycznego w dniu 15 września 1959 r. In: *Dokumenty do dziejów PRL. Centrum Władzy protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR wybór z lat 1949-1970*. Warszawa: [s.n.]. pp. 338–339.
10. FRUS. (1958–1960) Editorial Note. In: *Foreign Relation of the United States (FRUS). Eastern Europe*. Vol. X. Pt 2. p. 231.
11. FRUS. (1958–1960) Memorandum From the Assistant Secretary of State for European Affairs (Kohler) to the Under Secretary of State for Political Affairs (Merchant). January 15, 1960 In: *Foreign Relation of the United States (FRUS). Eastern Europe*. Vol. X. Pt 2. p. 266.
12. Longin, P. (2010) *400 lat stosunków polsko-amerykańskich (1608–2008)*. Vol. 1. Warszawa: ADAM. p. 928.
13. FRUS. (1958–1960) Memorandum From Secretary of State Herter to President Eisenhower. In: *Foreign Relation of the United States (FRUS). Eastern Europe*. Vol. X. Pt 2. pp. 294–295.
14. *Department of State Bulletin*. (1957) 36. January 7. p. 7.
15. Machewicz, P. (1997) Polska i Europa Wschodnia w polityce Stanów Zjednoczonych w latach 1947–1956. *Studia i materiały*. 3. p. 149.
16. Kosov, A.P. (2012) Vneshnyaya politika SShA v otnoshenii KNR v 1949–1969 gg. [US foreign policy towards the PRC in 1949–1969]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova*. 14. pp. 118–127.

Received: 05 March 2020

И.А. Коновалов

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Выявлены особенности местного управления в Сибири в XVIII – начале XX в. Сделан вывод, что для администрирования в Сибири было характерным почти полное отсутствие самоуправленческих начал. Полномочия административно-полицейских органов на сибирской окраине страны имели свою специфику и были более широкими, чем в европейских губерниях России. Специфичным для Сибири имперского периода является также почти полное подчинение органов местного самоуправления полицейским учреждениям края.

Ключевые слова: история Сибири; власть; администрация; местное самоуправление; реформа; губернатор; полномочия; полиция; выборы

Актуальность ретроспективных взглядов на местное управление дореволюционной Сибири объясняется схожестью проблем стоявших и стоящих при определении основных принципов региональной политики. Административно-территориальное деление, ведомственная разобщенность в управлении, информационное обеспечение процессов администрирования, координация деятельности местных и центральных органов власти – все эти проблемы имеют глубокие исторические корни. Недостаточная изученность местного государственного управления и самоуправления в Сибири в XVIII – начале XX в. в отечественной историографии также определяют ее актуальность. Неслучайно поэтому вопросы, связанные с организацией местного управления в дореволюционной Сибири привлекали и привлекают внимание исследователей. Территориальные рамки работы охватывают административные границы Сибири XVIII – начала XX в.

В монографических исследованиях М.О. Акишиным, были проанализированы особенности правоприменения, а также реформы Петра I и Екатерины II в Сибири [1]. И.Л. Дамешек определила место и роль региона в политических механизмах императорской России [2]. Н.П. Матхановой были исследованы особенности генерал-губернаторской власти на сибирской окраине империи [3]. Особенности деятельности органов МВД в крае занимается И.А. Коновалов [4]. Особенно заметный вклад в изучение местного управления сибирской окраины России внес омский исследователь А.В. Ремнев, в его монографиях исследовались кадровая политика, проблемы в взаимоотношения Сибири и Санкт-Петербурга [5]. Однако, несмотря на, казалось бы, обилие работ, посвященных управленческим процессам, происходившим в Сибири XVIII – начала XX в., многие проблемы местного государственного управления и самоуправления зачастую остаются вне поля зрения исследователей. Так, остается нерассмотренным вопрос о взаимодействии местного государственного управления и самоуправления, нет единой, комплексной работы, в которой были бы учтены в совокупности все организационные формы местного самоуправления, функционировавшие в Сибири в дореволюционный период: городского, крестьянского, казачьего и инородческого. Поэтому основной целью статьи является проведение комплексного исследования особенностей системы мест-

ного государственного управления и самоуправления в Сибири в XVIII – начале XX в.

В начале XVIII в. в основном завершилась политическая и административная инкорпорация Сибири в систему управления Российского государства. В 1708 г. среди других учрежденных 8 губерний была организована Сибирская губерния с центром в городе Тобольске [6. С. 436]. В начале XVIII в. в России установилась абсолютная монархия. Военно-административные функции, которые были главными в местном управлении в XVII в., стали заменяться административно-полицейскими. Была создана полиция, которая стала органом, через который верховная власть стала осуществлять на местах свои полномочия.

Местное управление в Сибири в XVIII в. прошло три основных этапа: воеводский, потом губернаторский по особым наказам, а затем губернаторский по «Учреждениям для управления губерний» 1775 г., по которым произошло распределение полицейских органов по всей территории края.

В последней четверти XVIII в. сложилась четырехзвенная модель регионального управления. Во главе которой был генерал-губернатор, являвшийся руководителем местных администраций и одновременно надзорным органом. Вторым звеном было губернское управление. Третье звено состояло из уездных и городских управлений, а четвертое было представлено волостным крестьянским самоуправлением. Получившие окончательную правовую регламентацию в последней четверти XVIII в. органы крестьянского и городского самоуправления были полностью подчинены городничим и земским исправникам, которые руководили местными полицейскими органами [7. С. 15]. В отчете западносибирского генерал-губернатора за 1847 г. говорилось, что сибиряки не приходят на выборы в органы городского самоуправления «из-за равнодушия и ограничения понятий о пользах дарованных им прав» [8. Л. 69].

Регулярные, профессиональные полицейские органы были учреждены в Сибири в правление императрицы Анны Иоанновны в 1733 г. Актом «Об учреждении полиции в городах» была открыта полицмейстерская контора в Тобольске [9. С. 93]. Полномочия полиции были объявлены общегражданской повинностью, и все подданные были обязаны оказывать ей содействие. Полиция создавалась как универсальный

инструмент, при помощи которого коронная власть должна была разрешать любые политические, социальные и даже экономические проблемы.

1780-е гг. были ознаменованы качественными дополнениями организационного и законодательного характера к уже действовавшим в городах и уездах Сибири административно-полицейским органам на базе «Учреждений для управления губерний» 1775 г. и «Устава благочиния или полицейского» 1782 г., оказавшимися устойчивыми нормативно-правовыми актами, на долгие годы определявшими полномочия и структуру административно-полицейских органов.

В XVIII в. Российская империя стала абсолютистско-полицейским государством. Социально-политическим последствием учреждения полицейских органов стало появление сибирской полицейской бюрократии, у которой родились свой мир, свои идеи и интересы и даже свой язык [10. С. 7]. Исправность в административно-полицейских отчетах стала главным показателем эффективности работы этих органов. Неразвитость инфраструктуры и коммуникаций, большие территории, слабая интенсивность политических и социально-экономических связей, недостаточное правовое обеспечение порождали бесконтрольную автономность в деятельности административно-полицейских органов на сибирской окраине империи.

Отсутствие дворянского землевладения и самоуправления (даже накануне 1861 г. в Иркутской губернии не было ни одного дворянского имения, а в Енисейской – только одно) [11. Л. 106], государственная собственность на землю, удаленность Сибири от столицы определяли в большую, чем в центральных губерниях, роль бюрократии в административно-хозяйственном управлении, которое не отделялось от полицейской деятельности. Под термином «полиция» в Сибири понимались почти все местные государственные учреждения, в местном администрировании существовало почти полное единство полицейской и исполнительной власти.

В начале XIX в., после создания министерств, управление краем, наряду с генерал-губернатором, стало осуществляться Министерством внутренних дел, сосредоточившим у себя львиную долю административно-хозяйственных и полицейских полномочий. К общей полиции стали относиться уездные и городские и полицейские учреждения, губернаторы и губернские правления.

Политика коронной власти в Сибири в первой четверти XIX в. стала свидетельствовать о поисках более эффективной модели местного администрирования. В 1822 г. было промульжировано, подготовленное М.М. Сперанским «Учреждение для управления сибирских губерний» [12. С. 18], которое было распространено на генерал-губернаторства Западной и Восточной Сибири, включавшими в себя Енисейскую, Иркутскую, Томскую и Тобольскую губернии, Омскую и Якутскую области, а также на три пограничных управления: Охотское, Камчатское и Троице-Савское. Всего в составе двух генерал-губернаторств по «Учреждению для управления сибирских губерний» оказалось 4 губернии, 2 области, 3 управления и

36 округов, которыми стали называть бывшие уезды [13. С. 345].

Реформа М.М. Сперанского стабилизировала региональное администрирование, однако она создала полицейско-бюрократическую, сверхцентрализованную систему управления краем. Уровень коррупции и степень бюрократизации в крае были более высокими, чем в центральных губерниях империи, это объяснялось особым составом населения, почти полным отсутствием самоуправленческих элементов, независимого финансового контроля и судов. Так, в 1721 г. за «неслыханное воровство» был повешен первый сибирский губернатор князь М.П. Гагарин [14. Л. 7]. В 1736 г. за то, что «злостными вымыслами из взяток себе накопил состояние» был казнен иркутский вице-губернатор статский советник А. Желобов [15. С. 58]. В начале XIX в. при генерал-губернаторе И.Б. Пестеле под судом оказались тобольский губернатор Б.А. Гермес, томский губернатор В.С. Хвостов и иркутский губернатор А.М. Корнилов [16. С. 17].

По итогам ревизии М.М. Сперанского в крае оказались под судом 48 полицейских чиновников, в том числе тобольский и иркутский губернаторы, а еще 174 (почти весь состав чиновников МВД региона) были достойны тюрьмы, по мнению М.М. Сперанского, но так и не были привлечены к уголовной ответственности. Иркутский губернатор Трескин был лишен знаков отличия, чинов и дворянства. Однако тобольский губернатор Фанбрин не только избежал уголовной ответственности, но даже стал сенатором [17. С. 43]. Однако даже после «чистки» М.М. Сперанским административно-полицейского аппарата региона генерал-губернаторы В.Я. Руперт и П.Д. Горчаков покинули Сибирь не по своей воле [18. С. 129].

Во второй четверти XIX в. в России была создана действовавшая независимо от МВД политическая полиция, охватившая своим присутствием все регионы страны – корпус жандармов. В 1830-е гг. в сибирском крае был учрежден 7-й, а затем 8-й округ корпуса жандармов. Штаб округа сначала находился в Тобольске, а потом с 1839 г. – в Омске [19. Л. 6].

Верховная власть стремилась создать на местах особые учреждения для борьбы с коррупцией и злоупотреблениями, придать жандармам функции независимого от местных администраторов надзорного органа [20. С. 63]. Вмешательство жандармов в местное управление вызывало противодействие со стороны генерал-губернаторов. Поскольку доклады жандармских офицеров в III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии вскрывали недостатки на местах, однако они утрачивали свой эффект, так как касались отдельных случаев злоупотреблений властью [21. С. 149].

Полиция в соответствии с «Учреждением» 1822 г. по-прежнему являлась важнейшим атрибутом организации и функционирования всего механизма государства. Административно-полицейские органы региона в первой половине XIX в. имели структурную и организационную специфику, отличавшую их от аналогичных институтов в центральных губерниях страны. Так, в Сибири были учреждены должности окружных начальников, чьи полномочия были

распространены на всю территорию округа и поэтому были схожи с полномочиями уездных исправников по полицейской реформе 1862 г., отдельных земских заседателей, предшествовавший появлению станowych приставов в империи, до 1867 г. для исполнения полицейской службы в крае привлекалось городское казачество, вместо десятских и сотских почти до конца XIX в. полицейская служба была возложена на десятников.

В последней четверти XIX в. было изменено административно-территориальное устройство Сибири: вместо двух генерал-губернаторств (Восточной Сибири и Западной Сибири) были учреждены Иркутское, Приамурское и Степное генерал-губернаторства. Тобольская и Томская губернии были переведены в непосредственное подчинение Министерства внутренних дел [22. С. 212]. Верховная власть делала попытки скорректировать «Учреждение» 1822 г., отказавшись частично его принципов. Была свернута деятельность коллегиальных советов при генерал-губернаторах и губернаторах. Особенностью сибирской окраины империи было то, что из реформ 1860–1870 гг. получили распространение в регионе только военная и городская, не была осуществлена земская реформа, а судебная реформа была проведена только в 1897–1899 гг. Поэтому полномочия местного административно-полицейского управления в крае и во второй половине XIX в. были более широкими, чем в центральных губерниях страны.

Городская реформа 1870 и контрреформа 1892 гг. основывались на государственной концепции общественного самоуправления, исходившей из того, что самоуправление обязано осуществлять свою деятельность прежде всего в интересах государства. Городское общественное управление действовало на основании государственных законов, а его предметы ведения были определены государством. Функции и деятельность общественного управления в городах и местного государственного управления считались однородными [23. С. 26].

В результате полицейской реформы в Сибири в 1867 в. был осуществлен переход от военно-феодальной организации низшего звена органов местного государственного управления, которое основывалось по «Учреждению» 1822 г., главным образом, на полицейской службе городских казаков, к профессиональной полиции, которая стала комплектоваться на контрактной основе. Городское казачество в Сибири было упразднено как сословие. Роль и место полиции, особенно в городском управлении, были серьезно сужены. Однако за рамками преобразований оставалась значительная часть вопросов, которые были связаны с изменениями компетенции, корректировкой и передачей хозяйственных полномочий органам городского и волостного самоуправления.

Частичное воплощение в регионе в конце XIX в. судебной реформы и отказ от распространения земской реформы неизбежно вели к сохранению роли полицейских органов в местном государственном управлении и самоуправлении, их вмешательству в частную и публичную жизнь сибиряков. Органы МВД в Сибири до распространения на регион «Судебных

уставов» 1864 г. выполняли следственные и судебные полномочия. С передачей органов прокуратуры в судебную власть на уездных исправников и губернаторов были возложены полномочия по осуществлению административного надзора.

Количество чиновников Министерства внутренних дел в регионе всегда было небольшим. Так, после реформы 1867 г. оно составляло только 206 человек в восточносибирском и 257 в западносибирском генерал-губернаторстве [24. С. 879].

Курс верховной власти в области сибирского администрирования после строительства Транссибирской магистрали был определен как общими процессами экономического и социально-политического развития страны, так и представлениями коронной власти о месте Сибири в составе империи. Верховная власть в конце XIX – начале XX в. пыталась пересмотреть свои прежние подходы к местному управлению в Сибири, унифицировать и модернизировать формы местных административно-полицейских органов с учетом специфических региональных условий. Однако органы полиции остались главными институтами государственного администрирования на сибирском регионе.

По «Городовому положению» 1892 г. губернаторы – начальники полиции утверждали глав городского самоуправления – городских голов. Постановления дум вступали в законную силу только после губернаторского утверждения. Члены управ приравнивались к государственным служащим, а губернатор мог делать им предписания и отстранять от должности [25. Л. 8].

В основу взаимодействия местного государственного управления и самоуправления были заложены принципы «иерархичности» и «единства» власти. Они заложили строгий порядок подчинения самоуправленческих органов учреждениям местного государственного управления, обеспечивавший общность способов разрешения вопросов, беспрекословность и обязательность выполнения предписаний генерал-губернаторских, губернских и уездных администраций [26. С. 143]. Вне контроля губернаторов были только жандармские управления, казенные палаты, суды и акцизные управления.

В сельской местности края, поскольку в сибирском регионе не было земских учреждений, уездные исправники осуществляли руководство не только охраной общественного порядка и безопасности, но и хозяйственной деятельностью уездов. С помощью крестьянских начальников и станowych приставов они осуществляли контроль за волостным общественным управлением. Вне поля их ведения были только уездные казначейства.

Значительные изменения в деятельность и организацию местного управления в конце XIX в. были внесены после распространения на Сибирь в 1897 г. «Судебных уставов» 1864 г., «Городового положения» 1892 г. и «Временного положением о крестьянских начальниках» 1898 г. Однако, как и прежде, административно-полицейские органы занимали центральное место в системе органов местного государственного управления. Ее модернизация, несмотря на исторические вызовы, имела в большой степени несистемный характер.

Чиновники МВД, составлявшие львиную долю всех служащих региона, кроме своих должностных полномочий выполняли все указания своих руководителей, даже выходящие за законные рамки, поэтому они не могли не вызывать недовольства со стороны местного населения. Административно-полицейские органы применялись часто верховной властью как карательные инструменты для подавления общественных инициатив. Мероприятия по охране порядка сопровождалась порой неоправданным насилием над местным населением. Периодическая печать и архивные материалы свидетельствуют, что жертвами грубости и произвола со стороны полицейских становились не только те, кто совершал противоправные действия, но и даже добропорядочные сибиряки [27. Л. 181].

В дореволюционный период не был создан механизм по формированию управленческих кадров, в основе которого было бы формирование квалифицированного кадрового корпуса. Произвол и коррупция, которые были распространены в полицейской среде, не могли оказывать положительного воздействия на всю управленческую деятельность [28. С. 2]. С момента учреждения в Сибири регулярной полиции всегда существовали определенные трудности при комплектовании органов общей полиции из-за непопулярности полицейской службы, достаточно низкой зарплаты и недостатка подготовленных сотрудников. Выход из создавшегося положения виделся в повышении материального, нравственного и образовательного уровня служащих местного государственного управления, в дальнейшей правовой регламентации службы, в установлении общественного контроля за деятельностью администраций разного уровня.

На некоторых территориях Сибири органы государственной власти вовсе отсутствовали или были слабо представлены. Так, только на одного туруханского станового пристава приходилось более 1,5 млн кв. верст подведомственной территории [29. С. 20].

Падение авторитета коронной власти у большой части сибиряков на фоне применения административно-полицейских карательных мероприятий привело к дискредитации и кризису местного регионального управления. Население сибирского региона не было защищено от произвола коррумпированных сотрудников административно-полицейских органов путем установления действительных их способов привлечения к ответственности за нарушение закона и служебного долга [30. С. 24].

В годы Первой мировой войны в Сибири почти не было массовых антиправительственных выступлений, таких как в ходе революции 1905–1907 гг., однако сложившаяся система местного государственного управления и самоуправления начала давать сбои в своей текущей деятельности. Резко ухудшилась криминогенная обстановка, росла инфляция, произошло увеличение численности тяжких преступлений, широкое распространение получило самогонное варение. Почти ежедневными происшествиями стали подкинутые или брошенные дети [31. С. 127].

Анализ организации местного администрирования в Сибири в начале XX в. показывает, что органы местного государственного управления и самоуправления, при отсутствии в крае земств, уже не отвечали изменившимся условиям. Сибирская полицейская бюрократия в начале XX в. минимизировала свои усилия в управленческой деятельности [32. Р. 37].

Не устояв перед дополнительными вызовами, система регионального администрирования, которая обеспечивала общественный порядок в Сибирском крае в XVIII–XIX вв., была стремительно разрушена в ходе революционных событий февраля 1917 г. Нескольким больше повезло органам местного самоуправления региона, после Февральской революции в Сибири появилось земское общественное управление. Однако оно, а также городское и волостное самоуправление прекратили свою деятельность в годы Гражданской войны и военной интервенции, с установлением в крае советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск : Древдохранилище, 2003. 408 с.
2. Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск : ИГПУ, 2005. 246 с.
3. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
4. Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления в Сибири (XVIII – начало XX в.). М. : ИНФРА-М, 2020. 311 с.
5. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 4. СПб., 1830. № 2218. 881 с.
7. Коновалов И. А., Толочко А. П. Местное управление в городах Сибири по «Учреждению» 1822 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 17–21.
8. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1736 а.
9. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 9. СПб., 1830. № 6378. 1022 с.
10. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. 136 с.
11. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 9. Д. 45. Л. 6; Д. 102.
12. М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирской реформы М.М. Сперанского) / Л.М. Дамешек и др. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2003. 246 с.
13. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 38. СПб., 1830. № 29.125. 1352 с.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 152.
15. Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. 532 с.
16. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1. 801 с.
17. Записки А.М. Тургенева // Русская старина. Т. 83, вып. 6. 1895. С. 39–46.
18. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск : Изд-во ОмГУ, 1995. 237 с.
19. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3223.

20. Румянцев П.П. Борьба надзирающих за частной промышленностью в Сибири жандармских штаб-офицеров с коррумпированностью волостного крестьянского правления // Восточно-Европейский научный вестник. 2017. № 2 (10). С. 60–64.
21. Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 141–149.
22. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 2. СПб., 1886. № 886. 433 с.
23. Коновалов И.А., Шиманис Б.Б. Структура муниципальных органов Западной Сибири по Городовому положению 1870 г. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 2 (19). С. 23–29.
24. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 42, ч. 1. СПб., 1871. № 44681. 1206 с.
25. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 70.
26. Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 195 с.
27. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 178.
28. Сибирский вестник. Томск. 1905. № 264.
29. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск, 1915. 128 с.
30. Сибирские вопросы. 1910. № 39.
31. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX – XX вв.). Томск, 2002. 519 с.
32. Siegelbaum Lewis H. Paradise or Just a Little Bit Better? Siberian Settlement “Fever” in Late Imperial Russia // Russian Review. 11 JAN. 2017. P. 22–37.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 февраля 2021 г.

Features of the Local Government and Self-Government System in Siberia in the 18th – Early 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 133–138.

DOI: 10.17223/15617793/471/16

Igor A. Konovalov, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

Keywords: history of Siberia; power; administration; local self-government; reform; governor; powers; police; elections.

The increased interest in the establishment and development of regional governance is associated not only with the desire of researchers to look deeper into the past, but also with practical needs. The relevance of the research topic is determined by the insufficient knowledge in the domestic historiography of local government and self-government in Siberia in the 18th – early 20th centuries. The object of the research is the local administration in the Siberian outskirts of the Russian Empire. The aim of the article is to conduct a comprehensive study of the peculiarities of the system of local government and self-government in Siberia in the 18th – early 20th centuries. The methodological basis of the research is formed by the classical principles used in historical research: scientific character, objectivity, and historicism. Among the research methods employed were: structural-functional, typological, and comparative-historical. The article reveals the features of the organization and activities of local government and self-government bodies in Siberia in the 18th – early 20th centuries and analyzes these features. The historical trends in the development of the system of local government and self-government bodies are determined in relation to the general processes of the development of Russian statehood. Despite the fact that the administrative and political incorporation of Siberia into the Russian state had been completed by the beginning of the 18th century, the institutions of state power have always had their own specifics here. The provincial reforms of Peter I and Catherine II received a rather contradictory interpretation in the region. Therefore, it is no coincidence that, in 1822, the outstanding Russian statesman and reformer M.M. Speransky drew up a special regional legislation for Siberia. A specific feature of local government in Siberia from the very beginning was the greater independence of the state apparatus than in the center of the country. The Siberian administration was characterized by an almost complete absence of self-government principles. Therefore, the powers of the administrative and police bodies in the Siberian outskirts of the country had their own specifics and were broader than in the European provinces of Russia. Specific to Siberia of the imperial period is also the almost complete subordination of local self-government bodies to the police institutions of the region.

REFERENCES

1. Akishin, M.O. (2003) *Rossiyskiy absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian absolutism and governance of Siberia in the 18th century: the structure and composition of the state apparatus]. Novosibirsk: Drevokhranilishche.
2. Dameshek, I.L. (2005) *Rossiyskie okrainy v imperskoy strategii vlasti (nachalo XIX – nachalo XX vv.)* [Russian outskirts in the imperial strategy of power (early 19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University.
3. Matkhanova, N.P. (2002) *Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX v.: Problemy sotsial'noy stratifikatsii* [Higher administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: Problems of social stratification]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
4. Konovalov, I.A. (2020) *Rol' i mesto obshchey politzii v sisteme mestnogo upravleniya v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [The role and place of the general police in the system of local government in Siberia (18th – early 20th centuries)]. Moscow: INFRA-M.
5. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
6. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I. Vol. 4. No. 2218. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
7. Konovalov, I. A. & Tolochko, A.P. (2019) Local governance in the cities of Siberia according to “Institution” of 1822. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 60. pp. 17–21. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/60/3
8. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 1. File 1736 a.
9. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I. Vol. 9. No. 6378. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
10. Gessen, V.M. (1904) *Voprosy mestnogo upravleniya* [Issues of local government]. St. Petersburg: Tip. i lit. A. E. Landau.
11. State Archive of Irkutsk Oblast. Fund 24. List 9. File 45. Page 6; File 102.
12. Dameshek, L.M. et al. (2003) *M.M. Speranskiy: Sibirskiy variant imperskogo regionalizma (k 180-letiyu sibirskoy reformy M.M. Speranskogo)* [M.M. Speransky: Siberian Variant of Imperial Regionalism (to the 180th Anniversary of the Siberian Reform by M.M. Speransky)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I. Vol. 38. No. 29.125. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.

14. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 6. List 1. File 152.
15. Prutchenko, S.M. (1899) *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva. Istoriko-yuridicheskie ocherki* [Siberian outskirts. Regional regulations associated with the Siberian Statute of 1822 in the government of the Russian state. Historical and legal essays]. St. Petersburg: [s.n.].
16. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 1. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
17. Turgenev, A.M. (1895) Zapiski A.M. Turgeneva [Notes by A.M. Turgenev]. *Russkaya starina*. 83 (6). pp. 39–46.
18. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
19. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 1. File 3223.
20. Rumyantsev, P.P. (2017) The Struggle of Gendarme Officers Who Supervised the Private Gold Industry in Siberia With the Corruption of Volost Peasant Management. *Vostochno-Evropeyskiy nauchnyy vestnik*. 2 (10). pp. 60–64. (In Russian).
21. Rumyantsev, P.P. (2020) Gendarme Staff Officers and Heads of the Provincial Gendarme Administration in Tomsk Province: The Practice of Appointment and the Social Portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 141–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/457/17
22. Russian Empire. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 2. No. 886. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
23. Konovalov, I.A. & Shimanis, B.B. (2009) Struktura munitsipal'nykh organov Zapadnoy Sibiri po Gorodovomu polozheniyu 1870 g. [The structure of the municipal authorities of Western Siberia according to the City Regulations of 1870]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2 (19). pp. 23–29.
24. Russian Empire. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 42. Part 1. No. 44681. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
25. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 172. List 1. File 70.
26. Tolochko, A.P. et al. (2003) *Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoy Sibiri v dorevolutsionnyy period: stanovlenie i razvitie* [City self-government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Omsk: Omsk State University.
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 178.
28. *Sibirskiy vestnik* (Tomsk). (1905) 264.
29. Yenisei Provincial Statistical Committee. (1915) *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1915 god* [Reference book of Yenisei Province for 1915]. Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Statistical Committee.
30. *Sibirskie voprosy*. (1910) 39.
31. Lar'kov, N.S., Chernova, I.V. & Voytovich, A.V. (2002) *200 let na strazhe poryadka (Ocherki istorii organov vnutrennikh del Tomskoy gubernii, okruga, oblasti v XIX – XX vv.)* [200 years guarding order (Essays on the history of the internal affairs bodies of Tomsk Province, District, Oblast in the 19th–20th centuries)]. Tomsk: [s.n.].
32. Siegelbaum, L.H. (2017) Paradise or Just a Little Bit Better? Siberian Settlement “Fever” in Late Imperial Russia. *Russian Review*. 11 JAN. pp. 22–37.

Received: 01 February 2021

О.О. Корсукова

«СОВЕТСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ» 1920-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ТЮМЕНИ): НАУЧНЫЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Автор стремится опровергнуть устоявшееся в историографии мнение о том, что в СССР не существовало благотворительности, основываясь на комплексном анализе документов региональных архивов и материалов периодической печати 1920-х гг. Показано, что акты благотворения в основном совершались добровольно. При этом главной особенностью советской модели благотворительности стало ее сосуществование с «принудительными» формами, которые контролировались советской властью.

Ключевые слова: благотворительность; нэп; голод; беспризорничество; пожертвования

В октябре 2019 г. был опубликован Мировой рейтинг благотворительности (World Giving Index) фонда Чаритиз Эйд Фаундейшен (CAF). Согласно данным опросов (1,3 миллиона респондентов в 128 странах мира), за последние 10 лет Россия занимает 117-е место в мире по уровню развития частной благотворительности. В 2010 г. наша страна занимала 138-ю строчку, а в 2018 г. располагалась на 110-й. В основе исследования лежат три основных аспекта: частота помощи незнакомым людям, отчисление денежных средств в благотворительные организации, масштабы волонтерской деятельности [1].

В современной России, согласно исследованию, все больше людей жертвуют денежные средства незнакомым людям: «Доля тех, кто помогает незнакомым людям, выросла, по данным индекса за последние 10 лет, с 29 до 44%, а тех, кто совершает денежные пожертвования, – с 6 до 21%» [2]. Недостаточное финансирование со стороны государства медицины, образования, науки, культуры; дорогостоящее лечение для людей, которые больны раком; чрезвычайные ситуации, вызванные стихийными бедствиями в стране; чиновничья волокита в вопросах возмещения ущерба пострадавшим от ЧС вынуждают российское общество обращаться к поиску иных, негосударственных форм поддержки.

Поразившая страны мира пандемия в конце 2019 – начале 2020 г. оказывает влияние на развитие благотворительности. Многие страны направляют гуманитарные грузы с медикаментами, медицинской техникой и средствами индивидуальной защиты в те регионы, где пандемия носит массовый характер. Россия в числе таких стран-благотворителей, несмотря на то что и ее население тяжело переживает период пандемии. Спустя три месяца борьбы с COVID-19 представители крупного бизнеса, руководители социально ориентированных некоммерческих организаций (НКО) и эксперты отрасли впервые обсудили изменения в вопросе развития российской благотворительности. Экспертами отмечается рост благотворительных пожертвований в нашей стране, но прогнозы на будущее безрадостные. «Социально ориентированные НКО ждут сокращения сборов до конца 2020 г., так как более половины из них не получили пожертвований от своих постоянных доноров» [3].

Особенностью современных актов благотворения становится тот факт, что чаще всего они совершаются онлайн, а не наличными денежными средствами. Однако эксперты сходятся во мнении, что спрогнозировать активность частных пожертвований онлайн в новых сложившихся условиях невозможно [4]. Учитывая сложность ситуации, возможно, стоит вновь обратиться к истории развития благотворительной деятельности в России. Например, оценить опыт СССР 1920-х гг., который незаслуженно игнорировался учеными до недавнего времени либо рассматривался в рамках социалистической идеологии через отрицание существования этого явления. Советская благотворительность времен нэпа – яркий пример того, как молодое Советское государство в условиях массового голода, эпидемий и чрезвычайных ситуаций успешно справлялось с решением социальных проблем, обратившись к благотворителям вне государства и стимулируя развитие этой деятельности среди советских граждан.

Особый интерес у большинства исследователей вызывает дореволюционный период истории России. В тот период особая роль отводилась российскому купечеству, щедро жертвовавшему на общественные нужды, здравоохранение, развитие культуры и образования, обездоленным и сиротам. В российскую историю вошли фамилии известных меценатов Третьяковых, Мамонтовых, Бахрушиных, Морозовых, Строговых, Басовых и др. Тюмень по праву гордится благотворительной деятельностью Игнатова И.И. (1864–1915.), Иконникова И.В. (1793–1867), Колмогорова Ф.С. (1824–1893), Колокольникова И.П. (1829–1895), Подаруева П.И. (1823–1900), Чукмалдина Н.М. (1836–1901), Текутьева А.И. (1838–1916) и др. Однако запрещенная законом благотворительная деятельность в СССР, которая все же стала спасательным кругом для нуждающихся в 1920-е гг., также оставила в наследство нашему поколению имена частных предпринимателей и неравнодушных граждан, совершавших щедрые акты пожертвования в условиях массового голода, эпидемий и экономической разрухи.

Ряд современных ученых продолжают утверждать, что в послереволюционный период были полностью утрачены традиции меценатства, а благотворительной деятельности в СССР не существовало. Обратимся к статье З.А. Ахмутхановой «Благотворительные фонды как источник финансирования социальной сферы в

России», посвященной современному развитию благотворительности в нашей стране, где автор дает оценку советскому периоду, отмечая следующее: «В советский период Россия утратила благотворительные ценности...» [5. С. 224]. В доказательство своего тезиса автор не приводит аргументов, не ссылается на источники или работы предшественников, разделяющих ее точку зрения.

Сходные мысли были опубликованы в статьях канд. ист. наук, доцента Р.Ш. Хакимова: «Практика благотворительности и меценатства после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. фактически на многие десятилетия была утеряна. В советское время благотворительность, милосердие как идеология была просто исключена из жизни как явление, присущее буржуазному обществу» [6. С. 147–148]. В качестве источника, позволившего сделать данный вывод, автор приводит последнее издание Большой советской энциклопедии, в которой он не встречает такие понятия, как «благотворительность» и «милосердие».

Позиция Р.А. Габдрахмановой в работе «Развитие благотворительности в России» четко аргументирована. По логике автора, не только идеология советской России не допускала никаких форм благотворительности, но и решение власти о национализации всех средств дореволюционных общественных благотворительных организаций с последующей их ликвидацией. Обратившись к тому, какой смысл вкладывало правительство в термин «благотворительность», опубликованный в Большой советской энциклопедии в 1927 г., в 1950-е гг. и в конце 1960-х гг., Р.А. Габдрахманова подчеркивает, что в годы советской власти благотворительности как явления вообще не существовало, а все социальные проблемы решались официальными органами [7. С. 106].

Отсылку к историческим источникам, свидетельствующим в пользу точки зрения об отсутствии в советский период благотворительности, мы находим и в работах И.Е. Карповой, посвященных истории благотворительности и спонсорства в России. В частности, исследователь авторитетно заявляет: «История благотворительности в СССР начинается 26 апреля 1918 г. с ленинского декрета. Согласно этому декрету, милостыня и благотворительность объявлялись чуждыми, и сфера заботы об инвалидах и престарелых становилась монополией государства» [8. С. 377]. В работе автор также заявляет о том, что частная благотворительность окончательно умерла вместе с нэпом. Этим выводом он допускает существование актов благотворения среди советских граждан в период расцвета частной собственности.

Сотрудник дальневосточного научного центра местного самоуправления Т. Пантюхина в своей работе «История развития благотворительности в России и на Амуре» выделяет три периода развития благотворительности в России, которые делит на 6 этапов. советский период (после 1917 – до 90-х гг. XX в.), по мнению автора, характеризовался отсутствием на практике понятия благотворительности. Существовавшие общественные организации находились в государственном управлении и финансировались вла-

стью. «Понятие благотворительной деятельности было заменено на “шефские” взаимосвязи», – подчеркивает автор [9].

Подводя итог анализу работ статейного характера, написанных современными учеными и отчасти посвященных проблеме существования «советской благотворительности», нам представляется возможным обозначить три основных научных мифа по этой проблеме.

Самое распространенное заблуждение среди исследователей сводится к тезису «после революционных событий 1917 г. все социальные проблемы в СССР решались исключительно советской властью». Второй научный миф можно определить так: «в советский период (1917–1991 гг.) Россия утратила все дореволюционные благотворительные ценности». В третьих, стоит отметить спорное мнение исследователей о том, что запрет советской властью благотворительной деятельности в СССР и отказ от использования термина «благотворительность» в официальных документах и СМИ смогли полностью исключить это явление из жизни советского общества.

Основываясь на ранее неопубликованных архивных документах и материалах периодической печати, мы предпринимаем попытку развенчать научные мифы, дополнив белые пятна истории России 1920-х гг. новыми фактами и примерами.

Итогами революционных событий и Гражданской войны в России стали разруха, нищета, эпидемии и голод, детская беспризорность и т.д. Ситуацию усугубил неурожайный 1921 г. и привел к масштабному, массовому голоду среди населения. «Голод длился несколько лет, охватил значительную часть страны, на которой проживало более 30 миллионов человек, жертвами голода стали не менее 1 миллиона, а по некоторым оценкам – более 5 миллионов человек» – сообщается в статье Ю.Ю. Аншаковой [10. С. 229]. Государственный и партийный деятель СССР А.Н. Винокуров в статье «Итоги голодной кампании», опубликованной в 1922 г., приводит подробную оценку сложившейся ситуации в стране: «23 губернии, области и союзные республики с населением более 30 000 000 человек охвачены были давно невиданным неурожаем. Ко времени сбора нового урожая около 23 000 000 человек стояли под угрозой голодной смерти» [11. С. 6].

Ответственными за решение глобальной проблемы в стране были назначены органы ЦК помощи голодающим, наркомпрода, центросоюза. В первые же месяцы работы «с огромным напряжением сил и средств удалось организовать кормление 14 000 000 человек. Путем эвакуации в благополучные губернии также от голода было спасено население более пострадавших районов. Со стороны советских граждан, армии и профсоюзных организаций была организована помощь, которая выразилась в 10 000 000 пудов продовольствия и 7 триллионах рублей денежными знаками. В голодные районы был направлен скот и сельскохозяйственная техника», – отмечается в отчетной работе А.Н. Винокурова [11. С. 6]. Однако около 10 млн граждан СССР оставались под угрозой голодной смерти. Внутренние ресурсы оказались недоста-

точными. Разрушенными оставались промышленность и экономика страны.

Дальнейшие действия советского руководства противоречили идеологическим установкам во внешней и внутренней политике, но власть оказалась вынуждена обратиться за благотворительной помощью к капиталистическим странам мира. Это событие нашло отражение и в зарубежной прессе. На страницах британского журнала «Панч» мы встречаем карикатуру, которая сообщает нам следующее: «Ленин: а! Так вы пришли на мой призыв спасти Советскую Республику! Благотворительность: нет, я пришла спасти жителей советской республики – от вас самих и вопреки вашему призыву!» [12. Vol. CLXI (161). P. 131]. Очевидно, что, по задумке автора, благотворительность олицетворяет страны мира, которые оказали благотворительную помощь советским гражданам в первые годы нэпа, не разделяя и осуждая политику советской власти.

В начале нэпа помощь голодающим в СССР оказывалась шестью заграничными благотворительными организациями: АРА, Международным комитетом помощи голодающим (Нансен), Международной федерацией профсоюзов при II интернационале (трэд-юнионы), Международным рабочим комитетом при III интернационале, меннонитами американскими и голландскими, Французским красным крестом.

До настоящего времени малоизученным остается факт о благотворительной помощи американского народа в рамках American Relief Administration (ARA – Американская администрация помощи) Советской России в начале 1920-х гг. Особый интерес данная тема вызывала у следующих российских ученых: Ю.Ю. Аншаковой, В.А. Погромского, Н.В. Усманова, А.Ю. Федотовой, Ю.Ю. Хмелевской и др. В статьях Ю.Ю. Аншаковой и Н.В. Усманова подчеркивается большое значение благотворительной помощи из Америки, благодаря которой (по мнению ученых) не только успешно возрождались экономика страны, но и были спасены тысячи жизней голодающих советских граждан.

Нельзя оставить без внимания зарубежную научную литературу. Оценка действий советского руководства в условиях массового голода дается в работах доктора философии, профессора русистики и русской истории Гарвардского университета Ричарда Пайпса [13]. Согласно Р. Пайпсу, СССР, получив благотворительную помощь от капиталистических стран, осуществляло продажу драгоценностей и продовольствия, чтобы на вырученные денежные средства приобрести промышленное и сельскохозяйственное оборудование. Данный факт воспринимается ученым как предательский поступок в отношении голодающего советского народа со стороны власти. В 1920-е гг. министр торговли США Гувер был настроен решительно и негативно в отношении действий советской власти. Он был поражен «бесчеловечной политикой правительства, отрывающего у голодающего народа продовольствие в обмен на импорт оборудования и сырья, ради успешной хозяйственной деятельности тех, кому посчастливится выжить» [14. С. 189] и выра-

зил протест против данных действий советской власти. В июне 1923 г. АРА прекратила свою благотворительную деятельность в пользу СССР. При этом американские промышленные предприятия сохраняли деловые отношения с СССР, предлагая кредиты для приобретения сельскохозяйственной техники. В декабре 1925 г. у американской автомобилестроительной компании «Форд» СССР приобрел 10 тыс. тракторов с доставкой в границы Черного моря к 1 января 1926 г. [15. С. 1]. В конце 1920-х гг. при содействии «Форда» в Нижнем Новгороде началось строительство автозавода.

В опубликованных советскими государственными деятелями статьях за 1922 г. содержится оценка благотворительной помощи АРА и капиталистических стран в борьбе с голодом. Например, «всероссийский староста», партийный деятель М. Калинин в статье «Год работы» подчеркивает: «В том, что их (заграничные благотворительные организации) роль, в особенности АРА, была огромна, нет никакого сомнения» [16. С. 5]. А.Н. Винокуров конкретизирует статистическими данными этот тезис: «Зарубежные организации предоставили 32 000 000 пудов продовольствия. Благодаря этой помощи в СССР питалось около 11 000 000 человек» [11. С. 6]. Что касается деятельности на территории СССР АРА, то не стоит упускать из вида следующий факт: СССР брал на себя все расходы по содержанию аппарата и учреждений АРА [17. С. 14].

Летом 1921 г. в Риге было подписано соглашение между Правительством РСФСР и АРА. Америка дала согласие выделить добавочное питание для 1 млн советских детей в районах, страдающих от засухи. К июлю 1922 г. на территории СССР АРА и зарубежные организации снабжали продовольствием уже 3 645 000 детей [18. С. 32]. Работа АРА началась в Самарской губернии, постепенно включив в этот перечень территории 30 губерний, автономных областей и республик РСФСР и 8 губерний УССР.

Продовольственная помощь иностранных государств должна была стать добавочной для голодающих в СССР. Однако в условиях страшного голода продовольственный паек был единственным в рационе большинства советских голодающих семей. Каждый из питаемых АРА советских детей в сутки получал около 700 каллорий (детская норма каллорий в сутки равна 1 500–1 700). Позднее был организован и взрослый паек, который состоял из 410 г кукурузы, что составляет 1 236 каллорий (у мужчин норма каллорий в сутки равна 2 500, а у женщин – 2 000) [19. С. 338–340]. Советская власть, получив благотворительную помощь в снабжении продовольствием взрослого населения, также была вынуждена организовать общественное питание в столовых за свой счет и исходя из собственных скудных продовольственных запасов [11. С. 19].

Несмотря на все усилия власти и иностранных государств (табл. 1 и 2), проблема детского питания в условиях массового голода не была полностью решена. Статистические данные за 1921 г. показывают, что в СССР голодало от 7 000 000 до 10 500 000 детей [18. С. 32].

Детский продовольственный паек, предоставляемый АРА, на одного ребенка по дням недели

День недели	Меню
Понедельник	Какао сладкое с молоком, хлеб
Вторник	Рисовый пудинг, хлеб
Среда	Рис с лапшой (молочный суп), хлеб
Четверг	Какао сладкое с молоком, хлеб
Пятница	Рисовый пудинг, хлеб
Суббота	Бобы, хлеб
Воскресенье	Рис с лапшой (молочный суп), хлеб

Таблица 2

Недельная норма продуктов, входящих в детский паек

Наименование продукта	В золотниках	В граммах (≈)
Какао	6,56	28
Сахар	26,26	112
Молоко	58,92	250
Мука	175,37	748
Бобы	32,85	140
Рис	56,26	240
Жиры	14,07	60

Спасти от голода подрастающее поколение СССР стало важнейшей задачей для советского руководства. Дополнительно к помощи иностранных государств в СССР было организовано «общественное питание в столовых для 1 070 750 детей, врачебно-питательные поезда кормили еще 30 000 детей и на государственное снабжение были оформлены 215 000 ребят», — отмечает Н. Семашко в статье «Дети и голод» [18. С. 32]. Только врачебно-питательные поезда в 1921 г. выдали в 6 населенных пунктах СССР 1 596 303 обеда, а в 1922 г. уже в 13 населенных пунктах (включая Екатеринбург — 79 300 обедов) 3 945 363 обеда. Кроме того, оказывалась безвозмездная медицинская помощь детям. В 1921 г. в 6 населенных пунктах было принято амбулаторно 28 960 детей. В 1922 г. в 11 населенных пунктах — 28 839 детей, включая 406 детей в городе Екатеринбург [19. С. 470].

В феврале 1922 г. в список благотворительной помощи от иностранных государств была включена Уральская губерния, а в апреле того же года — южная часть Екатеринбургской губернии [19. С. 335]. Соседняя с Тюменской губернией территория также получила значительную благотворительную помощь и от Французского Красного Креста. В июле 1922 г. он направил в СССР гуманитарную помощь: 219 473 пудов 26 фунтов продовольствия, 2 369 пудов 2 фунта одежды, 2 544 пудов 21 фунт медикаментов, 2 376 пудов 38 фунтов прочего груза. Всего 226 763 пуда 38 фунтов товаров. Из этого количества 988 000 пудов было распределено в Москве, остальное количество отправлено в Екатеринбург [19. С. 346].

До неурожайного 1921 г. Тюменская губерния успешно производила хлеб и продукты сельского хозяйства. Из-за неурожайного года изменился и статус губернии. Несмотря на то, что, как и Екатеринбургская, она была признана нуждающейся, благотворительной помощи от АРА или европейских организаций Тюменская губерния не получала.

Тюменская Губернская комиссия помощи голодающим была организована 10 августа 1921 г. Работа

Губкомиссии сводилась к введению местных налогов и организации денежной лотереи, в результате которой было собрано 3,5 миллиарда рублей. Материальную и продовольственную помощь от комиссии в первую очередь получали неблагополучные уезды губернии. Их было признано три: Ишимский, Ялуторовский и Тобольский. По Ишимскому и Тобольскому уездам насчитывалось голодающих взрослых 133 556 человек и детей — 85 394 человека [19. С. 317]. Согласно переписи населения в 1920 г. в Тюменском уезде проживало 125 724 человека [20. Л. 36]. Архивные документы подтверждают тот факт, что голод коснулся немалой части населения и этого уезда. Тюменский Губком РКП(б) в протоколах заседания комиссии помощи голодающим за 1921–1922 гг. фиксирует данные о числе голодающих, погибших и выехавших из Тюменского уезда граждан: 10 360 (взрослое население) и 9 252 (дети) — голодающие, 478 — умерли от голода, 469 семей выехали из уезда [21. Л. 51]. Тюменские СМИ в 1922 г. ежедневно публикуют актуальную, но ужасающую информацию о голодающих и погибших в городе жителях: «В один день я пошла на толчок (стихийное место торговли в Тюмени в 1920-е гг., огороженное заплотом, с вывеской и входными воротами) и увидела семью голодающих, которые обессиленные лежали прямо на земле» [22. С. 3]. «На площади близ станции Тюмень валяются трупы беженцев. Тут же лежат еще живые люди, находящиеся при смерти. Трупы валяются по несколько дней, запах стоит невыносимый» [23. С. 3].

С 10 августа 1921 г. по 1 мая 1922 г. в фонд тюменской Губкомиссии поступило хлебных продуктов 5 479 пудов 4 фунта, разных продуктов — 5 448 пудов 35,5 фунтов. Пожертвования деньгами выразились в сумме 892 140 183 рубля. Тюменская Губкомиссия оказала помощь Уфимской, Екатеринбургской и Челябинской комиссиям в виде отправки хлебных продуктов 2 970 пудов и прочего продовольствия 2 752 пуда, а также перечислив в их пользу 386 880 065 рублей [19. С. 317–318].

Численность голодающих Тюменской губернии в сравнении с другими территориями была меньше. Например, в октябре 1921 г. в Саратовской губернии насчитывалось 893 325 человек, нуждающихся в питании. А к январю 1922 г. цифра увеличилась до 1 338 900 человек, среди которых 591 100 составляли дети [19. С. 236]. В связи с этим Тюменской губернии в борьбе с голодом приходилось рассчитывать на скромные местные ресурсы. Согласно данным А. Халатова, опубликованным в статье «Государственная семенная помощь голодающим», на весеннюю посевную кампанию 1922 г. Тюменская губерния должна была получить 406 000 пудов зерна. В итоге поставка из центра составила 92,7% от данного объема (376 473 пуда зерна) [24. С. 76]. Для полного засева площадей этой помощи оказалось недостаточно. Озимый клин был засеян площадью 47 872 десятины из планируемых 89 000 десятин. Площадь посева ярового клина, утвержденная в 584 300 десятин, также не была полностью засеяна из-за недостаточного количества семян [19. С. 317].

Государственной кампанией по борьбе с голодом в провинциальной печати руководили Центроусты. Руководством было подготовлено 46 радиоинструкций, направлено в провинциальные СМИ 67 тематических статей и 77 критических обзоров. Главной целью провинциальных СМИ было привлечение населения СССР к благотворительному сбору пожертвований продовольствия, теплой одежды и денежных средств. В октябре 1921 г. перед прессой была поставлена задача сделать случайные пожертвования регулярными с помощью пропаганды. Такая благотворительная кампания в СМИ проходила под лозунгом «Десять сытых кормят одного голодного!» [19. С. 150].

В тюменской прессе регулярно публиковалась информация о благотворительной помощи российскому народу иностранными государствами. В газете «Трудовой набат» от 13 мая 1922 г. сообщалось о визите в Москву представителя Американской администрации помощи, который сообщил о том, что к 15 марта в Америке в пользу голодающих в России было собрано 18 000 000 пудов продуктов. В середине мая 1922 г. 48 пароходов с продовольственными грузами направились в Россию [25. С. 2]. На этом благотворительная кампания американцев не закончилась. 25 мая 1922 г. местная пресса сообщила тюменцам о том, что «АРА направила голодающим районам России 170 000 пар обуви, свыше полмиллиона пар чирок, много костюмов, пальто, одеял и прочего» [26. С. 3]. Благотворительная помощь поступала и из европейских государств. «Межрабпомгол отправляет 15 мая из Штеттена (Германия) в Петроград пароход “Национал” с 1300 тонн груза, в том числе 900 тонн муки и 6 вагонов сахару», – говорилось в тюменском «Трудовом набате» 13 мая 1922 г. [25. С. 2]. Данная информация воспринималась тюменцами как яркий пример доброй воли и служила руководством к действию, культивировала у советского гражданина такие качества, как сострадание, отзывчивость, ответственность за чужую жизнь, доброту.

Не имея возможности рассчитывать на помощь от иностранных благотворительных организаций, торго-

вые организации и жители провинциальной Тюмени, вдохновившись примером иностранцев, сами становились благотворителями. Единое потребительское общество Тюмени отчислило по 2% с торговых операций на помощь голодающим. Частные пожертвования составили 4 500 рублей [27. Л. 2].

Пожертвования от тюменского населения в Центральную комиссию по борьбе с последствиями голода 1921 г. в 1921–1923 гг. составили в 1 850 304 рублей 50 копеек. Продовольственная помощь мукой, крупой, рыбой, мясом, солью, маслом, овсом, яйцом и конфетами была значительной и своевременной [28. С. 4]. Кроме того, с середины марта 1921 г. в Тюмени приступили к созданию городского материального и денежного фонда Последгола, главным источником ресурсов которого стали отчисления и пожертвования жителей Тюменского уезда [29. С. 4].

С 22 августа 1921 г. по 15 апреля 1922 г. в Тюменском районе были осуществлены пожертвования работников водного транспорта на сумму 355 518 925 рублей, проведены 19 субботников и воскресников. 28 благотворительных спектаклей, концертов и лекций выразились в 32 579 799 рублях в пользу голодающих. Тюменская столовая водников обеспечивала питанием 222 человека, страдающих от голода. Частные пожертвования составили 5 758 418 рублей. Кроме того, жизнь детей двух детских домов в Тюмени и одного в Тобольске также зависела от пожертвований работников водного транспорта и пропаганды благотворительной деятельности среди городского населения [30. С. 2].

Тюменцы продолжали осуществлять не только денежную помощь, но и совершали акты пожертвования, вдохновившись опытом других городов. Например, «фонд одной папироски», появившийся в Воронеже для помощи голодающим, существовал и в Тюмени. Каждый курящий гражданин призывался воздержаться от выкуривания одной сигареты ежедневно, а денежные средства, равные ее стоимости, – жертвовать в пользу голодающих. Только в Тюмени из 44 536 человек курящими были более 11 000 горожан. Редакция «Трудового набата» подсчитала, что стоимость одной сигареты (6 000 рублей), умноженная на число курящих в городе, даст в пользу голодающих ежедневно более 66 000 000 рублей. Этой суммы хватило бы для питания 133 голодающих детей [31. С. 4]. Первыми участниками благотворительной кампании в Тюмени стали Валентин Обдорский, Власий Гаркунов и Василий Старцев, сделав отчисления за месяц по 180 000 рублей каждый [32. С. 4]. Этот пример показывает, что любая помощь голодающим была важна. Равнодушие в отношении вопросов благотворительности в тюменских СМИ приравнялось к преступлению и осуждалось.

Наряду с добровольной благотворительностью зарождалось шефство торговых организаций над нуждающимися в провинциальной Тюмени. Так, подшефная тюменскому ЕПО команда связи 169-й бригады получила в мае 1922 г. 3 пуда 8 фунтов колбасы, 2 пуда 20 фунтов мыла, 95 пар носков, кожаные лоскуты и кожу, хозяйственные вещи на сумму 573 000 рублей [33. С. 3]. Шефство над детьми-сиротами красноармейцев, детьми беднейших членов-

пайщиков тюменского Центрального рабочего кооператива (Церабкопа) в 1920-е гг. – пример проявления благотворительности. В 1929 г., учащиеся тюменской школы имени Серова в количестве 50 человек получили от правления Церабкопа материал для пошива одежды [34. С. 4]. В честь 12-й годовщины Октябрьской революции дети бедняков, партизан, красногвардейцев, инвалидов также получали на безвозмездной основе от Церабкопа одежду и обувь [35. С. 4].

Материалы зарубежной, столичной и местной периодической печати свидетельствуют о том, что советская власть в борьбе с голодом 1921–1922 гг. и его последствиями, вопреки собственным идеологическим установкам, была вынуждена обратиться за помощью к капиталистическим странам мира. Для миллионов голодающих советских граждан это стало спасением жизней. Для остальных жителей СССР акты благотворения иностранных государств явились достойными примерами и руководством к действию.

Таким образом, научный миф о том, что в СССР после революционных событий 1917 г. все социальные проблемы решались исключительно советской властью, оказывается неверным. Власть была вынуждена принять благотворительную помощь извне, культивировать данную деятельность в сознании советского общества, создавать положительный образ «советского благотворителя» посредством СМИ (тем самым возделывая почву для развития советской благотворительности под контролем государства в будущем) и поощрять акты благотворения, инициированные представителями советской власти на местах, советскими торговыми организациями, нэпманами, церковью и, наконец, рабочим классом.

Тезис о том, что «в советский период (1917–1991 гг.) Россия утратила все дореволюционные благотворительные ценности», является спорным. Новая власть отказалась от ряда форм дореволюционной благотворительной деятельности, ввела запреты на ее развитие среди «нового» общества, но утратить полностью вековые традиции меценатства оказалось невозможным в условиях разрухи, голода и упадка экономики. Зачастую представители государственной и кооперативной торговли ставились в пример горожанам как самые яркие и активные представители благотворительности в стране. Меценатов из купеческого сословия сменила новая прослойка общества – нэпманы. В борьбе с голодом 1921–1922 гг. власть была вынуждена обратиться к Русской православной церкви, традиционно совершавшей акты милосердия в пользу нуждающихся.

Тюмень – первый русский город Сибири. К 1917 г. он прославился как торговый город с крепкими традициями меценатства. Это означало, что после революции в этом регионе сильнее традиции благотворительности не только не исчезли, но и легли в основу важных социальных программ, разработанных новой местной властью. 25 декабря 1921 г. комиссией Губернского исполнительного комитета в г. Тюмени был утвержден проект о прикреплении детских домов губернии к рынкам. Рыночные торговцы обязывались жертвовать денежные средства на их содержание. В рамках проекта предусматривалось и натуральное

рыночное обложение с торговцев как собственного, так и перекупного продукта и материала [36. Л. 57].

Первым в стране по созданию благотворительной организации с привлечением в нее равнодушных граждан был опыт Тюмени. 7 июля 1924 г. городская комиссия при Окружном отделе народного образования и науки по улучшению жизни детей приступила к созданию «Общества друзей детей». Борьба с детской беспризорностью и преступностью, открытие детских домов, столовых и клубов, реэвакуация детей на родину, создание благотворительных фондов – основные задачи общества [37. С. 4].

Главная государственная торговая организация в стране (ГУМ) стала достойным примером в вопросах осуществления и развития благотворительности. Вызванный военными событиями и массовым голодом рост беспризорничества в СССР побудил и Тюменское отделение ГУМа разработать ряд благотворительных акций с целью сбора средств на борьбу с этим явлением и провести широкую рекламную кампанию в данном направлении. Кроме того, коллектив Тюменского ГУМа стал образцом сплоченной команды благотворителей, регулярно отчислявшей денежные средства в пользу детей-сирот, на борьбу с беспризорничеством и детской преступностью, в пользу развития местного образования (студенчества), а также граждан, пострадавших от наводнения в Ленинграде (1924 г.) и иных чрезвычайных ситуаций.

В местной прессе мы встречаем лозунги и призывы ГУМа к актам благотворения: «День красного студенчества! Кто сочувствует, покупайте в этот день в ГУМе!» [38. С. 4], «Праздничный базар в ГУМе в пользу Детского городка имени Ленина», «День детского городка имени В.И. Ленина. Базар с отчислением 5% в пользу детского городка. Покупайте в эти дни в ГУМе!» [39. С. 4], «Сотрудники ГУМа помогли ленинградцам!» [40. С. 3] и т.д.

Местной торговой кооперации опыт ГУМа ставился в пример в статьях и заметках «Трудового набата» [41. С. 3]. Кооперация реагировала незамедлительно, проводя подобные акции добровольных пожертвований [42. С. 2]. Показателен поступок сотрудника Церабкопа, который передал золотое кольцо со вставкой в пользу строящегося детского дома им. Ленина в Талице (близ Тюмени) [43. С. 4].

Представители частной торговли, среди которых можно встретить как фамилии дореволюционного купечества, так и новые имена, имели возможность жертвовать большие денежные средства, чем жертвовали обычные советские рабочие. Несмотря на то что в СМИ образ нэпмана был отрицательным и рисовался негативными эпитетами (нэпач, торгаш, спекулянт, обиралова, эксплуататор), на деле благотворительная помощь представителей этого класса сыграла значимую роль в поддержке детей-сирот, студентов, ленинградцев в 1924 г. и в решение городских социальных проблем.

Среди представителей дореволюционной предпринимательской деятельности, продолживших торговлю в период нэпа, стоит привести в пример фамилию Богданова – торговца мясом до революционных событий, который сохранил свое дело в период нэпа.

В 1920-е гг. именно он носил звание «богатейшего» нэпмана Тюмени [44. С. 4]. Новые имена и фамилии частных торговцев мы встречаем в местной прессе, где регулярно публиковались информационные сводки о пожертвованиях [45. С. 4], призывы к помощи нуждающимся и сиротам и т.д. В рубрике «Поможем беспризорным детям!» указаны фамилии нэпманов-благотворителей: Городков, братья Жановы (мануфактурные товары), Кривошапкин и Вилькер (железно-скобяные товары), Федоров и Редикюльцев (бакалейные товары), Духовских (мясные товары), Громов (галантерейные товары), Шапиро (торговец обувью), Шешуков и Драбкин (торговля канцелярией) [46. С. 4]. Братья Вилькер в 1924 г. внесли 10 облигаций на сумму 50 рублей в помощь Ленинграду. За ними последовали Шавалихин, Рабинович, Фелюшенко, братья Федоровы, братья Жановы, Ракин, Венгерских и Кох [47. С. 4]. В ответ на их вызовы торговец железно-скобяными товарами Маняфов пожертвовал также 50 рублей облигациями [48. С. 4].

Тюменские нэпманы брали на свое попечение детей-сирот красноармейцев, однако подобные действия чаще всего осуждались горожанами. Нэпман-усыновитель нарекался безжалостным и жадным эксплуататором [49. С. 4]. Однако стоит учитывать тот факт, что в тюменских детских домах сироты зачастую недоедали, также выполняли определенную работу на безвозмездной основе, не имели средств гигиены и белья. Кроме того, подвергались «мерам морального воздействия» в виде лишения (и без того скудных) обедов на 1–3 дня [50. С. 3]. Эти условия объяснялись нехваткой денежных средств, несмотря на регулярные благотворительные отчисления в пользу детских домов от лица тех же нэпманов.

Благотворительная деятельность Русской православной церкви в 1920-е гг. сыграла немаловажную роль в жизни советских граждан. «Наиболее ярко нацеленность Церкви на решение злободневных социальных вопросов проявилась в ходе кампании ликвидации голода в Поволжье. В короткий срок было собрано свыше 9 000 000 рублей», – сообщает в статье А.Н. Марченко [51. С. 119].

Действительно, в это время развернулась в большинстве своем добровольная акция со стороны церквей в пользу нуждающихся на территории СССР, включая Тюменский край. Местная пресса призывала: «Хлеб на церковное золото!» [52. С. 3], «Снимите ценности из церквей! Скорее действуйте! Дайте нам обсеменения и мы вам ответим сторицею» [53. С. 2]. Газеты убеждали общественность в том, что акты изъятия ценностей из тюменских церквей производятся на добровольной основе: «Низшее духовенство за изъятие!», «Духовенство и верующие горячо откликнулись на призывы Советской власти спасти голодающих!» [53. С. 2], «Победа Христа и Советской власти» [54. С. 3]. Наряду с этим, в статье «К позорному столбу», опубликованной в «Трудовом набате» в 1922 г. приводится в пример недобросовестное выполнение требований кампании по изъятию церковных ценностей в тюменском монастыре епископом Иринархом. Автор статьи, пожелавший остаться безымянным, сообщает: «...комиссией изъято лишь

18,5 фунтов серебра; на многих иконах найдены лишь маленькие обрывки серебряных риз, по-видимому, поспешно сорванных; на все церкви монастыря оказалась лишь одна серебряная “лжица” (ложечка для причастия)» [54. С. 3]. Главная причина отсутствия церковных ценностей в церквях и монастырях Тюмени и Тюменской губернии, по мнению СМИ, была оккупация территории в годы Гражданской войны белыми и изъятие таковых по распоряжению колчаковских властей [54. С. 3].

1 января 1923 г. были опубликованы результаты работы Помгола в Тюмени за предшествующие 9 месяцев. Сообщалось, что ценных предметов из церквей Тюменской губернии было изъято следующее количество: золота 17 фунтов 94 золотника (около 8 кг), серебра 199 пудов 15 фунтов 67 золотников (более 3 000 кг), бриллиантов и алмазов 183 штуки, жемчугов – 23 золотника (около 100 г), прочих драгоценных камней – 1 888 штук, монет серебряных стоимостью 161 рубль [55. С. 3]. Эти же данные отражены в издании 1922 г. «Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.», опубликованной ЦК Помгол ВЦИК [19. С. 317–318].

О добровольных актах пожертвования церковных ценностей на территории Чувашии и голодающего Поволжья в начале 1920-х гг. сообщается в монографии Ф.Н. Козлова: «В Чувашии изъятие прошло относительно спокойно. По сведениям местного отдела ГПУ, “никаких заметных неудовольствий как со стороны священнослужителей, так и представителей групп верующих не было”, “острых конфликтов на почве изъятия церковных ценностей не отмечено”... Степень сопротивления изъятию была различной: если в относительно благополучных центральных губерниях дело доходило до кровавых столкновений, то в голодающем Поволжье экспроприация церковных ценностей прошла относительно спокойно» [56. С. 106–108].

М.М. Моргенштерн в статье «15 месяцев голодного фронта», опубликованной в сборнике документов советской власти в 1922 г., характеризует эффективность государственной кампании по изъятию церковных ценностей в пользу голодающего населения СССР. Он отмечает, что организованный патриархом Тихоном «церковный бунт» не имел успеха у верующих и низового духовенства. Напротив, «акт об изъятии был добросовестно выполнен представителями церкви» [17. С. 21].

С одной стороны, случаи насильственного изъятия церковных ценностей спровоцировали протесты от наиболее активных священнослужителей и мирян. В ответ на это власть применила репрессивные меры. «Окончательный запрет на дела милосердия церковных организаций нашел свое место в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР “О религиозных объединениях” от 8 апреля 1929 года», – пишет А.Н. Марченко [51. С. 120].

С другой стороны, «благотворительная» деятельность церквей была крайне важна для голодающего населения и встречалась ее представителями с пониманием, в том числе и в провинциальной Тюмени. В результате добровольных актов пожертвования

представителями церкви, собранные ценности позволили власти приобрести за границей необходимое промышленное оборудование, сельскохозяйственную технику и зерно для засева площадей. Это положительно сказалось на борьбе с голодом и его последствиями в стране.

Советская благотворительность в середине нэпа проявляется наиболее активно, становится массовой. Она коллективная и частная. В ее развитии участвует все население провинциального сибирского города. Эта тенденция была характерна для всей страны.

Многие ученые исчезновение благотворительности из жизни советских граждан связывают с тем, что из СМИ и официальных документов в СССР исчезли термины «благотворительность», «филантропия», «меценатство». Однако отказ советской власти от самого термина «благотворительность» не означал исчезновение этого явления, которое вопреки политическому курсу и идеологии заложено в самой природе человека.

Позиция В.И. Ленина в отношении благотворительности была неизменна и четко сформулирована еще в 1905 г. в работе «Социализм и религия» [57. С. 112]. Она сводилась к тому, что в советском обществе ей нет места. Позиция власти по отношению к благотворительности была прописана в Большой советской энциклопедии 1927 г., где подчеркивалось, что это явление свойственно лишь классовому обществу, а социальному строю в СССР оно чуждо. В 1950-е г. в новом издании энциклопедии отмечалось: «Благотворительность при социализме не нужна, так как в обществе уничтожены нужда и нищета» [7]. Однако каждый раз, когда советская власть сталкивалась с чрезвычайными ситуациями в стране, масштабными социальными проблемами, войной и ее последствиями, она была вынуждена обратиться к благотворительности, используя, в том числе, дореволюционный опыт ее развития. Например, почтово-благотворительные марки с дополнительным номиналом, предназначенным для благотворительных целей. Впервые в России они появились еще в 1904 г. по инициативе Императорского женского патриотического общества, чтобы на собранные от продажи средства оказывать помощь сиротам воинов действующей русской армии в Русско-японской войне [58]. Первые почтово-благотворительные марки в РСФСР были отпечатаны в 1921 г. с целью сбора средств в фонд помощи голодающим Поволжья. В 1924 г. марки вновь вышли в свет, чтобы поддержать граждан Ленинграда, пострадавших от наводнения [59. С. 129–130]. Особый интерес вызывают марки 1927 г. На них изображен детский портрет В.И. Ленина. И это символично, так как денежные средства от их продажи направлялись на помощь беспризорным детям.

Советская власть отказалась от использования терминов «благотворительность», «филантропия», «милосердие», «меценат», «благотворитель». Однако в официальных документах или прессе 1920-х гг. мы часто встречаем слова-синонимы: «пожертвование», «в дар» или «взаимопомощь», «помощь», «забота», «шефство». Все они использовались в значении оказывать добровольное бескорыстное пожертвование в

пользу нуждающихся. Это и есть распространенное определение такого явления, как благотворительность. Однако стоит отметить, что термин «советская благотворительность» нельзя полностью отождествлять с классическим пониманием этого явления. В то же время противопоставлять ему его также не стоит.

Если учесть противоречивость и сложность периода нэпа в российской истории, то приходит понимание, что «советская благотворительность» – это сложный симбиоз добровольных актов благотворения в пользу нуждающихся (например, в 1920-е гг. от лица нэпманов, представителей церкви и рабочего класса), «обязательных» пожертвований в пользу решения социальных проблем (например, введенный общегосударственный налог 1921–1922 гг., который позволил на территории Тюменской губернии собрать 3 145 570 рублей [59. С. 315], а по Сибири – 22 028 893 рублей 92 копейки [59. С. 312] на борьбу с голодом) и деятельности благотворительных организаций (например, Международная организация помощи борцам революции и т.д.), контролируемых советской властью. Яркие примеры этого явления характерны для военных и послевоенных периодов в истории СССР, в годы природных катастроф или обострившихся социальных кризисов.

В сибирских газетах 1920-х гг. заголовки статей и заметок пестрели призывами к благотворительной добровольной деятельности: «Советская общественность должна помочь государству!» [60. С. 10], «На помощь Красному Ленинграду! Прием пожертвований!» [61. С. 4], «Помогите школьникам!», «Забота о народном просвещении», «Помощь студенчеству!» [62. С. 10], «В пользу безработных!» [63. С. 2] и т.п.

В Тюмени благотворительные кампании регулярно освещались в местной газете «Трудовой набат» (с конца 1920-х гг. – «Красное знамя»). Призывы о помощи голодающим взрослым и детям в 1921–1923 гг. сменяются просьбами о помощи ленинградцам, пострадавшим от потопа в 1924 г., тюменскому студенчеству и беспризорным детям, численность которых увеличилась из-за последствий голода. Объявленная в стране индустриализация сместила вектор развития благотворительности. Благотворительные сборы в первую очередь шли на строительство самолетов [64], радиостанций и оборону страны [65]. К концу нэпа советская власть заявляет об определенных успехах в решении социальных проблем, а потому в газетах 1930-х гг. такие традиционные категории благотворительности, как «милосердие», «пожертвование», «помощь», практически не употребляются. В новом десятилетии гарантом социальной стабильности становится советская власть, которая до начала Великой Отечественной войны самостоятельно решает возникающие проблемы в социальной сфере.

В заключение определим субъект и объект советской благотворительности, ее формы и популярные сферы благотворительности времен нэпа, масштаб этого явления и мотивы благотворителей, социокультурный статус благотворительности.

Социальная основа благотворительности 1920-х гг. трансформировалась под влиянием экономического и политического развития СССР. В это время, с легализацией частной торговли, появилась новая социальная прослойка общества – нэпманы, которая оказывала бла-

готовительную помощь нуждающимся. Дореволюционные традиции благотворения в новом государстве продолжала сохранять Русская православная церковь. Широкое распространение в советском обществе получила сострадательная благотворительность в отношении голодающих, детей-сирот, пострадавших от ЧС. Коллективные акты пожертвований (денежные отчисления из заработной платы представителей рабочего класса) представителей государственных предприятий и организаций – важная составляющая социальной основы советской благотворительности.

Среди адресатов благотворительной помощи следует отметить инвалидов революционных событий 1917 г. и Гражданской войны (красноармейцы и их семьи, дети-сироты). Экономические потрясения начала 1920-х гг. (засуха и неурожай) стали причиной появления новой категории нуждающихся – голодающих, беспризорников и безработных. Последствия природных катастроф были связаны с гибелью людей и крупным экономическим ущербом. Пострадавшим от стихии в СССР также оказывалась добровольная благотворительная помощь. В результате развития общественных отношений активно пропагандировалась забота о школьниках и студентах. В качестве адресата не всегда выступал человек. Денежных вложений требовала советская промышленность (заводы, фабрики, предприятия).

Сферы и формы благотворительной деятельности меньше подвержены трансформации, нежели ее социальная основа. Однако в советский период, наряду с традиционными формами благотворительности, появляются новые. Например, «обязательная благотворительность», которая выразилась во введении обязательного для всех общегражданского налога в пользу нуждающихся, а также «коллективная благотворительность», распространенная среди представителей рабочего класса. Особенностью нэпа стала направленность благотворительной деятельности в пользу индустриализации страны.

Масштаб советской благотворительности оценить достаточно сложно. В сравнении с дореволюционной

благотворительностью она носила массовый характер. Была не только частной, но и общественной, коллективной. Однако в условиях экономической разрухи, неустойчивости рубля добровольные акты пожертвований исчислялись небольшими денежными суммами или заменялись продовольствием и одеждой.

Мотивы советских благотворителей в большинстве своем были обусловлены не только чувством сострадания к ближнему, но и воспитываемым властью чувством долга перед государством и обществом, что не только не противоречило идеологии социализма, но и являлось его характерной частью. Нэпманы, участвуя в благотворительности, стремились также получить признание от лица советской власти и изменить предвзятое и негативное отношение к себе в обществе. Представители церкви, наряду с проявлением милосердия, старались сохранить в советском обществе православное сознание и религиозность. Иностранные государства, согласно мнению российских ученых, преследовали не только благотворительную цель, но и политическую. Представители АРА (Труبدель) делились своим мнением о мотивах благотворительности Америки в пользу голодающих граждан СССР в американских и советских СМИ: «...американская помощь – не благотворительность, а попытка загладить прошлое. Мы должны со стыдом помнить, что американское правительство тратило миллионы долларов на поддержку контрреволюционных пиратов в войне с русским народом. Американцы должны давать голодающим щедро!» [66. С. 2].

Образ советского благотворителя отождествлялся с представителями государственной, кооперативной торговли или рабочего класса. Его активная популяризация в СМИ 1920-х гг. играла важную роль в увеличении объемов благотворительной деятельности. Вопреки идеологическим установкам, отрицанию этого явления властью, можно наблюдать, как менялось ее отношение к данной деятельности в периоды обострения социальных проблем, а также отношение к людям, в нее вовлеченным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мировой рейтинг благотворительности (World Giving Index) фонда Чаритиз Эйд Фаундейшен (CAF). URL: <https://www.cafonline.org/about-us/publications/2019-publications/caf-world-giving-index-10th-edition> (дата обращения: 26.12.2019).
2. В России стали больше помогать незнакомым людям: вышел Мировой рейтинг благотворительности CAF. URL: <https://philanthropy.ru/analysis/2019/10/15/81407/> (дата обращения: 29.12.2019).
3. Чиянова Н. Благотворительность в эпоху пандемии: анализ ситуации. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391539> (дата обращения: 06.07.2020).
4. Иванов А. Россияне во время пандемии стали чаще жертвовать на благотворительность. URL: <https://secretmag.ru/news/rossiyane-vo-vremya-pandemii-stali-chashe-zhertvovat-na-blagotvoritelnost.htm> (дата обращения: 06.07.2020).
5. Ахмутханова З.А. Благотворительные фонды как источник финансирования социальной сферы в России // Инновационные технологии в науке и образовании : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15.01.2017). Т. 1. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 224–228.
6. Хакимов Р.Ш. Благотворительность как форма проявления социальной ответственности // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2018. Вып. 63, № 12 (422). С. 147–152.
7. Габдрахманова Р.А. Развитие благотворительности в России // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2012. № 2 (13). С. 99–108.
8. Карпова И.Е. История благотворительности и спонсорства в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 377–379.
9. Пантюхина Т. История развития благотворительности в России и на Амуре. URL: <http://www.dvncms.khv.ru/node/299> (дата обращения: 20.12.2019).
10. Аншакова Ю.Ю. Голод в начале 1920-х годов в Поволжье в документах Американской Администрации помощи // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 229–234.
11. Винокуров А.Н. Итоги голодной кампании // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 6–8.
12. Punch: almanack. Vol. CLX–CLXI (160–161). London, 1921. 1128 p.
13. Пайпс Р. Русская революция: в 3 т.: [пер. с англ.] / Р. Пайпс. М. : РОССПЭН, 1994.

14. Внутривластные дискуссии 1920-х годов. Дискуссия 1923 года (продолжение): «заявление 46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б) 15 октября 1923 года // Известия ЦК КПСС. М., 1990. № 6(305). С. 189–191.
15. Форд отпускает тракторы в кредит: в Америке закуплено 10 000 тракторов // Советская Сибирь. Новосибирск, 1925. № 284. 4 с.
16. Калинин М. Год работы // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 3–5.
17. Моргенштерн М.М. 15 месяцев голодного фронта // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 9–22.
18. Семашко Н. Дети и голод // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 31–36.
19. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. 499 с.
20. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 410.
21. ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 357.
22. Grimасы голода // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 990. 4 с.
23. Трупы // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 987. 4 с.
24. Халатов А. Государственная семенная помощь голодающим // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 73–82.
25. Америка голодающим // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 976. 4 с.
26. На голодном фронте. Помощь АРА // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 988. 4 с.
27. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1.
28. Пожертвования в Последгол // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 56. 4 с.
29. По городу. Материальный фонд Последгола // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 58. 4 с.
30. Наша помощь голодающим // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 973. 4 с.
31. Фонд одной папироски // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 986. 4 с.
32. В фонд одной папироски // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 990. 4 с.
33. Шефство // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 988. 4 с.
34. По телефону // Красное знамя. Тюмень, 1929. № 254. 4 с.
35. Как будем праздновать 12 годовщину Октября? // Красное знамя. Тюмень, 1929. № 250. 4 с.
36. ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260.
37. Как идет помощь детям // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 152. 4 с.
38. День Красного студента // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 10. 4 с.
39. День детского городка имени В.И. Ленина // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 119. 4 с.
40. Сотрудники ГУМа помогли ленинградцам // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 228. 4 с.
41. Праздничная торговля // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 72. 4 с.
42. Детскому городку от кооперации // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 214. 4 с.
43. Помощь детям // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 160. 4 с.
44. Тюменский день. Мелочи жизни: нэпман женится // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 37. 4 с.
45. Из писем читателей: тоже благотворительность // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 14. 4 с.
46. Поможем беспризорным детям: наши взносы и вызовы // Трудовой набат. Тюмень, 1926. № 56. 4 с.
47. На вызов редакции // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 240. 4 с.
48. По вызову братьев Вилькер // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 244. 4 с.
49. По Тюмени. Эксплуатируют // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 128. 4 с.
50. Народное просвещение. Следует помочь // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 60. 4 с.
51. Марченко А.Н. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в советском государстве (1918–1964-е годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. История. Вып. 24, № 15 (116). С. 118–132.
52. На борьбу с голодом. Хлеб на церковное золото // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 988. 4 с.
53. Наша помощь голодающим // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 976. 4 с.
54. На голодном фронте // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 977. 4 с.
55. Итоги работы Помгола // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 1. 4 с.
56. Козлов Ф.Н. Голод 1921–1922 годов и изъятие церковных ценностей в Чувашии. Чебоксары : Новое время, 2011. 176 с.
57. Ленин В.И. Социализм и религия // Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 12. 575 с.
58. Буслаева Г.Б. Российские благотворительные знаки времен Первой Мировой войны в коллекции П.Л. Драверта // Первые Ядринцевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева. Омск, 2012. С. 207–210.
59. Буслаева Г.Б. Советские благотворительные знаки в собрании П.Л. Драверта // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2019. № 22. С. 129–135.
60. Нужно построить реформаториум: детская беспризорность порождает детскую преступность // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. № 294. 10 с.
61. На помощь Красному Ленинграду // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. № 263. 10 с.
62. Забота о народном просвещении. Помогите школьникам. Помощь студенчеству // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. № 263. 10 с.
63. В пользу безработных // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1925. № 284. 10 с.
64. Наш ответ Чемберлену // Красное знамя. Тюмень, 1927. № 144. 4 с.
65. Радиоволнами: свяжем страну с Дальневосточным краем // Красное знамя. Тюмень, 1929. № 274. 4 с.
66. Американец о советской России // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 980. 4 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июля 2020 г.

“Soviet Charity” in the 1920s (On the Example of Provincial Tyumen): Scientific Myths and Reality

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 139–150.

DOI: 10.17223/15617793/471/17

Olesya O. Korsukova, Library and Museum Complex of the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: o.o.korsukova@utmn.ru

Keywords: charity; NEP; famine; child homelessness; donations to charity.

It is well established in Russian historiography that there was no charity in Soviet Russia. Modern researchers (A. Kovalev, I.K. Vysotskiy, A.N. Marchenko, et al.) dispute this thesis and give reasons for the existence of charity in this period. The author of the article, supporting the new scientific endeavor, aims at proving (on the example of provincial Tyumen) that social problems caused by the revolution of 1917, the Civil War, and the famine at the beginning of the 1920s stimulated not only the development of state social support of people, but also the development of charity during the NEP period. In the course of a historiographic analysis the author defines the main scientific myths based upon the denial of “Soviet charity”. A case study of the information found in archives

and media sources of the 1920s allows the author to dispel these myths and come to the conclusions that Soviet charity during the NEP period is a successful symbiosis of pre-revolutionary philanthropy and state social support of people through which the authorities successfully solved problems in the social sphere. The author pays special attention to exploring the charity of the USA and European states in the USSR during the famine period at the beginning of the 1920s. The assistance of capitalist countries in the fight against the famine was timely and saved lives of millions of Soviet citizens. This fact allows refuting the assertion, common among researchers, that, after 1917, all social problems in the USSR were solved solely by the Soviet authorities. In the course of the research, the author also disputes the thesis about the loss of all pre-revolutionary charity traditions in Soviet Russia. The provincial Siberian town had strong traditions of patronage until 1917. Many of them formed the basis of charity campaigns in Tyumen. The press was the main driver for the development of charity, as it covered the acts of charity and urged to help the people in need.

REFERENCES

1. *CAF World Giving Index*. [Online] Available from: <https://www.cafonline.org/about-us/publications/2019-publications/caf-world-giving-index-10th-edition> (Accessed: 26.12.2019).
2. Philanthropy.ru. (2019) *V Rossii stali bol'she pomagat' neznakomym lyudyam: vyshel Mirovoy reyting blagotvoritel'nosti CAF* [In Russia, they began to help strangers more: the CAF World Giving Rating has been released]. [Online] Available from: <https://philanthropy.ru/analysis/2019/10/15/81407/> (Accessed: 29.12.2019).
3. Chiyanova, N. (2020) *Blagotvoritel'nost' v epokhu pandemii: analiz situatsii* [Charity in the era of the pandemic: an analysis of the situation]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4391539> (Accessed: 06.07.2020).
4. Ivanov, A. (2020) *Rossiyanе vo vremya pandemii stali chashche zhertvovat' na blagotvoritel'nost'* [During the pandemic, Russians began to donate to charity more often]. [Online] Available from: <https://secretmag.ru/news/rossiyanе-vo-vremya-pandemii-stali-chashe-zhertvovat-na-blagotvoritel'nost.htm> (Accessed: 06.07.2020).
5. Akhmutkhanova, Z.A. (2017) [Charitable foundations as a source of financing the social sphere in Russia]. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative technologies in science and education]. Proceedings of the International Conference. Cheboksary. 15 January 2017. Vol. 1. Cheboksary: TsNS "Interaktiv plus". pp. 224–228. (In Russian).
6. Khakimov, R.Sh. (2018) Charity as a Form of Social Responsibility. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 63:12 (422). pp. 147–152. (In Russian).
7. Gabdrakhmanova, R.A. (2012) Razvitie blagotvoritel'nosti v Rossii [Development of charity in Russia]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta*. 2 (13). pp. 99–108.
8. Karpova, I.E. (2013) Istoriya blagotvoritel'nosti i sponsorstva v Rossii [History of charity and sponsorship in Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 4. pp. 377–379.
9. Pantyukhina, T. (2006) *Istoriya razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii i na Amure* [The history of the development of charity in Russia and in the Amur region]. [Online] Available from: <http://www.dvncms.khv.ru/node/299> (Accessed: 20.12.2019).
10. Anshakova, Yu.Yu. (2011) Golod v nachale 1920-kh godov v Povolzh'e v dokumentakh Amerikanskoy Administratsii pomoshchi [Famine in the early 1920s in the Volga region in the documents of the American Relief Administration]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk*. 13 (3). pp. 229–234.
11. Vinokurov, A.N. (1922) Itogi golodnoy kampanii [Results of the anti-famine campaign]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i otchetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 6–8.
12. *Punch* (London). (1921) The Almanack issue. 160–161.
13. Pipes, R. (1994) *Russkaya revolyutsiya: v 3 t.* [The Russian Revolution: in 3 volumes]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
14. *Izvestiya TsK KPSS*. (1990) Vnutripartiynye diskussii 1920-kh godov. Diskussiya 1923 goda (prodolzhenie): "zayavlenie 46-ti" v Politbyuro TsK RKP(b) 15 oktyabrya 1923 goda [Intra-party discussions of the 1920s. Discussion of 1923 (continued): The Statement of 46 in the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) on October 15, 1923]. 6 (305). pp. 189–191.
15. *Sovetskaya Sibir'* (Novosibirsk). (1925) Ford otpuskaet traktory v kredit: v Amerike zakupleno 10 000 traktorov [Ford sells tractors on credit: 10,000 tractors were purchased in America]. 284.
16. Kalinin, M. (1922) God raboty [A year of work]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i otchetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 3–5.
17. Morgenshtern, M.M. (1922) 15 mesyatsев golodnogo fronta [15 months of the famine front]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i otchetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 9–22.
18. Semashko, N. (1922) Deti i golod [Children and famine]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i otchetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 31–36.
19. Pomgol. (1922) *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i otchetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK.
20. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1. List 1. File 410.
21. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1. List 1. File 357.
22. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Grimasy goloda [Grimaces of famine]. 990.
23. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Trupy [Corpses]. 987.
24. Khalatov, A. (1922) Gosudarstvennaya semennaya pomoshch' golodayushchim [State aid with seeds to the starving]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i otchetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 73–82.
25. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Amerika golodayushchim [America to the starving]. 976.
26. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Na golodnom fronte. Pomoshch' ARA [On the famine front. ARA helps]. 988.
27. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 20. List 1. File 1.
28. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Pozhertvovaniya v Posledgol [Donations to Posledgol]. 56.
29. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Po gorodu. Material'nyy fond Posledgola [Around the city. Material Fund of Posledgol]. 58.
30. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Nasha pomoshch' golodayushchim [Our help to the starving]. 973.
31. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Fond odnoy papiroski [The one cigarette foundation]. 986.
32. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) V fond odnoy papiroski [For the one cigarette foundation]. 990.
33. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Shefstvo [Patronage]. 988.
34. *Krasnoe znamya* (Tyumen). (1929) Po telefonu [On the phone]. 254.
35. *Krasnoe znamya* (Tyumen). (1929) Kak budem prazdnovat' 12 godovshchinu Oktyabrya? [How will we celebrate the 12th anniversary of the October Revolution?]. 250.
36. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1. List 1. File 260.
37. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Kak idet pomoshch' detyam [The state of help for children]. 152.
38. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Den' Krasnogo studenta [Day of the Red student]. 10.
39. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Den' detskogo gorodka imeni V.I. Lenina [Day of the children's town named after V.I. Lenin]. 119.

40. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Sotrudniki GUMa pomogli leningradtsam [GUM employees helped Leningraders]. 228.
41. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Prazdnichnaya trgovlya [Holiday trade]. 72.
42. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Detskomu gorodku ot kooperatsii [To the children's town from cooperatives]. 214.
43. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Pomoshch' detyam [Help for children]. 160.
44. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Tyumenskiy den'. Melochi zhizni: nepman zhenitsya [Tyumen day. Little things in life: A NEPman is getting married]. 37.
45. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Iz pisem chitateley: tozhe blagotvoritel'nost' [From readers' letters: also charity]. 14.
46. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1926) Pomozhem besprizornym detyam: nashi vzosy i vyzovy [Let's help homeless children: our contributions and challenges]. 56.
47. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Na vyzov redaktsii [To the editors' call]. 240.
48. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Po vyzovu brat'ev Vil'ker [Called by the Wilker brothers]. 244.
49. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Po Tyumeni. Ekspluatiruyut [In Tyumen. Exploitation]. 128.
50. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Narodnoe prosveshchenie. Sleduet pomoch' [Public education. One should help]. 60.
51. Marchenko, A.N. (2008) Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v sovetskom gosudarstve (1918–1964-e gody) [Charitable activities of the Russian Orthodox Church in the Soviet state (1918–1964)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 24;15 (116). pp. 118–132.
52. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Na bor'bu s golodom. Khleb na tserkovnoe zoloto [To fight the famine. Bread for church gold]. 988.
53. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Nasha pomoshch' golodayushchim [Our help to the starving]. 976.
54. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Na golodnom fronte [At the famine front]. 977.
55. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Itogi raboty Pomgola [The results of Pomgol's work]. 1.
56. Kozlov, F.N. (2011) *Golod 1921–1922 godov i iz'yatie tserkovnykh tsennostey v Chuvashii* [The famine of 1921–1922 and the seizure of church valuables in Chuvashia]. Cheboksary: Novoe vremya.
57. Lenin, V.I. (1968) Sotsializm i religiya [Socialism and Religion]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Moscow: GIPL.
58. Buslaeva, G.B. (2012) [Russian charity signs from the First World War in the collection of P.L. Dravert]. *Pervye Yadrintsevskie chteniya* [The first Yadrintsev readings]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 207–210. (In Russian).
59. Buslaeva, G.B. (2019) Soviet charity signs in the collection of P.L. Dravert. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 22. pp. 129–135. (In Russian).
60. *Sovetskaya Sibir'* (Novonikolaevsk). (1924) Nuzhno postroit' reformatorium: detskaya besprizornost' porozhdaet detskuyu prestupnost' [It is necessary to build a reformatory: child homelessness breeds juvenile delinquency]. 294.
61. *Sovetskaya Sibir'* (Novonikolaevsk). (1924) Na pomoshch' Krasnomu Leningradu [Helping the Red Leningrad]. 263.
62. *Sovetskaya Sibir'* (Novonikolaevsk). (1924) Zabota o narodnom prosveshchenii. Pomogite shkol'nikam. Pomoshch' studenchestvu [Concern for public education. Help pupils. Help for students]. 263.
63. *Sovetskaya Sibir'* (Novonikolaevsk). (1925) V pol'zu bezrabotnykh [For the unemployed]. 284.
64. *Krasnoe znamya* (Tyumen). (1927) Nash otvet Chamberlenu [Our response to Chamberlain]. 144.
65. *Krasnoe znamya* (Tyumen). (1929) Radiovolnami: svyazhem stranu s Dal'nevostochnym kraem [By radio waves: we will connect the country with the Far Eastern region]. 274.
66. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Amerikanets o sovetskoy Rossii [An American on Soviet Russia] 980.

Received: 30 July 2020

А.В. Маклюков

КРУПНОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В СЕРЕДИНЕ 1960–1980-х гг.

Рассматривается исторический опыт крупного энергетического строительства на Дальнем Востоке СССР в середине 1960–1980-х гг. Показано, что строительство мощных электростанций осуществлялось в регионе со значительными трудностями, связанными с суровыми природно-климатическими условиями, слабой развитостью стройиндустрии, ограниченностью трудовых и материально-технических ресурсов. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период удалось создать единую энергосистему юга Дальнего Востока и энергетическую инфраструктуру, на которой базируется современная региональная электроэнергетика.

Ключевые слова: энергетическое строительство; электростанции; электрификация; электроэнергия; Дальний Восток; СССР

Динамичное экономическое развитие Дальнего Востока в середине 1960–1980-х гг. сопровождалось крупным энергетическим строительством, которое стало ключевым фактором электрификации и модернизации промышленности, транспорта, сельского и городского хозяйства региона. Строительство мощных электростанций осуществлялось здесь со значительными трудностями, связанными с суровыми природно-климатическими условиями, отдаленностью строек от индустриально развитых районов СССР, недостаточной развитостью местной стройиндустрии, ограниченностью трудовых и материально-технических ресурсов. Тем не менее в рассматриваемый период на Дальнем Востоке удалось создать мощную и современную энергетическую инфраструктуру.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Правительство РФ в рамках дальневосточной политики сейчас разработало новую модель экономического развития региона, которая предусматривает модернизацию электроэнергетики, строительство новых электростанций, ликвидацию дефицита электроэнергии, электрификацию восточного участка Байкало-Амурской магистрали. Анализ советского опыта крупного энергетического строительства позволяет определить условия, особенности и специфику создания энергетической инфраструктуры, ставшей основой для развития региональной электроэнергетики в 1990–2020-е гг.

Некоторые аспекты энергетического строительства на Дальнем Востоке рассматривались в работах советских и современных авторов в контексте социально-политической и экономической истории страны, Сибири, дальневосточных субъектов, истории отдельных энергосистем и предприятий [1–12]. В целом в литературе накоплен фактический материал по данной теме, но специальным предметом исследования она не была.

Методологической основой исследования являются традиционные исторические методы, а также метод системного анализа, позволяющий рассматривать крупное энергетическое строительство на Дальнем Востоке как элемент государственной политики по ускоренному развитию производительных сил региона.

Исследование опирается на корпус неопубликованных источников, выявленных в фондах федеральных (РГАЭ, ГАРФ, РГАСПИ, РГАНИ) и региональных (ГААО, ГАХК, ГАПК) архивов. Основными видами документов, изученными в данных архивах, являются годовые отчеты треста «Дальэнергострой», управления «ЗеяГЭСстрой», аналитические записки СОПС Госплана СССР и АН СССР, отчеты районных энергетических управлений, постановления ЦК КПСС и Совмина СССР, приказы Минэнерго СССР, протоколы пленумов дальневосточных крайкомов и обкомов КПСС, региональных органов власти, касающиеся энергетического строительства и развития электроэнергетики Дальнего Востока в рассматриваемый период.

Электроэнергетика на Дальнем Востоке являлась самой отсталой отраслью промышленности. Энергетическая инфраструктура в регионе создавалась в специфических условиях, характеризовавшихся суровой природой и сложным климатом, слабой заселенностью и хозяйственной неосвоенностью территории, ее удаленностью от индустриально развитых районов СССР, ограниченностью трудовых и материально-технических ресурсов. Первые две мощные электростанции (Артемовская ГРЭС, Комсомольская ТЭЦ-2) в регионе построили в 1930-е гг., еще пять (Комсомольская ТЭЦ-1, Сучанская ГРЭС, Хабаровская ТЭЦ, Райчихинская ГРЭС, Южно-Сахалинская ГРЭС) – в 1950-е – середине 1960-х гг. Энергетическое строительство на Дальнем Востоке обходилось в 1,4 раза дороже в южных и в 2–3 раза в северных районах, чем в европейской части СССР [13. Л. 16]. В то же время наряду с современными построенными электростанциями к 1966 г. в регионе работало еще 7 300 мелких и некомпичных, в результате чего себестоимость местной электроэнергии была в 3–6 раз выше, чем в среднем по РСФСР. На душу населения в 1964 г. производилось 1530,6 кВт×ч электроэнергии, против 2002,2 кВт×ч в среднем по СССР. Энерговооруженность труда в дальневосточной промышленности составляла лишь 73% от среднего по РСФСР. Дефицит электроэнергии достигал катастрофических масштабов и тормозил социально-экономическое развитие региона [14. С. 8; 15. Л. 3, 15; 16. Л. 2].

Основная причина слабого уровня развития дальневосточной электроэнергетики заключалась в том, что в отличие от Сибири и Казахстана, на Дальнем Востоке строили только тепловые электростанции, работающие на угле и нефтепродуктах. В то же время, по данным АН СССР, на 1965 г. здесь размещалось 36% потенциальных и 6% разведанных энергетических ресурсов страны, в том числе 33,9% запасов гидроэнергетических ресурсов [16. Л. 8]. Экономисты отмечали, что решения съездов КПСС по развитию производительных сил Дальневосточного экономического района остаются невыполнимыми, потому что «не опираются на осевую конструктивную идею, подобно задаче создания в Казахстане и Восточной Сибири энергоемких производств и мощных центров производства электроэнергии» [13. Л. 18].

В декабре 1964 г. Совет по изучению производительных сил Госплана СССР и АН СССР разработал «Схему развития и размещения производительных сил Дальнего Востока на 1966–1970 гг.», в которой предлагал сделать упор на крупном энергетическом строительстве на базе использования запасов местных дешевых углей и освоении гидроэнергетических ресурсов. В новое энергостроительство намечалось вложить 680 млн руб., направленных в первую очередь на строительство Зейской ГЭС, Приморской ГРЭС и Владивостокской ТЭЦ-2. Кроме того, планировалось ввести 2 450 км высоковольтных линий электропередач и к 1970 г. связать в единую энергосистему южные районы Дальнего Востока – Амурскую область, Хабаровский и Приморский края [16. Л. 17–24].

Крупнейшим объектом энергетического строительства на Дальнем Востоке стала Зейская ГЭС в Амурской области. Идея строительства гидроузла на р. Зейя для борьбы с наводнениями появилась еще в 1930-е гг. и лишь в 1950-е гг. институт «Гидроэнергопроект» разработал проект Зейской ГЭС, получивший поддержку ученых АН СССР [17. С. 108, 114]. Ряд неоднозначных факторов оттянул правительственное решение по строительству станции, ее не включили в семилетний план развития народного хозяйства Дальнего Востока. 23 сентября 1961 г. Госэкономсовет СССР рассмотрел вопрос о сроках начала строительства Зейской ГЭС и поручил Совмину СССР и Минэнерго СССР приступить к работам в 1965 г. Но 24 ноября 1962 г. Минэнерго СССР направило докладную записку в ЦК КПСС с предложением ускорить начало строительства спроектированных ГЭС для ввода новых энергомощностей для предотвращения роста энергодефицита [18. Л. 6, 62–63]. Согласно постановлению Совмина СССР № 1210 от 7 декабря 1963 г. сроки сооружения Зейской ГЭС сдвигались на 1 апреля 1964 г. [19. Л. 78].

Приказом Минэнерго СССР № 81 от 22 февраля 1964 г. образованы дирекция и управление строительства ЗейГЭСстрой. Штат управления укомплектовали опытными инженерами-строителями с Братской ГЭС. Начальником строительства назначили А.М. Шохина, главным инженером В.В. Конько [20. Л. 6]. Первые гидростроители прибыли на р. Зейя в марте 1964 г., а к концу 1968 г. их коллектив насчитывал 2 331 челове-

ка, не считая рабочих подрядных организаций. Это были опытные строители, выполнившие работы по сооружению в Сибири Кременчугской ГЭС, Красноярской ГЭС, Мамаканской ГЭС и Вилуйской ГЭС. Прибыло немало молодых людей по призыву ЦК ВКЛСМ. За 1966–1969 гг. в ЗейГЭСстрое обучили строительным профессиям 1 059 молодых человек. К 1970 г. на всех строительных объектах по сооружению Зейского гидроузла было задействовано 8 тыс. человек [21. Л. 45; 22. Л. 173].

Строительство Зейской ГЭС начиналось в неосвоенном районе северо-востока Приамурья, где полностью отсутствовали какие-либо предприятия, стройиндустрия и коммуникации. Программа строительно-монтажных работ на 1964–1969 г. предусматривала решение следующих задач: 1) строительство объектов перевалочной базы на железнодорожной станции Транссиба Тыгда в 120 км от площадки ГЭС и автодороги Тыгда – Зейя; 2) строительство комплекса производственной базы и жилищного поселка гидростроителей в г. Зейя в 3 км от площадки ГЭС; 3) укомплектование строек кадрами, строительными механизмами и необходимыми материалами. Согласно схеме завоза материалов и оборудования 60% грузов от Транссиба доставлялось по автодороге Тыгда – Зейя и 40% по р. Зейя в период навигации [19. Л. 52, 54].

Природно-климатические условия для строительства Зейской ГЭС оказались крайне сложными. В марте 1964 г. на ст. Тыгда началось устройство перевалочной базы, но уже в июне все работы прекратили из-за оттаивания грунта и расхождения фундамента. В августе 1964 г. обильное выпадение осадков вызвало наводнение в поймах рек Зейя и Уркан, в результате дорога Тыгда – Зейя оказалась полностью размыта. В декабре начались устойчивые морозы свыше –40°. С самого начала выявились серьезные недостатки проектных разработок, в итоге произошло увеличение сметной стоимости работ в 3 раза – с 141 млн до 424 млн руб. [19. Л. 68; 23. Л. 19]. Отсутствие опыта строительства ГЭС в суровых условиях заставило институт «Гидроэнергопроект» полностью переработать проектное задание, а в 1966–1969 гг. перепроектировать плотину ГЭС. Согласно утвержденному в 1971 г. техническому проекту выбиралась бетонная плотина в массивно-контрфорсном варианте, ее высота определялась в 115 м, длина по гребню – 714 м, объем бетона – 2 200 тыс. м³ [21. Л. 1].

Развернувшееся строительство Зейской ГЭС на Дальнем Востоке объявлялось ЦК КПСС экспериментально-показательным [20. Л. 2]. Тем не менее ежегодно на пленумах Амурского обкома КПСС обсуждались проблемы, связанные с плохим техническим оснащением стройки, нехваткой строительных материалов и оборудования, несвоевременной доставкой грузов, дефицитом квалифицированных кадров. Так, в 1967 г. на строительстве было задействовано 22 экскаватора, 19 бульдозеров, 89 самосвалов и 48 автомашин. Однако этой техники, часто находившейся в ремонте, едва ли хватало для выполнения плановых работ [24. Л. 160, 278]. Только 30 января 1970 г. началась первая укладка бетона в плотину ГЭС, спустя 6 лет после начала строитель-

ства. К этому времени в эксплуатацию сдали 129 объектов строительного хозяйства: бетонный завод, домостроительный комбинат, дизельную электростанцию 1500 кВт, аэродром, мост через р. Уркан длиной 250 м, стоянки строймеханизмов, склады и т.д. Построили 31,5 тыс. м² крупнопанельного жилья для гидростроителей. На площадке основных сооружений разработали 120,0 тыс. м³ рыхлых и 110,0 тыс. м³ скальных грунтов, что обеспечило возможность развертывания бетонных работ по основным сооружениям гидроузла [22. Л. 173–176; 24. Л. 287].

13 октября 1972 г. р. Зeya была перекрыта с двух берегов, работы выполнили 70 мощных самосвалов, 4 экскаватора и 10 кранов. 12 июня 1973 г. началась укладка первого бетона в здание ГЭС [9. С. 32]. В то же время освоение капиталовложений на строительство происходило медленно. Из общего объема выделенных средств на 1973 г. было освоено 28%, на 1974 г. – 36%, на 1975 г. – 46%, на 1976 г. – 60%. Так, из-за недостатка материалов, машин и механизмов, объем строительно-монтажных работ за 1974 г. ЗейГЭСстрой выполнила только на 84,6% [23. Л. 19; 25. Л. 10, 32; 26. Л. 35].

Несмотря на все трудности, только за 1975 г. в плотину ГЭС залили рекордных 160 361 м³ гидротехнического бетона, что позволило специализированным организациям «Гидромонтаж» и «Гидроэлектромонтаж» выполнить работы по установке первого гидроагрегата. Диагонально-лопастная гидротурбина № 1 мощностью 215 МВт была специально изготовлена на Ленинградском металлическом заводе. Остальные агрегаты, изготовленные этим же заводом, с небольшой задержкой доставляли на ГЭС позже [27. Л. 18, 62, 64, 87]. 18 августа 1975 г. началось заполнение Зейского водохранилища, к 13 октября была достигнута отметка 268 м. 27 ноября 1975 г. в 14 часов 06 минут первый гидроагрегат поставили под промышленную нагрузку. Для станции

подготовили производственный персонал путем командировок строителей и рабочих на Красноярскую и Братскую ГЭС, а инженеров в Ленинградский политехнический институт и учебный комбинат в г. Иркутск. На 1 января 1976 г. на Зейской ГЭС работали 221 человек, в том числе 102 инженера и 85 рабочих [28. Л. 8; 29. Л. 6. Л. 12].

По случаю пуска первого гидроагрегата в адрес коллектива Зейской ГЭС ЦК КПСС и Совмин СССР прислали телеграмму со словами: «Начал работать на коммунизм крупный гидроузел, который позволит ускорить развитие производительных сил Дальнего Востока, обеспечить дешевой электроэнергией предприятия, совхозы и колхозы, строительство Байкало-Амурской магистрали» [27. Л. 223].

В 1976–1980 гг. вводятся в эксплуатацию остальные пять гидроагрегатов Зейской ГЭС, последняя гидротурбина № 6 встала в строй 28 июня 1980 г. В итоге ГЭС начала работать на полную проектную мощность – 1 290 МВт. С запуском последнего агрегата коллектив ЗейГЭСстрой поздравил лично Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. 993 гидростроителя за самоотверженный труд были награждены орденами и медалями СССР. В 1982 г. основные объемы работ по сооружению Зейского гидроузла были закончены. На 1 января 1984 г. стоимость выполненных работ по Зейской ГЭС составила 398 млн руб., на 7% меньше полной сметной стоимости [20. Л. 11, 172; 30. Л. 25].

В результате простроенная Зейская ГЭС стала самой мощной электростанцией на Дальнем Востоке и основным производителем электроэнергии в Амурской области. Она давала до 74–75% годовой выработки электроэнергии в энергосистеме Амурэнерго (см. табл. 1). Зейская ГЭС также улучшила технико-экономические показатели работы Амурэнерго, снизила себестоимость производства электроэнергии в 1,7 раза, увеличила производительность системы в 2 раза [31. Л. 70].

Таблица 1

Производство электроэнергии на Зейской ГЭС в 1976–1985 гг., млн кВт·ч
[32. Л. 18; 33. Л. 3; 34. Л. 8]

Производство электроэнергии предприятиями РЭУ Амурэнерго	1976 г.	1978 г.	1980 г.	1982 г.	1984 г.	1985 г.
Всеми	2 194,6	3 205,3	4 212,5	5 745,3	7 155,2	6 857,0
Зейской ГЭС	699,4	2 112,9	3 122,6	3 511,5	5 090,7	5 091,9
Удельный вес Зейской ГЭС, %	31	65	74	61	71	74

Строительство тепловых электростанций на Дальнем Востоке осуществлял трест «Дальэнергострой Минэнерго СССР». К 1970 г. он имел в своем составе 11 строительно-монтажных и специализированных управлений в 5 дальневосточных субъектах. Промышленная база треста включала два завода: металлоконструкций и котельно-вспомогательного оборудования (г. Хабаровск); железобетонных изделий (г. Спасск). Благодаря углублению специализации строительства, автоматизации и механизации производственных процессов трест «Дальэнергострой» в 1960-е гг. превратился в крупную строительную организацию на Даль-

нем Востоке. Только за 1966–1970 гг. он ввел в эксплуатацию в общей сложности 30 турбогенераторов суммарной мощностью 1 273 МВт, что почти в 1,5 раза превышало мощности всех построенных ранее электростанций за 15 лет работы треста [5. С. 9–12].

Во второй половине 1960-х – 1980-е гг. крупнейшими энергетическими объектами для треста «Дальэнергострой» стали Приморская ГРЭС и Владивостокская ТЭЦ-2 в Приморском крае (табл. 2). В 1971–1979 гг. правительство на строительство этих и других объектов электроэнергетики выделило 248 млн руб. [40. С. 95].

Технико-экономические показатели работы треста «Дальэнергострой» за 1965–1980 гг.
[25. Л. 32; 26. Л. 35; 35. Л. 1, 74, 101; 36. Л. 8, 9, 71, 106; 37. Л. 7, 70, 104; 38. Л. 8, 128; 39. Л. 3, 12, 84, 108]

Показатель	1965 г.	1970 г.	1973 г.	1977 г.	1980 г.
Объем строительно-монтажных работ, тыс. руб., в т.ч.:	41 940	66 300	59 700	64 500	61 200
СУ Приморской ГРЭС,	–	7 880	11 400	9 600	7 400
СУ Владивостокской ТЭЦ-2	–	12 500	7 800	3 500	–
План выполненных строительно-монтажных работ, %, в т.ч.:	134	240	Не выполнен	Не выполнен	Не выполнен
СУ Приморской ГРЭС,	–	84	Не выполнен	Не выполнен	Не выполнен
СУ Владивостокской ТЭЦ-2	–	100	Выполнен	Выполнен	Выполнен
Наличие тяжелой строительной техники всего:	199	213	236	–	304
экскаваторов,	55	55	58	–	75
бульдозеров,	51	64	70	–	102
кранов разных типов.	93	101	108	–	127
В т.ч. в СУ Приморской ГРЭС всего,	–	58	76	–	70
СУ Владивостокской ТЭЦ-2 всего	–	32	12	–	–
Численность работников всего, чел., в т.ч.:	6 812	6 475	8 230	6 930	6 368
СУ Приморской ГРЭС,	–	1 150	1 240	–	844
СУ Владивостокской ТЭЦ-2	105	646	512	–	329

Трест «Дальэнергострой» оказался практически не готов к крупному строительству. Слабость стройиндустрии, нехватка и моральная устарелость строительных машин и механизмов, дефицит рабочих кадров, слабая организация строительства, низкое качество выполняемых работ, несвоевременная поставка оборудования стали причинами того, что с 1970-х гг. Дальэнергострой перестал выполнять планы строительно-монтажных работ. Вопросы его неудовлетворительной работы неоднократно обсуждались на совещаниях различного уровня, но проблемы не решались. Для выполнения поставленных объемов требовалось увеличить в 1,8 раза мощность треста (с 60 млн до 100 млн руб. освоения в год) [41. Л. 35]. Серьезной оказалась проблема отсутствия в регионе базы по ремонту строительной техники. Приморский крайком КПСС неоднократно обращался в ЦК КПСС и Совмин СССР с просьбой обязать Минэнерго СССР построить в г. Уссурийск завод по капитальному ремонту строительных машин для треста «Дальэнергострой», но получал отказы из-за ограничения капитальных средств [42. Л. 31, 36].

Сложным объектом строительства стала Приморская ГРЭС. Проектирование мощнейшей электростанции на севере Приморского края на базе Бикинского угольного месторождения началось в 1958 г. Ростовским отделением института «Теплоэлектропроект» ГРЭС должна была обеспечить дешевой электроэнергией Приморский и Хабаровский края, связать в одну энергосистему эти два субъекта, создать базу для электрификации Транссиба. Госплан РСФСР в 1960 г. включил строительство Приморской ГРЭС в семилетний план и наметил сроки ввода первого агрегата на 1965 г. [43. Л. 150]. Работы по изысканию и проектированию оказались сложными. В 1962–1964 гг. их выполнило Новосибирское отделение института «Теплоэлектропроект», и только 13 апреля 1965 г. Минэнерго СССР утвердило проектное задание Приморской ГРЭС. В 1965–1970 гг. проектные работы по электротехнической части были продолжены, в результате максимальную мощность ГРЭС довели до 1280 МВт [44. С. 33, 52].

На 1965 г. сметная стоимость сооружения Приморской ГРЭС составляла 86 млн руб., на 1970 г., после завершения проектирования, – 264 млн руб. Параллельно возведению ГРЭС с 1964 г. началось строительство Бикинского (Лучегорского) угольного разреза. На строительство поселка энергетиков, получившего в 1966 г. название Лучегорск, правительством выделялось еще 46 млн руб. К созданию крупнейшего на Дальнем Востоке топливно-энергетического комплекса на севере Приморья подключилось 15 союзных министерств. Согласно приказу Минэнерго СССР от 27 июня 1967 г. ввод первой турбины Приморской ГРЭС 100 МВт планировался на 1970 г. [23. Л. 18; 45. Л. 5, 1].

22 января 1965 г. была создана дирекция строительства Приморской ГРЭС, а 10 февраля 1966 г. строительное управление, в задачу которого входило возведение жилья для энергостроителей и сооружение тепловой электростанции. Директором назначили В.П. Зорина, главным инженером – С.А. Сайгога. Как и на Зейской ГЭС, работы начинались с нуля. На первом этапе создавалась строительная база и строилось жилье. За 1965–1968 гг. было освоено 7,8 млн руб., построено 106 домов общей площадью 4 447 м², проложено 13 км железнодорожных путей к стройплощадке. При этом промышленное строительство практически не велось. Созданный к концу 1967 г. промышленный участок имел всего 2 экскаватора. К 1968 г. в с/у Приморской ГРЭС трудилось 500 человек, из них 407 рабочих, 39 инженеров и 54 практика. Новостройку в значительной степени пополняли молодые кадры строителей комсомольских отрядов из Украины и Белоруссии [45. Л. 5–6; 46. Л. 1, 21].

В 1969 г. 1-й строительный участок приступил к возведению фундамента главного корпуса Приморской ГРЭС. К 1970 г. он пополнился строительной техникой, имел собственный полигон железобетонных изделий, бетонно-растворный, арматурный и лесообработывающий цеха. К земляным работам приступило специализированное управление «Дальэнергостоймеханизация» треста «Дальэнергострой», ему предстояло проложить искусственное русло канала от реки Контрвод и построить плотину будущей электростанции.

тростанции. Управление слабо обеспечили рабочей силой, не хватало самосвалов, 30% из имеющихся в наличии машин марок ЗИЛ-585 и МАЗ 205 из-за износа подлежали списанию. Первый секретарь Приморского крайкома КПСС В.Е. Чернышев неоднократно просил правительство выделить два шагающих экскаватора для ускорения работ, но получал отказы [45. Л. 6]. На 1 января 1970 г. из 56 млн руб., выделенных на пуск первой очереди станции, было освоено только 18,5 млн руб., или 33%, из общей сметы всего 7%. Таким образом, сорвались все правительственные сроки по возведению электростанции [36. Л. 8, 43; 47. Л. 9].

В 1971–1975 гг. основной упор при строительстве Приморской ГРЭС был сделан на возведение 144 объектов основного, вспомогательного и транспортного назначения. К 1973 г. на стройках трудилось 1 240 энергостроителей. В эти годы построили главный корпус с пристанционным узлом, дымовую трубу, насосную, кислородную и компрессорную станции, корпус химводоочистки и т.д. За 1970–1975 гг. на строительстве уже освоили 72,8 млн руб., всего с начала возведения станции 91,3 млн руб., или 35% от общей сметы [26. Л. 35; 47. Л. 9]. В декабре 1973 г. под руководством начальника Главвостокэнерго Н.Я. Тарасова создали пусковой строительный штаб для подготовки к работе первого энергоблока Приморской ГРЭС. Энергетик А.И. Ким, работавший с 1972 г. на стройке, вспоминал этот период: «Работа на строительстве станции шла круглосуточно. И чем ближе подходил пусковой период, тем напряженнее становился ее ритм. Люди по 20 часов не уходили со своих рабочих мест. Пару-тройку часов на диванчике где-нибудь вздремнешь, и снова в бой» [11. С. 14].

15 января 1974 г. энергоблок 110 МВт дал первый ток, а 12 февраля 1974 г. Приморская ГРЭС вошла в разряд действующих электростанций Дальнего Востока. В течение 1975 г. в работу ввели второй и третий энергоблоки, а в 1977 г. – четвертый. Технический проект ГРЭС тогда пересмотрели в пользу установки новейших в СССР блоков, имевших в 2 раза больше мощности и обладавших более высоким коэффициентом полезного действия. Пятый новейший энергоблок 210 МВт ввели 18 декабря 1980 г. [48. Л. 10]. В 1982 г. пустили шестой энергоблок 210 МВт, в 1983 г. – седьмой, 4 апреля 1984 г. – последний восьмой. Фактически строительство Приморской ГРЭС в составе 8 энергоблоков мощностью 1 280 МВт к 1985 г. завершилось. Она стала второй по мощности крупной электростанцией Дальнего Востока после Зейской ГЭС [49. Л. 5].

Уникальным и передовым в советской энергостроительной практике стал проект Владивостокской ТЭЦ-2, утвержденный приказом Минэнерго СССР от 4 марта 1964 г. Сметная стоимость станции составляла 74,2 млн руб., из них 46,6 млн руб. – строительномонтажных работ [23. Л. 18]. Впервые в СССР в проекте применили способ использования морской воды для охлаждения турбин ТЭЦ. Вода подавалась по специальным тоннелям из Уссурийского залива, далее в подогретом состоянии сбрасывалась по р. Объяснения в бухту Золотой Рог, что сделало ее незамерзаю-

щей зимой. В марте 1965 г. в составе треста «Дальэнергострой» создали строительное управление ВТЭЦ-2, его директором назначили В.К. Козлова, главным инженером – В.А. Бокарева. Первые земляные работы на площадке началась в мае 1965 г. В 1967 г. приступили к сооружению главного корпуса станции, строительству первой дымовой трубы высотой 180 м, подъездных железнодорожных путей и других производственных объектов. Строительство Владивостокской ТЭЦ-2 шло высокими темпами. На 1 марта 1968 г. на возведении объекта трудилось 570 человек, к 1970 г. – 646. Строительно-монтажные работы проводились под руководством опытных энергостроителей страны – Е.И. Корылькова, В.Ф. Коренькова, А.П. Фурмана и др. [45. Л. 6; 50. Л. 1].

Пуск оборудования первой очереди Владивостокской ТЭЦ-2 планировался на 22 апреля 1970 г. к 100-летию юбилею со дня рождения В.И. Ленина. К началу 1970 г. строительство основных объектов первой очереди ВТЭЦ-2 было закончено, завершался монтаж турбины Т 100-300 Уральского турбомоторного завода. Точно в срок агрегаты ТЭЦ были включены в работу. 30 апреля 1970 г. первую турбину 100 МВт ввели в эксплуатацию. За успешную работу дирекцию строительства ВТЭЦ-2 и лучших энергостроителей премировали по 300–600 руб., а также наградили знаком «50 лет ГОЭЛРО». Приказом Минэнерго СССР от 14 мая 1970 г. № 72/к ВТЭЦ-2 вошла в число действующих предприятий [51. Л. 195, 168].

Быстрому возведению ВТЭЦ-2 способствовала в первую очередь развитая стройиндустрия г. Владивостока. К 1973 г. на строительно-монтажные работы освоили 100% сметных средств, к 1976 г. – еще свыше 14 млн руб. В 1972 г. пустили третий генератор ТВФ 100-2УЗ, в 1975, 1978 и 1984 гг. – еще 3 ТВФ 120-2УЗ. Всего с 1970 по 1984 г. было введено 6 агрегатов суммарной мощностью 575 МВт. ВТЭЦ-2 к 1985 г. стала третьей по мощности электростанцией на Дальнем Востоке. Она работала на углях Павловского разреза, Артемовских и Партизанских шахт [49. Л. 5; 52. Л. 6].

Необходимо отметить, что трестом «Дальэнергострой» и другими строительными организациями в середине 1960–1980-х гг. построены и другие крупные электростанции. В Магаданской области в 1970–1985 гг. велось строительство Колымской гидроэлектростанции 540 МВт, в Амурской области в 1976–1985 гг. – Благовещенской ТЭЦ 280 МВт, в Сахалинской области в 1969–1986 гг. – Южно-Сахалинской ТЭЦ-1 225 МВт, в Хабаровском крае в 1975–1985 гг. – Хабаровской ТЭЦ-3 (первый энергоблок 180 МВт). Также строились менее мощные, но уникальные предприятия, работающие на разных источниках энергии: в 1969–1984 гг. вступили в строй агрегаты Охинской газотурбинной теплоэлектростанции 86 МВт на Сахалине; в 1966–1974 гг. – Билибинской атомной электростанции 48 МВт на Чукотке; в 1962–1980 гг. – Паужетской геотермальной электростанции 11 МВт на Камчатке. В июле 1976 г. управление «ЗейГЭСстрой» начало строительство второй мощнейшей в регионе Бурейской ГЭС¹ [49. Л. 2–9; 53. Л. 50].

Итак, в результате крупного энергетического строительства изменилась структура электроэнергетики Дальнего Востока. Помимо электростанций, работающих на угле и нефтепродуктах, появились современные предприятия, использующие для выра-

ботки электричества гидроэнергию, дешевый уголь, газ, энергию атома и геотермальную энергию. В частности, к 1985 г. мощность гидроэлектростанций от суммарной по региону составляла уже 23% (табл. 3).

Таблица 3

Структура электроэнергетики Дальнего Востока на 1985 г., МВт [49. Л. 14]

Субъект	Суммарная мощность	В т.ч. Минэнерго СССР	Гидро-электрост.	Блочные электрост.	Тепло-электрост.	Конди-сационные электрост.	Газо-турбинные электрост.	Атомные электрост.
Приморский край	2 562,6			1 280	575	707,6		
Амурская область	1 830,3		1 290		295	245,3		
Хабаровский край	1 401,8	35		180	1 035,5	150,3	36	
Магаданская область	1 138,6	52,8	540		148	349,8		48
Сахалинская область	805	135			427	157	86	
Камчатская область	427,2				174	250,7	2,5	
Дальний Восток	8 165,5	222,8	1 830	1 460	2 654,5	1 860,7	124,5	48

Производство электроэнергии на Дальнем Востоке с 1965 по 1985 г. увеличилось с 9,3 млрд до 30,1 млрд кВт×ч, или в 3,2 раза, при этом по отдельным районам, в частности Амурской области – почти в 10 раз. В целом суммарная мощность электростанций региона за 1965–1985 гг. выросла с 1 598,7 до 8 165,5 МВт или более чем в 5 раз. За этот период за счет крупного строительства ввели 3 682 МВт [49. Л. 2–14]. Тем не менее преодолеть дефицит энерго-мощностей и производства электроэнергии в регионе так и не удалось. Темпы энергетического строительства значительно отставали от роста потребностей экономики. К 1990 г. дефицит энерго-мощностей в ОЭС Востока составлял 770 МВт [54. Л. 125].

Следует отметить, что государство в ходе создания энергетической инфраструктуры на Дальнем Востоке выделило значительные средства и на строительство высоковольтных линий электропередач (ВЛ). Только с 1965 по 1970 г. в Амурской области построили ВЛ 220 кВ 718 км, в Хабаровском крае – 556 км, в Приморском крае – 176 км [47. Л. 23]. Приказом Минэнерго СССР от 16 мая 1968 г. № 55а в г. Хабаровск создавалось Объединенное диспетчерское управление (ОДУ) Востока, начальником которого назначили директора Хабаровскэнерго Г.Г. Мамаджаниянца. Создание ОДУ Востока стало важным шагом для последующего включения Дальнего Востока в Единую энергосистему СССР и оперативного управления электроэнергетикой. В 1970 г. ВЛ 220 кВ Облучье – Райчихинская ГРЭС впервые соединила энергосистемы Амурской области и Хабаровского края [55. Л. 19].

Однако в целом электросетевое строительство на Дальнем Востоке значительно отставало от темпов ввода новых крупных электростанций, что приводило к запиранию их мощности. Так, в 1974 г. началось строительство первой в регионе ВЛ 500 кВ Зейская ГЭС – г. Свободный. Работы выполнялись подрядными организациями механизированными колоннами № 36 и № 103 треста Востоксибэлектрострой. Слабое оснащение техникой и машинами, особенно бурильными машинами и автокранами, несвоевременная поставка металлоконструкций привели к срыву

работ. Только к декабрю 1980 г. удалось достроить линию [27. Л. 262]. В августе 1979 г. началось строительство ВЛ 220 кВ Зейская ГЭС – ж/д ст. Верхнезейская для строящейся Байкало-Амурской магистрали. Строительство линии осуществлялось силами ЗейГЭСстроя с большими трудностями, износ автотранспорта достигал 84%, новая техника не поступала. В декабре 1982 г. ВЛ ввели в строй, и строительные объекты восточного участка БАМа стали централизованно получать электроэнергию [30. Л. 44].

В 1980–1983 гг. методом народной стройки вдоль Транссиба шло строительство ЛЭП 500 кВ Свободный – Хабаровск 650 км. В ноябре 1983 г. ввели в эксплуатацию электрическую подстанцию «Хабаровская». Между г. Хабаровск и Зейской ГЭС появился энерго-мост ВЛ 500 кВ длиной 1 000 км. К нему также подключились энергосети Приморского края. В 1985 г. энергосистема Дальнего Востока была соединена с единой электроэнергетической системой СССР. Это дало возможность централизованно контролировать энергетические мощности от Бреста до Владивостока [8. С. 304]. Только за 1987 г. Хабаровский край, ранее испытывающий острый дефицит электроэнергии, получил по энерго-мостам с Зейской ГЭС 1 507 млн кВт×ч и с Приморской ГРЭС 930 млн кВт×ч, что составляло 25% от суммарного электропотребления края [56. Л. 84].

Вводы в эксплуатацию Зейской ГЭС и Приморской ГРЭС, ВЛ 500 и 220 кВ, в первую очередь, позволили произвести масштабные работы по электрификации Транссиба. В 1981 г. на электрическую тягу перевели участок Архара – Хабаровск, а в 1983 г. участок Белогорск – Архара [57. Л. 52]. К 1989 г. электро-возы уже почти полностью ходили от Забайкалья до юга Приморского края. За 1985–1990 гг. дальневосточная железная дорога получила 7 042,2 млн кВт×ч электроэнергии на работу электро-возов. Железнодорожный транспорт стал крупнейшим потребителем электроэнергии на Дальнем Востоке [58. Л. 1].

Таким образом, крупное энергетическое строительство, несмотря на все трудности его реализации в районах Дальнего Востока, позволило включить самую восточную часть страны в единую энергосистему

СССР, связать мощной энергосетью Амурскую область, Хабаровский и Приморский края, обеспечить электроэнергией восточный участок БАМа и электрифицировать Транссиб. Дальневосточная электроэнергетика вышла на качественно новый уровень развития, что способствовало ускоренному экономиче-

скому подъему региона, модернизации промышленности и транспорта, повышению качества жизни дальневосточников. Созданная в середине 1960–1980-х гг. электроэнергетическая инфраструктура Дальнего Востока и по настоящее время остается основой его энергообеспечения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Строительство Бурейской ГЭС мощностью 2 010 МВт завершилось в 2014 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасова И.В. Развитие электрификации СССР. 40-е – 60-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975. 530 с.
2. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 2: 1951–1970 гг. Новосибирск, 1976. 272 с.
3. Тимошенко А.И. Энергетическое строительство в Сибири и модернизация экономики // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014. С. 242–250.
4. Андросов П.И. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по осуществлению электрификации Приамурья (1956–1970 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 287 с.
5. Шевченко Д.К. Вопросы совершенствования организации управления энергетическим строительством на Дальнем Востоке : дис. ... канд. экон. наук. Владивосток, 1972. 177 с.
6. Нерадовская И.П. История развития производительных сил Дальнего Востока в период зрелого социалистического общества в СССР (1961–1970 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1985. 230 с.
7. Ярославцева Т.А. Государственная политика по развитию жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке России (1917–1993 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 496 с.
8. Платонова Н.М. Промышленный комплекс Дальнего Востока РСФСР: условия и особенности развития: 1965–1985 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2017. 528 с.
9. Какта Н.П., Днепровский А.П., Штамбрейс П.А., Шутко В.П., Потехин Н.В. Зейская ГЭС – проектирование, строительство и эксплуатация // Гидротехника. XXI. 2017. № 2. С. 30–37.
10. Дмитриева Г.Н. Причины и история возведения Зейской ГЭС // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7. Ч. 2. С. 62–65.
11. Сила высокого напряжения. Приморской ГРЭС – 40 лет. Хабаровск, 2013. 80 с.
12. Ключи от Зейских ворот: первенцу дальневосточной гидроэнергетики – 30 лет. Хабаровск, 2005. 74 с.
13. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 399. Оп. 3. Д. 717.
14. Шелест В.А. Электроэнергетические проблемы развития производительных сил Дальнего Востока // Развитие и размещение производительных сил Дальнего Востока : материалы науч. конф. (сентябрь 1969 г.). Секция топливно-энергетической и химической промышленности. М., 1969. С. 5–21.
15. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 718.
16. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 723.
17. Маклюков А.В. Экспедиционные исследования энергетических ресурсов бассейна р. Амур 1930–1950-х гг. // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 104–117.
18. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 41. Д. 158.
19. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 10. Д. 1588.
20. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 16. Д. 6265.
21. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 15. Д. 328.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 106. Д. 34.
23. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 16. Д. 214.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 103. Д. 26.
25. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 16. Д. 1782.
26. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 16. Д. 3699.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 145. Д. 31.
28. Государственный архив Амурской области (далее – ГААО). Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 718.
29. ГААО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 734.
30. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 17. Д. 1085.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 150. Д. 39.
32. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 17. Д. 2552.
33. ГААО. Ф. Р-480. Оп. 15. Д. 49.
34. ГААО. Ф. Р-965. Оп. 1. Д. 1081.
35. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 486.
36. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 15. Д. 3503.
37. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 15. Д. 6937.
38. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 16. Д. 2251.
39. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 16. Д. 6356.
40. Развитие производительных сил Приморского края (проблемы и перспективы). Владивосток, 1979. 205 с.
41. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 49. Д. 906.
42. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 16. Д. 3693.
43. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 41. Д. 157.
44. Проектирование тепловых электростанций Сибири, Дальнего Востока и Казахской ССР 1951–1971 гг. 20 лет работы Новосибирского отделения проектного института «Теплоэлектропроект». Новосибирск, 1971. 76 с.
45. Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК). Ф. Р-34. Оп. 10. Д. 112.
46. РГАЭ. Ф. 7855. Оп. 3. Д. 785.
47. ГАПК. Ф. Р-34. Оп. 10. Д. 113.
48. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 150. Д. 999.
49. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 17. Д. 2904.
50. ГАПК. Ф. Р-34. Оп. 10. Д. 337.

51. ГАПК. Ф. Р-34. Оп. 10. Д. 165.
52. ГАПК. Ф. Р-34. Оп. 10. Д. 629.
53. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 16. 3502.
54. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 163. Д. 165.
55. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 15. Д. 3344.
56. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 163. Д. 163
57. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. Р-730. Оп. 22. Д. 47.
58. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 25. Д. 157.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 октября 2020 г.

Large-Scale Energy Sector Construction in the Far East of the USSR in the Mid-1960s–1980s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 151–159.

DOI: 10.17223/15617793/471/18

Aleksey V. Maklyukov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Keywords: energy sector construction; power plants; electrification; electricity; Far East of USSR.

The article examines the historical experience of large-scale energy sector construction in the Far East of the USSR in the mid-1960s–1980s. The relevance of the research topic is due to the fact that the Russian government has now developed a new model of the economic development of the Far East, which provides for the modernization of the regional electric power industry. An analysis of the Soviet experience of large-scale energy sector construction makes it possible to identify the difficulties of its implementation in the Far East, to determine the specifics of creating an energy infrastructure, on which the modern regional electric power industry is mainly based. The source of the research is unpublished sources found in the funds of federal and regional archives. The methodological basis of the research is traditional historical methods, as well as the method of systems analysis, which allows considering energy construction in the Far East as an element of state policy for the accelerated development of the productive forces of the region. The structure of the article is based on the problem-chronological principle. The first part reveals the problems of design and construction of the Zeyskaya HPP, the first hydroelectric power plant in the Far East. Its construction took 16 years; it cost the state almost 400 million rubles. The second part of the article deals with the construction of the Primorskaya TPP and the Vladivostok TPP-2, two powerful thermal power plants. Due to the unpreparedness of the Dalenergostroy trust, the construction of these facilities, especially the Primorskaya TPP, was delayed for more than 20 years. In general, the powerful power plants were constructed in the region with significant difficulties associated with the harsh natural and climatic conditions, the poorly developed construction industry, limited labor, material, and technical resources. The author comes to the conclusion that the energy sector construction, despite all the difficulties of its implementation in the regions of the Far East, made it possible to include the easternmost part of the country in the unified energy system of the USSR. The Far Eastern electric power industry reached a qualitatively new level of development, which contributed to the accelerated economic growth of the region, the modernization of industry and transport, and an improvement in the quality of life of the Far Easterners. Created in the mid-1960s–1980s, the electric power infrastructure of the Far East remains the basis of its energy supply to this day.

REFERENCES

1. Nekrasova, I.V. (1975) *Razvitie elektrifikatsii SSSR. 40-e – 60-e gg.* [Development of the electrification of the USSR. 1940s–1960s]. History Dr. Diss. Moscow.
2. Alekseev, V.V. (1976) *Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie* [Electrification of Siberia. Historical research]. Pt 2: 1951–1970. Novosibirsk: Nauka.
3. Timoshenko, A.I. (2014) Energeticheskoe stroitel'stvo v Sibiri i modernizatsiya ekonomiki [Energy sector construction in Siberia and modernization of the economy]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. pp. 242–250.
4. Androssov, P.I. (1971) *Deyatel'nost' partinykh organizatsiy Dal'nego Vostoka po osushchestvleniyu elektrifikatsii Priamur'ya (1956–1970 gg.)* [The activities of the party organizations of the Far East in the implementation of the electrification of the Amur region (1956–1970)]. History Cand. Diss. Moscow.
5. Shevchenko, D.K. (1972) *Voprosy sovershenstvovaniya organizatsii upravleniya energeticheskim stroitel'stvom na Dal'nem Vostoke* [Issues of improving the organization of energy sector construction management in the Far East]. Economics Cand. Diss. Vladivostok.
6. Neradovskaya, I.P. (1985) *Istoriya razvitiya proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka v period zrelogo sotsialisticheskogo obshchestva v SSSR (1961–1970 gg.)* [The history of the development of the productive forces of the Far East during the period of a mature socialist society in the USSR (1961–1970)]. History Cand. Diss. Vladivostok.
7. Yaroslavtseva, T.A. (2014) *Gosudarstvennaya politika po razvitiyu zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1993 gg.)* [State policy for the development of housing and communal services in the Far East of Russia (1917–1993)]. History Dr. Diss. Moscow.
8. Platonova, N.M. (2017) *Promyshlennyy kompleks Dal'nego Vostoka RSFSR: usloviya i osobennosti razvitiya: 1965–1985 gg.* [The industrial complex of the Far East of the RSFSR: conditions and features of development: 1965–1985]. History Dr. Diss. Vladivostok.
9. Kakta, N.P. et al. (2017) Zeyskaya GES – proektirovanie, stroitel'stvo i ekspluatatsiya [Zeyskaya HPP: design, construction and operation]. *Gidrotekhnika*. XXI (2). pp. 30–37.
10. Dmitrieva, G.N. (2011) Prichiny i istoriya vozvedeniya Zeyskoy GES [Causes and history of the construction of Zeyskaya HPP]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (2). pp. 62–65.
11. Gaponov, G.V. & Belousov, V. (2005) *Sila vysokogo napryazheniya. Primorskoy GRES – 40 let* [High voltage power. Primorskaya TPP is 40]. Khabarovsk: Priamur. Vedomosti.
12. Dhut, O.A. (2005) *Klyuchi ot Zeyskikh vorot: perventsu dal'nevostochnoy gidroenergetiki – 30 let* [Keys to the Zeyskaya Gates: the first-born of the Far Eastern hydropower industry turns 30]. Khabarovsk: Priamur. vedomosti.
13. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 399. List 3. File 717.
14. Shelest, V.A. (1969) [Electric power problems of the development of the productive forces of the Far East]. *Razvitie i razmeshchenie proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka* [Development and placement of the productive forces of the Far East]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 5–21. (In Russian).
15. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 399. List 3. File 718.

16. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 399. List 3. File 723.
17. Maklyukov, A.V. (2019) Expeditionary Research of Energy Resources of the Amur River Basin in the 1930–1950s. *Rossiia i ATR*. 2. pp. 104–117. (In Russian).
18. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 41. File 158.
19. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 10. File 1588.
20. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 16. File 6265.
21. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 15. File 328.
22. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 106. File 34.
23. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 16. File 214.
24. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 103. File 26.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 16. File 1782.
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 16. File 3699.
27. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 145. File 31.
28. State Archive of Amur Oblast (GAAO). Fund R-965. List 1. File 718.
29. State Archive of Amur Oblast (GAAO). Fund R-965. List 1. File 734.
30. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 17. File 1085.
31. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 150. File 39.
32. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 17. File 2552.
33. State Archive of Amur Oblast (GAAO). Fund R-480. List 15. File 49.
34. State Archive of Amur Oblast (GAAO). Fund R-965. List 1. File 1081.
35. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 3. File 486.
36. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 15. File 3503.
37. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 15. File 6937.
38. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 16. File 2251.
39. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 16. File 6356.
40. Anon. (1979) *Razvitiie proizvoditel'nykh sil Primorskogo kraya (problemy i perspektivy)* [Development of the productive forces of Primorsky Krai (problems and prospects)]. Vladivostok: [s.n.].
41. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-259. List 49. File 906.
42. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 16. File 3693.
43. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 41. File 157.
44. Anon. (1971) *Proektirovanie teplovykh elektrostantsiy Sibiri, Dal'nego Vostoka i Kazakhskoy SSR 1951–1971 gg. 20 let raboty Novosibirskogo otdeleniya proektnogo instituta "Teploelektroproekt"* [Designing thermal power plants in Siberia, the Far East, and the Kazakh SSR in 1951–1971. 20 years of work of the Novosibirsk branch of the design institute "Teploelektroproekt"]. Novosibirsk: [s.n.].
45. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 10. File 112.
46. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7855. List 3. File 785.
47. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 10. File 113.
48. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 150. File 999.
49. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 17. File 2904.
50. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 10. File 337.
51. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 10. File 165.
52. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-34. List 10. File 629.
53. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 16. 3502.
54. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 163. File 165.
55. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7964. List 15. File 3344.
56. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 163. File 163
57. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 22. File 47.
58. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-730. List 25. File 157.

Received: 07 October 2020

С.В. Морозов

К ВОПРОСУ О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПРЕВЕНТИВНОЙ ВОЙНЕ МАРШАЛА ПИЛСУДСКОГО ПРОТИВ ГЕРМАНИИ В 1933 г.

Рассматривается проблема превентивной войны, угрозой применения которой маршал Пилсудский шантажировал канцлера А. Гитлера в период весны–осени 1933 г. Выдвинута гипотеза, что причиной выхода Германии из Лиги Наций в октябре 1933 г., а также последовавшим вслед за этим внезапным предложением Гитлера заключить пакты о ненападении Франции и Чехословакии, было раскрытие в Берлине незадолго до этого польской шпионской сети, похитившей германский мобилизационный план. Показано, что своеобразной сверхзадачей шантажа Пилсудского было подтолкнуть Берлин на тропу переговоров с целью включения Польши в правовое поле «восточных» планов фюрера.

Ключевые слова: угроза превентивной войной; шантаж Пилсудским Гитлера; «восточные» планы фюрера

Время неумолимо движется вперед, помогая исследователям постигать истинный смысл, казалось бы, уже известных всем событий и проблем. Одной из таковых принято считать так называемую превентивную войну, при помощи которой маршал Юзеф Пилсудский, манипулируя политическими и дипломатическими уловками в отношении Франции и СССР для оказания давления на Берлин, угрожал германскому руководству в течение весны, а затем осенью 1933 г. Рассмотрению данной проблемы польская историография посвятила немало исследований. Первыми были работы польских эмигрантских авторов, положивших начало дискуссии и ставивших либо под сомнение достоверность факта польского предложения Франции совместного военного выступления против Берлина, либо оправдывавших это мероприятие необходимостью сближения с Германией из-за отказа Франции от проведения этой самой превентивной войны [1. S. 108–114; 2. S. 737–740; 3; 4].

К почину незамедлительно подключились историки Польской Народной Республики (ПНР), у которых основной выступала идея о том, что планы ее проведения предназначались для решения не силовых, а политических целей [5. S. 3; 6. S. 225–228; 7. S. 54; 8. S. 5–49]. Даже такой крупный авторитет по внешней политике режима «санации», каковым являлся в эпоху народной Польши Х. Батовский, склонен был относиться к ней чуть ли не как к мифу [5. S. 3; 6. S. 225–228]. А Т. Кузьминский и Е. Козеньский хотя и уделяли ей пристальное внимание, но также рассматривали данную проблему как инструмент Пилсудского, использовавшего ее для демонстрации, с одной стороны, нежелания следовать в курсе западноевропейской политики, а с другой – силы в отношении пришедшего к власти в Германии нацистского руководства [7. S. 54; 8. S. 5–49].

Одним из наиболее «продвинутых» знатоков данной проблемы эпохи ПНР можно считать М. Згурняка, опубликовавшего, среди прочего, ценную информацию из Центрального военного архива касательно армейских мероприятий, предпринимавшихся маршалом весной – осенью 1933 г. [9. S. 189–215]. Не мог обойти её молчанием и такой авторитетный ученый, как М. Войцеховский, ограничившийся дипломатичным упоминанием об «атмосфере, а не стремлении к войне» [10. S. 31–44; 11. S. 105–181]. В той или иной

мере ей уделяли внимание различные польские авторы [12; 13. S. 143–174; 14. S. 142; 15. S. 143; 16. S. 17]. Определенным прогрессом можно считать позицию современного исследователя К. Рака, следующего в курсе мнений, господствующих в польской историографии относительно превентивной войны, но чуть ли не первым среди польских историков выдвинувшего предположение, что Польше могла быть уготована судьба *союзника фюрера* в его восточных планах [17].

В отличие от польских историков, отрицающих серьезность намерений маршала применить в отношении Берлина силу, их немецкие коллеги ни на секунду не ставили и не ставят под сомнение готовность Пилсудского преподать Веймарской республике показательный урок в 1933 г. [18–20]. Крупнейший американский специалист польского происхождения Пётр Вандыч, изучив доступные архивные и иные документы, в том числе и по этой проблеме, не нашел письменных подтверждений предложений маршала французскому руководству провести превентивную войну. Однако ему удалось выявить напряженнейшую работу Пилсудского в этом направлении, а главное его сверхсекретность и меры по дезинформации в работе с одним из своих посланцев на французском направлении в 1933 г. – сенатором Е. Потоцким [21. P. 302; 22. S. 11; 23. S. 81–83].

В отечественной исторической науке данная проблема до настоящего момента не становилась темой отдельного исследования, хотя эпизодически присутствовала в работах тех или иных авторов, которые либо следуют в русле польской историографии [24. С. 91–93], либо, используя рассекреченные в 1990-е гг. архивные материалы, выдвигают совершенно новую гипотезу не только о готовности Пилсудского применить силу в 1933 г., но и о шантаже последним фюрера с целью правовой интеграции Польши в его потенциальные «восточные» планы [25. С. 122–123; 26. С. 7–28]. Данная статья посвящена обоснованию именно упомянутой научной версии.

Прежде, чем перейти к изложению материалов, следует, пожалуй, обратить внимание на некий основополагающий базисный компонент, имеющий непосредственное отношение к полноценному раскрытию данной темы, которым упорно пренебрегали и продолжают пренебрегать польские исследователи и подавляющее большинство отечественных коллег. Речь

идет ни более ни менее как о негласной установке маршала Пилсудского, сформировавшейся у него к концу жизни, покончить с Россией за участие в разделах его Отчизны во второй половине XVIII в. Ему виделось воссоздание Великой Польши в ходе теоретически возможного, с его точки зрения, приобщения к реализации комбинаций на «восточном» направлении, подготовленных закулисными «локарнскими стратегами» для Германии [27. С. 84–89; 28. С. 14–87; 29. С. 136–147; 30. С. 49–70; 31. С. 80–84]. Принимая во внимание тот факт, что данным соображением старый конспиратор предпочитал ни с кем не делиться, практически не оставив документальных подтверждений вышеприведенной парадигме, солидаризируясь тем самым с закулисными режиссерами, нам придется применить исследовательский прием чередования документально-историографических свидетельств с гипотетическими выкладками автора.

Начать, пожалуй, следует с того, что административный ресурс для шантажа Берлина угрозой проведения превентивной войны был заложен маршалом в результате майского переворота 1926 г., произведенного им после того, как за два месяца до этого, в начале марта, польский сейм ратифицировал, а президент Станислав Войцеховский подписал один из правовых документов Локарнской конференции – польско-германский *арбитражный* договор [32. С. 302–309]. Последний предусматривал обязательства по изменению взаимных границ Польшей и Германией посредством внешнего арбитра на основе 19-й статьи Устава Лиги Наций. Осознав, что часть польской территории, например, так называемый *польский коридор*, может быть передана Берлину без учета мнения Варшавы, маршал, произведя майский переворот, неофициально сосредоточил в своих руках единоличные бразды правления внешней политикой Польши, сделав тем самым возможным и проведение так называемой *силовой линии* во взаимоотношениях с соседями с целью противодействия попыткам изменения госграниц с Германией при помощи правовых инструментов внешними силами, т.е. закулисными режиссерами.

В качестве одного из первых примеров ее применения можно рассматривать инцидент с польским эсминцем «Вихрь», имевшим место в данцигском порту 15 июня 1932 г., когда тот, воспользовавшись благоприятным моментом в связи с визитом английской эскадры, также вошел туда. В соответствии с решением, которое тамошние власти получили в декабре 1930 г. в Гаагском международном суде, польским кораблям было запрещено использовать этот порт, в связи с чем капитан «Вихря» имел приказ (надо полагать, напрямую от маршала) открывать огонь в случае любых враждебных действий со стороны немецких властей Данцига. Последние не решились на таковые, и дерзость не просто сошла с рук, но и принесла реальный результат. Учитывая предстоящий визит в данцигский порт германской эскадры и стремясь предотвратить возможный польско-германский конфликт, Генеральный секретарь Лиги Наций Э. Друммонд и глава Форин-офиса Д. Саймон, добились от городских властей подписания 13 августа

1932 г. соответствующего документа, разрешавшего польским военным кораблям пользование портом [33. С. 127]. Эту авантюру чистой воды следует рассматривать в качестве своеобразной визитной карточки времен режима «санации», это был один из первых результатов применения маршалом *силовой линии* во внешней политике.

Последовавшие вскоре события на международной арене показали, что данная линия вскоре может подвергнуться модификации в сторону усложнения и укрупнения проводимых комбинаций. В качестве сигнала, свидетельствующего о предстоящих грядущих переменах, можно рассматривать присоединение Франции к «Декларации пяти держав» от 11 декабря 1932 г. о предоставлении Германии и другим странам, которых касались парижские постановления о разоружении, «равноправия в вооружениях в рамках системы безопасности, одинаковой для всех» [34. С. 138–139]. Когда же французский парламент 14 декабря проголосовал за то, чтобы не возвращать военные долги США [34. С. 111–113], то у Пилсудского появились весомые основания, дабы растолковать этот шаг как следствие сговора влиятельных финансовых воротил с частью французских правящих кругов. Париж, еще в период Локарно показавший свою несостоятельность в качестве защитника интересов младших западнославянских партнеров, вновь продемонстрировал непоследовательность своей позиции в отношении Берлина, чем поставил под сомнение свою надежность в качестве союзника. В Варшаве маршалом было незамедлительно проведено совещание Совета министров и высших армейских офицеров, где было принято решение об определенной корректировке польской внешнеполитической линии в пользу сближения с Германией [35. С. 173].

Однако Берлину, находившемуся после вхождения осенью 1925 г. в «рейнский гарантийный пакт» на более высокой ступени в иерархии международных отношений по сравнению с Варшавой, было не с руки подписание с последней какого-либо политического договора. На этот случай в колоде маршала был заготовлен козырный на тот момент туз – соотношение военных сил Польши и Германии. По условиям Версальского договора Веймарская республика была ограничена цифрой 100 тыс., а ряды Войска Польского насчитывали более 300 тыс. человек [33. С. 128]. Именно данный фактор позволял обеспечить маршалу победоносный исход потенциального военного противостояния в тот период. Возникает вопрос, насколько серьезно германские военные учитывали возможность возникновения вооруженного конфликта с Польшей? Факты свидетельствуют, что последние до такой степени опасались подобной возможности, что на случай развертывания военных действий с Польшей был разработан *мобилизационный план*, единственно существовавший на тот момент у германского военного руководства [36. С. 13].

Другими словами, на случай упрямства и нежелания Берлина идти на политическое сближение с польскими партнерами у последних, в лице маршала, единолично распоряжавшегося внешней политикой государства, потенциально были возможности

для неотразимого аргумента в виде сначала угрозы, а затем и нанесения превентивного военного удара по германской территории, дабы подтолкнуть Берлин к заключению политического соглашения. Однако вот так вот взять и под носом у Англии и Франции начать выворачивать руки или тем более накомыливать их собрату по «рейнскому гарантийному пакту» Германии, было все-таки неким «перебором», вследствие чего маршал решил использовать многоходовую комбинацию. С ее помощью предполагалось, с одной стороны, оказывать силовое давление на Берлин, а с другой – при помощи различных политических и дипломатических маневров создать впечатление у последнего, дабы сделать более сговорчивым, о военно-политическом сближении Варшавы с Парижем и Москвой.

11 января 1933 г. во французскую столицу прибыл сенатор Е. Потоцкий со сверхсекретным заданием маршала и провел встречу с премьер-министром Ж. Поль-Бонкуром [37]¹. Несмотря на соблюдение сановным посланцем всех мер предосторожности, предписанных «комендантом», содержание разговора впоследствии стало достоянием гласности. Оказывается, особый посланец маршала привез с собой личное послание с настойчивой просьбой сообщить мнение Франции относительно своевременности *превентивной войны* против Германии. Речь шла «о 5 польских армейских корпусах, которые в случае необходимости могли бы вступить в Восточную Пруссию и остановиться на Одере, в то время как Франция должна была бы оккупировать часть Рура, а Англия – лишь ожидать второго этапа операции». По мнению известной, хорошо информированной и вхожей в высшие властные круги французской журналистки Ж. Табуи, послание было составлено таким образом, чтобы вызвать отказ Франции, который можно было бы использовать в качестве предлога для политического сближения Польши с Германией [35. С. 176]. Таким образом, первый шаг в далеко идущей и многоходовой комбинации был предпринят.

Приход 31 января 1933 г. к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером с его оголтелой риторикой территориальных захватов способствовал росту активности его сторонников в Данциге, предпринявших антипольский выпад, приведший в свою очередь к новому штриху в *силовой линии* маршала. 16 февраля 1933 г. данцигский сенат без согласия портового совета, в котором были и представители Польши, принял решение о роспуске портовой полиции, заменив ее городской [40. С. 46]. Не на шутку осерчавший маршал решил принять адекватные меры, и 5 марта, когда выборы в германский рейхстаг принесли победу нацистам, в ту же ночь на полуострове Вестерплатте² был высажен польский военный отряд численностью 200 человек. М. Войчеховский назвал это действие «аферой на Вестерплатте», необходимой для того, чтобы «предостеречь и оказать давление на Гитлера и одновременно дать ответ западным державам, питавшим благосклонность к германским реваншистским требованиям» [10. С. 24].

Предпринятая маршалом *силовая* акция вновь принесла плоды. Вопрос о высадке польского десанта на Вестерплатте был поставлен в Совете Лиги Наций, где под нажимом Англии и Франции Польша уступила, добившись, однако, в качестве компенсации отмены решения данцигского сената, изъявшего портовую полицию из ведения особого портового совета, в котором имелись польские представители. Президент сената Вольного города Данцига Цим обещал принять достаточные меры, гарантирующие польские права в Данциге, а министр иностранных дел Бек заявил в ответ о готовности вывести войска с Вестерплатте, что и было предпринято 16 марта 1933 г. [41. С. 870]³.

Для усугубления пущего эффекта с высадкой десанта одновременно были предприняты шаги для устрашения упрямого германского канцлера и во французскую столицу направился второй по счету посланец. «В марте 1933 г. польский маршал Пилсудский информировал французское правительство о том, что Германия в нарушение Версальского договора усиленно вооружается; немцы мечтают о реванше. Маршал предлагал принять меры против этой опасности, – одни лишь дипломатические представления Берлину не могут достигнуть цели. Пилсудский заявлял, что польские войска готовы в любой момент выступить против немцев, если Франция поддержит Польшу в случае польско-германского военного столкновения. Французская дипломатия дала Пилсудскому отрицательный ответ» [42. С. 471]⁴.

Не успел польский десант покинуть Вестерплатте, как на международной арене была обнародована столь значимая по своим возможным последствиям для Варшавы инициатива, что маршалу пришлось в срочном порядке думать о мерах по интенсификации подготовки превентивной войны. Из итальянской столицы поступило предложение о создании так называемого директората четырех держав, более известного в научной литературе как *пакт четырех*. Компетенция нового органа, в состав которого должны были войти Англия, Италия, Франция и Германия, была столь широка, что включала даже пересмотр условий существующих международных договоров. «Коменданту» не нужно было долго объяснять, что предлагаемая структура, куда, как и в «рейнский гарантийный пакт», вновь позабыли включить Польшу, есть не что иное, как тот самый *арбитр*, которому, возможно, предстоит применить положения польско-германского арбитражного договора и на основе 19-й статьи Устава Лиги Наций провести новую границу, передав, к примеру, *польский коридор* Германии.

28 марта глава варшавского МИД Ю. Бек передал английскому послу заявление о том, что лишенная возможности судить точно о проекте данного «пакта», так как текст ей не был сообщен, Польша «считает этот проект противоречащим духу и букве пакта Лиги Наций» и оставляет за собой свободу действий» [44. Л. 10]. Поскольку, как уже известно, польские инициативы не встретили поддержки в Париже, маршал взялся за дело серьезно. Стараясь максимально привлечь внимание, он провел встречи с высшим военным руководством, поручил рассмотреть план проведения превентивной войны Главному штабу, который

и произвел соответствующие подготовительные мероприятия. В начале апреля 1933 г. были сконцентрированы войска на польско-германской границе в Сувалках и в «коридоре», куда были передислоцированы с советско-польской границы части Корпуса охраны границы. Военные действия планировалось начать вскоре после апрельских выборов в Данциге, на которых, по предположению военных, должны были победить нацисты. Это привело бы к внутренним беспорядкам и тогда «было бы трудно выяснить, кто является зачинщиком, а кто нет». Также в течение апреля были проведены штабные учения, военные сборы, проведена пробная мобилизация [7. S. 55; 9. S. 202; 41. С. 210, 223; 45].

Германская сторона не на шутку была встревожена. В сообщениях посланника в Варшаве Г. фон Мольтке от апреля 1933 г. указывалось на растущую напряженность. Опытный дипломат не исключал возможность *превентивной войны* и полагал, что «пакт четырех» и страх перед перевооружением Германии могут стать весомыми доводами в пользу того, что Польша может решиться на подобного рода меру. Поэтому он рекомендовал Берлину избегать любых действий, способствующих ухудшению ситуации, поскольку был уверен, что пересмотр границы был невозможен до перевооружения Германии [9. S. 202; 43. S. 43; 46. № 180, № 192].

Генерал Вильгельм Адам, тогдашний глава *Tuprenamt*, т.е. Генерального штаба, в мемориале, представленном правительству, поделился тревожным настроением, царящим среди генералов, вызванным польскими военными приготовлениями. Он заявил, что в настоящий момент Германия не может вести войну с Францией и Польшей, тем более с учетом выступления Чехословакии. Оборона по линии Одера была бы возможна при условии наличия боеприпасов, в то время как их текущих запасов хватило бы только на 14 дней. В связи с этим Германия была способна только проводить локальные контратаки, Восточную Пруссию пришлось бы оставить на произвол судьбы, и даже линию Одера не удалось бы сохранить, если бы Чехословакия приняла участие в военных действиях. «Мы не можем вести войну. Мы должны сделать все, чтобы предотвратить её, даже ценой политических уступок». Командующий вооруженными силами генерал фон Хаммерштейн занял аналогичную позицию. 7 апреля глава МИД К. фон Нейрат выступил с речью о политической ситуации в Германии на заседании правительства. Он заявил, что неизбежную опасность превентивной войны нельзя недооценивать. Действительно, Германия не может отказаться от пересмотра границ на Востоке, но этот вопрос может найти только общее, а не частичное решение. В связи с этим пересмотр границ может иметь место только тогда, когда рейх станет сильнее в политическом, военном и финансовом отношении [18. S. 80; 9. S. 203].

Гитлер не мог не учитывать позиций генералов и главы Вильгельм-штрассе и попытался публично уличить поляков в вынашивании недобрых замыслов. Через вице-канцлера Ф. фон Папена было публично заявлено об агрессивных намерениях Польши, а «де-

душка»⁵ в ответ через «Газету Польску» публично опроверг подобные намерения (ведь официальных письменных предложений о проведении превентивной войны предусмотрительно составлено не было), напомнив при этом о предложенном Польшей пакте о ненападении [44. Л. 13].

Поскольку ответа не последовало, то маршал вновь активизировал французское направление. «В апреле 1933 г. польский посол в Париже передал французскому правительству новый меморандум о вооружениях Германии, прямо предлагая обсудить вопрос о превентивной войне, чтобы воспрепятствовать вооружению Германии и силой оружия укрепить пошатнувшуюся версальскую систему». Однако новый премьер Даладье отклонял все эти предложения⁶ [42. С. 472].

Для того чтобы сделать Берлин более уступчивым и оказать на него дополнительное давление, было решено наряду с парижским задействовать и московское направление. Еще ранее в зарубежной и значительной части польской прессы, дипломатических кругах была создана атмосфера наличия существования (виртуального – *С.М*) секретного польско-советского антигитлеровского пакта. К началу апреля этот процесс набрал значительные обороты, свидетельством чего можно рассматривать письмо члена Коллегии НКВД Б. Стомонякова полпреду в Польше В.А. Антонову-Овсеенко. «В прессе разных стран появляются неверные сообщения, исходящие в основе из польских источников, о заключении между Польшей и СССР далеко идущих соглашений и об установлении единого фронта Польши и СССР против Гитлера. Дело доходит до того, что полуофициальные представители польского правительства, вроде Литауера, и корреспондент ПАТ или «Газеты Польской», не стесняясь присутствия первого секретаря полпредства т. Толоконского, уверяли английских собеседников в наличии соглашения между Польшей и СССР, позволяющего первой сосредоточить свои силы против Германии. Аналогичное заявление было сделано недавно одним из французских депутатов на заседании комиссии по иностранным делам палаты депутатов. Во всей Прибалтике твердо распространено убеждение, что Польша и СССР окончательно договорились и что вследствие этого заключение блока между прибалтами и Польшей не может быть направлено против СССР, а исключительно против Германии. Даже такой политик, как Циеленс, заявляет об этом открыто, ссылаясь многозначительно на то, что он имеет абсолютно аутентичную информацию о полной договоренности между Польшей и СССР» [41. С. 218].

Следует полагать, что в результате совокупности проведения военно-тактических мероприятий, политических маневров на парижском и московском направлениях к концу апреля атмосфера грядущей *превентивной войны* была создана настолько убедительно, что маршал решил разыграть решающую сцену на дипломатической арене, которая должна была убедить германского канцлера в серьезности намерений Варшавы и добиться от него проведения некоего действия, позволившего бы начать процесс взаимного сближения.

1 мая 1933 г. Пилсудский в присутствии Бека принял полпреда СССР Владимира Антонова-Овсеевко, избегая в разговоре с ним затрагивать политические темы, а 2 мая польский посланник в Берлине Альфред Высоцкий⁷, явно разыгрывая советскую карту, поставил перед германским канцлером в ультимативной форме вопрос о дальнейших польско-германских отношениях. Подобный демарш и в такой же форме произвел в Варшаве министр Бек относительно германского посланника Г. фон Мольтке [44. Л. 13]⁸.

Вскоре было опубликовано официальное коммюнике, в котором говорилось, что беседа касалась текущих вопросов польско-германских отношений. Среди прочего германский канцлер заявил о твердом желании германского правительства строго придерживаться существующих договоров в своих взаимоотношениях с Польшей [49]. После этого Бек принял фон Мольтке и во время беседы подтвердил ему, что польское правительство решило сохранить свою позицию и свое поведение строго в рамках действующих договоров. Затем польский министр выразил желание, чтобы оба государства рассмотрели и обсудили взаимно интересующие вопросы, соблюдая спокойствие [50]. Таким образом, маршал добился важного результата – официального заявления германского правительства о неизменности польско-германских границ, опасность, грозившая *коридору*, была устранена. Теперь можно было предпринимать шаги к взаимному сближению. По мнению В. Антонова-Овсеевко: «Демаршем 2-го мая Польша, уже используя улучшение с Советским Союзом, вступила на путь непосредственных переговоров с Германией» [44. Л. 14].

8 мая Пилсудский встретился и имел беседу с германским военным атташе, генералом Шиндлером [11. S. 44; 18. S. 131], а 17 мая 1933 г. фюрер выступил с заявлением, что ни одно германское правительство не нарушит по собственной инициативе договоров, заключенных в 1919 г. [51. S. 21; 52. P. 365–367]. Вступив на тропу польско-германского сближения, маршал мог на время позволить себе сделать перерыв в проведении *силовой линии* в отношении своего германского визави и предпринять уместные для данного этапа организационные шаги. Вскоре германскую столицу покинул посланник А. Высоцкий, а в августе на эту должность прибыл начальник Западного отдела варшавского МИД Юзеф Липский, начавший прилагать значительные усилия для устранения существовавшего между Польшей и Германией недоверия [7. S. 64–66].

В Польше сторонники сближения с Берлином на почве возможного взаимодействия на Востоке также не сидели сложа руки. В конце августа 1933 г. экс-глава МИД князь Э. Сапега, представитель близкой к пилсудчикам политической группировки земельных магнатов, тесно связанный с персонами, определявшими польскую внешнеполитическую линию, сделал доклад. В нем была, по сути, изложена *программа превращения Польши* в «великую державу путем колониального освоения территорий и природных богатств Советского Союза». В реализации данной программы любезно приглашали принять участие Евро-

пу, после чего докладчик резюмировал: «Реальной нашей задачей должно быть договориться с нашим западным соседом» [24. С. 122].

Берлин не остался равнодушным, и глава тамошнего МИД К. фон Нейрат во время сессии Совета и Ассамблеи Лиги Наций в Женеве предложил своему польскому коллеге Ю. Беку встретиться. Это был тот самый долгожданный шанс, которого последовательно добивался маршал Пилсудский. 25 сентября 1933 г. Бек провел рандеву с Нейратом, а 26 сентября – с министром пропаганды Третьего рейха Й. Геббельсом. Во время бесед выяснилось обоюдное стремление к дальнейшему сближению, которое должно было носить исключительно двусторонний характер. Не допускалось какое-либо привлечение к нему третьих стран или международных организаций. Хотя при первом свидании глав санационного и нацистского внешнеполитических ведомств вопрос о координации совместной деятельности на восточном направлении не был затронут, «заинтересованные правительства уже тогда рассматривали польско-германское сближение в ракурсе их планов в отношении СССР» [24. С. 130].

Казалось бы, все идет как по маслу, и процесс польско-германского сближения помчится вперед со скоростью курьерского поезда. Однако вскоре произошло неожиданное. Воспользовавшись обнародованием нового британского плана, предусматривавшего, что Германия получит равенство только через 4 года, Гитлер направил 14 октября телеграмму Гендерсону, объявлявшую о том, что Германия покинет Конференцию по разоружению, а пять дней спустя (19 октября 1933 г.) рейх и вовсе вышел из Лиги Наций. Официально Гитлер заявил, что Германия не допустит, чтобы к ней относились как к меньшинству, и призвал к проведению выборов в рейхстаг, которые должны были стать плебисцитом в поддержку этого шага [9. S. 206].

Польская историография, пытаясь комментировать данное действие, склонна солидаризоваться во мнении касательно коварных и агрессивных замыслов фюрера [7. S. 64–66]. Однако есть серьезные основания полагать, что в основе данного исключительного, во многом неожиданного и нелогичного шага лежал шок, испытанный впечатлительным германским канцлером в связи с раскрытием, приблизительно в это время, последствий деятельности шпионской сети резидента польской разведки в Берлине майора Е. Сосновского. Любопытный военный посредством барышень-секретарш умудрился умыкнуть из сейфов Генерального штаба тот самый, существовавший в единственном экземпляре, *мобилизационный план*, охватывавший польское направление [25. С. 124].

На деле выходило, что поляки, убеждая фюрера в искренности своих намерений в деле совместного сотрудничества на Востоке, самым что ни на есть коварным способом сделали беззащитной его горячо любимую родину. Гитлер, бывший по своей природе неврастеником и имевший склонности к истерикам, одновременно имел мелкую, злобную и мстительную натуру, требовавшую непременно возмездия за содеянное. В прошлом художник, а последние, как из-

вестно, имеют тонкую и чувствительную психику, он возмнил, что против его униженного Версальским договором фатерлянда ополчился весь мир и, не имея соответствующего инструментария для нанесения точечного удара, отомстил всему миру, выведя Германию из Лиги Наций.

Предприняв столь нелогичный шаг, фюрер тем самым вверг страну в состояние изоляции. Осознав это и не желая иметь дела со столь ненадежным, с точки зрения политической последовательности, партнером, фюрер не замедлил предложить, в пике польскому руководству, пакты о ненападении Чехословакии и Франции, однако те предпочли не связывать себя с данной инициативой [7. S. 65–67].

А вот маршал не замедлил воспользоваться оплошностью своего менее искушенного в международных интригах и впечатлительного партнера и приступил к продолжению проведения *силовой* линии в отношении Берлина по уже имевшему место в прошлом сценарию. Последний, как известно, включал следующие элементы: демонстративные совещания с военными, концентрация войск и проведение учений; политические маневры в отношении Парижа и Москвы с целью оказания давления на Берлин; дипломатический ультиматум, предъявленный бы в устной форме молодому и, пока еще не слишком опытному, канцлеру.

Осознав, что теперь рыбка уж наверняка не сорвется с крючка, Пилсудский уже 21 октября, посоветовавшись с Беком и начальником Главного штаба Гонсиоровским, потребовал подготовить подробный доклад о состоянии германских вооружений, куда были бы включены и данные *французской разведки*, не были забыты и военные учения с участием армейских подразделений [21. P. 302; 43. S. 81–82].

На следующий день Бек передал пожелание маршала французскому послу Ж. Лярошу, объяснив, что этот жест следует рассматривать не как эмоциональное проявление, а как стремление дать серьезную оценку возможным последствиям германского шага. Французский дипломат поспешил передать эту просьбу в Париж, указав, что впервые военные приготовления Пилсудского в отношении Германии носят столь явный характер и речь идет о взаимодействии польского и французского высших штабов [53. P. 136; 54. P. 623–625]. Прибывший вскоре из Парижа в Варшаву полковник Кельц привез необходимые документы, которые были переданы Пилсудскому в обмен на германские секретные документы, включавшие и *мобилизационный план*¹⁰ [21. P. 302]. Однако, по мнению Ляроша, стремление Варшавы к углублению военного сотрудничества с Парижем вовсе не означало, что она сойдет с пути, ведущего к сближению с Берлином [53. P. 136; 54. P. 673]. Дальнейшие шаги Пилсудского подтвердили это предположение.

Маршал считал необходимым активизировать второй этап силового сценария и подключить французское направление. Он дал поручение Людовику Морштину, писателю, который когда-то был офицером связи при маршале Фоше и имел хорошие отношения с генералом Вейганом, отправиться в Париж с конкретной миссией – получить от французского прави-

тельства ответ на два вопроса¹¹. Объявит ли Франция всеобщую мобилизацию в случае германской атаки на польско-германскую границу? Сконцентрирует ли Франция все свои воинские подразделения на франко-германской границе? После того, как Вейган передал их Поль-Бонкуру, кабинет министров известил о своей позиции – в случае польско-германского военного конфликта Франция готова оказать Польше помощь оружием и обмундированием, продолжать взаимодействие между генеральными штабами и оказать политическую поддержку¹² [56. S. 161–166].

На московском направлении для устрашения Берлина на этот раз был использован визит летной эскадрильи во главе с начальником польской авиации полковником Райским. Экипажи долетели до Минска, но ввиду нелетной погоды летчики проследовали до Москвы поездом, где присутствовали на параде 7 ноября на Красной площади. До 12 ноября они посетили, среди прочего, Тушинский аэродром, Академию РККА, имели встречи с замнаркомом М.Н. Тухачевским и Н.Н. Крестинским, посетили концерты, выставки и т.д.¹³ [41. С. 868].

Одновременно в течение первой декады ноября в Берлине и Варшаве с обеих сторон могли иметь место эпизоды взаимного зондажа. Так, ходили слухи, что полковник Стежицкий мог встречаться с министром пропаганды Геббельсом, а берлинский журналист Зибург – с министром Беком, а возможно даже с маршалом [41. С. 690]. Это, однако, не помешало последнему продолжать неуклонно проводить элементы своей *силовой* линии в соответствии с уже известным сценарием. Приближалось время его завершающего этапа – предъявление дипломатического ультиматума.

Вызванный из Берлина Липский 2 ноября имел встречу с маршалом, который на следующий день вызвал Бека [41. С. 693]. 5 ноября Липский получил от Пилсудского соответствующие инструкции. Смысл их был таков: сообщить Гитлеру, что безопасность Польши зависит от двух обстоятельств – прямых отношений между обеими странами и Лиги Наций как своеобразного гаранта. Уход Германии из Лиги Наций лишил Польшу этого второго элемента защиты, и умудренному опытом польскому дипломату предстояло задать вопрос германскому канцлеру, как Берлин собирается компенсировать Варшаве его потерю. Если господин Гитлер предложит пакт о ненападении, то Пилсудский намерен рассмотреть его весьма серьезно и тогда Беку придется тяжело потрудиться на ниве переговоров. Если же этого не произойдет, то Пилсудский, как главнокомандующий вооруженными силами Польши, «будет серьезно обеспокоен» [43. S. 84–85; 57. S. 270–271].

По утверждению главного редактора «Газеты Польской» Медзиньского, вопрос был поставлен ребром, в духе 1927 г. литовцу Вольдемарасу – «мир или война?». На случай неудовлетворительного ответа был заготовлен приказ по войскам прикрытия западных границ. Об этом решении маршала знали до 15 ноября лишь трое – Липский, Бек, маршал. Ничего не знал министр Нейрат, для которого полной неожиданностью явилась постановка вопроса Гитлеру Липским¹⁴ [41. С. 670].

По окончании встречи Гитлера с Липским 15 ноября 1933 г. агентство Вольфа опубликовало официальное коммюнике, в котором говорилось, что обмен мнениями выявил «единодушное намерение обоих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путем непосредственных переговоров и в целях укрепления мира в Европе отказаться от применения всякого насилия в отношении друг друга» [41. С. 869]. Текст данного коммюнике впоследствии почти полностью будет включен в «Декларацию о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией» [58. С. 41–42].

Таким образом, применение *силовой линии* себя оправдало, и маршал Пилсудский добился от рейхсканцлера Гитлера желаемого результата – 26 января 1934 г. вышеупомянутую декларацию подписали Липский и Нейрат. Польско-германское сближение произошло, а через месяц – 25 февраля – за «пактом Липский–Нейрат» будет сокрыт секретный «пакт Гитлер–Пилсудский» о пропуске через польскую территорию германских войск [25. С. 211]. Оба документа интегрируют Польшу в восточные планы германского фюрера, в ходе реализации которых, по мнению «дедушки», должно будет непременно произойти воз-

рождение Великой Польши за счет раздела советской территории.

В теоретическом плане можно утверждать, что *силовая линия* реализовалась маршалом схематично и поэтапно. Структура ее, как было показано выше, состояла из четырех элементов – концентрации армейских корпусов в польском коридоре, на границе с Восточной Пруссией и на западе; политического маневрирования на парижском и московском направлениях с целью оказания дополнительного давления на Берлин; предъявления дипломатического ультиматума.

Касательно этапов, то на сегодняшний день можно говорить о двух – весеннем и осеннем. Весенний продолжался в течение марта – апреля и завершился ультиматумом посланника Высоцкого и заявления Гитлера о намерении Германии строить отношения с Польшей в рамках существующих договоров. Осенний длился в течение второй половины октября – середины ноября до предъявления ультиматума посланником Липским и опубликования коммюнике 15 ноября. М. Згурняк, правда, утверждает, что в декабре якобы имела место еще одна попытка угрозы проведения превентивной войны маршалом, но убедительные доказательства, на наш взгляд, к настоящему моменту не приведены [9. С. 211].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Французский посол в Варшаве Ж. Лярош 15 января в донесении Бонкуру, совмещавшему также пост главы МИД, упомянул о своей встрече с министром Ю. Бекком, которого проинформировал, что «осведомлен о беседе Вашего Превосходительства [то есть Бонкура] с гр[афом] Потоцким» [37. Р. 451–453]. В сноске данного сборника указано, что документ с содержанием беседы не сохранился. Сам Потоцкий позднее сообщил, что накануне нового года Бек вызвал его в Варшаву, где в Бельведере состоялась встреча с «комендантом», от которого получил некое секретное распоряжение. Ему предстояло незамедлительно отправиться в Париж, представиться тамошнему послу А. Хлаповскому и, не сообщая о цели визита, попросить последнего, с которым Потоцкий был в дружественных отношениях, об устройстве встречи с Бонкуром. Согласно записке Потоцкого, переданной вдовой последнего историку П. Вандычу, сенатору предписывалось сообщить личную точку зрения маршала на некие махинации западных государств, стремившихся под влиянием Бенеша нейтрализовать Польшу в дебатах Лиги Наций, касательно проблем разоружения. Потоцкий также упомянул, что все детали данного поручения «коменданта» ему пришлось *выучить наизусть* ввиду запрета сделать какие-либо заметки [38. С. 81–83]. Ничтожность заявленной сенатором темы устного сообщения в совокупности с предпринятыми мерами секретности могут свидетельствовать о серьезной попытке скрыть истинную цель визита.

² Полуостров, образующий залив данцигской бухты и расположенный у входа в данцигский порт.

³ Одновременно с высадкой десанта на Вестерплатте были приведены в состояние боевой готовности части VIII корпуса, дислоцированного в Поморье [12].

⁴ На этот раз устное предложение о проведении превентивной войны против Германии доставил в Париж адъютант и фаворит маршала генерал Б. Венява-Длугошовский, которому, однако, с такими крупными французскими военными, как генералы Вейган и Гамелин, встретиться не удалось. Вест о новом польском предложении проникла в верхи, и в кулуарных разговорах такие видные политики, как Бонкур и Даладьё, высказывали определенное беспокойство в связи с предлагаемой превентивной войной, а кто-то уже рассматривал десант на Вестерплатте как ее некий подготовительный инцидент [1. С. 108–114; 2. С. 738–739; 42. С. 12].

⁵ Одно из прозвищ Пилсудского, которым пользовалось его окружение.

⁶ Видный французский политик Кайо не замедлил сказать советнику польского посольства: «Не подталкивайте нас к войне. Этот номер не пройдет» [42. С. 12].

⁷ Поначалу эту миссию планировалось поручить замминистра Е. Шембеку, но затем выбор пал на Высоцкого [9. С. 203].

⁸ По утверждению М. Згурняка на случай провала переговоров был заготовлен проект указа «На случай войны с Германией», который был найден в документах Пилсудского после его смерти, и имевший якобы подпись (*sic!* – С.М) президента И. Мосцицкого [9. С. 203; 46; 47].

⁹ Штабные учения почти всех крупных подразделений сухопутных войск проводились в местах, где они должны были быть сосредоточены в случае войны с Германией. В непосредственной близости от западной и северной границ действовали штабы 21 из 30 пехотных дивизий мирного времени и 11 из 13 кавалерийских бригад. В основе же плана проведения превентивной войны могла использоваться схема, разработанная в 1926 и дополненная в 1930 г. генералом Орлиш-Дрешером [9. С. 207; 45].

¹⁰ Выходит, что Пилсудский намеренно пригласил в Варшаву представителя французской разведки, дабы иметь возможность передать ему германский мобилизационный план, сделав позднее данный факт достоянием гласности и тем самым успокоить фюрера.

¹¹ В. Ендржеевич указывает приблизительную дату его поездки 5 ноября 1933 г. [55. Р. 86].

¹² Известный американский исследователь франко-польско-чехословацких отношений 1920–1930 гг. XX в. П. Вандыч мимоходом ставит как бы под сомнение этот визит, отмечая, что не нашел каких-либо следов миссии Морштина во французских архивах, включая личный дневник Вейгана, однако сразу же отмечает, что в связи со слухами о превентивной войне в «Ревю Хебдомаде» от 29 октября 1933 г. появилась статья Жана-Луи Фарэ. Автор возмущенно восклицал, что поляки не имеют никакого права обращаться к Франции с просьбой приносить какие-либо новые жертвы, которые могут свергнуть ее в хаос и привести к гибели [21. Р. 303].

¹³ Советский полпред в Варшаве Антонов-Овсеенко в беседе с влиятельным публицистом Матушевским 23 ноября в связи с визитом эскадрильи Райского, предвавшего визит посланника Липского к Гитлеру, не преминул заметить о ее схожести с шахматным ходом маршала [41. С. 672].

¹⁴ Медзиский узнал о предстоящем демарше только за несколько часов, Бек призвал его и предложил держать аппарат наготове, потому что произойдет такое-то действие. Но и Бек еще не знал, каковы будут результаты демарша Липского [41. С. 670].

ЛІТЕРАТУРА

1. Pobóg-Malinowski W. Parę uwag o wojnie, której nie było // *Kultura* (Paryż). 1949. 2 (19).
2. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza polityczna historia Polski. T. II. Cz. I. Londyn, 1961.
3. Bregman A. Gdyby w roku 1933 usłuchano J. Piłsudskiego // *Kultura* (Paryż). 1949. № 15.
4. Lepecki M.P. Marszałek Piłsudski i przewidywana w roku 1933 wojna z Niemcami // *Wiadomości* (Londyn). 26.06.1949.
5. Batowski H. O pewnym nieporozumieniu historycznym // *Życie Literackie*. 1957. № 297.
6. Batowski H. W sprawie artykułu Tadeusza Kuźmińskiego o wojnie przewencyjnej // *Najnowsze dzieje Polski*. 1962. № 5.
7. Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
8. Kuźmiński T. Wokół zagadnień wojny przewencyjnej w 1933 r. // *Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914–1939*. Warszawa, 1960. T. 3.
9. Zgórniak M. Sytuacja międzynarodowa Polski na początku lat trzydziestych XX wieku // *Przegląd Historyczny*. T. LXVI. Zesz. 2. 1975.
10. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965.
11. Wojciechowski M. Polska i Niemcy na przełomie lat 1932–1933 // *Roczniki historyczne*. T. XXIX. Poznań, 1963.
12. Ciałowicz J. Tajemnica wojny przewencyjnej // *Za i Przeciw*. 27.08.1958.
13. Jędrzejewicz W. Sprawa wojny przewencyjnej z Niemcami w 1933 r. // *Zeszyty Historyczne*. 1966. № 10.
14. Putkiewicz W.M. Wojna przewencyjna w polityce Józefa Piłsudskiego // *Ideologia i polityka Józefa Piłsudskiego*, pod red. T. Romanowskiego. Warszawa, 1988.
15. Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jałty. Poznań, 2014.
16. Moczulski L. Wojna przewencyjna, czy Piłsudski planował najazd na Niemcy? Warszawa, 2017.
17. Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019.
18. Roos H. Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik 1931–1939. Tübingen, 1957.
19. Hildebrand K. The Foreign Policy of the Third Reich. London, 1973.
20. Schmidt R. Die Außenpolitik des Dritten Reiches 1933–1939. Stuttgart, 2002.
21. Wandycz P.S. The Twilight of French-Eastern Alliances 1926–1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton (New Jersey), 1988.
22. Wandycz P.S. Trzy dokumenty. Przyczynek do zagadnienia wojny przewencyjnej // *Zeszyty Historyczne*. Paryż. 1963. T. III.
23. Wandycz P.S. Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku // *Zeszyty Historyczne*. Paryż. 1970. T. XVIII.
24. Михутин И.В. Советско-польские отношения 1931–1935. М., 1977.
25. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.
26. Морозов С.В. Игры теней в европейской международной политике в 1930-е гг. // *Великая Победа. Интернет-проект / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова*. Т. II. Канун трагедии. МГИМО (Университет) МИД России; РВИО; 2015. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/25/13fb884c8de6061db2f2bb77d9c477810e534896.pdf> (дата обращения 06.08.2020)
27. Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 84–88. DOI: 10.17223/15617793/412/14
28. Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М., 2017.
29. Морозов С.В. Как документ из архива А.И. Гучкова помог товарищу И.В. Сталину // *Экономические стратегии*. 2017. № 1. URL: http://www.inesnet.ru/es_magazine/latest-issue/ (дата обращения: 06.08.2020)
30. Морозов С.В. Как Пилсудский, гитлеровцы и самураи нападение на-с // *Свободная мысль*. 2017. № 1. URL: <http://svom.info/entry/708-kak-pilsudskij-gitlerovcy-i-samurai-napadenie-na-s/> (дата обращения: 06.08.2020)
31. Морозов С.В. Польша и Восточный пакт // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 4. URL: <http://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/2310> (дата обращения 06.08.2020)
32. Dziennik Ustaw. 1926. # 114. Poz. 662 // Internetowy system aktów prawnych. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19261140662> (дата обращения 27.08.2020)
33. Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. Warszawa, 1998.
34. Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. V. М., 1933.
35. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.
36. Lipski J. Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich // *Sprawy Międzynarodowe*. 1947. № 3.
37. Le Temps. 11.01.1933.
38. Documents Diplomatiques Français 1932–1939. Sér. I. T. II. Paris, 1966.
39. Wandycz P.S. Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku // *Zeszyty Historyczne*. Paryż. T. XVIII. 1970.
40. Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938. Poznań, 1967.
41. Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970.
42. История дипломатии. Под ред. В.П. Потемкина. Т. 3. М.; Л., 1945.
43. Dziennik i teki Jana Szembeka. T. I. Londyn, 1964.
44. Архив внешней политики РФ. Ф. «Референтура по Польше». Д. 28. Оп. 17. Папка 167-а.
45. Centralne Archiwum Wojskowe. Generalny Inspektorat Sił Zbrojnych. T. 254.
46. Documents on German Foreign Policy. Ser. C. Vol. III. Washington, 1959.
47. Wiadomości (Londyn). # 129. 1949.
48. Świat. 1962. # 37(582).
49. Известия. 1933 г. 5 мая.
50. Известия. 1933 г. 6 мая.
51. Smogorzewski K. Czy dziejowy zwrot w stosunkach polsko-niemieckich. Poznań, 1934.
52. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. C. Vol. I. Washington, 1957.
53. Laroche J. La Pologne de Piłsudski: souvenirs d'une ambassade. Paris, 1953.
54. Documents Diplomatiques Français 1932–1939. Sér. I. T. VI. Paris, 1972.
55. Jędrzejewicz W. The Polish Plan for 'a Preventive War' against Germany in 1933 // *Polish Review*. 11.1.1966.
56. Zaufal J. Misja Ludwika Hjeronima Morstina // *Niepodległość*. 8. 1972.
57. Lapter K. Pakt Piłsudski-Hitler. Warszawa, 1962.
58. Сборник документов по международной политике и по международному праву. М., 1936. Вып. X.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2020 г.

On the Failed Preventive War of Marshal Piłsudski Against Germany in 1933

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 160–169.

DOI: 10.17223/15617793/471/19

Stanislav V. Morozov, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: morozov_s@bsu.edu.ru / roland60@mail.ru

Keywords: threat of preventive war; Piłsudski's blackmail of Hitler; Führer's "Eastern" plans.

The article discusses the problem of the so-called preventive war, with the threat of which Marshal Piłsudski blackmailed Chancellor Hitler in the spring and autumn of 1933. The author of the article aims (1) to conduct a discussion with foreign historiography, primarily Polish, that is mostly inclined to deny Piłsudski's readiness to use force; (2) within the framework of this discussion, to put forward a hypothesis that the reason for Germany's withdrawal from the League of Nations in October 1933, as well as the subsequent sudden proposal of Hitler to conclude non-aggression pacts to France and Czechoslovakia, was the disclosure, shortly before these events, in Berlin of a Polish spy network that had stolen the German mobilization plan; (3) to show that a kind of an overarching goal of Piłsudski's blackmail was to push Berlin onto the path of negotiations on including Poland in the legal field of the Führer's "eastern" plans, outlined by the so-called behind-the-scenes Locarno strategists. The marshal's use of the line of force was of a phased and schematic nature: one can consider the adventures with the destroyer Whirlwind and the landing on Westerplatt as a kind of a preliminary test of strength that brought the first fruits – concessions from the great powers. After the publication in December 1932 of the so-called "pact of five powers" and the subsequent decision of Piłsudski on rapprochement with Germany, this line – the concept of conducting a preventive war – was shaped and strengthened. One can consider the publication of the draft Pact of Four as a trigger for implementing the line. In the spring and autumn of 1933, the line was enforced in several stages, which had a pronounced schematic character: 1) a demonstrative proposal to France to conduct a preventive war, 2) a demonstrative saber-rattling, 3) demonstrative veiled overtures with Moscow, 4) presentation of an ultimatum to Berlin. In the course of the study, the author identified and substantiated an episode completely ignored by Polish experts on this problem – the disclosure in the autumn of 1933 of a Polish spy network in Berlin that stole the German mobilization plan. This provoked an emotional reaction from Hitler, who withdrew Germany from the League of Nations and offered non-aggression pacts to France and Czechoslovakia. However, the Führer did not manage to break out of the marshal's tenacious grip – using the well-known four-way scheme, the latter managed to include Poland in the eastern plans of the former by concluding the Lipsky-Neurath declaration of January 26 and the secret Hitler-Piłsudski treaty of February 25, 1934. The secret cooperation between Warsaw and Berlin in the field of preparing an attack on the USSR, which, according to the marshal, should have led to the re-creation of Greater Poland at the expense of the partition of Russia, continued throughout 1934, with the Japanese military taking an active part in it.

REFERENCES

1. Pobóg-Malinowski, W. (1949) Parę uwag o wojnie, której nie było. *Kultura* (Paryż). 2 (19).
2. Pobóg-Malinowski, W. (1961) *Najnowsza polityczna historia Polski*. T. II. Cz. I. Londyn.
3. Bregman, A. (1949) Gdyby w roku 1933 usłuchano J. Piłsudskiego. *Kultura* (Paryż). 15.
4. Lepecki, M.P. (1949) Marszałek Piłsudski i przewidywana w roku 1933 wojna z Niemcami. *Wiadomości* (Londyn). 26.06.1949.
5. Batowski, H. (1957) O pewnym nieporozumieniu historycznym. *Życie Literackie*. 297.
6. Batowski, H. (1962) W sprawie artykułu Tadeusza Kuźmińskiego o wojnie przewencyjnej. *Najnowsze dzieje Polski*. 5.
7. Kozłowski, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938*. Poznań.
8. Kuźmiński, T. (1960) Wokół zagadnień wojny przewencyjnej w 1933 r. In: *Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914–1939*. T. 3. Warszawa.
9. Zgórniak, M. (1975) Sytuacja międzynarodowa Polski na początku lat trzydziestych XX wieku. *Przegląd Historyczny*. LXVI (2).
10. Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938*. Poznań.
11. Wojciechowski, M. (1963) Polska i Niemcy na przełomie lat 1932–1933. *Roczniki historyczne*. XXIX. Poznań.
12. Ciałowicz, J. (1958) Tajemnica wojny przewencyjnej. *Za i Przeciw*. 27.08.1958.
13. Jędrzejewicz, W. (1966) Sprawa wojny przewencyjnej z Niemcami w 1933 r. *Zeszyty Historyczne*. 10.
14. Putkiewicz, W.M. (1988) Wojna przewencyjna w polityce Józefa Piłsudskiego. In: Romanowski, T. (ed.) *Ideologia i polityka Józefa Piłsudskiego*. Warszawa.
15. Karski, J. (2014) *Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jaltę*. Poznań.
16. Moczulski, L. (2017) *Wojna przewencyjna, czy Piłsudski planował najazd na Niemcy?* Warszawa.
17. Rak, K. (2019) *Polska – niespełniony sojusznik Hitlera*. Warszawa.
18. Roos, H. (1957) *Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik 1931–1939*. Tübingen: Mohr.
19. Hildebrand, K. (1973) *The Foreign Policy of the Third Reich*. London: B.T. Batsford Ltd.
20. Schmidt, R. (2002) *Die Außenpolitik des Dritten Reiches 1933–1939*. Stuttgart: Klett-Cotta Verlag.
21. Wandycz, P.S. (1988) *The Twilight of French-Eastern Alliances 1926–1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
22. Wandycz, P.S. (1963) Trzy dokumenty. Przyczynek do zagadnienia wojny przewencyjnej. In: *Zeszyty Historyczne*. T. III. Paryż.
23. Wandycz, P.S. (1970) Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku. In: *Zeszyty Historyczne*. T. XVIII. Paryż.
24. Mikhutina, I.V. (1977) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1931–1935* [Soviet-Polish Relations of 1931–1935]. Moscow: Nauka.
25. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoy "ravnodalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939 What was hidden behind the policy of "equidistance" of Minister J. Beck]. Moscow: Moscow State University.
26. Morozov, S.V. (2015) Igra teney v evropeyskoy mezhduarodnoy politike v 1930-e gg. [Shadow plays in European international politics in the 1930s]. In: Naryshkin, S.E. & Torkunov, A.V. (eds) *Velikaya Pobeda. Internet-proekt* [The Great Victory. An Internet project]. Vol. II. [Online] Available from: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/25/13fb884c8de6061db2f2bb77d9c477810e534896.pdf> (Accessed: 06.08.2020).
27. Morozov, S.V. (2016) On the Creation of a Legal Mechanism for "Pushing" Germany to the East in 1925. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 84–88. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/14
28. Morozov, S.V. (2017) "Varshavskaya melodiya" dlya Moskvy i Pragi. *Dokumenty iz lichnogo arkhiva I.V. Stalina. Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii, II Otdela Glavnogo shtaba Voyska Pol'skogo i dr. (1933–1939)* [The "Warsaw Melody" for Moscow and Prague. Documents from the personal archive of I.V. Stalin, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the II Department of the General Staff of the Polish Army, and others (1933–1939)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

29. Morozov, S.V. (2017) Kak dokument iz arkhiva A.I. Guchkova pomog tovarishchu I.V. Stalinu [How a document from the archive of A.I. Guchkov helped comrade I.V. Stalin]. *Ekonomicheskie strategii*. 1. [Online] Available from: http://www.inesnet.ru/es_magazine/latest-issue/ (Accessed: 06.08.2020).
30. Morozov, S.V. (2017) Kak Pilsudskiy, gitlerovtsy i samurai napadenie na SSSR gotovili [How Pilsudski, the Nazis, and samurai prepared an attack on the USSR]. *Svobodnaya mysl'*. 1. [Online] Available from: <http://svom.info/entry/708-kak-pilsudskij-gitlerovtsy-i-samurai-napadenie-na-s/> (Accessed: 06.08.2020).
31. Morozov, S.V. (2017) Poland and the Eastern Pact. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4. [Online] Available from: <http://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/2310> (Accessed: 06.08.2020). (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-80-84
32. Internetowy system aktów prawnych. (2020) *Dziennik Ustaw*. 1926. # 114. Poz. 662. [Online] Available from: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19261140662> (Accessed: 27.08.2020).
33. Kamiński, M.K. & Zacharias, M.J. (1998) *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939*. Warszawa.
34. People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Union. (1933) *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoy politike i mezhdunarodnomu pravu* [Collection of documents on international politics and international law]. Vol. V. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Union.
35. Tabouis, G. (1960) *20 let diplomaticheskoy bor'by* [20 years of diplomatic struggle]. Translated from French. M: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
36. Lipski, J. (1947) Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich. *Sprawy Międzynarodowe*. 3.
37. *Le Temps*. (1933) 11 January.
38. Ministère des affaires étrangères. (1966) *Documents Diplomatiques Français 1932–1939*. Sér. 1. T. II. Paris: Imprimerie Nationale.
39. Wandycz, P.S. (1970) Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku. In: *Zeszyty Historyczne*. T. XVIII. Paryż.
40. Pułaski, M. (1967) *Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938*. Poznań.
41. USSR Ministry of Foreign Affairs. (1970) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents on the foreign policy of the USSR]. Vol. XVI. Moscow: Gospolitizdat.
42. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: GIPL.
43. Szembek, J. (1964) *Diariusz i teki Jana Szembeka*. T. I. Londyn: Polish Research Centre.
44. The Foreign Policy Archive of the Russian Federation. Fund "Referentura po Pol'she" [References on Poland]. File 28. List 17. Folder 167-a.
45. Centralne Archiwum Wojskowe. *Generalny Inspektorat Sił Zbrojnych*. T. 254.
46. German Foreign Ministry Archive. (1959) *Documents on German Foreign Policy*. Ser. C. Vol. III. Washington: U.S. Govt. Print. Off.
47. *Wiadomości* (Londyn). (1949) 129.
48. *Świat*. (1962) 37 (582).
49. *Izvestiya*. (1933) 5 May.
50. *Izvestiya*. (1933) 6 May.
51. Smogorzewski, K. (1934) *Czy dziejowy zwrot w stosunkach polsko-niemieckich*. Poznań.
52. German Foreign Ministry Archive. (1957) *Documents on German Foreign Policy 1918–1945*. Ser. C. Vol. I. Washington: U.S. Govt. Print. Off.
53. Laroche, J. (1953) *La Pologne de Pilsudski: souvenirs d'une ambassade*. Paris: Flammarion.
54. Ministère des affaires étrangères. (1972) *Documents Diplomatiques Français 1932–1939*. Sér. 1. T. VI. Paris: Imprimerie nationale.
55. Jędrzejewicz, W. (1966) The Polish Plan for 'a Preventive War' against Germany in 1933. *Polish Review*. 11.1.
56. Zaufal, J. (1972) Misja Ludwika Hjerona Morstina. *Niepodległość*. 8.
57. Lapter, K. (1962) *Pakt Pilsudski-Hitler*. Warszawa: WAP.
58. People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Union. (1936) *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoy politike i po mezhdunarodnomu pravu* [Collection of documents on international politics and international law]. Vol. 10. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Union.

Received: 04 September 2020

Е.А. Пушкаренко

АНТИСОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА НЕМЕЦКИХ ВЛАСТЕЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР (НА МАТЕРИАЛАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ)

Исследуется проблема антисоветской пропаганды немецких властей на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь). Установлены основные направления идеологического воздействия на население округа антисоветского характера, прослежена его эволюция, определена эффективность немецкой пропаганды. Делается вывод, что главными задачами антисоветской пропаганды стали «истребление советского духа», советских ценностей из всех сфер жизни и сознания людей, в том числе при помощи коллаборационистских организаций.

Ключевые слова: антисоветская пропаганда; Генеральный округ Беларусь; Генеральный Комиссар; война; коммунистическая идеология

В последние годы Россия сталкивается с различными вызовами, в том числе идеологического характера. Коллективный Запад все более активно навязывает миру свой взгляд на причины и итоги Второй мировой войны. При этом в попытках исказить историческую правду современные политтехнологи зачастую используют старые приемы и пропагандистские клише из арсенала Й. Геббельса. Если нападение на Советскую Россию трактовалось немецкой пропагандой как освобождение поработанных народов СССР от власти большевиков, то теперешние попытки вмешательства в жизнь нашей страны обосновываются необходимостью борьбы за права человека и противодействия существующему режиму власти. Суть явления от этого не меняется. Его сущность в свое время выразил министр пропаганды нацистской Германии следующими словами: «Что касается сопротивления большевиков, то дело здесь не в героизме и храбрости. То, что противопоставляет нам русская массовая душа, является... примитивной животной сущностью славянства; чувствовать за этим тайну русской души согласно философии Достоевского – значит совершать ошибку. Есть живые существа насколько неполноценные, настолько же способные к сопротивлению. Крыса значительно сильнее домашнего животного, поскольку живет в таких плохих социальных и хозяйственных условиях, что вынуждена обрести здоровую выносливость. Большевик тоже вынослив. Суть секрета в том, что славянский разум объединился с дьявольским еврейским “воспитанием”. Поэтому для информирования должна быть создана шкала понятий, которая бы резко отделяла храбрость и героизм немецкого солдата от примитивной животной выдержки большевика» [1. С. 100–101].

Исходя из этой установки, первые пропагандистские акции немецких властей на оккупированной советской территории были призваны подчеркнуть разницу между народом и коммунистами. Война якобы носит исключительно антисоветский, освободительный характер. Народ должен поддержать своих «освободителей» в борьбе против их общего врага – большевизма. Города и села были наполнены листовками, призывавшими разоблачать коммунистов, подпольщиков, партизан, среди которых, как подчеркивали немцы, не было мирных граждан, а лишь спрятавшиеся в лесу «жидо-коммунисты» и попавшие в

окружение красноармейцы. Пропагандистские мероприятия немецких властей на оккупированной советской территории были направлены на истребление «советского духа» из всех сфер жизни. Это была и борьба с подпольщиками и партизанами, и первые пропагандистские акции по переименованию улиц, и запреты отмечать советские праздники, в особенности 7 ноября. В связи с последним, например, председатели районных управ Генерального округа Беларусь получили приказ накануне 7-го ноября о необходимости «проведения среди населения разъяснительной работы о вредности этого праздника». Для работы с населением предлагалось мобилизовать учителей и «других письменных людей». В этот день запрещались всякие собрания населения, которое должно было заниматься ежедневной работой» [2. Л. 7].

Осенью 1941 г. радио и печатные издания сообщали в достаточно ироничном тоне о взаимоотношениях между СССР и союзниками: «Англия и США только обещают помощь, а на самом деле не имеют для этого средств»; о том, какое количество советских войск попало в осаду под Вязьмой и Петербургом (название Ленинград было запрещено). До Московской битвы немцы были уверены в быстрой победе, поэтому содержание пропагандистского материала носило высокомерный характер. Война между СССР и Германией объявлялась «сражением между правдой и ложью», а инициатором и зачинщиком войны – СССР. «Европа была на грани бездны», – сказал 3.10.1941 г. Гитлер во время своего выступления в «Берлинском Спорт-Паласе». Из его речи следовало, что именно Советский Союз готовился к войне, накапливал оружие, чтобы напасть на Германию, но «закон инициативы был на нашей стороне», – отметил фюрер, – «мы не могли предвидеть только того, насколько продвинулись военные приготовления Советов.; не только Германия, но и вся Европа, находилась на грани бездны. Я могу сегодня сказать эту правду, ведь наш враг получил такой сокрушительный удар, от которого он никогда не оправится. Возможность нашествия нового Чингис-Хана предотвратили мы».

Гитлер также намекнул на новое «секретное оружие», которое вскоре будет создано. Таким образом, все информационные сообщения были проникнуты предчувствием скорой и легкой победы над СССР. Особенно должны были впечатлить аудиторию циф-

ры о величине захваченной территории и количестве военнопленных, о кризисных явлениях в экономике СССР и его союзников, распространялись слухи даже о «народном восстании на Кавказе», как свидетельстве упадка советской власти [3. С. 1].

Со временем доказательства виновности СССР в развязывании войны приводились все более одиозные. Например, русскоязычная газета, издававшаяся в Берлине, «Новое слово» (а вместе с ней и радиопрограммы) осенью 1941 г. вышла со статьей под названием «Гибель памяти». В ней анонимный автор призвал задуматься над тем, как характеризовали Ленин и Сталин участие России в Первой мировой войне в союзе с Англией и Францией, а именно как «предательство социализма». Далее проводилась интересная параллель на примере ленинской цитаты: «Кто называет оборонительной и справедливой войну с германским империализмом, а на самом деле получает помощь от англо-французских империалистов, а кто, ничего не скрывая от народа, согласен подписать невыгодные для слабой нации условия мира, если нет силы продолжать войну, тот никоим образом не предаст социализма». Далее говорилось, что «отец народов», конечно, не забыл этих слов, но дело в том, что «в то время для спасения своей шкуры большевикам нужно было заключить мир, а теперь – вести войну». Людей подводили к мысли о том, что советская власть вскоре рухнет, а мощь германской армии лишь ускорит это падение [3. С. 2].

Но содержание и акценты в пропагандистских материалах постепенно менялись. Хотя информация о событиях на советско-германском фронте на протяжении всей войны имела помпезный тон и воспевала мнимые победы вермахта, срыв плана «молниеносной войны» вынудил оккупантов искать средства подчинения населения захваченных земель и привлечения его к сотрудничеству. Поэтому уже в начале 1942 г. антисоветская пропаганда активно эксплуатировала новые темы, например сравнивала жизнь советских людей и населения нацистской Германии. Предпринимались попытки «разоблачения отвратительных и преступных сторон советской социально-экономической и политической системы».

Своеобразный резонанс получило обращение Сталина к советским гражданам и провозглашение им отечественного характера войны. Немецкая пропаганда приводила на него свои контраргументы. «Война для народов СССР не может быть отечественной, поскольку последняя имеет цель защиту национальных идей, свободы, прав и достоинства граждан, самостоятельной внешней политики, права на развитие национальной культуры и языка, борьбы на обеспечение национального будущего народа. Может ли она быть отечественной? Мы не ведем наступления на ваше Отечество, ведь большевики отняли его у вас вместе с историей и национальным сознанием. Вообще немцы ведут только оборонительные войны. Германия находилась перед величайшей угрозой вследствие материального и морального вооружения большевиков, огромные военные предприятия, которые создавали большевики за счет народа, были направлены против Германии. “Пакт о ненападении” был лишь тактиче-

ским шагом Сталина. Понятно, что Германия не должна была ждать нападения Красной Армии, она сделала это первой, и это был не политический, а исключительно военный маневр», – демагогично и безапелляционно сообщалось в одной из статей. Немецкая пропаганда утверждала, что Германия не имеет каких-то преступных намерений в отношении «русского народа», наоборот, сейчас у него появилась возможность вернуть себе Отечество, избавиться от своей бесправности и последствий коллективизации, репрессий НКВД, возродить национальные традиции, религию, получить землю. «У вас нет того будущего, за которое бы следовало воевать на стороне большевиков», – подобный пропагандистский слоган стал лейтмотивом печатных изданий и радиопрограмм [4. Л. 5–6].

Специальные обращения были адресованы непосредственно членам коммунистической партии и комсомола. Так, среди гражданского населения и пленных красноармейцев распространялась брошюра на русском языке под названием «Коммунистическая партия СССР», в которой утверждалось, что рядовые члены ВКП(б) обмануты большевиками («немецкой власти хорошо известно о той преобладающей цифре обманутых большевиками коммунистов и комсомольцев, составляющих большинство ВКП(б)»). Этим обманутым гарантировались жизнь и свобода, если они с оружием в руках перейдут на немецкую сторону ради «полного примирения и сотрудничества между народами». Этот материал был адресован также советским солдатам, попавшим в окружение и сражавшимся впоследствии уже в составе партизанских отрядов [5. Л. 29].

1942 г. связан с началом пропагандистских акций празднования дня рождения Гитлера, 1 Мая в национал-социалистическом духе и так называемого дня освобождения. 20 апреля 1942 г. в Минске состоялось торжественное собрание общественности, на котором выступил Генеральный Комиссар округа Беларусь В. Кубе. День рождения Гитлера был объявлен «днем признательности белорусского народа фюреру за национальное освобождение и возможность национального возрождения». Особую благодарность участники собрания выразили за то, что «он открыл белорусам дверь в светлое и счастливое будущее, дал возможность их родине войти в состав Новой Европы». В этот день прошли торжественные мероприятия повсеместно на территории округа; были празднично украшены школы, прошли сходы сельского населения [6. Л. 36].

День трудящихся отмечался в 1942 г. непосредственно на предприятиях. В приказе относительно порядка его проведения говорилось, что условия и потребности военного времени не позволяют объявить этот день выходным. На заводах выступили немецкие референты. А на предприятиях, которые полностью выполняли план, прошли отдельные пропагандистские акции. Их суть сводилась к призывам белорусских рабочих к сотрудничеству с немецкой властью. Предприятия были «украшены» портретами Гитлера, нацистской символикой; шла трансляция развлекательных и музыкальных программ [7. Л. 7].

22 июня 1942 г. было объявлено годовщиной «освобождения поработанных советских народов». «Народы Европы под руководством Германии и Италии объединились для борьбы с их общим врагом – большевизмом. Сделано это было для того, чтобы предупредить Сталина и его еврейских приспешников, собиравшихся неожиданно напасть на национальные державы, пославшие свои армии к восточным границам континента, и этим спасли всю Европу». За год, как сообщали немцы, на «освобожденной территории была восстановлена нормальная жизнь, начало восстанавливаться разрушенное отходившими большевиками хозяйство, крестьяне получили землю, колхозный принудительный строй был ликвидирован, – и вообще было обещано скорое наступление периода “подъема и процветания”» [4. Л. 14–15]. С радостью отмечалось, что «СССР, наоборот, уже сейчас ощущает последствия подготовленной и развязанной Сталином войны... а отчаянный призыв Сталина о союзнической помощи остался безответным, ему помогли также попытки по преобразованию борьбы за коммунизм в Отечественную войну, ведь 25 лет он проповедовал подвластным ему народам, что пролетарии не имеют Родины, теперь же пытается внушить обратное». Эта агитация сопровождалась обычно политическими обзорами военного положения по радио, которые с помощью цифр о потерях Советского Союза, о кризисных явлениях в экономике Англии и США должны были убедить население в тщетности сопротивления германской армии. Типичными для этого время были материалы пропаганды с такими названиями, как «Мечта о втором фронте», «Новое время для освобожденных Германией народов», «Год борьбы с большевизмом», «Начало германского наступления» [4. Л. 29].

Но, конечно, главным мероприятием антисоветского характера в 1942 г. стало учреждение филиалов НСДАП в пределах Генерального округа Беларусь, что было приурочено к посещению белорусской земли А. Розенбергом. Его поездка по рейхсминистерству «Остланд» была обусловлена приказом Гитлера «подготовить почву и пространство для работы НСДАП на востоке». Работа по распространению и привитию идей нацизма началась в школах, общественных организациях, на предприятиях, среди сельского населения. Уничтожить «дух большевизма», «избавить народ от коммунистического яда» стали одними из главных целей деятельности школ, отделов пропаганды и политики [4. Л. 36].

Всевозможными средствами советских людей стремились убедить в превосходстве немецкой политической и экономической системы, созданной нацистами. Доверие белорусов к оккупационным властям должно было обеспечить спокойствие в тыловой зоне вермахта, способствовать привлечению населения округа к сотрудничеству с немецкой администрацией. Главным препятствием на пути к заветной цели был непонятный «фанатизм большевиков», «преданность коммунистической идее», в целом враждебные настроения среди населения и общие надежды людей на возвращение Красной Армии. Разочаровать, разубедить людей в их прежних идеалах должны были

пропагандисты. Содержание пропагандистских материалов сочетало два тематических направления – антисемитское и антисоветское. Пропаганда предпринимала огромные усилия по дискредитации И.В. Сталина, называя его «марионеткой в руках окружения, большинство которого составляют либо нерусские, либо жида». «Последние, установив большевистский режим, захватили власть, что стало возможным только благодаря мировому сионистскому заговору. Неудивительно, что Сталин жертвует миллионами русских жизней, ведь к народам России и их Отечеству кремлевским жидом нет никакого дела, они стараются спасти свои шкуры» [4. Л. 42]. Место советских идеалов и кумиров должны были занять нацистские. Победоносное завершение войны для Германии – вот что не должно было вызывать сомнения у белорусского населения. Оно должно было свыкнуться с мыслью, что его будущее уже predetermined и будет связано только с «Третьим рейхом».

Немецкая пропаганда содержала откровенную ложь о военно-политической ситуации. Например, в издававшихся немецкой администрацией газетах были опубликованы статьи о якобы имевших место попытках антисоветских выступлений в некоторых республиках Советского Союза. «В конце 1942 – начале 1943 г. Кавказ и Узбекистан были охвачены народными волнениями. Руководство этих республик хотело открыто выступить против большевистских врагов народа, сидящих в Кремле, и стоящих за ними евреев». Сообщалось также о том, что «предчувствие близкого краха большевистско-жидовской системы невероятно увеличило количество перебежчиков, что даже среди советских генералов есть определенная группа, которая собирается в перейти на немецкую сторону; что весна 1943 года стала голодной для миллионов советских граждан, а американская еврейская плутократия заработала на этом большие деньги, выделяя СССР займы» [4. Л. 42].

Еще больший резонанс вызвало заявление Сталина о роспуске Коминтерна. Это событие было объявлено «платой Сталина союзникам за помощь и вообще ее условием, поставленным Рузвельтом». Согласно пропагандистской версии, «американский президент испугался, что растущее во всем мире понимание истинного исторического смысла большевизма привлечет новые страны в лагерь «государств – оси». Но буржуазия не обеспечит себе таким образом спокойствия, ведь роспуск – фальшивый, он только ширма, за которой происходит игра по старым правилам». Доказательствами правдивости данных утверждений должен был послужить попавший к немцам так называемый приказ Сталина от 16.02.1943 г., «генерал-лейтенанту Харитонову, командующему 6-ой армией, и генерал-лейтенанту Кузнецову, командующему 2-ой армией». Суть «приказа» сводилась к определению трех этапов войны, последний из которых должен был перейти в мировую пролетарскую революцию. «Это еще раз подтверждает, что Сталину и его приспешникам-жидом интересы народа не важны, ведь все годы своего владычества они сосали кровь советских людей. Стремясь достичь мирового господства, они разожгли большевистскую войну» [8. Л. 9].

Каждое значимое событие на советско-германском фронте и на международной арене находило свое отражение в кривом зеркале немецкой пропаганды. А в 1943 г., когда надежды нацистской Германии на победу в войне стали еще более призрачными, фальсификация фактов о военно-политических событиях и процессах приобрела еще большие масштабы. Показательными в этом смысле стали сообщения о ходе и результатах битвы на Курской дуге. Это историческое сражение, с одной стороны, презентовалось немецкой пропагандой как «провал большевистского наступления в районе Орел – Белгород, в ходе которого советская армия понесла невероятные потери, ставшие предвестником Страшного суда для красных злодеев и расплаты за сотворенные ими в течение 25 лет преступления». С другой стороны, Германия и ее союзники были названы «божественными посланцами, пробудившими от летарического сна народы Европы и спасшими их от большевистской опасности, лавиной шедшей на Европу с Востока» [9. Л. 44]. Подобный характер носили исключительно все сведения военно-политического содержания на всем протяжении войны.

Мощный удар по фашистским планам нанесла встреча глав стран – союзниц в Тегеране. В свою очередь, это историческое событие заметно снизило эффективность немецкой пропаганды. Действительно, в течение трех лет до этого она успешно эксплуатировала тему выжидательной тактики союзников СССР, называя позицию союзников полной экономической и военно-политической неспособностью предпринять военные действия против Германии на территории Европы, а также как доказательство того, что Советскому Союзу, «доживающему последние дни», ожидать помощи от них не приходится. В секретной инструкции для отдела пропаганды Генерального комиссариата Беларуси, присланной из Риги 04.12.1943 г., говорилось следующее: «Вся зарубежная печать пишет о встрече Сталина, Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши, предстоящей в ближайшее время. Цель этой встречи – мощный пропагандистский удар по немецкому народу и его союзникам; это продолжение “войны нервов”, апогеем которой стал ноябрь 1943 года. Наши враги считают, что если авианалеты не сломили морального духа немецкого народа, то им удастся это сделать средствами пропаганды. Поэтому во всех средствах пропаганды и в сфере образования необходимо придерживаться следующих аргументов: советцы уже использовали все средства, чтобы разбить нас, но эти попытки закончились для них огромными кровавыми потерями; разговоры о крупном англо-американском наступлении в Италии являются фальшивкой, тем более, что успех этой операции не будет иметь никакого оперативного значения; Япония причинила американцам огромный ущерб в морской войне; при этом нельзя сказать, что враг имел на каком-либо фронте преимущество; Черчилль и Рузвельт надеются закончить войну без существенных потерь для себя, однако в 1944 году в США состоятся выборы и военные неудачи негативно отразятся на их результатах; вражеская пропаганда через радио и листовки не имела до этого успехов; сообщения о встре-

че “четверки” – спекуляции, для нас остается только слово – “победа”; в этом смысле и следует осуществлять пропаганду» [10. Л. 17–18].

В 1943 г. на территории Генерального округа еще более помпезно прошли пропагандистские акции, посвященные «Дню освобождения Беларуси» (22.06) и дню рождения А. Гитлера. Первый из них был даже объявлен выходным днём. Однако празднования были омрачены налетом советской авиации. В течение июня газеты были наполнены сообщениями о нападении 2-го июня на Минск «сталинских соколов», в результате которого погибло большое количество мирных жителей. Еще не утихли фальшивые сочувствия по погибшим от налета, как на Генерального комиссара Беларуси В. Кубе советскими подпольщиками 22 июня было совершено покушение во время его праздничной речи в театре оперы и балета. «Белорусская газета», издававшаяся оккупантами, прокомментировала происшествие следующим образом: «Эти кроважадные собаки хотят уничтожить все белорусское, все нежидовское и все позитивное население» [11. Л. 1]. Сам гауляйтер Кубе призвал население помочь отыскать злодеев и назначил премию за их поимку в размере 100 тыс. рублей.

Несмотря на мизерный эффект от таких «праздников», пропагандистские акции подобного типа проводились и впоследствии. Например, несколько раз в Минске был с визитом министр занятых восточных территорий А. Розенберг, что сопровождалось организацией торжественных встреч и мероприятий. А 9 ноября 1943 г. местный отдел НСДАП провел празднование 20-й годовщины «пивного путча». В первый день состоялось торжественное собрание в городском театре, на второй и третий день на предприятиях и в учреждениях города прошли собрания работников, на которых рассказывали об исторической роли НСДАП в истории Германии и всей Европы.

На 1943 г. выпала еще одна годовщина – 10-летие основания «Немецкого трудового фронта», что отразилось в активной идеологической обработке белорусских рабочих. Формы пропагандистской работы стали более разнообразными. Были организованы поездки делегаций белорусских работников в Германию для знакомства с жизнью немецких рабочих и условиями их труда. Кроме того, на предприятиях проводились сходы, собрания, целью которых стала реклама образа жизни немцев, созданного национал-социалистическим режимом. Подчеркивалось, что профсоюзы в рейхе не занимаются разжиганием классовой борьбы; вся нация – едина, в том числе работники и их хозяева. У потенциальных белорусских оstarбайтеров пытались создать иллюзию успеха, безопасности в случае их вербовки на работу в Германию. Пропагандисты неустанно вещали о недостатках советской системы и преимуществах германской. Рассказывалось о высоком уровне жизни рабочих в Германии, а параллельно о том, «как заботились о рабочих большевики». «Большевики праздновали 1 Мая как день международного пролетариата, призывая к классовой борьбе. Однако празднование этого дня в освобожденных областях показало, что русские даже не хотят слышать о “мировой революции” и

“диктатуре пролетариата”, что они отвернулись от бессовестной кремлевской шайки, за спиной которой стоит мировой сионизм» [12. Л. 1].

Одним из тематических разделов этой кампании был так называемый женский вопрос. С одной стороны, немецкие пропагандисты говорили о превращении советской женщины в обычный рабочий механизм, когда советская власть во всем уравнивала ее с мужчиной. Но это равенство прав обернулось жесткой эксплуатацией: «Отсутствие женского вопроса, о чем кричали коммунисты, и борьба за их освобождение привели к тому, что советская женщина работает наравне с мужчиной, и так же, как последний, имеет шанс попасть в когти НКВД». С другой стороны, пропаганда стремилась создать некий идеальный образ немецкой женщины-матери, труд которой хотя и используется на благо воюющего рейха, однако правительство Германии не забывает о том, что каждая женщина должна быть окружена заботой и вниманием. Типичными были радиопрограммы и газетные статьи под названием “Женщина в Германии и СССР”, где проводилось сравнение социального и правового статуса советских и немецких женщин [9. Л. 42].

Особым объектом антисоветской критики и всевозможных разоблачений стала деятельность НКВД. Политика массовых политических репрессий второй половины 1930-х гг., а также методы коллективизации, включавшие раскулачивание, стали историческим основанием для создания немецкими пропагандистами пугающей картины в случае возвращения на белорусскую землю советской власти. Материалы пропаганды содержали ряд риторических вопросов и утверждений, обращенных к самым различным группам населения округа, – «Сталин и его еврейские приспешники неугодных им людей отправляли под кровавый меч пролетарской революции – НКВД». «Где теперь ваши раскулаченные земляки?» – спрашивали крестьян – «Не в лагерях?». Интеллигенции был адресован другой вопрос: «Где ваши друзья нацдемы? Что сделала советская власть с Игнатовским, Лесиком, Горецким и тысячами других?». Разоблачение реальных преступлений сотрудников НКВД сочеталось с оголтелым антисемитизмом и запугиванием местного населения перспективой возвращения большевиков [8. Л. 23].

Еще одной крупномасштабной антисоветской акцией в 1943 г. стало так называемое катынское дело, связанное с расстрелом накануне войны польских офицеров. «Ужасная находка под Смоленском» – под таким названием в апреле 1943 г. впервые появилась информация об обнаруженных немцами трупах польских офицеров. Характерно, что число жертв практически с каждым сообщением возрастало и достигло, наконец, цифры 12 тыс. убитых [13. Л. 23].

Пропагандистскую кампанию, связанную с катынской историей, можно считать первой волной запугивания населения, за которой последовали и другие уже в 1944 г. Весной последнего для белорусской земли года войны по всей территории округа прошли выступления бывших офицеров Красной Армии – Капора и Русанова о сталинских планах уничтожения

белорусского народа. Они рассказывали о деятельности особых отрядов НКВД, которые якобы проводят среди белорусских партизан аресты во «вновь оккупированных большевиками областях, поскольку, по мнению Москвы, они отравлены нацистской пропагандой и антисоветскими настроениями». Сообщалось, что все население, которое жило и работало при немцах, встретит смерть от рук офицеров НКВД. В якобы проводимых репрессивных акциях против белорусского населения обвинялись евреи. А сама репрессивная политика НКВД называлась реализацией планов Сталина. При этом утверждалось, что действия особых отрядов вызвали народную борьбу в тылу Красной Армии «против сталинских опричников» [14. Л. 36–37]. «Советы в отчаянных попытках спастись от справедливого возмездия используют все средства; выбирают самые жестокие методы ведения войны, их лозунг – “Победа любой ценой!”». Большевики мобилизуют всех мужчин – от подростков до стариков и сразу же посылают их в бой; они рекрутируют даже женщин, а в “освобожденных” ими европейских местностях специально поддерживают голод; в армии введен новый закон – тяжело раненых не подбирать» [15. Л. 8–9].

Такая грубая ложь в немецких информационных сообщениях была типичной для начала 1944 г. Было очевидно стремление запугать гражданское население края перспективой мобилизации в Красную Армию, необходимостью «отвечать» перед «особым» отделом НКВД, преследованиями не только тех, кто сотрудничал с немецкой администрацией, но и каждого человека, жившего в оккупации. Утверждалось, что уже действуют особые «команды уничтожения людей»; повсеместно, куда пришли большевики, начинаются карательные операции против «предавшего» местного населения. Параллельно с этим проходили пропагандистские кампании о «преступлениях большевиков в Европе», о близком и решающем немецком контрнаступлении. Немецкие пропагандисты в отчаянных попытках мобилизовать местное население на активное противодействие наступающим частям Красной Армии активно разоблачали «распоряжение московского Верховного Совета о переселении народов СССР в Сибирь». В акциях были задействованы и представители белорусского коллаборационизма. Например, президент Белорусской Центральной Рады Р. Островский обратился к белорусскому народу со словами: «Свою собственную судьбу решает сейчас белорусский народ. Долгожданную свободу можно обрести только своей борьбой. Все белорусы должны выступить вместе с немцами в этой борьбе, а кто не с нами, тот – наш враг» [16. Л. 101].

Поднять народ на борьбу с КА должны были специально созданные антисоветские организации. В марте 1944 г. главный редактор издававшейся в Бобруйске фашистской газеты «Речь» М. Актан стал основателем «Союза борьбы против большевизма» (СБПБ). Он лично в марте-апреле 1944 г. проводил на предприятиях Бобруйска, Осипович, Слуцка и других городов митинги, на которых излагал цели и задачи новой организации. К их числу относились: «борьба с иудо-большевиками и их союзниками; активная дея-

тельность, направленная на включение русского и белорусского народов в Новую Европу; создание нормальных условий для жизни в разрушенной большевиками стране». Девизом союза стал «Смерть – большевизму, жизнь – народу». Радио, все периодические издания на русском языке пропагандировали идеи СБПБ. Плакаты, листовки, брошюры, издававшиеся тиражом в десятки тысяч единиц и раскрывавшие цели организации, бесплатно распространялись среди населения. При этом «членами» Союза становились, главным образом, принудительно. Так, после собрания на предприятии происходила запись всех «пожелавших» вступить в СБПБ, но позже начали записывать поголовно всех работников предприятия или учреждения под угрозой обвинения в симпатиях «жидо-большевику» и увольнения. В обязательном порядке должны были стать членами СБПБ солдаты «Русской освободительной армии» (РОА). Особенно охотно принимались лица, «обиженные советской властью». В мае 1944 г. в Бобруйске начали действовать политшколы СБПБ, готовившая руководящие кадры для Союза, а также курсы пропагандистов СБПБ. Следует отметить, что программа Союза почти полностью повторяла программу РОА Власова, а поэтому не выступала за самостоятельную Беларусь, а за «равные права всех народов в составе России». Каждый участник этого антибольшевистского движения был обязан активно вести пропагандистскую, разъяснительную работу среди населения, проводить вербовку, а также «разоблачать бандитско-партизанские элементы» [17. Л. 1–2]. Кроме того, представители СБПБ входили в состав вооруженного отряда СС под началом Москаленко. Они должны были, как обычные члены Союза, давать присягу на верность А. Гитлеру.

Еще одной вооруженной антисоветской организацией стала «Национал-социалистская рабочая партия России», основанная в начале 1944 г. командиром бригады РОА Каминским в г. Дятлове. Главными целями «партии» стало «заключение почетного мира с Германией, созыв Национального Собрания, проведение национальной революции», заключавшейся «в выявлении и сосредоточении всех национальных антибольшевистских сил, идеологической и вооруженной борьбе, противопоставлении жидовской интернациональной идеологии силы национальных идей – любви к Отечеству и своему народу» [18. Л. 23–24]. Также основатели партии, как свои главные задачи, рассматривали свержение «кровавого сталинского режима в России и создание суверенной державы, которая объединит народы России», реализацию права наций на самоопределение; ликвидацию классово-сословной розни, созданной большевиками. На территории округа действовала особая партшкола НСРПР, учащиеся которой занимались пропагандой идей партии среди населения. Провозглашенные цели, по мнению организаторов партии, должны были привлечь массу добровольцев в ее ряды, однако реальность оказалась иной. Народ не спешил вступать в ряды нацистской партии.

Несмотря на низкую эффективность пропаганды, активность и масштабность идеологической обработ-

ки населения округа только возрастали и достигли наивысшей точки весной-летом 1944 г. Можно сказать, что военные «успехи» вермахта находились в обратной зависимости от количества пропагандистских акций. Неудавшиеся попытки привлечь белорусов в вышеназванные организации были заменены проведением оккупационными властями в Минске и других городах округа так называемых антибольшевистских манифестаций. На подобные мероприятия собирали по несколько тысяч человек, от имени которых принималась так называемая резолюция протеста. Помимо этого белорусскоязычные периодические издания были обязаны заниматься популяризацией вождей нацистской партии и содержать материалы из биографии Гитлера, Геббельса и других лидеров «Третьего рейха». Обычно на первой странице издания размещалось изображение фюрера, ниже – его биография и обращения от имени благодарных белорусов: «Беларусь благодарна своему освободителю А. Гитлеру!», «Честь и слава освободителю народов – А. Гитлеру!» [19. Л. 1].

Особым разделом антисоветской пропаганды стала критика социальной политики советской власти и ее сопоставление с политикой германского правительства. Известно, что с первых дней оккупации население округа ощутило на себе ряд нововведений в области социального обеспечения, например врачебная помощь и получение образования стали платными. При этом газеты и листовки объясняли подобные меры новых властей потребностями военного времени, «нуждами фронта», от обеспечения которых население вскоре будет полностью освобождено. Понятно, что одни пропагандистские лозунги не могли решить текущих социально-экономических вопросов. Людей надо было обеспечивать продовольствием, выплачивать им зарплаты, открыть магазины, наладить торговлю. Тем более что партизанская пропаганда сообщала о реальном положении вещей, в том числе и о том, что зарплаты на территории округа самые низкие, по сравнению с другими территориями Остланда, не говоря уже о Германии.

На это быстро отреагировали немецкие власти: в декабре 1941 г. было опубликовано постановление В. Кубе «О политике в области зарплаты», которое предусматривало сохранить тот уровень, который существовал до 20.06.1941 г. (в пересчете на марки), что объяснялось такой гуманной целью, как «предупреждение роста цен и инфляции» [20. Л. 58]. Но те, кто, возможно, рассчитывал на какие-то позитивные изменения, были наверняка разочарованы последующим постановлением в области трудовых отношений и зарплат от 21.10.1942 г. Оно полностью повторяло содержание закона об отношениях между работниками и хозяевами предприятий, действовавшего на территории Германии. Постановление создавало только видимые заботы государства о народе, поскольку собственники предприятий не имели права увольнять работников или снижать им зарплату, но и работники не могли перейти на другое предприятие в поисках больших заработков. Нарушение трудового договора той либо иной стороной, отказ работать на данном рабочем месте и снижение производительности труда

строго наказывались. Пропаганде нового трудового законодательства должны были служить марионеточные профсоюзы, организованные в августе 1942 г. по приказу В. Кубе по образцу германских. В инструкции для пропагандистов, касательно освещения этого события, говорилось, что акцент в ходе пропагандистских акций нужно делать на том, что белорусские профсоюзы призваны заботиться о материальном обеспечении трудящихся, о проведении ими свободного времени, а также о здравоохранении. Создание профсоюзов по примеру «Немецкого трудового фронта» должно было якобы повысить производительность труда, а то, что они избавлены от необходимости вести «классовую борьбу», является историческим достижением и одновременно создает основу для возрождения Беларуси. Подчеркивалось, что другой важной задачей Генерального Комиссара и его подчиненных будет медицинское обеспечение белорусского населения. Все это должно было убедить людей в том, что несмотря на войну, гражданская администрация округа заботится о населении и достигла в этом плане уже очень многого – это и право пациента выбирать того или иного врача, и право получать медицинскую помощь в стационарах или амбулаториях, и право бесплатно получать лекарства и право на материальную помощь в случае болезни в размере 50% от зарплаты [21. Л. 37–39].

Пропаганда в области трудовых отношений и социальной политики была построена на противопоставлении достижений германского правительства и недостатков советской системы. Наибольшее внимание здесь обращалось на то обстоятельство, что главную ценность в нацистской Германии составляло «благополучие и семейное счастье каждого немца», а «большевики только использовали рабочую силу человека, отравляли разум жидовскими идеями интернационализма, разжигая классовую вражду». Таким образом, они вели подготовку к мировой революции, а обычный работник – мужчина или женщина – не

мог воспользоваться своими конституционными правами и свободами [22. Л. 2]. Одним из доказательств «искренней» заботы немецкой администрации о населении округа должна была послужить создание в 1943 г. организации «Белорусского строительства». Пропаганда называла главной задачей «Белорусского строительства» постройку жилья для жителей округа, а также «стремление немцев обеспечить ограбленный большевиками белорусский народ жильем, которое было разрушено отступавшими большевиками» [23. Л. 53].

Такое количество пропагандистских акций отражало фактическую беспомощность немецких захватчиков в попытках противодействия партизанской пропаганде. С приближением линии фронта пропаганда все больше запугивала «жидо-большевистской угрозой для Беларуси». За этой фразой скрывался страх самих оккупантов перед реальностью и предстоящим временем расплаты. Активная пропагандистская деятельность немецких властей, фактически накануне советского наступления, стала последней попыткой скрыть собственный провал в реализации планов господства на Востоке, попыткой привлечения населения оккупированных территорий СССР на сопротивление наступающим частям Красной Армии.

Таким образом, массированная антисоветская пропаганда, ориентированная на самые различные слои населения, оказалась малоэффективной. Белорусское население округа с недоверием относилось как к информации военно-политического характера, так и к всевозможным агитационным материалам. Надежды захватчиков вызвать массовый народный подъем против наступающих частей Красной Армии потерпели крах. Усилия немецких и местных пропагандистов нивелировались крайне жестоким оккупационным режимом, в том числе методами борьбы с партизанами, карательными экспедициями СС против мирного населения, массовым уничтожением евреев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов Ю.Л. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М. : Изд-во МГУ, 1985. 186 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 6. Д. 8.
3. НАРБ. Новое слово. 12.10.1941.
4. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 32.
5. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 35.
6. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 409.
7. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 6.
8. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 33.
9. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 52.
10. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 382а.
11. НАРБ. Белорусская газета. 23.06.1943.
12. НАРБ. Возрождение. 28.06.1943.
13. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 73.
14. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 298.
15. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 11.
16. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 13.
17. НАРБ. Ф. 854. Оп. 1. Д. 1.
18. НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 575.
19. НАРБ. Белорусская газета. 04.03.1944.
20. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 577.
21. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1272.
22. НАРБ. Белорусская газета. 11.08.1943.
23. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1259.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 августа 2020 г.

German Authorities' Anti-Soviet Propaganda in the Occupied Territory of the USSR (Based on the Materials of the General District of Belarus)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 170–177.

DOI: 10.17223/15617793/471/20

Elena A. Pushkarenko, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Keywords: anti-Soviet propaganda; General District of Belarus; General Commissioner; war; Communist ideology.

The article examines the problem of the German authorities' anti-Soviet propaganda in the occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus). Using the research methods of analysis and synthesis, the author aims to establish the main directions of ideological influence of anti-Soviet character on the population of the district, to trace its evolution, to determine the effectiveness of German propaganda. The article is based on previously unpublished historical sources, including documents of the National Archive of the Republic of Belarus (NARB), which include propaganda materials of the occupied authorities, orders of representatives of the German administration and heads of the General District of Belarus regarding anti-Soviet agitation, analytical materials of Soviet authorities, reports of partisans. The duration of the occupation regime in Belarus during the Great Patriotic War forced the German authorities to use political propaganda to influence the local population. The tasks of anti-Soviet propaganda were the extermination of the "Soviet spirit" and Soviet values from all spheres of people's life and consciousness. The main techniques were demagoguery, outright lies, and falsification. Thematically, anti-Soviet propaganda included a number of sections: informing about events on the Soviet-German front, discrediting Stalin and the top officials of the Soviet Union, criticism of the Soviet social security system and labor legislation, intimidation of the Belarusian population with the prospect of returning to Soviet power and punishment by the NKVD for living under occupation. Collaborationist organizations, including the Belarusian Central Rada (BCR), were involved in anti-Soviet propaganda. To spread the Nazi ideology, the occupiers created the Union of Struggle Against Bolshevism (SBPB) and the National Socialist Workers' party of Russia (NSRPR) in the district. However, participation in these pro-fascist organizations was mostly compulsory. Both heads of the German district administration – William Kube and Curt von Gottberg – attached great importance to the spread of national socialist ideology, the formation of a new scale of values, different from the Soviet one. The massive anti-Soviet propaganda aimed at various segments of the population was ineffective. The Belarusian population of the district distrusted both military political information and propaganda materials distributed by the invaders. The invaders' hopes of causing a mass popular upsurge against the advancing Red Army units crashed. The efforts of German and local propagandists were leveled by the extremely brutal occupation regime, including methods of fighting partisans, SS expeditions against civilians, and the mass extermination of Jews.

REFERENCES

1. Orlov, Yu.L. (1985) *Krakh nemetsko-fashistskoy propagandy v period voyny protiv SSSR* [The collapse of Nazi propaganda during the war against the USSR]. Moscow: Moscow State University.
2. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 6. File 8.
3. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Novoe slovo*. 12 October 1941.
4. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 32.
5. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 35.
6. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 409.
7. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 6.
8. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 33.
9. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 52.
10. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 382a.
11. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Belaruskaya gazeta*. 23 June 1943.
12. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Vozrozhdenie*. 28 June 1943.
13. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 411. List 1. File 73.
14. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 298.
15. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 11.
16. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 13.
17. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 854. List 1. File 1.
18. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 33a. File 575.
19. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Belaruskaya gazeta*. 04 March 1944.
20. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. List 1. File 577.
21. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1272.
22. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). *Belaruskaya gazeta*. 11 August 1943.
23. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 1259.

Received: 06 August 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 796.012

В.И. Загrevский, О.И. Загrevский, Т.В. Галайчук

БИОМЕХАНИКА ДИНАМИЧЕСКОЙ ОСАНКИ В СПОРТИВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ И МЕТОДИКА ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Приведен оригинальный способ расчета силовой компоненты в суставах спортсмена в спортивных упражнениях с динамической осанкой на основе модельного представления движения опорно-двигательного аппарата тела спортсмена в виде физического маятника. На основе корректного биомеханического анализа спортивных движений с фиксированной позой разработан комплекс специальных подготовительных и подводящих упражнений для освоения элементов динамической осанки.

Ключевые слова: гимнастические упражнения; биомеханика двигательных действий; динамическая осанка; силовой потенциал спортсмена

Современные компьютерные технологии позволяют обосновать такие способы выполнения двигательных действий спортсмена, которые до настоящего времени не подвергались основательному биомеханическому анализу в силу значительного количества вычислительных операций, связанных с большой размерностью конфигурационного пространства биомеханических систем.

Кинематический анализ механического движения объекта позволяет рассматривать форму траектории и вид движения совместно с положением объекта в фиксированные моменты времени. Совокупность значений обобщенных координат системы (q_i) обычно задает конфигурацию движущейся системы и формально описывает так называемое конфигурационное пространство, трактуемое так: «Конфигурационное пространство (иногда также *пространство конфигураций*) – понятие в математической физике, вариационном исчислении и аналитической механике, абстрактное пространство, задающее конфигурацию системы – совокупность значений всех её обобщенных координат» [1. С. 1]. Здесь следует заметить, что размерность конфигурационного пространства равна числу степеней свободы системы, а обобщенные координаты в этом пространстве определяют положение системы в фиксированный момент времени. Понятие конфигурационного пространства и конфигурации движущейся системы с полным основанием можно применить и к биомеханической системе, в которой взаимное расположение звеньев можно описать с помощью обобщенных (q_i) и присоединенных координат (u_i), выраженных в виде разности смежных обобщенных координат (q_i, q_{i+1}): $u_i = q_{i+1} - q_i$. Здесь: $i = 1, 2, \dots, n$, где n – количество звеньев биосистемы.

В работах [2, 3] применительно к пространственным изменениям взаимного расположения звеньев системы используется термин «реконфигурация», описывающий процесс изменения конфигурации системы. Так, например, в робототехнике под реконфигурацией манипуляционного робота понимается «управляемый процесс изменения конфигураций манипуляционного робота и грузов из начальной конфигурации в набор конфигураций цели» [2. С. 128].

Аналогичное определение понятию «реконфигурация» дано в более раннем изложении в статье В.Ю.

Рутковского и соавт.: реконфигурация манипулятора – это «...управляемый процесс изменения конфигурации манипулятора при перемещении его звеньев из некоторого начального состояния в конечное, удовлетворяющее определенным требованиям, выполнение которых необходимо для успешного решения очередной задачи, стоящей перед космическим роботом» [3. С. 83].

Сформулируем понятие реконфигурации, которое будем в дальнейшем использовать для оценки как текущей конфигурации биомеханической системы (БС), так и конечной, обусловленной требуемым решением двигательной задачи в спортивном упражнении. Под реконфигурацией биомеханической системы будем понимать управляемый процесс изменения начальной конфигурации биосистемы в процессе решения двигательной задачи на некотором сегменте траекторного перемещения тела спортсмена, удовлетворяющий определенным требованиям кинематики и динамики опорно-двигательного аппарата тела спортсмена.

Изменение начальной конфигурации БС осуществляется на основе изменения взаимного расположения ее звеньев, а сегмент траектории есть фаза движения, заданная начальной и конечной конфигурацией биомеханической системы в соответствующие моменты времени. Именно в этом смысле мы и будем использовать термин «реконфигурация» применительно к биомеханической системе, в которой при выполнении двигательного действия отмечаются изменения во взаимном расположении звеньев, а следовательно, и в величине суставных углов. В этой связи сохранение на некотором участке траекторного перемещения спортсмена неизменной (фиксированной) величины суставного угла в отдельном или нескольких суставах связывают с понятием «динамическая осанка» [4. С. 79]. По существу, динамическая осанка есть фиксация позы спортсмена в «застывшей» конфигурации БС на некотором участке траекторного перемещения тела, позволяющая решить двигательную задачу определенной фазы спортивного упражнения или его части.

Основные идеи выполнения спортивных упражнений с сохранением неизменной конфигурации биосистемы в некоторых фазах и отдельных частях спортив-

ного упражнения (динамическая осанка) сравнительно давно были выдвинуты и сформулированы в [5], а позже теоретически развиты в [4, 6, 7] и приняты на вооружение во многих видах спорта (спортивная и художественная гимнастика, акробатика, прыжки в воду с вышки и трамплина, прыжки на батуте, легкая атлетика, фристайл и др.).

Авторы, изучающие проблему формирования динамической осанки в спортивных упражнениях [4, 5, 8, 9], отмечают, что процесс обучения двигательным действиям опирается на создание у спортсмена ориентировочной основы действий (ООД). В этой части проблемы мы согласны с мнением С.П. Евсеева: тренажерные устройства могли бы не только облегчить процесс поиска правильных движений, но и воспроизвести за спортсмена «...программу управляющих движений в суставах, обеспечивающую реализацию намеченного спортивного результата» [4. С. 14]. По существу, в данном случае под ООД понимается программа управляющих движений в суставах, аналогичная программе реконфигурации биосистемы, целевым результатом которой является программа положения звеньев тела спортсмена в узловых точках спортивного упражнения (границы фаз движения), выраженная в виде частных программ. Последние представляют собой, в описании В.Т. Назарова (1973), программы места, ориентации и позы [5].

По мнению С.П. Евсеева, азбукой описания движений являются два компонента операций: «1) одновременное изменение угла в тех или иных суставах (элемент управляющего движения) и 2) удержание неизменным взаимного расположения двух смежных звеньев или суставного угла (элемент динамической осанки)» [4. С. 79]. В рамках нашего исследования более пристальное внимание уделялось второму компоненту описания движений – динамической осанке.

Здесь же мы учитывали, что «... при описании техники гимнастического упражнения следует давать не только кинематическую характеристику программы позы, но и ее динамическую (силовую) трактовку: 1) указать, активно (за счет мышечных сил) или пассивно (за счет внешних сил) осуществляется удержание неизменным или изменение суставного угла; 2) в каком направлении – совпадающем с направлением изменения угла в суставе или противоположном – должны быть направлены усилия в анализируемом суставе» [4. С. 79].

Большое разнообразие физических упражнений не позволяет применить к их классификации лишь один критерий классификационных признаков. Так, например, в спортивной физиологии [10] отмечается, что стандартные, или стереотипные, движения характеризуются относительным постоянством и последовательностью двигательных действий, что закрепляется и проявляется в виде динамического двигательного стереотипа.

Классификация физических упражнений по признаку **биомеханической** структуры движения основана на критерии периодичности (ациклические стандартные движения и циклические стандартные движения) [11].

В стереотипных движениях закреплён определённый порядок двигательных действий, который регламентирует ограничения на возможную кинематику и динамику управляющих движений и пространственно-временные параметры техники спортивных упражнений. Требования достижения целевой установки в соревновательном упражнении диктуют необходимость стабилизации двигательного навыка, что вступает в диалектическое **противоречие** с необходимостью варьировать кинематические и динамические параметры упражнения в границах его безошибочного исполнения, обусловленного принципом постоянного совершенствования технического мастерства спортсмена и поиском более рациональных вариантов и совершенных способов выполнения.

Одной из основных проблем эффективного использования элементов динамической осанки в спортивных упражнениях является существенное влияние внешнего силового поля (гравитационное воздействие) на качество и даже на саму возможность решения задачи траекторного перемещения атлета с сохранением неизменной структуры конфигурационного пространства биосистемы. Одним из результатов, полученных в работах [4–9], можно считать констатацию необходимости стабилизации межзвённых параметров спортсмена в режимах, требующих поддержания динамической осанки в определённых фазах спортивного упражнения. Однако эти результаты имеют несколько ограниченный характер. В частности, к вопросам, требующим более углублённого изучения, относятся, например, некоторые аспекты биомеханики движений спортсмена с динамической осанкой в силовом потенциальном поле; сведения о необходимой мышечной активности для сохранения жёсткого кинематического каркаса динамической осанки в условиях переменного характера действия момента силы тяжести; подготовительные и подводящие упражнения, используемые в тренировочном процессе для формирования элементов динамической осанки.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется недостаточным уровнем механико-математического освещения проблемы построения спортивных упражнений с элементами динамической осанки. В этой связи рассмотрим более подробно биомеханические аспекты динамической осанки и программный интерфейс компьютерных вычислений кинематических и динамических показателей ее проявления в спортивных упражнениях, применимый для расчетов в условиях тренировочного процесса.

Цель работы – определить и количественно оценить биомеханические факторы, обуславливающие силовой запрос к исполнителю спортивных упражнений с динамической осанкой.

Объект исследования в нашем эксперименте – спортивные упражнения с элементами динамической осанки – относится к четвертому типу движений классификационной схемы Ю.К. Гавердовского [7]: обороты на опоре. В вычислительном эксперименте рассматривалось гимнастическое упражнение «большой оборот назад на перекладине». Биомеханические требования к деталям техники упражнения сводились к сохранению конфигурации звеньев тела

спортсмена (расположение на одной прямой) в процессе перемещения модели на всей траектории движения, чем достигается реализация выполнения упражнения с сохранением динамической осанки. В исследуемом упражнении динамическая осанка поддерживается одновременно в плечевых и тазобедренных суставах.

На всем участке траекторного перемещения тела спортсмена фиксируется расположение рук, туловища и ног на одной прямой.

Амплитудные колебания изменения угла в суставах предельно минимизированы, и тело гимнаста вращается относительно грифа перекладины как единое целое.

В качестве модельного представления подобного движения можно принять математическую модель движения физического маятника.

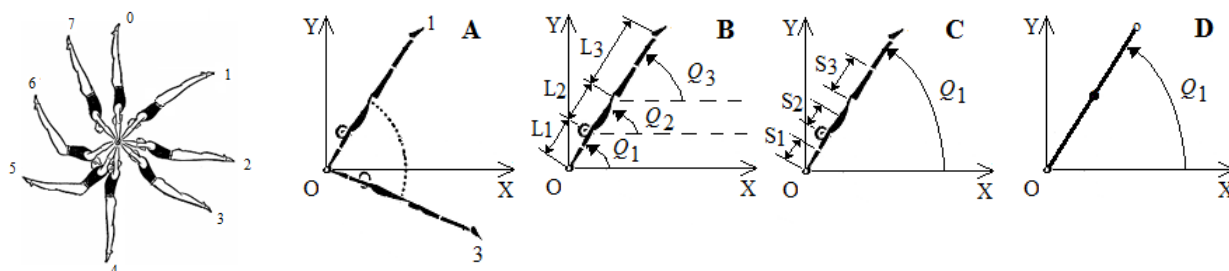

Рис. 1. Трехзвенная модель биомеханической системы в плоскостном движении

Используем физический маятник в качестве прототипа модели опорно-двигательного аппарата (ОДА) тела спортсмена, решающего конфигурационную задачу сохранения динамической осанки во всех суставах на сегментарном участке траекторного перемещения биосистемы. Положительное направление вращения физического маятника – движение против хода часовой стрелки. Отсчет обобщенной координаты выполняется от горизонтального положения модели в положительной области числовой оси Ox ДСК (рис. 1, А).

Введем обозначения для кинематических характеристик движения модели биомеханической системы и ее масс-инерционных характеристик (МИХ):

- i, j – буквенный индекс номера звена модели;
- N – количество звеньев модели;
- q_i, Q_i – обобщенная координата i -го звена;
- $\dot{q}_i, \dot{Q}_i$ – обобщенная (угловая) скорость i -го звена;
- $\ddot{q}_i, \ddot{Q}_i$ – обобщенное (угловое) ускорение i -го звена;
- L_i – длина i -го звена;
- S_i – расстояние от i -1-го сустава до центра масс i -го звена;
- m_i – масса i -го звена;
- P_i – вес i -го звена;
- J_i – центральный момент инерции i -го звена;
- S – расстояние от оси вращения (опора) до центра инерции физического маятника (спортсмена);
- m – масса физического маятника (спортсмена);
- J_c – центральный момент инерции физического маятника (спортсмена);
- J_o – момент инерции физического маятника (спортсмена) относительно неподвижной оси вращения O .

Методы исследования. В реализации цели исследования использовалась группа общенаучных и специальных методов: системный анализ, биомеханическое формирование модели опорно-двигательного аппарата тела человека, компьютерное моделирование, вычислительный эксперимент.

Результаты исследования получены на материале компьютерного моделирования с использованием расчетной модели анализа вращательных движений биомеханической системы в условиях опоры.

Модель опорно-двигательного аппарата биомеханической системы. Кинематическую схему исследуемого упражнения можно представить в виде трехзвенной модели опорно-двигательного аппарата тела человека [12], в которой руки – первое звено, туловище и голова – второе, ноги – третье звено (рис. 1).

Система отсчета (см. рис. 1, А) – инерциальная. Ориентация физического маятника определяется значением угла φ , отсчитываемого от горизонтальной оси Ox ДСК. Так, например, в вертикальном положении физического маятника над опорой $\varphi = 90^\circ$; если маятник расположен в вертикальном положении под опорой, то $\varphi = 270^\circ$ (или $\varphi = -90^\circ$).

Отсчет, выполняемый против хода часовой стрелки, принимается за положительное направление. Центр инерции физического маятника находится на расстоянии S от оси вращения O , расположенной перпендикулярно плоскости рисунка (см. рис. 1), он является постоянным и не меняет своего значения в процессе вращательного движения маятника в плоскости Oxy .

Рассмотрим биомеханические параметры спортивных упражнений с элементами динамической осанки на модели физического маятника, совершающего вращательное движение в условиях жесткой опоры с ограничениями: момент силы трения опоры и внешние моменты сил равны нулю; учитывается только действие момента силы тяжести. Диссипативные силы ничтожно малы и не учитываются.

Силовые характеристики управления движением. Движения человека при выполнении спортивных упражнений являются целенаправленными, что существенным образом отличает их от естественных движений. Формирование целенаправленных движений осуществляется при помощи особых сил, называемых управляющими. С этой точки зрения человек – самоуправляемая система, которая использует мышечные силы для управления движением. Мышечные силы биосистемы – внутренние силы системы. В математической форме влияние мышечных

сил на поведение биосистемы записывается в форме управляющих моментов мышечных сил. Подчеркнем: в уравнениях движения человека силовая компонента управления движением записывается не в форме силы, а в виде момента силы, представленной в спортивной биомеханике как управляющие момен-

ты мышечных сил в суставах спортсмена, реализующие вращательную составляющую силы тяги мышц [13. С. 201].

Запишем для принятой трехзвенной модели ОДА спортсмена уравнения движения в компактной форме [13]:

$$\sum_{j=1}^N A_{ij} \ddot{\varphi}_j \cos(\varphi_j - \varphi_i) - \sum_{j=1}^N A_{ij} \dot{\varphi}_j^2 \sin(\varphi_j - \varphi_i) + Y_i \cos \varphi_i = M_i - M_{i+1}. \quad (1)$$

Здесь приняты обозначения:

i – номер уравнения;

N – количество звеньев модели биосистемы;

A_{ij} – двумерный массив динамических характеристик звеньев модели;

Y_i – одномерный массив обобщенных сил;

M_i – управляющий момент мышечных сил в i -м суставе.

Развернутая запись динамических характеристик A_{ij} имеет вид

$$\begin{aligned} A_{11} &= J_1 + m_1 S_1^2 + L_1^2 (m_2 + m_3); \\ A_{12} &= L_1 (m_2 S_2 + m_3 L_2); \\ A_{13} &= m_3 S_3 L_1; \\ A_{22} &= J_2 + m_2 S_2^2 + m_3 L_2^2; \\ A_{23} &= m_3 S_3 L_2; \\ A_{33} &= J_3 + m_3 S_3^2. \end{aligned} \quad (2)$$

Здесь следует учесть, что $i = 1, 2, 3; j = 1, 2, 3$; если $i > j$, то $A_{ij} = A_{ji}$.

Смысл коэффициентов Y_i , содержащихся в левой части уравнений (1), заключается в том, что они яв-

ляются обобщенными силами в уравнениях Лагранжа и в развернутой записи имеют вид

$$\begin{aligned} Y_1 &= (P_1 S_1 + P_2 L_1 + P_3 L_1); \\ Y_2 &= (P_2 S_2 + P_3 L_2); \\ Y_3 &= (P_3 S_3). \end{aligned} \quad (3)$$

Управляющее воздействие мышечных сил на биомеханику движения спортсмена заключается во введении в правую часть уравнений (1) моментов мышечных сил в суставах (M_i), записываемых для i -го уравнения системы (1) в виде алгебраической суммы слагаемых $M_i - M_{i+1}$, где

$$M_{i+1} \neq 0, \text{ если } i < N \text{ и } M_{i+1} = 0, \text{ если } i = N. \quad (4)$$

В наших вычислительных экспериментах применялись значения масс-инерционных характеристик и коэффициенты звеньев тела гимнаста в уравнениях движения, приведенные в табл. 1 и полученные экспериментально-аналитическим способом [13] в соответствии с уравнениями (1)–(3).

Таблица 1

Параметры масс-инерционных и динамических характеристик звеньев тела гимнаста

Масс-инерционные характеристики звеньев тела гимнаста						
Номер звена	Длина, м	Координата центра масс, м	Масса, кг	Центральный момент инерции, кгм ²	Коэффициент обобщенной силы, Н·м	Коэффициенты общего центра масс, м
	L_i	S_i	m_i	J_i	Y_i	C_i
1	0,64	0,325	7,90	0,243	376,059	0,6010
2	0,48	0,130	32,08	0,587	153,060	0,2446
3	0,87	0,386	23,83	1,234	90,199	0,1439
			$m = \sum = 63,81$	$J_0 = 75,747$	$\sum = 619,318$	$\sum S = 0,9895$
Коэффициенты звеньев тела гимнаста в уравнениях движения						
$A_{11} = 23,978$			$A_{12} = 9,990$		$A_{13} = 5,887$	
$A_{21} = 9,990$			$A_{22} = 6,620$		$A_{23} = 4,415$	
$A_{31} = 5,887$			$A_{32} = 4,415$		$A_{33} = 4,785$	

Уточним систему уравнений (1) при движении спортсмена с динамической осанкой и расположении звеньев тела на одной прямой.

Во-первых, если звенья тела спортсмена расположены на одной прямой, то межзвенный угол в i -м суставе равен 180° или π радиан, что соответствует значениям тригонометрических функций

$$\cos(\varphi_{i+1} - \varphi_i) = \cos(\pi) = 1, \quad \sin(\varphi_{i+1} - \varphi_i) = \sin(\pi) = 0. \quad (5)$$

В системе уравнений (1) обнуляется действие кориолисовой и центробежной сил инерции, так как тригонометрическое значение $\sin(\pi)$ равно нулю.

Во-вторых, параметры обобщенной (угловой) скорости всех трех звеньев тела спортсмена при движении с динамической осанкой в любой момент времени на произвольном траекторном положении вращательного движения гимнаста взаимно равны. Аналогичным образом взаимно равны и параметры обобщенного (углового) ускорения звеньев биосистемы, что позволяет записать:

$$\dot{\varphi} = \dot{\varphi}_1 = \dot{\varphi}_2 = \dot{\varphi}_3, \quad \ddot{\varphi} = \ddot{\varphi}_1 = \ddot{\varphi}_2 = \ddot{\varphi}_3. \quad (6)$$

Учитывая (5), (6) и то обстоятельство, что для трехзвенной модели $M_4 = 0$, приведем запись вычислительных алгоритмов для расчета управляющих мо-

ментов мышечных сил в плечевых (M_2) и в тазобедренных (M_3) суставах, а также момента силы трения кистей рук гимнаста (M_1) о гриф перекладины:

$$\begin{aligned} M_3 &= (A_{31} + A_{32} + A_{33})\ddot{\varphi} + Y_3 \cos \varphi + M_4; \\ M_2 &= (A_{21} + A_{22} + A_{23})\ddot{\varphi} + Y_2 \cos \varphi + M_3; \quad \dots\dots(7) \\ M_1 &= (A_{11} + A_{12} + A_{13})\ddot{\varphi} + Y_1 \cos \varphi + M_2 = 0. \end{aligned}$$

Следовательно, имея данные о параметрах ориентации (φ) и углового ускорения ($\ddot{\varphi}$) биомеханической системы, движущейся как физический маятник, по уравнениям (8) можно вычислить управляющие моменты мышечных сил, требуемые для сохранения выпрямленного положения звеньев тела гимнаста во вращательном движении на перекладине.

Таким образом, имея данные о параметрах углового ускорения физического маятника, соответствующие его ориентации, можно оперативно вычислить требуемые значения управляющих моментов мышечных сил в плечевых и тазобедренных суставах спортсмена, необходимые для сохранения динамической осанки в выпрямленном положении тела (звенья тела гимнаста расположены на одной прямой).

Параметры углового ускорения физического маятника спортсмена с сохранением динамической осанки определяются из основного уравнения динамики физического маятника. Основное уравнение динамики вращательного движения физического маятника [14] запишем в виде

$$M = J_0 \ddot{\varphi}. \quad (8)$$

Из уравнения (8) следует, что угловое ускорение физического маятника в произвольном положении в инерциальной системе координат определяется величиной момента силы тяжести (M) и моментом инерции маятника (J_0) относительно оси вращения (O)

$$\ddot{\varphi} = \frac{M}{J_0}. \quad (9)$$

Здесь $M = -mgS \cos(\varphi)$ – момент силы тяжести (знак момента M отрицателен, так как он направлен противоположно отсчету координаты φ); m – масса тела спортсмена (см. табл. 1); g – ускорение свободного падения; S – расстояние от грифа перекладины до общего центра масс биомеханической системы (равняется сумме коэффициентов C_i , см. табл. 1). Коэффициенты C_i и S определяются из формульных зависимостей:

$$C_i = \frac{Y_i}{mg}, \quad S = \sum_{i=1}^N C_i. \quad (10)$$

Численное определение J_0 , с использованием коэффициентов A_{ij} для биомеханической системы, представлено в [13]; в соответствии с этим

$$J_0 = \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N A_{ij}. \quad (11)$$

Центральный момент инерции физического маятника J_C определяется соотношением, следующим из теоремы Штейнера [15]:

$$J_C = J_0 - mS^2. \quad (12)$$

Здесь: m – масса маятника, S – расстояние от центра инерции до оси вращения (гриф перекладины). Параметры остальных характеристик находятся из уравнений (1)–(12).

Коэффициенты Y_i , C_i , A_{ij} остаются постоянными на всей траектории движения гимнаста с динамической осанкой. Следует также отметить, что коэффициенты остаются постоянными и при изменении конфигурации биосистемы. Поэтому для одной модели ОДА спортсмена их достаточно вычислить один раз.

Компьютерное обеспечение расчета силовых показателей спортивных упражнений с динамической осанкой разработано на базе табличного процессора MS EXCEL. Владение электронной таблицей закладывается программой школьного курса обучения и поэтому не должно создать особых трудностей для набора и освоения компьютерной программы.

Внешний вид окна программы показан на рис. 2. Запишем уравнения (1)–(12) в виде табличной инструкции, заполняя необходимые клетки (табл. 2).

Результатом выполненных операций набора кода программы является таблица вычисленных значений коэффициентов в уравнениях движения (A_{ij} , Y_i) и ОЦМ тела спортсмена (C_i). Вводом в ячейку таблицы (C27) значения ориентации биомеханической системы в градусах (рис. 3) получаем расчетные значения углового ускорения биомеханической системы (ячейка C30), момента мышечных сил в плечевых (ячейка D30) и тазобедренных (ячейка E30) суставах, а также разгоняющего (+) или тормозящего (-) действия момента силы тяжести (ячейка F30), необходимых для фиксации позы спортсмена в заданном положении. Действие момента силы тяжести будет разгоняющим, увеличивающим модуль угловой скорости звеньев тела, если направление момента силы тяжести совпадает с направлением вращения тела гимнаста. И наоборот, если направление момента силы тяжести не совпадает с направлением вращения тела спортсмена, то сила тяжести оказывает тормозящее воздействие на вращательное движение, уменьшая угловую скорость звеньев биомеханической системы. Поэтому в зависимости от месторасположения тела гимнаста в системе координат точки опоры (гриф перекладины) действие момента силы тяжести будет различным в различных элементах упражнения.

Для гимнаста, у которого масс-инерционные характеристики звеньев тела соответствовали показателям, приведенным в табл. 1, были рассчитаны управляющие моменты мышечных сил в плечевых и тазобедренных суставах (см. рис. 3, Б) при перемещении в большом обороте назад на перекладине с сохранением динамической осанки (см. рис. 3, А).

В результате выполненного исследования выявлено, что движение с фиксацией позы в суставах спортсмена осуществляет не в пассивном мышечном напряжении; он активизирует, и довольно значительно, мышечную систему, поддерживая динамическую осанку в соревновательном упражнении. Величина и направленность мышечных усилий в различных сегментах траекторного перемещения определяются местоположением спортсмена относительно опоры.

	A	B	C	D	E	F
7	Исходные данные					
8	Масс-инерционные характеристики звеньев тела спортсмена					
9	Номер звена	Длина, м	Координата центра масс, м	Масса, кг	Вес, Н	Центральный момент инерции, кгм ²
10	№	L_i	S_i	m_i	P_i	J_i
11	1	0.64	0.325	7.9	77.4674	0.243
12	2	0.48	0.13	32.08	314.57648	0.587
13	3	0.87	0.386	23.83	233.67698	1.234
14				63.81	625.72086	
15						
16	Расчетные параметры коэффициентов					
17	Коэффициенты $A_{ij} \downarrow$			Коэффициент обобщенной силы, Н·м $\downarrow$	Коэффициенты общего центра масс, м $\downarrow$	
18	A11=23.978	A12=9.99	A13=5.887	Y1=376.059	C1=0.601	
19	A21=9.99	A22=6.62	A23=4.415	Y2=153.06	C2=0.245	
20	A31=5.887	A32=4.415	A33=4.785	Y3=90.199	C3=0.144	
21						
22	Расчетные биомеханические характеристики					
23	$J_0 = \downarrow$	$J_c = \downarrow$	$C_0 = \downarrow$	$M = \downarrow$		
24	75.967	12.158	0.99	619.464		
25						
26	Введите:		Угол, град			
27	Начальный угол $\rightarrow$		450			
28						
29	Результат вычислений Динамическая осанка		Угловое ускорение, рад/с ²	M_2 , Нм	M_3 , Нм	Момент силы тяжести, Нм
30			0	0	0	0

Рис. 2. Вид окна программы «Динамическая осанка»

Т а б л и ц а 2

Экспликация к программе «Динамическая осанка»

Адрес клетки	Содержание	Тип
A7 – F7	Соответствующая надпись	Текст
A8 – F8	Соответствующая надпись	Текст
A9 – F9	Соответствующие надписи	Текст
A10 – F10	Соответствующие надписи	Текст
A11	Номер первого звена	Число
B11	Длина первого звена	Число
C11	Координата центра масс первого звена	Число
D11	Масса первого звена	Число
E11	=D11*9.806	Формула
F11	Центральный момент инерции первого звена	Число
A12	Номер второго звена	Число
B12	Длина второго звена	Число
C12	Координата центра масс второго звена	Число
D12	Масса второго звена	Число
E12	=D11*9.806	Формула
F12	Центральный момент инерции второго звена	Число
A13	Номер третьего звена	Число
B13	Длина третьего звена	Число
C13	Координата центра масс третьего звена	Число
D13	Масса третьего звена	Число
E13	=D11*9.806	Формула
F13	Центральный момент инерции третьего звена	Число
D14	=СУММ(D11:D13)	Формула
E14	=СУММ(E11:E13)	Формула
A16	Соответствующая надпись	Текст
A17 – F17	Соответствующая надпись	Текст
E17 – F17	Соответствующие надписи	Текст
A18	= "A11=" & ОКРУГЛ(F11+D11*C11^2+B11^2*(D12+D13);3)	Формула

B18	= "A12=" & ОКРУГЛ(B11*(D12*C12+D13*B12);3)	Формула
C18	= "A13=" & ОКРУГЛ(D13*C13*B11;3)	Формула
E18	= "Y1=" & ОКРУГЛ(E11*C11+E12*B11+E13*B11;3)	Формула
F18	= "C1=" & ОКРУГЛ(ПРАВСИМВ(E18;(ДЛСТР(E18) – 3)) / \$E\$14;3)	Формула
A19	= "A21=" & ПРАВСИМВ(B18;(ДЛСТР(B18) – 4))	Формула
B19	= "A22=" & ОКРУГЛ(F12+D12*C12^2+D13*B12^2;3)	Формула
C19	= "A23=" & ОКРУГЛ(D13*C13*B12;3)	Формула
E19	= "Y2=" & ОКРУГЛ(E12*C12+E13*B12;3)	Формула
F19	= "C2=" & ОКРУГЛ(ПРАВСИМВ(E19;(ДЛСТР(E19) – 3)) / \$E\$14;3)	Формула
A20	= "A31=" & ПРАВСИМВ(C18;(ДЛСТР(C18) – 4))	Формула
B20	= "A32=" & ПРАВСИМВ(C19;(ДЛСТР(C19) – 4))	Формула
C20	= "A33=" & ОКРУГЛ(F13+D13*C13^2;3)	Формула
E20	= "Y3=" & ОКРУГЛ(E13*C13;3)	Формула
F20	= "C3=" & ОКРУГЛ(ПРАВСИМВ(E20;(ДЛСТР(E20) – 3)) / \$E\$14;3)	Формула
B22 – E22	Соответствующая надпись	Текст
B22 – E22	Соответствующие надписи	Текст
B24	=ОКРУГЛ(ПРАВСИМВ(A18;(ДЛСТР(A18) – 4))+ПРАВСИМВ(A19;(ДЛСТР(A19) – 4)) + ПРАВСИМВ(A20;(ДЛСТР(A20) – 4))+ПРАВСИМВ(B18;(ДЛСТР(B18) – 4)) + ПРАВСИМВ(B19;(ДЛСТР(B19) – 4)) + ПРАВСИМВ(B20;(ДЛСТР(B20) – 4)) + ПРАВСИМВ(C18;(ДЛСТР(C18) – 4)) + ПРАВСИМВ(C19;(ДЛСТР(C19) – 4)) + ПРАВСИМВ(C20;(ДЛСТР(C20) – 4));3)	Формула
C24	=ОКРУГЛ(B24-D14+B24*(ПРАВСИМВ(F18;(ДЛСТР(F18) – 3)) / E14 + ПРАВСИМВ(F18;(ДЛСТР(F18) – 3)) / E14+ПРАВСИМВ(F18;(ДЛСТР(F18) – 3)) / E14)^2;3)	Формула
D24	=ОКРУГЛ(ПРАВСИМВ(E18;(ДЛСТР(E18) – 3)) / \$E\$14 + ПРАВСИМВ(E19;(ДЛСТР(E19) – 3)) / \$E\$14 + ПРАВСИМВ(E20;(ДЛСТР(E20) – 3)) / \$E\$14;3)	Формула
E24	=ОКРУГЛ(E14*D24;3)	Формула
A26 – B26	Соответствующая надпись	Текст
C26	Соответствующая надпись	Текст
A27 – B27	Соответствующая надпись	Текст
C27	Угол наклона физического маятника к оси Ох (ориентация гимнаста)	Число
A29 – B30	Соответствующая надпись	Текст
C29 – F29	Соответствующие надписи	Текст
C30	=ОКРУГЛ(-E24*COS(РАДИАНЫ(C27)) / B24;3)	Формула
D30	=ОКРУГЛ((ПРАВСИМВ(A19;(ДЛСТР(A19) – 4)) + ПРАВСИМВ(B19;(ДЛСТР(B19) – 4)) + ПРАВСИМВ(C19;(ДЛСТР(C19) – 4))) * C30 + M4*COS(РАДИАНЫ(C27)) + E30;3)	Формула
E30	=ОКРУГЛ((ПРАВСИМВ(A20;(ДЛСТР(A20) – 4)) + ПРАВСИМВ(B20;(ДЛСТР(B20) – 4)) + ПРАВСИМВ(C20;(ДЛСТР(C20) – 4))) * C30 + M5*COS(РАДИАНЫ(C27));3)	Формула
F30	=ОКРУГЛ(-E14*COS(РАДИАНЫ(C27));3)	Формула

Так, например, выявлено, что существенно больший мышечный ресурс для выполнения соревновательного упражнения «большой оборот назад на перекладине» с динамической осанкой «выпрямленное положение» гимнасту необходим в плечевых суставах. В тазобедренных суставах для фиксации звеньев тела с сохранением динамической осанки требуются меньшие мышечные усилия.

Наименьшие мышечные напряжения необходимы в зоне прохождения вертикального положения гимнаста над грифом перекладины и под опорой. Непосред-

ственно в момент прохождения вертикального положения над опорой и под грифом перекладины управляющие моменты мышечных сил в суставах спортсмена равняются нулевым значениям.

Максимальные мышечные напряжения спортсмен развивает в момент горизонтального прохождения звеньями тела грифа перекладины. Так, например, мышечные усилия в плечевых суставах в момент горизонтальных положений гимнаста составляют 51,2 Нм и –51,2 Нм; в тазобедренных суставах – соответственно 32,8 Нм и –32,8 Нм.

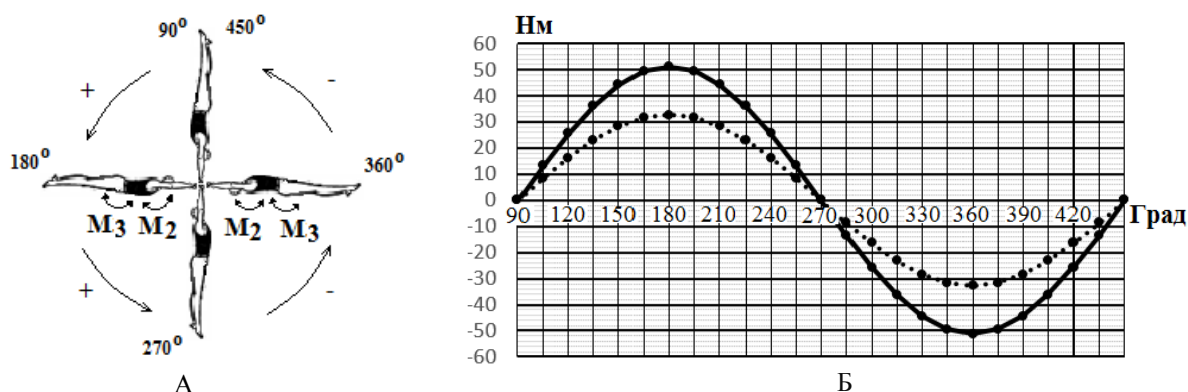

Рис. 3. Управляющие моменты мышечных сил в плечевых (—) и тазобедренных (····) суставах гимнаста при выполнении упражнения «большой оборот назад на перекладине» с сохранением динамической осанки

Большое значение для оценки направленности мышечных усилий имеет направление вращательного

движения звеньев тела и положение спортсмена относительно грифа перекладины. Например, при выполне-

нии спада из вертикального положения над опорой ($\varphi = 90^\circ$) в большом обороте назад на перекладине гимнаст вращается в положительном направлении (против хода часовой стрелки) грудью вниз; для сохранения выпрямленного положения тела он должен развивать мышечные усилия, направленные на сгибательное движение в плечевых и тазобедренных суставах (уменьшение угла между звеньями тела). В момент прохождения горизонтального положения ($\varphi = 180^\circ$) величина мышечных усилий наибольшая: 51,2 Нм – в плечевых суставах, 32,8 Нм – в тазобедренных. Положительный момент силы тяги мышц, направленный на сгибание в суставах и изменяющийся от 0 Нм до максимальных значений (порядка 51,2 Нм), обеспечивает динамически устойчивое сохранение выпрямленного положения тела в этой части упражнения.

Дальнейшее продвижение тела спортсмена к вертикальному положению под грифом перекладины осуществляется с уменьшением силы тяги мышц в суставах, что обусловлено требованием сохранения динамической осанки. Активными остаются мышцы передней поверхности тела (сгибатели рук в плечевых суставах и ног – в тазобедренных), инициирующие уменьшение угла в суставах.

После прохождения вертикального положения под грифом перекладины изменяется действие момента силы тяжести. Сила тяжести начинает оказывать не разгоняющее воздействие на тело гимнаста, а тормозящее.

Меняется и роль мышечной синергии в фиксации динамической осанки. Для сохранения позы включаются в работу мышцы-разгибатели плеч и тазобедренного сустава. К моменту прохождения горизонтального положения величина управляющего момента мышечных сил в суставах спортсмена достигает максимальных величин (по модулю), а по направленности – меняет знак с положительного значения, что имело место в первой половине оборота, на отрицательное. В этой зоне движения активизируются мышцы задней поверхности тела: величина мышечных усилий в тазобедренных суставах достигает –32,8 Нм, а в плечевых –51,2 Нм. Отрицательная величина управляющих моментов мышечных сил указывает на разгибательный характер режима работы мышц, противодействующий инерционным силам движения и обеспечивающий необходимую фиксацию суставных углов биомеханической системы.

По мере продвижения к вертикальному положению над опорой активность мышечного напряжения в плечевых и тазобедренных суставах снижается; к моменту достижения вертикального положения над грифом перекладины она составляет около 0 Нм.

Методика обучения динамической осанке в гимнастических упражнениях строится на принципе линейной последовательности (рис 4). Выполняются вначале подготовительные упражнения, затем подводящие. И завершается обучение совершенствованием навыка динамической осанки в различных усложненных условиях.

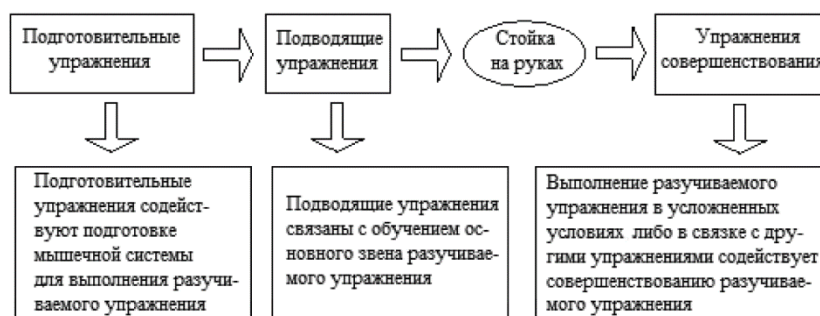
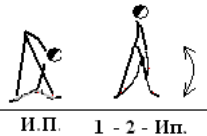

Рис. 4. Программированное обучение динамической осанке в гимнастических упражнениях

Упражнения для формирования динамической осанки в большом обороте назад на перекладине были разработаны на основе выполненного биомеханиче-

ского анализа силового компонента фиксации угла в плечевых и тазобедренных суставах гимнаста (рис. 5). Все упражнения применяются в тренировках гимнастов.

Подводящие и подготовительные упражнения		Методические указания
1		Стоя, наклонившись вперед, взяться руками за гриф штанги. Поднимаем штангу, за счет тяги спиной, руки прямые, ноги прямые, спина прогнута. Типичная ошибка, тяга руками, а не спиной. Выполняем 3 подхода, по 5–6 раз за подход. Упражнение направлено на укрепление мышц поясницы.
2		Стоя, наклонившись вперед, взяться руками за гриф штанги. Тяга выполняется спиной, в преодолевающем режиме. Руки прямые, ноги прямые, в исходное положение приходим в уступающем режиме. Умеренный темп выполнения упражнения (3п по 5–6 раз). Упражнение предназначено для укрепления мышц поясницы

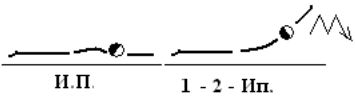
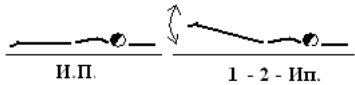
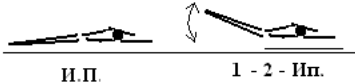
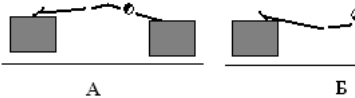
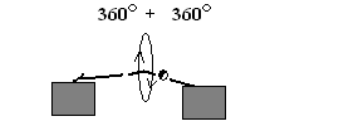
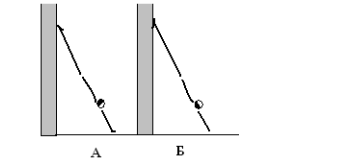
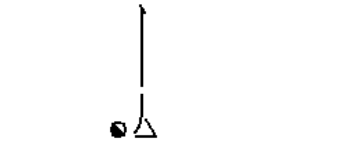
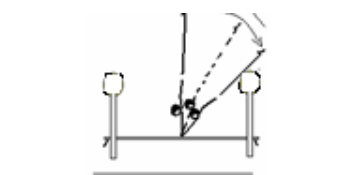
3		И.П. – Лежа на животе, руки вверх, голова между рук, взгляд направлен на кисти. На счёт 1 – подъём плечевого пояса, положение рук и головы такое же, как в И.П. Подъём выполняется на оптимальную высоту, темп умеренный, 3п × 10 раз. Упражнение предназначено для укрепления мышц поясницы
4		И.П. – Лежа на животе, руки вверх, голова между рук, взгляд направлен на кисти. На счёт 1 – подъём прямых ног назад, амплитуда подъёма не большая, темп умеренный. 3п × 10 раз. Упражнение предназначено для укрепления мышц поясницы
5		И.П. – лёжа на боку, левая рука вверх, правая вперёд. 1–2 – подъём прямых ног, амплитуда подъёма небольшая, темп умеренный. 3п × 10 раз. Упражнение предназначено для укрепления косых мышц брюшного пресса и поясницы
6		Упражнение А, Б, предназначено для укрепления мышц поясницы и брюшного пресса. Положение А – держать 3 × 10 с. Положение Б – держать 3 × 10 с
7		Поворот выполнить вправо и влево на 360°. На всё дается 3 подхода. Упражнение предназначено для укрепления мышц брюшного пресса и поясницы в динамическом режиме
8		Упражнение А, Б предназначено для укрепления мышц брюшного пресса и поясницы в статическом режиме. Положение А держать 3 × 10 – 15 с. Положение Б держать 3 × 10 – 15 с
9		Особое внимание – на положение туловища (прямое). Угол в тазобедренных суставах 180°
10		На средней (низкой) перекладине из стойки на руках падение в вис на горку матов с прямым телом. Это упражнение для начальной фазы больших оборотов назад на перекладине (на брусьях параллельных), углы в плечевых и тазобедренных суставах сохранять. Руки – туловище – ноги – прямая линия

Рис. 5. Подготовительные и подводящие упражнения для обучения динамической осанке в большом обороте назад на перекладине

Выводы

1. Авторы уточнили понятие «динамическая осанка», используемое в спортивной педагогике.

2. На основе модельного представления движения опорно-двигательного аппарата тела спортсмена в виде физического маятника в вычислительном эксперименте были получены параметры управляющих моментов мышечных усилий в суставах при выполнении большого оборота назад на перекладине с соблюдением динамической осанки.

3. Разработана оригинальная методика компьютерного моделирования уровня силовой подготовленности гимнаста при освоении динамической осанки в процессе выполнения упражнения «большой оборот

назад на перекладине» на базе вычислительной среды MS Excel.

4. На основе биомеханического анализа силового компонента фиксации угла в плечевых и тазобедренных суставах гимнаста при выполнении упражнения «большой оборот назад на перекладине» разработана методика формирования динамической осанки.

5. Методика расчета управляющих моментов мышечных сил в суставах спортсмена при выполнении соревновательных упражнений с элементами динамической осанки внедрена в практику учебных занятий по биомеханике в Могилевском государственном университете имени А.А. Кулешова и Национальном исследовательском Томском государственном университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конфигурационное пространство. URL: <http://poivs.tsput.ru/Math/Analysis/CalculusOfVariations/ConfigurationSpace>
2. Энгель Е.А. Метод интеллектуальных вычислений для управления конфигурацией манипуляционного робота // Вестник СВФУ. 2015. № 3 (47). С. 127–137.
3. Рутковский В.Ю., Суханов В.М., Глузов В.М. Уравнения движения и управление свободнолетающим космическим манипуляционным роботом в режиме реконфигурации // Автоматика и телемеханика. 2010. Вып. 1. С. 80–98.
4. Евсеев С.П. Формирование двигательных действий в гимнастике с помощью тренажеров : учеб. пособие. Л. : Изд-во ГДОИК им. П.Ф. Лесгафта, 1987. 91 с.
5. Назаров В.Т. Упражнения на перекладине (Некоторые вопросы механики, техники выполнения, методики обучения). М. : Физкультура и спорт, 1973. 136 с.
6. Гавердовский Ю.К. Техника гимнастических упражнений: учеб. пособие. М. : Терра-Спорт, 2002. 512 с.
7. Гавердовский Ю.К. Обучение спортивным упражнениям. Биомеханика. Методология. Дидактика. М. : Физкультура и Спорт, 2007. 912 с.
8. Киселев В.Г. Исследование биомеханики управляющих движений спортсмена в упражнениях на гимнастических снарядах в связи с оптимизацией процесса обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тарту, 1973. 27 с.
9. Сучилин Н.Г. Гимнаст в воздухе. М. : Физкультура и спорт, 1978. 119 с.
10. Физиологическая характеристика стандартных циклических и ациклических движений. URL: <https://bio.wikireading.ru/hBuIP7DcCn>
11. Адашевский В.М. Теоретические основы механики биосистем: учебное пособие для студентов технических университетов специальностей физического воспитания, спорта и рекреации, физической и биомедицинской электроники, биотехнических, медицинских аппаратов и систем / под общ. ред. Д.М. Морачковского. Харьков : НТУ «ХПИ», 2001. 258 с.
12. Загrevский О.И., Загrevский В.И. Техника сложных гимнастических упражнений на брусках // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 182–187.
13. Загrevский В.И., Загrevский О.И. Биомеханика физических упражнений: учеб. пособие. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2018. 262 с.
14. Маликов Р.Ф. Практикум по компьютерному моделированию физических явлений и объектов : учеб. пособие. Уфа : Изд-во БашГУ, 2005. 291 с.
15. Стрелков С.П. Механика. М. : Наука, 1976. 560 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 9 сентября 2021 г.

Biomechanics of Dynamic Posture in Sports Exercises and Methods of Its Formation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 178–188.

DOI: 10.17223/15617793/471/21

Valery I. Zagrevskiy, Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Republic of Belarus); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zvi@tut.by

Oleg I. Zagrevskiy, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: O.Zagrevsky@yandex.ru

Tatyana V. Galaichuk, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galaichuk2009@yandex.ru

Keywords: gymnastic exercises; biomechanics of motor actions; dynamic posture; athlete's strength potential.

The article aims to identify and quantify the biomechanical factors that determine the power demand for performers of sports exercises with dynamic posture. Analysis, as a method of biomechanics, allows assessing the dynamics of the biomechanical state of an athlete performing a sports exercise. The function of the biomechanics method is the synthesis of movements – the ability to predict the trajectory and behavior of the biomechanical system over time under given initial conditions of movement. The article considers one of the methods of the biomechanical synthesis of movements in the conditions of support with dynamic posture, based on a model representation of the movement of a biomechanical system in the form of a physical pendulum, which is determined by the need to record articular angles at a certain time interval of the biosystem's movement. The angular acceleration of an object of motion is determined from the dynamic law of motion of the physical pendulum, and, taking into account the mass-inertial characteristics of the biomechanical system, equations are formed to determine the parameters of the control moments of muscle forces in the athlete's joints that ensure the fixation of the athlete's posture. Consideration of the method is based on the mathematical apparatus of describing the movement of a gymnast in a large turn back on the crossbar with the preservation of dynamic posture. The method allows giving a numerical estimate of the parameters of the control moments of muscle forces in the joints of an athlete with reference to an arbitrary orientation of the biosystem on a plane, which eliminates the need to use time indicators of movement in calculation algorithms. In a computational experiment on a computer, the parameters of the control moments of muscle forces in the joints of an athlete in a large reverse rotation on a crossbar with dynamic posture were obtained on the basis of a model representation of the movement of the musculoskeletal system of the athlete's body in the form of a physical pendulum. A mathematical model for estimating the parameters of the control moments of muscle forces in the joints of an athlete for a three-link biomechanical system with specified mass-inertia characteristics of the model links is implemented in a computer program based on the MS Excel spreadsheet processor. The output provides numerical support for the simulation results. Based on the performed biomechanical analysis of the power component of recording the angle in the shoulder and hip joints of a gymnast in a large turn back on the crossbar, a method for forming the motor skill of dynamic posture in gymnastic exercises is developed. An example of a methodological sequence of drawing up a linear scheme for mastering dynamic posture by the method of programmed learning is given. It is shown that the developed computer model of the method for evaluating the control moments of muscle forces in the joints of an athlete implements the forecast of an individual power request required for an effective development of the technique of a competitive exercise with dynamic posture.

REFERENCES

1. POVIS. (n.d.) *Konfiguratsionnoe prostranstvo* [Configuration space]. [Online] Available from: <http://poivs.tsput.ru/Math/Analysis/CalculusOfVariations/ConfigurationSpace>
2. Engel', E.A. (2015) Metod intellektual'nykh vychisleniy dlya upravleniya konfiguratsiey manipulyatsionnogo robota [The method of intelligent computing for managing the configuration of a manipulation robot]. *Vestnik SVFU*. 3 (47). pp. 127–137.

3. Rutkovskiy, V.Yu., Sukhanov, V.M. & Glumov, V.M. (2010) Uravneniya dvizheniya i upravlenie svobodnoletayushchim kosmicheskim manipulyatsionnym robotom v rezhime rekonfiguratsii [Equations of motion and control of a free-flying space handling robot in the reconfiguration mode]. *Avtomatika i telemekhanika*. 1. pp. 80–98.
4. Evseev, S.P. (1987) *Formirovanie dvigatel'nykh deystviy v gimnastike s pomoshch'yu trenazherov: ucheb. posobie* [Formation of motor actions in gymnastics with the help of simulators: textbook]. Leningrad: Izd-vo GDOIK im. P.F. Lesgafta.
5. Nazarov, V.T. (1973) *Uprazhneniya na perekladine (Nekotorye voprosy mekhaniki, tekhniki vypolneniya, metodiki obucheniya)* [Exercises on the crossbar (Some issues of mechanics, execution techniques, teaching methods)]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
6. Gaverdovskiy, Yu.K. (2002) *Tekhnika gimnasticheskikh uprazhneniy: ucheb. posobie* [Technique of gymnastic exercises: textbook]. Moscow: Terra-Sport.
7. Gaverdovskiy, Yu.K. (2007) *Obuchenie sportivnym uprazhneniyam. Biomekhanika. Metodologiya. Didaktika* [Training in sports exercises. Biomechanics. Methodology. Didactics]. Moscow: Fizkul'tura i Sport.
8. Kiselev, V.G. (1973) *Issledovanie biomekhaniki upravlyayushchikh dvizheniy sportsmena v uprazhneniyakh na gimnasticheskikh snaryadakh v svyazi s optimizatsiey protsessa obucheniya* [Study of the biomechanics of the athlete's control movements in exercises on gymnastic apparatus in connection with the optimization of the learning process]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Tartu.
9. Suchilin, N.G. (1978) *Gimnast v vozdukh* [Gymnast in the air]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
10. Solodkov, A.S. (2012) *Fiziologicheskaya kharakteristika standartnykh tsiklicheskh i atsiklicheskh dvizheniy* [Physiological characteristics of standard cyclic and acyclic movements]. [Online] Available from: <https://bio.wikireading.ru/hBuIP7DcCn>
11. Adashevskiy, V.M. (2001) *Teoreticheskie osnovy mekhaniki biosistem* [Theoretical foundations of the mechanics of biosystems]. Kharkov: NTU "KhPI".
12. Zagrevskiy, O.I. & Zagrevskiy, V.I. (2018) The Technique of Advanced Routine on Parallel Bars. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 182–187. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/26
13. Zagrevskiy, V.I. & Zagrevskiy, O.I. (2018) *Biomekhanika fizicheskikh uprazhneniy: ucheb. posobie* [Biomechanics of physical exercises: textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Malikov, R.F. (2005) *Praktikum po komp'yuternomu modelirovaniyu fizicheskikh yavleniy i ob'ektov: ucheb. posobie* [Workbook on computer modeling of physical phenomena and objects: textbook]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University.
15. Strelkov, S.P. (1976) *Mekhanika* [Mechanics]. Moscow: Nauka.

Received: 09 September 2021

Л.Г. Пащенко, Н.С. Ниясова, Э.С. Кульмаметьева

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ ВО ВНЕУЧЕБНОЙ СОСТЯЗАТЕЛЬНОЙ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Представлен анализ отечественных и зарубежных работ, констатирующих важность вовлечения студенческой молодежи во внеучебную физкультурно-спортивную деятельность. Проведенное исследование показало, что субъективная готовность студентов вуза к участию в состязательных мероприятиях физкультурно-спортивной направленности, организуемых во внеучебное время, соотносится с объективными показателями физического состояния их организма. Студенты, готовые стать участниками физкультурно-спортивных мероприятий, отличаются от своих сверстников двигательным поведением, отношением к состязательной физкультурно-спортивной деятельности, предпочитаемыми формами соперничества.

Ключевые слова: состязательность; мотивация; физическая активность; субъективное отношение; физическое состояние; внеучебная деятельность

Актуальность исследования. Стратегической задачей развития физической культуры и спорта в нашей стране является приобщение всех категорий и групп населения к массовым формам физкультурно-спортивной работы, в том числе посредством популяризации физкультурно-спортивных мероприятий, спортивных массовых акций.

К приоритетным исследованиям, связанным с вовлечением молодежи в физкультурно-спортивные практики, авторитетные ученые относят поиск альтернативных видов физической активности для тех, кто избегает традиционных видов спорта командной или индивидуальной направленности, а также для тех, кто имеет индивидуальные проблемы со здоровьем или социальным взаимодействием [1, 2]. О важности персонализации физкультурно-спортивной деятельности студентов с учетом индивидуальных различий, уровня готовности и проявляемого интереса к разнообразным формам физической активности сообщают в своей публикации G. Colquitt et al. [3].

Реформирование системы физического воспитания в высших учебных заведениях позволило студентам самостоятельно выбирать тот или иной вид физкультурно-спортивной деятельности с учетом интересов к физическому самосовершенствованию, таким образом приобщая студенческую молодежь к систематической физической активности [4, 5].

Однако массового вовлечения студенческой молодежи в мероприятия физкультурно-спортивной направленности во внеучебное время не наблюдается. Внеучебная физкультурно-спортивная деятельность рассматривается как пространство для саморазвития, самосовершенствования и самореализации человека; в ходе субъектного педагогического взаимодействия происходит обмен отношениями, личностными и социокультурными смыслами. При этом участие во внеучебной физкультурно-спортивной деятельности обучающихся является одним из критериев, гарантирующих приобщение к систематической физической активности в последующие возрастные периоды.

Так, исследования, проведенные Н. Itoh et al., показали, что физическая активность интенсивной или умеренной направленности, осуществляемая индивидом в двадцатилетнем возрасте во внеучебное время,

оказывает достоверно положительное влияние на регулярность выполнения физических упражнений в свободное время во взрослом возрасте как у мужчин, так и у женщин [6].

Результаты исследования шведских ученых подтверждают значимость дополнительной физической активности (во внеучебное время) в период обучения в образовательных учреждениях: установлена зависимость между физической активностью в подростковом и юношеском возрасте и состоянием здоровья и уровнем физической активности в зрелом и старшем возрасте [7].

Hirvensalo et al. в изучали непрерывность физической активности в течение жизни у жителей Финляндии и обнаружили, что участие в соревнованиях в возрасте 10–19 лет является показателем сохранения активности в пожилом возрасте и у мужчин, и у женщин. Ученые пришли к выводу, что физическая активность в прошлом тесно связана с поддержанием высокого уровня физической активности в пожилом возрасте независимо от хронических состояний, которые могут развиваться [8]. Это же подтверждают и результаты исследования A. Kraut et al.: высокая физическая активность наблюдается у лиц в возрасте старше 40 лет из числа тех, кто участвовал в спортивных состязаниях в период обучения в образовательных учреждениях [9].

Помимо того, что участие во внеучебной физкультурно-спортивной деятельности в молодом возрасте является залогом физической активности в более старших возрастных периодах, необходимо отметить и важность вовлечения студенческой молодежи в состязательные формы взаимодействия (спортивно-массовые и физкультурно-оздоровительные мероприятия). Проявляемые в состязательной борьбе конкурентную работоспособность и стрессоустойчивость можно рассматривать как психофизиологические показатели успешности в будущей профессиональной деятельности выпускника вуза. Все это свидетельствует о важности вовлечения студенческой молодежи во внеучебную физкультурно-спортивную деятельность, предусматривающую различные проявления состязательности – индивидуальную с самим собой, индивидуальную с другим или другими, групповую, или командную.

Таким образом, в существующей практике наблюдается противоречие: с одной стороны, увеличение числа спортивно-массовых мероприятий, организуемых для студентов в рамках массового спорта, с другой – недостаточно активное участие в них молодежи.

Цель исследования – изучение потенциальной готовности студентов вуза к участию в состязательных мероприятиях физкультурно-спортивной направленности, организуемых во внеучебное время, и факторов, ее обуславливающих.

Методы и организация исследования. В работе были использованы такие методы исследования, как теоретический анализ и обобщение данных литературы, анкетирование, функциональное исследование, статистическая обработка данных. Авторы активно применяли опросник «Отношение к состязательной физкультурно-спортивной деятельности», позволяющий оценить эмоциональный, познавательный, деятельностный и поступочный компоненты субъективного отношения человека к проявлению состязательности в процессе физической активности [10].

Для оценки режима физической активности индивида, имеющегося спортивного опыта, ощущения готовности к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях проводилось анкетирование с применением вопросов закрытой и открытой формы. С помощью аппаратно-программного комплекса «Омега» изучалась вариабельность сердечного ритма. Анализировались также такие показатели, как частота сердечных сокращений (ЧСС), вегетативный показатель ритма (ВПР), показатель адекватности процессов равновесия (ПАПР), индекс напряженности (ИН). Для интерпретации объективных параметров физического состояния авторы рассматривали значения уровня адаптации к физической нагрузке, показателя тренированности, уровня энергетического обеспечения, психоэмоционального состояния, а также интегрального показателя «спортивной формы». Для математической обработки полученных результатов применялись такие показатели, как среднее арифметическое, ошибка среднего арифметического, достоверность различий по t-критерию Стьюдента. Исследование проводилось в период с февраля по март 2020 г. на базе ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет» (г. Нижневартовск). В исследовании приняли участие 230 студентов 1–4-х курсов (95 девушек, 135 юношей).

Результаты и их обсуждение. Для выработки стратегии повышения массовости внеучебной физкультурно-спортивной деятельности и разработки эффективных форм, методов и средств физкультурно-спортивной направленности необходимо учитывать существующие в студенческой среде установки, характеризующие отношение к участию в состязательных практиках.

Состязательность в физкультурно-спортивной деятельности мы рассматриваем как установку личности на состязание, готовность помериться силами с другими людьми для улучшения личных и коллективных достижений. Перед осуществлением любой деятельности человек субъективно готовится к совершению определенного действия, направленного на удовлетворение возникшей потребности, желания, даже не осознавая процесса подготовки. Существующая субъек-

тивная установка, с одной стороны, стабилизирует поведение человека в меняющихся обстоятельствах, направляя деятельность по отработанному алгоритму, а с другой – может создавать препятствия для выработки новых моделей поведения [11].

Готовность, являющаяся неперенным условием продуктивности любой деятельности, рассматривается как один из структурообразующих компонентов активности субъекта. Готовность может расцениваться как предпосылка успешной деятельности в определенных условиях [12]. Структура состояния готовности к предстоящей деятельности представлена осознанием личностью своих потребностей или требований общества; осознанием целей, приводящих к удовлетворению потребностей или решению поставленной задачи; осмыслением условий протекания предстоящих действий; определением способа решения задач или выполнения требований на основе имеющегося опыта и оценки предложенных условий; прогнозированием проявления эмоциональных, мотивационных и волевых процессов для достижения определенного результата; мобилизацией сил в соответствии с условиями и поставленной задачей [13]. Под потенциальной готовностью к участию во внеучебной состязательной физкультурно-спортивной деятельности мы понимаем многокомпонентную внутреннюю позицию индивида, выражающуюся в мотивах, эмоциях, действиях, обуславливающих возможность использования средств физической культуры и спорта в условиях состязательного взаимодействия для решения индивидуальных или коллективных задач и достижения поставленных целей.

Учитывая, что мотивировать студента сложнее, чем вовлечь в деятельность, важно при разработке эффективных практик продвижения физической активности на индивидуальном и групповом уровнях учитывать мотивационную готовность к изменению поведения, связанного с участием в мероприятиях физкультурно-спортивной направленности, предусматривающих различные проявления состязательности, а также эмоциональную окраску отношения индивида к непосредственному участию в них. По мнению О.В. Лукьянова, внутренняя мотивация при принятии решения определяет продолжительное стереотипное поведение индивида, а внешняя характеризуется недостаточно осознаваемыми установками и ситуативным поведением [14].

Проведенное исследование показало, что 43% студентов, принявших участие в исследовании, имеют положительную внутреннюю мотивацию возможного участия в физкультурно-спортивных мероприятиях. Доля студентов, согласившихся стать участниками мероприятий при условии их поощрения (это также является проявлением положительной внешней мотивации), составила 23%. Категорическое нежелание участвовать в физкультурно-спортивных мероприятиях выявлено у 15% респондентов, что можно рассматривать как проявление отрицательной внутренней мотивации; 19% готовы стать участниками массовых физкультурно-оздоровительных и спортивных событий из опасения возможных негативных последствий своего отказа, что можно рассматривать как проявление отрицательной внешней мотивации (рис. 1).

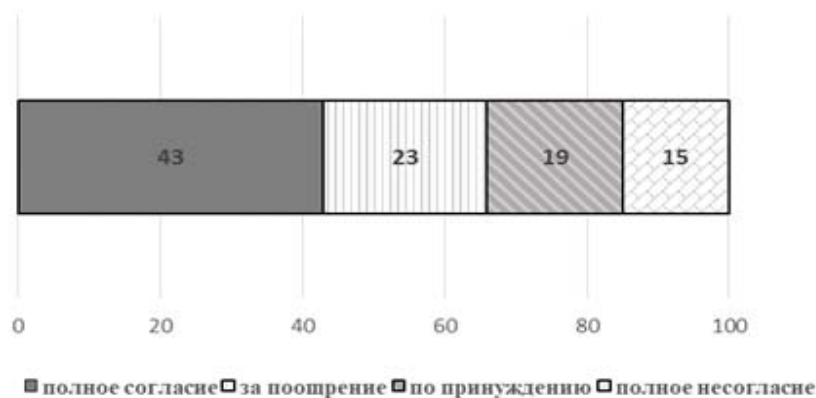

Рис. 1. Отношение студентов вуза к участию в массовых физкультурно-спортивных мероприятиях

Полученные результаты соотносятся с данными исследований других авторов [15–17].

Конкретизация содержательного и организационного аспекта физкультурно-спортивных мероприятий позволила выявить наиболее привлекательный для современной молодежи формат их проведения (рис. 2). Более предпочтительными для студентов оказались физкультурно-спортивные ме-

роприятия, включающие задания интеллектуальной и двигательной направленности: выразили свое согласие на участие в них 60% опрошенных и только 3% категорически отказались. В физкультурно-спортивных мероприятиях, предусматривающих проявление максимальных физических усилий в условиях высокого психоэмоционального напряжения, отказались участвовать 32% студентов.

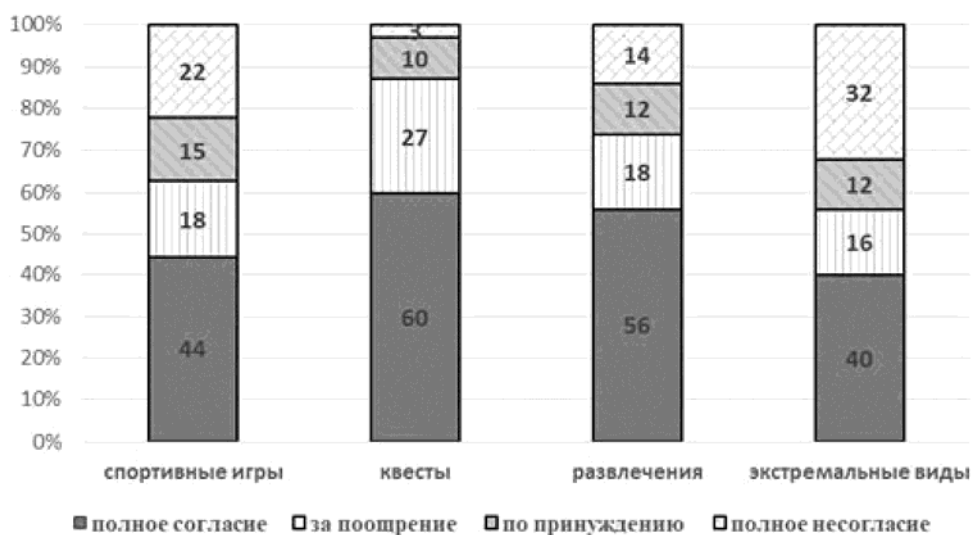

Рис. 2. Отношение студентов вуза к участию в массовых физкультурно-спортивных мероприятиях различной направленности

При сравнении рис. 1 и 2 можно наблюдать, что студенты сопоставляют участие в массовых физкультурно-спортивных мероприятиях с участием в соревнованиях по спортивным играм, которые наиболее им знакомы со школьной скамьи и к которым к окончанию обучения в образовательном учреждении большинство из них теряет интерес. Таким образом, менее популярными в молодежной среде оказались традиционные соревнования по спортивным играм и состязательные практики, предусматривающие выполнение двигательных действий в экстремальных условиях – принять участие в них согласились соответственно 44 и 40% опрошенных. Полученные данные соотносятся с результатами исследований российских и зарубежных авторов: предпочтительными для молодежи яв-

ляются физкультурно-спортивные мероприятия, предусматривающие нетрадиционные виды деятельности и дающие возможность общения с друзьями, получения положительных эмоций при отсутствии соперничества [18–22]. Отсутствие учета этих факторов, по мнению S. Allender et al., приводит к краткосрочности достигаемых эффектов стимулирования физической активности [20].

По мнению А.С. Кондиной, готовность индивида к осуществлению деятельности раскрывается как совокупность знаний и способность к их применению в реальной ситуации [23]. Деятельностный компонент рассматривался нами с позиции субъективной оценки физической готовности студентов стать участниками мероприятий физкультурно-спортивной направленности.

сти, включиться в соперничество с другими людьми или с самим собой в процессе физкультурно-спортивной деятельности.

Ответ на вопрос «Готовы ли вы принять участие в физкультурно-спортивном мероприятии, если оно будет организовано в настоящий момент?» позволил выделить три группы респондентов: субъективно готовые к участию (38%), субъективно не готовые к участию (33%) и затруднившиеся оценить свою готовность.

Изучение вариабельности сердечного ритма молодых людей, принявших участие в исследовании, позволило сделать заключение о соотношении субъективной готовности студентов стать участниками состязаний с показателями объективного физического состояния организма (табл. 1).

Индекс вегетативного равновесия, указывающий на соотношение между активностью симпатического и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы, как и показатель адекватности процессов регуляции у представителей всех трех групп находится в пределах нормальных значений.

Частота сердечных сокращений в состоянии покоя у студентов, готовых принять участие в спортивном мероприятии ($74,9 \pm 1,2$ уд/мин), достоверно ниже значений аналогичных показателей их сверстников, отметивших неготовность к участию ($81,5 \pm 1,4$ уд/мин) или затруднившихся оценить степень своей готовности ($80,0 \pm 1,4$ уд/мин).

Индекс напряженности как показатель, отражающий степень централизации управления сердечным ритмом, у последних обнаружил достоверно большую активность симпатического отдела вегетативной нервной системы: у студентов, не готовых участвовать в соревнованиях, индекс напряженности составил $155,0 \pm 14,5$ у.е., а у их сверстников, готовых стать участниками соревнований, – $110,5 \pm 10,3$ у.е.

Таким образом, более напряженные механизмы вегетативной регуляции сердца отмечались у студентов, высказавшихся о физической неготовности к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях, при этом их показатели достоверно не отличались от результатов группы респондентов, затруднившихся оценить состояние собственной готовности.

Таблица 1

Вегетативная регуляция сердца у студентов с различной субъективной готовностью к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях ($M \pm m$)

Показатели	Субъективно готовы к участию (n = 87)	Субъективно не готовы к участию (n = 75)	Затруднились оценить готовность (n = 68)	P (1–2)	P (2–3)	P (1–3)
	1	2	3			
ЧСС, уд/мин	$74,9 \pm 1,2$	$81,5 \pm 1,4$	$80,0 \pm 1,4$	$< 0,05$	$> 0,05$	$< 0,05$
ИВР, у.е.	$159,1 \pm 12,3$	$209,2 \pm 17,2$	$205,0 \pm 16,9$	$< 0,05$	$> 0,05$	$< 0,05$
ПАПР, у.е.	$43,5 \pm 2,2$	$54,6 \pm 2,8$	$52,0 \pm 2,8$	$< 0,05$	$> 0,05$	$< 0,05$
ИН, у.е.	$110,5 \pm 10,3$	$155,0 \pm 14,5$	$150,0 \pm 14,5$	$< 0,05$	$> 0,05$	$< 0,05$

Сравнительный анализ интегральных показателей, характеризующих функциональное состояние испытуемых, полученных с помощью аппаратно-программного комплекса «Омега», также подтвердил достоверно высокие значения *адаптации к нагрузкам* (показатель, отражающий способность организма поддерживать устойчивое равновесие в изменяющихся условиях среды) и *тренированности* (показатель, характеризующий способность поддерживать вегетативное равновесие в состоянии покоя с минимальными усилиями) у студентов, проявивших готовность стать участниками физкультурно-спортивных состязаний (табл. 2).

Анализ поведенческих факторов, связанных с физической активностью респондентов, позволил установить, что из числа лиц, отметивших полную физическую готовность принять участие в массовых физкультурно-спортивных мероприятиях, 49% используют самостоятельные формы физической активности в режиме дня, помимо обязательных

учебных занятий по физической культуре в вузе, 34% посещают фитнес-клубы.

Среди студентов, отметивших неготовность проявлять усилия в физкультурно-спортивных мероприятиях, самостоятельно используют средства физической культуры и спорта 38%, являются клиентами фитнес-клубов 11%.

Полученные данные соотносятся с результатами ранее проведенных исследований [24].

Количество занятий физической активностью также отличается в группах студентов: ежедневно используют средства физкультурно-спортивной направленности 31% из числа лиц, более высоко оценивших свое физическое состояние, 52% представителей этой группы занимаются 2–3 раз в неделю. Такой же режим физической активности отметили 76% студентов с низкой самооценкой физической готовности; ежедневно занимающихся в этой группе, по данным анкетирования, не выявлено.

Объективные показатели функционального состояния студентов с различной субъективной готовностью к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях (% , $M \pm m$)

Показатели	Субъективно готовы к участию (n=87)	Субъективно не готовы к участию (n=75)	Затруднились оценить готовность (n=68)	P (1–2)	P (2–3)	P (1–3)
	1	2	3			
Адаптация к нагрузкам	66,8 ± 2,3	55,1 ± 2,5	57,3 ± 2,9	< 0,05	> 0,05	< 0,05
Тренированность	72,1 ± 2,8	59,0 ± 3,1	60,6 ± 3,3	< 0,05	> 0,05	< 0,05
Энергетическое состояние	62,7 ± 1,7	55,9 ± 2,0	56,0 ± 2,3	< 0,05	> 0,05	< 0,05
Психоэмоциональное состояние	62,8 ± 1,8	53,7 ± 2,1	56,8 ± 2,3	< 0,05	> 0,05	< 0,05
Показатель «спорт формы»	66,2 ± 2,0	55,9 ± 2,3	57,7 ± 2,6	< 0,05	> 0,05	< 0,05
<i>Примечание:</i> P (1–2) достоверность различий по t-критерию Стьюдента между группами субъективно готовых к участию в соревнованиях и субъективно не готовых, P (2–3) – между субъективно не готовых к участию в соревнованиях и затруднившихся оценить готовность, P (1–3) – между субъективно готовыми к участию в соревнованиях и затруднившихся оценить готовность						

Опыт организованных занятий спортом под руководством тренера как показатель, призванный выполнять функцию стабилизации и стимулирования физической активности, содействующий сохранению и закреплению результатов двигательной деятельности [18], имеется у 72% опрошенных, субъективно готовых к участию в спортивно-массовых мероприятиях, и у 19% респондентов из числа оценивших физическую готовность как недостаточную.

Субъективное отношение к состязательной деятельности в процессе физической активности является важной составляющей физической культуры личности студентов и говорит о мотивированной деятельности или бездеятельности в физкультурно-спортивных мероприятиях, предусматривающих проявление соперничества [10].

Универсальная модель соперничества (противостояние «другому») является наиболее эффективным средством социализации широких слоев населения, ощущающих острую потребность в идентификации и самоидентификации [25]. В соперничестве заключена созидательная стратегия спортивного противоборства, в котором дух соревновательной борьбы базируется на уважении к сопернику [26]. Вместе с этим при бессознательном стремлении личности к совершенству и отсутствии необходимых для этого задатков возможно возникновение чувства собственной неполноценности вследствие несоответствия ожиданиям, что снижает мотивацию к физкультурно-спортивной деятельности [27].

В табл. 3 представлен сравнительный анализ результатов тестирования респондентов по опроснику «Отношение к состязательной физкультурно-спортивной деятельности».

Таблица 3

Отношение к состязательной деятельности в процессе физической активности студентов с различной субъективной готовностью к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях (баллы, $M \pm m$)

Компоненты	Субъективно готовы к участию (n = 87)	Субъективно не готовы к участию (n = 75)	Затруднились оценить готовность (n = 68)	P (1–2)	P (2–3)	P (1–3)
	1	2	3			
Эмоциональный	14,6 ± 0,3	12,7 ± 0,4	12,3 ± 0,3	< 0,05	> 0,05	< 0,05
Познавательный	13,3 ± 0,4	10,3 ± 0,5	9,9 ± 0,5	< 0,05	> 0,05	< 0,05
Деятельностный	13,2 ± 0,4	9,8 ± 0,5	9,5 ± 0,5	< 0,05	> 0,05	< 0,05
Поступочный	12,7 ± 0,4	9,9 ± 0,5	9,5 ± 0,5	< 0,05	> 0,05	< 0,05
Интенсивность показателя	53,9 ± 1,3	41,7 ± 1,9	40,8 ± 1,8	< 0,05	> 0,05	< 0,05
<i>Примечание:</i> P (1–2) достоверность различий по t-критерию Стьюдента между группами субъективно готовых к участию в соревнованиях и субъективно не готовых, P (2–3) – между субъективно не готовых к участию в соревнованиях и затруднившихся оценить готовность, P (1–3) – между субъективно готовыми к участию в соревнованиях и затруднившихся оценить готовность						

Как видно из таблицы, количественные значения показателей эмоционального отношения к событиям в спортивной практике (эмоциональный компонент), проявления интереса к знаниям в области физической культуры и спорта (познавательный компонент), отношения к непосредственному участию в состязательных физкультурно-спортивных мероприятиях и степени готовности включиться в соперничество (деятельностный компонент), а также активности в привлечении окружающих людей к участию в состязательной физкультурно-спортивной деятельности и возможности изменить их отношение к физкультур-

но-спортивным мероприятиям (поведенческий компонент) у студентов, субъективно готовых к участию в мероприятиях физкультурно-спортивной направленности, достоверно превышают значения аналогичных показателей у их сверстников, не готовых принимать участие в состязаниях.

Заметим, что у студентов, отметивших неготовность к участию в состязаниях, значение показателя эмоционального компонента, характеризующего эмоциональную чувствительность к событиям физкультурно-спортивной направленности и эмоциональную окраску отношения индивида к непосредственному

участию в таких мероприятиях, превышает значения остальных компонентов (познавательного, деятельностного, поступочного). Данные подтверждают результаты исследования L.T. Tsai et al.: из многообра-

зия видов рекреационных мероприятий, связанных с физкультурно-спортивной деятельностью, тайская молодежь отдает предпочтение развлекательным мероприятиям [22].

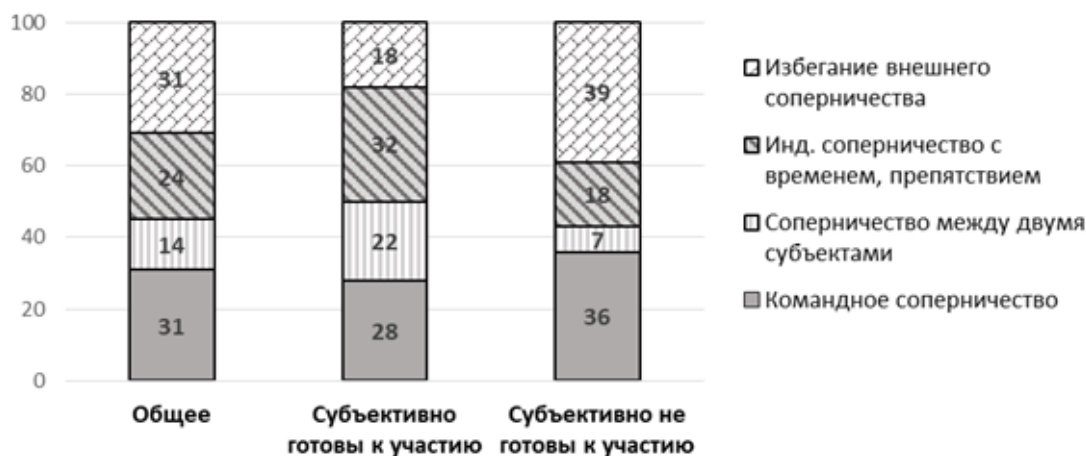

Рис. 3. Предпочитаемые формы соперничества в процессе физкультурно-спортивной деятельности у студентов с различной готовностью к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях

Анализ предпочитаемых форм состязательности показал, что среди студентов, отметивших готовность к участию в физкультурно-спортивных мероприятиях, 32% более привлекательным считают индивидуальное соперничество со временем, препятствием или расстройством, 28% – командное соперничество, 22% – соперничество «один на один» в индивидуальных видах спорта. Для 36% молодых людей, отметивших неготовность к участию в мероприятиях физкультурно-спортивной направленности, предпочтительным оказалось командное взаимодействие, а для 39% – избегание внешнего соперничества. Вместе с этим нежелание испытуемых сравнивать себя с другими не может свидетельствовать об отсутствии проявления у них такой формы состязательности, как «соревнование с самим собой», что требует проведения дальнейших исследований.

Выводы. Проведенное исследование показало, что потенциальная готовность студенческой молодежи к участию во внеучебной физкультурно-спортивной деятельности обусловлена различной мотивацией (внешней, внутренней), физическим состоянием обучающихся, опытом занятий спортом под руководством тренера, режимом и формами физической активности, характеризующими их двигательное поведение, а также предпочитаемыми формами соперничества.

Отношение к состязательной деятельности в процессе физической активности у студентов, выразивших готовность к участию в спортивных мероприяти-

ях, отличается достоверно большими значениями проявления эмоционального, познавательного, деятельностного и поведенческого компонентов. При этом высокие количественные значения эмоционального отношения к событиям в спортивной практике респондентов, отметивших неготовность стать участниками физкультурно-спортивных мероприятий, позволяет сделать предположение о возможном изменении их отношения к состязательным формам при условии включения рекреативных, увеселительных мероприятий в процесс внеучебной физкультурно-спортивной деятельности.

Для повышения эффективности физкультурно-спортивной деятельности следует переориентировать организацию и содержание физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в вузе на удовлетворение потребностей обучающихся в соответствии с их интересами, физическим состоянием, индивидуально-типологическими особенностями, предусматривая включение мероприятий двигательного-интеллектуальной, двигательного-развлекательной, двигательного-экстремальной направленности и др., предполагающих проявление индивидуальной или командной состязательности.

При этом требуется проведение дальнейших исследований, ориентированных на выявление биологических и социальных факторов, определяющих предпочтения студентов в выборе состязательных форм физкультурно-спортивной деятельности, реализуемых во внеучебное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Столяров В.И., Баринев С.Ю., Паршиков А.Т., Орешкин М.М. Необходимо ли новое спортивное гуманистическое движение (постановка проблемы) // Педагогическое образование и наука. 2018. № 5. С. 36–47.
2. Howie E.K., Guagliano J.M., Milton K., Vella S.A., Gomersall S.R., Kolbe-Alexander T.L., Richards J., Pate R.R. Ten Research Priorities Related to Youth Sport, Physical Activity, and Health // Journal of Physical Activity and Health. 2020. №17 (9). P. 920–929. doi: 10.1123/jpah.2020-0151

3. Colquitt G., Pritchard T., Johnson C., McCollum S. Differentiating instruction in physical education: Personalization of learning // *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*. 2017. Т. 88. № 7. С. 44–50. doi: 10.1080/07303084.2017.1340205
4. Пашенко Л.Г., Коришко А.В. Эффективность физического воспитания студентов вуза в условиях самостоятельного выбора физкультурно-спортивной специализации // *Теория и практика физической культуры*. 2015. № 12. С. 46–48.
5. Ревенко Е.М., Сальников В.А. Мотивация обучающихся к двигательной активности в условиях различной организации физического воспитания // *Образование и наука*. 2018. Т. 20. № 8. С. 112–128.
6. Itoh H., Kitamura F., Hagi N. et al. Leisure-time physical activity in youth as a predictor of adult leisure physical activity among Japanese workers: a cross-sectional study // *Environmental Health and Preventive Medicine*. 2017. № 37. doi: 10.1186/s12199-017-0648-1
7. Ekblom-Bak E., Ekblom Ö., Andersson G., Wallin P., Ekblom B. Physical Education and Leisure-Time Physical Activity in Youth Are Both Important for Adulthood Activity, Physical Performance, and Health // *Journal of Physical Activity and Health*. 2018. № 15 (9). P. 661–670. URL: <http://journals.humankinetics.com/view/journals/jpah/15/9/article-p661.xml>
8. Hirvensalo M., Lintunen T., Rantanen T. The continuity of physical activity – a retrospective and prospective study among older people // *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. 2000. №10 (1). P. 37–41. doi: 10.1034/j.1600-0838.2000.010001037.x
9. Kraut A., Melamed S., Gofer D., Froom P., Study C. Effect of school age sports on leisure time physical activity in adults: the CORDIS study // *Medicine & Science in Sports & Exercise*. 2003. № 35 (12). P. 2038–2042. doi: 10.1249/01.MSS.0000099087.96549.96
10. Пашенко Л.Г. Диагностический инструментарий оценки субъективного отношения студентов к состязательной деятельности в процессе физической активности // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 446. С. 183–190. doi: 10.17223/15617793/446/23
11. Асеева И.А. Готовы ли россияне к новой антропо-технореальности? // *Вестник Института социологии*. 2020. Т. 11. № 2. С. 141–156.
12. Логинов С.И. Физическая активность студентов на Севере и стадии изменения поведения, связанного с выполнением физических упражнений // *Теория и практика физической культуры*. 2002. № 5. С. 39–43.
13. Андреева А.В. Содержательные аспекты готовности преподавателей к инновационной деятельности // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 3.
14. Лукьянов О.В., Бронер В.И., Васильев А.В. Категориальный аппарат психологии вовлеченности (аутентификации) // *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 75. С. 39–52.
15. Щетинина С.Ю. Удовлетворённость студентов организацией учебного процесса по дисциплине «Физическая культура» и внеучебной физкультурно-оздоровительной деятельностью // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2016. № 12 (142). С. 170–175.
16. Анисимова А.Ю. Определение и оценка степени включенности студентов в физкультурно-спортивную деятельность // *Педагогическо-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2019. Т. 14. № 1. С. 120–126.
17. Болдов А.С., Фирсин С.А., Климова Л.Ю., Шакиров М.Р., Иванов Д.А. Исследование отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности вуза управленческой направленности // *Культура физическая и здоровье*. 2019. №1 (69). С. 36–41.
18. Логинов С.И. Роль интенционального компонента мотивации в процессе приобщения студентов к физической активности на основе теории поведения // *Вестник Сургутского государственного университета*. 2017. Вып.4 (18). С. 34–45.
19. Пашенко Л.Г. Физическая активность и мотивы занятий физической культурой и спортом взрослого населения в России и за рубежом // *Вестник Нижневартовского государственного университета*. 2017. № 3. С. 110–116.
20. Allender S., Cowburn G., Foster C. Understanding participation in sport and physical activity among children and adults: a review of qualitative studies // *Health Education Research*. 2006. Vol. 21. № 6. P. 826–835. doi: 10.1093/her/cyl063
21. Weiss M.R. Motivating kids in physical activity // *President's Council on physical fitness and sports research digest*. Series 3. 2000. Vol. 11. P. 3–10. doi: 10.1037/e603522007-001
22. Tsai L.T., Lo F.E., Yang C.C., Keller J.J., Lyu S.Y. Gender differences in recreational sports participation among Taiwanese adults // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2015. № 12 (1). P. 829–40. doi: 10.3390/ijerph120100829
23. Кондина А.С. Диагностика развития готовности потенциальных участников международных образовательных программ к межкультурному взаимодействию // *Вестник ТПУ*. 2015. № 3 (156). С. 218–223.
24. Пашенко Л.Г., Красникова О.С. Влияние двигательного режима студентов вуза на показатели физического здоровья // *Теория и практика физической культуры*. 2017. № 6. С. 24–26.
25. Лубышева Л.И., Моченов В.П. Новый концептуальный подход к современному пониманию социальной природы спорта // *Теория и практика физической культуры*. 2015. № 4. С. 94–101.
26. Баранов В.А. Социально-психологический феномен соперничества // *Спортивный психолог*. 2019. № 1 (52). С. 67–70.
27. Лифанов А.Д. Структура, механизмы и условия развития мотивации оздоровительной деятельности студентов вузов. Казань : Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2016. 168 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 28 июля 2021 г.

Students' Potential Readiness to Participate in Physical Culture and Sports Competitions at Extracurricular Time

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 189–196.

DOI: 10.17223/15617793/471/22

Lena G. Pashchenko, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: lenanv2008@yandex.ru

Nelya S. Niyasova, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: n-niyasova@yandex.ru

Ella S. Kulmameeva, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kulmameeva68@bk.ru

Keywords: competitiveness; motivation; physical activity; subjective attitude; physical condition; extracurricular activities.

The relevance of studying the potential readiness of students to participate in extracurricular competitive physical culture and sports activities is due to the existing contradiction between the observed increase in the number of mass sports events for students within the framework of mass sports and the lack of youth activity. The aim of the study is to explore the potential readiness of university students to participate in competitive sports events organized during extracurricular time and the factors that determine it. We understand the potential readiness to participate in extracurricular competitive physical culture and sports activities as an individual's multicomponent internal position expressed in motives, emotions, actions that determine the possibility of using the means of physical culture and sports in a competitive environment to solve individual or collective tasks and achieve goals. The study involved 230 students, years 1–4 at the university. The methods used were: theoretical analysis and generalization of literature data, questionnaires, functional research, mathematical and statistical data processing. The results of the study showed heterogeneity in the manifestation of motivation for possible participation in physical culture and sports events: 43% expressed full consent to become participants in competitions, 23% if they were encouraged, 19% because of fear of the consequences of refusal, 15% categorically refused to participate. Specification of the content and organizational aspects of physical culture and sports events revealed that students mostly preferred competitive forms that involve tasks of intellectual and motor orientation; they least preferred extreme types of physical activity. The analysis of behavioral factors showed a greater variety of forms of physical activity used in extracurricular activities among students who are ready to participate in competitive events, as well as the presence of sports experience in the past. The attitude to

competitions in physical activity among students ready to participate in sports events is characterized by significantly high values of the manifestation of emotional, cognitive, activity-based, and behavioral components, as well as a wide variety of preferred forms of competition. The high quantitative values of an emotional attitude to events in sports practice among young people who noted their unwillingness to become participants in physical culture and sports events suggests a possible change in their attitude to competitive forms provided that entertaining events are held, and 36% prefer team interaction.

REFERENCES

1. Stolyarov, V.I. et al. (2018) Neobkhodimo li novoe sportivnoe gumanisticheskoe dvizhenie (postanovka problemy) [Is a new sports humanistic movement necessary (statement of the problem)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*. 5. pp. 36–47.
2. Howie, E.K. et al. (2020) Ten Research Priorities Related to Youth Sport, Physical Activity, and Health. *Journal of Physical Activity and Health*. 17 (9). pp. 920–929. DOI: 10.1123/jpah.2020-0151
3. Colquitt, G. et al. (2017) Differentiating instruction in physical education: Personalization of learning. *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*. 88 (7). pp. 44–50. DOI: 10.1080/07303084.2017.1340205
4. Pashchenko, L.G. & Korichko, A.V. (2015) Effektivnost' fizicheskogo vospitaniya studentok vuza v usloviyakh samostoyatel'nogo vybora fizkul'turno-sportivnoy spetsializatsii [Efficiency of university students' physical education in conditions of independent choice of physical culture and sports specialization]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 46–48.
5. Revenko, E.M. & Sal'nikov, V.A. (2018) The Effect of Motivation on the Motor Activities of Students Under Different Physical Education Approaches. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 20 (8). pp. 112–128. (In Russian). DOI: 10.17853/19945639-2018-8-112-128
6. Itoh, H. et al. (2017) Leisure-time physical activity in youth as a predictor of adult leisure physical activity among Japanese workers: a cross-sectional study. *Environmental Health and Preventive Medicine*. 37. DOI: 10.1186/s12199-017-0648-1
7. Ekblom-Bak, E. et al. (2018) Physical Education and Leisure-Time Physical Activity in Youth Are Both Important for Adulthood Activity, Physical Performance, and Health. *Journal of Physical Activity and Health*. 15 (9). pp. 661–670. [Online] Available from: <http://journals.humankinetics.com/view/journals/jpah/15/9/article-p661.xml>
8. Hirvensalo, M., Lintunen, T. & Rantanen, T. (2000) The continuity of physical activity – a retrospective and prospective study among older people. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*. 10 (1). pp. 37–41. DOI: 10.1034/j.1600-0838.2000.010001037.x
9. Kraut, A. et al. (2003) Effect of school age sports on leisure time physical activity in adults: the CORDIS study. *Medicine & Science in Sports & Exercise*. 35 (12). pp. 2038–2042. DOI: 10.1249/01.MSS.0000099087.96549.96
10. Pashchenko, L.G. (2019) Diagnostic Tools for Evaluating Students' Subjective Attitude to Competing During Physical Activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 183–190. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/446/23
11. Aseeva, I.A. (2020) Are the Russian people prepared to enter the new techno-anthropological reality? *Vestnik Instituta sotsiologii*. 11.(2). pp. 141–156. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.650
12. Loginov, S.I. (2002) Fizicheskaya aktivnost' studentov na Severe i stadii izmeneniya povedeniya, svyazannogo s vypolnieniem fizicheskikh uprazhneniy [Physical activity of students in the North and the stages of behavior change associated with the performance of physical exercises]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 39–43.
13. Andreeva, A.V. (2015) Soderzhatel'nye aspekty gotovnosti prepodavateley k innovatsionnoy deyatel'nosti [Content aspects of teachers' readiness for innovation activity]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 3.
14. Luk'yanov, O.V., Broner, V.I. & Vasil'ev, A.V. (2020) Categories of the Psychology of Involvement (Authentication). *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 75. pp. 39–52. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/75/3
15. Shchetinina, S.Yu. (2016) Udovletvorennost' studentov organizatsiy uchebnogo protsessa po distsipline "Fizicheskaya kul'tura" i vneuchebnoy fizkul'turno-ozdorovitel'noy deyatel'nosti [Satisfaction of students with the organization of the educational process in the discipline "Physical Culture" and extracurricular physical culture and health activities]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 12 (142). pp. 170–175.
16. Anisimova, A.Yu. (2019) Opredelenie i otsenka stepeni vkluchennosti studentov v fizkul'turno-sportivnyuyu deyatel'nost' [Determination and assessment of the degree of students' involvement in physical culture and sports activities]. *Pedagogiko-psikhologicheskie i medikobiologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta*. 14 (1). pp. 120–126.
17. Boldov, A.S. et al. (2019) Issledovanie otnosheniya studentov k fizkul'turno-sportivnoy deyatel'nosti vuza upravlencheskoy napravlenosti [Study of students' attitude to the physical culture and sports activities of a management university]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 1 (69). pp. 36–41.
18. Loginov, S.I. (2017) Role of Intention in Motivation of Students in the Process of Inclusion in Physical Activity Based on the Behavioral Theory. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (18). pp. 34–45. (In Russian).
19. Pashchenko, L.G. (2017) Physical Activity and Motivation of Physical Culture and Sports of the Adult Population in Russia and Abroad. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 110–116. (In Russian).
20. Allender, S., Cowburn, G. & Foster, C. (2006) Understanding participation in sport and physical activity among children and adults: a review of qualitative studies. *Health Education Research*. 21 (6). pp. 826–835. DOI: 10.1093/her/cyl063
21. Weiss, M.R. (2000) Motivating kids in physical activity. President's Council on Physical Fitness and Sports Research Digest. Series 3. 11. pp. 3–10. DOI: 10.1037/e603522007-001
22. Tsai, L.T. et al. (2015) Gender differences in recreational sports participation among Taiwanese adults. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 12 (1). pp. 829–40. DOI: 10.3390/ijerph120100829
23. Kondina, A.S. (2015) Diagnostics of Readiness of Potential Participants of International Educational Programs for the Intercultural Interaction. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 3 (156). pp. 218–223. (In Russian).
24. Pashchenko, L.G. & Krasnikova, O.S. (2017) Vliyanie dvigatel'nogo rezhima studentov vuza na pokazateli fizicheskogo zdorov'ya [Influence of university students' motor mode on physical health indicators]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 24–26.
25. Lubysheva, L.I. & Mochenov, V.P. (2015) Novyy kontseptual'nyy podkhod k sovremennomu ponimaniyu sotsial'noy prirody sporta [A new conceptual approach to the modern understanding of the social nature of sports]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 94–101.
26. Baranov, V.A. (2019) Sotsial'no-psikhologicheskii fenomen sopernichestva [Socio-psychological phenomenon of rivalry]. *Sportivnyy psikholog*. 1 (52). pp. 67–70.
27. Lifanov, A.D. (2016) *Struktura, mekhanizmy i usloviya razvitiya motivatsii ozdorovitel'noy deyatel'nosti studentov vuzov* [Structure, mechanisms, and conditions for the development of motivation for health-improving activities of university students]. Kazan: Kazan Technological University.

Received: 28 July 2021

М.А. Червонный, Т.В. Швалева, А.А. Власова

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАПРОСОВ УЧИТЕЛЕЙ НА ПОДГОТОВКУ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ (НА ПРИМЕРЕ ФИЗИКИ)

Изучены потребности школ и возможности педагогов для сопровождения студентов. Методом анкетирования установлены образовательные технологии, активно применяемые в практической деятельности. Определены рекомендации по подготовке студентов, выявлены желания и условия учителей для совместной деятельности со студентами.

Ключевые слова: подготовка учителя; наставничество; педагогическая практика; образовательная технология; обучение физике; цифровое обучение

В настоящее время для учреждений высшего педагогического образования при подготовке студента становится актуальным ориентирование на потребности образовательных учреждений. Сюда относятся и изучение запросов школ и учреждений дополнительного образования на современные технологии, которыми должен владеть выпускник педагогического вуза. Педагогические вузы также интересуют возможность широкого привлечения действующих педагогов как носителей разнообразных технологий к наставничеству студентов как в формальных, так и в неформальных практиках.

Важно отметить, что значение педагогических практик в последнее десятилетие в профессиональной подготовке будущих учителей существенно возрастает. Именно разнообразная и продолжительная по времени практика студента позволяет эффективно содействовать становлению и развитию у него актуальных компетенций учителя в условиях мультисистемности образования [1. С. 143–148]; нарастающей интеграции между дисциплинами и обучением в классе и вне класса [2. С. 12–14]; активного использования электронных образовательных курсов и цифровых технологий обучения [3–5].

Организация обучения выпускников педагогических вузов современным технологиям обучения школьников, в которых на первое место выходят цифровые технологии, имеет серьезное научно-педагогическое обоснование [6. С. 141; 7; 8. С. 115]. Обучение технологиям представляет ценность с общих позиций личностного развития профессионализма педагога, и особенно начинающего [9. С. 89]. Также значимо погружение будущих педагогов в образовательные технологии в контексте реализации новых концепций естественнонаучного образования, например STEM-образования [10], и в контексте дальнейшего развития технологий обучения конкретным предметам, в частности физике (проблемного обучения, критического мышления, портфолио и др.) [11].

При выделении четырех уровней готовности педагога к профессиональной деятельности определяют разные уровни овладения образовательными технологиями [12. С. 35]. С этой позиции в нашем исследовании важно выделить базовые современные технологии обучения, воспитания, педагогического общения, которые используют педагоги-практики, изучить их

рекомендации для подготовки студентов. Также в связи с необходимостью и новыми возможностями раннего личностного погружения студента в учительскую профессию [13. С. 136] остро встает вопрос их педагогического сопровождения, развития компетенций студента ведущими практиками – носителями образовательных технологий. Такой процесс сопровождения можно организовать только при использовании механизма наставничества, включающего добровольное участие в совместной деятельности учителя и студента [14].

В нашей статье мы поставили цель определить актуальность, общий уровень распространения и состав образовательных технологий на примере обучения физике, а также рекомендации действующих педагогов в подготовке будущих учителей. Также целью эмпирического исследования стало выявление отношения учителей физики к проблеме наставничества студентов педагогического вуза в рамках их индивидуальной пробной профессиональной деятельности.

С целью решения поставленных задач в октябре и ноябре 2020 г. было проведено анкетирование учителей физики 57 общеобразовательных учреждений Томской области. В рамках данного исследования рассматривались следующие ключевые вопросы состояния школьного естественнонаучного образования и мнения учителей:

- 1) какие технологии, причисляемые к традиционным, и какие технологии, причисляемые к инновационным, актуальны сейчас и используются в профессиональной деятельности учителей физики;
- 2) какими технологиями важно овладеть для профессиональной деятельности будущим педагогам;
- 3) желают ли учителя быть наставниками, и какие условия ставят для перехода в позицию наставника студента в индивидуальной профессиональной практике.

Респонденты – учителя физики (25 педагогов областного центра и 32 педагога из районов области).

Анализируя ответы на вопрос анкеты «Какие технологии в работе со школьниками вами используются из числа традиционных и какие – из числа инновационных?», была проведена их группировка относительно общих наименований образовательных технологий. Это позволило, во-первых, систематизировать одинаковые и близкие ответы учителя

лей, во-вторых, выделить группы образовательных технологий одинакового диапазона или одинакового значения частот упоминания. Далее, полученные группы ответов респондентов как из сельской

местности, так и из областного центра распределялись по двум категориям: традиционные и инновационные технологии в порядке убывания значения частоты упоминания (табл. 1).

Таблица 1

Группы традиционных и инновационных образовательных технологий, сформированные по результатам ответов учителей

Частота упоминания	Образовательные технологии	
	Традиционные	Инновационные
≥ 10	– Игровые – 14	– Проектные – 20 – Информационно-коммуникационные (в том числе онлайн-обучение, цифровое обучение, дистанционное обучение и т.п.) – 20. – Проблемного обучения (в том числе проблемно-диалоговые, проблемно-эвристические) – 12
от 5 до 10	– Проблемного обучения – 9 – Объяснительно-иллюстративные – 8 – Классно-урочная – 8 – Информационно-коммуникационные – 6 – Лекционная – 6	– Развития критического мышления (в том числе через чтение и письмо) – 8 – Интерактивные – 7 – Игровые – 5 – Личностно-ориентированные – 5 – На основе электронных образовательных ресурсов (компьютеры, интерактивные доски, виртуальные лабораторные работы и т.п.) – 5
3 и 4	– Развивающего обучения – 4 – Дифференцированного обучения – 3 – Группового обучения – 3 – Личностно-ориентированные – 3	– Здоровьесберегающие – 3 – Исследовательские – 3 – Кейсов – 3
2	– Развития критического мышления – Парного обучения – Здоровьесберегающие – Разноуровневого обучения – Обучения в сотрудничестве – Исследовательская – Интегрированного обучения – Обучения эксперименту	– Группового обучения – Сингапурские – Перевернутый класс – Решения изобретательских задач (ТРИЗ) – Практико-ориентированные
1	– Деятельностного обучения – STEM-образования – Кейсов – Модульного обучения – Интерактивного обучения – Решения задач – Перспективно-опережающие – Проектные	– Деятельностного обучения – STEM-образования – Мониторинга образовательных результатов – Развивающего обучения – Коммуникативного обучения – Разноуровневого обучения – Применения интеллект-карт

Таким образом, верх рейтинга традиционных образовательных технологий, применяемых в практике обучения физике, составили технологии: игровые, проблемного обучения, объяснительно-иллюстративного обучения, классно-урочная, лекционная, информационно-коммуникационные. Частоты перечисленных традиционных технологий расположены в диапазоне от 5 (включительно) до 14 (включительно).

Верх рейтинга инновационных образовательных технологий, также применяемых учителями физики в школе, составили следующие технологии: *проектные, информационно-коммуникационные* (в том числе онлайн-обучение, цифровое обучение, дистанционное обучение и т.п.); *проблемного обучения* (в том числе проблемно-диалоговые, проблемно-эвристические), *развития критического мышления* (в том числе, развития критического мышления через чтение и письмо), *интерактивные, игровые, личностно-ориентированные, на основе электронных образовательных ресурсов* (компьютеры, интерактивные доски, виртуальные лабораторные работы и т.п.). Частоты упоминания перечисленных инновационных технологий

расположены в диапазоне от 5 (включительно) до 20 (включительно).

Анализируя результаты ответов, можно сделать некоторые выводы.

1. В категории традиционных технологий, несмотря на присутствие в лидерах игровых технологий, в целом преобладают относительно пассивные технологии. Как правило, это зарекомендовавшие себя системные и результативные технологии для работы с большим количеством обучаемых (объяснительно-иллюстративная, классно-урочная, лекционная т.п.). В категории инновационных технологий обнаруживается преобладание деятельностных, интерактивных технологий, а также технологий личностно-ориентированного обучения.

2. Проектные технологии отнесены учителями к группе инновационных, однако сегодня очевидно, что овладение ими является обязательным для педагогов практически всех школьных предметов. Подобное утверждение относится и к ряду других технологий (здоровьесберегающих, решения изобретательских задач и др.), отнесенных к группе инновационных. В отношении проектной технологии, по всей вероятности,

сти, это связано с тем, что методология детского проектирования продолжает развиваться в рамках как школьной, так и внешкольной деятельности. Проявляются иные качества мультидисциплинарного проектирования, формируется региональный заказ от компаний и предприятий на темы школьных проектов, разрабатываются новые способы оценки детских проектов, учитывается специфика проектных команд, в состав которых приглашаются дети разного возраста, из разных классов и школ. Перечислены и другие факторы современного проектирования, создающие новый облик проектных технологий, меняющие содержание этапов технологий и формирующие их иной состав. Следует предположить, что именно по этой причине учителя рассматривают проектные технологии как инновационные.

3. Среди традиционных и инновационных технологий в первой части этих рейтингов есть совпадающие наименования, например технологии проблемного обучения, информационно-коммуникационные, игровые. Такая картина свидетельствует об актуальности таких технологий и их результативности в применении (например, технологии проблемного обучения), а также о перспективности их развития (информационно-коммуникационные технологии). О последовательном развитии образовательной технологии говорит не только факт соответствующего ее расположения как в категории традиционной, так и в категории инновационной, но также и то, что в наименовании технологии появляется уточняющая характеристика, некий акцент, который указывает, в каком смысле произошла модернизация технологии. Например, если в традиционном списке технологий для практической деятельности учителя упоминается технология развития критического мышления (частота 2), то в инновационном списке технология развития критического мышления (частота 8) представлена в развернутом варианте – как «технология развития критического мышления через чтение и письмо» (частота упоминания 4). Следует заметить, что учителями на практике применяются как традиционные, так и инновационные технологии, если они были и остаются эффективными. Какие-то образовательные технологии, оставаясь актуальными для обучения физике, модернизируются, и хотя их главное предназначение остаётся прежним, в названии появляется элемент, который отражает суть (акцент) изменений. В результате такая технология активно используется в работе и, по мнению учителей, относится к инновационным.

4. Особое внимание следует обратить на технологии из списка инновационных. Это информационно-коммуникационные образовательные технологии (в том числе онлайн-обучение, цифровое обучение, дистанционное обучение и т.п.), занимающие лидирующее положение в рейтинге ответов, кейс-технологии, занимающие среднее место в рейтинге, а также технология применения интеллект-карт, которые отмечены в конце списка инновационной группы образовательных технологий. Лидерство ИК-

технологий в настоящее время абсолютно объяснимо, оно начало проявляться еще до массового применения дистанционных технологий. Но есть одна особенность, которая добавляет ряд преимуществ в их использовании, также как и другим упомянутым здесь технологиям. Эти технологии существенным образом расширяют возможности визуализации учебной информации. Важнейшими характеристиками конкурентоспособной личности являются качества человека, связанные с умением работать с информацией, с обладанием на высоком уровне информационной и семиотической компетенциями. Клиповое мышление молодежи, сформированное как результат экранной культуры, становится основой современных образовательных технологий, позволяющих педагогу достичь более существенных образовательных результатов. В этом смысле кейс-технологии позволяют целостно описать (литературные фрагменты, текстовые ситуации), визуализировать явления и процессы в физике (фрагменты записей опытов, отрывки фильмов, визуализация промышленных и природных явлений), что существенным образом облегчает процесс представления важнейших закономерностей усваиваемых процессов, представления возможных будущих решений и возникновения необходимых образов для лучшего запоминания. В свою очередь такая новая технология, как интеллект-карты, обеспечивает технику представления физического процесса или явления, мысли или идеи в комплексной, систематизированной, визуальной (графической) форме. Технология обеспечивает детей методом систематизации и запоминания учебной информации, с помощью которого развиваются как творческие, так и речевые их способности, активизируется память и мышление.

Анализ других образовательных технологий, применяемых учителями физики и представленных в табл. 1, требует более подробного рассмотрения как эволюции самих технологий, так и влияния различных условий их применения. К таким условиям мы относим влияние региональных целей образования, специфики предмета, межпредметного взаимодействия, новых запросов на образование (инженерное и технологическое образование школьников, STEAM-образование, эмоциональное образование и др.).

В следующей части анкетирования выявлялось мнение учителей о технологиях, которыми, по их мнению, должен владеть современный выпускник педагогического вуза. На вопрос «На ваш взгляд, какими технологиями образования должен владеть современный выпускник педагогического вуза?» получено множество ответов, превышающее количество опрашиваемых респондентов. Обработка ответов методом группировки и, в частности, методом кластеризации позволила получить совокупность технологий, представленных в табл. 2 (во второй колонке). В правой колонке представлены дополнительные, в том числе специфические характеристики необходимых качеств выпускника (знания, умения, владения), которые учителя упомянули при анкетировании.

**Технологии, которыми по мнению учителей должен владеть
современный выпускник педагогического вуза**

Частота упоминания	Технологии, которыми должен владеть современный выпускник педагогического вуза	Дополнительные характеристики необходимых качеств выпускника педагогического вуза
от 5 до 10	– Традиционные (в том числе классно-урочной системы) и инновационные – 10 – Проектные – 10 – Информационно-коммуникационные – 7 – Современные – 6 – Все – 5 – Проблемного обучения – 5	По знаниям, умениям, владениям выпускника: – Умеет применять на практике полученные знания – Знает, умеет и использует современные методики – Обладает общекультурной подготовкой, культурой общения, эмпатией – Умеет работать дистанционно
3 и 4	– Игровые – 4 – Инновационные – 3 – Дистанционные – 3	По технологиям: – Владеет технологиями, которые будут полезны сейчас или завтра, а не вчера
2	– Группового обучения – Инженерного образования (биофизики) – Разнообразные – Личностно-ориентированного обучени	– Умеет дозированно использовать технологии – Владеет всеми технологиями использует те, что подходят для детей, которых он обучает – Владеет технологиями использования игр (ролевых, деловых, обучающих)
1	– Кейс – Интегрированного обучения – Здоровьесберегающие – Функциональные – Исследовательские – Уровневой дифференциации – Компьютерные – Информационные – Командной работы – Развивающего обучения – Тестовые – Модульного обучения – Разноуровневого обучения – Развития критического мышления – Интерактивные и др.	– Владеет технологиями собственного профессионального развития эрудиции, мышления, творчества – Обладает педагогикой цифрового обучения

Полученные данные, безусловно, дают ориентир в подготовке будущего учителя физики, свидетельствуют о необходимости ознакомления в пробной практической деятельности будущего педагога с актуальным перечнем образовательных технологий, реализуемых практиками. Однако надо учитывать, что педагогическое сопровождение студента педагогического вуза в процессе овладения современными образовательными технологиями не должно стать погоней за новшествами [2. С. 15]. Мы считаем, что в подготовке учителя следует опираться на возможности проектного обучения и практико-ориентированную деятельность как результативный способ и процесс освоения профессиональных технологий.

Вызывает особый интерес для анализа проявление некоторых результатов данной части анкетирования. К примеру, в подготовке будущего учителя физики упоминается (частота упоминания – 2) такая образовательная технология, как технология инженерного образования (биофизика). Дополнительный поиск информации и ее анализ определили следующие условия проявления этого факта.

Первое. В городе Томске органами управления образованием для школ в настоящее время рекомендуется к внедрению примерная основная образовательная программа среднего общего образования (одобрена решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию 28 июня 2016 г. № 2/16-з). Ее актуальность проявилась в начале

2020/21 учебного года в связи с внедрением в 10-м классе федеральных государственных образовательных стандартов, что привело к новому построению профильной школы. В качестве интересующих особенностей Примерной основной образовательной программы среднего общего образования, влияющих на организацию профильного образования обучающихся школ города, можно выделить следующие: 1) отсутствует ранее существовавший физико-математический профиль; 2) предложен технологический профиль с углубленными физикой и информатикой; 3) в учебном плане естественнонаучного профиля рекомендован предмет «биофизика» (предметы «физика» или «естествознание» в этом плане отсутствуют); 4) в учебных планах гуманитарного, социально-экономического профилей, а также в одном из четырех вариантов учебного плана универсального профиля указан предмет «естествознание».

Второе. Фактором влияния на разработку технологичей междисциплинарного характера выступил также призыв к предметникам, прозвучавший в рамках установочных мероприятий, традиционно проводимых перед началом учебного года в августе, и направленный на реализацию междисциплинарного и метапредметного подхода. Такой призыв, а также иллюстрация отдельных подходов по междисциплинарному обучению и его актуальности для регионального образования специальными мастер-классами имели место как перед началом 2019/20 учебного года, так и перед началом 2020/21 учебного года. В частности, в августе

2019 г. на мастер-классе учителям естественных предметов демонстрировался опыт междисциплинарного обучения в инженерных классах г. Москвы.

Таким образом, как представляется, что эти два фактора привели к тому, что учителя физики осознают важность для будущих педагогов технологии инженерного образования (биофизики). Вместе с тем сами педагоги не назвали эту технологию среди применяемых в инновационной группе образовательных технологий. Это говорит о том, что в данной выборке образовательных учреждений в обучении физике подобная технология на практике не применяется.

Мы считаем, что основной методологией деятельности студента младших курсов на практике при начальном освоении образовательных технологий должна стать проектно-исследовательская работа, осуществляемая при педагогическом сопровождении (наставничестве). Для студентов старших курсов к используемой методологии проектно-исследовательской работы при освоении образова-

тельных технологий добавляется методология выпускной квалификационной работы (дипломная работа). Не секрет, что для многих молодых специалистов «прошлая» дипломная работа становится практической основой для проектирования и реализации профессиональной деятельности, основой профессиональной аттестации и идеей профессионального роста. И если возможно, то начинающий молодой специалист обращается к «бывшему» руководителю дипломной работы за профессиональной помощью. Таким образом, в нашем исследовании важно было выявить представления учителей по актуальной тематике заключительных практических работ будущих педагогов. Так, были сформулированы обобщенные темы выпускных квалификационных работ, предложенные практикующими педагогами (табл. 3). Общие формулировки представлены по рейтингу, исходя из частоты упоминания тематики.

Таблица 3

**Обобщенные темы выпускных квалификационных работ студентов педагогического вуза
(на примере физики)**

Частота упоминания	Обобщенные темы выпускных квалификационных работ
9	<i>Урок:</i> урок-семинар, урок-конференция, технологическая карта урока, анализ урока, преподавание в современном мире, интеграция наук на уроке, сингапурские практики на уроках, активные методы обучения на уроках, внедрение и развитие цифровой образовательной среды на уроках и др.
6	<i>Методика изучения частных тем:</i> использование микроконтроллеров на уроках, периодические процессы в организме человека, определение частотных интервалов, шумовое загрязнение города, взаимодействие пучка заряженных частиц с различными поверхностями, изучение явления ядерного магнитного резонанса и др.
4	<i>Применение технологий:</i> новых информационных технологий, современных педагогических технологий в условиях малокомплектной школы, образовательных технологий на различных этапах урока, с учетом возраста обучающихся и различных типов уроков по ФГОС и др.
4	<i>Методика проведения эксперимента:</i> домашнего, лабораторного, демонстрационного
3	<i>Проектная деятельность:</i> метод проектов, практика применения, применение на уроках и др.
3	<i>Методика решения задач:</i> прикладных, по разделам курса, в туристическом походе и др.
3	<i>Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ:</i> разработка интерактивных пособий, использование компьютерных программ и метапредметного знания и др.
3	<i>Методика проведения внеурочных занятий:</i> практические работы, регулятивные действия и др.
3	<i>Использование дистанционных образовательных технологий в обучении физике,</i> в том числе в малокомплектной школе и др.
3	<i>Повышение интереса и мотивации к обучению и предмету</i> посредством компьютерных приложений и др.
3	<i>Метапредметное обучение:</i> развитие метапредметных умений, навыков, компетенций
2	<i>STEM-образование:</i> как форма интегрированного обучения; на уроках и др.
2	<i>Изготовление моделей для проведения практических работ</i>
1	<i>Использование образовательных платформ в обучении</i> при выполнении практических заданий
1	<i>Тенденции в системе изучения раздела курса на основе анализа учебников</i>
1	<i>Создание интерактивного учебного пособия с использованием программ</i>
1	<i>Работа с электронной доской</i>
1	<i>Разработка междисциплинарного курса</i>
1	<i>Гуманитаризация обучения физике</i>

В заключении анкеты выявлялось желание учителей выступить наставниками студентов по различным видам практик, в том числе добровольческим. Участникам был задан вопрос: «Готовы ли вы взять роль наставника в рамках индивидуальной практики будущего педагога, сопровождать процесс его погружения в профессию, делиться знаниями современных методик и технологий?» Также определялись условия для участия педагогов в сопровождении студентов. Установлено, что почти половина респондентов, а именно 28 из 57, согласны стать наставниками. 12 педагогов указали, при каком условии это возможно.

При группировке близких по смыслу вариантов условий (формулировки указаны в скобках) было выделено несколько основных требований:

- *мотивация студента* («нужно начинающему педагогу», «выраженной мотивации студента», «активной работы со стороны студента») – 3 ответа;

- *подготовка студента как «приемника» или как «коллеги»* («для будущего преемника», «если будущий педагог будет работать в нашей школе», «дальнейшего трудоустройства в нашей школе») – 3 ответа;

- *согласования нагрузки для педагога, времени, места и оснащения совместной деятельности* («свободного времени», «удобного графика», «прохождения педпрактики в сельской малокомплектной школе», «дистанционной работы в связи с проживанием в удаленной местности», «если будет вся аппаратура») – 5 ответов;

- *поощрения* («это будет поощряться», «справедливой оплаты») – 2 ответа.

Вторая половина педагогов (29 респондентов из 57) отказались выступить наставниками. При этом один из них отметил, что уже является наставником в школе, а второй педагог указал в качестве причины отказа большую нагрузку. Учитывая это, можно утверждать, что половина педагогов либо принимает участие в наставничестве, либо готова принять участие в этом. Следует также сказать, что незначительная часть выдвинутых условий является выполнимой при существующих договоренностях между образовательными организациями систем высшего педагогического и общего образования. Результаты этого опроса показывают, что можно говорить о возможности более активного использования наставничества в современной подготовке педагогов для создания системы педагогического сопровождения студентов на различных индивидуальных практиках.

Подводя общий итог всем промежуточным результатам исследования, можно сделать выводы относительно применения в обучении физике информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), поставленных учителями в приоритет как среди традиционных, так и среди инновационных образовательных технологий, активно применяемых на практике. ИКТ также стоят в начале списка рекомендуемых к изучению будущими педагогами. Действительно, в последнее время выявляется значительная потребность освоения педагогами образовательных технологий, основанных на разнообразных, как широко известных, так и абсолютно новых, информационно-коммуникационных технологиях, цифровых платформах и инструментах.

И самая очевидная причина этого – ситуация с пандемией. Также в системе школьного образования и дополнительного образования детей выражена общая тенденция к разработке и реализации планов индивидуального обучения учащихся (необходимость удаленного взаимодействия с обучающимися, проживающими на трудодоступных территориях – удаленная сельская местность, северные районы; внедрение принципов инклюзивного образования и др.). Указанные факторы содействуют активному использованию учителями дистанционных технологий на основе ИКТ. Этот процесс направлен со стороны школ. Он начинается по причине развития самой системы школьного образования по инициативе общеобразовательных учреждений как ответ на вызовы современности и изменений в обществе. Наблюдается также и *встречный процесс, направленный на школу*. Так, активно развивается на основе ИКТ деятельность вузов и новых образовательных центров (кванториумы, центры молодежного инновационного творчества, детские технопарки и т.п.) в системе внеурочных занятий и дополнительного образования детей. К этой деятельности привлекаются не только преподаватели и студенты вузов, но и школьные учителя, и педагоги дополнительного образования. Они также отмечают значимость цифровых платформ, цифровых инструментов обучения и новых образовательных технологий на основе ИКТ и рекомендуют их к освоению будущим педагогам. Учитывая оба процесса, в педагогическом образовании и подготовке учителя важно понимать не только ценность практического применения элементов цифрового обучения (цифрового контента, инструментов и технологий), частично облегчающих учебный процесс и заменяющих «контактное» образование в силу острой необходимости. Следует активно знакомить будущих педагогов с контурами нового «цифрового образования» [15], его концепциями в частности [16], формирующейся дидактикой цифрового обучения [7], идеями киберпедагогики [17. С. 149–220], создающими новую педагогическую основу для эффективного применения современных образовательных технологий.

В подготовке будущих учителей следует обращать большее внимание на возможность выбора и овладения студентом образовательными технологиями в преподавании темы или раздела курса в рамках расширяющейся педагогической и производственной практики, а также в условиях добровольческого погружения студента в педагогическую деятельность. Зачастую при реализации формальной практики преобладает заикленность на методике урока, хотя в педагогике установлено, что дидактической единицей изучения предмета выступает тема, а не урок. Так, профессиональные стандарты педагогов системы общего образования и дополнительного образования детей (сокращенные наименования) определяют на первых позициях профессиональную функцию учителя как способность к проектированию и реализации курсов обучения и их разделов. Овладение профессиональными функциями и действиями начинающий учитель должен проявить с первых дней профессиональной деятельности. В этом смысле он похож на

инженера, приступившего к конструированию автомобиля, однако начинается он с создания его общей модели и концепции, а не с разработки отдельных узлов. Иначе результаты проектирования будут низкими, поскольку отдельные узлы могут просто не совмещаться в целостной конструкции. В этом контексте решение на практике будущим педагогом профессиональных задач, связанных с проектированием и реализацией темы или образовательного курса, включает в

себя и задачи, по определению и применению образовательной технологии. Нам видится, что выявление эффективных образовательных технологий из числа традиционных и установление перспективных образовательных технологий из числа инновационных, на основе опыта учителей возможностей педагогического сопровождения, широкой практической деятельности студентов со стороны ведущих учителей приведут к повышению качества подготовки будущих педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоркин А.М. Профессиональная подготовка учителей в США: уроки для России // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 136–157.
2. Лаптев В.В., Писарева С.А., Тряпицына А.П. Интеграция в современном образовании: проблема взаимосвязи дидактики и методики обучения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 7–18.
3. Эпоха «Гринфилда» в образовании / Московская школа управления СКОЛКОВО // Сибирский фронт: экспертно-аналитический портал. URL: http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2015/03/Skolovo-E%60poha-Grinfilda-v-obrazovanii_2013.pdf (дата обращения: 11.12.2020).
4. Шерман Я. От «подрыва» к инновациям: о будущем MOOC // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 21–43. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-21-43
5. Justin Reich., José A. Ruipérez-Valiente. The MOOC pivot // Science. 2019. Vol. 363, Is. 6423. P. 130–131. DOI: 10.1126/science.aav7958
6. Бордовская Н.В., Кошкина Е.А., Бочкина Н.А. Образовательные технологии в современной высшей школе (анализ отечественных и зарубежных исследований и практик) // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 6. С. 137–175.
7. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал «Номо cyberus». 2019. № 1 (6). URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (дата обращения: 06.11.2020).
8. Макаренко А.Н., Смышляева Л.Г., Минаев Н.Н., Замятина О.М. Цифровые горизонты развития педагогического образования // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 6. С. 113–121. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-113-121
9. Поздеева С.И. Разработка концепции открытого профессионализма педагога как исследовательская задача // Вестник ТГПУ. 2016. № 1 (166). С. 88–90.
10. Bocharova J.Yu., Bagachuk A.V., Safonova M.V. The role of educational results in designing a model of pedagogical internship in engineering and technology // Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education. 2020. Vol. 45 (3). P. 508–516. DOI: 10.32744/pse.2020.3.36
11. Румбешта Е.А. Современные технологии в обучении физике : учеб.-метод. пособие. Томск : Изд-во ТГПУ, 2018. 144 с.
12. Сергеев Н.К., Борятко Н.М. Концепция и технологии подготовки учителя – воспитателя в системе непрерывного педагогического образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 9 (94). С. 31–39.
13. Смышляева Л.Г., Дроздецкая И.А., Грицкевич Н.К., Коллегов А.К. Модульная образовательная программа бакалаврской подготовки педагога в вузе: проектирование организационно-деятельностных механизмов // Научно-педагогическое обозрение. 2018. Вып. 4. С. 133–142. DOI: 10.23951/2307-6127-2018-4-133-142
14. Организация наставничества в Школе совместной деятельности: практика и концептуализация. Кн. 8 / под ред. С.И. Поздеевой. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2020. 256 с.
15. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. № 3. DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-25-36
16. Блинов В.И. и др. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. М. : Перо, 2019. 72 с.
17. Воинова О.И., Плешаков В.А. Киберонтологический подход в образовании / под ред. В.А. Плешакова. Норильск : Норил. индустр. ин-т, 2012. 244 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 2 апреля 2021 г.

Research of Teachers' Requests for Training Students of a Pedagogical University in Educational Technologies (On the Example of Physics)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 197–204.

DOI: 10.17223/15617793/471/23

Mikhail A. Chervonnyy, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mach@tspu.edu.ru

Tatiana V. Shvaleva, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tshvaleva@yandex.ru

Anna A. Vlasova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aav@tspu.edu.ru

Keywords: teacher training; mentoring; teaching practice; educational technology; physics training; digital learning.

An analysis of requests of schools (administrators and teachers) for modern technologies that a graduate of a pedagogical university should know is an urgent task of the modern system of higher pedagogical education. For current and future teachers, the technologies used in specialized classes of physical, mathematical, and technical orientation are relevant. The research is based on research articles describing the spread and impact of modern educational technologies and mentoring on the training of teachers. The results of processing answers to the questionnaire of physics teachers and methodologists from 57 general education institutions in the region are used as empirical data. The aim of the study was to determine the relevance, distribution, and composition of educational technologies used in teaching physics. Teachers' recommendations for the training of future teachers were also determined. During the empirical research, it was important to find out teachers' wishes and conditions for the mentoring of students of a pedagogical university. The research methods were: survey and statistical data processing, clustering of narrow and specific respondents' answers, generalization of results. In the course of the study, based on the analysis of foreign and domestic scientific periodical literature, analysis and clustering of teachers' responses, the increasing influence of digital learning on the training process of future teachers was revealed. This process is not only related to the need to increase the use of educational content, digital tools, and educational technologies in teaching physics at school. The need for a systematic familiarization of future teachers with the contours of the new "digital education", its concepts, the emerging didactics of digital learning, and the ideas of cyberpedagogy was established. The survey of teachers in the region revealed the state of the school teaching of physics, their opinions on the use of educational technol-

ogies. The ratings of educational technologies used in modern practice are determined by the categories “traditional “ and “innovative”. The names of educational technologies that belong to both categories were determined, which indicates the improvement of technologies and the relevance of their further application in teacher training. Recommendations of teachers on topics of final qualification works of future teachers were revealed. The wishes and conditions for the mentoring process of students by current teachers were identified. The general requirements that determine the ability of teachers to act as mentors of individual practice of students were formulated.

REFERENCES

1. Sidorkin, A.M. (2013) Professional'naya podgotovka uchiteley v SShA: uroki dlya Rossii [Vocational Training of Teachers in the USA: Lessons for Russia]. *Voprosy obrazovaniya*. 1. pp. 136–157.
2. Laptev, V.V., Pisareva, S.A. & Tryapitsyna, A.P. (2019) Integration in Modern Education: The Issue of Interrelation Between Didactics and Methodology. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 192. pp. 7–18.
3. Moscow School of Management SKOLKOVO. (2015) *Epokha “grinfilda” v obrazovanii* [The era of “greenfield” in education]. [Online] Available from: http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2015/03/Skolovo-E%60poha-Grinfilda-v-obrazovanii_2013.pdf (Accessed: 11.12.2020).
4. Sherman, Ya. (2018) From disruption to innovation: thoughts on the future of MOOCs. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 21–43. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-21-43
5. Justin Reich. & José, A. (2019) Ruipérez-Valiente. The MOOC pivot. *Science*. 363 (6423). pp. 130–131. DOI: 10.1126/science.aav7958
6. Bordovskaya, N.V., Koshkina, E.A. & Bochkina, N.A. (2020) Educational Technologies in Modern Higher Education Institutions (Analysis of Russian and Foreign Research and Practice). *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 22 (6). pp. 137–175.
7. Verbitskiy, A.A. (2019) Digital Learning: Problems, Risks and Prospects. *Homo Cyberus*. 1 (6). [Online] Available from: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (Accessed: 06.11.2020). (In Russian).
8. Makarenko, A.N. et al. (2020) Digital Horizons in Teacher Education Development. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 29 (6). pp. 113–121. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-6-113-121
9. Pozdeeva, S.I. (2016) Development of the Concept of Open Professionalism of a Teacher as a Research Problem. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 1 (166). pp. 88–90. (In Russian).
10. Bocharova, J.Yu., Bagachuk, A.V. & Safonova, M.V. (2020) The role of educational results in designing a model of pedagogical internship in engineering and technology. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 45 (3). pp. 508–516. DOI: 10.32744/pse.2020.3.36
11. Rumbeshta, E.A. (2018) *Sovremennye tekhnologii v obuchenii fizike: ucheb.-metod. posobie* [Modern technologies in teaching physics: textbook]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
12. Sergeev, N.K. & Borytko, N.M. (2014) Conceptions and technologies of teacher training in the system of continuous pedagogic education. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 9 (94). pp. 31–39.
13. Smyshlyaeva, L.G. et al. (2018) Modular Educational Program of Bachelor Training of a Teacher in Higher Education: Designing Organizational and Activity Mechanisms. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 4. pp. 133–142. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2018-4-133-142
14. Pozdeeva, S.I. (ed.) (2020) *Organizatsiya nastavnichestva v Shkole sovmestnoy deyatel'nosti: praktika i kontseptualizatsiya* [Organization of mentoring in the School of Joint Activities: practice and conceptualization]. Book 8. Tomsk: Izd-vo Tomskogo TsNTI.
15. Vayndorf-Syssoeva, M.E. & Subocheva, M.L. (2018) “Digital Education” as a Systemic Category: Approaches to Definition. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika*. 3. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-25-36
16. Blinov, V.I. et al. (2019) *Proekt didakticheskoy kontseptsii tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya* [A draft didactic concept of digital vocational education and training]. Moscow: Pero.
17. Voinova, O.I. & Pleshakov, V.A. (2012) *Kiberontologicheskii podkhod v obrazovanii* [A cyber-ontological approach in education]. Norilsk: Norilsk Industrial Institute.

Received: 02 April 2021

К.Г. Чикнаверова, Е.В. Воевода

ДИАПАРОНИМЫ В ТЕКСТАХ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ОШИБОК НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Представлено моделирование проявлений лексико-семантической интерференции при обучении русскоязычных студентов юридическому английскому языку. Установлено, что подавляющая часть лексики в зоне отрицательной интерференции представляет собой синонимичные диапаронимы, обнаружены случаи дистантной диапаронимии, случаи контактных диапаронимов единичны. Прогнозируется, что в ряде случаев отрицательная интерференция будет проявляться при переводе и с родного, и с иностранного языка.

Ключевые слова: обучение иностранному языку; лексико-семантическая интерференция; отрицательная интерференция; юридический иностранный язык; юридический перевод; язык для специальных целей

Введение

В рамках данной работы мы рассматриваем влияние лексико-семантической интерференции на процесс изучения иностранного языка для специальных целей, в частности соответствующие ошибки, которые могут быть вызваны явлениями диапаронимии при контакте русского (родного) и английского (иностранного) языков, способы их профилактики в процессе обучения. В задачи исследования входило:

- рассмотреть явления лексико-семантической интерференции в научной литературе;
- определить учебный материал по курсу иностранного языка для специальных целей (для направления подготовки «Юриспруденция») и отобрать лексические единицы, которые могут вызывать отрицательную межъязыковую интерференцию;
- выявить типичные случаи лексико-семантической интерференции при контакте русского и английского языков (на основе словарей общепотребительной лексики и в контексте языка специальности) и описать их разновидности;
- проанализировать выявленные лексические единицы с целью определения зон интерференции в контексте изучения иностранного языка для специальных целей (на примере языка права).

В статье представлена степень изученности проблемы, научно-теоретические и методологические основы исследования. В практической части описаны методы и материал исследования, полученные данные, анализ соответствующих лексических единиц в контексте изучения английского юридического языка русскоязычными студентами.

Вопросы, смежные с проблематикой, поднятой в данной работе, рассматриваются в лингвистических, психолингвистических, лексикографических и лингводидактических исследованиях (А.И. Газизова [1], О.Г. Горина [2], А.С. Набиуллина [3], А.Н. Панфилов [4], В.М. Панфилова [4], З.И. Резанова [3], К.Г. Чикнаверова [5]). Несмотря на достаточно глубокую разработанность, не изучены случаи диапаронимии при контакте русского и английского языков в контексте юридического дискурса. В теоретических исследованиях, посвященных обучению юридическому подязыку и переводу, рассматриваются частные

проблемы: грамматические трудности на начальном этапе обучения; различного рода трансформации; проблемы синонимии и эквивалентности; описываются наиболее частотные ошибки, вызванные внешней интерференцией и проявляющиеся в процессе изучения юридического перевода.

Материал языка специальности – лексический, грамматический и стилистический, следует вводить с учетом сопоставительного анализа языковых систем (родного и изучаемого языков) и социокультурно обусловленных явлений, определяющих использование языка в ситуациях профессионально ориентированного и профессионального общения.

Наиболее востребованными аспектами, входящими в область языка для специальных целей, являются лексические, особенно если это касается продолжения изучения. В таком случае обучающиеся уже достаточно освоили фонетическую и грамматическую сторону речи, и на этапе изучения языка специальности наибольшей сложностью станет освоение профессионально значимой и профессиональной лексики.

Что касается обучения лексической стороне профессиональной речи, то необходимо обучение, учитывающее основные лексические явления, которые могут привести ко внутренней и внешней интерференции, такие как синонимия, омонимия, паронимия, полисемия и пр.

Методология

Проблема исследования потребовала рассмотрения вопросов профессионально ориентированного обучения иностранным языкам в целом и непосредственно обучения юридическому иностранному языку, а именно профессионально ориентированной устной и письменной коммуникации, а также юридическому переводу как отдельному виду речевой деятельности. Данный аспект включает изучение общих характеристик учебных и профессиональных текстов, характеристик юридической и смежной терминологии, частотной общепотребительной лексики данного вида коммуникации, ее использования в контексте, особенностей, потенциальных трудностей ее семантизации и перевода. Отдельную сложность представляют социокультурно окрашенные единицы и способы их перевода.

Вопросами обучения лексике, в том числе иноязычной, занимались в разное время В.А. Бухбиндер [6], Е.М. Верещагин [7], В.Г. Гак [8, 9], Н.И. Гез [10], Н.Д. Гальскова [10], Б.Б. Григорьев [9], З.И. Клычникова [11], В.Н. Комиссаров [12], В.Г. Костомаров [7], Л.П. Крысин [13], К. Миньяр-Белоручев [14], А.А. Миролюбов [15], О.А. Обдалова [16], В.С. Пономарева [17], В.Ю. Розенцвейг [18], Е.Н. Соловова [19], И.В. Рахманова [15], В.С. Цетлин [15] и др. Они, прежде всего, разработали переводные и беспереводные способы семантизации лексических единиц; определили ряд факторов, оказывающих влияние на процесс и результат семантизации, такие как качественные характеристики слова, его принадлежность к активному или пассивному минимуму; форму введения новой лексики; определили методическую типологию лексики с позиций тех трудностей, которые она вызывает при усвоении; описали влияние контекста на интерпретацию лексики в социально маркированном дискурсе, способы перевода и т.д.

На основе лингводидактических исследований определяется методическая типология лексики, в том числе для установления трудностей, обусловленных определенным типом слов; этапность введения лексики, что определяет особенности направленного обучения лексике преподавателем, не являющимся носителем языка, в искусственно созданной речевой ситуации; методы и способы введения лексики и ее семантизации.

Непосредственно вопросы интерференции изучаются в течение длительного периода времени. В рамках нашего исследования мы опираемся на советскую и российскую методологию, за исключением исследований У. Вайнраха, Э. Хаугена, которые одними из первых обобщили существующие противоречия и подробно описали данное явление и его виды (Э.Г. Азимов [20], И.С. Алексеева [21], В.В. Алимов [22], В.И. Беликов [23], У. Вайнрайх [24, 25], В.А. Виноградов [26], Н.И. Герасимова [27], Ю.А. Жлуктенко [28], И.Н. Кузнецова [29], Л.К. Латышев [30], Н.Б. Мечковская [31], С.В. Семчинский [32], С.С. Сорокин [33], Э. Хауген [34], А.Н. Шукин [20]).

В Словаре методических терминов под редакцией Э.Г. Азимова и А.Н. Шукина интерференция понимается как «взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им», что «выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [20. С. 87].

У. Вайнрайх трактует интерференцию как «случай отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [31. С. 25].

Н.Б. Мечковская приравнивает интерференцию к речевым ошибкам в процессе порождения высказываний на иностранном языке под воздействием родного языка [31]. Причину этого она видит в процессах в языковом сознании человека, при которых определенные характеристики иностранного языка воспринимаются как идентичные родному языку [31].

В.А. Виноградов называет условия проявления интерференции: либо билингвизм, когда при контакте систем разных языков соприкасаются языковые явления, либо изучение иностранного языка, а выражается это явление в отклонении от нормы изучаемого языка под влиянием иностранного (неродного) [26].

В работах по переводу под интерференцией понимается «проецирование специфических черт ИТ на ПТ, результатом которого оказывается нарушение норм, конвенций и дискурса ПТ...» (ИТ – исходный текст, ПТ – текст перевода) [21. С. 170].

В психолингвистических исследованиях отслеживают процесс переноса и закрепления иноязычных лексических единиц; причиной интерференции признаются сбои при переносе умений, а под самой интерференцией понимают «обусловленный объективными расхождениями процесс конфликтного взаимодействия речевых механизмов, внешне проявляющегося в речи билингва в отклонениях от закономерностей одного языка под влиянием отрицательного взаимодействия другого или вследствие внутриязыковых влияний аналогичного характера» [33. С. 23]. В лингвистических исследованиях интерференция в основном рассматривается в контексте контакта языков и трактуется как нарушение билингвом правил соотношения двух языков, находящихся в контакте [22].

Механизмами языковой интерференции признаются: отождествление и перенос элементов и функций контактирующих языков; причинами отрицательной интерференции являются избыточная и недостаточная идентификация элементов и функций контактирующих языков и расхождения и сходства в языковых системах контактирующих языков [22].

Интерференцию классифицируют на межъязыковую и внутриязыковую. Внутриязыковая интерференция характерна для уже «приобретших достаточный опыт в изучении языка и <...> проявляется в том, что ранее сформированные и более прочные навыки взаимодействуют с новыми <...>». Межъязыковая интерференция вызвана различиями «в системах родного и изучаемого языков и имеет место на уровне значения и употребления» [20. С. 87].

Интерференция подразделяется на виды в зависимости от того, какой «аспект переводного текста она затрагивает: лексический состав, грамматический строй, предметно-содержательные, лингвотекстуальные или культурные аспекты текста» [27. С. 179].

Так, В.В. Алимов обозначил виды интерференции: звуковая (фонетическая, фонологическая и звуко-репродуктивная); орфографическая; грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная); лексическая; семантическая; стилистическая и внутриязыковая [22].

Выделяется несколько направлений рассмотрения лексической интерференции: заимствование лексических единиц, структура иноязычных лексических единиц, заимствование значений лексических единиц и их связь с единицами плана выражения [32]. В связи с этим обозначают заимствование, калькирование и семантическую интерференцию, изменение значения слова под влиянием другого языка как типы лексической интерференции [28].

Под лексической интерференцией понимают «вмешательство лексики одной языковой системы в другую», также признается, что в ряде случаев трудно проследить разницу между лексической, грамматической и семантической интерференцией [22].

Чаще всего интерференция проявляется в использовании лексических единиц (именуемых «ложные друзья переводчика»), которые полностью или частично расходятся по значению со своими звукобуквенными аналогами в языке перевода [23, 30]. Попытки наиболее системного анализа таких лексических единиц и составления англо-русского и русско-английского словарей были предприняты В.В. Акуленко. К ним были отнесены: 1) слова ИЯ, созвучные словам ПЯ, но полностью расходящиеся с ними своим значением; 2) многозначные слова ИЯ, у которых часть значений совпадает со значением внешне сходного слова ЯП, а часть значений расходится; 3) единицы ИЯ, у которых есть сходное по звучанию или написанию слово в ПЯ, являющееся одним из своих значений эквивалентом слова ПЯ, однако у того же самого слова есть ещё одно или несколько значений, не имеющих ничего общего со своим звуковым (буквенным) аналогом в ИЯ; 4) названия мер, весов и других величин измерения, созвучные в ИЯ и ПЯ, но не совпадающие по количеству (ИЯ – исходный язык, ПЯ – язык перевода) [30].

Лексическая интерференция имеет место в связи с формированием механизмов соответствий в сознании обучающегося, в случаях, когда в силу определенных явлений эти соответствия нарушаются, он продолжает им следовать. Следуя семантическому значению слова родного языка, значение иностранных слов может быть расширено или сужено. Под межъязыковой лексической и семантической интерференцией можно также подразумевать экстраверсивную (с родного языка на чужой, когда корреляты обладают формальным сходством, а содержательно не имеют сходных значений), и интроверсивную (с чужого языка на родной, когда корреляты имеют не только формальное, но и содержательное сходство) [34].

Лексическая интерференция выражается в паронимии – «ошибочном смешении сходных слов одного языка; диапаронимии – ошибочном смешении сходных слов двух и более языков; паронимической аттракции – осознанной замене сходных слов друг на друга с целью достижения особого стилистического эффекта» [29. С. 290]. «Функциональное сходство указанных трех явлений связано с их положением в семиологической схеме языкового знака. Паронимы, диапаронимы и паронимические аттрактанты, занимая срединное положение в асимметрии языкового знака между крайними его полюсами, омонимией и синонимией, тяготеют и к одному, и к другому семиологическому полюсу и в силу этого в речевой практике ошибочно или намеренно ассоциируются и с омонимией, и с синонимией» [29. С. 290].

В практической части исследования мы опирались на позицию И.Н. Кузнецовой в трактовке явления лексико-семантической интерференции. Она различает два круга явлений: «...интерференцию семантического типа, когда происходит смешение формально

схожих, но семантически различных слов (ошибочного “интеллигентный” вместо правильного “умный” при переводе французского “intelligent”), и интерференцию морфологического типа, когда происходит смешение по форме семантически равных коррелятов» [29. С. 291]. Под семантической интерференцией она понимает «формальное сходство слов, которое можно считать коррелятивностью большего или меньшего диапазона» [29. С. 291].

В свою очередь диапаронимы делят на «синонимические (которые могут в определенных контекстах совпадать и не приводить к ошибке); контактные (семантические отношения которых не подразумевают словарного равенства, но подразумевают интуитивно легко определяемое подобие, которое можно было бы характеризовать как метафорические и метонимические отношения; самым частым признается родовидовой контакт; возможны также пейоративные коннотации); и дистантные – не обладающие семантическим сходством, но имеющие формальную коррелятивность (формальное сходство)» [29. С. 291–292].

Также следует отметить, что ложные друзья переводчика входят в состав более широкой группы слов, сходных по внешней форме – лексических интернационализмов. И.Н. Кузнецова определяет лексический интернационализм, или интероним, как слово (или выражение), которое «используется несколькими мировыми языками в равном значении и в фонетически сходной форме» [29. С. 292]. Внутри этой группы слов, соответственно, выделяют различную степень семантической близости, чем больше совпадений семантических полей, тем больше оснований отнести ту или иную единицу к полному эквиваленту. Наиболее близкими в основном оказываются термины и общепотребительные слова, которым соответствует один и тот же эквивалент в языке перевода (изучаемом языке).

Подводя итоги научно-теоретического анализа межъязыковой интерференции в целом и на лексико-семантическом уровне в частности, прежде всего следует отметить многоплановость данного явления. Его природа и механизмы изучаются в рамках разных наук. Наше исследование ограничено лингвистической стороной – рассмотрением феномена в контексте контакта языков. Межъязыковая интерференция может быть положительной или отрицательной, но проявляться на уровне одного и того же языка – так называемая внутренняя интерференция. В контексте данной работы изучены только особенности межъязыковой отрицательной интерференции. Анализ выявил общее понимание интерференции как контакт языковых систем, при котором система родного языка воздействует на изучаемый, что приводит к отклонениям от нормы в употреблении изучаемого языка и имеет место на уровне значения и употребления.

Выделены многочисленные виды отрицательной межъязыковой интерференции, а именно: звуковая; орфографическая; грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная); лексическая; семантическая и стилистическая.

Авторы по-разному трактуют понятия лексической и семантической межъязыковой интерференции.

В одном случае семантическая интерференция – это вид лексической интерференции, в другом – это самостоятельное явление; лексической считается интерференция на фоне сходства форм, а семантической – на фоне сходства значений. Многообразные источники либо представляют более частное деление на виды, либо, напротив, крупные обобщенные блоки. Нам удалось выявить те из них, которые (допуская некоторое изменение в терминологии) совпадают в большинстве исследований: 1) слова ИЯ, созвучные словам ПЯ, но полностью расходящиеся с ними своим значением; 2) многозначные слова ИЯ, у которых часть значений совпадает со значением внешне сходного слова ЯП, а часть значений расходится; 3) единицы ИЯ, у которых есть сходное по звучанию или написанию слово в ПЯ, являющееся одним из своих значений эквивалентом слова ПЯ, однако у того же самого слова есть ещё одно или несколько значений, не имеющих ничего общего со своим звуковым (буквенным) аналогом в ИЯ; 4) названия мер, весов и других величин измерения, созвучные в ИЯ и ПЯ, но не совпадающие по количеству.

В целом, как мы видим, исходя из семантического значения слова родного языка значение иностранного слова может быть расширено или сужено. В связи с тем, что в большинстве случаев эти виды интерференции накладываются друг на друга, в нашем исследовании используется термин «лексико-семантическая интерференция», т.е. будет рассмотрено и смешение формально схожих, но семантически различных слов, и случаев, когда происходит смешение по форме семантически равных коррелятов. На такие явления мы будем ссылаться как на явления диапаронимии и для удобства анализа лексики будем придерживаться следующей терминологии: синонимические диапаронимы (семантические значения которых могут в определенных контекстах совпадать и не приводить к ошибке); контактные диапаронимы (семантические отношения которых не подразумевают словарного равенства, но подразумевают интуитивно легко определяемое подобие, которое можно было бы характеризовать как метафорические и метонимические отношения); и дистантные диапаронимы (не обладающие семантическим сходством, но имеющие формальную коррелятивность).

Методы исследования, описание выборки обучающихся и содержания обучения

В рамках данной работы мы изучили поля потенциальной лексико-семантической интерференции, которые проявляются в рамках курса юридического перевода (как аспекта английского языка как иностранного).

Для анализа явлений лексико-семантической интерференции русского и английского языков были использованы методы анализа и синтеза, классификационный и описательный методы, теоретико-методологический анализ литературы, метод сплошной выборки.

После анализа учебников по подготовке к экзамену ILEC (International Legal English Certificate) и

TOLES (Test of Legal English Skills), а также учебников по русскому языку и культуре речи для юристов [35–38] мы выделили три базовые темы, которые рекомендуем включить в качестве первого блока вводного курса по английскому языку как иностранному для специальных целей (юридическому): Виды лиц и формы ответственности; Организационно-правовые формы ведения бизнеса; Учреждение (в том числе учредительные документы) и Ликвидация юридического лица.

Данный материал включает учебные тексты и отрывки из соответствующих юридических документов. Учебные тексты подбирались по уровню сложности, учитывался словарный состав текста (термины, полутермины, другие частотные лексические единицы в данных текстах), синтаксические структуры, понятийная сложность, информативность, тематика, указанная выше и соответствующая программе обучения по профилю специальности.

В целом юридическим текстам свойственны громоздкие синтаксические конструкции, устаревшая лексика, распространенные предложения длинной в один абзац/страницу, распространенность однородных членов предложения, наличие особых способов связи внутри предложения и управления глаголов, падежной связи, выраженной предлогами, наличие клише и фреймовых конструкций, большое распространение синонимов и многозначность терминов.

На первом этапе методом сплошной выборки были отобраны диапаронимы и интернационализмы – полные эквиваленты. Последние были отобраны с целью дальнейшего анализа в связи с возможностью их причисления к ложным интернационализмам.

Все выявленные случаи включали случайное графическое и (или) произносительное сходство, случаи заимствования из общих источников и из английского языка в русский. Выявленная лексика включала термины как отраслевые, так и межотраслевые, общеупотребительную, экономическую и деловую лексику, использованную в текстах не менее двух раз.

После удаления интернационализмов, являющихся полными эквивалентами, мы сначала проанализировали близость и дистантность выявленных диапаронимов только на основе их словарных соответствий. Для этого была использована подборка англо-русских и русско-английских словарей общеупотребительной лексики [39–47]. Данный анализ показал, что подавляющая часть лексики представляет собой синонимичные диапаронимы, выявлено несколько случаев дистантной диапаронимии, практически не обнаружено контактных диапаронимов. Следует отметить, что использование только словарных соответствий не дает полного представления о семантическом тождестве слов.

Помимо этого, были выявлены случаи, когда для разных частей речи характерны разные случаи диапаронимии или даже полная эквивалентность. Например, для существительного был выявлен полный эквивалент или синонимический диапароним, а для глагола – дистантный диапароним; а также различные другие комбинации.

В задачи исследования входило определение степени схождения и расхождения диапаронимов в контексте английского языка для специальных целей (юридического). Соотношение различных видов диапаронимии отличалось от результатов анализа на уровне словарных соответствий. Также, как и в первом случае, мы выявили, что большая часть из них являются синонимичными, однако появилось и некоторое количество контактных диапаронимов и большее количество дистантных.

Результаты исследования

Как уже было сказано выше, семантика выявленных пар определялась на фоне их словарных значений и в контексте юридического подязыка. Значения,

Примеры:

Инкорпорированный	Incorporated	incorporated entity – организация с учреждением юридического лица
Натуральный	Natural	natural person – физическое лицо
Чартер	Charter	charter of the company – устав компании
Экзекуция	Execution	execution of an agreement – исполнение договора
Сатисфакция	Satisfaction	to fulfill the conditions precedent to the satisfaction of the lender – выполнять предварительные условия в соответствии с требованиями кредитора
Артикул	Article	Article #5 of the federal law – Статья 5 данного федерального закона

2а) в русском языке соответствие имеет аналогичное значение, но не может быть использовано при переводе в связи со стилистическими или структурными ограничениями, сочетаемостью слов и др. Примеры:

Организовать	Organize	to organize a company, business – открыть, учредить компанию
Эксклюзивный	Exclusive	exclusive rights – исключительные права
Активность	Activity	activities of a company (наиболее частотное использование в контексте языка специальности во множественном числе) – виды деятельности компании
Эффект	Effect	(to have) effect upon the performance of obligations – (оказывать) влияние на исполнение обязательств

2б) когда в русском языке соответствие выступает как интероним, но в определенных контекстах при переводе используется другая формулировка в связи со стилистическими или структурными ограничениями, сочетаемостью слов и др.

Примеры:

Генеральный	General	General meeting – общее собрание General director – генеральный директор
Лимит	Limit	The liability is limited and the limit is always clear – ответственность ограничена, и это ограничение всегда прозрачно There is a limit which is always clear – существует всегда четко установленный лимит

3а) выявленные слова являются синонимическими диапаронимами в широком контексте, но в данном контексте не проявляется отрицательная интерференция.

Примеры:

Аргумент; <i>ссора</i>	Argument	arguments of the parties – аргументы сторон
Титул; <i>название</i>	Title	title to the shares – титул (право собственности) на акции
Меморандум; <i>отчет</i>	Memorandum	Memorandum of association – Меморандум об учреждении

выявленные в контексте языка для специальных целей, значительно отличаются от словарных значений слов, хотя обнаружены также случаи, когда в контексте языка для общих целей и языка профессии обнаруживаются одни и те же значения и соответственно варианты перевода. Ниже представим отмеченные закономерности.

Выявлены случаи, когда:

1) при анализе словарных значений выявленная пара является синонимическими диапаронимами, однако в контексте языка специальности они не имеют совпадающих значений. Примеры здесь и далее включают соответствие в русском языке (выявленное в словарях общеупотребительной лексики), соответствие в английском языке и использование в контексте юридического языка.

3б) значение и форма совпадают в выявленных контекстах, другие словоформы имеют меньше совпадений, но тоже могут быть рассмотрены как слова-интернационализмы (при этом в словарях общеупотребительной лексики обнаруживается больше вариантных значений).

Примеры:

Практика (<i>опыт, тренировка, упражнение</i>)	Practice	legal practice – юридическая практика
Практик (<i>терапевт, исполнитель</i>)	Practitioner	legal practitioner – юрист, практикующий юрист, юрист-практик
Практиковать (<i>тренироваться, упражняться</i>)	To practice	to practice law – заниматься юридической практикой
Компетентный (<i>сведущий, грамотный, надлежащий</i>)	Competent	they are competent bodies – они являются компетентными/уполномоченными органами
Компетенция (<i>способность, умение</i>)	Competence	competence of the registration authorities – компетенция регистрационных органов

3в) определенные словоформы отсутствуют в одном из языков, либо приобретают другие формы и не могут быть рассмотрены как слова-интернационализмы или как диапаронимы.

Примеры:

Фонд (<i>средства, деньги</i>)	Fund	pension fund – пенсионный фонд (в основном переводится как «средства», «деньги», если используется во множественном числе («funds»)) to fund a project – финансировать проект (хотя возможен перевод «фондировать»).
Аргумент (глагол «аргументировать»)	Argument (глагол «argue»)	arguments of the parties – аргументы сторон to argue the case – оспорить дело, иск

3г) две и более частей речи являются диапаронимами одного или разных видов.

Примеры:

Эффект	Effect (сущ.)	due to the onset and effect of force-majeure circumstances – вследствие обстоятельств форс-мажора (дословный перевод – «наступление и влияние», в данном контексте опускается и сливается с семантикой предшествующего предлога) (to have) effect upon the performance of obligations – (оказывать) влияние на исполнение обязательств
Эффективный	Effective (прил.)	effective date (of a contract) – дата вступления в силу (договора)

4) особенности проявления и в широком, и в узком контекстах относительно одинаковые.

Примеры:

Концепт	Concept	such a concept as «liability» – такое понятие, как «ответственность»
Агрегат	Aggregate	the aggregate amount/value – совокупная стоимость/ценность

5) выявленные слова являются дистантными и на фоне словарей общеупотребительной лексики, и в контексте языка права.

Пример:

Облигация (дистантный диапароним) перевод: обязательство	Obligation	The Party shall perform its obligations hereunder (сторона обязуется исполнить свои обязательства по договору)
---	------------	--

В ряде случаев интерференция будет проявляться и в переводе с русского языка на английский, и при переводе с английского на русский. В других случаях можно прогнозировать интерференцию только при переводе с русского или только при переводе с англий-

ского, либо интерференция может оказаться положительной. Рассмотрим некоторые из указанных случаев. Так, интерференция в обоих направлениях может возникнуть со словами «реквизиты» и «requisite», которые к тому же являются разными частями речи («банков-

ские реквизиты» – «bank details», «requisite formalities» – «необходимые требования»). Русское слово «орган», например, в контексте – «органы власти», можно рассматривать в качестве примера отрицательной интерференции при переводе с русского языка на английский. Также следует отметить лексику, которая хотя и относится к диапаронимам, в данном контексте не будет оказывать отрицательного интерферирующего воздействия. Часть выделенной выше лексики может привести к ошибкам в связи с межъязыковой интерференцией при переводе англоязычными студентами (в некоторых случаях и русскоязычными, если они недостаточно освоили русский юридический язык или недостаточно эрудированы) при переводе с родного языка на русский. Например, «extravagant amount» («экстравагантная сумма денег»), «panel» («председатель панели судей») и др.

Заключение и рекомендации

Проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей лексико-семантической интерференции при обучении иностранному языку для специальных целей (юридическому английскому языку), которые были проанализированы, систематизированы и на основе которых были выработаны соответствующие методические рекомендации. Обучение использованию и переводу диапаронимов усложняется на фоне общих лексических и семантических проблем обучения английскому языку для специальных целей (юридическому) русскоязычных обучающихся. Это объясняется значительным расхождением правил сочетаемости слов русского и английского языков, несопадением правовых систем, принципов и традиций, наличием лакун и частично эквивалентной лексики, синонимией и омонимией.

Обучение языку специальности в вузе и профессионально ориентированному переводу, как правило, начинается на втором курсе. Курсу профессионально ориентированного обучения предшествует курс иностранного языка для общих целей. Таким образом,

инофоны, приступающие к изучению английского языка специальности, в большинстве случаев уже освоили английский язык для общих целей на определенном уровне. В связи с этим сформированы определенные установки, привычки, ожидания, которые они могут перенести на изучение английского языка для специальных целей. В этом случае преподаватель может помимо внешней отрицательной интерференции столкнуться и с явлениями отрицательного внутреннего переноса. Поэтому с самого начала обучения английскому языку необходимо формировать у студентов определенные знания, установки и умения для соблюдения преемственности на последующих этапах.

В случаях с внешней лексико-семантической интерференцией необходимо учитывать как отрицательные, так и положительные возможные проявления. К отрицательным следует отнести: случаи диапаронимии – синонимической, контактной, дистантной; к положительным – наличие полных эквивалентов (слов-интернационализмов).

Для этого прежде всего необходимо научить студентов определять контекстное значение слов, работе с синонимами и многозначными словами. Особое внимание следует обратить на способы семантизации как первичной, так и вторичной лексики. В частности, необходима тщательная работа по обучению самостоятельному использованию справочных изданий, прежде всего словарей: юридической лексики (толковых и переводных), синонимов, омонимов, ложных друзей переводчика; а также корпусов языков (в частности – Национального корпуса русского языка, Sketch Engine и др.), в которых представлены случаи контекстной сочетаемости слов, контекстные синонимы и антонимы и пр. На основе данных, полученных из справочных источников, студенты могут освоить различные методы параметризации лексики для выявления не только лексических и семантических характеристик слова, но и стилистических, структурных и грамматических, определяющих использование слова в контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газизова А.И. Качество профессионально-педагогической деятельности в высшей школе: сравнительный аспект // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 2. С. 119–122.
2. Горина О.Г. Инструменты корпусного анализа в обучении иностранному языку // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 187–194.
3. Набиуллина А.С., Резанова З.И. Измерение лексического компонента языковой способности (создание и апробация теста) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 55–62.
4. Панфилова В.М., Панфилов А.Н., Газизова А.И. Иноязычная компетентность как предмет исследования: теоретические подходы, сущность, структура и содержание // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–14. С. 3164–3169.
5. Чикнаверова К.Г. Анализ ошибок на вводном этапе обучения юридическому переводу в вузе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная психология. 2018. Т. 24, № 3. С. 181–186.
6. Бухбиндер В.А. Основы обучения лексике в средней школе : дис. ... д-ра пед. наук. М., 1971. 556 с.
7. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. руково. М. : Рус. яз., 1990. 246 с.
8. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Язык рус. культуры», 1998. 763 с.
9. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода : Французский язык. М. : Интердиалект+, 1999. 460 с.
10. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М. : Академия, 2006. 336 с.
11. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М. : Просвещение, 1983. 207 с.
12. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. Очерк лингвистического учения о переводе. М. : Междунар. отношения, 1973. 215 с.
13. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Рус. яз., 1998. 846 с.
14. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком. М. : Готика, 1999. 176 с.
15. Миролубов А.А., Рахманова И.В., Цетлин В.С. Общая методика обучения иностранным языкам. М. : Просвещение, 1967. 503 с.
16. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Исследование роли контекста в интерпретации социокультурно маркированного дискурса на основе дискурсивно-когнитивного подхода // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 38–45.

17. Пономарева В.С. Семиотический аспект лексического смещения, или интерференции // Филологические науки. 2007. № 5. С. 77–85.
18. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Л. : Наука, 1972. 80 с.
19. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. М. : Просвещение, 2002. 239 с.
20. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
21. Алексеева И.С. Введение в переводоведение : учеб. пособие. М. : Академия, 2004. 352 с.
22. Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации). М. : Едиториал УРСС, 2005. 232 с.
23. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М. : РГГУ, 2001. 437 с.
24. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 25–80.
25. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979. 264 с.
26. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избр. тр. М. : Наука, 1977. 310 с.
27. Герасимова Н.И. Межъязыковая интерференция в переводе: дидактический аспект проблемы // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2007. № 1 (23). С. 178–183.
28. Жуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев : Вища школа, 1974. 176 с.
29. Кузнецова И.Н. Ложные друзья переводчика, или диапаронимия, как явление межъязыковой лексической интерференции // Риторика-Лингвистика. Смоленск, 2016. Вып. 12. С. 290–302.
30. Латышев Л.К. Технология перевода : учеб. пособие для студ. лингв. вузов. и фак-тов. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
31. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика : пособие для студ. гуманит. вузов и учащихся лицеев. М. : Аспект Пресс, 2000. 207 с.
32. Семчинский С.В. Семантическая интерференция языков. М. : Высш. шк., 1974. 256 с.
33. Сорокина С.С. Пути преодоления и предупреждения грамматической интерференции синтаксических подтипов в немецкой речи студентов I курса языковых факультетов (на материале подтипа управления) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1971. 26 с.
34. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6: Языковые контакты. С. 61–80.
35. Руднев В.Н. Культура речи юриста: учеб. и практ. для акад. бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. 169 с.
36. Русский язык для юристов : учеб. пособие по русскому языку для иностранных учащихся первого курса юридических вузов и факультетов России / под ред. Л.П. Клобуковой. М. : Рус. яз., Курсы, 2015. 359 с.
37. Krois-Lindner A. International legal English certificate. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 320 p.
38. Mason C., Atkins R. The lawyer's English language coursebook. London : Global legal English, 2007. 453 p.
39. Англо-русский большой универсальный переводческий словарь. URL: https://big_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 03.03.2020).
40. Англо-русский универсальный дополнительный практический переводческий словарь И. Мостицкого. URL: https://mostitsky_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 03.03.2020).
41. Англо-русский юридический словарь. URL: https://law_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 03.03.2020).
42. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая рос. энциклопедия, 2002. 709 с.
43. Новый большой англо-русский словарь. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan (дата обращения: 03.03.2020).
44. Русско-английский юридический словарь. URL: https://law_ru_en.academic.ru/ (дата обращения: 03.03.2020).
45. Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 03.03.2020).
46. Универсальный англо-русский словарь. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 03.03.2020).
47. Oxford dictionary online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 03.03.2020).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 2 апреля 2021 г.

Diaparonyms in ESP Texts as Potential Causes of Lexical and Semantic Errors in FLSP Teaching

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 205–214.

DOI: 10.17223/15617793/471/24

Karine G. Chiknaverova, MGIMO University (Odintsovo, Russian Federation). E-mail: chiknaverova@mail.ru

Elena V. Voevoda, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elenavoevoda@yandex.ru

Keywords: lexical and semantic interference; negative interference; legal foreign language; legal translation; ESP.

Analysis of the theory and methodology as well as practice of teaching English as a foreign language reveals that lexical and semantic interference resulting from contacts of English and Russian in the context of legal texts has not been investigated yet, which predetermines the topicality of the research described in the article. The research was conducted with the help of methods of analysis and synthesis, classification and description, theory and methodology analysis, and a continuous sampling technique. The aim of the investigation is to model interference that can potentially cause learners' errors, rather than to explore real instances of interference while teaching legal English to Russian learners. To reach the aim, the authors selected legal English texts typical for early stages of teaching taking into account general language (including lexical frequency, density, and complexity) and thematic complexity. The cases of lexical and semantic interference included graphic and/or pronunciation similarity. The lexis so identified included specific and interdisciplinary, economic and business terms, and common vocabulary. It was analysed at the level of dictionary entries and in the context of texts selected for the course of legal English. At the level of dictionary meanings, the majority of the lexis is synonymic diaparonyms, there are a few cases of distant diaparonyms and a very limited number of contact ones. Types of diaparonyms revealed in the context of law are different from those at the level of dictionary entries. Similarly, the majority of cases are synonymic; however, there are more contact and distant ones. The authors project that in some cases one can anticipate interference when translating both or only from Russian, or from English, and there could be instances of positive interference as well. Generally, the authors found several typical situations: when words act as synonymic diaparonyms in plain language, but in legal language contexts there are no overlapping meanings; when meanings are overlapping, but the lexical unit cannot be used in legal contexts due to its stylistic or structural inappropriateness, e.g. collocation inappropriateness; when words are diaparonyms in plain language, but in legal context there is no negative interference; and when in both plain and legal language the meanings are similar. The article concludes with pedagogical recommendations for ESP teachers. They include introduction of a propedeutics stage prior to formal ESP teaching aimed at informing learners of potential lexical and semantic difficulties, shaping vocabulary acquisition strategies of working, in particular the initial semantization, identification of words' meanings in context. It is also recommended to form students' metacognitive knowledge that is required to analyse and describe lexis, as well as to develop skills of using relevant sources and those of self-evaluation.

REFERENCES

1. Gazizova, A.I. (2014) Kachestvo professional'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti v vysshey shkole: sravnitel'nyy aspekt [The quality of professional and pedagogical activity in higher education: a comparative aspect]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 119–122.
2. Gorina, O.G. (2018) Corpus Research Tools in L2 Teaching. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 187–194. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/435/24
3. Nabiullina, A.S. & Rezanova, Z.I. (2018) Developing a Test for Measuring the Lexical Component of the Language Faculty. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 55–62. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/427/7
4. Panfilova, V.M., Panfilov, A.N. & Gazizova, A.I. (2015) Inoyazychnaya kompetentnost' kak predmet issledovaniya: teoreticheskie podkhody, sushchnost', struktura i soderzhanie [Foreign Language Competence as a Subject of Research: Theoretical Approaches, Essence, Structure, and Content]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2–14. pp. 3164–3169.
5. Chiknaverova, K.G. (2018) Analysis of Errors at the Introductory Course of Legal English at a University. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsikinetika*. 24 (3). pp. 181–186.
6. Bukhbinder, V.A. (1971) *Osnovy obucheniya leksike v sredney shkole* [Fundamentals of teaching vocabulary in secondary school]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
7. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990) *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: metod. ruk-vo* [Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language: methodology handbook]. Moscow: Rus. yaz.
8. Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow: Shkola "Yazyk rus. kul'tury".
9. Gak, V.G. & Grigor'ev, B.B. (1999) *Teoriya i praktika perevoda: Frantsuzskiy yazyk* [Theory and Practice of Translation: French]. Moscow: Interdialekt+.
10. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2006) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology]. Moscow: Akademiya.
11. Klychnikova, Z.I. (1983) *Psikhologicheskie osobennosti obucheniya chteniyu na inostrannom yazyke* [Psychological features of teaching reading in a foreign language]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Komissarov, V.N. (1973) *Slovo o perevode. Ocherk lingvisticheskogo ucheniya o perevode* [A word about translation. Essay on the linguistic doctrine of translation]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
13. Krysin, L.P. (1998) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Rus. yaz.
14. Min'yar-Beloruichev, R.K. (1999) *Kak stat' perevodchikom* [How to become a translator]. Moscow: Gotika.
15. Mirolubov, A.A., Rakhmanova, I.V. & Tsetlin, V.S. (1967) *Obshchaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [General methodology for teaching foreign languages]. Moscow: Prosveshchenie.
16. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2016) The Study of the Role of Context in Sociocultural Discourse Interpretation Through the Discursive-Cognitive Approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 38–45. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/6
17. Ponomareva, V.S. (2007) Semioticheskiy aspekt leksicheskogo smesheniya, ili interferentsii [The semiotic aspect of lexical interference]. *Filologicheskie nauki*. 5. pp. 77–85.
18. Rozentsveyg, V.Yu. (1972) *Yazykovye kontakty* [Language contacts]. Leningrad: Nauka.
19. Solovova, E.N. (2002) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs lektsiy* [Methods of teaching foreign languages: a basic course of lectures]. Moscow: Prosveshchenie.
20. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: Izd-vo IKAR.
21. Alekseeva, I.S. (2004) *Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie* [Introduction to translation studies: textbook]. Moscow: Akademiya.
22. Alimov, V.V. (2005) *Interferentsiya v perevode (na materiale professional'no orientirovannoy mezhkul'turnoy kommunikatsii i perevoda v sfere professional'noy kommunikatsii)* [Interference in translation (based on professionally oriented intercultural communication and translation in the field of professional communication)]. Moscow: Editorial URSS.
23. Belikov, V.I. & Krysin, L.P. (2001) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: RSUH.
24. Weinreich, U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism and multilingualism]. In: Rozentsveyg, Yu.V. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 6. Moscow: Progress. 25–80.
25. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts. Status and research problems]. Kyiv: Vishcha shkola.
26. Vinogradov, V.V. (1977) *Leksikologiya i leksikografiya: izbr. tr.* [Lexicology and lexicography: Selected works]. Moscow: Nauka.
27. Gerasimova, N.I. (2007) Mezhh'yazykovaya interferentsiya v perevode: didakticheskiy aspekt problemy [Interlingual interference in translation: the didactic aspect of the problem]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*. 1 (23). pp. 178–183.
28. Zhluktenko, Yu.A. (1974) *Lingvisticheskie aspekty dvuyazychiya* [Linguistic aspects of bilingualism]. Kyiv: Vishcha shkola.
29. Kuznetsova, I.N. (2016) Lozhnye друз'я perevodchika, ili diaparonimiya, kak yavlenie mezh'yazykovoy leksicheskoy interferentsii [Translator's false friends, or diaparonymy as a phenomenon of interlingual lexical interference]. *Ritorika-Lingvistika*. 12. pp. 290–302.
30. Latyshev, L.K. (2005) *Tekhnologiya perevoda: ucheb. posobie dlya stud. lingv. vuzov. i fak-tov* [Translation technology: textbook for students of linguistic universities. and faculties]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
31. Mechkovskaya, N.B. (2000) *Sotsial'naya lingvistika: posobie dlya stud. gumanit. vuzov i uchashchikhsya litseev* [Social linguistics: a manual for students of humanitarian universities and lyceum students]. Moscow: Aspekt Press.
32. Semchinskiy, S.V. (1974) *Semanticheskaya interferentsiya yazykov* [Semantic interference of languages]. Moscow: Vyssh. shk.
33. Sorokina, S.S. (1971) *Puti preodoleniya i preduprezhdeniya grammaticheskoy interferentsii sintaksicheskikh podtipov v nemetskoj rechi studentov 1 kursa yazykovykh fakul'tetov (na materiale podtipa upravleniya)* [Ways to overcome and prevent grammatical interference of syntactic subtypes in the German speech of 1st year students of language faculties (based on the government subtype)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Leningrad.
34. Khaugen, E. (1972) Yazykovoy kontakt [Language contact]. In: Rozentsveyg, Yu.V. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 6. Moscow: Progress. pp. 61–80.
35. Rudnev, V.N. (2019) *Kul'tura rechi yurista: ucheb. i prakt. dlya akad. bakalavriata* [The culture of speech of a lawyer: textbook for bachelor students]. Moscow: Yurayt.
36. Klobukova, L.P. (ed.) (2015) *Russkiy yazyk dlya yuristov: ucheb. posobie po russkomu yazyku dlya inostrannykh uchashchikhsya pervogo kursa yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov Rossii* [Russian for lawyers: textbook on the Russian language for first-year foreign students of law universities and faculties of Russia]. Moscow: Rus. yaz., Kursy.
37. Krois-Lindner, A. (2006) *International legal English certificate*. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Mason, C. & Atkins, R. (2007) *The lawyer's English language coursebook*. London: Global Legal English.
39. *Anglo-russkiy bol'shoy universal'nyy perevodcheskiy slovar'* [English-Russian Large Universal Translation Dictionary]. [Online] Available from: https://big_en_ru.academic.ru/ (Accessed: 03.03.2020).

40. Mostitskiy, I. (2020) *Anglo-russkiy universal'nyy dopolnitel'nyy prakticheskiy perevodcheskiy slovar'* [English-Russian universal supplementary practical translation dictionary]. [Online] Available from: https://mostitsky_en_ru.academic.ru/ (Accessed: 03.03.2020).
41. *Anglo-russkiy yuridicheskiy slovar'* [English-Russian Law Dictionary]. [Online] Available from: https://law_en_ru.academic.ru/ (Accessed: 03.03.2020).
42. Yartsev, V.N. (ed.) (2002) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya ros. entsiklopediya.
43. *Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [New Large English-Russian Dictionary]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan (Accessed: 03.03.2020).
44. *Russko-angliyskiy yuridicheskiy slovar'* [Russian-English Law Dictionary]. [Online] Available from: https://law_ru_en.academic.ru/ (Accessed: 03.03.2020).
45. Efremova, T.F. (2020) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (Accessed: 03.03.2020).
46. *Universal'nyy anglo-russkiy slovar'* [Universal English-Russian Dictionary]. [Online] Available from: https://universal_en_ru.academic.ru/ (Accessed: 03.03.2020).
47. *Oxford Dictionary Online*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Accessed: 03.03.2020).

Received: 02 April 2021

ПРАВО

УДК 343.98

Т.С. Волчецкая, Е.В. Осипова, М.В. Авакьян, А.А. Викторов

СИНЕРГИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ГРАФИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Представлены результаты анализа потенциальных возможностей использования автоматизированного контент-анализа личных аккаунтов в социальных сетях с целью выявления угроз экстремистского и террористического характера, распространяющихся в русскоязычном сегменте сети Интернет. Авторами представлено теоретическое обоснование устройства разработанного программного комплекса и алгоритм его функционирования, прикладное значение которого состоит в сегментировании контакта пользователя социальной сети и осуществлении их последующей графической визуализации.

Ключевые слова: противодействие экстремизму; антитеррористическая деятельность; криминалистическая профилактика; раскрытие преступлений экстремистской направленности; криминалистическое моделирование; цифровая криминалистика

На сегодняшний день сеть Интернет является наиболее динамично развивающимся информационным пространством, число пользователей которого за 15 лет, с 2000 г. по сегодняшний день, увеличилось с 360 млн до 3,2 млрд человек [1].

Мировой тенденцией последнего времени в области информационных технологий является стремительное развитие социальных сетей, характеризующееся неуклонным ростом аудитории и интернационализацией пользователей. Одной из главных характеристик социальных сетей является то, что из средства коммуникации, которым они были на заре своего становления, социальные сети превратились в полноценные информационные площадки, предлагающие пользователям широкий спектр возможностей.

В то же время влияние информационных технологий на жизнь общества в различных регионах неоднородно и обуславливается большим числом факторов: качество интернет-покрытия, наличие развитой интернет-инфраструктуры, стоимость услуг провайдеров и т.д.

Самым доступным критерием, определяющим значимость интернет-технологий для общества, является число активных пользователей в определенной замкнутой системе, например, в стране или регионе.

Так, Президент РФ В.В. Путин на Международном конгрессе по кибербезопасности в Москве в еще 2018 г. отмечал, что Российская Федерация занимает первое место в Европе по числу пользователей глобальной сети («их в России уже более 90 миллионов человек») [2].

Помимо несомненной пользы для человечества, в развитии сети Интернет мы выделим и негативные тенденции, как правило, идеологической направленности, ведущие к возникновению и эскалации межэтнических и межконфессиональных конфликтов [3. С. 101].

При этом, как справедливо отмечают Д.К. Чирков и А.Ж. Саркисян, глобальная сеть в последние годы стала использоваться не только для совершения общеуголовных преступлений, но и крайне опасных деяний международного значения, что создает угрозу безопасности целых государств и всего мирового сообщества [4. С. 223]. Осложняет ситуацию тот факт, что экстремизм «поглощает» в свои ряды все новые

слои населения, при этом многие преступные элементы остаются латентными, образуют новые «ветви», о которых у правоохранительных органов не имеется необходимой оперативной информации» [5. С. 52].

Основная масса противоправных деяний экстремистской направленности на сегодняшний день совершается с использованием различных ресурсов сети Интернет [6. С. 777]. Например, социальные сети достаточно эффективно используются в ситуациях координации сил и организации массовых беспорядков при проведении так называемых цветных революций [7. С. 8].

Эти тенденции подтверждаются и результатами исследований американских криминологов и социологов. Так, учеными из Арканзасского государственного университета и Технического университета Вирджинии М. Костелло, Д. Ходоном, Т. Рэтлифом и Т. Грентемом был проведен онлайн-опрос 1 034 молодых людей на предмет того, кто просматривает в сети Интернет материалы, порочащие группы по признаку расы, национальности, этнической принадлежности, сексуальной ориентации, пола, политических взглядов, иммиграционного статуса или религии. Учеными изучались демографические характеристики и онлайн-привычки людей, которые подвергаются воздействию онлайн-экстремистских групп и их сообщений. Результаты исследования показали, что значительное большинство респондентов сталкивались с негативными материалами в сети Интернет. Почти половина негативных материалов касалась расы или этнической принадлежности, и респонденты встречали такие материалы в социальных сетях [8].

О ценности изучения социальных сетей для решения задач, связанных с выявлением, пресечением и расследованием преступлений, неоднократно упоминал в своих трудах целый ряд и иных российских и зарубежных исследователей [9–12].

В этой связи особый научный интерес представляет позиция В.С. Соловьева, который справедливо разделил все общественно опасные деяния, совершаемые при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, на две группы: деяния, связанные с взаимодействием человека и техники (например, хищения, совершаемые при помощи программных и аппаратных средств), и деяния, связанные с организованным

при помощи технических средств взаимодействием человека с человеком (группой людей) [13. С. 61].

Именно вторая группа, как правило, представляет наибольшую угрозу для общественных и государственных интересов, а также предполагает активное использование социальных сетей.

Востребованность инструментария социальных сетей у сторонников идеологии экстремизма и терроризма обусловлена такими немаловажными аспектами, как относительная анонимность в киберпространстве, неограниченный круг целевой аудитории, доступность размещения информации, высокая скорость распространения информации и отсутствие ограничений по сроку ее хранения и др. [14].

Между тем говорить о конкретных статистических данных, свидетельствующих об использовании инструментария социальных сетей для осуществления экстремистской, террористической деятельности, не представляется возможным. Так, А.Л. Осипенко отмечает, что возможности исследования статистических показателей в данной сфере крайне ограничены в связи со сложностью получения достоверных сведений и их запаздыванием по сравнению с интенсивностью развития технологий. В то же время не приходится ждать устойчивой фазы, в которой изучаемые показатели были бы стабильными, а значит, рассматривать соответствующие явления необходимо в динамике [15. С. 11].

Проблемы криминализации социальных сетей в интернет-пространстве связаны с имеющимися для преступника широкими возможностями при минимальных затратах; возможность преступников действовать с использованием псевдонимов; также и то, что позволяет им осуществлять преступные действия на любом расстоянии, в том числе через границу. Поэтому представителям правоохранительных органов необходимо обращать внимание на «электронные следы» потенциальных или уже выявленных экстремистов и террористов, содержащиеся в аккаунтах социальных сетей.

В частности, С.В. Яремчук и С.М. Ситяева справедливо, на наш взгляд, отмечают, что к приоритетным на сегодняшний день задачам относится профилактика вступления молодежи в экстремистские организации и предотвращение совершения ими преступлений экстремистской и террористической направленности [16. С. 52].

Заблаговременное выявление, предупреждение и пресечение преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых в сети Интернет, способствует своевременному предотвращению дальнейшего распространения идеологии экстремизма и терроризма, а также вовлечения граждан в неформальные экстремистские сообщества [17].

Вместе с тем анализ специальной юридической литературы показал, что на сегодняшний день как в России, так и за рубежом практически отсутствуют исследования, раскрывающие методологию изучения аккаунтов в социальных сетях на предмет выявления девиаций экстремистского или террористического толка. По большей части такая деятельность проводится бессистемно, основываясь на интуиции и чутье познающего субъекта.

В 2016 г. группа исследователей под руководством профессора Оксфордского университета Робина Данбара установила, что средний пользователь социальной сети имеет 155 виртуальных друзей [18]. Согласно результатам аналогичного исследования, проведенного другой группой британских ученых, эта цифра значительно больше и составляет 365 виртуальных друзей для среднестатистического пользователя мужского пола (у пользователей женского пола средний количественный показатель друзей в социальной сети равняется 373) [19].

Из вышеприведенных данных следует, что аккаунт в социальной сети потенциально может содержать колоссальный массив информации, включающий хронику жизни конкретного человека более чем за десять лет. Скрупулезный анализ статусов, постов, фотографий или видеообращений, отражающих в совокупности воззрения и убеждения проверяемого лица, может занять существенный отрезок времени, измеряемый сутками, а порой и неделями. В добавление к этому попытка в мануальном (ручном) режиме проверить «друзей» и «подписчиков» изучаемого аккаунта увеличивает временные затраты в разы, поскольку вместо одного объекта проверки их количество может возрасти до 50, 100 и более.

Данную позицию разделяют и другие исследователи, занимавшиеся изучением проблематики противодействия экстремистским проявлениям в киберпространстве [20, 21].

Однако мы полагаем, что временные издержки, затрачиваемые на изучение и анализ аккаунтов в социальных сетях, можно существенным образом сократить за счет математической алгоритмизации.

Таким образом, целью настоящего исследования является оптимизация деятельности правоохранительных органов по проведению контент-анализа аккаунтов в социальных сетях.

Установлено, что на сегодняшний день онлайн-платформа «ВКонтакте» является крупнейшей русскоязычной социальной сетью с аудиторией свыше 500 млн человек [22], включая 95 млн активных пользователей в месяц [23]. Данная онлайн-платформа помимо прямой коммуникации между пользователями предоставляет широкий спектр иных возможностей, включая создание закрытых групп (сообществ) или публичное размещение аудио-, видео-, текстовых файлов. При определенных обстоятельствах данный инструментарий может быть использован для осуществления противозаконной деятельности.

Так, А.П. Суходолов и А.М. Бычкова отмечают, что по одному из уголовных дел лицо, личность которого в процессе расследования установлена не была, используя созданные им в сети Интернет личный сайт и страницу в социальной сети «ВКонтакте» в качестве завуалированной рекламы, привлекло к участию в сообществе иных лиц, разработало принципы действия, структуру преступного сообщества (преступной организации), составило план и схемы действия организованных групп, распределило роли между членами сообщества, установило единую стоимость реализуемого наркотического средства, организовало каналы поставки крупных партий наркотических

средств для сохранения монопольного положения на наркорынке [24. С. 7].

В этой связи объектом исследования является противоправная деятельность экстремистского и террористического характера, осуществляемая посредством использования инструментария и возможностей социальной сети «ВКонтакте», а также деятельность по выявлению, пресечению и профилактике проявлений экстремизма и терроризма в социальной сети «ВКонтакте».

Предмет настоящего исследования составляют организационно-технические и тактические закономерности контент-анализа аккаунтов в социальных сетях, принадлежащих лицам, заподозренным в осуществлении противоправной деятельности экстремистского характера или в сопереживании идеологии экстремизма и (или) терроризма.

С математической точки зрения концептуальная основа функционирования социальных сетей базируется на теории графов, где вершинами выступают акторы, а ребрами – связи между ними [25. С. 10].

В общем виде теорию графов, и, в частности, сам граф можно представить как множество вершин (точек), соединенных ребрами (линиями). Любая система, предполагающая наличие дискретных состояний или наличие узлов и переходов между ними, может быть описана графом. В строгом определении графом называется такая пара множеств $G = (V, E)$, где V есть подмножество любого счетного множества, а E – подмножество $V \times V$ [26, 27].

Концептуальные основы теории графов впервые были изложены одним из выдающихся математиков, механиков и логиков XVIII в. Леонардом Эйлером в 1736 г. Первоначально разрабатываемое для решения математических задач научное знание со временем приобрело междисциплинарный характер и получило активное распространение в биологии, химии и науках социально цикла [28. С. 11].

Для достижения заявленной цели исследования необходимо было решить задачу по созданию автоматизированной вычислительной системы, способной сегментировать контакты пользователя социальной сети и осуществлять их последующую схематичную визуализацию в виде графа. Разработка такой системы позволила бы сэкономить время сотрудников правоохранительных органов по выявлению угроз и раскрытию преступлений экстремистской направленности, а также повысить эффективность их деятельности по производству анализа конкретного аккаунта в социальной сети.

Попытки анализа общей архитектуры социальных сетей и отдельных взаимосвязей, возникающих между пользователями соответствующих интернет-ресурсов, посредством использования методологии теории графов предпринимались и ранее.

Так, например, особого внимания заслуживает исследование, проведенное группой ученых под руководством профессора А.П. Суходолова, в рамках которого анализ социальных сетей был выполнен на основе теоретико-графового метода расчета, позволяющего определить, в какой мере одни участники социальных сетей важнее в некотором смысле, зави-

сящем от задач проводимого анализа, чем другие [21. С. 470].

Существенным отличием настоящего исследования, которое ни в коем случае не противопоставляется результатам изысканий научной группы А.П. Суходолова, а скорее дополняет их, является то, что оно направлено на изучение и систематизацию неограниченного множества контактов конкретного пользователя социальной сети, а не на выявление наиболее влиятельного участника социальной сети (или коалиции участников) из замкнутой группы пользователей. Кроме того, фундаментальной задачей исследования, проведенного группой А.П. Суходолова, являлось пресечение распространения контента экстремистской направленности (посредством установления лидера или групп влияния), в то время как настоящее исследование направлено на решение задачи по выявлению максимально возможного количества лиц, разделяющих идеологические постулаты экстремизма и терроризма, вне зависимости от степени их влиятельности или активности в киберпространстве.

Следует также отметить тот факт, что зарубежными исследователями и программистами разработаны различные программные комплексы, направленные на анализ контента социальных сетей, в первую очередь в целях использования результатов такого анализа для развития бизнеса. Например, к таким программам можно отнести NodeXL – приложение к MS Excel, назначение которой состоит в исследовании сетевых моделей, анализе данных и составлении аналитической отчетности. NodeXL ориентирована на англоязычные социальные сети, в частности Facebook, Twitter, LinkedIn [29]. Принципиальное отличие подобных программных комплексов состоит в том, что они ориентированы на англоязычные социальные сети, анализ открытого контента и на сам контент, а не на выявление связей акторов в рамках заданной тематики между собой, частоты их взаимодействия и т.п.

В рамках проведенного исследования учеными Балтийского федерального университета им. И. Канта поставленная задача была решена – разработан специальный программный комплекс, предоставляющий возможность автоматизированного получения различных данных из социальных сетей. В рассматриваемом случае под «данными» подразумевается информация о взаимосвязях групп пользователей между собой. В частности, могут рассматриваться связи между друзьями пользователя, образующие определенные кластеры, которые легко поддаются визуальному анализу (к примеру, небольшие замкнутые кластеры, как правило, члены семьи или узкий круг друзей из других городов). Помимо этого, программный комплекс позволяет находить дружеские взаимосвязи и, в последующем, строить граф, среди пользователей, поставивших лайки определенной записи в сети «ВКонтакте».

Данный программный комплекс реализован на языке программирования высокого уровня «Python 3.1» с применением пакета библиотек Anaconda. Для выполнения поставленной задачи было создано приложение «ВКонтакте», которое следует командам программы, написанной на языке Python 3.1 (используется так называемый

API Vkontakte). Программа, обращаясь к приложению «ВКонтакте», получает различные данные, хранит их в виде массива связей двух вершин, после чего визуализирует их в виде графа и развернутой аналитической выкладки. Дальнейшая обработка и анализ графа происходят в среде Gephi.

В качестве примера практической реализации вышеописанного программного комплекса можно привести результаты контент-анализа аккаунта в социальной сети «ВКонтакте» лидера неформального экстремистского объединения «Балтийский авангард русского сопротивления» (БАРС) Александра Оршулевича.

Общественно-политическое движение БАРС было основано в 2008 г. на территории Калининградской области. Идеологический фундамент движения образует совокупность идей монархического и националистического толка, дополненных религиозной составляющей от представителей Русской православной церкви за рубежом. На протяжении активного существования БАРСа (2012–2016 гг.) в отношении действий экстремистского характера его активистов регулярно принимались различные меры правового реагирования со стороны правоохранительных органов. Так, в 2013 г. лидер БАРСа был признан виновным в осуществлении публичных призывов к экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 280 УК РФ). В 2016 и 2017 гг. прокуратурой Калининградской области в адрес Александра Оршулевича неоднократно выносились предостережения о недопустимости нарушения ст. 280.1 УК РФ.

В мае 2017 г. Александр Оршулевич и еще несколько активных участников БАРСа были задержаны

правоохранительными органами по подозрению в организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), в отношении них проводилось предварительное расследование, и весной 2020 г. был вынесен обвинительный приговор [30].

Вместе с тем аккаунт Александра Оршулевича в социальной сети «ВКонтакте» продолжает существовать и является открытым для публичного доступа. Интерес может представлять как контент, содержащийся на странице (фотографии, видеоматериалы, текстовые посты), так и контакты основателя БАРСа (около четырех тысяч виртуальных «друзей»), анализ которых может способствовать выявлению других приверженцев экстремистских идей.

Если предположить, что на мануальное изучение каждого из 4 тысяч аккаунтов необходимо затратить в среднем 10 минут, то анализ всего списка «друзей» займет 27 дней непрерывной работы ($4\,000 \times 10 : 60 : 24 = 27,7$). Даже без учета процессуальных сроков, установленных действующим уголовно-процессуальным законодательством для предварительного расследования, чрезмерной рабочей нагрузки сотрудников правоохранительных органов и иных объективных причин выполнение такой трудозатратной задачи является не только нецелесообразным, но и практически невозможным.

Между тем использование программного комплекса позволило в течение десяти минут построить следующий граф, представленный на рис. 1.

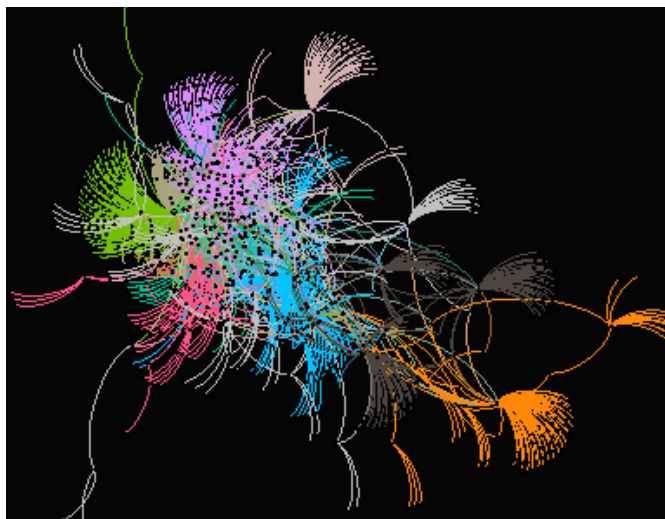

Рис. 1. Граф друзей А. Оршулевича в социальной сети «ВКонтакте», построенный с помощью программного комплекса

Данный граф состоит из определенных кластеров разных цветов, образованных множеством точек. Каждая точка – аккаунт конкретного пользователя в социальной сети «ВКонтакте». Причем программный комплекс дает возможность построить граф с указанием метрических данных каждого пользователя, позволяющих одним нажатием кнопки мыши перейти в заинтересовавший интернет-аккаунт. Совокупность точек (кластер) представляет собой сгусток социальных связей, объединенных

по различным критериям взаимной общности. Это могут быть как близкие друзья и одноклассники, так и «соратники по политической борьбе». Анализ представленного графа дает основания полагать, что наиболее близкими друзьями (и, возможно, единомышленниками, разделяющими экстремистские воззрения А. Оршулевича) являются пользователи, входящие в зеленый и фиолетовый кластеры, расположенные на рис. 1 ближе к верхнему левому углу.

Также на рис. 1 видно, что оранжевый кластер (справа снизу) несколько оторван от остальной композиции графа. Такое расположение свидетельствует либо о знакомствах в другом городе, либо о знакомствах в интернете. Данные обстоятельства требуют более детальной перепроверки.

Обособленные точки, расположенные преимущественно на границах графа, характеризуют замкнутые социальные связи, т.е., тех людей, с которыми общается непосредственно А. Оршулевич, а другие его «друзья» не знакомы. В контексте проблемы противодействия экстремизму и терроризму такие контакты могут рассматриваться как возможные кураторы, вербовщики, «страницы-тролли» (намеренно созданные фейковые-аккаунты для обезличенного совершения политических действий провокационного характера в киберпространстве) или глубоко законспирированные агенты в различных организациях.

В части анализа кластеров следует также обратить внимание на то, что в каждом из них можно выявить негласного лидера по количеству взаимосвязей. Данные

обстоятельства могут быть интерпретированы по-разному, однако они, несомненно, указывают на высокую степень коммуникации лица с определенной общностью пользователей. При этом программный комплекс позволяет выгружать данные о лидерах по количеству взаимосвязей с проверяемым аккаунтом не только посредством графа, но и в виде рейтинговой таблицы в формате Microsoft Excel. Так, в результате проведенного нами анализа аккаунта А. Оршулевича можно сделать вывод о том, что лидерами по количеству взаимосвязей, вызывающих необходимость в дополнительной проверке с позиций их принадлежности и роли в экстремистски настроенных группах, стали следующие лица: Игорь М. (при анализе страницы обращает на себя внимание количество символики УПА на аватарах «друзей»), Андрей К. (визуальный анализ фотографий, размещенных в профиле, свидетельствует о приверженности владельца аккаунта к неонацистской идеологии), Александр И. (визуальный анализ фотографий, размещенных в профиле, свидетельствует о явных симпатиях владельца аккаунта к националистическим взглядам).

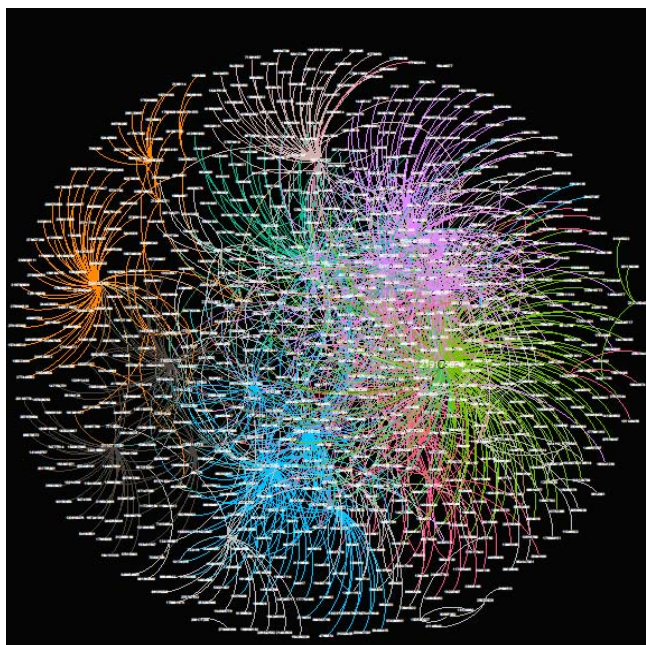

Рис. 2. Граф друзей А. Оршулевича в социальной сети «ВКонтакте», построенный с помощью программного комплекса (с указанием метрических данных каждого пользователя)

Характеризуя формат визуализации результатов графического моделирования, следует отметить, что разработанный программный комплекс при построении графов дает возможность использовать различные формы визуализации, в зависимости от решаемых задач и предпочтений познающего субъекта. Так, представленный граф социальных связей А. Оршулевича можно изобразить в виде сферы, организованной по принципам диаграммы Эйлера, как показано на рис. 2.

Кроме того, программный комплекс может быть использован не только для анализа пользовательских аккаунтов, но и для визуализации подписчиков открытых для свободного доступа информационно-интерактивных страниц (пабликов), созданных в социальной сети «ВКонтакте», которые, зачастую, могут иметь даже миллионную аудиторию подписчиков. Например, это можно проиллюстрировать следую-

щим образом. Посредством использования программного комплекса был построен граф 11 495 подписчиков паблика «Русский Сектор – Национальная Служба Новостей» (РС НСР), имеющего ярко выраженную праворадикальную коннотацию (рис. 3).

Визуальное исследование данного графа на предмет наличия кластеров и компонентов связности позволяет сделать выводы о существовании некоторых «сгустков» связей. Изучение этих сгустков дает возможность выявить так называемых неявных лидеров – лиц, наиболее полно выражающих общественно-политические воззрения представляемого сообщества, определяющих его повестку и стратегию развития, пользующихся наибольшей популярностью и авторитетом у других членов, но, вместе с тем, зачастую остающихся «в тени», действующих опосредованно и не заявляющих о своих лидерских амбициях.

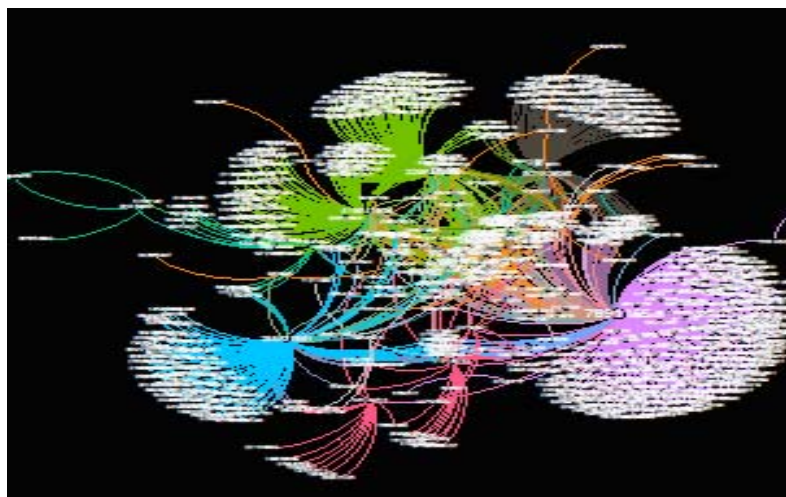

Рис. 3. Граф подписчиков РС НСР

Только такой кластерный анализ позволяет оперативно понять, какие из индивидов являются лидерами того или иного сообщества (или групп существующих внутри него). Так, рассматривая данный граф, можно сделать вывод о существовании 3–4 лидеров – на рис. 3 они представлены сгустками фиолетового, голубого и зеленых цветов. Программа автоматически окрашивает индивидов в цвета, соответствующие их кластерам, на основе вероятностных алгоритмов. Наиболее заметным центром взаимосвязей на изучаемом графе является фиолетовый кластер (справа снизу). Лидер этого кластера – уже упоминавшийся ранее Александр Оршулевич. Проведенный контент-анализ показывает, что А. Оршулевич хорошо знаком со многими участниками сообщества, анализ которого проводится, и может считаться его «теневым» лидером и центром распространения информации, а также оказывать существенное влияние на мнения участников сообщества, имея определенный авторитет, в силу наличия большого количества взаимосвязей.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что разработанный на материально-

технической базе Балтийского федерального университета им. И. Канта программный комплекс предоставляет широкие потенциальные возможности в области выявления, пресечения и профилактики проявлений экстремизма и терроризма в киберпространстве.

Во-первых, использование подобного программного обеспечения позволяет оптимизировать деятельность сотрудников правоохранительных органов по контент-анализу аккаунтов в социальной сети уже выявленных экстремистов.

Во-вторых, программный комплекс пригоден для осуществления профилактики экстремизма в сети Интернет, поскольку позволяет выявлять потенциально опасные сообщества и публичные страницы через анализ взаимосвязей их подписчиков.

В-третьих, с помощью разработанной программы можно осуществлять поиск лиц, придерживающихся крайне радикальных, экстремистских взглядов, ранее не являвшихся объектами пристального внимания правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. За 15 лет число пользователей Интернета в мире увеличилось в 7 раз. URL: <http://www.msn.com/ru-ru/money/other/за-15-лет-число-пользователей-интернета-вмире-увеличилось-в-7-раз/ar-BBkkAZw> (дата обращения: 10.08.2019 г.).
2. Тезисы пленарного заседания Международного конгресса по кибербезопасности // Президент России РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57957> (дата обращения: 11.04.2020 г.).
3. Воронцов С.А., Штейнбух А.Г. О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 100–108.
4. Чирков Д.К., Саркисян А.Ж. Следственно-судебные действия: проблемы регламентации // Преступность в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации как угроза национальной безопасности страны. 2013. № 3 (27). С. 219–226.
5. Малахова Т.А. Некоторые особенности, связанные с предупреждением и расследованием экстремистских и террористических проявлений в современной молодежной среде // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (9). С. 51–56.
6. Иванов С.В., Борисов С.В., Узембаева Г.И., Муzychuk Т.Л., Тищенко Ю.Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 776–784.
7. Волчек Т.С., Загоскин А.В. Современные проблемы профилактики терроризма и экстремизма и пути их решения с позиций ситуационного подхода // Ситуационный подход в решении современных проблем противодействия терроризму и экстремизму: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона и др.)». Калининград, 2017. С. 6–14.
8. Costello M., Hawdon J., Ratliff T., Grantham T. Who views online extremism? Individual attributes leading to exposure // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 63. P. 311–320.
9. Johnson J.A., Reitzel J.D., Norwood B.F., McCoy D.M., Cummings D.B., Tate R.R. Social Network Analysis: A Systematic approach for investigating // FBI Law Enforcement Bulletin. 2013. URL: <https://leb.fbi.gov/articles/featured-articles/social-network-analysis-a-systematic-approach-for-investigating>

10. Косолап О.В. Использование социальных сетей в выявлении и расследовании преступлений: зарубежный опыт и перспективные направления // Молодой ученый. 2016. № 8 (35). С. 93–96.
11. O'Hara K., Stevens D. (2015), Echo Chambers and Online Radicalism: Assessing the Internet's Complicity in Violent Extremism // Policy & Internet. 2015. Vol. 7 (4). P. 401–422.
12. Волчеккая Т.С., Головин А.Ю., Осипова Е.В. Особенности развития российской и американской криминалистики: криминалистическая техника, тактика и методика // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 40–52.
13. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 1. С. 60–72.
14. Citron D.K. Hate Crimes in Cyberspace. Boston : Harvard University Press, 2014. 352 p.
15. Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. Омск : Омская академия МВД России, 2009. 480 с.
16. Яремчук С.В., Ситяева С.М. Социальная идентификация как предиктор экстремистских установок молодежи // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 51–60.
17. Суходолов А.П., Рачков М.П., Бычкова А.М. Запретительная политика государства в сфере средств массовой информации: анализ законодательства и правоприменительной практики. М. : Аргументы недели, 2018. 224 с.
18. Knapton S. Facebook users have 155 friends – but would trust just four in a crisis // The Telegraph. 2016. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/science/science-news/12108412/Facebook-users-have-155-friends-but-would-trust-just-four-in-a-crisis.html>
19. Roughly how many friends do you have on Facebook? // The statistics portal "Statista". URL: <https://www.statista.com/statistics/330810/average-number-of-facebook-friends-among-teenagers-in-great-britain/>
20. Michalak T. et al. Defeating Terrorist Networks with Game Theory // IEEE Intelligent Systems. 2015. Vol. 30, № 1. P. 53–61.
21. Суходолов А.П., Лебедев А.В., Торопов Б.А., Бабкин А.А., Спасенников Б.А. Математические методы в правоохранительной деятельности: вопросы противодействия экстремизму в социальных сетях // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 468–475.
22. Каталог пользователей ВКонтакте. URL: <https://vk.com/catalog.php?selection=499-99-99> (дата обращения: 04.08.2020).
23. Аудитория «ВКонтакте» выросла до 95 миллионов пользователей // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2858559> (дата обращения: 04.08.2020).
24. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «телеграмм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 5–17.
25. Биккулов А.С., Чугунов А.В. Сетевой подход в социальной информатике: моделирование социально-экономических процессов и исследования в социальных сетях : учеб. пособие. СПб. : Изд-во НИУ ИТМО, 2013. 124 с.
26. Оре О. Теория графов. М. : УРСС, 2008. 352 с.
27. Кобзева Н.М. Социально-экономические приложения теории графов в контексте методологии изучения организационных изменений // Конкурентоспособность. Инновации. Финансы. 2011. № 2. С. 46–53.
28. Réveillac J.-M. Chapter 2: Elements of Graph Theory // Optimization Tools for Logistics. ISTE Press – Elsevier, 2016. P. 11–29.
29. Hensen D., Shneiderman B., Smith M. Analyzing social media Networks with NodeXL. Morgan Kaufmann, 2010. 304 p.
30. Уголовное дело 1-10/2020 (1-131/2019). Архив 2-го Западного окружного военного суда. URL: <http://2zvov.msk.sudrf.ru/>

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 апреля 2021 г.

Synergy of Digital Technologies and Graphic Modeling in Forensic Counteraction to the Spread of Extremism and Terrorism Ideology Among the Youth

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 215–222.

DOI: 10.17223/15617793/471/25

Tatyana S. Volchetskaya, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: larty777@gmail.com

Ekaterina V. Osipova, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: EVOsipova@kantiana.ru

Mikhail V. Avakyan, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: avakyan1992@gmail.com

Andrey A. Viktorov, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: andrey_vik@mail.ru

Keywords: anti-extremism activity; anti-terrorism activity; forensic prevention; extremist crime investigation; forensic modeling; digital forensics.

The article explores threats of an extremist and terrorist nature that spread in the Russian-language segment of the Internet. Content analysis of personal accounts on social networks plays a significant role in preventing and countering manifestations of extremism and terrorism in cyberspace. Such an analysis is fraught with a number of objective difficulties, which are based on a significant amount of information to be processed. The authors argue that the time spent on studying and analyzing social media accounts can be significantly reduced through mathematical algorithms. An analysis of the special legal literature on this issue showed that today, both in Russia and abroad, there are practically no studies that reveal the methodology of studying accounts on social networks in order to identify deviations of an extremist or terrorist nature. The aim of this study is to optimize the activities of law enforcement agencies to conduct content analysis of accounts on social networks. The object of the study was illegal activities of an extremist and terrorist nature carried out through the use of tools and capabilities of the social network VKontakte, as well as activities to identify, suppress, and prevent manifestations of extremism and terrorism in VKontakte. The methodological basis was the logical research methods: analysis, synthesis, modeling method; the proposed development is based on the provisions of graph theory. To solve the mentioned problems, the Immanuel Kant Baltic Federal University scientists developed a software package implemented in the programming language Python 3.1 using the Anaconda library package, which provides the ability to automatically extract various data from social networks. The authors describe in detail the principle of the configuration of the software complex and the algorithm of its functioning that allows segmenting the contacts of a social network user and their subsequent schematic visualizing in the form of a graph, which significantly reduces the time spent on content analysis. The software package also allows finding friendly relationships and, subsequently, build a graph among users who have liked a certain post on the VKontakte network. The authors conclude that the use of the developed software package allows optimizing the activities of law enforcement officers in the content analysis of social network accounts of already identified extremists, preventing extremism on the Internet by identifying potentially dangerous communities and public pages through the analysis of the relationships of their subscribers, searching for persons holding extremely radical extremist views and who have not previously been the objects of close attention of law enforcement agencies.

REFERENCES

1. Msn.com. (2019) *Za 15 let chislo pol'zovateley Interneta v mire uvelichilos' v 7 raz* [In 15 years, the number of Internet users in the world has increased 7 times]. [Online] Available from: <http://www.msn.com/ru-ru/money/other/za-15-let-chislo-pol'zovateley-interneta-vmire-uvelichilos'-v-7-raz/ar-BBkAZw> (Accessed: 10.08.2019).
2. Kremlin.ru. (2018) *Teziy plenarnogo zasedaniya Mezhdunarodnogo kongressa po kiberbezopasnosti* [Abstracts of the plenary session of the International Cybersecurity Congress]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/57957> (Accessed: 11.04.2020).
3. Vorontsov, S.A. & Shteynbukh, A.G. (2015) O neobkhodimosti sovershenstvovaniya podkhodov k obespecheniyu natsional'noy bezopasnosti Rossii v informatsionnoy sfere [On the Need to Improve Approaches to Ensuring Russia's National Security in the Information Sphere]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 9 (64). pp. 100–108.
4. Chirkov, D.K. & Sarkisyan, A.Zh. (2013) Sledstvenno-sudebnye deystviya: problemy reglamentatsii [Investigative and judicial actions: problems of regulation]. *Prestupnost' v sfere telekommunikatsiy i komp'yuternoy informatsii kak ugroza natsional'noy bezopasnosti strany*. 3 (27). pp. 219–226.
5. Malykhina, T.A. (2019) Nekotorye osobennosti, svyazannye s preduprezhdeniem i rassledovaniem ekstremistskikh i terroristicheskikh proyavleniy v sovremennoy molodezhnoy sfere [Some features related to preventing and investigating manifestations of extremism and terrorism in the modern youth environment]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. 1 (9). pp. 51–56. (In Russian). DOI: 10.24411/2587-9820-2019-10032
6. Ivantsov, S.V. et al. (2018) Relevant Problems of Improving the Measures of Criminological Prevention of Extremist Crimes Committed Using Information and Telecommunication Networks. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (6). pp. 776–784.
7. Volchetskaya, T.S. & Zagoskin, A.V. (2017) [Modern problems of the prevention of terrorism and extremism and ways to solve them from the standpoint of a situational approach]. *Situatsionnyy podkhod v reshenii sovremennykh problem protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu* [Situational approach in solving modern problems of countering terrorism and extremism]. Conference Proceedings. Kaliningrad. pp. 6–14. (In Russian).
8. Costello, M. et al. (2016) Who views online extremism? Individual attributes leading to exposure. *Computers in Human Behavior*. 63. pp. 311–320.
9. Johnson, J.A. et al. (2013) Social Network Analysis: A Systematic approach for investigating. *FBI Law Enforcement Bulletin*. [Online] Available from: <https://leb.fbi.gov/articles/featured-articles/social-network-analysis-a-systematic-approach-for-investigating>
10. Kosolap, O.V. (2016) Ispol'zovanie sotsial'nykh setey v vyavlenii i rassledovanii prestupleniy: zarubezhnyy opyt i perspektivnye napravleniya [The use of social networks in detecting and investigating crimes: foreign experience and promising areas]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 8 (35). pp. 93–96.
11. O'Hara, K. & Stevens, D. (2015) Echo Chambers and Online Radicalism: Assessing the Internet's Complicity in Violent Extremism. *Policy & Internet*. 7 (4). pp. 401–422.
12. Volchetskaya, T.S., Golovin, A.Yu. & Osipova, E.V. (2018) Features of Russian and American Criminalistics Development: Technics, Tactics and Investigation Technique. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 40–52. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/4
13. Solov'ev, V.S. (2016) Crime in social networks (criminological research based on judicial practice materials). *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 10 (1). pp. 60–72. (In Russian).
14. Citron, D.K. (2014) *Hate Crimes in Cyberspace*. Boston: Harvard University Press.
15. Osipenko, A.L. (2009) *Setevaya komp'yuternaya prestupnost': teoriya i praktika bor'by* [Network cyber crime: theory and practice of fighting]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
16. Yaremchuk, S.V. & Sityaeva, S.M. (2019) Social Identification as a Predictor of Extremist Attitudes of Young Adults. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13 (1). pp. 51–60. (In Russian).
17. Sukhodolov, A.P., Rachkov, M.P. & Bychkova, A.M. (2018) *Zapretitel'naya politika gosudarstva v sfere sredstv massovoy informatsii: analiz zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki* [Prohibitive policy of the state in the field of mass media: analysis of legislation and law enforcement practice]. Moscow: Argumenty nedeli.
18. Napton, S. (2016) Facebook users have 155 friends – but would trust just four in a crisis. *The Telegraph*. [Online] Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/science/science-news/12108412/Facebook-users-have-155-friends-but-would-trust-just-four-in-a-crisis.html>
19. Statista. (2014) *Roughly how many friends do you have on Facebook?* [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/330810/average-number-of-facebook-friends-among-teenagers-in-great-britain/>
20. Michalak, T. et al. (2015) Defeating Terrorist Networks with Game Theory. *IEEE Intelligent Systems*. 30 (1). pp. 53–61.
21. Sukhodolov, A.P. et al. (2018) Mathematical Methods in Law Enforcement: Counteracting Extremism on Social Media. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (4). pp. 468–475. (In Russian).
22. VK. (2020) *Katalog pol'zovateley VKontakte* [Directory of users of VKontakte]. [Online] Available from: <https://vk.com/catalog.php?selection=499-99-99> (Accessed: 04.08.2020).
23. Vesti.Ru. (2020) *Auditoriya "VKontakte" vyroslo do 95 millionov pol'zovateley* [The audience of VKontakte has grown to 95 million users]. [Online] Available from: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2858559> (Accessed: 04.08.2020).
24. Sukhodolov, A.P. & Bychkova, A.M. (2019) Digital Technologies and Drug-Related Crime: Problems of Counteracting the Use of "Telegram" Messenger for Trafficking Drugs. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13 (1). pp. 5–17. (In Russian).
25. Bikkulov, A.S. & Chugunov, A.V. (2013) *Setevoy podkhod v sotsial'noy informatike: modelirovanie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov i issledovaniya v sotsial'nykh setyakh: ucheb. posobie* [Network approach in social informatics: modeling of socio-economic processes and research in social networks: textbook]. St. Petersburg: Izd-vo NIU ITMO.
26. Ore, O. (2008) *Teoriya grafov* [Graph Theory]. Moscow: URSS.
27. Kobzeva, N.M. (2011) Sotsial'no-ekonomicheskie aplikatsii teorii grafov v kontekste metodologii izucheniya organizatsionnykh izmeneniy [Socio-economic applications of graph theory in the context of the methodology for studying organizational changes]. *Konkurentosposobnost'. Innovatsii. Finansy*. 2. pp. 46–53.
28. Réveillac, J.-M. (2016) *Optimization Tools for Logistics*. ISTE Press – Elsevier. pp. 11–29.
29. Hensen, D., Shneiderman, B. & Smith, M. (2010) *Analyzing social media Networks with NodeXL*. Morgan Kaufmann.
30. Archive of the 2nd Western District Military Court. (2020) *Ugolovnoe delo 1-10/2020 (1-131/2019)* [Criminal case 1-10/2020 (1-131/2019)]. [Online] Available from: <http://2zovs.msk.sudrf.ru/>

Received: 28 April 2021

А.В. Габов

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНСТИТУТА ЛИШЕНИЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Исследованы темпоральные нормы, составляющие институт лишения ученой степени. Проанализированы различные виды сроков; особое внимание уделено сроку, в течение которого может быть подано заявление о лишении ученой степени. Сформулированы концептуальные предложения по изменению существующего регулирования сроков в механизме лишения ученой степени; отмечается дефектность существующих подходов, в том числе в части уровня регулирования (подзаконные нормативные акты).

Ключевые слова: государственная система научной аттестации; ученая степень; диссертация; диссертационный совет; лишение ученой степени; давность

Введение. Значимым элементом государственной системы научной аттестации является институт лишения ученых степеней. Случаев его использования начиная с 2013 г. стало значительно больше, что связано с деятельностью общественного проекта «Диссернет» [1; 2. С. 16–17] по проверке диссертаций и других научных работ на предмет наличия так называемых некорректных заимствований.

Использование института лишения ученой степени имеет весьма чувствительные последствия для научного сообщества и особенно для отдельных его членов, в отношении которых принимается решение о лишении ученой степени. И это объяснимо: лицо, ранее успешно защитившее диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук или доктора наук, может лишиться ученой степени. Но этим проблемы данных лиц могут не закончиться. Для лиц, лишенных ученой степени по определенным основаниям (наличие некорректных заимствований), а равно и для лиц, заявление о лишении ученой степени которых было отклонено (но ранее подано по таким основаниям), возникают риски репутационного характера. А именно негативные факты, связанные с обнаруженными дефектами в их работах, становятся общеизвестными и транслируются в специальных исследованиях и публикациях [3–5 и др.].

Учитывая указанные обстоятельства, следует ожидать от законодателя весьма тщательного подхода к формулированию нормативных положений, составляющих этот институт, установления ясного, публичного порядка рассмотрения вопроса о лишении ученой степени. Однако о состоянии института лишения ученой степени этого сказать нельзя (что показывают правовые позиции Конституционного Суда РФ (определение от 24 декабря 2013 г. № 2026-О), и отдельные примеры судебной практики (см.: решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2016 г. № АКПИ15-1527; апелляционные определения Московского городского суда от 24 октября 2019 г. по делу № 33а-7304/2019 и от 8 сентября 2020 г. по делу № 33а-3190 и другие акты)).

Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон о науке) вопросы лишения ученой степени непосредственно не регулирует, даже, что, вне всякого сомнения, странно, в части основа-

ний, отсылая к «порядку лишения» (п. 2.1, абз. 3 п. 3.1 ст. 4 Закона о науке).

В части порядка лишения указанные положения ст. 4 Закона о науке делают отсылку:

– если ученая степень была присуждена диссертационным советом, создаваемым на основании решения уполномоченного государственного органа, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности (далее – Минобрнауки России), – к подзаконному акту, принимаемому Правительством Российской Федерации (п. 2.1 ст. 4 Закона о науке);

– если ученая степень была присуждена научной или образовательной организацией, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, – к локальным нормативным актам таких организаций (абз. 3 п. 3.1 ст. 4 Закона о науке).

В результате такого подхода сложилась следующая структура регулирования отношений по лишению ученой степени:

1) если ученая степень была присуждена диссертационным советом, создаваемым на основании решения приказа Минобрнауки России, то лишение степени, как в части оснований (т.е. «порядком», о котором говорит Закон о науке, дело не ограничивается), так и в части порядка, регулируется:

а) Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (далее – Положение о присуждении ученых степеней), которым определены:

- основания для лишения ученой степени (п. 65);
- основания для отказа в рассмотрении заявления о лишении ученой степени (абз. 4 п. 2 Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, п. 66, 68, 69 Положения о присуждении ученых степеней);
- субъекты, имеющие право обращаться с предложением о лишении ученой степени, форма обращения (заявление) и орган, который принимает соответствующее обращение, и принимает решение (п. 66 Положения о присуждении ученых степеней);
- виды решений и срок принятия решения Минобрнауки России (п. 76 Положения о присуждении ученых степеней);
- требования к содержанию заявления (п. 67 Положения о присуждении ученых степеней);

– порядок действий Минобрнауки России и диссертационного совета научной или образовательной организации, которой направлены на рассмотрение материалы по лишению ученой степени, после получения заявления (п. 70–77 Положения о присуждении ученых степеней);

б) Положением о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденным приказом Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. № 1093 (далее – Положение о диссертационном совете), регулирующим деятельность диссертационного совета научной или образовательной организации, в который были направлены материалы о лишении ученой степени, поступившие в Минобрнауки России (п. 4, 24, 68–71);

2) если ученая степень была присуждена научной или образовательной организацией, получившей право самостоятельного присуждения ученых степеней, – локальным нормативным актам таких организаций, для которых нет в этой части нормативно установленных общих подходов.

Особо обратим внимание на то, что ст. 4 Закона о науке использует конструкцию «порядок лишения».

Такое регулирование при отсутствии каких-либо положений о лишении в части оснований и сроков в самом Законе о науке приводит к тому, что в указанных подзаконных нормативных актах, включая в них и локальные нормативные акты организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней (а мы полагаем, что и в этом случае речь идет о нормативных правовых актах [б. С. 38; 7. С. 79–80]), определяются не только процедурные вопросы (т.е., собственно порядок как последовательность действий), но и иные вопросы, в том числе основания, сроки, в течение которых может быть подано заявление о лишении ученой степени, и последствия его пропуска, отдельные последствия удовлетворения заявления.

К числу наиболее интересных и дискуссионных вопросов в действующем механизме лишения ученой степени относятся положения, регулирующие различные сроки (или, иначе говоря, *темпоральные нормы*), в частности:

1) положения о сроке, в течение которого может быть направлено заявление о лишении ученой степени и об основании для отказа рассмотрения заявления о лишении ученой степени в виде истечения указанного срока;

2) многочисленные сроки в процедуре рассмотрения заявления о лишении ученой степени, предусмотренные Положением о присуждении ученых степеней и Положением о диссертационном совете;

3) положения о сроке ограничения права для физического лица, являвшегося научным руководителем (консультантом) лица, в отношении которого Минобрнауки России принято решение о лишении ученой степени, входить в состав диссертационного совета.

Срок, в течение которого может быть направлено заявление о лишении ученой степени. В Российской Федерации положения о сроке, который препятствует рассмотрению вопросов о лишении ученой

степени, появились уже в первом документе, которым в постсоветский период были урегулированы вопросы присуждения ученых степеней, – Положении о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 октября 1994 г. № 1185 (п. 55). В указанном пункте было указано, что «рассмотрение вопросов об обоснованности присуждения ученых степеней... решения по которым были приняты свыше десяти лет назад, органами аттестации не проводится».

При анализе этого положения обращают на себя внимание несколько обстоятельств:

1) указанное нормативное положение – это дословное воспроизведение ранее действовавшего положения – п. 61 Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий, утвержденного Постановлением Совета министров СССР от 30 декабря 1989 г. № 1186: «...рассмотрение вопросов об обоснованности присуждения ученых степеней... решения по которым были приняты свыше десяти лет назад, органами аттестации не проводится». Следовательно, выбор периода времени (срока) – 10 лет, момента начала течения срока – принятие решения о присуждении ученой степени, имел единственное обоснование – традицию с предыдущим нормативным правовым актом¹ и не был обусловлен никакими иными рациональными факторами;

2) формулировка срока:

а) данный срок (период времени после защиты) не был обозначен:

– ни как срок, по истечении которого лицо, которому ранее была присуждена ученая степень, освобождается от возможных негативных последствий необоснованного присуждения ученой степени, как это, к примеру, формулируется применительно к уголовной ответственности и ответственности за налоговые правонарушения (см.: ст. 48 УК РСФСР, ст. 78 УК РФ, ст. 113 НК РФ);

– ни как срок, по истечении которого уполномоченным органом не может быть принято решение (по аналогии с законодательством об административных правонарушениях (ст. 38 КоАП РСФСР, ст. 4.5 КоАП РФ);

– ни как срок для защиты чьего-либо субъективного права или публичного интереса (по примеру определения срока исковой давности в гражданском праве в ст. 195 ГК РФ);

б) формулировка срока косвенно указывала на то, что по истечении 10 лет не может быть начата сама процедура рассмотрения вопроса о лишении ученой степени («рассмотрение вопросов... органами аттестации не проводится»). Такой подход не препятствовал предъявлению претензий к лицу, которому была присуждена ученая степень, со стороны лица, чьи интересы могли быть нарушены (к примеру, нарушением авторских прав), однако реализовать их в форме особой санкции – лишить степени – уже было нельзя. Отчасти перед нами было правило, по своим последствиям близкое к положениям о давности в законодательстве об административной ответственности, однако «адресатом» здесь выступал не уполномоченный

орган, а круг лиц (по сути, он не был ограничен), имевших право инициировать своим ходатайством процедуру лишения степени: они не ограничивались в подаче ходатайства, но его подача по истечении 10 лет после принятия решения о присуждении ученой степени препятствовала началу процедуры;

в) процедурные сроки (сроки рассмотрения «органами аттестации» ходатайства о лишении ученой степени) «выносились» за рамки 10-летнего срока. Говоря иначе, если ходатайство о лишении ученой степени подано в 10-летний срок (в любой момент этого срока), то начиналась процедура рассмотрения ходатайства и сроки такой процедуры уже никак не сказывались на том, истек в ходе их проведения 10-летний срок или нет.

Следующий за положением 1994 г. нормативный правовой акт в сфере научной аттестации – Положение о порядке присуждения ученых степеней, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 (далее – Положение о порядке присуждения ученых степеней 2002 г.), существенных изменений в части срока не внес.

Правило о сроке (в части лишения ученой степени) было изменено лишь технически; п. 45 Положения о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. устанавливал, что «вопросы об обоснованности присуждения ученой степени, состоявшегося более десяти лет назад, не рассматриваются».

Существенные изменения в части сроков связаны с принятием Постановления Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 74» (далее – Постановление Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475). Этим документом Положение о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. было изложено в новой редакции (далее – Положение о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. в редакции 2011 г.).

Среди прочих изменений – изменение сроков; правило п. 42 Положения о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. в редакции 2011 г. указывало, что вопросы об обоснованности принятия диссертационным советом решения о присуждении ученой степени не рассматриваются, если такое решение было принято более 3 лет назад.

Как хорошо видно, в Положении о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. в редакции 2011 г. был уточнен момент начала течения срока – дата принятия решения диссертационного совета. С таким подходом следует согласиться, а вот остальные изменения (как в части новых положений, так и отсутствия необходимых положений) вызывают вопросы.

Во-первых, в Положении о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. в редакции 2011 г. был существенно изменен (снижен) срок для подачи ходатайства о лишении ученой степени – с 10 до 3 лет. Отметим, что каких-либо объективных предпосылок для такого рода решения на тот период не было; в доктрине данный вопрос не являлся предметом значительных дискуссий, а встречающиеся мнения относительно снижения срока имели исключительно критический характер [8. С. 117–118]; понять реальные ос-

нования для такого радикального изменения срока крайне сложно. Здесь не просматривается даже каких-то аналогий. Если не рассматривать этот срок как давность, то аналогий нет вообще, только традиция (см. выше), которая, скорее, говорила против подобного сокращенного срока. Если такой срок рассматривать как пример давности (давностного срока), то возникала проблема бэнчмарка: какой отраслевой подход применить? Никакого единого подхода (общепотраслевого) как для установления правил о давности (периоде времени, с истечением которого возникают определенные юридические последствия) вообще, так и для определения срока давности (конкретного отрезка времени (срока)) в нашем праве не было (и нет до сих пор); каждая отрасль, в которой развиваются идеи о давности и сроке давности, использует собственные теоретические подходы и наработки по их определению:

– уголовное право (ст. 78 УК РФ; Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2017 г. № 4-П; Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2020 г. № 1331-О) [9. С. 41; 10. С. 10; 11. С. 11; 12. С. 22–23];

– гражданское право (ст. 196–208 ГК РФ; Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 14-П и др.) [13. С. 280–286; 14–22 и др.];

– административное право (см.: ст. 4.5 Кодекса об административных правонарушениях; Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 15-П) [23–25];

– налоговое право (ст. 109, 113 НК РФ) [26, 27].

Во-вторых, в Постановлении Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475 отсутствовали положения о применении нового срока к тем диссертациям, которые были защищены ранее (Положение о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. в редакции 2011 г. действовало с 5 июля 2011 г.), для которых был установлен 10-летний срок для подачи ходатайства о лишении ученой степени. Это создавало значительную правовую неопределенность. Ведь в законодательстве о науке на тот момент не было ясного подхода к квалификации указанного срока. Не было и положений, наподобие тех, что составляют основу российского уголовного права, – положения, смягчающие ответственность или улучшающие положение лица, совершившего преступление иным образом, автоматически по общему правилу имеют обратную силу (ст. 10 УК РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П). Говоря иначе, можно было в равной степени:

– предположить, что норма о 3-летнем сроке ретроактивна и для ранее защищенных диссертаций срок составляет (после вступления в силу Постановления Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475) не 10 лет, а 3 года;

– предположить обратное: действуют два срока – один 10 лет (для ранее защищенных диссертаций), другой – 3 года (для диссертаций, защищенных после вступления указанного постановления в силу). Для последнего вывода можно было и сослаться на общие подходы к проактивности/ретроактивности действия нормативных актов, установленных правовыми пози-

циями Конституционного Суда РФ (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № 12-П).

24 сентября 2013 г. было принято действующее в настоящее время Положение о присуждении ученых степеней (Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, утвердившее указанный документ, вступило в силу 1 января 2014 г.). В соответствии с указанным документом заявление о лишении ученой степени может быть подано физическим или юридическим лицом в Министерство образования и науки Российской Федерации в течение 10 лет со дня принятия диссертационным советом решения о присуждении ученой степени (п. 66). Таким образом, данный нормативный акт опять вернулся к традиционному (с 1989 г.) 10-летнему сроку. Это изменение было предложено еще в проекте Концепции модернизации системы аттестации научных кадров высшей квалификации 2013 г., где говорилось о необходимости восстановления прежней нормы срока давности для принятия решений о лишении ученых степеней в случае выявления серьезных нарушений нормативно-правовой базы при проведении аттестации научных кадров, а также в случае некорректных заимствований – 10 лет». При этом иного обоснования выбора самого срока – 10 лет, кроме как традиции («восстановления прежней нормы»), в документе представлено не было. Отметим, что в ходе обсуждения этого предложения высказывались отдельные критические замечания относительно того, что и такой срок не является оптимальным и правильным для случая обнаружения в диссертации некорректных заимствований [28. С. 57].

Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» был также решен вопрос, возникающий в связи с отмеченным выше изменением сроков подачи заявления о лишении ученой степени. Пункт 2 указанного постановления содержит правило о том, что заявление о лишении ученой степени, решение о присуждении которой было принято до его вступления в силу (т.е., до 1 января 2014 г.), может быть подано в Министерство образования и науки Российской Федерации в течение 10 лет со дня принятия решения о ее присуждении, если на день вступления в силу указанного постановления не истек 3-летний срок, предусмотренный п. 42 Положения о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. в редакции 2011 г.

Таким образом, указанным нормативным актом был однозначно решен вопрос о том, какой срок применяется для подачи заявления о лишении ученой степени в отношении всех лиц, которые защитились до 1 января 2014 г., вне зависимости от того, какой срок действовал в момент защиты диссертации: 10 лет, если 3-летний срок не истек; 3 года, если 3-летний срок истек. Говоря иначе, в отношении всех лиц, защиты которых состоялись до 1 января 2014 г., если 3-летний срок истек, заявление о лишении ученой степени не подлежит рассмотрению (уполномоченный государственный орган не может (не вправе) начать процедуру лишения ученой степени).

Последнее нововведение вызвало крайне неоднозначную реакцию; в частности, рядом исследователей

для соответствующей нормы использовалась аналогия с известным юридическим институтом «амнистии» для тех, кто «успел получить ученую степень на основании защиты фальсифицированной диссертации до 2011 г.» [29. С. 1; 30. С. 94]. Между тем данные аналогии и жесткие оценки вряд ли уместны. Само наличие такого правила (здесь мы не берем его содержание) – это скорее плюс, поскольку, таким образом, решается вопрос о том, какие нормы применяются к юридическим фактам (в данном случае – защиты диссертации), имевшим место ранее, – новые или прежние.

Что же касается содержания анализируемого правила, то отметим следующее. Во-первых, данным правилом была решена коллизия, ранее возникшая в связи со снижением срока с 10 до 3 лет, – норме о 3-летнем сроке указанным правилом было придано ретроактивное действие. При этом законодатель, по существу, установил новый срок для подачи заявления о лишении ученой степени ретроактивного действия (3-летний срок, который был введен в 2011 г., никак не мог истечь к 1 января 2014 г.). Во-вторых, указывая на то, что истечение 3-летнего срока к 1 января 2014 г. является основанием для отказа в начале процедуры лишения степени, законодатель явно использовал аналогию со сложившимися в праве подходами к ответственности.

2014 г. дал еще один пример отношения государства к учету фактора времени в механизме лишения ученой степени.

В соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, заключенным в г. Москва 18 марта 2014 г. (далее – Договор), и Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ) в Российскую Федерацию была принята Республика Крым, со дня такого принятия образованы новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь, а также урегулированы различные правоотношения, связанные с влиянием данных обстоятельств на правовое положение бывших граждан Украины. Согласно ст. 9 Договора было установлено общее правило о том, что законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации действуют на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации (т.е., без ретроактивного действия по общему правилу).

Специально вопрос о действии документов, подтверждающих присуждение ученых степеней, а также о применении правил о лишении в Российской Федерации ученых степеней, ранее присужденных на территории Украины, Федеральный конституционный

закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ не регулировался. В нем была норма общего характера (ст. 12) о действии различных документов, «выданных государственными и иными официальными органами Украины, государственными и иными официальными органами Автономной Республики Крым, государственными и иными официальными органами города Севастополя», и при этом с ограничением действия их в пространстве – «на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Не был урегулирован вопрос *о применении правил о лишении в Российской Федерации ученых степеней, ранее присужденных на территории Украины*, после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации и в специальном нормативном правовом акте – Постановлении Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 723 «Об особенностях присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий лицам, признанным гражданами Российской Федерации в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Взаимное признание дипломов государственного образца об ученой степени кандидата наук и ученой степени доктора наук между Российской Федерацией и Украиной осуществляется на основе комплекса заключенных соглашений. Соответственно, исходя из этого взаимного признания, можно предположить (прямо этот вопрос не решен), что если гражданин одного государства лишен в нем ученой степени, то этот факт будет иметь значение и в другом государстве.

Однако ситуация с вхождением Республики Крым в Российскую Федерацию имеет свою специфику: граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на день принятия в Российскую Федерацию на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, были признаны гражданами Российской Федерации. Таким образом, возникает вопрос о том, *как регулировать вопрос о лишении ученой степени, ранее полученной по правилам (законодательству) Украины*: а) автоматически принимать во внимание решения о лишении ученой степени, принимаемые после 2014 г. на Украине в отношении ее бывших граждан, ставших гражданами Российской Федерации; б) принимать заявления о лишении ученой степени уже по российским правилам; в) регулировать вопрос иным образом.

Второй из указанных вариантов мог быть установлен только федеральным законом и только в качестве специального правила. Однако поскольку никакого специального правила не появилось, то можно констатировать, что, скорее всего, будет действовать первый вариант, что нам представляется не вполне правильным.

Существенные новации в части срока, в течение которого может быть направлено заявление о лишении ученой степени, произошли в 2016 г., когда был принят Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”». На основании этого закона

ряд научных и образовательных организаций не просто получили право самостоятельно присуждать ученые степени, но и среди прочего *устанавливать порядок лишения ученых степеней*. Таким образом, *общий 10-летний срок, предусмотренный Положением о присуждении ученых степеней, для лиц, защищающих диссертации в таких организациях, перестал действовать*. Любопытно отметить, что закон не указывал, что такие организации должны (могут) установить именно срок для подачи заявления о лишении ученой степени; по существу, данные организации были свободны (свободны и сейчас) в определении темпоральных норм устанавливаемого ими порядка лишения присужденной ученой степени.

Анализ имеющихся локальных нормативных актов, принятых научными и образовательными организациями, получившими право самостоятельного присуждения ученых степеней с 2016 г., показывает следующие подходы к определению темпоральных норм в механизме лишения ученой степени:

1) по месту расположения соответствующих положений:

а) абсолютное большинство организаций поместили соответствующие нормы в свои положения о порядке присуждения ученых степеней;

б) одна организация – федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации – пошла по пути принятия отдельного специального документа – Порядка лишения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук [31];

2) в части учета фактора времени для утраты возможности подачи заявления о лишении ученой степени, а также конкретных сроков:

а) установление 10-летнего срока со дня принятия решения о присуждении ученой степени для подачи заявления о лишении ученой степени. Таким путем, т.е. взяв за основу подходы, используемые федеральным законодателем, пошла основная масса научных и образовательных организаций;

б) установление 10-летнего срока со дня издания приказа о выдаче документа об ученой степени ее обладателю для подачи заявления о лишении ученой степени (Финансовый университет при Правительстве России) [31];

в) установление 10-летнего срок со дня принятия решения диссертационным советом с установлением определенного срока после принятия решения, ранее которого не может быть подано заявление о лишении ученой степени. Такой подход наблюдается у четырех организаций: Санкт-Петербургского государственного университета [32], федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» [33], федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» [34], федерального государственного автономного образовательного учреждения

высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)» [35]. Вот, к примеру, как выглядит соответствующее правило в п. 6.1 Положения о присуждении ученых степеней кандидата наук, доктора наук в МФТИ: «Заявление о лишении ученой степени МФТИ может быть подано физическим или юридическим лицом на имя ректора МФТИ на бумажном носителе или в электронной форме при условии использования электронной подписи в течение 10 лет, но по истечении 90 дней со дня принятия диссертационным советом решения о присуждении ученой степени...»;

г) отказ от установления давности рассмотрения вопросов о лишении присужденной ученой степени – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [36]. В Положении о присуждении ученых степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (п. 15.1) это правило выглядит следующим образом: «Диссертационный совет вправе аннулировать результаты защиты и принять решение о лишении ученой степени. Решение о лишении ученой степени может приниматься при обнаружении заимствования соискателем материалов или отдельных результатов без оформления соответствующих ссылок (плагиат), ставящего под сомнение самостоятельность всей диссертации, фальсификации данных или результатов исследования и (или) при наличии в диссертации недостоверных сведений об опубликованных соискателем ученой степени работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации. Срок давности по таким делам не устанавливается»;

д) отсутствие какого-либо регулирования. Такое положение наблюдается в двух организациях. Следовательно, возникает правовая неопределенность в вопросе о том, могут ли лица, получившие ученые степени в таких организациях, быть вообще их лишены.

Итак, как хорошо видно из приведенного анализа, в настоящее время в российском праве:

- отсутствует общая политико-правового характера идея о влиянии времени на утрату возможности начать (инициировать) процедуру лишения ученой степени;

- присутствует многообразие подходов в части учета фактора времени для утраты возможности начать (инициировать) процедуру лишения ученой степени;

- подходы реализуются в рамках подзаконного регулирования, а также локальных нормативных актов научных и образовательных организаций, получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней, а не в рамках специального федерального закона;

- в тех случаях, когда подзаконные акты признают истечение промежутка времени в качестве основания для отказа в начале процедуры лишения ученой степени, подходы к определению конкретных промежутков времени (сроков) также различны.

Процедурные сроки. Сроки, в течение которых происходит рассмотрение заявления о лишении уче-

ной степени (включая и оценку приемлемости заявления, и саму процедуру, если заявление принято к рассмотрению), весьма разнообразны. Это разнообразие, понятное дело, зависит от того, кем осуществляется процедура – уполномоченным федеральным органом (в отношении ученых степеней, присужденных диссертационными советами, созданными его приказами) или организацией, получившей право самостоятельного присуждения ученой степени.

Однако есть одно общее обстоятельство, что объединяет все процедурные сроки (по крайней мере, в настоящее время), – отсутствие «привязки» таких сроков и срока подачи заявления о лишении ученой степени (в тех случаях, когда такой срок установлен), соответственно:

- если заявление о лишении ученой степени подано в течение такого срока (к примеру, в течение 10-летнего срока), то начинается процедура его рассмотрения;

- если процедура рассмотрения такого заявления «выйдет» за пределы данного срока (к примеру, 10-летнего срока), то это правового значения иметь не будет, в том числе и для характера решения (удовлетворить или отказать);

- принятие заявления о лишении ученой степени не прерывает и не приостанавливает течение срока для подачи заявления о лишении ученой степени; таким образом, если в удовлетворении заявления будет отказано, срок для подачи заявления не подлежит продлению.

В такой логике продолжительность самой процедуры рассмотрения заявления о лишении ученой степени может быть сколь угодно долгой.

Для примера, рассмотрим систему процедурных сроков, установленную Положением о присуждении ученых степеней и Положением о диссертационном совете. Этими документами установлены в настоящее время такие сроки:

- срок направления лицу, подавшему заявление о лишении ученой степени, уведомления об отказе в его рассмотрении – в течение 30 дней со дня поступления заявления (п. 69 Положения о присуждении ученых степеней);

- срок исполнения Федеральным государственным автономным научным учреждением «Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти» запроса Минобрнауки России о направлении в электронной форме диссертации лица, в отношении которого подано заявление о лишении ученой степени, – в течение 10 дней со дня получения соответствующего запроса (п. 70 Положения о присуждении ученых степеней);

- срок возврата лицу, подавшему заявление о лишении ученой степени, дополнительных доводов, в случае если они поступили после передачи заявления о лишении ученой степени в диссертационный совет, – в течение 30 дней со дня их поступления (п. 71 Положения о присуждении ученых степеней);

- общий срок (с учетом возможности его продления) рассмотрения диссертационным советом материалов по лишению ученой степени, направленных из Минобрнауки России, – не позднее 2 месяцев со дня

получения извещения и прилагаемых к нему документов и материалов² (п. 70 Положения о присуждении ученых степеней, п. 70 Положения о диссертационном совете), сроки внутри этого общего срока и иные сроки, имеющие отношение к процедуре рассмотрения диссертационным советом материалов Минобрнауки России, а именно:

а) срок извещения автора (авторов) заявления о лишении ученой степени лица, в отношении которого подано заявление, и других лиц, которые имеют непосредственное отношение к существу вопросов, поставленных в заявлении, – не позднее, чем за 15 дней до проведения заседания диссертационного совета (п. 69 Положения о диссертационном совете);

б) срок, в течение которого диссертационный совет направляет лицу, подавшему заявление о лишении ученой степени, и лицу, в отношении которого подано это заявление, копии заключения диссертационного совета о результатах его рассмотрения, – не позднее одного месяца со дня заседания диссертационного совета по рассмотрению заявления о лишении ученой степени (п. 70 Положения о диссертационном совете);

– общий срок (с учетом положений о его продлении), в течение которого Минобрнауки России обязано принять решение о лишении ученой степени после поступления документов и материалов из диссертационного совета, – не более 6 месяцев со дня поступления³ (абз. 5 п. 76 Положения о присуждении ученых степеней);

– срок, не позднее которого лицо, подавшее заявление, и лицо, в отношении которого подано заявление, приглашаются на заседание экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее, соответственно, экспертный совет и ВАК России), – не позднее, чем за 10 дней до дня соответствующего заседания (п. 72 Положения о присуждении ученых степеней);

– срок направления Минобрнауки России копии заключения экспертного совета лицу, в отношении которого подано заявление, и лицу, подавшему заявление по их требованию, – не позднее 30 дней со дня получения соответствующего запроса (п. 72 Положения о присуждении ученых степеней);

– срок направления Минобрнауки России лицу, подавшему заявление, и лицу, в отношении которого подано заявление, диссертационному совету, в отношении решения которого о присуждении ученой степени подано заявление, по их заявлениям копии рекомендации по заявлению о лишении ученой степени – не позднее одного месяца со дня регистрации обращения в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (п. 74 Положения о присуждении ученых степеней);

– срок, за который лицо, подавшее указанное заявление, и лицо, в отношении которого подано это заявление, приглашаются на заседание ВАК России, в том числе повторно, – не менее, чем за 10 дней до дня заседания (п. 75 Положения о присуждении ученых степеней).

Оценивая указанные процедурные сроки, нельзя не отметить несколько важных моментов. Во-первых, хорошо видно, что нормативные правовые акты не

фиксируют продолжительность всей процедуры рассмотрения заявления о лишении ученой степени. Это подтверждает сделанный ранее вывод о том, что законодатель придерживается той логики, что процедурные сроки никак не «привязаны» к сроку для подачи заявления о лишении ученой степени. Во-вторых, очевидна некоторая диспропорция между сроками для рассмотрения материалов диссертационным советом и Минобрнауки России; она отчасти смягчается возможностью продления сроков для диссертационных советов, однако, как думается, более продолжительные сроки (и это показывает опыт) для рассмотрения вопроса о лишении ученой степени диссертационным советом следует установить изначально (и желательно в рабочих днях).

Сроки ограничения права (последствие удовлетворения заявления о лишении ученой степени). Этот вид срока формально не является частью механизма лишения ученой степени, но представляет собой важное последствие принятия решения об удовлетворении заявления о лишении ученой степени.

Пункт 13 Положения о диссертационном совете указывает, что членом диссертационного совета не может быть специалист, являвшийся научным руководителем (консультантом) лица, в отношении которого Минобрнауки России в течение пяти лет, предшествующих представлению ходатайства организации о выдаче разрешения на создание диссертационного совета или об изменении состава диссертационного совета, принято решение о лишении ученой степени. В основе такого подхода – представление о необходимости ответственности научных руководителей и других лиц в случае выявления серьезных нарушений в процессе подготовки и защиты диссертаций, указанное, сформулированное в проекте Концепции модернизации системы аттестации научных кадров высшей квалификации 2013 г.

Принципиально указанный подход не вызывает возражений. Однако вызывает возражение уровень документа, в котором данное положение нашло свое закрепление – ведомственный нормативный правовой акт. С нашей точки зрения, это неприемлемо, поскольку существо данного нормативного положения – это ограничение, которое вводится для определенного лица на реализацию своих профессиональных интересов. Как и любое ограничение такого рода, оно может и должно быть установлено только и исключительно федеральным законом. В нынешнем своем виде (будучи частью ведомственного нормативного правового акта) это положение явным образом не соответствует Конституции РФ, а потому не подлежит применению.

Заключение. Анализ темпоральных элементов механизма лишения ученой степени дает основание для многих важных выводов.

В первую очередь, наиболее интересна для анализа ситуация со сроком, в течение которого может быть направлено заявление о лишении ученой степени.

К какому правовому явлению относится установленный нормативными актами период времени, и как его, соответственно, правильно называть? С нашей

точки зрения, перед нами *пример «давности»*. В основу такого вывода положен как анализ действующих нормативных положений, так и анализ общетеоретических исследований о времени и праве, и конкретно о давности [37–39 и др.]. Давность – это юридическая конструкция, отражающая влияние времени на правоотношения; цель ее установления – сохранение возникших и существующих отношений (правоотношений), неизменности правового положения или правового статуса субъекта права (к примеру, в виде отказа «от уголовного преследования определенной категории лиц и прекращения в отношении них уголовных дел» (Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2017 г. № 4-П, Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 591-О-О)).

Основания для установления давности для различных правоотношений также различны. Для уголовного права такие основания – нецелесообразность применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения (Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 1220-О, от 5 июня 2014 г. № 1309-О и др.); в гражданском праве – обеспечение стабильности, определенности и предсказуемости правового статуса субъектов гражданских правоотношений и гражданского оборота (к примеру, см.: определение Конституционного Суда РФ от 3 октября 2006 г. № 439-О и др.).

Определение конкретных отрезков времени (сроков давности) – это прерогатива законодателя. К примеру, как отмечалось Конституционным Судом РФ (Постановление от 5 марта 2019 г. № 14-П) в части сроков исковой давности, законодатель «в пределах своей дискреции вправе устанавливать, изменять и отменять сроки исковой давности в зависимости от цели правового регулирования и дифференцировать их при наличии к тому объективных и разумных оснований, а также закреплять порядок их течения во времени, с тем чтобы обеспечивались возможность исковой защиты права, стабильность и предсказуемость правового статуса субъектов правоотношений».

Дискреция законодателя реализуется через установление общего срока исковой давности (ст. 196 ГК РФ), специальных сроков исковой давности – сокращенных или более длительных по сравнению с общим сроком (ст. 197 ГК РФ), а также установление требований, на которые исковая давность не распространяется вообще (ст. 207 ГК РФ). Дискреция законодателя в части давности хорошо видна и в содержании ст. 78 УК РФ, где: а) истечение определенных сроков со дня совершения преступления признается основанием для освобождения лица от уголовной ответственности; б) по отдельным преступлениям вопрос о применении сроков давности решается судом (к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы); в) наконец, есть группа преступлений, за совершение которых сроки давности вообще не применяются.

Должен ли институт давности применяться для случаев лишения ученой степени? Говоря иначе, яв-

ляется ли истечение промежутка времени, определенного нормой длительности (срок), основанием для отказа в принятии заявления о лишении ученой степени?

На этот вопрос иногда дается отрицательный ответ, чаще всего со ссылками на то, что применение давности – это основание ухода от ответственности «плагиаторов» [40. С. 86–87; 41. С. 16 и др.].

С нашей точки зрения, простой отказ от применения давности – это не самый оптимальный путь. Во-первых, основания для лишения ученой степени не исчерпываются только установлением фактов так называемых некорректных заимствований; есть и иные основания. Кроме того, как показывает анализ случаев рассмотрения заявлений о лишении ученой степени в связи с наличием «некорректных заимствований», объем такого заимствования может быть различен, возникает много споров и о том, что конкретно считать таким заимствованием; соответственно, всякий раз при выдвижении претензий к той или иной работе в части наличия в ней указанного вида заимствований требуется индивидуальная и тщательная научно-правовая экспертиза. Во-вторых, давность используется в отечественном праве даже для случаев отказа государства от уголовного преследования лица, совершившего преступление; как отмечается теоретиками права, «преступник не может бесконечное время находиться под угрозой наказания» [37. С. 25 и др.]; вряд ли нарушения, которые служат основанием для подачи заявления о лишении ученой степени, являются более общественно опасными по своей природе, чем преступления, а потому не требующими применения давности. В-третьих, применение давности вовсе не является основанием для того, чтобы считать диссертацию безупречной, т.е. ни о какой «амнистии», о которой обычно пишут авторы, критикуя наличие давности, говорить не приходится. В принципе, можно подумать о том, чтобы для лиц, совершивших при подготовке и защите диссертаций нарушения, являющиеся основанием для лишения ученой степени (обнаружение тех же некорректных заимствований), наступали (были предусмотрены законом или этическими нормами для определенных сфер общественной жизни) иные негативные последствия. В институт давности, как думается, проблема вовсе «не упирается».

При этом, с нашей точки зрения, абсолютно точно требуется пересмотр действующего регулирования, с учетом, среди прочего, тех подходов, которые используют в своих локальных нормативных актах научные и образовательные организации, получившие право самостоятельного присуждения ученых степеней, а также при приоритете результатов научной экспертизы.

Можно предложить следующее концептуальное видение:

1) отказ от мозаичного подхода в регулировании давности; перенесение в Закон о науке общих положений о лишении степени, в том числе и о давности. Правила о давности должны быть едины для всех организаций в Российской Федерации, диссертационные советы, созданные при которых, присуждают ученую степень;

2) высшая аттестационная комиссия должна стать *единым органом для рассмотрения заявлений о лишении ученой степени вне зависимости от того, кем была присуждена ученая степень* – диссертационным советом, созданным Минобрнауки России, или диссертационным советом научной или образовательной организации, получившей право самостоятельного присуждения ученой степени;

3) как общее правило давность при этом следует сохранить:

– продолжительность отрезка времени (срока давности), требующего отдельного обсуждения. Вопрос о том, какие сроки давности являются оптимальными, в принципе – это большая теоретическая проблема: как выбрать срок, чтобы он был разумным, имел под собой «какую-либо объективную основу», способствовал эффективному регулированию отношений в соответствующей сфере [37. С. 24–25]. В праве высказана точка зрения о том, что любой срок давности «не может быть кратким» [42. С. 30]. Как уже было отмечено выше, использовать в качестве аналогии какой-то отраслевой подход вряд ли возможно, в каждой отрасли теоретические подходы установления сроков давности свои. Как вариант для начала дискуссии можно рассмотреть предложение о сохранении 10-летнего срока. В пользу этого указывает сложившаяся уже практика (традиция). Кроме того, в настоящее время все диссертации предварительно размещаются на информационных ресурсах, а потому не требуется много времени для поиска текстов; не требуется много усилий и для поиска реальных «некорректных заимствований» – информационные техноло-

гии достигли такого развития, когда анализ текста не занимает продолжительного времени;

– применение давности для случаев наличия «некорректных заимствований», которое может и должно быть ограничено; при этом, с нашей точки зрения, вопрос о применении давности может быть отдан на усмотрение Высшей аттестационной комиссии (по аналогии с нормами ст. 78 УК РФ, когда по некоторым преступлениям вопрос о применении давности решается судом). Такая конструкция позволяла бы опираться в вопросе о лишении ученой степени на результаты научной экспертизы.

Рассмотрение срока для направления заявления о лишении ученой степени как примера давности требует рассмотрения целесообразности установления правил о перерыве, приостановлении и восстановлении этого срока, что в той или степени имеет место для различных случаев давности. Соответственно, при введении соответствующих положений потребуется определенное изменение и процедурных сроков. В целом, подход, когда процедура рассмотрения заявления о лишении ученой степени может быть продолжительной, следует сохранить, главным образом, для того, чтобы провести необходимую экспертизу как аргументов заявителей, так и диссертационного исследования.

Наконец, как уже было отмечено выше, установление в качестве последствий принятия решения об удовлетворении заявления о лишении ученой степени, ограничений для отдельных лиц входить в состав диссертационных советов, а также иных ограничений возможно только на уровне закона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Изучение более ранних источников регулирования вопросов аттестации научных кадров в СССР показывает отсутствие такого срока.

² Указанный срок может быть продлен по ходатайству организации, на базе которой создан диссертационный совет, рассматривающий заявление о лишении ученой степени, при отсутствии возможности участия в заседании диссертационного совета необходимого количества членов диссертационного совета по уважительным причинам.

³ Указанный срок может быть продлен в случае запроса дополнительных сведений, необходимых для рассмотрения заявления о лишении ученой степени, а также направления заявления о лишении ученой степени и поступивших по нему документов и материалов в другой диссертационный совет для получения дополнительного заключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольное сетевое сообщество «Диссернет». URL: <https://www.dissernet.org/>
2. Грачева Е.Ю., Васильева Т.А. Повышение качества диссертационных исследований: новые требования, новые проблемы. Интервью с Председателем экспертного совета ВАК по праву // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 13(1). С. 11–21.
3. Ростовцев А.Ф. Диссернет. Экспериментальная социология // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3-4 (118). С. 127–138.
4. Пархоменко С. «Диссернет»: 5 самых ярких кейсов. URL: https://www.dissernet.org/publications/ou_5cazusov.htm
5. Муравьев А. Как (не) работает ВАК и его президиум: заметки бывшего инсайдера // Троицкий вариант. 2019. URL: <https://trv-science.ru/2019/07/kak-ne-rabotaet-vak-i-ego-prezidium/>
6. Габов А.В. О новизне результатов диссертационных исследований по праву // Юридическое образование и наука. 2019. № 7. С. 28–38.
7. Габов А.В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 48–88.
8. Капица С.П., Фортов В.Е., Емельяненко А.Ф. Аппетит приходит во время беды? Ученые предупреждают: поспешная реформа ВАК принесет волну халтурных диссертаций // Экономика образования. 2012. № 4. С. 115–118.
9. Ткачевский Ю.М. Давность в советском уголовном праве. М., 1978. 128 с.
10. Орлов Д.В. Давность привлечения к уголовной ответственности по уголовному праву России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.
11. Махмудова М.А. Сроки давности в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2011. 28 с.
12. Сагитдинова З.И. Институт давности преступления по уголовному праву России : история и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 25 с.
13. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М., Статут, 1997. 290 с.
14. Ринг М.П. Исковая давность в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. 17 с.
15. Лантух В.В. Исковая давность в современном гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 27 с.
16. Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 24 с.

17. Терещенко Т.А. Понятие исковой давности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
18. Грибков Д.А. Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
19. Коваленко Е.С. Законодательство об исковой давности в России : историко-теоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2010. 25 с.
20. Романчук С.В. Коллизии института исковой давности в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011. 24 с.
21. Ильичев П.А. Исковая давность. Проблемы теории и правоприменительной практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 171 с.
22. Савин К.Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 204 с.
23. Мещерякова Т.Р. Сроки в законодательстве об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 24 с.
24. Косарева Н.В. Сроки в производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
25. Субачев А.К. Сроки давности привлечения к административной ответственности и порядок их исчисления в ракурсе конституционно-правовых принципов // *Lex russica*. 2021. Т. 74, № 1. С. 32–43.
26. Архипов А.А. Сроки в налоговом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 21 с.
27. Базаров Б.Б. Давность в российском налоговом праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 214 с.
28. Шаховская Л.С. Подготовка научных кадров высшей квалификации: по ту сторону высшей аттестационной комиссии // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 36. С. 55–59.
29. Цатурян А. Диссертационная онкология, или ученые против амнистии липовых диссертаций // *Троицкий вариант*. 2014. № 146. С. 1. URL: <https://trv-science.ru/2014/01/dissertatsionnaya-onkologiya-ili-uchenye-protiv-amnistii-lipovykh-dissertatsij/>
30. Лихолетов В.В., Пестунов М.А. Псевдоинновации и конфликты интересов в инновационной сфере современной России как угроза национальной безопасности // *Управление в современных системах*. 2020. № 4(28). С. 89–99.
31. Порядок лишения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук, утвержденный приказом Финуниверситета от 14 мая 2018 г. № 1057/0. URL: http://www.fa.ru/org/div/uank/Documents/docs/Приказ%20№%201057_о%20от%2014.05.2018%20об%20утверждении%20Порядка%20лишения%20уч.%20степ.%20канд.%20наук,%20уч.%20степ.%20докт.наук.pdf (дата обращения: 03.04.2021).
32. Порядок присуждения в Санкт-Петербургском государственном университете ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук (приказ от 1 сентября 2016 г. № 6821/1). URL: https://spbu.ru/sites/default/files/20160901_6821_1.pdf (дата обращения: 03.04.2021).
33. П 710.05-19 Положение о порядке присуждения ученых степеней в НИТУ «МИСиС» выпуск 2, утвержденное решением Ученого совета НИТУ «МИСиС» 19 сентября 2019 г. URL: https://misis.ru/files/-/60c680f5181e529a8c9186001ecf8f3e/p_710_05_19_polozenie_o_poryadke_prisuzhdeniya_uchenyh_step.pdf (дата обращения: 03.04.2021).
34. Положение о порядке присуждения ученых степеней в МГИМО МИД России (приложение № 1 к приказу от 25 апреля 2019 г. № 414, в редакции приказа от 10 октября 2019 г. № 999. URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2019/poryadok-vkr-2019-10-10.pdf> (дата обращения: 03.04.2021).
35. Положение о присуждении ученых степеней кандидата наук, доктора наук в МФТИ, утвержденное приказом ректора МФТИ от 27 марта 2020 г. № 600-1. URL: <https://mipt.ru/education/post-graduate/polozenie-PhD.php> (дата обращения: 03.04.2021).
36. Положение о присуждении ученых степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (приложение к приказу НИУ ВШЭ от 16 апреля 2018 г. № 6.18.1-01/1604-07; утверждено ученым советом НИУ ВШЭ 30 марта 2018 г. № 3). URL: <https://www.hse.ru/docs/218589582.html> (дата обращения: 03.04.2021).
37. Торопкин С.А. Давность в российском праве : Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 29 с.
38. Чепик А.В. Давность как юридическая конструкция : теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
39. Догадайло Е.Ю. Время и право : теоретико-правовое исследование : дис. ... д-р юрид. наук. М., 2013. 507 с.
40. Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г. Современное лицо плагиата // *Право будущего : Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет*. 2018. № 1. С. 83–91.
41. Стенограмма парламентских слушаний на тему «О проекте федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» // *Инновации*. 2018. № 4 (234). С. 3–21.
42. Торопкин С.А. Сроки давности в российском праве: общеправовой анализ // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2008. № 1 (4). С. 23–30.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 июня 2021 г.

Temporal Elements of the Institution of the Withdrawal of an Academic Degree

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 223–234.

DOI: 10.17223/15617793/471/26

Andrey V. Gabov, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: gabov@igpran.ru / gabov@bsu.edu.ru

Keywords: state system of scientific attestation; academic degree; dissertation; dissertation council; withdrawal of academic degree; prescription.

The article explores the temporal elements of the existing mechanism of the withdrawal of an academic degree. The author carefully examines the temporal elements of the mechanism. An important element of the state system of scientific attestation is the institution of the withdrawal of academic degrees. Since 2013, there have been significantly more cases of its application, which is due to the close attention of the scientific community to the cases of the use of the so-called “incorrect borrowings” in scientific works. Accordingly, thoroughness is required in describing regulations governing the degree withdrawal and its temporal elements. The most interesting temporal element in the degree withdrawal is the deadline for submitting an application for the procedure. Such a period is an example of the use of the statute of limitations. In domestic law, we have seen its application in the system of scientific certification since 1989. Initially, this period was set at 10 years. The same period was defined in the first post-Soviet acts regulating the system of scientific certification. However, in 2011, this period was radically reduced to 3 years without any explanation; then, in 2013, the current regulation on awarding academic degrees was adopted, which again (proactively) established a 10-year period. For previously defended dissertations, the norm is established that the application for the degree withdrawal is subject to rejection if the 3-year period has expired by January 1, 2014. Such rapid changes in the terms caused considerable criticism from the scientific community, which pointed out that this created opportunities for avoiding responsibility of those who stole other people’s scientific results. One of the suggestions was to cancel the expiry term in general. Since 2016, many scientific and educational organizations have received the right to independently award academic degrees. In particular, they received the right to regulate the issues of the

withdrawal of an academic degree (including the deadline for submitting an application for the degree withdrawal). As a result, several dozen local regulations of such organizations were adopted, in which different approaches were used. Thus, currently, Russia has no uniform approaches to determining the limitation period for the withdrawal of an academic degree. The author shows that the proposal to completely abandon the use of the statute of limitations in the system of scientific certification is not an optimal solution. This time limit should be maintained, but made more flexible. It is necessary to establish a single deadline for submitting an application for the withdrawal of an academic degree, regardless of where the dissertation was defended. It is necessary to define the higher attestation commission as a single scientific and expert body for considering applications for the withdrawal of an academic degree and decision-making.

REFERENCES

1. Vol'noe setevoye soobshchestvo "Dissernet" [Dissernet free network community]. [Online] Available from: <https://www.dissernet.org/>
2. Gracheva, E.Yu. & Vasil'eva, T.A. (2018) Povyshenie kachestva dissertatsionnykh issledovaniy: novye trebovaniya, novye problemy. Interv'y u Predsedatelem ekspertnogo soveta VAK po pravu [Improving the quality of dissertation research: new requirements, new problems. Interview with the Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission on Law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 13(1). pp. 11–21.
3. Rostovtsev, A.F. (2014) Dissernet. Eksperimental'naya sotsiologiya [Dissernet. Experimental sociology]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 3-4 (118). pp. 127–138.
4. Parkhomenko, S. (2016) "Dissernet": 5 samykh yarkikh keysov [Dissernet: 5 most striking cases]. [Online] Available from: https://www.dissernet.org/publications/ou_5cazov.htm
5. Murav'ev, A. (2019) Kak (ne) rabotaet VAK i ego prezidium: zametki byvshego insaydera [How the Higher Attestation Commission and its presidium (do not) work: notes of a former insider]. [Online] Available from: <https://trv-science.ru/2019/07/kak-ne-rabotaet-vak-i-ego-prezidium/>
6. Gabov, A.V. (2019) On the Novelty of Dissertation Researches in Law. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal Education and Science*. 7. pp. 28–38. (In Russian).
7. Gabov, A.V. (2020) State System of Scientific Attestation as a Subject of Legal Regulation in the Post-soviet Time. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy – Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2. pp. 48–88. (In Russian).
8. Kapitsa, S.P., Fortov, V.E. & Emel'yanenkov, A.F. (2012) Appetit prikhodit vo vremya bedy? Uchenye preduprezhdayut: pospeshnaya reforma VAK prineset volnu khalturnykh dissertatsiy [Appetite comes in time of trouble? Scholars' warning: hasty reform of the Higher Attestation Commission will bring a wave of hacky dissertations]. *Ekonomika obrazovaniya*. 4. pp. 115–118.
9. Tkachevskiy, Yu.M. (1978) *Davnost' v sovetskom ugodnom prave* [Prescription in Soviet criminal law]. Moscow: Moscow State University.
10. Orlov, D.V. (2008) *Davnost' privilecheniya k ugodnoy otvetstvennosti po ugodnomu pravu Rossii* [Statute of limitations for bringing to criminal responsibility under the criminal law of Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
11. Makhmudova, M.A. (2011) *Sroki davnosti v ugodnom prave Rossii* [Statute of limitations in the criminal law of Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Makhachkala.
12. Sagitdinova, Z.I. (2012) *Institut davnosti prestupleniya po ugodnomu pravu Rossii: istoriya i sovremennost'* [The institute of limitation of action on a crime in the criminal law of Russia: history and modernity]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
13. Meyer, D.I. (1997) *Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch.* [Russian civil law: in 2 parts]. Pt 1. Moscow: Statut.
14. Ring, M.P. (1952) *Iskovaya davnost' v sovetskom grazhdanskom prave* [Limitation of action in Soviet civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
15. Lantukh, V.V. (1999) *Iskovaya davnost' v sovremenom grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii* [Limitation of action in the modern civil law of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
16. Lebedeva, K.Yu. (2003) *Iskovaya davnost' v sisteme grazhdansko-pravovykh srokov* [Limitation of action in the system of civil law limits]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
17. Tereshchenko, T.A. (2006) *Ponyatie iskovoy davnosti* [The concept of limitation of action]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
18. Gribkov, D.A. (2009) *Iskovaya davnost' i sroki obrashcheniya v sud v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Limitation of action and limits of going to court in civil proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
19. Kovalenko, E.S. (2010) *Zakonodatel'stvo ob iskovoy davnosti v Rossii: istoriko-teoreticheskiy analiz* [Legislation on the limitation of action in Russia: historical and theoretical analysis]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
20. Romanchuk, S.V. (2011) *Kollizii instituta iskovoy davnosti v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii* [Collisions of the limitation of action in the civil law of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
21. Il'ichev, P.A. (2014) *Iskovaya davnost'. Problemy teorii i pravoprimenitel'noy praktiki* [Limitation of action. Problems of theory and law enforcement practice]. Law Cand. Diss. Moscow.
22. Savin, K.G. (2019) *Iskovaya davnost' v sovremenom otechestvennom i zarubezhnom grazhdanskom prave* [Limitation of action in modern domestic and foreign civil law]. Law Cand. Diss. Moscow.
23. Meshcheryakova, T.R. (2011) *Sroki v zakonodatel'stve ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Limits in the legislation on administrative offenses]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
24. Kosareva, N.V. (2013) *Sroki v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Limits in the proceedings on cases of administrative offenses]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
25. Subachev, A.K. (2021) Statutes of Limitations on Bringing to Administrative Responsibility and the Procedure for their Calculation in the Context of Constitutional Law Principles. *Lex Russica*. 74 (1). pp. 32–43. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.032-043
26. Arkhipov, A.A. (2010) *Sroki v nalogovom prave* [Limits in tax law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
27. Bazarov, B.B. (2015) *Davnost' v rossiyskom nalogovom prave* [Prescription in Russian tax law]. Law Cand. Diss. Moscow.
28. Shakhovskaya, L.S. (2013) Podgotovka nauchnykh kadrov vysshey kvalifikatsii: po tu storonu vysshey attestatsionnoy komissii [Training of highly qualified scholars: on the other side of the Highest Attestation Commission]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 36. pp. 55–59.
29. Tsaturyan, A. (2014) Dissertatsionnaya onkologiya, ili uchenye protiv amnistii lipovykh dissertatsiy [Dissertation oncology, or scholars against the amnesty of fake dissertations]. *Troitskiy variant*. 146. pp. 1. [Online] Available from: <https://trv-science.ru/2014/01/dissertatsionnaya-onkologiya-ili-uchenye-protiv-amnistii-lipovykh-dissertatsiy/>
30. Likholetov, V.V. & Pestunov, M.A. (2020) Pseudoinnovations and Conflicts of Interest in the Innovative Sphere of Modern Russia as Threat to National Security. *Upravleniye v sovremennykh sistemakh*. 4(28). pp. 89–99. (In Russian). DOI: 10.24411/2311-1313-2020-10016
31. Financial University. (2018) *Poryadok lisheniya uchenoy stepeni kandidata nauk, uchenoy stepeni doktora nauk, utverzhdenyy prikazom Finuniversiteta ot 14 maya 2018 g. № 1057/0* [The procedure for withdrawing the academic degree of a candidate of sciences, the scientific degree of a doctor of sciences, approved by order of the Financial University of May 14, 2018 No. 1057/0]. [Online] Available from: http://www.fa.ru/org/div/uank/Documents/docs/Prikaz%20№%201057_0%20ot%2014.05.2018%20ob%20utverzhdenii%20Poryadka%20lisheniya%20uch.%20step.%20kand.%20nauk,%20uch.%20dokt.nauk.pdf (Accessed: 03.04.2021).
32. St. Petersburg State University. (2016) *Poryadok prisuzhdeniya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete uchenoy stepeni kandidata nauk, uchenoy stepeni doktora nauk (prikaz ot 1 sentyabrya 2016 g. № 6821/1)* [The procedure for awarding the degree of candidate of sciences,

- the degree of doctor of sciences at St. Petersburg State University (order of September 1, 2016 No. 6821/1)]. [Online] Available from: https://spbu.ru/sites/default/files/20160901_6821_1.pdf (Accessed: 03.04.2021).
33. MISIS. (2019) *P 710.05-19 Polozhenie o poryadke prisuzhdeniya uchenykh stepeney v NITU "MISiS" vypusk 2, utverzhdennoe resheniem Uchenogo soveta NITU "MISiS" 19 sentyabrya 2019 g.* [P 710.05-19 Regulations on the procedure for awarding academic degrees at NRTU MISIS, issue 2, approved by the decision of the NRTU MISIS Academic Council on September 19, 2019]. [Online] Available from: https://misis.ru/files/-/60c680f5181e529a8c9186001ecf8f3e/p_710_05_19_polozhenie_o_poryadke_prisuzhdeniya_uchenyh_step.pdf (Accessed: 03.04.2021).
 34. MGIMO. (2019) *Polozhenie o poryadke prisuzhdeniya uchenykh stepeney v MGIMO MID Rossii (prilozhenie № 1 k prikazu ot 25 aprelya 2019 g. № 414, v redaktsii prikaza ot 10 oktyabrya 2019 g. № 999* [Regulations on the procedure for awarding academic degrees at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Appendix No. 1 to Order No. 414 of April 25, 2019, as amended by Order No. 999 of October 10, 2019)]. [Online] Available from: <https://mgimo.ru/upload/diss/2019/poryadok-vkr-2019-10-10.pdf> (Accessed: 03.04.2021).
 35. MIPT. (2020) *Polozhenie o prisuzhdenii uchenykh stepeney kandidata nauk, doktora nauk v MFTI, utverzhdennoe prikazom rektora MFTI ot 27 March 2020 № 600-1* [Regulations on the awarding of academic degrees of candidate of science, doctor of science at MIPT, approved by order of the rector of MIPT of March 27, 2020, No. 600-1]. [Online] Available from: <https://mipt.ru/education/post-graduate/polozhenie-PhD.php> (Accessed: 03.04.2021).
 36. HSE. (2018) *Polozhenie o prisuzhdenii uchenykh stepeney v Natsional'nom issledovatel'skom universitete "Vysshaya shkola ekonomiki" (prilozhenie k prikazu NIU VShE ot 16 aprelya 2018 g. № 6.18.1-01/1604-07; utverzhdeno uchenym sovetom NIU VShE 30 marta 2018 g. № 3).* [Regulations on awarding academic degrees at the National Research University Higher School of Economics (Appendix to HSE Order No. 6.18.1-01/1604-07 of April 16, 2018; approved by the HSE Academic Council on March 30, 2018 No. 3)]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/docs/218589582.html> (Accessed: 03.04.2021).
 37. Toropkin, S.A. (2004) *Davnost' v rossiyskom prave: Problemy teorii i praktiki* [Prescription in Russian law: Problems of theory and practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
 38. Chepik, A.V. (2009) *Davnost' kak yuridicheskaya konstruktsiya: teoretiko-pravovoy analiz* [Prescription as a legal construction: theoretical and legal analysis]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
 39. Dogadaylo, E.Yu. (2013) *Vremya i pravo: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Time and law: theoretical and legal research]. Law Dr. Diss. Moscow.
 40. Afanas'eva, E.G. & Dolgikh, M.G. (2018) *Sovremennoe litso plagiata* [The modern face of plagiarism]. *Pravo budushchego: Intellektual'naya sobstvennost', innovatsii, Internet*. 1. pp. 83–91.
 41. *Innovatsii*. (2018) Stenogramma parlamentskikh slushaniy na temu "O proekte federal'nogo zakona "O nauchnoy, nauchno-tehnicheskoy i innovatsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii" [Transcript of parliamentary hearings on the draft federal law "On scientific, technical, and innovative activities in the Russian Federation"]. 4 (234). pp. 3–21.
 42. Toropkin, S.A. (2008) *Sroki davnosti v rossiyskom prave: obshchepravovoy analiz* [Statute of limitations in Russian law: general legal analysis]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 1 (4). pp. 23–30.

Received: 15 June 2021

В.Ф. Енгальчев, О.В. Зайцева

ВЫЯВЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ ДЕШИФРОВКИ НАИМЕНОВАНИЙ И ТЕГОВ

Рассматриваются способы маркировки детской порнографии. Материалом проведенного исследования послужили 3 000 тегов, взятых с порносайта «XVideos», и 678 названий файлов, содержащих детскую порнографию. Установлены две стратегии обозначения возраста при помощи тегов на порносайтах: через прямое указание на возраст и через размытие возрастного критерия. Отмечается, что в маркировке детской порнографии возрастными критериями не размывается.

Ключевые слова: судебная экспертиза; детская порнография; маскировка; криптолalia; теги

Введение

В современной криминалистике и судебной экспертизе все более актуальным становится дифференция и углубление предметной сферы различных криминалистических и судебно-экспертных специальностей, вплоть до выделения новых направлений [1], а также расширение сотрудничества экспертов и специалистов различных научно-прикладных областей, осуществляемой как в межведомственных научных коллективах, так и составе комплексных экспертных комиссий. Как правило, это происходит при возникновении новых запросов практики, стремительное развитие которой намного обгоняет ее теоретическое осмысление и методическое обеспечение.

Одной из таких сфер, где требуется одновременно комплексность и предметное углубление, является сфера экспертного исследования порнографии, различных действий сексуального характера, педофилии и т.п. При этом показательна широкая востребованность в специалистах, обладающих специальными познаниями как в сфере уголовно-процессуальной [2], так и в сфере гражданско-процессуальной [3]. При этом отдельную трудность представляет собой выделение предмета судебной экспертизы или исследования специалиста, так как, как правило, интенция, цель, средства, способы, контент и другие составляющие реализации преступного умысла подвергаются кодированию или маскировке. В особенности это относится к таким кейсам (оперативным или судебным делам), когда коммуникация происходит в виртуальном пространстве, в частности в интернете. Поэтому эксперт (специалист) должен обладать особой компетенцией выявления такого предмета, и необходимо обучать технике такого выявления.

В частности, выявление контента, относящегося к детской порнографии (ДП), в виртуальном пространстве осуществляется по ключевым словам – вне зависимости от того, проводится ли поиск вручную или через программы-сканеры (ZEUS) и программно-аппаратный комплекс (Belkasoft, UFED, Cellebrite, XRY). В настоящее время рядом исследователей предприняты попытки изучения стратегий маркировки фото- и видеоконтента порнографической продукции с участием несовершеннолетних в виртуальном пространстве [4–8]. Глобализация виртуального пространства сделала порнографию международным феноменом, поэтому, несмотря на то что эти исследова-

ния относятся к англоязычному сегменту, представленные в них наработки могут использоваться русскоязычным экспертным сообществом. Однако существующие списки ключевых слов нуждаются в дополнении, систематизации и описании.

Исследование ключевых слов может представлять интерес как для правоохранительных органов, так и для экспертов (специалистов). Для последних понимание того, какой смысл закреплен за конкретным ключевым словом, позволит более эффективно отразить прагматический аспект функционирования порнографического нарратива в ДП – тегизация файлов, содержащих ДП, затрагивает проблему установления возраста лиц, запечатленных в ДП. При проведении исследования на наличие признаков информации порнографического характера с участием лиц, представленных или выглядящих как несовершеннолетние, эксперту приходится опираться на наличие вербальной информации о возрасте участников сексуального взаимодействия или на визуальное описание их конституциональных показателей (рост, телосложение, развитие мускулатуры, сформированность половых органов, степень оволосения тела, половых органов, подмышечных впадин и др.). Однако нередко эксперту (специалисту) приходится сталкиваться со случаями, когда в представленных на исследование материалах отсутствует вербальное указание на возраст, а анализ визуально воспринимаемых внешних признаков не позволяет дать категоричного вывода (когда речь идет о лицах со сформированными вторичными половыми признаками) или невозможен в виду композиционных особенностей съемки (например, когда в кадре запечатлена крупным планом промежуток лица женского/мужского пола и фиксируются манипуляции с ней).

Таким образом, при анализе материала приходится опираться лишь на косвенные признаки. Очевидно, что если имеется возможность производства следственных действий в отношении установленного живого лица, значительная часть проблем снимается, хотя и здесь не исключается до конца. Но, как правило, эксперту (специалисту) при исследовании подобных кейсов приходится иметь дело с обезличенным (лишенным авторства) материалом, например только файлами. Отсюда, при анализе наименования файла, содержащего ДП, эксперт (специалист) принимает во внимание тот факт, что лицо, с которого изначально началось его распространение, самостоятельно прове-

ло возрастную категоризацию участников сексуального взаимодействия. Таким образом, дать категоричный вывод о возрасте лиц, запечатленных в файле, становится возможным на основании вероятностных суждений [9]. Вместе с тем, как мы рассмотрим в дальнейшем, значение многих ключевых слов в порнографическом дискурсе конвенционально – их использование неслучайно и направлено на осуществление конкретных задач.

Цель данного исследования заключается в сборе, систематизации и первичном анализе существующих способов маркирования файлов, содержащих ДП. Предполагается, что полученные данные можно будет использовать при производстве судебных комплексных экспертиз, в частности, психолого-лингвистических или психолого-культурологических, по делам, связанным с производством и распространением информации порнографического характера с участием несовершеннолетних.

Нелегальный статус ДП

В русскоязычном научном пространстве отсутствуют искусствоведческие и литературоведческие исследования порнографического дискурса. Большая часть существующих исследований порнографии направлена на установление ее законодательного статуса [4. С. 50–52], выявление рисков, связанных с производством и оборотом порнографической продукции (преимущественно, с участием несовершеннолетних) [6. С. 9; 7], формальное и сущностное разграничение порнографии и эротики и разработку экспертных методических рекомендаций по выявлению информации порнографического характера [10], экспертное обеспечение расследования дел, возбужденных по признакам нарушения закона. Иными словами, дефиниция порнографии адаптирована под нужды правоприменителя. В западных исследованиях наблюдается схожая тенденция, однако последние несколько десятилетий отмечается смещение фокуса на исследование порнографии и порноиндустрии как социально-экономического и культурного явления [11, 12].

Порнографический жанр относится к антинормативной культуре, т.е., является а priori табуированным в ряде риторик, подразумевающих высокую степень формальности и институциональный характер человеческого функционирования. На законодательном уровне существует запрет к демонстрации порнографических материалов по центральному телевидению, к их производству, распространению и рекламированию. В то же время большинство порнографических материалов находятся в свободном доступе на порнографических сайтах – в приватной сфере бытового обихода порнография пользуется спросом.

Порнографическая продукция может обладать примитивной сюжетно-композиционной организацией, состоящей из краткой экспозиции и описания/представления сексуальной активности (если речь идет о порнографических текстах и фильмах), однако в большинстве случаев она бессюжетна и фиксирована исключительно на детальном и недвусмысленном представлении форм сексуального взаимодействия. По сво-

им сюжетно-композиционной организации и предметно-содержательному аспекту ДП не отличается от традиционного порнографического нарратива. Однако ее правовой статус в отличие от других форм порнографической продукции как в нормативном, так и антинормативном континууме остается нелегальным.

Вполне очевидно, что при обороте ДП в виртуальном пространстве производитель и (или) распространитель прибегают к маскировке при именовании файлов, так как для них очевиден противоправный характер их деятельности. Легальная (или условно легальная) порнографическая продукция размещена на специально предназначенных для нее виртуальных площадках, каталогизирована по категориям при помощи тегов. Циркуляция ДП в виртуальном пространстве организована по иному принципу: основной средой распространения ДП являются облачные хранилища («ФотоПленка.ру», «Фото Мейл.ру», «RapidShare», «DepositFile») [13] и бессерверные файлообменные сети (Gnutella, eDonkey, KAD) [13–16], TGP- и CJ-сайты [15], социальные сети («ВКонтакте», «Мой мир», «Мой круг» и др.) [13]. ДП тоже маркируется, однако ввиду невозможности ее организованного публичного хранения, вся необходимая информация о содержании видеороликов и предполагаемом возрасте участников сексуального взаимодействия вынесена в название файлов. Названия ДП реализуют сигнальную и конспиративную функции. Предполагается, что маркировка ДП должна быть не распознаваемой для пользователей, не сталкивавшихся с распространением детской порнографии, но понятной для тех, кто в него вовлечен. Таким образом, речь идет о наличии стратегий в маскировке ДП в виртуальном пространстве.

Под маскировкой в лингвистике и психологии понимается совокупность речевых стратегий вербального и (или) невербального профилей, направленных на сокрытие смыслов. В судебно-психологической экспертизе и комплексных экспертизах с участием психолога, наряду с понятием маскировки, активно используется также понятие кодового языка [17]. Е.Л. Дайлоф отмечает, что потенциалом к сокрытию содержания обладает ряд языковых явлений (например, элиминация, эллипсис, умолчание, эвфемизация, намёк, перифраза, фигуры двусмысленной речи, средства невербальной коммуникации, билингвизация) [18]. По ее мнению, понятие маскировки сопоставимо с понятием «криптолалия» [18].

Ряд исследователей рассматривают криптолалию как конспиративный язык, разработанный определенной социальной группой для замкнутого общения (в пределах данной группы) [19–21]. О.Н. Матвеева считает первичной функцией криптолалии кодирование и передачу информации таким образом, что она оказывается недоступной для третьих лиц [19]. В качестве одной из отличительных черт криптолалии от других стратегий сокрытия или вуалирования значения, например, эвфемизации, выделяется состав участников, в который входят адресат, адресант и контрагент, от которого адресат и адресант пытаются скрыть информацию [20, 21]. Соответственно, при распространении ДП эта схема может быть аппроксимирована следующим образом: адресант –

распространитель, адресат – потребитель, контрагент – сторонний пользователь сети Интернет.

Материалы и методы

Для исследования способов маркировки ДП нами было собрано 3 тыс. тегов с порносайта «XVideos» и 678 названий файлов, содержащих ДП. Данные файлы являлись объектами психолого-лингвистических экспериментальных исследований по делам, связанным с незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов.

В данной работе теги и имена файлов, содержащих ДП, рассматриваются явлениями одного порядка: тег представляет собой короткое буквенное или словесное описание, используемое для категоризации объекта [22]. В виртуальном пространстве теги используются на научных порталах в качестве ключевых слов к статьям и иным научным работам [22]. Названия порнографических файлов также могут отражать прагматическую информацию об их содержании: о количестве участников сексуального взаимодействия их возрасте, поле, ориентации, социальном статусе, национальности, расе, сексуальных практиках, разновидности сексуального взаимодействия. Таким образом, в виртуальном порнографическом дискурсе наименования файлов функционально сопоставимы с тегами и ключевыми словами.

Исследуемые теги и названия файлов преимущественно представлены на английском языке. Однако встречаются обозначения на других иностранных языках: испанском, португальском, немецком, голландском, датском, русском, на языке хинди. Стоит отметить, что не существует кодифицируемой нормы в написании названий файлов или тегов. В написании слов могут содержаться орфографические ошибки, использоваться аббревиатуры, буквенно-цифровые комбинации. Также встречается замена букв на цифры, со схожим графическим написанием (например, *b0y*) [23], просодическое написание (комбинирование букв прописного и строчного регистра), комбинирование основ/слов, относящихся к разным языкам.

Категория совершеннолетия/несовершеннолетия относится к возрастному критерию, тем самым, в фокусе исследования тегов на порносайтах находились обозначения, содержащие эксплицитное и имплицитное указание на возраст. В рамках данного исследования не проводился частотный анализ данных. Для семантического анализа некоторых тегов и имен файлов, нами использовались: словари Urban Dictionary

(urbandictionary.com) и Acronym Finder, а также зарубежные судебные прецеденты (США) по делам, связанным с незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов.

Результаты и дальнейшая дискуссия

Стратегии обозначения возраста на порносайте. Теги выполняют сигнальную функцию и информируют о том, что участники сексуальной активности, запечатленные в видеозаписи, достигли совершеннолетия. Таким способом владельцы порносайтов и производители порнографии защищают себя от уголовной ответственности, сигнализируя о том, что в каталоге материалов представлен разрешенный контент. При этом в качестве маркировки на порносайтах также используются лексемы, не содержащие прямого указания на совершеннолетних участников. Они отражены в диадах «молодость – зрелость» или «молодость – старость», за счет чего поддерживается и сохраняется определенного рода двусмысленность в обозначении возраста участников сексуального взаимодействия. Были выделены две стратегии обозначения возраста при помощи тегов: через прямое указание на возраст и за счет размытия возрастного критерия при помощи лексем с диффузной семантикой.

Прямое указание на возраст может осуществляться эксплицитно и имплицитно. К эксплицитным способам обозначения, например, относятся буквенно-цифровые гибриды:

- схема «число + teen» (*8teen, 8teenxxx*);
- схема «число + year-old» (*18-year-old, 18-year-old-porn, 18yearsold, free-18-year-old-porn*);
- схема «число + аббревиатура уо» (*18yo, 19y.o*);
- схема «pure + число» (*porno-1, porno18*);
- схема «porno + 18» (*pure-18, pure18*).

Лексемы «**adult**» (пер. с англ.: «взрослый»), «**mature**» (пер. с англ.: «зрелый» – *mature, mature-woman, matures*), или испаноязычный аналог «**maduro**» (также о мужчине: *maduro*), «**barely legal**» (пер. с англ.: «едва законный»: *barely-18-porn*, также сокращенно: *barely*) также являются эксплицитными индикаторами совершеннолетнего возраста.

Указание на возраст может производиться *имплицитно* с использованием лексем, имеющих в составе значения возрастную сему, например за счет обозначения семейного и социального статуса или места работы/учебы (табл. 1).

Таблица 1

Способы обозначения возраста за счет указания на семейный, социальный статус, место работы/учебы

1	Указание на место работы/учебы:	A	Локация «университет»	<i>highschool, college</i>
2	Указание социальный статус:	A	Статус студента	<i>stud/-s, student/-s</i>
3	Указание на семейный статус	A	Статус «родителя»	<i>mother, mama</i>
		B	Категория «милфы» (от англ. «MILF»: <i>mother</i> I'd like to fuck)	<i>milf/-s, milf-cougar, milf-fuck, milf-porn, milf-sex, milfporn, bhabhi/bhabi</i> (термин, используемый для обозначения индийских милф)
		B	Статус «бабушка/дедушка»	<i>grandma, grandmother, granny, grandpa, olderwoman, oldman</i>

К тегам, размывающим возрастной критерий, были отнесены теги с основами «teen», не содержащие цифрового обозначения в составе лексемы (*teen-sex*, *teenage*, *teenage-girl-porn*, *teenfuns*, *teenie/-s*, *teenxxx*, *sexteen* и пр.); «**adolescence**», «**young**» (*young*, *young-men*, *young-petite-porn*, *young-tits*, *young-old*, *old-vs-young* и пр.), «**youth**» (*youthporn*, *youth-porn* и пр.), «**(step)daughter**» (*stepdaughter*), «**(step)son**» (*stepson*, *blacksonboys* и пр.), «**boy**» (*boy-fuck-girl*, *bukkake-boys*, *gay-boysporn* и пр.), «**girl**» (*petite-girl-porn*, *black-girl*, *camgirl* и пр.) и их иноязычные аналоги – *adolescente*, *novinha* (порт.), *novinhas* (порт.), *novinho* (порт.), *joven* (исп.), *petite* (фр.), *petite-porn* (фр.), *mädchen* (нем.), *jünge* (нем.), *jugend* (нем.) и пр.

В семантическом компоненте вышеперечисленных лексем содержится указание на молодой возраст, коррелирующий с неопытностью и невинностью [24, 25]. Возрастные рамки при этом размыты – установить принадлежность участников сексуальной интеракции к конкретному возрастному промежутку не представляется возможным. Так, теги «**adolescence**», «**teen**» следуют рассматривать эквивалентными друг другу [26, 27] – в англоязычных словарях данные лексемы представлены синонимичными. Они соотносятся с термином «*young people*», затрагивают возрастной промежуток от 12 до 19 лет [28]. По схожему принципу размывается возрастной критерий в лексемах, содержащих указание на школу (*school*, *coed*, *class*, *class-room*, *classroom*) и статус учащегося в школе (*school-girl*, *schoolgirl*, *school-boy*, *schoolboy*).

Возрастная неопределенность передается также через теги «**girl**», «**boy**». Согласно словарным статьям, данные лексемы одновременно могут обозначать как ребенка женского/мужского пола, так и молодую женщину/молодого мужчину [26, 27]. Через теги «**(step)daughter**» и «**(step)son**» делается акцент на статусном и возрастном неравенстве участников сексуальной интеракции.

Стратегии маркировки файлов, содержащих ДП. Названия файлов могут эксплицитно или имплицитно указывать на запрещенный контент. В отличие от тегов, которые могут быть направлены на размытие возрастного критерия, задача обозначений, выносимых в наименование файлов с ДП, заключается в раскрытии содержания для потребителя запрещенного контента и в акцентировании несовершеннолетнего возраста участника (или участников) сексуального взаимодействия.

К эксплицитным средствам маркирования файлов, содержащих ДП, нами были отнесены:

- лексемы или их основы, отсылающие к педофилии (*childporn*, *pedo*, *pedofilia*, *pedofilo*, *pedoland*, *pedophile*, ПЕДО);

- буквенно-цифровые гибриды, в которых возраст указан по схемам «число + teen» (*16teen*), «число + year-old» (*5year-old*), «число + аббревиатура уо» (*9yo*), схема «число + аббревиатура уг» (*7yr*);

- лексемы, указывающие на возрастной и социальный статус ребенка (*малолетка* *Kind/-er*, *Kleuter*, *child*, *kid*, *kiddy*, *pre-teen*, *jailbait*). Перечисленные иноязычные лексемы могут сочетаться с основами «*kutje*» (пер. с дат.: «вагина» – *Kinderkutje*, *Kleuterkutje*), «*fu-*

cker»/«*ficker*» (пер. с англ. или нем.: «трахарь» – *cildfucker*, *Kinderficker*), «*fugga*» (от лексем «*fuck*», «*fugger*»: «трахать», «трахарь» – *childfugga*).

К имплицитным средствам обозначения ДП нами были выделены:

- аббревиатуры «OPVA» (Onion *Pedo* Video Archive), «pthc» (*pre-teen* hard core), «ptsc» (*pre-teen* soft core) [29–31], «bibcam» (boys in bedroom) [30, 31]. Последняя аббревиатура направлена на обозначение специального жанра детской порнографии с участием детей мужского пола;

- термины «*hussyfan*» [30, 31], «*kidzilla*» [30], «*babyshivid*» [31–33], «*yamad*» [30], «*childlover*», «*boylover*», «*girllover*» [30, 34], «*qwerty*» [30], «*pjk*» [31], «*kingpass*» [30, 31]. Данные термины не имеют определенного значения. Они используются для маркировки и маскировки нелегального материала. Некоторые из них, при этом, могут раскрывать содержательные особенности файла. Например, термин «*qwerty*» используется для обозначения инцестуального секса [31];

- лексемы, являющиеся отсылками к знаменитым в педофильских кругах персоналиям, как осужденным за растление несовершеннолетних (*r@ygold*) и за распространение ДП (*qqaazz*), так и являвшимся участником сексуального взаимодействия (*babyj*). Так, лексема «*r@ygold*» (встречается также в сокращенном варианте «*R@Y*» либо в написании «*raugold*», «*rygold*») является отсылкой к никнейму растлителя и производителя детской порнографии Ричарда Гольдберга (полное имя: *Richard Steve Goldberg*), долгое время входившего в список десяти наиболее разыскиваемых ФБР преступников [31, 35, 36]. Лексема «*babyj*» отсылает к никнейму одной из жертв Ричарда Гольдберга [30]. Буквы «*qqaazz*» представляют собой буквенную комбинацию, являются отсылкой к криминальной группе хакеров, на чьих серверах была обнаружена детская порнография [30, 37];

- лексемы, являющиеся отсылками к порносайтам и порностудиям, специализировавшимся на производстве и распространении ДП: теги «*lolita*», «*youngvideomodels*» (также встречается в форме аббревиатуры «*yvm*») [30, 37, 38] отсылают к некогда существовавшим веб-сайтам (некоторые из них, вероятно, существуют и по сей день). Теги «*bibigon*», «*siberian mouse*», «сибирские мышки» служат референцией к недействующим производителям ДП. Тег «*lsm*» является отсылкой к онлайн-журналу, который специализировался на публикации фотографий откровенно-сексуального содержания, на запечатлены несовершеннолетние лица (преимущественно, женского пола) [30].

Заключение

Использование маркировки на порносайтах, содержащей информацию о возрасте лиц, запечатленных в медиафайлах, направлено на защиту владельцев порносайтов и производителей порнографии от правовых последствий. Эта задача осуществляется двумя способами – через эксплицитное или имплицитное

информирование о совершеннолетии участников взаимодействия или через размытие возрастного критерия при помощи лексем, не содержащих прямое указание на конкретный возрастной этап. В ДП возраст является наиболее значимым критерием, лежащим в основе сущностной характеристики этого явления. Именно фактор участия несовершеннолетних в сексуальном взаимодействии привлекает потребителей этого контента – поэтому в названии файлов не содержится маркеров, разрывающих возрастной критерий. Осознание распространителем и потребителем своего нелегального статуса предопределило появление конспиративного шифра, используемого для маркировки контента в виртуальном пространстве.

Нами было выделены эксплицитные и имплицитные способы маркировки. К эксплицитным способам были отнесены лексемы, являющимися референцией к явлению педофилии (*childporn*, *pedo*, *pedofilia*, *pedofilo*, *pedoland*, *pedophile*, ПЕДО) и напрямую указывающими на несовершеннолетний возраст участника/ участников сексуального взаимодействия (*16teen*, *5year-old*, *9yo*, *7yr*). К имплицитным способам были отнесены

аббревиатуры (*OPVA*, *pthc*, *ptsc*, *bibcam*); специальные термины, выполняющие функцию кодовых слов (*hussyfan*, *kidzilla*, *babyshivid*, *yamad*, *childlover*, *boylover*, *girllover*, *qwerty*, *pjk*, *kingpass*); лексемы, отсылающие к персоналиям, осужденным за растление или за распространение порнографии (*r@ygold*, *qqaazz*) или являвшихся жертвами растления (*babyj*); лексемы, отсылающие к студиям по производству детской порнографии, веб-сайтам (*lolita*, *youngvideomodels*, *yvm*, *lsm*), содержащим детский порно контент (*bibigon*, *siberian mouse*, *сибирские мышки*).

Распространение детской порнографии является тяжким преступлением, поскольку преступно не только само по себе, но и создает почву для возникновения других преступлений. В настоящее время на международном уровне отмечается тенденция к усилению надзора в виртуальном пространстве над оборотом ДП. Предполагается, что данные, представленные по результатам нашего исследования, будут полезны при проведении оперативно-разыскных мероприятий и при производстве комплексных судебных экспертиз с участием психолога и лингвиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Енгальчев В.Ф. Психологический анализ поведения, зафиксированного на видеозаписи, как новое направление судебной психологической экспертизы // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей : сб. науч. ст. М. : РГУП, 2017. С. 11–16.
2. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическое профилирование : учеб. для вузов / Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина. М. : Юрайт, 2020. 514 с.
3. Алискеров М.А., Енгальчев В.Ф. Юридический психолог в гражданском судопроизводстве: возможности и функции // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 3. С. 21–26.
4. Бушмин С.И., Дьяченко А.П. Порнография : уголовно-правовой и криминологический аспекты : учеб. пособие. М. : Акад. МВД России 1995. 79 с.
5. Джинджолия Р.С. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. М. : Сочи, 2001. 49 с.
6. Исаева Л.М. Незаконное распространение порнографии с использованием сети Интернет : особенности выявления и расследования // Юридический консультант. 2004. № 3. С. 9–15.
7. Петросян О.Ш. Уголовная ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 187 с.
8. Latapy M., Magnien C., Fournier R. Quantifying paedophile activity in a large P2P system // Information Processing & Management. 2012. P. 248–263.
9. Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В. О вероятностных основаниях категоричных выводов судебной экспертизы // II Международная научно-практическая конференция «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (Специальный выпуск). Вопросы экспертной практики. М. : Ассоциация экспертов по содействию экспертной деятельности «Национальный общественный центр экспертиз», 2017. С. 101–106.
10. Нагаев В.В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 337 с.
11. Nussbaum Ch.O. Understanding pornographic fiction : sex, violence, and self-deception. Palgrave Macmillan, 2015. 187 p.
12. Phillips J. Forbidden Fictions Pornography and Censorship in Twentieth-Century French Literature. London : Pluto Press, 1999. 241 p.
13. Дорофеев К.И. Способы изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию образования службы экономической безопасности МВД России (БХСС, БЭП, ЭБиПК). М. : Академия управления МВД России, 2012. С. 237–237.
14. Fournier R., Cholez T., Latapy M., Magnien C., Christment I., Daniloff I., Festor O. Comparing paedophile activity in different P2P systems // Social Sciences. 2014. № 3 (3). P. 314–325.
15. Hughes D., Walkerdine J., Coulson G., Gibson S. Is deviant behavior the norm on P2P file-sharing networks? // IEEE Distributed Systems Online. 2006. № 7 (2). P. 1–11. DOI: 10.1109/MDSO.2006.13
16. Westlake B., Bouchard M., Frank R. Comparing Methods for Detecting Child Exploitation Content Online // SJSU ScholarWork. San Jose State University. Jan. 2012. P. 1–9.
17. Енгальчев В.Ф. Смысл сообщений, использующих кодовый язык как предмет исследования эксперта-психолога // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Психолого-педагогические науки. 2012. С. 241–243.
18. Дайлоф Е.Л. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 24–28.
19. Матвеева О.Н., Вязигина Н.В., Холоденко Ю.В., Кузеванова С.И., Маргольц М.Е., Селина А.А. Судебная лингвистика / под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул : Лингва-эксперт, 2015. 309 с.
20. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.
21. Осипов А.В. Особенности эвфемизации в профессиональной коммуникации (на примере лексики медицины и силовых структур в русском и английском языках) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 109–111.
22. Абрамов Е.Г. Подбор ключевых слов для научной статьи // Научная периодика : проблемы и решения. 2011. № 2. С. 35–40.
23. Al-Nabki M.W., Fidalgo E., Alegre E., Alaiz-Rodriguez R. File Name Classification Approach to Identify Child Sexual Abuse // Proceedings of the 9th International Conference on Pattern Recognition Applications and Methods – ICPRAM. Valletta, Malta, 2020. P. 228–234.
24. Александрова А.Е. Концептуальная область возраста в лингвокультурологическом и лингвометодическом аспектах // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 18. С. 108–112.

25. Попова Н.В., Мелехова Н.В. Моделирование концепта «возраст» в вербальном русском и немецком сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-3 (71). С. 128–130.
26. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата посещения: 10.06.2021).
27. Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата посещения: 10.06.2021)
28. Britannica. URL: <https://www.britannica.com/> (дата посещения: 10.06.2021)
29. Acronym Finder. URL: <https://www.acronymfinder.com/> (дата посещения: 10.06.2021)
30. Westlake B., Bouchard M., Frank R. Comparing Methods for Detecting Child Exploitation Content Online // SJSU ScholarWork, San Jose State University. Jan 2012. P. 1–9. DOI: 10.1109/EISIC.2012.25
31. Urban Dictionary. URL: <https://urbandictionary.com/> (дата посещения: 10.06.2021)
32. Criminal action №. 15-10271-WGY (D. Mass. Apr. 20, 2016)
33. Criminal action №. 3:07CR-42-M (W.D. Ky. Aug. 11, 2008)
34. Federal Bureau Of Investigation. Symbols and Logos Used by Pedophiles to Identify Sexual Preferences, 31 January 2007. URL: file.wikileaks.org/file/FBI-pedophile-symbols.pdf (дата посещения: 04.06.2021)
35. Criminal action № 633 F.3d 911 (9th Cir. 2011)
36. Criminal action № 16-50339 (9th Cir. Oct. 2, 2018)
37. Criminal action № 912 N.E.2d 881 (Ind. Ct. App. 2009)
38. Criminal action № 592 F. Supp. 2d 590 (S.D.N.Y. 2008)

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 августа 2021 г.

Identification of Objects Containing Child Pornography in the Virtual Space by Decrypting Their Names and Tags

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 235–241.

DOI: 10.17223/15617793/471/27

Vali F. Engalychev, Kaluga State University (Kaluga, Russian Federation). E-mail: valiyen@gmail.com

Olga V. Zaytseva, Moscow Research Center (Moscow, Russian Federation). E-mail: deyaldelwer@mail.ru

Keywords: forensic examination; child pornography; disguise; cryptolalia; tags.

The article deals with the ways of labeling child pornography. In the field of forensic examination of pornography, various acts of a sexual nature, pedophilia, etc., the object of forensic analysis (or an expert study) is difficult to extract because, as a rule, the intention, purpose, means, methods, content, and other components of criminal intent implementation are coded or disguised. The identification of content related to child pornography (CP) in the virtual space is carried out by keywords. Keyword research can be of interest to both law enforcement agencies and experts. The tagging of files containing CP raises the problem of establishing the age of persons captured in CP. The meaning of tags in pornographic discourse is conventional: their use is not accidental and is aimed at the implementation of specific tasks. During file name analysis, the expert takes into account the fact that the person who originally started its distribution independently carried out the categorization of age of the participants taking part in sexual interaction. Thus, it becomes possible to give a categorical conclusion about the age of persons captured in the file based on probabilistic judgments. 3,000 tags from the Xvideos website and 678 names of files containing CP were used as research material. Two strategies of age labeling on porn sites were indicated: the age criterion is either explicitly reported or blurred. Explicit reporting can be arranged through alphanumeric hybrids, lexemes with direct indication of age (explicitly), or by using lexemes that have an age seme as part of the meaning, for example, by designating family and social status or place of work/study (implicitly). The tags blurring the age criterion present the age of participants within the framework of the dichotomy “young–old”, “young–mature”. The use of labeling to indicate the age of participants in sexual interactions or the blurring of the age criterion is intended to protect the owners of porn sites and producers of pornography from legal consequences. It should be noted that the age criterion is not blurred in file names of CP. Another way of labeling CP is abbreviations, code words, references to famous persons among CP distributors and consumers, to existing porn studios and websites containing CP. The authors assume that the data presented in the study will be useful in conducting operational-search activities and in the production of forensic psychological cultural and psychological linguistic examinations.

REFERENCES

1. Engalychev, V.F. (2017) Psikhologicheskii analiz povedeniya, zafiksirovannogo na videozapisi, kak novoe napravlenie sudebnoy psikhologicheskoy ekspertizy [Psychological analysis of behavior recorded on video as a new direction of forensic psychological examination]. In: *Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza i kompleksnye sudebnye issledovaniya videozapisey* [Forensic psychological examination and complex forensic studies of video recordings]. Moscow: RSUL. pp. 11–16.
2. Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2020) *Kriminalisticheskoe profilirovanie: ucheb. dlya vuzov* [Forensic profiling: textbook for universities]. Moscow: Yurayt.
3. Alieskerov, M.A. & Engalychev, V.F. (2004) Yuridicheskii psikholog v grazhdanskom sudoproizvodstve: vozmozhnosti i funktsii [Legal psychologist in civil proceedings: opportunities and functions]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 3. pp. 21–26.
4. Bushmin, S.I. & D'yachenko, A.P. (1995) *Pornografiya: ugovovno-pravovoy i kriminologicheskii aspekty: ucheb. posobie* [Pornography: criminal law and criminological aspects]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Dzhindzholiya, R.S. (2001) *Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe rasprostraneniye pornograficheskikh materialov ili predmetov* [Criminal liability for the illegal distribution of pornographic materials or items]. Moscow: Sochi.
6. Isaeva, L.M. (2004) *Nezakonnoe rasprostraneniye pornografii s ispol'zovaniem seti Internet: osobennosti vyavleniya i rassledovaniya* [Illegal distribution of pornography using the Internet: features of detection and investigation]. *Yuridicheskii konsul'tant*. 3. pp. 9–15.
7. Petrosyan, O.Sh. (2005) *Ugolovnaya otvetstvennost' za izgotovleniye i oborot materialov ili predmetov s pornograficheskimi izobrazheniyami nesovershennoletnikh* [Criminal liability for the production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Latapy, M., Magnien, C. & Fournier, R. (2012) Quantifying paedophile activity in a large P2P system. *Information Processing & Management*. 49 (1). pp. 248–263. DOI: 10.1016/j.ipm.2012.02.008
9. Engalychev, V.F. & Leonova, E.V. (2017) [On probabilistic grounds for categorical conclusions of forensic examination]. *Diskussionnye voprosy teorii i praktiki sudebnoy ekspertizy* (Spetsial'nyy vypusk). *Voprosy ekspertnoy praktiki* [Debatable Issues of Theory and Practice of Forensic Examination] (Special Issue). Issues of expert practice]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Assotsiatsiya ekspertov po sodeystviyu ekspertnoy deyatel'nosti “Natsional'nyy obshchestvennyy tsentr ekspertiz”. pp. 101–106. (In Russian).

10. Nagaev, V.V. (2009) *Erotika i pornografiya. Kriterii razlichiy. Problemy pravovoy otsenki i ekspertizy* [Erotica and pornography. Criteria for differences. Problems of legal assessment and examination]. Moscow: YUNITI-DANA.
11. Nussbaum, Ch.O. (2015) *Understanding pornographic fiction: sex, violence, and self-deception*. Palgrave Macmillan.
12. Phillips, J. (1999) *Forbidden Fictions Pornography and Censorship in Twentieth-Century French Literature*. London: Pluto Press.
13. Dorofeev, K.I. (2012) [Methods for the production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors]. *Sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu obrazovaniya sluzhby ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii (BKSS, BEP, EbiPK)* [Collection of articles of the all-Russian conference dedicated to the 75th anniversary of the formation of the economic security service of the Ministry of Internal Affairs of Russia (BHSS, BEP, EBiPK)]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 237–237. (In Russian).
14. Fournier, R. (2014) Comparing paedophile activity in different P2P systems. *Social Sciences*. 3 (3). pp. 314–325.
15. Hughes, D. et al. (2006) Is deviant behavior the norm on P2P file-sharing networks? *IEEE Distributed Systems Online*. 7 (2). pp. 1–11. DOI: 10.1109/MDSO.2006.13
16. Westlake, B., Bouchard, M. & Frank, R. (2012) Comparing Methods for Detecting Child Exploitation Content Online. *SJSU ScholarWorks*. Jan. pp. 1–9.
17. Engalychev, V.F. (2012) Smysl soobshcheniy, ispol'zuyushchikh kodovyy yazyk kak predmet issledovaniya eksperta-psikhologa [The Meaning of Messages Using Code Language as a Subject of Research by an Expert Psychologist]. *Nauchnye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.E. Tsiolkovskogo. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*. pp. 241–243.
18. Daylof, E.L. (2019) Disguise" meaning in forensic linguistic examination. *Yurilingvistika – Legal Linguistics*. 11. pp. 24–28. (In Russian).
19. Matveeva, O.N. et al. (2015) *Sudebnaya lingvistika* [Forensic linguistics]. Barnaul: Lingva-ekspert.
20. Moskvina, V.P. (2001) Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: system connections, functions and methods of education]. *Voprosy yazykoznaviya*. 3. pp. 58–70.
21. Osipov, A.V. (2011) Osobennosti evfemizatsii v professional'noy kommunikatsii (na primere leksiki meditsiny i silovykh struktur v russkom i angliyskom yazykakh [Peculiarities of euphemization in professional communication (on the example of the vocabulary of medicine and law enforcement agencies in Russian and English)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 33. pp. 109–111.
22. Abramov, E.G. (2011) Podbor klyuchevykh slov dlya nauchnoy stat'i [Selection of keywords for a research article]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*. 2. pp. 35–40.
23. Al-Nabki, M.W. et al. (2020) File Name Classification Approach to Identify Child Sexual Abuse. *Proceedings of the 9th International Conference on Pattern Recognition Applications and Methods – ICPRAM*. Valletta, Malta. pp. 228–234.
24. Aleksandrova, A.E. (2006) Kontseptual'naya oblast' vozrasta v lingvokul'turologicheskom i lingvometodicheskom aspektakh [The conceptual area of age in linguoculturological and linguomethodological aspects]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 18. pp. 108–112.
25. Popova, N.V. & Melekhova, N.V. (2017) Modeling of the Concept of Age in the Verbal Russian and German Consciousness. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 5-3 (71). pp. 128–130.
26. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 10.06.2021).
27. *Merriam-Webster*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 10.06.2021).
28. *Britannica*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/> (Accessed: 10.06.2021).
29. *Acronym Finder*. [Online] Available from: <https://www.acronymfinder.com/> (Accessed: 10.06.2021).
30. Westlake, B., Bouchard, M. & Frank, R. (2012) Comparing Methods for Detecting Child Exploitation Content Online. *SJSU ScholarWorks*. Jan. pp. 1–9. DOI: 10.1109/EISIC.2012.25
31. *Urban Dictionary*. [Online] Available from: <https://urbandictionary.com/> (Accessed: 10.06.2021).
32. Criminal action No. 15-10271-WGY (D. Mass. Apr. 20, 2016).
33. Criminal action No. 3:07CR-42-M (W.D. Ky. Aug. 11, 2008).
34. Federal Bureau of Investigation. (2007) *Symbols and Logos Used by Pedophiles to Identify Sexual Preferences*. 31 January. [Online] Available from: file.wikileaks.org/file/FBI-pedophile-symbols.pdf (Accessed: 04.06.2021).
35. Criminal action No. 633 F.3d 911 (9th Cir. 2011).
36. Criminal action No. 16-50339 (9th Cir. Oct. 2, 2018).
37. Criminal action No. 912 N.E.2d 881 (Ind. Ct. App. 2009).
38. Criminal action No. 592 Fund Supp. 2d 590 (S.D.N.Y. 2008).

Received: 10 August 2021

О.А. Кожевников, А.В. Нечкин

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ – ИНОСТРАННЫЕ АГЕНТЫ: ОПЫТ РОССИИ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ СНГ

Анализируются существующие механизмы контроля за получением неправительственными некоммерческими организациями, функционирующими на территории отдельных государств СНГ в том или ином качестве, финансирования из иностранных источников. Особое внимание уделяется анализу новейшего российского законодательства в данной сфере, предполагающего установление, по мнению авторов, уже целого правового института – «иностранный агент», нормы которого не лишены недостатков, меры по устранению которых также предлагаются авторами статьи.

Ключевые слова: неправительственная некоммерческая организация; НКО; некоммерческая организация – иностранный агент; страны СНГ; Содружество Независимых Государств; право на объединение

Каждое государство, объявляя себя суверенным, стремится любыми доступными способами в рамках норм международного и национального права защитить свой суверенитет от какого-либо влияния со стороны других государств, потому как в противном случае оно рискует лишиться той или иной части своих суверенных прав, что ведет к изменению его правового статуса. В конечном итоге изменяется место и влияние данного государства на политическую карту мира.

Практика последнего десятилетия показала, что государства могут вмешиваться в дела друг друга с помощью мер прямого воздействия (военное вторжение, экономические санкции и т.д.), а также при помощи мер косвенного воздействия, при этом совокупность мер такового косвенного воздействия в современной политологической литературе довольно часто именуется общим понятием – «мягкая сила» [1–4].

Согласно положениям п. 9 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам является неотъемлемой составляющей современной международной политики. С учетом инструментов «мягкой силы» в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 20 февраля 2019 г. были сформулированы приоритеты внешней политики Российской Федерации – «это укрепление доверия, борьба с общими для всего мира угрозами, расширение сотрудничества в экономике, торговле, образовании, культуре, науке и технологиях, снятие барьеров для общения между людьми».

В научной литературе концепт «мягкой силы» преимущественно рассматривается как связанный с формированием образа привлекательности государства-актора на территории государства-объекта отработки технологий «мягкой силы» [3. С. 99]. Основоположник концепции «мягкой силы» американский политолог Джозеф Най в своих исследованиях впервые обосновал понятие «мягкой силы» в конце XX в. – со-

держание которого трансформировалось в диалектике развития исследований от способности «заставлять другого хотеть того же, чего хочешь ты» до «способности добиваться результатов путём убеждения и притяжения, а не принуждения или оплаты» [5. С. 85].

По мнению другого исследователя – И.В. Понкина, суть концепта «мягкой силы» в современных реалиях на практике «состоит в задействовании инструментов в целях минимизации рисков непосредственно своих прямых военных столкновений с государствами-объектами и минимизации финансовых затрат на создание условий и возможностей у государства-актора высказывать военные и политические угрозы и принуждения, а также на подкуп элит или финансирование «колонн» и «групп» влияния в государствах-объектах, но при этом достижение результативности в достижении некоторых внешнеполитических и внешнеэкономических целей, во всяком случае, не ниже, чем при задействовании указанных выше «традиционных» инструментов деструктивного давления на государство-объект [3. С. 99].

В последнее время в научной среде присутствует устойчивое мнение о том, что неправительственные некоммерческие организации представляют собой один из инструментов «мягкой силы», а распространение социально-гуманитарного контекста является одной из наиболее популярных сфер их деятельности. С одной стороны, некоммерческие организации являются важной составляющей гражданского общества, с другой стороны, их деятельность представляет собой один из способов «мягкого влияния». Если некоммерческая организация, работающая в государстве, финансируется из-за рубежа, то с помощью нее можно навязать и «протолкнуть» решения невыгодные для данного государства.

Говоря о некоммерческих организациях как об инструменте мягкой силы, необходимо отметить, что авторы отдельных исследований выделяют два направления позиционирования данного института гражданского общества в государстве: 1) некоммерческие организации, работающие во благо данного государства; 2) некоммерческие организации, работающие с целью удовлетворения потребностей другого государства¹.

В первом случае необходимо говорить о некоммерческих организациях как о составляющей гражд-

данского общества, которая занимается достижением социальных, благотворительных и культурных благ данного общества. Они могут играть ключевую роль в защите прав человека, человеческого достоинства и гуманитарного прогресса. Некоммерческие организации могут работать в различных сферах: политика, здравоохранение, образование, культура, экономика. Достигая успеха в этих сферах, эти организации помогают государству наращивать свою привлекательность за рубежом.

Во втором случае речь идет о некоммерческих организациях, хотя и действующих на территории государства, но основной целью которых является удовлетворение интересов другого государства, при наличии эффективных механизмов контроля со стороны последнего. Именно о состоянии правового регулирования указанного вида некоммерческих организаций и хотелось бы остановиться подробнее.

В реалиях современной России, а также абсолютного большинства государств СНГ, по уровню экономического развития и уровню жизни населения, заметно отстающим от большинства экономически развитых западных государств, наиболее эффективным механизмом поддержки деятельности некоммерческих организаций выступает их прямое финансирование от государственных структур. Именно поэтому самой распространенной мерой, предпринимаемой властями отдельных государств, входящих в СНГ, в целях защиты своего суверенитета, является введение контроля за получением неправительственными некоммерческими организациями, функционирующими на их территории в том или ином качестве, любого финансирования из иностранных источников, а также ужесточение правил деятельности функционирующих на его территории структурных подразделений международных и иностранных неправительственных некоммерческих организаций. За примерами далеко ходить не надо.

Так, в Таджикистане общественное объединение обязано ежегодно размещать на своём сайте или сайте регистрирующего органа финансовые отчёты, содержащие подробную информацию о доходах и расходах, а также хранить данные о совершенных внутренних и международных операциях в течение не менее пяти лет после завершения деловых отношений (ст. 25 Закона Республики Таджикистан от 12 мая 2007 г. № 258 (в ред. от 02.01.2019) «Об общественных объединениях»).

В Казахстане некоммерческая организация, осуществляющая деятельность за счет средств, предоставляемых безвозмездно иностранными государствами, международными и иностранными организациями, иностранцами и лицами без гражданства, должна представлять отчет об использовании данных средств органам государственных доходов. Филиалы и представительства (обособленные подразделения) иностранных и международных некоммерческих организаций, осуществляющие деятельность на территории Республики Казахстан, обязаны ежегодно публиковать в печатных изданиях информацию о своей деятельности, в том числе о составе имущества, об источниках формирования и о направлениях расходо-

вания денег (ч. 2 и 3 ст. 41 Закона Республики Казахстан от 16 января 2001 г. № 142-ІІ (в ред. от 15.11.2020 г.) «О некоммерческих организациях»).

В Узбекистане негосударственная некоммерческая организация обязана: обеспечивать доступность к информации об использовании своего имущества и денежных средств, в том числе источниках финансирования; согласовывать с регистрирующим органом получение денежных средств и имущества от иностранных государств, международных и иностранных организаций, граждан иностранных государств либо по их поручению от других лиц; информировать регистрирующий орган об организации визитов представителей негосударственной некоммерческой организации связанных, с ее деятельностью, в зарубежные страны (ст. 8 Закона Республики Узбекистан от 14 апреля 1999 г. № 763-І (в ред. от 11.09.2019) «О негосударственных некоммерческих организациях»).

В Республике Беларусь республиканским и местным общественным объединениям и их союзам (ассоциациям) запрещается хранить денежные средства, драгоценные металлы и иные ценности в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях, находящихся на территории иностранных государств. Кроме того, полностью запрещена деятельность общественных объединений, а также союзов (ассоциаций) таковых объединений, направленная на содействие предоставлению гражданам Республики Беларусь льгот и преимуществ иностранными государствами в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью в нарушение законодательства (ст. 21 и 7 Закона Республики Беларусь от 4 октября 1994 г. № 3254-ХІІ (в ред. от 04.11.2013) «Об общественных объединениях»).

В Туркменистане общественные объединения обязаны регистрировать в Министерстве адalat (юстиции) Туркменистана проекты и программы безвозмездной иностранной технической, финансовой, гуманитарной помощи и гранты, а также представлять поэтапные и окончательные отчёты о реализации данных проектов, программ и грантов (ст. 27 Закона Туркменистана от 3 мая 2014 г. № 70-V (в ред. от 22.08.2020) «Об общественных объединениях»).

В Азербайджане неправительственные организации, а также филиалы и представительства неправительственных организаций иностранных государств должны обеспечить прозрачность своей деятельности, заместители руководителей неправительственных организаций, учрежденных иностранцами или лицами без гражданства, а также иностранными юридическими лицами, в том числе филиалов и представительств неправительственных организаций иностранных государств, должны быть гражданами Азербайджанской Республики. Неправительственные организации иностранных государств могут создать лишь одно представительство или один филиал на территории Азербайджанской Республики, в случае слияния неправительственной организации иностранного государства с другой организацией, присоединения к ней или разделения, изменения ее организационно-правовой формы ее филиал или пред-

ставительство на территории Азербайджанской Республики ликвидируется. Неправительственные организации, а также филиалы или представительства иностранных неправительственных организаций обязаны представлять информацию о размерах полученных пожертвований, а также о лицах, сделавших такие пожертвования, а для филиалов или представительств иностранных неправительственных организаций дополнительно устанавливаются еще и жесткие лимиты на размер пожертвований. Кроме того, любой договор на оказание услуг или выполнение работ за счет внешних финансовых источников должен быть в обязательном порядке представлен неправительственной организацией в соответствующий орган исполнительной власти для регистрации (ст. 29.5, 7.1-1, 7.5, 19.7, 24-1 и 24-2 Закона Азербайджанской Республики от 13 июня 2000 г. № 894-IQ (в ред. от 30.06.2020) «О неправительственных организациях (общественных объединениях и фондах)»).

Таким образом, спектр предпринимаемых государствами СНГ мер, направленных на защиту своего суверенитета по средствам введения контроля за деятельностью структурных подразделений иностранных и международных некоммерческих организаций, а также национальных некоммерческих организаций, получающих финансирование из иностранных источников, крайне неоднороден и может варьироваться от обязательного представления отчетов об использовании финансирования из иностранных источников (Казахстан и Таджикистан) и запрета хранить денежные средства и иные ценности в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях, находящихся на территории иностранных государств (Республика Беларусь) до обязательной государственной регистрации иностранных грантов (Туркменистан) и любых договоров на оказание услуг или выполнение работ за счет иностранных финансовых источников (Азербайджан), а также установления фактического запрета на анонимные пожертвования из иностранных финансовых источников с одновременным закреплением жестких лимитов на размер такого рода пожертвований (Азербайджан) или же вообще до обязательного согласования с уполномоченным государственным органом самой возможности получения денежных средств и имущества от иностранных источников (Узбекистан).

В Российской Федерации с учетом ее экономического и политического потенциала, а также весьма динамического развития институтов гражданского общества помимо установления довольно стандартных для государств СНГ особых правил функционирования структурных подразделений международных и иностранных неправительственных некоммерческих организаций, за исключением, пожалуй, возможности признания деятельности иностранной или международной неправительственной некоммерческой организации, способствующей либо препятствующей выдвижению кандидатов, спискам кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на

выборах, референдуме, нежелательной (ст. 3.1 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»), а также механизмов контроля за получением неправительственными некоммерческими организациями, функционирующими на территории Российской Федерации финансирования из иностранных источников, предусмотрены и иные, принятые в иных иностранных государствах инструменты контроля за деятельностью некоммерческих организаций, финансируемых из зарубежных источников.

Так, в законодательство о некоммерческих организациях была введена особая категория некоммерческих организаций – некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента [6, 7], под которой, в свою очередь, понимается российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и (или) иное имущество от иностранных источников (иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, получающих денежные средства и (или) иное имущество от указанных источников либо действующих в качестве посредников при получении таких денежных средств и (или) иного имущества (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ)), и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации (ч. 6 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) «О некоммерческих организациях»).

Нельзя не отметить, что формулировка «иностраный агент» воспринимается неоднозначно, в том числе и в научной литературе. В частности, она критикуется и видными отечественными конституционалистами. В качестве примера можно привести позицию профессора В.Е. Чиркина, который отмечал, что «термин “иностранные агенты”, примененный российским законом к некоммерческим общественным объединениям, получающим средства из-за границы и участвующим в политической деятельности, вызывает недоумение. Власти заявили, что такой закон есть и в США². Действительно, в США в 1938 г. (перед Второй мировой войной) был принят подобный закон, и относился он к пропаганде фашизма и иным действиям созданных в США фашистских организаций. Очевидно, что это несколько иная интерпретация цели закона. Кроме того, нужно учитывать неодинаковое значение слова “агент” в английском и русском языках (в английском – это “представитель”), разный менталитет народов» [9. С. 18].

В особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации В.Г. Ярославцева к Постановлению от 8 апреля 2014 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений п. 6 ст. 2 и п. 7 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих орга-

низациях», <...> в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда “Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева» вообще было прямо отмечено, что законодательная конструкция некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, предполагает негативную оценку такой организации со стороны государства, рассчитана на формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности и тем самым может восприниматься как проявление недоверия или желания дискредитировать такую некоммерческую организацию и (или) цели ее деятельности.

Действительно, в сознании среднего российского обывателя термин «иностраный агент» в абсолютном большинстве случаев приобретает негативную коннотацию, потому как вызывает ассоциации скорее с лицом, занимающимся шпионажем в пользу иностранного государства, а не с одной из сторон агентского договора. Именно поэтому следует, пожалуй, согласиться с высказанной в литературе точкой зрения о том, что термин «иностраный агент» вполне можно заменить более мягкой формулировкой – «некоммерческая организация, финансируемая из иностранных источников» [10. С. 69].

В плане практической деятельности статус иностранного агента для российской некоммерческой организации на сегодняшний день означает, что все материалы, производимые такой некоммерческой организацией и (или) распространяемые ею, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, материалы, направляемые такой организацией в государственные органы, органы местного самоуправления, образовательные и иные организации, информация, касающаяся деятельности такой организации, распространяемая через средства массовой информации, должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы (информация) произведены, распространены и (или) направлены некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, либо касаются деятельности такой организации.

Кроме того, годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность российской некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, подлежит обязательному аудиту, а в документах, представляемых таковыми некоммерческими организациями, должны содержаться сведения о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, полученных от иностранных источников, и об их фактическом расходовании и использовании. Некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента, представляют в уполномоченный орган документы, содержащие отчет о своей деятельности, о персональном составе руководящих органов и работников, один раз в полгода, документы о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, в том числе полученных от иностранных источников, ежеквартально, а аудиторское заключение – ежегодно.

Кроме того, некоммерческая организация, намеревающаяся после государственной регистрации осуществлять свою деятельность в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, обязана до начала осуществления такой деятельности подать в Министерство юстиции Российской Федерации заявление о включении ее в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. В случае выявления некоммерческой организации, осуществляющей деятельность в качестве некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, которая не подала заявление о включении ее в упомянутый реестр, Министерство юстиции включает такую некоммерческую организацию в указанный реестр самостоятельно (ст. 24 и 32 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) «О некоммерческих организациях»).

В декабре 2020 г. отечественное нормативное правовое регулирование в отношении некоммерческих организаций иностранных агентов было дополнительно ужесточено, и связано это было с тем, что российское законодательство допускает осуществление деятельности отдельных видов некоммерческих организаций на своей территории без приобретения статуса юридического лица. Речь идет, прежде всего, об общественных объединениях и религиозных группах. В целях распространения контроля со стороны государства на указанные виды объединений, российский законодатель установил, что общественное объединение, которое функционирует без приобретения прав юридического лица, получает денежные средства и (или) иное имущество от иностранных источников и участвует в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, либо намеревается совершать такого рода действия, обязано уведомить об этом федеральный орган государственной регистрации, который включает его в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента (ст. 29.1 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях»).

30 декабря 2020 г. на официальном портале правовой информации был опубликован Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 481-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности», в котором термин «иностраный агент» был распространен на отдельные категории физических лиц. С момента вступления в силу названного правового акта физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового может быть признано физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, в случае, если оно осуществляет на территории Российской Федерации в интересах иностранных источников политическую деятельность и (или) целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранным источником могут быть использованы про-

тив безопасности Российской Федерации (при отсутствии признаков преступлений), в связи с оказанным на него иностранным источником либо действующими в интересах иностранного источника гражданами Российской Федерации, российскими организациями воздействием, выражающимся в поддержке указанных видов деятельности (включая предоставление денежных средств, иной имущественной или организационно-методической помощи).

При этом применительно к физическим лицам, по аналогии с некоммерческими организациями, выполняющими функции иностранного агента, политической деятельностью признается деятельность в сфере государственного строительства, защиты основ конституционного строя, федеративного устройства, защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, внешней политики, социально-экономического и национального развития, развития политической системы и т.д., которая осуществляется в перечисленных в законе формах, таких как, например, участие в организации и проведении публичных мероприятий, участие в деятельности, направленной на получение определенного результата на выборах, распространение, в том числе с использованием современных информационных технологий, мнений о принимаемых государственными органами решениях и проводимой ими политике, формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения опросов общественного мнения и обнародования их результатов или проведения иных социологических исследований, финансирование указанной деятельности и т.д.

Физическое лицо, деятельность которого подпадает под признаки, деятельности иностранного агента, обязано подать заявление о включении его в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. В случае выявления деятельности физического лица, выполняющего функции иностранного агента, которое не подало заявление (уведомление), федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере регистрации некоммерческих организаций, включает данное лицо в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента самостоятельно.

Упомянутым ранее законом предусмотрено, что физическое лицо, включенное в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента, обязано не реже одного раза в шесть месяцев представлять в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти либо его территориальный орган отчет о своей деятельности, связанной с выполнением функций иностранного агента, включая сведения о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, полученных от иностранных источников, и об их фактическом расходовании и использовании. Таковое физическое лицо обязано указывать о наличии этого статуса при осуществлении деятельности, связанной с выполнением

функций иностранного агента, в том числе при обращении в государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения, образовательные организации. Материалы, издаваемые и (или) распространяемые им, информация, касающаяся деятельности данного физического лица в связи с выполнением им функций иностранного агента, распространяемая через средства массовой информации, должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы (информация) изданы и (или) распространены физическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, либо касаются деятельности данного физического лица. Кроме того, физическое лицо, включенное в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента, не может быть назначено на должности в государственных органах и органах местного самоуправления.

Нельзя также не отметить, что в случае осуществления иностранным журналистом, аккредитованным в Российской Федерации, деятельности, связанной с выполнением функций иностранного агента, несовместимой с его профессиональной деятельностью журналиста, уполномоченный федеральный орган исполнительной власти включает такое лицо в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента (ст. 2.1 и 6 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ (в ред. от 30.12.2020) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»).

Таким образом, в настоящее время, в рамках реализации механизма противодействия инструментам «мягкой силы», применяемым зарубежными странами на территории Российской Федерации, с целью сохранения, обеспечения и защиты своего государственного суверенитета, в России фактически уже создан целый правовой институт «иностранного агента», который охватывает весьма широкий круг участников, как правило, воспринимаемых в качестве субъектов гражданского общества – от зарегистрированных в качестве юридического лица некоммерческих организаций и некоммерческих организаций, функционирующих без таковой регистрации, до самого широкого круга физических лиц (граждан, иностранных граждан и апатридов), в том числе и наделенных специальными правовыми статусами, например аккредитованных иностранных журналистов.

Нельзя также не отметить, что среди всех государств, входящих в СНГ, Россия, на уровне законодательного закрепления и правоприменительной практики на сегодняшний день, является одним из самых защищенных от применения механизмов «мягкой силы», реализуемых через институты гражданского общества иностранными государствами. Однако это вовсе не означает, что нет никаких проблем и дискуссионных вопросов.

Так, например, при оценке формулировок упомянутых выше федеральных законов весьма критично следует воспринимать легальное определение категории «политическая деятельность», поскольку она является крайне оценочной, потому как базируется на понятиях, не имеющих легального определения –

«формирование общественно-политических взглядов», «распространение мнений», «публичные обращения к государственным органам», «иные действия, оказывающие влияние на деятельность государственных органов» и т.д.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации еще в 2008 г. в своем Постановлении от 14 апреля 2008 г. № 7-П довольно однозначно выразил свою правовую позицию о том, что «<...> из конституционных принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом вытекает обращение к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования <...> принимаемые им законы должны быть определенными как по содержанию, так и по предмету, цели и объему действия, а правовые нормы – сформулированными с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ними свое поведение, как запрещенное, так и дозволенное».

В развитии указанной позиции Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно в своих решениях отмечал, что неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного его применения, что противоречит конституционным принципам равенства и справедливости, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями, поскольку иное не может обеспечить ее единообразное применение, не исключает неограниченное усмотрение в правоприменительной практике и неизбежно ведет к произволу (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 13 декабря 2001 г. № 16-П, от 11 ноября 2003 г. № 16-П, от 17 июня 2004 г. № 12-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 17 октября 2012 № 21-П).

В таких весьма непростых условиях правоприменительные органы, при рассмотрении конкретных ситуаций в отношении «иностранных агентов», порой проявляют излишнюю долю усмотрения, причем, в значительном числе случаев, далеко не в пользу некоммерческой организации или физического лица, выступающих с критикой деятельности отдельных органов государственной власти или государства в целом. Именно поэтому, по нашему мнению, составные элементы юридической категории «политическая деятельность» должны быть более детально сформулированы в действующем российском законодательстве и включать в себя максимально возможные законные формы ее реализации, избегая употребления понятий, не имеющих легального определения.

В условиях снижения экономической активности не только в России, но и в целом в мировом сообществе, в связи с проводимыми мерами по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции, весьма критичным и дискуссионным является еще один признак некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента – «получе-

ние денежных средств и (или) иного имущества от иностранных источников».

Отечественный законодатель не предусмотрел какой-либо дифференциации по объему и периодичности получаемого иностранного финансирования, хотя размер такового в денежном выражении, а также регулярность его получения, по нашему мнению, являются крайне важным показателем, позволяющим сбалансировать публичные (государственные) и частные интересы индивидов и их объединений, в части обоснованности ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые, очевидно, предполагает статус иностранного агента.

Так, одна российская некоммерческая организация может получить из иностранного источника сумму в 100 рублей в качестве однократного перевода от одного источника, а другая может на регулярной основе получать миллионы рублей от разных иностранных источников, но последствия для обоих будут одинаковыми – они становятся в соответствии с требованиями российского законодательства иностранными агентами со всеми вытекающими правовыми последствиями.

Именно поэтому видится целесообразным связать получение статуса иностранного агента не просто с фактом получения финансирования из иностранного источника, а с фактом получения сумм определенного размера, причем с определенной законом степенью регулярности. Подобная мера позволила бы защитить российские некоммерческие организации от возможных провокаций по части анонимных переводов из иностранных государств, а значит, в свою очередь, отделила бы меру по защите суверенитета от меры внутривнутриполитической борьбы с оппозицией.

Касательно же физических лиц, нельзя не отметить, что для признания их выполняющими функции иностранного агента достаточно и вовсе некой организационно-методической помощи, под определение которой на сегодняшний день может попасть даже банальный разговор на околополитическую тему, потому как закон не раскрывает, что под этой самой помощью следует понимать. Деятельность же иностранного журналиста-интервьюера, пишущего на околополитическую, тему будет априори связанной с выполнением функций иностранного агента и потому он может получить статус иностранного агента абсолютно в любое время, просто за то, что делает свою работу.

Подводя общий итог, хотелось бы отметить, что «мягкая сила» уже оказала существенное влияние на развитие международных процессов и ход мировой истории, особенно в последние четверть века. Она сыграла важнейшую роль в крушении СССР, а затем стала ядром сценария «цветных революций» и «арабской весны» [4. С. 73].

В этой связи не представляется какой-либо случайностью, что государства СНГ, в особенности, конечно, те, где сценарий так называемых цветных революций не был по тем или иным причинам реализован, озаботились введением защитных мер, способных оградить их от недружественного иностранного вмешательства в их внутренние дела по средствам финансирования различного рода коммерче-

ских организаций. Однако не следует забывать, что любые запреты и ограничения хороши не своей строгостью, а своей соразмерностью с предотвращаемой ими угрозой.

По части понимания границ этой самой соразмерности государства СНГ, как показал проведенный нами анализ их законодательства, как раз и расходятся во взглядах – от представления отчета о расходовании средств, полученных из иностранных источников финансирования, до согласования самой возможности получения средств из иностранных источников. Однако из всех государств СНГ именно российское нормативное правовое регулирование вызывает устойчивую и порою довольно обоснованную критику в зарубежных странах и практике Европейского суда по правам человека.

Для цели защиты суверенитета России и формирующегося российского гражданского общества от деструктивного иностранного влияния, по нашему мнению, ужесточение контроля за получением некоммерческими организациями, осуществляющими политическую деятельность на территории России, финансирования от иностранных источников представляется вполне логичным, но в связи с распространением категории «иностранная агент» на физических лиц, вызывает опасение, что указанный термин будет одним из способов воздействия на физических лиц, проявляющих активную гражданскую позицию, что в условиях наличия в Конституции Российской Федерации конституционных признаков российского государства как правового и демократического является весьма нежелательным исходом.

Весьма неплохо было бы подумать российским законодателям над вопросом легализации в отдельную категорию некоммерческих организаций, осуществляющих политическую деятельность на территории России, по аналогии с уже имеющейся категорией социально ориентированных некоммерческих организаций [11. С. 26–39; 12; 13], с одновременной конкретизацией того, что мы под этой самой политической деятельностью понимаем, без злоупотребления оценочными категориями. И уже для такого рода некоммерческих организаций, причем, без разделения их на российские, иностранные или международные, можно было бы установить лимиты на получение финансирования от иностранных источников, обязанности регулярно отчитываться о расходовании такого рода средств, обязанности регистрировать иностранные гранты, а также обязанности согласовывать с уполномоченными на то органами получение финансирования сверх установленных лимитов.

Подобные меры, будучи реализованными, дали бы возможность эффективно противодействовать применению механизмов «мягкой силы» в отношении России со стороны иностранных государств и в то же время позволили бы избежать негативного влияния на еще только формирующееся в России гражданское общество, которое по аргументированному мнению отдельных авторов уже имеет место быть [14], а также не отбить желание наших граждан и их объединений проявлять свою активную гражданскую позицию и бороться за свои права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более подробно об этом можно ознакомиться в следующем источнике: НКО, как инструмент «мягкой силы». URL: <http://lawinrussia.ru/content/nko-kak-instrument-mygkoj-sily> (дата обращения: 24.01.2020).

² Более подробно проблематика данного закона довольно подробно описывается, например, в работе О.Н. Зименковой [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Nye Jr. J.S. Bound to Lead : The Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1990. 307 p.
2. Най Дж.С. Гибкая власть : Как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. В.И. Супруна. М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с.
3. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12. С. 95–111.
4. Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. С. 73–86.
5. Мартынова О.И., Головин В.Г. Проблематика «мягкой силы» в современной международной политике // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2. С. 84–92.
6. Федотов М.А. К вопросу о понятии «иностранная агент» в российском праве // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. № 2, Т. 11. С. 4–78.
7. Аверкина Ю.Б. К вопросу о регулировании деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента // Вестник СГЮА. 2018. № 5. С. 136–139.
8. Зименкова О.Н. Закон США о регистрации иностранных агентов (FARA), международно-правовое регулирование неправительственных организаций // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. № 2, т. 11. С. 78–92.
9. Чиркин В.Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 13–19.
10. Лысенко В.В. Финансирование НПО: российский, международный и региональный опыт // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 63–71.
11. Кожевников О.А., Нечкин А.В. Правовое положение некоммерческих организаций в Российской Федерации : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. 139 с.
12. Москвитина А.А. Стимулы и барьеры привлечения негосударственных поставщиков к оказанию социальных услуг : Российский и зарубежный опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 88–116.
13. Беневоленский В.Б., Шмудевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО: зарубежный опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 150–175.
14. Аленкин И.В. Иностранные агенты: нужны ли контрреформы? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 21–28.

Статья представлена научной редакцией «Право» 3 ноября 2021 г.

Nonprofit Organizations – Foreign Agents: Experience of Russia and Other CIS Countries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 242–249.

DOI: 10.17223/15617793/471/28

Oleg A. Kozhevnikov, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation); Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: jktu1976@yandex.ru

Andrey V. Nechkin, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: super.nechkin@gmail.com

Keywords: non-governmental nonprofit organization; nonprofit organization; NPO; nonprofit organization – foreign agent; CIS countries; Commonwealth of Independent States; right to association.

The authors compare the existing control mechanisms for the funding from foreign sources that nonprofit organizations operating in some CIS states, in one capacity or another, receive. As a result of the research carried out using logical, dialectical, systems, functional, special legal, and comparative legal methods of scientific knowledge, the authors come to the conclusion that the range of measures taken by the CIS states to protect their sovereignty by means of introducing control for the activities of structural divisions of foreign and international nonprofit organizations, as well as national nonprofit organizations receiving funding from foreign sources, is extremely heterogeneous and can vary: the mandatory submission of reports on the use of funding from foreign sources (Kazakhstan and Tajikistan), the prohibition to store funds and other valuables in banks and non-bank credit and financial institutions located on the territory of foreign states (Republic of Belarus) prior to the mandatory state registration of foreign grants (Turkmenistan), any agreements on the provision of services or the performance of work at the expense of foreign financial sources (Azerbaijan), the establishment of a de facto ban on anonymous donations from foreign financial sources, while simultaneously fixing strict limits on the amount of such donations (Azerbaijan), or the obligatory approval by the authorized state body of the possibility of obtaining funds and property from foreign sources (Uzbekistan). Russia, in terms of the above measures, went much further: in fact, a whole legal institution of a “foreign agent” was created, which covers an extremely wide range of participants and, at the same time, is not devoid of disadvantages that are very significant in terms of the implementation of constitutional rights and freedoms. To eliminate the disadvantages, the authors propose to legalize nonprofit organizations that conduct political activities in Russia into a separate category and to simultaneously specify what should be understood by political activity, without using evaluative categories. Further, for this kind of nonprofit organizations, it seems expedient to set limits on receiving funding from foreign sources, the obligation to regularly report on the expenditure of this kind of funds, the obligation to register foreign grants, and the obligation to coordinate with the authorized bodies the receiving of funding in excess of the established limits.

REFERENCES

1. Nye Jr., J.S. (1990) *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books.
2. Nye Jr., J.S. (2006) *Gibkaya vlast': Kak dobit'sya uspekha v mirovoy politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. Translated from English by V.I. Suprun. Moscow: Fond sotsioprognozticheskikh issledovaniy “Trendy”.
3. Ponkin, I.V. (2014) Tekhnologii “myagkoy sily” kak sredstvo disfunktsionalizatsii i razrusheniya gosudarstva [“Soft power” technologies as a means of dysfunctionalization and destruction of the state]. *Pravo i obrazovanie*. 12. pp. 95–111.
4. Naumov, A.O. (2016) Soft power and color revolutions. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*. 1. pp. 73–86. (In Russian).
5. Martynova, O.I. & Golovin, V.G. (2019) The Problematics of “Soft Power” in Modern International Policy. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2. pp. 84–92. (In Russian).
6. Fedotov, M.A. (2012) K voprosu o ponyatii “inostranny agent” v rossiyskom prave [On the concept “foreign agent” in Russian law]. *Trudy po intellektual'noy sobstvennosti*. 11 (2). pp. 4–78.
7. Averkina, Yu.B. (2018) K voprosu o regulirovani deyatelnosti nekommercheskikh organizatsiy, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta [On regulating the activities of nonprofit organizations that perform the functions of a foreign agent]. *Vestnik SGYuA*. 5. pp. 136–139.
8. Zimenkova, O.N. (2012) Zakon SShA o registratsii inostrannykh agentov (FARA), mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie nepravitel'stvennykh organizatsiy [The US Foreign Agents Registration Act (FARA), international legal regulation of non-governmental organizations]. *Trudy po intellektual'noy sobstvennosti*. 11 (2). pp. 78–92.
9. Chirkin, V.E. (2013) A Word on Constitutional Terminology. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 12. pp. 13–19. (In Russian).
10. Lysenko, V.V. (2015) Finansirovanie NPO: rossiyskiy, mezhdunarodnyy i regional'nyy opyt [NGO financing: Russian, international, and regional experience]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 3. pp. 63–71.
11. Kozhevnikov, O.A. & Nechkin, A.V. (2020) *Pravovoe polozhenie nekommercheskikh organizatsiy v Rossiyskoy Federatsii: ucheb. posobie dlya vuzov* [Legal status of nonprofit organizations in the Russian Federation: textbook for universities]. Moscow: Yurayt.
12. Moskovskaya, A.A. (2018) Incentives and Barriers to Engaging Non-state Providers in the Provision of Public Social Services: Russian and Foreign Experience. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 3. pp. 88–116. (In Russian).
13. Benevolenskiy, V.B. & Shmulevich, E.O. (2013) Government Support for Socially Oriented Npos: Foreign Experience. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 3. pp. 150–175. (In Russian).
14. Alen'kin, I.V. (2016) Foreign agents: are counter-reforms needed? *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 6. pp. 21–28. (In Russian).

Received: 03 November 2021

А.И. Коробеев, Д.В. Жмуров

КИБЕРВИКТИМОЛОГИЯ ФЕЙКА: ПЕРВИЧНОЕ ДОСЬЕ

Обозначается самостоятельная проблема виктимизации личности от потребления ею ложной, некачественной или искаженной медиа-информации. Эти опасные исходные данные отразились в таком генерализованном понятии, как «фейк». Обоснована актуальность научного исследования этой проблемы, предложена дефиниция фейка, а также рассмотрены некоторые его типологические особенности.

Ключевые слова: кибервиктимология; кибервиктимность; кибервиктимизация; фейковые новости; фейк; фейковые преступления

Термин «фейк» вошел в языковую моду относительно недавно. Останется он или выйдет из употребления – покажет время. В английском языке фейк означает фальшивку, подделку, что-то не соответствующее действительности и вводящее в заблуждение. Новизна понятия вовсе не означает, что фейки не существовали ранее. Как свидетельствуют исторические источники, они сопровождают человечество еще со времен египетских фараонов, Средневековья [1] и революционных потрясений начала XX в. [2].

Со временем термин «фейк» перерос свою изначальную трактовку в качестве ложной новости и продолжает наполняться новыми смыслами. При этом суть его неизменна и выражается в стремлении выдать нечто мнимое, фиктивное за настоящее и реальное.

Представляется важным изучить фейк в виктимологическом аспекте в качестве важной характеристики ряда криминальных поступков, получивших в последнее время широкое распространение. Этот вопрос волнует не только научное сообщество, но вызывает определенный интерес и со стороны властей. Глава Следственного комитета РФ С. Бастрыкин в своем выступлении подчеркнул особую опасность фейков, упомянув в этом контексте необходимость «вакцинации правом» данной сферы общественной жизни.

Очевидно, что в свете эволюционных изменений преступности фейк как форма криминальной активности приобретает все большую популярность.

Если трактовать фейк *широко*, то это – особый феномен, область преступной деятельности, в которой заняты тысячи людей. Их объединяет то, что они создают ложный продукт (информацию, материальные предметы, художественные ценности), выдавая его за подлинный и совершая тем самым противозаконные деяния.

Если интерпретировать фейк *узко*, то его можно определить как манипулирование информацией, т.е. ее вредоносное распространение, имеющее самостоятельное уголовно-правовое значение.

При этом, по мнению отечественного законодателя, такое манипулирование должно:

- а) представлять собой утверждение факта, а не выражение мнения;
- б) иметь целью введение других людей в заблуждение;
- в) представлять потенциальную общественную угрозу (к примеру, угрозу причинения вреда жизни и

здоровью граждан или имуществу, массового нарушения общественного порядка или безопасности, создания помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры).

Вероятно, именно указанными обстоятельствами руководствовался российский законодатель, предложивший рассматривать особо опасные формы распространения фейк-информации в качестве квалифицированных видов уголовно-наказуемой клеветы. Во всяком случае, в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ «О внесении изменений в ст. 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» сформулированы новые квалифицирующие признаки данного преступления – клевета, совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, а равно в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч. 2 ст. 128¹ УК).

Примечательно, что в целом положительные официальные отзывы на законопроект содержали ряд оговорок. Так, в официальном отзыве Правительства России отмечалось, что диспозиция проектируемой статьи 128¹ УК нуждается в уточнении, в том числе в части возможного признания потерпевшими индивидуально не определенных лиц. В официальном отзыве Верховного Суда РФ зафиксирован вывод: с учетом того, что под клеветой как уголовно наказуемым деянием понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство или подрывающих репутацию конкретного лица, указание в проектной ч. 2 ст. 128¹ УК РФ в качестве одного из квалифицирующих признаков на совершение клеветы в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, представляется не вполне обоснованным [3].

Нельзя не отметить, что тема фейка не раз становилась предметом обсуждений в отечественной и зарубежной науке. В западной публицистике неоднократно использовался термин «fake crime», который, в зависимости от контекста, приобретал несколько значений.

Во-первых, это деяние, которое, не обладая повышенной общественной опасностью, тем не менее влечет уголовно-правовую реакцию и санкции со стороны государства [4]. Такое понимание фейк-преступлений встречается в работах, посвященных осмыслению каталонских протестов в Испании 2018–2019 гг.

Дело в том, что против активистов Каталонской независимости во время волнений 2018 г. было возбуждено значительное количество уголовных дел по «надуманным предлогам». При этом подавляющее большинство испанских экспертов по уголовному праву заявило, что процесс независимости в Каталонии не породил ни мятежа, ни крамолы, ни злоупотребления государственной властью, которые, собственно, инкриминировались обвиняемым. В этом случае термин «fake crime» олицетворяет собой деяния, которые стали поводами для фабрикаций уголовных дел.

Во-вторых, понятие фейк-преступлений использовалось для описания целого ряда провокационных инцидентов, имевших место в США. Fake crime в данном случае понимается как симуляция преступления самой жертвой, например, в случаях, когда чернокожие для привлечения внимания к своей персоне или получения компенсаций имитировали расовые преступления в отношении самих себя.

Журналистские расследования подробно вскрыли проблему фальсификации «преступлений ненависти». Описаны примеры более 30 подобных деяний, получивших общественный резонанс [5]. Другим примером являются «псевдопреступления» против нелегальных иммигрантов в США. Они подстроены ими самими ради получения вида на жительство. По американским «законам убежища» лица, ставшие свидетелями или жертвами преступлений, могут рассчитывать на визу. Некоторые из них идут на уловки и хитрости, заявляя о несуществующих криминальных актах [6].

В-третьих, фейк-преступлениями иногда называют имитационные действия, совершенные ради забавы или из хулиганских побуждений. Это могут быть провокации, связанные с инсценировкой убийств [7], разбойных нападений [8] и проч.

Таким образом, однозначного мнения о природе и содержании криминального фейка сегодня нет. В Уголовном кодексе РФ в 2020 г. появились ст. 207¹ и 207², устанавливающие уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а также за публичное распространение заведомо ложной информации, повлекшее тяжкие последствия. Эти новые составы «информационной» уголовной ответственности, безусловно, криминализируют распространение фейков, но лишь малой их части.

Вместе с тем криминальный фейк не исчерпывается указанными видами преступлений и проявляет себя более широко. Манипулирование информацией встроено в различные составы общественно опасных деяний и используется на разных этапах криминальной деятельности. Можно назвать, по крайней мере, четыре сферы его применения и соответствующие типы жертв:

А. В политической сфере фейки представляют собой распространение информации, компрометирующей те или иные политические силы, дискредитирующей официальную власть, конкретного политика или способной оказать влияние на внутреннюю и

внешнюю стабильность (политические фейки). Исследователи констатируют, что свободу слова многие СМИ трансформировали в «фейк-технологии» манипулирования общественным сознанием [9].

Политические фейки могут быть результатом внутреннего противоборства или даже конфликта межстрановых интересов. Они распространены повсеместно. Громкие скандалы с ложными обвинениями проходили в США, Белоруссии, России, Украине, Германии и других странах (к примеру, вмешательство России в выборы президента США, во внутренние дела Великобритании, списание В. Путиным долгов Африке на сумму 20 млрд долларов и др.).

На региональном политическом уровне в России периодически фабрикуются фейки о грядущих отставках губернаторов (мнимые отставки А. Беглова, Р. Кадырова, С. Левченко и проч.), сексуальных скандалах (обвинения Л. Слуцкого, И. Кобзева) и т.д. По механизму появления – это якобы инсайдерская информация на анонимных telegram-каналах или сведения, полученные «из неназванного источника». На общероссийском уровне проводятся целые фейк-кампании по дискредитации внутренних политических инициатив, избирательных мероприятий, отдельных направлений актуальной политики. К числу подобных примеров можно отнести эпидемию фейков, касающихся поправок в Конституцию РФ в 2020 г. [10].

В политическом манипулировании высокие шансы на успех предрекают технологии дипфейка, т.е. программной подмены лица и голоса известных политиков. Такие видео вполне реалистичны и перед тем как будут разоблачены, могут оказать серьезное влияние на воспринимавшую их публику.

Одной из первых жертв дипфейка стала спикер палаты представителей конгресса США Н. Пелоси. На Facebook была опубликована запись ее «выступления» с измененной речью, создающая впечатление, что политик пьяна. Несмотря на последовавшие опровержения, репутационный ущерб уже был нанесен.

На фоне этих событий в Калифорнии был принят запрет на дипфейки, создаваемые в политических целях (Act AB-730 Elections: deceptive audio or visual media), а также на дипфейки в порнографическом видео (Act AB-602 Depiction of individual using digital or electronic technology: sexually explicit material: cause of action). В 2019 г. были зафиксированы первые случаи использования искусственного интеллекта для имитации голоса (deepfake voice attacks) [11].

Ключевой жертвой политических фейков оказываются, как ни странно, не политики, против которых они создаются, а конечный потребитель информации, т.е. объект манипуляции (избиратель, гражданин). Именно у него формируется негативное отношение к власти, стремление изменить политический ландшафт, убеждение в необходимости смены режима, готовность к политическим протестам, абсентистские взгляды. Порой политические фейки не имеют манипулятивных целей, а созданы исключительно для привлечения аудитории к интернет-ресурсу, стимулированию просмотров и увеличению заработка в системах контекстной рекламы.

Б. В сфере отношений собственности фейки используются как инструмент завладения чужими денежными средствами (фейк как элемент хищения).

В самом общем виде схема выглядит следующим образом: преступники создают фейковый информационный ресурс (сайт, объявление, анкету, софт) и мотивируют жертву под разными предлогами заплатить им деньги или предоставить конфиденциальную платежную информацию. В отдельных случаях имеет место создание фейковых электронных кошельков, имитирующих платежные системы официальных компаний GreenAddress, Simple Bitcoin Wallet, GreenBits Bitcoin Wallet, Bitcoin Armory Wallet [12].

Описать все многообразие мошеннических приемов не представляется возможным, поскольку они появляются и теряют свою актуальность довольно быстро. Традиционно к таковым можно отнести подложные аккаунты в социальных сетях, порталах знакомств, крупных досках объявлений; фейковые сайты (мошеннические интернет-магазины, фальшивые порталы государственных услуг, файлообменники, рекрутинговые агентства, гаранты безопасных сделок, брокерские компании, сервисы по защите от кибермошенничества и проч.).

Все подобные фейки предназначены для обмана пользователя путем имитации и создания фальшивого субъекта коммуникации (продавца или покупателя в объявлении; знакомого, который просит одолжиться; государственного органа, назначающего штраф; кадрового агентства, собирающего данные о соискателях; благотворительного детского фонда и т.д.).

Отдельно стоит упомянуть о целом эпистолярном жанре «фейковой корреспонденции» – различного рода письмах от несуществующих адресатов, предлагающих под разными предлогами перейти на фишинговый сайт или содержащих вирус во вложении. Единственная цель всех указанных подмен – присвоить себе деньги жертвы либо получить ее персональные данные для дальнейшего извлечения прибыли (их перепродажи, вывода денег со счета).

По продолжительности взаимодействия с жертвой фейки представлены в виде одноходовых или многоходовых комбинаций.

К одноходовым относятся деяния, ограниченные одним коммуникативным актом жертвы и преступника. Например, последний создает подложный сервис «Безопасная сделка» в интернете и продает через нее несуществующий товар. При этом делается полная копия сайта и размещается на домене, похожем на домен SafeCrow или Garant.pro.

Бывает и так, что коммуникативный акт между людьми не предполагается. Мошенник создает работающий фейк без необходимости вступать в вербальный контакт с жертвой. Так, в начале эпидемии коронавируса в России абонентам стали поступать SMS-сообщения о нарушении ими режима самоизоляции. К гражданам обращались по имени и фамилии от лица органов официальной власти. В сообщении утверждалось, что, по данным геолокации, человек нарушил режим карантина в связи с чем должен уплатить штраф. В случае неуплаты угрожали уголовной ответ-

ственностью по ст. 236 УК РФ («Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»).

Схожим фейком является подмена государственных интернет-ресурсов, где жертву побуждают оплатить свои мнимые или реальные штрафы, налоговые платежи и т.д. Внешне эти сайты копируют фирменный стиль и символику официальных порталов (федеральной налоговой службы, правительства Москвы, службы судебных приставов, госуслуг). Только за последнее время двойников госуслуг в сети было зарегистрировано несколько десятков (gosuslugi.expert, esla-gosuslugi.ru, gosuslugis.ru и проч.).

К многоходовым комбинациям относятся деяния, предполагающие несколько актов взаимодействия жертвы и преступника. Сложные схемы обмана нужны для убеждения потенциального потерпевшего, приобретения его доверия, либо достижения нескольких преступных целей (например, получить и персональные данные, и денежные средства).

К таким случаям можно причислить различные лотереи и розыгрыши призов, где участникам сначала предлагают заполнить анкету, пройти опрос и поделиться его результатами в социальных сетях. После этого требуется повторное заполнение персональных данных, оплата налога или комиссионного сбора на выигрыш. Далее связь с организаторами лотереи теряется.

В другом виде мошенничества жертве предлагают заработать на инвестициях. Потерпевший регистрирует брокерский счет, взаимодействует с «персональным менеджером», переводя деньги «специалистам» для осуществления биржевых спекуляций, после чего консультанты перестают выходить на связь. Согласно данным Банка России, в первой половине 2020 г. в сети Интернет было выявлено около 119 тыс. сайтов нелегальных форекс-дилеров. Под ударом таких мошенников находится примерно сто тысяч россиян ежедневно [13]. Ущерб от их деятельности не установлен.

С точки зрения уголовно-правовой оценки данный подвид фейка реализуется в нескольких составах преступлений: краже с банковского счета, а равно в отношении электронных денег, мошенничестве с использованием электронных средств платежа и обычном мошенничестве.

В. В сфере экономической деятельности под фейками понимается дезинформация, наносящая ущерб участникам рыночных отношений (экономические фейки). Это могут быть информационные поводы, ведущие к необоснованному росту (снижению) рыночной капитализации субъектов экономики, влекущие репутационные потери, получение или утрату торговых предпочтений и т.д.

По сути, данные фейки выступают грозным оружием недобросовестной конкуренции, причиняющим значительный финансовый ущерб.

Можно привести несколько примеров экономических фейков. Так, в 2009 г. опубликованное сообщение о смерти главы американской телекоммуникационной компании AT&T привело к резкому падению акций этой компании и дезориентации стейкхолдеров компании. Другая фейковая новость о негативных высказываниях председателя совета директоров PepsiCo в адрес сторонников американского прези-

дента обрушила показатель потребительского восприятия компании на 35% по Америке и 20% по миру [14]. United Airlines за несколько минут потеряла более 70% рыночной капитализации из-за ошибочно опубликованной новости о ее банкротстве. В 2017 г. фейк телекомпании ABC привел к обрушению рынка на \$300 млрд. Впрочем, были и обратные примеры. Так, сообщение о готовящейся сделке по покупке Twitter компанией Google, опубликованное на поддельном сайте Bloomberg, спровоцировало рост акций Twitter на 8%, благодаря чему капитализация компании увеличилась на \$2 млрд [15].

Оценке ущерба от экономических фейков было посвящено исследование компании CHEQ совместно с университетом Балтимора (2019 г.) [16]. По мнению аналитиков, ежегодно из-за ложных новостей в мировом масштабе акционеры теряют 39 млрд, а мировая экономика – около 78 млрд долларов. При этом, по прогнозам аналитиков, компании каждый год будут терять приблизительно \$9 млрд из-за дезинформации в области здравоохранения, \$17 млрд – из-за финансовой дезинформации, \$9 млрд – из-за управления репутацией, \$3 млрд – из-за усилий по обеспечению безопасности [17].

Жертвами фейков рассматриваемой категории являются экономические субъекты, в первую очередь юридические лица, которые несут весь груз последствий подобных вбросов. Вместе с тем сами фейки адресованы не прямым жертвам, а лицам, от которых может зависеть судьба компаний (потребителям, акционерам, брокерам, политикам и проч.). Это уже приобретает вид опосредованного ущерба.

Г. В сфере межличностных отношений фейки выступают как орудие причинения вреда конкретному человеку (группе людей), средство привлечения внимания аудитории или способ удовлетворения иных личных потребностей (интерперсональные фейки).

Ими являются различного рода информационные подделки, преследующие несколько целей.

- во-первых, дискредитацию какого-либо лица или группы;
- во-вторых, сбор информации об интимных сторонах жизни жертвы;
- в-третьих, рост популярности или получение доходов от притока посетителей на сайт.

В первом случае основными мотивами фейков выступают личная неприязнь, стремление самоутвердиться за счет других, межрасовая и национальная рознь (*фейки-обвинения*). Приобретают актуальность порнографические дипфейки, т.е. сфальсифицированные фотографии или видеоролики половых сношений с наложением изображений людей, не участвовавших в их съемке. Это явление (родственное или весьма близкое понятию «порно из мести») уже оценивается как общенациональная проблема в США [17].

В России эти фейки встречаются реже, но имеются другие, менее технические проработанные, однако вполне способные спровоцировать серьезный психический и даже физический вред. Традиционным примером сведения счетов является создание фейковых профилей в социальных сетях с оскорбительными статусами, предложением интимных услуг, клеветническими измышлениями.

Потерпевших могут подвергать травле (кибербуллинг) после фейковых публикаций и даже целых кампаний по дискредитации их доброго имени. Иногда это происходит в форме обвинения в распространении наркотиков [18]. Все чаще фиксируются случаи публичных обвинений в распространении коронавируса, а именно в том, что человек оказался «нулевым пациентом» [19]. Иногда жертву упрекают в непристойном поведении, проституировании и тому подобном. Имели место случаи, когда подобные обвинения приводили к суицидальному исходу, серьезным проблемам на работе и месте учебы [20]. Однако масштабы этого явления оценить весьма сложно, поскольку масса таких случаев не получает правовой оценки. По мнению The Independent, многие женщины из Инстаграма жалуются на поток обвинений в проституции и оказании эскорт-услуг [21]. Мужчины, в свою очередь, становятся жертвами ложных обвинений в изнасиловании [22] и педофилии со стороны своих бывших партнеров, недоброжелателей, иногда журналистов, стремящихся разыграть пиар-историю [23, 24].

Во втором случае в основе создания фейка лежит желание получить конфиденциальную информацию для шантажа, удовлетворения патологических сексуальных потребностей и т.д. (*инструментальные фейки*).

К подобным случаям можно отнести эпизоды интимной переписки и обмена откровенным сексуальным контентом между преступником и жертвой. При этом злоумышленник действует не от своего имени. Педофилы представляются такими же детьми, создавая аккаунты под вымышленными именами с фотографиями симпатичных подростков. С одного аккаунта общаются с 5–6 детьми, через какое-то время удаляют все и снова создают [25].

В третьем случае фейк является разновидностью презентации, т.е. фактически создается для рекламы, саморекламы или антирекламы (*фейки-презентации*). Он нужен для популяризации личности, блога или сайта, создания шумихи вокруг автора или источника сообщения. Иногда это обозначается словом «хайп». Мотивы у фейк-мейкеров могут быть самыми разными: от монетизации трафика до алармизма и параноидальных (бредовых) убеждений.

Фейк-презентация имеет несколько форм:

Некомпетентные советы и указания (лайфхаки).

Тиражируемые в интернете рекомендации неспециалистов относительно способов и путей решения сложных жизненных ситуаций, если они приводят к опасным последствиям.

Одним из таких фейков стало распространение схем лечения COVID-19, от которых в мире скончались, по меньшей мере, 800 человек и около 6 тыс. были госпитализированы. Это касается советов об эффективности внутреннего употребления кожных антисептиков, необходимости питья отбеливателя и коровьей мочи, употребления коровьего навоза, проглатывания раствора серебра и нанесения хлора на поверхность тела [26]. Несмотря на то что подобная информация на слуху, никто не считал число жертв, отказавшихся от традиционного лечения других опасных заболеваний, предпочтя им магические практики или народную медицину (лечение ВИЧ

молитвами или заговорами, лечение онкологических заболеваний травами и проч.).

Недостовверные и искаженные новости – это информационные мистификации или распространение мизинформации в социальных медиа и традиционных СМИ. В таких материалах слабо выдержан журналистский стиль, они ссылаются на анонимные источники, вместо фактов апеллируют к эмоциональным утверждениям, имеют скандальные или интригующие заголовки и т.п.

Периодически создаются фейки про полицейских, врачей, преступников, болезни, политику, в России публикуют фейки про Украину, а в Украине – про Россию. Периодически публикуются фотороботы банд педофилов [27]; сообщается о внезапной смерти известных людей [28] и т.п. О событиях на Украине, например, идет волна фейковой информации. Достаточно прочесть нескольких заголовков: «На Украине педагоги учат детей убивать снежирами», «На Украине решили запретить Масленицу и декоммунизировать поедание блинов», «Русскую березу объявили на Украине деревом-оккупантом» и проч. [29].

Намеренные провокации (политические пародии, скандальные разоблачения) – это явная дезинформация с целью повлиять на мнение третьих лиц, побудить их к определенным действиям.

Такие новости вызывают резко отрицательные эмоции, негодование, стремление наказать виновных. Весьма эффективной для европейцев оказалась ложь протестующих в Белоруссии (2020 г.) по поводу сексуального насилия со стороны правоохранительных органов: «Спецназ в Беларуси пытается и насилует задержанных», «Мужчин насиловали дубинкой, девушек пускали по кругу...» и т.п.

В США публикация другого провокативного фейка чуть не привела к трагическим последствиям. Этот случай называют «пиццагейт». Поводом к нему послужила фальшивка о том, что кандидат в президенты США Х. Клинтон и ее подчиненный Д. Подеста создали сеть педофилов, которая базировалась в Вашингтонской пиццерии. В здании ресторана якобы имелись секретные комнаты, где удерживались дети, проводились оргии и даже сатанистские обряды. Этот фейк спровоцировал вооруженное нападение в одном из мест общественного питания.

Создание лжеэкспертов, фейковые комментарии, посты и обсуждения. Это одна из форм подмены реальности срежиссированным суррогатом. Существует даже специальный термин – астротурфинг, обозначающий искусственную народную поддержку под общественную инициативу. Данное явление преимущественно распространено в интернете и направлено на имитацию широкой поддержки людей, организаций или их деятельности. Если поддержки простых людей недостаточно, свою роль могут сыграть фейковые эксперты, специально созданные для «авторитетного» продавливания нужной позиции или мнения.

Фейковые комментарии, посты и обсуждения являются информационным шумом, сопровождающим какие-либо события и содержащим в себе ложные сведения. Например, многочисленные сообщения с

завышенными оценками числа жертв при пожаре ТЦ «Зимняя вишня» (г. Кемерово). Некоторые блогеры ради сенсационности сообщений преувеличивали число пострадавших, сравнивали пожар с трагедией на Чернобыльской АЭС и проч. [30].

Жертвами фейков в сфере межличностных отношений зачастую становятся обычные пользователи интернета, т.е. все те, кому адресована искаженная информация. В уголовно-правовой плоскости они являются потерпевшими от клеветы, нарушения неприкосновенности частной жизни и тайны переписки, вымогательств, развратных действий, понуждения к действиям сексуального характера и т.п.

Вместе с тем возникает вопрос, насколько правомерно признавать жертвами фейков тех, кто поддался и поверил фальшивым новостям, пошел на поводу у новоявленных гуру и оказался убежден в реальности их выдумок. Формально они не понесли ущерба. Более того, предпочтение такой информации – это выбор самих пользователей. Дело в том, что новостные ленты соцсетей формируются с учетом индивидуальных интересов и привычек. Они учитывают каждое действие пользователя, сохраняют его результаты и делают ленту все более персонализированной. Со временем человек начинает видеть только то, что согласуется с его точкой зрения и перестает получать противоречащие его мнению сведения, замыкаясь внутри информационного пузыря. Поисковая система сама решает, что может быть интересно пользователю, и скрывает часть результатов [31].

Таким образом, потребители фейков-презентаций сами в определенной степени создают спрос на них, формируя интересную им повестку. Прежде всего, они выступают потребителями и ретрансляторами фейковой информации. Жертвами их можно признать лишь в том плане, что они страдают от некачественной (недостовверной) информации, которая вполне способна модифицировать их мировоззрение и поведение. Эти лица в силу разных причин оказались неспособными различить правду и ложь, стали объектом манипулятивного воздействия.

По данным ВЦИОМ, почти половина россиян не может отличить достовверные новости от фейков. 33% молодых лиц и более 50% пожилых сообщили о затруднениях в оценке качества информации. Проблема фейковых новостей все более и более обостряется, каждый второй признается, что не может отличить достовверную информацию от ложной. Это касается и того факта, что сегодня достовверная информация на вид почти не отличается от достовверной, а порой выглядит даже более убедительно [32].

Если говорить о создателях фейков (фейк-мейкерах), то это весьма неоднородная группа. Среди указанных лиц можно обозначить индивидов со следующими типами поведения:

а) криминальный тип, т.е. все, кто использует фейковые инсталляции для преступных целей (интернет-мошенники, хакеры, сексуальные девианты, клеветники, вымогатели и проч.);

б) провокационный тип – лица, публикующие фейки ради оказания идейного и нравственного влияния на других людей. Среди провокаторов также нет единого

типажа. Здесь и начинающие блогеры, которые хотят раскрутиться, собрать трафик на скандальных новостях (хайпажи); лица, действующие против властей своей страны, намеренно «сгущающие краски», стараясь максимально навредить ненавистному режиму (пятая колонна, хейтеры, интернет-хулиганы); профессиональные провокаторы, чья цель – посеять панику, ненависть, разобщенность. Эти лица создают и руководят фейк-компаниями, получают за это вознаграждение;

в) тревожный тип – основные субъекты инфодемии. Это правопорядочные граждане, действующие из наилучших побуждений, в панике и неопределенности распространяющие вбросы и фейковую информацию.

Не стоит игнорировать тот факт, что распространением и синтезированием фейковой информации могут заниматься неодушевленные акторы (боты, комплексы, основанные на использовании искусственного интеллекта) [33].

Жертвы фейков зачастую характеризуются следующими особенностями:

1) они имеют слабые навыки информационной гигиены, не соблюдают элементарные правила безопасности в сети (не проверяют источники информации, разглашают персональные данные);

2) характеризуются высоким уровнем доверия к интернет-источникам и наивной верой в правдивость сведений, передающихся «из уст в уста» от обычных пользователей;

3) проявляют импрессионную эмоциональность, т.е. повышенную эмоциональную отзывчивость на явления любого уровня [34]. Фейки, как уже упоминалось, апеллирует именно к эмоциям и чаще всего к обостренному чувству справедливости и страхам (угрозы здоровью, страх бедности и обнищания, страх потери свободы и др.);

4) отличаются односторонностью, предвзятостью мышления, пристрастностью и необъективностью в оценках поступков, действий и личностных качеств людей (тенденциозность мышления);

5) отдают предпочтение сенсационной информации, вызывающей WOW-эффект, проявляют неподдельный интерес к интимной стороне жизни других людей, любезно преподнесенной в разнообразных источниках. Это напоминает своего рода «информационный вуайеризм». Потенциальные жертвы фейков в меньшей степени стремятся самостоятельно анализировать информацию, предпочитая брать готовый материал и соглашаться с ним либо отвергать его.

Резюмируя изложенное, приходим к выводу, что фейк как форма криминальной компрометации имеет вполне реальные жизненные перспективы. Обман и ложь будут вечными спутниками человека. В руках одних – это инструмент влияния и достижения целей, для других – внутренняя потребность быть обманутым или обманывать самому.

Современные фейки – лишь новая форма упаковки лжи с ее неизменным и непреходящим содержанием. А вот объемы и масштабы информационных фейков, их общественная опасность и кажущаяся достоверность в современном обществе будут только разрастаться. Это объясняется ажиотажным спросом на подобный продукт.

Можно смело утверждать, что человечество вступило в эру фейков – время, когда границы между ложью и правдой стерты и многим нет до этого дела. Но уголовное право в данном случае должно стоять на страже охраны интересов личности, общества и государства от подобного рода антисоциальных проявлений. Ясно также, что одними изменениями, внесенными законодателем в ст.128¹ УК РФ, и криминализацией деяний, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ, сфера уголовно-правовой борьбы с новыми видами антисоциального поведения ограничиться не может. Требуется разработка и принятие комплекса мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие этому негативно-му социальному феномену.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fake News haben eine lange Tradition. URL: <https://www.scinexx.de/news/geowissen/fake-news-haben-eine-lange-tradition/>
2. Меламед Ю. Фейковый президент // Газета.ру URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/melamed/13103911.shtml>
3. Козлова Н. Ложь обойдется дорого // Российская газета. 2021. 12 января. № 2 (8353). URL: <https://rg.ru/2021/01/11/rg-publikuet-popravki-v-uk-o-nakazanii-za-klevetu-v-internete.html>
4. Joan J. Queralt. Fake crimes // El.national. 2018. URL: <https://clck.ru/RhAUj>
5. Ferguson N. Hate crimes and fake crimes // Boston Globe. 27.02.2019. URL: <https://www.bostonglobe.com/opinion/2019/02/27/hate-crimes-and-fake-crimes/7GmccYT7nznzjXEzftskK/story.html>
6. Ballard K. Illegal Immigrants Fake Crime to Obtain Visas // Liberty Nation. 07.11.2019. URL: <https://www.libertynation.com/illegal-immigrants-fake-crime-to-obtain-visas/>
7. Sonnenberg M. Fake crime scene alarms police // Simcoe Reformer. 22.10.2019. URL: <https://www.simcoereformer.ca/news/local-news/fake-crime-scene-alarms-police>
8. Toy gun, fake crime, real charges. URL: https://www.nzherald.co.nz/world/news/article.cfm?c_id=2&objectid=10746308
9. Чуксина В.В., Бондаренко О.В. Права человека в контексте политико-правовой турбулентности // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27, № 2. С. 218–230. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).218-230
10. ОП за две недели выявила более 1,5 тыс. фейков, связанных с поправками к конституции // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8756631>
11. Stupp C. Fraudsters Used AI to Mimic CEO's Voice in Unusual Cybercrime Case // The Wall Street Journal. 30.08.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402?mod=flipboard>
12. Труханова Э. Мошенники делают выводы // Российская газета. 2020. № 176 (8230). URL: <https://rg.ru/2020/08/11/rg-cfo/kak-raspoznat-telefonnyh-i-internet-moshennikov.html>
13. Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А., Берёзкин Ю.М., Суходолов Я.А. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 85–93. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).85-93
14. Гурова С. Правда или фейк. Как фальшивые новости влияют на бизнес? // Форбс-Россия. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/346751-pravda-ili-feyk-kak-falshivye-novosti-vliyayut-na-biznes>

15. Леванов В. Как фейковые новости могут обрушить бизнес, и как этого не допустить // Журнал Ink. URL: <https://incrusia.ru/understand/kak-fejkovye-novosti-mogut-obrushit-biznes-i-kak-etogo-ne-dopustit/>
16. The economic cost of bad actors on the internet. Fake news. 2019. URL: <https://s3.amazonaws.com/media.mediapost.com/uploads/EconomicCostOfFakeNews.pdf>
17. Делфино Р. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «Порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. № 1. С. 105–141.
18. Фейки и травля в Сети: пора ужесточать ответственность // Рамблер-новости. URL: https://news.rambler.ru/other/39905443/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
19. Волкова А. Новый вид травли в интернете: фейковые обвинения в зараженности COVID-19 // Интернет-журнал «Авокадо». URL: <https://avoka.do/posts/novyy-vid-travli-v-internete-fejkovye-obvineniya-v-zarazhennosti-covid-19>
20. Студентку ошибочно обвинили в проституции // Человек и закон. URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/studentku-oshibочно-obvinili-v-prostitutcii>
21. Hosie R. Sexist websites are «ruining lives» of women on instagram exposing them as "escorts and prostitutes" // The Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/instagram-women-luxury-escorts-prostitutes-sexist-websites-men-misogyny-lifestyle-sponsors-sex-workers-a7523421.html>
22. Обвинение топ-менеджеров «СберСтрахования» в изнасилованиях назвали подделкой // Газета «Известия». URL: <https://iz.ru/1073395/2020-10-13/obvinenie-top-menedzherov-sberstrakhovaniia-v-iznasilovaniakh-nazvali-poddelkoi>
23. К проблеме «ложной педофилии». Доклад М. Лидского на круглом столе «Детские школы искусств: великие традиции и неопределенное будущее» // Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по вопросам развития культуры и сохранению духовного наследия, 17 августа 2020 года. URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/articles/towards-the-problem-of-false-pedophilia/>
24. Шимадина М. Дело Берёзкина разваливается: потерпевшая призналась, что ничего не было // Журнал «Театр». 02.10.2020. URL: <http://oteatre.info/delo-beryozkina-nichego-ne-bylo/>
25. Бессилие ягнят // Лента.РУ. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/06/01/pedofil/>
26. Салькова А. Тысяча смертей: чем опасны мифы о коронавирусе? // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/08/14_a_13193701.shtml
27. Полиция просит не распространять фейк о «банде педофилов», которому уже 10 лет... // Официальный сайт г. Ангарска. URL: <https://angarsk38.ru/news/policiya-prosit-ne-rasprostranyat-fejk-o-bande-pedofilov-kotoromu-uzhe-10-let/>
28. Живее всех живых: сколько раз «умирала» Пугачева до своего 70-летия? // Обозреватель. URL: <https://www.obozrevatel.com/show/news/zhivee-vseh-zhiviyh-skolko-raz-umirala-pugacheva-do-svoego-70-letiya.htm>
29. Ляшенко Д.И. К вопросу о классификации фейков // Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw8/lyashenko-di.html>
30. Майорова Т. Трупы ради хайпа: У фейков про жертвы в Кемерове есть своя закономерность // Сетевое издание «Медиакорсет». URL: https://mkset.ru/news/society/29-03-2018/trupy-radi-haypa-u-fejkov-pro-zhertvy-v-kemerove-est-svoya-zakonomernost?ind=1&page=1&show_dt=1
31. Публичная порка. Мошенники придумали новый способ разорять российские компании. Как их остановить? // Лента.РУ. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/09/02/fake/>
32. Емельяненко А., Яковлева Е. «Крот» и кот. Фейк и хайп правят обществом? Склиф не дает ответ // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/06/26/psiholog-v-epohu-fejkov-i-hajpa-liudi-perestaiut-dorozhit-reputaciej.html>
33. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753–766
34. Барышева Т.А. Творчество. Теория диагностика технологии : словарь-справочник. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/tvorchestvo-teorija-diagnostika-tehnologii-slovar-spravochnik-2014.html>

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 июня 2021 г.

Cyber Victimology of Fake: A Primary Dossier

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 250–257.

DOI: 10.17223/15617793/471/29

Alexander I. Korobeev, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: akorobeev@rambler.ru

Dmitry V. Zhmurov, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: zdevraz@ya.ru

Keywords: cyber victimology; cyber victimhood; cyber victimization; fake news; fake; fake crimes.

For the first time, the article outlines an independent problem of victimization of a person from the consumption of false, low-quality or distorted media information. These dangerous initial data were reflected in the generalized concept of fake. The authors substantiate the relevance of a scientific study of this problem, propose a definition of fake, and consider some of its typological features. They propose to understand fake as the manipulation of information, its harmful distribution, which has an independent criminal law significance. They have established that the term “fake crime” in scientific and journalistic literature has acquired at least three different meanings. The authors conclude that despite the criminalization of new compositions of “informational” criminal liability in terms of the spread of fakes, the legislator does not cover a significant segment of these acts. To understand the scale of the problem, the authors propose a typology of fakes in this study. Fakes are distinguished: a) in the political sphere, as information that damages certain political forces, discredits the official power, a specific politician, or is capable of influencing internal and external stability (political fakes); b) in the sphere of property relations, as a tool to acquire other people’s money (fake as an element of theft); c) in the sphere of economic activity, as a type of disinformation that harms the participants in market relations (economic fakes); d) in the sphere of interpersonal relations, as a tool for causing harm to a specific person (group of people), a means of attracting the attention of an audience or a way to satisfy other personal needs (interpersonal fakes). In addition, the authors identify the special characteristics of victims of fake information. The following characteristics can be distinguished: (1) poor skills of information hygiene, not following basic safety rules in the network (not checking information sources, disclosing personal data); (2) a high level of trust in Internet sources and a naive belief in the veracity of information transmitted by word from mouth to mouth from ordinary users; (3) displayed impressive emotionality, i.e. increased emotional responsiveness to informational messages of any level; (4) one-sided, biased thinking, partiality and bias in assessing acts, actions, and personal qualities of people (bias of thinking); (5) preference of sensational information that causes the WOW effect, a genuine interest in the intimate side of other people’s lives (informational voyeurism).

REFERENCES

1. Scinexx.de. (2017) *Fake News haben eine lange Tradition*. [Online] Available from: <https://www.scinexx.de/news/geowissen/fake-news-haben-eine-lange-tradition/>

2. Melamed, Yu. (2020) *Feykovyy prezident* [Fake President]. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/comments/column/melamed/13103911.shtml>
3. Kozlova, N. (2021) Lozh' oboydetsya dorogo [Lies will be expensive]. *Rossiyskaya gazeta*. 12 January. 2 (8353). [Online] Available from: <https://rg.ru/2021/01/11/rg-publikuet-popravki-v-uk-o-nakazanii-za-klevetu-v-internete.html>
4. Joan, J. (2018) *Queralt. Fake crimes*. El.national. [Online] Available from: <https://clck.ru/RhAUj>
5. Ferguson, N. (2019) Hate crimes and fake crimes. *Boston Globe*. 27 February. [Online] Available from: <https://www.bostonglobe.com/opinion/2019/02/27/hate-crimes-and-fake-crimes/7GmccYT7nzmzjXEzftpsK/story.html>
6. Ballard, K. (2019) *Illegal Immigrants Fake Crime to Obtain Visas*. [Online] Available from: <https://www.libertynation.com/illegal-immigrants-fake-crime-to-obtain-visas/>
7. Sonnenberg, M. (2019) *Fake crime scene alarms police*. [Online] Available from: <https://www.simcoereformer.ca/news/local-news/fake-crime-scene-alarms-police>
8. Nzherald.co.nz. (2011) *Toy gun, fake crime, real charges*. [Online] Available from: https://www.nzherald.co.nz/world/news/article.cfm?c_id=2&objectid=10746308
9. Chuksina, V.V. & Bondarenko, O.V. (2017) Human Rights in the Context of Political and Legal Turbulence. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 27 (2). pp. 218–230. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).218-230
10. ITAR-TASS. (2020) *OP za dve nedeli vyyavila bolee 1,5 tys. feykov, svyazannykh s popravkami k konstitutsii* [In two weeks, the Civic Chamber revealed more than 1.5 thousand fakes related to amendments to the constitution]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/8756631>
11. Stupp, S. (2019) Fraudsters Used AI to Mimic CEO's Voice in Unusual Cybercrime Case. *The Wall Street Journal*. 30 August. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402?mod=flipboard>
12. Trukhanova, E. (2020) Moshenniki delayut vyvody [Fraudsters draw conclusions]. *Rossiyskaya gazeta*. 176 (8230). [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/08/11/reg-cfo/kak-raspoznat-telefonnyh-i-internet-moshennikov.html>
13. Ivantsov, S.V. et al. (2019) Cryptocurrency-Related Crimes: Key Criminological Trends. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13 (1). pp. 85–93. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).85-93
14. Gurova, S. (2017) *Pravda ili feyk. Kak fal'shivye novosti vliyayut na biznes?* [True or fake. How does fake news affect business?]. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/346751-pravda-ili-feyk-kak-falshivye-novosti-vliyayut-na-biznes>
15. Levanov, V. (2019) *Kak feykove novosti mogut obrushit' biznes, i kak etogo ne dopustit'* [How fake news can bring down a business, and how to prevent it]. [Online] Available from: <https://incrusia.ru/understand/kak-fejkove-novosti-mogut-obrushit-biznes-i-kak-etogo-ne-dopustit/>
16. S3.amazonaws.com. (2019) *The economic cost of bad actors on the internet*. Fake news. [Online] Available from: <https://s3.amazonaws.com/media.mediapost.com/uploads/EconomicCostOfFakeNews.pdf>
17. Delfino, R. (2020) Pornographic Deepfakes: The Case for Federal Criminalization of Revenge Porn's Next Tragic Act. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 1. pp. 105–141. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.1.105-141
18. Rambler-novosti. (2018) *Feyki i travlya v Seti: pora uzhestochat' otvetstvennost'* [Fake and bullying on the Web: it's time to tighten the responsibility]. [Online] Available from: https://news.rambler.ru/other/39905443/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
19. Volkova, A. (2020) *Novyy vid travli v internete: feykove obvineniya v zarazhennosti COVID-19* [A new type of bullying on the Internet: fake accusations of infection with COVID-19]. [Online] Available from: <https://avoka.do/posts/novyy-vid-travli-v-internete-feykove-obvineniya-v-zarazhennosti-covid-19>
20. Chelovek i zakon. (2017) *Studentku oshibochno obvinili v prostitutsii* [A student was mistakenly accused of prostitution]. [Online] Available from: <https://chelovekizakon.ru/dela/studentku-oshibochno-obvinili-v-prostitutsii>
21. Hosie, R. (2017) Sexist websites are “ruining lives” of women on instagram exposing them as “escorts and prostitutes”. *The Independent*. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/life-style/instagram-women-luxury-escorts-prostitutes-sexist-websites-men-misogyny-lifestyle-sponsors-sex-workers-a7523421.html>
22. *Izvestiya*. (2020) Obvinenie top-menedzherov “SberStrakhovaniya” v iznasilovaniyakh nazvali poddelkoy [The accusation of top managers of SberStrakhovanie in rape was called a fake]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1073395/2020-10-13/obvinenie-top-menedzherov-sberstrakhovaniya-v-iznasilovaniyakh-nazvali-poddelkoi>
23. Commission of the Civic Chamber of the Russian Federation on the Development of Culture and the Preservation of Spiritual Heritage. (2020) *K probleme “lozhnoy pedofilii”. Doklad M. Lidskogo na kruglom stole “Detskie shkoly iskustv: velikie traditsii i neopredelennoe budushchee”* [To the problem of “false pedophilia”. M. Lidsky's report at the round table “Children's art schools: great traditions and an uncertain future”]. [Online] Available from: <https://www.classicalmusicnews.ru/articles/towards-the-problem-of-false-pedophilia/>
24. Shimadina, M. (2020) Delo Berezkina razvalivaetsya: poterpevshaya priznalas', chto nichego ne bylo [The case of Beryozkin is falling apart: the victim admitted that nothing happened]. *Teatr*. 02 October. [Online] Available from: <http://oteatre.info/delo-beryozkina-nichego-ne-bylo/>
25. Lenta.RU. (2017) *Bessilie yagnyat* [The impotency of the lambs]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2017/06/01/pedofil/>
26. Sal'kova A. (2020) *Tysyacha smertey: chem opasny mify o koronavirus?* [A thousand deaths: why are myths about coronavirus dangerous?]. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/science/2020/08/14_a_13193701.shtml
27. Angarsk38.ru. (2019) *Politsiya prosit ne rasprostranyat' feyk o “bande pedofilov”, kotoromu uzhe 10 let...* [The police ask not to spread the fake about the “gang of pedophiles”, which is already 10 years old ...]. [Online] Available from: <https://angarsk38.ru/news/policiya-prosit-ne-rasprostranyat-fejk-o-bande-pedofilov-kotoromu-uzhe-10-let/>
28. Obozrevat'. (n.d.) *Zhivее vsekh zhivykh: skol'ko raz “umirala” Pugacheva do svoego 70-letiya?* [More alive than all the living: how many times did Pugacheva “die” before her 70th birthday?]. [Online] Available from: <https://www.obozrevatel.com/show/news/zhivee-vseh-zhivyyih-skolko-raz-umirala-pugacheva-do-svoego-70-letiya.htm>
29. Lyashenko, D.I. (2018) *K voprosu o klassifikatsii feykov* [On the classification of fakes]. [Online] Available from: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw8/lyashenko-di.html>
30. Mayorova, T. (2018) *Trupy radi khaypa: U feykov pro zherity v Kemerove est' svoya zakonomernost'* [Corpses for the sake of hype: Fake stories about victims in Kemerovo have their own regularity]. [Online] Available from: https://mkset.ru/news/society/29-03-2018/trupy-radi-haypa-u-feykov-pro-zherity-v-kemerove-est-svoya-zakonomernost?ind=1&page=1&show_dt=1
31. Lenta.RU. (2020) *Publichnyaya porka. Moshenniki pridumali novyy sposob razoryat' rossiyskie kompanii. Kak ikh ustanovit'?* [Public spanking. Fraudsters have come up with a new way to bankrupt Russian companies. How to stop them?]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2020/09/02/fake/>
32. Emel'yanenkov, A. & Yakovleva, E. (2019) “Krot” i kot. Feyk i khayp pravdy obshchestvom? Sklif ne daet otvet [“Krot” and a cat. Fake and hype rule society? N.V. Sklifosovskiy Research Institute for Emergency Medicine does not give an answer]. *Rossiyskaya gazeta*. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/06/26/psiholog-v-epohu-feykov-i-hajpa-liudi-perestaiut-dorozhit-reputaciy.html>
33. Sukhodolov, A.P. & Bychkova, A.M. (2018) Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (6). pp. 753–766. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766
34. Barysheva, T.A. (2014) *Tvorchestvo. Teoriya diagnostika tekhnologii: slovar'-spravochnik* [Creativity. Theory, diagnostics, technology: a reference dictionary]. [Online] Available from: <https://vocabulary.ru/slovari/tvorchestvo-teoriya-diagnostika-tehnologii-slovar-spravochnik-2014.html>

Received: 13 June 2021

Н.В. Самсонов

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИСТЦА НА ВОЗМЕЩЕНИЕ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ

Предметом исследования выступают проблемы реализации права общественных организаций, предъявивших иск в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц, на компенсацию расходов на оплату услуг представителя, понесенных ими в связи с обращением в суд. Проанализированы процессуальное законодательство, акты высших судов и судебные решения по конкретным делам. Обоснована необходимость возратить общественным организациям право на возмещение понесенных ими расходов на оплату услуг представителей.

Ключевые слова: гражданский процесс; процессуальный истец; судебные расходы; расходы на оплату услуг представителя; иск в защиту неопределенного круга лиц

В современном правовом государстве достаточно эффективным средством защиты общего блага, общественных интересов является такой механизм судебной защиты, который позволяет предъявить иск не только в защиту прав или законных интересов самого лица, обращающегося в суд, но и в защиту так называемых чужих интересов. Иск данного вида может быть предъявлен как в интересах конкретного гражданина, так и в интересах неопределенного круга лиц. Лицо, предъявившее подобный иск, безусловно является истцом, но поскольку это лицо не участвует в спорном материальном правоотношении, то оно является истцом исключительно в процессуальном смысле этого слова. Законная сила судебного решения на это лицо (процессуального истца) не распространяется, в его пользу ничего не присуждается и с него ничего не взыскивается. В случае удовлетворения требований процессуального истца выгодоприобретателем становится иной гражданин, общество в целом или его часть (неопределенный круг лиц).

Так, в результате удовлетворения иска о запрете экологически вредной деятельности выигрывают жители всех населенных пунктов, экологическая ситуация в которых ухудшилась в результате такой деятельности, или, учитывая существование единой экосистемы на планете, даже все население Земли. Таким образом, процессуальные истцы, возбуждая в судах дела в защиту интересов неопределенного круга лиц, всегда защищают общее благо, и, с учетом этого, их деятельность следует рассматривать как приносящую пользу всему обществу в целом.

В Российской Федерации право на судебную защиту есть у каждого, но это право, по общему правилу, можно реализовать только в целях защиты собственных нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Возможность предъявлять иски и в защиту «чужих» интересов, и в защиту общего блага ограничена и допускается исключительно в случаях, прямо предусмотренных законом. Так, в соответствии со ст. 46 ГПК РФ организации и граждане могут предъявлять иски в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц только в том случае, если им федеральным (федеральным конституционным) законом прямо предоставлено такое право.

В результате круг субъектов, которые могут реализовать данное право, нельзя назвать достаточно широким и состоит он в основном из государственных органов и организаций. Так, например, даже профсоюз не может защищать трудовые права неопределенного круга работников, поскольку в силу ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» у профсоюзов отсутствует право на обращение в суд с исками о защите трудовых, социальных и иных прав неопределенного круга лиц, они могут обратиться в суд с иском лишь в защиту интересов конкретного работника по его просьбе. Перечень общественных отношений, в которых допускается судебная защита прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц по искам общественных организаций, фактически исчерпывается отношениями в сферах защиты права на благоприятную окружающую среду, прав потребителей и авторских прав.

Как отмечает Т.С. Яценко, отечественный подход, в соответствии с которым «физические и юридические лица лишены возможности напрямую обращаться в суд за защитой государственных и общественных интересов», является противоположным распространенной мировой практике, в соответствии с которой «в защиту общественных интересов может выступить любое лицо, предъявив специальный (коллективный) иск» [1]. Таким образом, в Российской Федерации возможности граждан и общественных организаций по судебной защите «общего блага» (общественных интересов, интересов неопределенного круга лиц) существенно ограничены.

Не вдаваясь в оценку целесообразности такого законодательного решения, которое, по всей видимости, вызвано стремлением избежать возможности злоупотребления правом на иск, следует отметить еще одно обстоятельство, существенно ограничивающее возможность общественных организаций эффективно использовать механизм судебной защиты как для отстаивания интересов неопределенного круга лиц, так и для защиты интересов конкретных лиц.

Очевидно, что подготовка иска, обращение в суд, ведение дела в суде неизбежно сопряжены для истца с определенными затратами, в первую очередь, но не исключительно, материальными. Большая часть мате-

риальных затрат истца, понесенных в связи с судопроизводством, в том числе расходы на оплату услуг представителей, как правило, признаются судебными расходами по делу и в случае удовлетворения иска возмещаются за счет другой стороны. Однако в современном отечественном гражданском процессе это традиционное, абсолютно логичное и справедливое правило распределения судебных расходов не действует применительно к общественным организациям, защищающим как «чужой интерес», так и «общее благо».

Дело в том, что судебная практика в части взыскания расходов на оплату услуг представителей, понесенных общественными организациями, обращающимися в суд с исками, направленными на защиту интересов неопределенного круга лиц, за последнее десятилетие изменилась коренным образом, несмотря на неизменность применимого законодательства. Попробуем проанализировать, как это происходило и каковы результаты этих изменений.

Процессуальный закон, а именно ч. 2 ст. 46 ГПК РФ, устанавливает, что лица, подающие заявление в защиту законных интересов других лиц, в том числе неопределенного круга лиц (процессуальные истцы), пользуются всеми процессуальными правами и несут все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. Других исключений из числа прав и обязанностей истца, которые распространяются на процессуальных истцов, закон не называет.

Согласно ст. 35 ГПК РФ, истец вправе использовать процессуальные права, как перечисленные в этой статье, так и иные, предоставленные ему законодательством о гражданском судопроизводстве. К таким правам относятся закрепленное в ст. 48 ГПК РФ право на ведение дела через представителей, а также право на возмещение за счет другой стороны (в случае удовлетворения иска) всех понесенных по делу судебных расходов, в том числе расходов на оплату услуг представителя, закрепленные, соответственно, в ст. 98 и ст. 100 ГПК РФ. При этом процессуальный закон не устанавливает для организаций каких-либо ограничений в выборе представителя, например связанных с обязанностью привлекать в качестве представителей исключительно лиц, состоящих в штате организации – процессуального истца. Равным образом в действующем законодательстве не содержится запрета лицам, обращающимся в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц, защищать эти права на возмездной основе.

Следовательно, из взаимосвязанных положений ст. 35, 46, 48, 98, 100 ГПК РФ, казалось бы, совершенно ясно, логично и однозначно следует, что процессуальный истец имеет законное право привлечь внешнего юриста либо иное лицо в качестве судебного представителя и в случае удовлетворения иска требовать возмещения понесенных на оплату услуг представителя расходов за счет ответчика. Так эти нормы судами и воспринимались. Исходя именно из такого понимания закона, суды вплоть до начала второго десятилетия XXI в. удовлетворяли требования о взыска-

нии расходов на оплату услуг представителя, понесенных общественными организациями в связи с предъявлением исков в защиту неопределенного круга лиц или в защиту интересов конкретных лиц.

Так, например, в апелляционных определениях Санкт-Петербургского городского суда от 19 ноября 2012 г. № 33-15787/2012 и № 33-15788/2012 содержится вывод о правомерности взыскания с ответчиков «расходов на оплату услуг представителя, поскольку ч. 4 ст. 46 Закона РФ «О защите прав потребителей» предусматривает при удовлетворении иска взыскание в пользу общественной организации потребителей всех понесенных по делу судебных издержек, а также иных возникших до обращения в суд и связанных с рассмотрением дела необходимых расходов».

В апелляционном определении Верховного суда Республики Башкортостан от 18 декабря 2012 г. по делу № 33-5692/2012 содержится аналогичный вывод, дополнительно мотивированный указанием на ст. 100 ГПК РФ, согласно которой, по мнению данного суда, «судебные расходы, в том числе на оплату услуг представителя, подлежат возмещению независимо от того, являются ли стороны по делу физическими лицами либо юридическими лицами, имеющими соответствующий штат для выполнения своих уставных задач».

В апелляционных определениях Самарского областного суда от 20 января 2014 г. по делу № 33-388/2014 и от 5 февраля 2014 г. по делу № 33-1136/2014, применительно к исследуемому вопросу, совершенно правильно указано, что «в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством судебные расходы, в том числе по оплате услуг представителя, подлежат возмещению независимо от того, являются ли стороны по делу физическими лицами либо юридическими лицами, имеющими соответствующий штат для выполнения своих уставных задач». К сожалению, это были последние апелляционные определения подобного рода, обнаруженные нами в доступных для исследования источниках.

Начиная с 2012 г. практика рассмотрения судами ходатайств о возмещении расходов на оплату услуг представителей, понесенных общественными организациями, предъявившими иски о защите прав в защиту интересов неопределенного круга лиц или конкретных граждан, начала постепенно меняться. Необходимо отметить, что эти изменения изначально касались только дел о защите прав потребителей.

При этом, как отмечает весьма тщательно проанализировавшая судебную практику Н.И. Мельник, ряд судов, отказывая во взыскании судебных расходов в пользу общественных организаций по защите прав потребителей, предъявивших иск в защиту интересов неопределенного круга лиц, ссылались на то, что одним из основных уставных видов деятельности общественных организаций «является защита прав потребителей в судебном порядке. Таким образом, структура организации, ее штат, финансовое обеспечение направлены на исполнение данной задачи. Сил и средств организации должно быть достаточно для этого, а работники должны обладать необходимыми познаниями для реализации функций организации...

общественное объединение, обращаясь в суд в защиту интересов неопределенного круга потребителей, не имеет права на компенсацию расходов на оплату услуг представителей, поскольку само же и является в силу закона представителем граждан» [2].

На наш взгляд, ни из приводимых Н.И. Мельник, ни из иных аналогичных решений не видно, на какой нормативной базе суды основывали сделанные в этих решениях выводы о необходимости отказа во взыскании судебных расходов, понесенных процессуальными истцами. Признаки убедительных логических рассуждений, приведших суды к таким выводам, в текстах этих решений нам выявить также не удалось. Следует, однако, отметить, что эти выводы вполне очевидно совпадают с позицией Роспотребнадзора, весьма негативно оценивавшего деятельность общественных организаций по защите прав потребителей, связанную с их обращениями в суды в защиту интересов как конкретных граждан, так и неопределенного круга лиц [3, 4] и, возможно, в некоторых случаях небезосновательно расценивавшуюся как потребительский экстремизм [5].

Тем не менее практика судов общей юрисдикции продолжала оставаться разнонаправленной и неоднозначной до публикации Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2013 г. В этом обзоре в качестве ответа на вопрос номер два Президиум ВС РФ указал, что «Наделение законом перечисленных в ст. 46 ГПК РФ органов и организаций названной функцией предопределяет наличие у этих субъектов необходимых ресурсов для ее осуществления (соответствующий штат работников, обладающих надлежащим уровнем юридических знаний, финансирование данной деятельности или предусмотрение в законе иных материальных источников возмещения расходов, понесенных в связи с участием в деле в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц)».

К таким источникам возмещения расходов Президиум ВС РФ отнес установленное п. 6 ст. 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» положение, согласно которому «пятьдесят процентов суммы штрафа, взысканного в пользу потребителя, перечисляются указанным объединениям (их ассоциациям, союзам)», и сделал вывод, что эта норма «гарантирует этим объединениям в том числе и компенсацию расходов, понесенных ими в судебном процессе, в случае обращения в суд в защиту конкретного потребителя», а следовательно, «подразумевает самостоятельное осуществление этими субъектами данного правомочия без привлечения представителей на возмездной основе». Далее Президиум ВС РФ приходит к выводу, что поскольку у органов и организаций, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, имеется «необходимый потенциал для самостоятельной реализации указанного права», то «расходы, понесенные ими на оплату услуг представителей... не могут быть отнесены к судебным издержкам» и, соответственно, возмещению не подлежат [6]. В данном разъяснении Президиума ВС РФ по вопросам судебной практики

следует отметить как минимум несколько логических лакун и нестыковок.

Во-первых, из того обстоятельства, что закон наделяет то или иное лицо правом предъявить иск в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц, вовсе не следует, что процессуальный истец имеет или обязан иметь достаточные для этого ресурсы (соответствующий штат и (или) финансирование).

Насколько нам известно, ни один закон в Российской Федерации не связывает право на иск, в том числе право на предъявление иска в «чужих интересах» либо интересах неопределенного круга лиц, с наличием достаточных для этого кадровых или материальных ресурсов. Но допустим, что противное закреплено в российском законодательстве скрытно, имплицитно. В этом случае хотелось бы иметь четкое указание на ту конкретную форму права, в которой Президиум ВС РФ увидел такую скрытую норму.

Кроме того, с учетом принципа равенства всех перед законом и судом следует признать, что подобное понимание содержания ст. 46 ГПК РФ неизбежно приводит к выводу о том, что и гражданин, обращающийся в суд с иском в защиту «чужих интересов», например с иском о возмещении вреда окружающей среде (абз. 8 ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»), для этого обязан иметь «соответствующий штат работников, обладающих надлежащим уровнем юридических знаний» и т.д., или должен считаться имеющим эти ресурсы, что явно показывает несостоятельность подобной логики.

Во-вторых, из наличия права предъявить иск в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц не следует ни обязанности процессуального истца иметь достаточные для этого ресурсы (соответствующий штат и (или) финансирование), ни обязанность процессуального истца держать имеющиеся у него ресурсы, в том случае если они имеются, свободными для реализации права, предоставленного ст. 46 ГПК РФ.

В-третьих, если допустить, что мы все-таки заблуждаемся и общественная организация, наделенная законом правом на предъявление иска в защиту «общего блага», обязана не просто иметь необходимые ресурсы (штатные единицы, финансовые средства) для реализации этого права, но держать их свободными, т.е. не использовать в иных целях, то в этом случае возникает следующий вопрос. Следует ли относить наличие свободных ресурсов (штата, финансирования), необходимых для реализации права на судебную защиту, к обстоятельствам, исключающим возможность компенсации судебных расходов? Если так, то подобный подход следует применять к крупнейшим коммерческим компаниям, действительно имеющим «соответствующий штат работников, обладающих надлежащим уровнем юридических знаний», но, тем не менее, достаточно часто привлекающим внешних юристов к участию в гражданском, арбитражном процессе и административном судопроизводстве для защиты собственных интересов. Иное решение представляется нарушением конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

В-четвертых, всегда ли штраф, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей», взысканный в пользу потребителя и перечисленный процессуальному истцу – общественному объединению потребителей, покрывает расходы на квалифицированную юридическую помощь? Всегда ли он достаточен для покрытия расходов процессуального истца, понесенных для защиты «общего блага»? Очевидно, что нет. На наш взгляд, логичнее было бы учитывать сумму такого штрафа при определении размера подлежащих взысканию расходов на оплату услуг представителя, а не утверждать, что данный штраф всегда гарантирует полную компенсацию судебных расходов.

В-пятых, следует отметить, что указанный штраф, рассматриваемый Президиумом ВС РФ в качестве замены компенсации судебных расходов, взыскивается только в пользу общественных объединений потребителей. В связи с этим распространение вывода об отсутствии права на компенсацию расходов на оплату услуг представителя в отношении всех процессуальных истцов, являющихся организациями, в том числе и тех, в пользу которых такой штраф не взыскивается, представляется полностью не обоснованным. Таким образом, мы видим, что, давая указанное разъяснение, Президиум ВС РФ истолковал действующее законодательство весьма «творчески», далеко отходя от буквального содержания процессуального закона.

Не делает убедительнее изложенную позицию Президиума ВС РФ и тот факт, что Конституционный Суд РФ неоднократно отказывал в проверке конституционности ст. 100 ГПК РФ, примененной в делах со схожими процессуальными и фактическими обстоятельствами [7, 8]. Во-первых, Конституционный Суд не проверял конституционность ст. 100 ГПК РФ, а отказывал в принятии к рассмотрению жалоб на нее в связи с их недопустимостью. Во-вторых, в мотивировочной части таких определений Конституционный Суд РФ отмечал, что на ответчика «не может быть возложена обязанность возмещать труд иных общественных объединений, которые оказывали услуги по предоставлению другой стороне правовой помощи бесплатно по своей инициативе», в то время как позиция Президиума ВС РФ предполагает фактическое лишение общественных организаций права на компенсацию судебных расходов, понесенных ими на оплату внешних юристов, в том числе необходимых для защиты в суде интересов неопределенного круга лиц (общего блага). Несмотря на наличие указанных логических противоречий в анализируемом разъяснении Президиума ВС РФ и отсутствие у него формальной обязательности, российские суды повсеместно приняли данное разъяснение к руководству.

Впоследствии созданное в результате судебного правотворчества процессуальное правило о том, что расходы на оплату услуг представителей, понесенные организациями, обращающимися в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц, не подлежат возмещению, было распространено не только на гражданский, но и на арбитражный процесс, а также на административное судопроизводство. Соответ-

ствующая норма права¹ получила свое внешнее выражение в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». Таким образом, общественные организации, возбудившие дело в защиту интересов неопределенного круга лиц, оказались лишены права на возмещение такого вида судебных расходов, как расходы на оплату услуг представителей.

Что же касается проблемы, связанной с возмещением расходов на оплату услуг судебных представителей, привлеченных к участию по делам, возбужденным по искам общественных организаций в интересах конкретных лиц, то следует отметить, что юридическая практика нашла выход, позволяющий обходить правоположение, содержащееся в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1, и компенсировать такие расходы. Дело в том, что гражданин, в интересах которого общественная организация (процессуальный истец) предъявила иск, является лицом, участвующим в деле, – истцом в материальном смысле. Поэтому именно этот гражданин, а не общественная организация, по иску которой возбуждено дело, привлекает представителя. Поскольку гражданину право пользоваться услугами представителя, согласно ст. 4, 45, 46 и 48 ГПК РФ, предоставлено вне зависимости от того, по чьей инициативе возбуждено дело, то суды в таких ситуациях взыскивают с ответчиков компенсацию расходов на оплату услуг представителей в пользу материальных истцов. (См., например, Постановление президиума Свердловского областного суда от 25.07.2018 г. № 44Г-21/2018). В результате правоположение, содержащееся в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1, действует только в отношении исков в защиту интересов неопределенного круга лиц.

При этом, создавая указанную норму, Верховный Суд РФ не учел, что целый ряд общественных организаций, например организации, действующие в сфере защиты окружающей среды, не всегда обладают достаточными средствами для того, чтобы содержать в штате высококвалифицированных юристов. Бюджет региональных экологических общественных организаций формируется из добровольных пожертвований граждан и зачастую весьма незначителен. В результате при обращении в суд в защиту экологических прав неопределенного круга лиц эти общественные организации вынуждены обращаться к внешним профессиональным юристам, расходы на привлечение которых не могут быть компенсированы даже частично путем взыскания в пользу экологических общественных организаций штрафов, подобных штрафам, взыскиваемым в пользу общественных организаций, защищающих права потребителей. Это существенно ограничивает возможности гражданского общества в защите «общего блага», в первую очередь, возможности общественных экологических и природоохранных организаций по судебной защите права граждан Российской Федерации на благоприятную окружающую среду.

Из изложенного, на наш взгляд, следует несколько выводов разного уровня. Общим является вывод о том,

что судебное нормотворчество в России реально существует, но процессуальные нормы, создаваемые высшими судами, не всегда способствуют повышению эффективности судопроизводства, которая неотделима от достижения его главной цели – защиты нарушенных или оспариваемых прав. В связи с этим следует, наконец, на легальном уровне эксплицитно признать существование судебного нормотворчества и надлежащим образом урегулировать его порядок и формы. Более частным является вывод о необходимости возвращения

общественным организациям, предъявившим иски в защиту интересов неопределенного круга лиц, права на возмещение понесенных ими расходов на оплату услуг судебных представителей. Достичь этого можно либо путем прямого закрепления данного права в процессуальном законодательстве и Федеральном законе от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», либо путем корректировки правоположения, содержащегося в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 г. № 1.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Автор придерживается точки зрения, состоящей в том, что постановления Пленума Верховного Суда РФ представляют собой источник (форму) гражданского процессуального права [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Яценко Т.С. Уполномоченные субъекты по реализации гражданско-правовых мер защиты публичных интересов // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 11–13.
2. Мельник Н.И. Актуальные вопросы в судебной практике, связанные с деятельностью общественных объединений по защите прав потребителей // Судья. 2014. № 1. С. 11–14.
3. Письмо Роспотребнадзора от 29.06.2005 г. № 0100/4938-05-32 «О полномочиях общественных объединений потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Письмо Роспотребнадзора от 15.10.2010 г. № 01/14810-0-32 «О принципах взаимодействия с общественными объединениями потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ожегова Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. № 14. С. 15–19.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.02.2014 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 5.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1275-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации “Орловское областное общество защиты прав потребителей” на нарушение конституционных прав и свобод частью второй статьи 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 г. № 137-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Свердловского областного объединения организаций профсоюзов “Федерация профсоюзов Свердловской области” на нарушение конституционных прав и свобод частью первой статьи 46 и частью первой статьи 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Самсонов Н.В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 10, вып. 2. С. 139–162.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 февраля 2021 г.

On the Procedural Plaintiff's Right to Court Costs Reimbursement

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 258–263.

DOI: 10.17223/15617793/471/30

Nikolay V. Samsonov, Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: nsamsonov@yandex.ru

Keywords: civil proceedings; procedural plaintiff; court costs; expenses for services of representative; claim to defend group of individuals.

The article examines problems of exercising rights for compensation of the costs paid for the services of a representative in court by noncommercial organisations filing a claim to defend rights, freedoms and legitimate interests of other individuals or of a group of individuals. The research solves the following problems: 1) the regulation of the legal status of procedural plaintiffs in civil proceedings, in terms of their right to reimbursement of court costs existing in positive law, has been analysed; 2) a radical change in judicial practice concerning claims for reimbursement of expenses for the services of a representative incurred by public organisations filing claims to defend a group of individuals or to defend interests of specific individuals, that took place in the second decade of the 21st century has been revealed. The methodological basis of the research is the dialectical cognition method. The author also used systems analysis, a comparative study, formal logical and historical legal analysis, a formal legal method, a method of legal comparison, and the method of legal positivism in its statism version. Empirically, the research is based on the norms of civil procedural legislation; acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation; appellate rulings of the supreme courts of republican, territorial, regional, and other courts of this level on specific cases; and works of national legal scholars on the issues explored. The author makes the following conclusions. As a result of judicial lawmaking in the Russian civil procedure, the second decade of the 21st century has witnessed an introduction of a norm that deprives noncommercial organisations, having initiated proceedings to defend the interests of a group of individuals, of the right to reimbursement of such legal costs as the cost for the services of representatives. The reasoning that led the Russian Supreme Court to the creation and to the formal introduction of this norm in the Plenum Resolution of the Russian Supreme Court is rife with logical flaws. The rule created by the Supreme Court of the Russian Federation violates the principle of equality of all for the law and the court. Judicial rule-making is actually existent, but the procedural norms created by higher courts do not always contribute to the efficiency of legal proceedings; consequently, it is essential to recognise explicitly the existence of judicial rule-making and to regulate its order and its forms at the legal level. It is necessary to return the right to reimbursement of expenses for representatives' services to noncommercial organisations filing claims to defend interests of a group of individuals or specific individuals.

REFERENCES

1. Yatsenko, T.S. (2017) Authorized entities for the implementation of civil law measures to protect public interests. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3. pp. 11–13. (In Russian).
2. Mel'nik, N.I. (2014) Aktual'nye voprosy v sudebnoy praktike, svyazannye s deyatel'nost'yu obshchestvennykh ob"edineniy po zashchite prav potrebitелей [Topical issues in judicial practice related to the activities of public associations for the protection of consumer rights]. *Sud'ya – Judge*. 1. pp. 11–14.
3. Consultant Plus. (2005) *Letter of Rospotrebnadzor of June 29, 2005, No. 0100/4938-05-32 "On the powers of public consumer associations"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
4. Consultant Plus. (2010) *Letter of Rospotrebnadzor of October 15, 2010, No. 01/14810-0-32 "On the principles of interaction with public consumer associations"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
5. Ozhegova, G.A. (2014) K ponyatiyu "potrebitel'skiy ekstremiz" [On the concept of consumer extremism]. *Yurist*. 14. pp. 15–19.
6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2014) Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii za tretiy kvartal 2013 goda (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 05.02.2014 g.) [Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the third quarter of 2013 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 5, 2014)]. 5.
7. Consultant Plus. (2011) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 29, 2011, No. 1275-O-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the public organization Oryol Regional Society for the Protection of Consumer Rights on violation of constitutional rights and freedoms by part two of Article 100 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
8. Consultant Plus. (2015) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 29, 2015, No. 137-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the Sverdlovsk regional association of trade union organizations Federation of Trade Unions of the Sverdlovsk Oblast on violation of constitutional rights and freedoms by Part One of Article 46 and Part One of Article 100 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russian).
9. Samsonov, N.V. (2019) Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as a Source of Civil Procedural Law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 10 (2). pp. 139–162. (In Russian). DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.139.162

Received: 01 February 2021

Н.В. Тыдыкова

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ В ХОДЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ И БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Предложена концепция уголовной ответственности за общественно опасный вред, причиненный беспилотными транспортными средствами. Сделано предположение о возможности ее возложения на четыре группы субъектов. Доказывается, что для квалификации ряда общественно опасных деяний пригодны существующие составы преступлений; некоторые из составов требуют уточнения признаков или дополнения квалифицирующими обстоятельствами. Деяния, которые не смогут быть охвачены этими составами, потребуют внесения в Уголовный кодекс РФ новых составов.

Ключевые слова: высокоавтоматизированные транспортные средства; беспилотные транспортные средства; уголовная ответственность

Развитие науки и техники периодически ставит перед правом новые задачи. В современный период одна из таких задач обусловлена появлением высокоавтоматизированных и беспилотных транспортных средств. Их эксплуатация требует не только регулирования гражданско-правовых отношений, но и решения множества вопросов уголовного права. Так, например, беспилотные летательные аппараты уже сегодня получили широкое распространение и, к сожалению, все чаще становятся средствами совершения различных преступлений [1. С. 785–794]. Другой важный аспект, требующий решений, – ответственность в случае причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. Конечно, одной из целей разработок и внедрения высокоавтоматизированных транспортных средств является повышение безопасности. В зарубежной литературе даже прогнозируется существенное уменьшение дорожных происшествий и травм, получаемых в их результате [2], по самым смелым прогнозам – на 90% [3]. Однако исключать полностью вероятность различных инцидентов нельзя, и уголовное право должно быть готово к их оценке. Ведь уже сегодня единичные случаи такого рода происходят. Так, в штате Аризона автономный автомобиль Uber с водителем безопасности за рулем сбил женщину, переходившую улицу вне пешеходного перехода, причинив ей смерть [4]. Кроме того, логично прогнозировать и возникновение других вопросов, требующих разрешения в плоскости как уголовного права, так и других отраслей [5].

На сегодняшний день говорить о повсеместной эксплуатации абсолютно беспилотной техники не приходится. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» дает понятие высокоавтоматизированного транспортного средства. Под ним понимается транспортное средство, в конструкцию которого внесены изменения, связанные с его оснащением автоматизированной системой вождения, и не подлежащее отчуждению в период проведения эксперимента. В этом же документе определено, что у такого транспортного средства должен

быть водитель. Под ним предложено понимать физическое лицо, находящееся во время проведения эксперимента на месте водителя высокоавтоматизированного транспортного средства, активирующее автоматизированную систему вождения высокоавтоматизированного транспортного средства и контролирующее движение этого транспортного средства в автоматизированном режиме управления, а также осуществляющее управление высокоавтоматизированным транспортным средством в режиме ручного управления. Водитель высокоавтоматизированного транспортного средства признается водителем в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения». Ручной режим управления – режим, при котором управление высокоавтоматизированным транспортным средством осуществляет водитель.

Как мы видим, высокоавтоматизированное транспортное средство предполагает наличие водителя. В п. 11 Постановления Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» указано, что высокоавтоматизированное транспортное средство должно быть оснащено устройством для активации и деактивации автоматизированной системы вождения, доступ к которому обеспечивается для водителя без отсоединения ремней безопасности. А в Приложении № 1 к документу обязательным условием названо наличие возможности передачи управления водителю-оператору в ситуациях, при которых система автоматизированного управления оказывается неспособной осуществлять безопасное управление этим транспортным средством. Это означает, что ответственность за безопасную эксплуатацию такого транспортного средства несет водитель.

По техническому оснащению такие транспортные средства схожи с широко распространенными и уже многим привычными автомобилями, оснащенными функциями круиз-контроля, системой удержания полосы движения, системой автоматического экстренного торможения. Но основное отличие таких автомобилей от высокоавтоматизированных заклю-

чается, помимо степени автоматизации, в том, что перечисленные функции являются вспомогательными, водитель на них не полагается полностью, а использует как дополнительные удобства или рассчитывает на них только в экстренной ситуации. Эксплуатация высокоавтоматизированных транспортных средств предполагает определенной длительности безопасный период работы всех систем автоматизации в едином тандеме и без участия водителя, но под его контролем. Поэтому при наступлении дорожно-транспортного происшествия вина за него возлагается на водителя.

Однако некоторые аспекты такой ответственности требуют разъяснений. Если задачей водителя является контроль движения высокоавтоматизированного транспортного средства и принятие управления в ситуациях, при которых система автоматизированного управления оказывается неспособной осуществлять безопасное управление, то об ответственности такого водителя логично и справедливо говорить только в случаях, когда он предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий или не предвидел, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия. В практической плоскости это означает, что он должен был иметь техническую возможность предотвратить дорожно-транспортное происшествие. А это возможно, когда система корректно и в разумное время подаст сигнал о неспособности дальнейшей автоматической работы.

Думается, что непростым вопросом в правоприменительной практике может стать процедура установления такой технической возможности предотвратить дорожно-транспортное происшествие. В названном выше документе сказано, что система автоматизированного управления имеет возможность его деактивации безопасным способом и передачи управления водителю-оператору в ситуациях, при которых система автоматизированного управления оказывается неспособной осуществлять безопасное управление этим транспортным средством. Рассчитывая на это, водитель ожидает действий от системы, например, срабатывания системы автоматического торможения, а система по какой-то причине не срабатывает, не оставляя водителю возможности совершить своевременные действия по остановке транспортного средства в «ручном режиме». Или происходит сбой в работе системы автоматического удержания транспортного средства в пределах полосы движения, и транспортное средство осуществляет перемещение в другую полосу движения или на обочину, чего водитель предвидеть не мог, но мог лишь в определенный момент времени начать совершать действия по прекращению соответствующего движения, что не всегда может привести к предотвращению вреда. Конечно, Специальная декларация о безопасности высокоавтоматизированного транспортного средства предусматривает, что система автоматизированного управления обменивается ин-

формацией с его пользователями и другими участниками дорожного движения четким, действенным и последовательным образом посредством предоставления им достаточных данных, касающихся его состояния и намерения, а также четко и эффективно выдает соответствующее уведомление водителю-оператору в том случае, когда транспортное средство выходит за пределы установленных рабочих условий. Однако следует понимать, что это всего лишь идеальная ситуация, к которой стремится разработчик, а мы говорим о ситуации, когда происходит сбой в такой системе и она работает не в рамках заявленного сценария.

В этом случае возникает вполне закономерный вопрос – можно ли использовать устоявшуюся для такого рода случаев схему решения вопроса, когда вопрос об ответственности зависит от того, была ли у водителя транспортного средства техническая возможность предотвратить дорожно-транспортное происшествие. Теоретически это единственно возможный алгоритм принятия решения. А практически он обеспечивается положением вышеназванного Постановления Правительства, в котором сказано, что высокоавтоматизированное транспортное средство должно быть оснащено устройствами для непрерывной некорректируемой видеорегистрации действий водителя и окружающей дорожно-транспортной обстановки.

Однако названный документ в п. 18 вопрос об ответственности решает иначе. В нем сказано, что собственник высокоавтоматизированного транспортного средства несет ответственность за дорожно-транспортные и иные происшествия на автомобильных дорогах Российской Федерации, произошедшие с участием принадлежащего ему высокоавтоматизированного транспортного средства при проведении эксперимента, при отсутствии виновных действий других участников дорожного движения, приведших к данному дорожно-транспортному или иному происшествию на автомобильной дороге. Что означает ответственность во всех случаях, кроме тех, когда есть вина другого лица. Думается, что такое положение сформулировано по той причине, что эксплуатация таких транспортных средств на дорогах общего пользования в настоящее время происходит лишь в рамках эксперимента. Поэтому нести ответственность за последствия такого опыта должен тот, кто его проводит. А так как собственником высокоавтоматизированного транспортного средства может быть юридическое лицо, которому на праве собственности принадлежит высокоавтоматизированное транспортное средство и которое участвует в проведении эксперимента на добровольной основе, о чем прямо сказано в Постановлении Правительства, то речь может идти только о гражданско-правовой ответственности. Поэтому вопрос об уголовной ответственности в таких случаях сегодня правильно решать исходя из предложенных традиционных подходов, применяемых в уголовном праве для любых дорожно-транспортных преступлений.

Дальнейшее развитие высокоавтоматизированного транспорта должно привести к выпуску в эксплу-

атацию таких моделей, которые требуют от человека только активации системы и не нуждаются в контролирующих действиях. Да и сама активация системы может осуществляться дистанционно. Поэтому присутствие водителя такого транспортного средства в будущем не предполагается. Собственниками таких транспортных средств могут стать и физические лица, которые приобретут их у изготовителя для личного или коммерческого использования. К такой действительности Уголовный кодекс (УК) РФ пока еще не готов. Попробуем спрогнозировать возможные ситуации причинения вреда охраняемым объектам и предложить варианты уголовно-правовой реакции законодателя, а в дальнейшем и правоприменителя на них. С учетом отсутствия необходимости водителя, такие транспортные средства будем называть беспилотными.

Теоретически ответственность может быть возложена на четыре субъекта: производителя беспилотного транспортного средства, собственника беспилотного транспортного средства, уполномоченного производителем ответственного субъекта технического обслуживания беспилотного транспортного средства (будем называть его официальный дилер) или иные лица, круг которых требует конкретизации.

Говоря об ответственности производителя беспилотного транспортного средства, мы имеем в виду те дорожно-транспортные происшествия, причиной которых могут стать дефекты беспилотного транспортного средства, за которые он отвечает. Так, А.Ю. Чурилов приводит удачные аналогии с работой лифтов и систем круиз-контроля, кода ответственность за причиненный вред в таком случае несет производитель, если не докажет вину управлявшего лица [6. С. 128; 7. С. 18].

Ответственность возможна в случаях, когда негативные последствия наступили в результате некорректной работы автоматизированной системы или иных дефектов транспортного средства, возникших по вине производителя. В таких случаях необходимо выявлять то конкретное лицо, которое было ответственно за работу соответствующего сегмента, функционирование которого привело к причинению вреда охраняемым уголовным законом объектам и допустило нарушение технологии производства. Здесь необходимо учесть еще и то, что разработчик и производитель такого транспортного средства могут не быть одним лицом. И каждый конкретный случай потребует индивидуального подхода. Думается, что Е.О. Яковлева верно отмечает сложный в перспективе вопрос об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью физических лиц роботизированными транспортными средствами, когда они были созданы несколькими разработчиками, ответственными каждый за свою часть работы [8. С. 141]. Так как в уголовном праве институт причинно-следственной связи является давно устоявшимся, то основная проблема будет сосредоточена в технической области и потребует применения знаний соответствующих технических специалистов. Хорошим базисом для решения этих непростых проблем стал бы специальный технический регламент, в котором были бы определены

зоны правовой ответственности каждого из участников процесса создания такого рода транспортных средств.

Не может не тревожить такой аспект ответственности производителя, как предустановки критериев принятия решения автоматизированной системой в случае возникновения опасности, которая не может быть устранена иначе, кроме как с причинением какого-либо вреда. Такой алгоритм должен быть заложен, так как подобные ситуации зачастую возникают в ходе дорожного движения. С учетом правила, сформулированного в ст. 39 УК РФ, критерием должно быть причинение минимально возможного вреда. Другой вопрос, возможно ли создание такого алгоритма, при котором техническое средство будет способным сделать интеллектуальный выбор. Также сложен вопрос и о том, как конкретный вариант поведения будет определен как предпочтительный. Будет ли система приоритетно защищать пассажира или других участников движения, сможет ли приоритетно защищать некоторые категории (малолетних, престарелых, беременных и т.п.)? Думается, что техническим специалистам целесообразно решать эти вопросы при участии специалистов в области права.

Вторым возможным субъектом уголовной ответственности может быть так называемый официальный дилер. Так как беспилотное транспортное средство предполагается не только технически сложным механизмом, но и новаторским, то оно потребует соблюдения специальных правил периодического обслуживания, текущего ремонта и необходимой модернизации, выполнение которых разумно доверить лишь подготовленным специалистам. Конечно же, потребуется соответствующий документ, где такие правила будут прописаны и норма об ответственности станет бланкетной. Целесообразно наладить работу таких специалистов в условиях стабильной коммуникации с разработчиком и производителем для обеспечения оперативного информационного обмена и принятия правильных технических решений. Если общественно опасный вред наступит в результате ненадлежащих действий обслуживающего дилера (например, по техническому обслуживанию, диагностике, ремонту, процедуре отзыва производителем транспортного средства), то должна наступать ответственность виновного лица, в том числе и уголовная.

Логическим продолжением обязанностей дилера по надлежащему исполнению вышеназванных действий должны стать соответствующие обязанности собственника такого транспортного средства. Например, собственник должен в соответствии с регламентом производителя своевременно предоставлять транспортное средство дилеру для технического обслуживания, обновления программных продуктов или в случае отзыва партии транспортных средств при обнаружении серийного дефекта для его устранения. В случае несоблюдения собственником такой обязанности и наступления общественно опасного вреда именно вследствие этого вполне закономерно говорить об ответственности собственника, а не производителя или дилера.

Что касается третьих лиц, то можно выделить несколько категорий. Это могут быть пассажиры, которые привели транспортное средство в ручное управление и допустили его неконтролируемое движение или, приняв на себя управление, нарушили правила движения. Или третьи лица, которые находятся вне транспортного средства, совершают противоправные действия, направленные на повреждение транспортного средства или провокацию транспортного средства выполнять определенные действия. Например, умышленно создают аварийную ситуацию и провоцируют транспортное средство на маневр, в результате которого может быть причинен вред другим лицам.

Можно прогнозировать наступление негативных последствий в результате нарушений улично-дорожной сети (повреждения или незаконного демонтажа необходимых дорожных знаков или дорожной разметки, их неверной установки или нанесения, внесения в них изменений, искажающих первоначальное значение, причинения повреждений дорожного полотна, создания опасных искусственных неровностей и подобные действия). Такие действия могут совершить как специально уполномоченные лица управляющей организации, ответственные за обеспечение безопасности того или иного участка дорог общего пользования, так и любые посторонние, не связанные с деятельностью специального субъекта, лица. Поэтому необходимо разграничивать ответственность управляющей компании, ответственной за безопасность конкретного дорожного сегмента и того постороннего лица, которое внесло изменения или причинило повреждения.

Думается, что решить этот вопрос поможет установление на уровне правового акта периодичности контроля за состоянием дорожной инфраструктуры и требований к реакции на выявленные нарушения, в том числе сведения о которых поступили из внешних источников. Если при должном контроле и надлежащих реакциях управляющей компании выявить повреждение или устранить его не удалось, то ответственность должно нести лицо, внесшее такие изменения или допустившее повреждения. Естественно, что привлекаться к административной ответственности такое лицо должно во всех случаях. На первый взгляд в таком предложении может показаться обвинительный уклон в сторону ответственной управляющей компании. Однако иное решение вопроса, при котором посторонний субъект, внесший описанные выше изменения, подлежал бы ответственности всегда в случае их совершения, привели бы к чрезмерному сокращению ответственности такой компании. Например, если постороннее лицо повредило дорожный знак, а управляющая компания в нормативный срок не провела проверку безопасности на этом участке дороги, не выявила бы нарушение и не устранила бы его, в результате чего случилось бы дорожно-транспортное происшествие с участием беспилотного транспортного средства, которым был бы причинен общественно опасный вред, то нести ответственность должен был бы все равно причинивший повреждения дорожному знаку субъект. Поэтому видится справедливым установить

принцип презумпции ответственности специального субъекта. Если же действия управляющей компании будут признаны нормативными, то, конечно же, должна наступить ответственность общего субъекта.

Сложнее решить вопрос об ответственности, если дорожно-транспортное происшествие произошло по причине того, что какой-то из объектов дорожной инфраструктуры был поврежден действиями природы (например, ливнем размыло дорогу, ураганом снесло дорожный знак, возник густой туман и подобные). Если у компании, ответственной за безопасность на данном сегменте дороги, была реальная возможность устранить дефект (с учетом времени, погодных условий и других обстоятельств), а она не устранила, то, вероятно, это зона ответственности управляющей компании. При этом соответствующие правила должны особым образом регламентировать такие действия для случаев природных катаклизмов. Если же ответ на первый вопрос отрицательный, то наиболее правильным будет решать вопрос исходя из положений российского права о чрезвычайных ситуациях. В плоскости вопроса об уголовной ответственности полезными будут положения ст. 28 УК РФ о невинном причинении вреда. Также в таких случаях будет иметь значение, соответствовали ли специальным требованиям (прочности, устойчивости, яркости изображения и т.п.) поврежденные природными явлениями дорожные знаки, разметка и другие объекты автомобильной инфраструктуры.

С высокой долей вероятности можно прогнозировать сбои в работе высокоавтоматизированных систем, влекущие общественно опасные последствия в результате воздействия на них вредоносных компьютерных программ. В этом случае закономерно говорить об ответственности за соответствующий состав преступления в сфере компьютерной информации. Например, для целей квалификации таких случаев вполне мог бы быть пригодным состав, предусмотренный ст. 273 УК РФ. Но для этих целей в него целесообразно было бы внести изменения, направленные на описание возможных последствий (например, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, смерти, смерти двух и более лиц). Сегодня многие исследователи вопросов развития беспилотного транспорта обращают внимание на опасность так называемых кибер угроз [9. С. 465].

Четвертый возможный субъект ответственности за вред, причиненный беспилотным транспортным средством, – это собственник транспортного средства. С учетом необходимости особо ответственного подхода к эксплуатации беспилотных транспортных средств, нужно установить в специальном нормативном акте ряд обязанностей по надлежащей эксплуатации. Разумно среди них закрепить норму о том, что не допускаются самостоятельные действия по ремонту и внесению изменений в конструкцию таких транспортных средств. Этому запрету должна корреспондироваться норма об обязанности производить техническое обслуживание и ремонт только у специально уполномоченной производителем беспилотного транспортного средства организации. При таком регулировании случаи, когда общественно опасный вред будет причинен

в результате нарушений в работе беспилотного транспортного средства, явившихся причиной некачественных действий ненадлежащего субъекта обслуживания, будут требовать привлечения к ответственности именно собственника этого транспортного средства. Очевидно, что необходим и перечень неисправностей, при которых эксплуатация беспилотных транспортных средств будет запрещена.

Одна из серьезных проблем, которую правоприменительной практике необходимо будет решать в скором будущем, – установление причинно-следственной связи между деянием и наступившими общественно опасными последствиями. Думается, что главным ключом при установлении причины происшествия должно стать специальное записывающее оборудование. Однако возникает вопрос, как получить информацию, если повреждения беспилотного транспортного средства окажутся столь значительными, что и носитель такой информации внутри него будет уничтожен или существенно поврежден. Видится корректным для обеспечения возможности правильной квалификации в будущем хранение значимой информации производить не только на внутреннем накопителе транспортного средства, но и на стороннем ресурсе, например облачном, обеспечивая копирование в режиме реального времени. Также необходимо будет обеспечить и отсутствие технической возможности произвольно вносить в такие данные изменения.

Кроме того перед законодателем в скором времени встанет вопрос о материальных основаниях уголовной ответственности за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами. Сегодня еще нет решения, должна ли это быть ответственность за преступление в области безопасности движения и эксплуатации транспортных средств или необходимо формулировать принципиально новый состав преступления или даже целую главу, содержащую несколько новых составов преступлений.

Представляется, что некоторые деяния, содержащие признаки преступлений, могут быть квалифицированы по уже существующим ст. 263, 264, 266, 267 УК РФ. Так, нарушение собственником беспилотного транспортного средства правил эксплуатации, которое привело к причинению тяжкого вреда или смерти потерпевшего, можно квалифицировать по ст. 264 УК РФ. Недоброкачественный ремонт беспилотных транспортных средств, повлекший опасные последствия, может быть квалифицирован для специального субъекта по ст. 266 УК РФ. Все варианты повреждения дорожного полотна, уничтожения дорожных знаков и подобные действия – по ст. 267 УК РФ. Также необходимо учитывать, что беспилотными могут быть не только автомобиль, но и железнодорожный, водный и воздушный транспорт [10. С. 24]. Для целей квалификации различных ситуаций с этими видами транспорта существует ст. 263 УК РФ. Примеров такого рода можно привести множество. При этом такая своеобразная адаптация существующих норм уголовного закона может быть достигнута созданием нормативной базы, некоторые ее положения были предложены выше. Данная нормативная база будет обеспечивать бланкетность их применения.

Также потребуются соответствующие рекомендации по квалификации от Верховного Суда РФ. Однако надо понимать, что такие рекомендации не могут появиться раньше, чем начнет складываться соответствующая правоприменительная практика. Кроме того, другие статьи УК РФ также могут быть применены. Например, если беспилотное транспортное средство было использовано для совершения убийства, то нет никаких препятствий для квалификации таких действий по ст. 105 УК РФ. Вполне пригодными для соответствующих случаев могут быть и ст. 166–168 УК РФ. Для их применения даже не нужно вносить никаких изменений.

Но можно прогнозировать, что имеющиеся нормы вряд ли полностью смогут обеспечить материальную основу для квалификации всех возможных ситуаций, которые потребуют уголовно-правовой оценки. Потребуются и специальные нормы. В специальной литературе справедливо отмечено, что какой бы эта норма ни была, она должна быть бланкетной [11. С. 121].

В литературе уже высказываются и различные позиции относительно новых норм. Так, например, предлагается формулировка ст. 264.2 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации беспилотных транспортных средств, а также формулировка ст. 266.1 УК РФ, в которой будет установлена ответственность за производство, сбыт и выпуск в эксплуатацию систем управления беспилотными транспортными средствами специальным субъектом. Также предложено дополнить УК РФ ст. 326.1, предусматривающей уголовную ответственность за подделку, уничтожение или внесение изменений в «черный ящик беспилотного транспортного средства» [12. С. 341]. Эти предложения интересны, но необходимо определиться, нужны ли в УК РФ новые составы, которые от уже имеющихся будут отличаться только видом эксплуатируемого транспорта. Если будет обоснована необходимость иной санкции, то такая цель обычно достигается введением в статью нового квалифицирующего обстоятельства. В нашем случае это может быть признак, указывающий на то, что деяние совершено при эксплуатации беспилотного транспортного средства. Единственной причиной появления новых составов может стать лишь необходимость закрепления признаков деяний, которые не описаны никаким другим составом УК РФ. Ожидается, что беспилотные транспортные средства со временем войдут в повседневную жизнь людей и станут обыденным ее элементом. Так, как это произошло, например, с интернетом. Однако законодатель не пошел по пути создания множества новых составов, в которых он бы закрепил признаки деяний, совершаемых в сети Интернет. Поэтому и в этом случае необходимо формулировать новые составы только в случае, если имеющиеся не охватывают признаков новых общественно опасных деяний. В остальных случаях вопросы криминализации решаются путем уточнения соответствующих признаков существующих составов или дополнением квалифицирующими обстоятельствами.

Возникает вопрос и относительно термина, которым следует обозначить рассматриваемый вид транспорта. Видится перспективной позиция тех

авторов, которые говорят о «беспилотных мобильных средствах» [13. С. 104]. Это связано с тем, что такая конструкция предполагает возможность широкой трактовки и включения в эту категорию различных объектов, которые могут появиться в эксплуатации с развитием техники. И такие объекты уже сейчас предназначены не только для перевозки людей или грузов, но и для выполнения иных задач, например производства аудио-, видео фиксации, различных измерений. В связи с чем в литературе предлагается уже сейчас разработать специальные требования к таким объектам независимо от их размеров [14. С. 186]. Единственное уточнение, которое бы хотелось внести в предлагаемый другими авторами термин, – это предложение использовать слово «объект», а не «средство», так как в праве он традиционно имеет другое смысловое значение. Соответственно, термин будет звучать как «беспилотные мобильные объекты».

Таким образом, в ожидании появления в повседневной жизни беспилотных транспортных средств и других объектов уголовное право уже сегодня может разрабатывать концепцию уголовной ответственности за опасный вред, который может быть причинен в ходе эксплуатации таких объектов. Для квалификации некоторых деяний вполне пригодны уже существующие составы преступлений, некоторые из них требуют лишь уточнения соответствующих признаков или дополнения квалифицирующими обстоятельствами. Те деяния, которые не смогут быть охвачены этими составами, потребуют внесения в УК РФ новых составов. И уже сейчас очевидно, что для обеспечения применения и первых и вторых требуется соответствующие нормативные акты регулятивного характера, в которых будут прописаны правила, нарушение которых в случае наступления общественно опасных последствий могут влечь уголовную ответственность различных субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 785–794.
2. Hendry M. In the driver's seat // Canadian lawyer. 2017. 27 February. URL: <https://www.canadianlawyermag.com/news/general/in-the-drivers-seat/270392>
3. Middlemiss J. Driverless cars will clip litigators // Canadian lawyer. 2018. 13 March. URL: <https://www.canadianlawyermag.com/news/opinion/driverless-cars-will-clip-litigators/274939>
4. Todd R., Miller C. First Fatal Accident Involving Autonomous Uber Car Raises Novel Legal Issues // American Lawyer. 2018. 20 March. URL: <https://www.law.com/therecorder/2018/03/19/first-fatal-accident-involving-autonomous-uber-car-raises-novel-legal-issues/>
5. Washburn M. Spread of Autonomous Vehicle Technology Fosters Opportunities for Lawyers // American Lawyer. 2018. 6 December. URL: <https://www.law.com/americanelawyer/2018/12/06/spread-of-autonomous-vehicle-technology-fosters-opportunities-for-lawyers/>
6. Чурилов А.Ю. Ответственность за вред, причиненный при эксплуатации автономного (беспилотного) автомобиля // Интеллектуальные права : вызовы 21-го века : материалы междунар. конф. / под ред. Э.П. Гаврилова, С.В. Бутенко. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 127–132.
7. Чурилов А.Ю. Ответственность за вред, причиненный при эксплуатации беспилотного автомобиля: проблемы и перспективы // Законодательство. 2019. № 6. С. 17–24.
8. Яковлева Е.О. Тенденции развития уголовной политики в эпоху массовой роботизации транспортных средств // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 136–144.
9. Цирит О.А., Татьяна А.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности за ДТП с участием беспилотного автомобиля // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 461–471.
10. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica. 2019. № 2 (147). С. 9–28.
11. Чучаев А.В., Маликов С.В. Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством : состояние и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 117–124.
12. Куфлева В.Н., Соболев Д.В., Фирсов В.В. Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства // Человек : преступление и наказание. 2019. № 3. С. 335–342.
13. Фокин М.С., Рязанов Н.С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86). С. 103–110.
14. Каух П.В., Шишкин Н.Д., Дидковский Е.В. Проблемы правового регулирования использования беспилотных транспортных средств в уголовном праве России // Colloquium-journal. 2019. № 13 (37). С. 184–186.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 мая 2021 г.

On Criminal Responsibility for Damage Caused During the Operation of Highly Automated and Unmanned Vehicles

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 264–270.

DOI: 10.17223/15617793/471/31

Nadezhda V. Tydykova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: academnauka@rambler.ru

Keywords: highly automated vehicles; unmanned vehicles; criminal responsibility.

The author proposes a concept of criminal responsibility for harm caused by the operation of unmanned mobile objects. The scientific methods of cognition (systemic, logical, chronological, comparative legal and formal legal) are the methodological basis of the article. The use of the dialectical method made it possible to give the definition of highly automated vehicles, the operation of which is already being experimentally carried out in the Russian Federation. The aspects of responsibility for harm that may be caused during such exploitation are briefly discussed. The author believes that the modern technical developments are aimed at creating unmanned vehicles. Therefore, in the near future, we should expect them to appear in everyday use. Since the possibility of socially dangerous harm by using such objects is not completely excluded, the author proposes the concept of criminal responsibility in appropriate cases. Applying the method of scientific modeling, it will be possible to attribute criminal responsibility to four groups of subjects: the manufacturer of an unmanned vehicle, the owner of an unmanned vehicle, the entity, authorized by the manufacturer, responsible for maintaining an unmanned vehicle, or another person. Mod-

el situations when responsibility can be assigned to each of these subjects are described. The issue of establishing a cause-and-effect relationship between a specific act of a subject and a socially dangerous consequence has been raised. The author criticizes proposals of adding a number of new special articles on responsibility for harm that may be caused by the operation of unmanned vehicles to the Criminal Code of the Russian Federation. She proves that existing offences are suitable for the qualification of a number of acts. There is a demand by some to clarify the signs or to add qualifying circumstances. Acts not covered by these offences will require the addition of new offences to the Criminal Code of the Russian Federation. The author proposes the term “unmanned mobile objects” to denote unmanned vehicles and justifies its suitability for the text of the criminal law. She argues that, in order to ensure their safe operation, relevant regulatory acts will be required. These acts which will spell out the rules, the violation of which, in the event of socially dangerous consequences, may entail criminal responsibility of different subjects. The conclusion is made about the mandatory blanket nature of the norms that will establish criminal responsibility in the field under consideration. Some rules are named that will be necessary to ensure material grounds for criminal responsibility in the event of socially dangerous harm during the operation of unmanned vehicles.

REFERENCES

1. Vardanyan, A.V. & Andreev, A.S. (2018) Unmanned Aerial Vehicles as a Segment of Digital Technologies in the Criminal and Post-criminal Reality. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (6). pp. 785–794. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794
2. Hendry, M. (2017) In the driver's seat. *Canadian Lawyer*. 27 February. [Online] Available from: <https://www.canadianlawyermag.com/news/general/in-the-drivers-seat/270392>
3. Middlemiss, J. (2018) Driverless cars will clip litigators. *Canadian Lawyer*. 13 March. [Online] Available from: <https://www.canadianlawyermag.com/news/opinion/driverless-cars-will-clip-litigators/274939>
4. Todd, R. & Miller, C. (2018) First Fatal Accident Involving Autonomous Uber Car Raises Novel Legal Issues. *American Lawyer*. 20 March. [Online] Available from: <https://www.law.com/therecorder/2018/03/19/first-fatal-accident-involving-autonomous-uber-car-raises-novel-legal-issues/>
5. Washburn, M. (2018) Spread of Autonomous Vehicle Technology Fosters Opportunities for Lawyers. *American Lawyer*. 6 December. [Online] Available from: <https://www.law.com/americanlawyer/2018/12/06/spread-of-autonomous-vehicle-technology-fosters-opportunities-for-lawyers/>
6. Churilov, A.Yu. (2019) [Liability for harm caused during the operation of an autonomous (unmanned) vehicle]. *Intellectual'nye prava: vyzovy 21-go veka* [Intellectual rights: Challenges of the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 127–132. (In Russian).
7. Churilov, A.Yu. (2019) Otvetstvennost' za vred, prichinenny pri ekspluatatsii bespilotnogo avtomobilya: problemy i perspektivy [Responsibility for harm caused during the operation of an unmanned vehicle: problems and prospects]. *Zakonodatel'stvo*. 6. pp. 17–24.
8. Yakovleva, E.O. (2020) Trends in the development of criminal policy in the era of mass robotization of vehicles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 36. pp. 136–144. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/36/12
9. Tsirit, O.A. & Tat'yanina, A.N. (2019) O nekotorykh voprosakh ugolovnoy otvetstvennosti za DTP s uchastiem bespilotnogo avtomobilya [On some issues of criminal liability for an accident involving an unmanned vehicle]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 4. pp. 461–471.
10. Korobeev, A.I. & Chuchaev, A.I. (2019) Unmanned Vehicles: New Challenges to Public Security. *Lex Russica*. 2 (147). pp. 9–28. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.009-028
11. Chuchaev, A.V. & Malikov, S.V. (2019) Responsibility for Causing Harm by a Highly Automated Vehicle: State and Perspectives. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 6 (103). pp. 117–124. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.117-124
12. Kufleva, V.N., Sobolev, D.V. & Firsov, V.V. (2019) Problemnye aspekty kvalifikatsii prestupleniy s ispol'zovaniem bespilotnogo transportnogo sredstva [Problems in qualifying crimes involving an unmanned vehicle]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 3. pp. 335–342.
13. Fokin, M.S. & Ryazanov, N.S. (2018) Current Issues of Criminal Law Regulation of Wrongful Use of Self-Driving Vehicles. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 1 (86). pp. 103–110. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2018.86.1.103-110
14. Kaukh, P.V., Shishkin, N.D. & Didkovskiy, E.V. (2019) Problemy pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya bespilotnykh transportnykh sredstv v ugolovnom prave Rossii [Problems of legal regulation of the use of unmanned vehicles in the criminal law of Russia]. *Colloquium-journal*. 13 (37). pp. 184–186.

Received: 04 May 2021

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВАКЬЯН Михаил Владимирович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград). E-mail: avakyan1992@gmail.com

АЙЗИКОВА Ирина Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: wand2004@mail.ru

БЕЙСЕБАЕВ Рахат Сансызбаевич – д-р ист. наук, декан кыргызско-китайского факультета Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева (г. Бишкек, Кыргызстан). E-mail: beisebaev.ra@mail.ru

ВИКТОРОВ Андрей Александрович – старший преподаватель института физико-математических наук и информационных технологий Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград). E-mail: andrey_vik@mail.ru

ВЛАСОВА Анна Алексеевна – канд. пед. наук, доцент кафедры развития физического образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: aav@tspu.edu.ru

ВОЕВОДА Елена Владимировна – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: elenavoevoda@yandex.ru

ВОЛЧЕЦКАЯ Татьяна Станиславовна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград). E-mail: larty777@gmail.com

ГАБОВ Андрей Владимирович – член-корреспондент РАН, д-р юрид. наук, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (г. Москва); научный руководитель Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: gabov@igpran.ru / gabov@bsu.edu.ru

ГАЛАЙЧУК Татьяна Валерьевна – старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Томского государственного университета. E-mail: galaichuk2009@yandex.ru

ГИРЕНОК Федор Иванович – д-р филос. наук, зав. кафедрой философской антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: girenok@list.ru

ГРИГОРЕНКО Роман Андреевич – аспирант кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: roman13-grigorenko@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВ Станислав Аркадиевич – старший научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Челябинск). E-mail: stgrig@mail.ru

ЕНГАЛЫЧЕВ Вали Фатехович – д-р психол. наук, профессор кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. E-mail: valiyen@gmail.com

ЖМУРОВ Дмитрий Витальевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права; руководитель проекта «Национальная энциклопедическая служба России» (г. Иркутск). E-mail: zdevraz@ya.ru

ЗАГРЕВСКИЙ Валерий Иннокентьевич – д-р пед. наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (г. Могилев, Белоруссия); профессор кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета. E-mail: zvi@tut.by

ЗАГРЕВСКИЙ Олег Иннокентьевич – д-р пед. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского института физической культуры; профессор кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета. E-mail: O.Zagrevsky@yandex.ru

ЗАЗУЛИНА Мария Рудольфовна – канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: zamashka@yandex.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Валерьевна – ведущий эксперт отдела лингвистических экспертных исследований Московского исследовательского центра. E-mail: deyaldelwer@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

- КАРИН Антон Дмитриевич** – соискатель факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: donfernando.karin@yandex.ru
- КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru
- КОЖЕВНИКОВ Олег Александрович** – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург); профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург). E-mail: jktu1976@yandex.ru
- КОНОВАЛОВ Игорь Анатольевич** – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: konov77@mail.ru
- КОРОБЕЕВ Александр Иванович** – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: akorobeev@rambler.ru
- КОРСУКОВА Олеся Олеговна** – канд. ист. наук, ведущий библиотекарь отдела научно-образовательных информационных ресурсов в библиографии Библиотечно-музейного комплекса Тюменского государственного университета. E-mail: o.o.korsukova@utmn.ru
- КОСЕНКО Татьяна Сергеевна** – канд. филос. наук, зам. руководителя Научного центра Российской академии образования при Новосибирском государственном педагогическом университете. E-mail: tany0879@mail.ru
- КУЛИКОВА Валентина Александровна** – преподаватель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород); младший научный сотрудник кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: tva94@rambler.ru
- КУЛЬМАМЕТЬЕВА Элла Салимчановна** – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Омского государственного педагогического университета. E-mail: kulmameteva68@bk.ru
- МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович** – канд. ист. наук, зав. отделом истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru
- МОРОЗОВ Станислав Вацлавович** – д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: morozov_s@bsu.edu.ru / roland60@mail.ru
- НЕЧКИН Андрей Вадимович** – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург). E-mail: super.nechkin@gmail.com
- НИЯСОВА Неля Сергеевна** – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Омского государственного педагогического университета. E-mail: n-niyasova@yandex.ru
- ОСИПОВА Екатерина Васильевна** – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград). E-mail: EVOsipova@kantiana.ru
- ПАЩЕНКО Лена Григорьевна** – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Нижегородского государственного университета. E-mail: lenanv2008@yandex.ru
- ПЕРСИДСКАЯ Ольга Алексеевна** – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: olga_alekseevna@mail.ru
- ПУШКАРЕНКО Елена Анатольевна** – канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru
- САМСОНОВ Николай Владимирович** – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Ростов-на-Дону). E-mail: nsamsonov@yandex.ru
- СТЕПОВАЯ Валерия Игоревна** – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Томский государственный университет. E-mail: ste8120@mail.ru
- ТЫДЫКОВА Надежда Владимировна** – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: academnauka@rambler.ru
- ЧЕКУШИН Викентий Владимирович** – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: vikesha@bk.ru

ЧЕРВОННЫЙ Михаил Александрович – канд. пед. наук, доцент кафедры развития физического образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: mach@tspu.edu.ru

ЧИКНАВЕРОВА Карине Григорьевна – д-р пед. наук, профессор кафедры английского языка Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: chiknaverova@mail.ru

ШВАЛЕВА Татьяна Владиславовна – канд. пед. наук, доцент кафедры развития физического образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: tshvaleva@yandex.ru

ЯКОВЛЕВА Ирина Владимировна – канд. филос. наук, научный сотрудник Научного центра Российской академии образования при Новосибирском государственном педагогическом университете. E-mail: uhova2005@mail.ru

ЯРКОВА Елена Николаевна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: mimus.lena@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 471. Октябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28.10.2021 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,2. Усл. печ. л. 31,8. Тираж 50 экз.
Заказ № 4917. Цена свободная.

Дата выхода в свет 03.03.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru